

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

11 [1]

1857 Sept.

Pet 27897 d 72

РУССКІЙ ВѢСТІ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^О.

1857

11 [1]

1857 Sept.

Per 27897 d 72

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

—
1857

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 14-го сентября 1857 года.

Ценсоръ *Н. Фоль-Крусс.*

ПИСЬМА

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

I. Отъ практика къ экономисту.

Вы посвятили себя политической экономіи. Какъ не позавидовать вамъ! Вы нашли средство превратить трудъ въ золотой до-сугъ, вы нашли занятіе, «которое никогда не утомляетъ».

«Beschäftigung die nie ermattet».

И Шиллеръ мечталъ о немъ въ своихъ «Идеалахъ», но онъ мечталъ, а вы низводите идеалы на землю.

Не думаете ли вы осчастливить нашу литературу новымъ *опы-томъ* о народномъ богатствѣ? Совѣтую вамъ быть осторожнымъ: опыты экономистовъ у насъ не новость, и читатели едва ли захотятъ подвергнуться имъ еще разъ. Если вы желаете, чтобы ваша книга была прочтена, придумайте, по крайней мѣрѣ, новое заглавіе; содержаніе и обработка труда васъ, конечно, не затруднять. Нашъ просвѣщенный XIX вѣкъ упростилъ до невѣроятности процессъ авторскаго творчества. Пока мы были новичками, мы подражали въ романахъ Жоржъ-Санду, Дюма и Диккенсу, въ учебникахъ — нѣмецкимъ *лербухамъ*; теперь мы уже сбрасываемъ съ себя иноземное иго, и пишемъ съ полнымъ успѣхомъ

оригинальныя повѣсти. Намъ не затрудняютъ болѣе ни выборъ предмета, ни завязка, ни развязка; мы не обрекаемъ дѣйствующихъ лицъ на страданія отъ небывалыхъ болѣзней; мы не отправляемъ ихъ странствовать по свѣту, Богъ вѣсть куда, для того, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, и привести разказъ къ благополучному концу. Домашніе плуты и взяточники создали нашу самостоятельность; мы обязаны имъ возрожденіемъ нашей литературы. Боюсь одного, припоминая себѣ слова Гоголя: «извѣздили добродѣтельнаго человѣка, остались кости да кожа отъ добродѣтельнаго человѣка,»—боюсь, чтобы и съ ними не было того же.

Но, впрочемъ, какъ быть? предметъ такъ заманчивъ, продѣлки взяточниковъ такъ богаты интригою; въ развязкахъ столько драматизма, и драматизма истиннаго, неподдѣльнаго; въ признаніяхъ чиновныхъ плутовъ такая наивность... Не правда ли, что грѣшно было бы промѣнять этотъ богатый литературный типъ на прежняго добродѣтельнаго человѣка, или на непонятыхъ героевъ и героинь, порывающихся въ неизмѣримую высоту на крыльяхъ, общипанныхъ судьбою и людьми, или наконецъ на тѣ влюбленные четы, которыя «томятся страстью безнадежной» и приводятъ въ отчаяніе не однихъ родителей и опекуновъ, но даже супруговъ, узнающихъ иногда въ четѣ свою половину?

Въ повѣсти мы успѣли сдѣлаться самобытными, остается наука... Въ ней мы продолжаемъ еще подражать и подходимъ нерѣдко такъ близко къ иностраннымъ оригиналамъ, что нѣкоторыя изъ нашихъ произведеній бываютъ не менѣе англійскими или нѣмецкими, чѣмъ самые подлинники, вдохновившіе нашихъ ученыхъ. А между тѣмъ ничего не стоило бы выйдти на свою дорогу, тѣмъ болѣе что, по вашему мнѣнію, въ наукѣ не можетъ быть рѣчи о народности, что истина одна—общечеловѣческая, что задача самобытности состоитъ только въ томъ, чтобы написать иначе о дѣлѣ всѣмъ давно извѣстномъ. Итакъ придумайте только, вмѣсто «опыта о народномъ богатствѣ», другое болѣе счастливое названіе, изберите обозначенія для отдѣльных главъ, напримѣръ: богатство, благосостояніе, трудъ, капиталъ, природа, и пр., и пр.; напишите о каждомъ предметѣ, чтò придетъ вамъ въ голову (только не кладите передъ собою ни Рау, ни Джона Стюарта Милля, для избѣжанія роковаго соблазна); затѣмъ размѣстите ваши статьи въ новомъ, небываломъ порядкѣ,

и, я ручаюсь вамъ, слава остроумнаго, проницательнаго и оригинальнаго экономиста навсегда останется за вами.

Не будьте только слишкомъ робки, не стѣсняйтесь выборомъ системы, пустотою научныхъ отвлеченностей, шаткостію началъ и незнакомствомъ съ дѣйствительностію — все это мелочи, не стѣющія просвѣщеннаго вниманія вашего. Въ наукѣ вы имѣете дѣло съ *законами*, которымъ вы подчиняете все существующее. Ладить ли съ ними природа, или нѣтъ—это ея дѣло.

Система, безъ сомнѣнія, должна быть своя. Но неужели такъ трудно выработать ее изъ началъ ума? Вѣдь Сэй былъ великій систематикъ, не правда ли? До него (это ваше мнѣніе, гг. экономисты!) былъ хаосъ свѣтлыхъ мыслей, которыя никакъ не хотѣли подчиниться симметріи. Сэй раздѣлилъ все содержаніе предмета на производство, распредѣленіе и потребленіе богатствъ, и такимъ образомъ разрѣшилъ задачу. Повидимому, другимъ осталось только списывать. Успокойтесь, откройте «*Полный курсъ практической политической экономіи*», и вы увидите, что вамъ нечего опасаться скромной обязанности списывателя. Великій Сэй говоритъ сперва о примѣненіи началъ науки къ земледѣлію, мануфактурамъ и пр., а затѣмъ уже о самыхъ началахъ, сперва о торговлѣ, а потомъ о мнѣн. Вы смѣло и съ полнымъ правомъ можете принять другой порядокъ въ своей книгѣ, и передѣлать его до малѣйшихъ подробностей во второмъ изданіи, если первое найдетъ покупателей. Политическая экономія говоритъ о всякой всячинѣ, и о сахарныхъ плантаціяхъ, и о войскѣ, и о народномъ образованіи; поэтому вы можете избрать ту систему, которая вамъ придется наиболѣе по душѣ. Наука ваша похожа на стихи, которые можно читать не только сверху внизъ, но и наоборотъ, не ослабляя нисколько художественнаго впечатлѣнія, производимаго цѣлымъ; это слѣдствіе ея всеобъемлющаго содержанія.

Я сказалъ далѣе: не стѣсняйтесь пустотою научныхъ отвлеченностей; прикрасьте ихъ только философскими воззрѣніями, и вы поразите толпу вашимъ рѣдкимъ глубокомысліемъ. Скажите горшечнику, что ему нужно для производства: *трудъ*—его руки, *капиталъ*—станокъ, *природа*—глина; скажите, что въ цѣнѣ его произведеній заключаются: заработная плата, процентъ и рента. Онъ изумится и спроситъ себя: какимъ образомъ онъ

занимался своимъ промысломъ и продавалъ посуду, не зная такой великой науки? Изъ дѣятеля, руководимаго слѣпымъ инстинктомъ, вы превратите его въ разумнаго, сознательнаго производителя, который впервые пойметъ, что ему дѣйствительно нужны руки, станокъ и глина, и что товаръ нельзя отдавать за одну изъ составныхъ частей его цѣны. Великія истины, не правда ли?

Не стѣсняйтесь, наконецъ, уроками практической жизни, создайте для себя особый міръ, придумайте для него движущія силы и законы, затѣмъ объявите, что все это обязательно для насъ бѣдныхъ смертныхъ, и задача ваша исполнена, цѣль достигнута.

Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы скучать надъ рѣшеніемъ практическихъ вопросовъ, касающихся земледѣлія, обрабатывающей промышленности, торговли, банковъ, путей сообщенія, и пр., не лучше ли выдумать идеальное хозяйственное устройство и назвать его организмомъ, созданнымъ природою, безъ всякаго участія нашей воли? Вмѣсто того, чтобы ломать голову, соображать, какъ устроить благо ближняго, не спокойнѣе ли признать главными двигателями хозяйственными частный интересъ и знаменитое *laissez faire*? Экономисты говорятъ: «Оставьте все на произволъ случая, дайте полный просторъ обнаруженію частныхъ интересовъ, держитесь великаго правила ничего недѣланія, и вы увидите, что все устроится само собою, и такъ хорошо, какъ только можно желать. Не слушайте практиковъ, людей незнакомыхъ съ наукою, которые могутъ возразить, что своекорыстіе безнравственно, что частные интересы, оставленные на произволъ судьбы, представляютъ намъ печальную картину бесполезной траты силъ, борьбы и разоренія однихъ людей другими,—политическая экономія вѣдъ доказала давно, что частные интересы сливаются въ интересъ общественный, что отъ нихъ истекаетъ все доброе и благое на землѣ. То, что вы дѣлаете для себя, вы дѣлаете для всѣхъ другихъ, независимо отъ вашихъ нажвреній и цѣлей: вы кушаете для утоленія своего голода, и кормите этимъ своихъ голодныхъ братьевъ; вы проживаете свои доходы, и распространяете благосостояніе; вы копите для себя капиталъ въ кредитныхъ установленіяхъ и обогащаете ближняго.»

Удивительная наука! Какъ дивны должны быть законы, по ко-

торымъ совершаются такія необыкновенныя явленія! Но укажите ихъ, откройте! Сколько мнѣ извѣстно, политико-экономическіе законы оставались доселѣ чѣмъ-то таинственнымъ. Объ нихъ толковали во введеніяхъ къ разнымъ «началамъ», «опытамъ», «основаніямъ» и т. п.; но только не въ самыхъ книгахъ: тамъ ихъ нѣтъ, за то я готовъ поручиться. Попробуйте связать въ одно цѣлое великія истины вашей науки, освободите ее отъ парадоксовъ, укажите на вѣчные, неизмѣнные экономическіе законы, о которыхъ говорятъ такъ много и такъ темно, и экономическое безсмертіе навсегда останется за вами.

Въ заключеніе предоставляю вамъ рѣшить самимъ, какую кару заслуживаетъ дерзкій невѣжда, который осмѣливается сказать: ваши теоріи отуманиваютъ здравый смыслъ своимъ мнимымъ глубокомысліемъ; это булавочныя головки, безъ заостренной проволоки, какъ прекрасно выразился Листъ; это зданія, основанія которыхъ покоятся на облакахъ (*un édifice dont les bases se dissipent dans les airs*, какъ сказалъ Сисмонди); это... но зачѣмъ продолжать сравненія? Жизнь всегда была обличительницею политико-экономическихъ системъ; въ жизни всегда приходилось или наукѣ отказываться отъ своихъ началъ, или человѣку расплачиваться за эти начала дорогою цѣной.

Не правда ли, что говорить такимъ образомъ, или даже позволять себѣ думать о чемъ-либо подобномъ, составляетъ тяжкое преступленіе, стблщее того, чтобы виновный былъ, по крайней мѣрѣ, забросанъ чернильною грязью, на которую такъ щедра наша современная журналистика?

II. Отъ экономиста къ практику.

Благодарю васъ за добрые совѣты, за теорію составленія учебныхъ книгъ и за практической образчикъ примѣненія этой теоріи, представленный вами въ полемикѣ противъ политической экономіи.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ легко было набрать темы для вашей филиппики! Система, пустота научной отвлеченности, незнаніе дѣйствительности, идеальный хозяйственный порядокъ, частный

интересъ, laissez faire, экономическіе законы... Затѣмъ стоило только посвятить каждой темѣ нѣсколько воинственныхъ строкъ, для того чтобы уничтожить и науку и ея представителей. Въ-сто того, чтобы читать и изучать многотомныя сочиненія, и на основаніи ихъ произносить свой приговоръ, вы рассуждаете о частномъ интересѣ и о соперничествѣ, такъ же точно, какъ толковали нѣкогда о неподвижности Востока, или о романтизмѣ среднихъ вѣковъ. Съ небольшимъ запасомъ *священнаго огня*, въ нѣсколько мгновеній, вы обратили въ прахъ мудрость цѣлыхъ столѣтій...

Вы доказали, что въ политической экономіи не можетъ быть системы, потому что она, подобно химіи, говорить о самыхъ разнородныхъ предметахъ, потому что каждый излагаетъ науку по своему плану, потому что Сэй неудачно распредѣлилъ содержаніе своего курса. А вамъ хотѣлось бы, чтобы наука имѣла систему вѣчную, неизмѣнную, явившуюся въ свѣтъ съ клеймомъ, свидѣтельствующимъ о ея превосходствѣ,—mit dem Stempel der Vortrefflichkeit, какъ выразился Гофманъ, въ одной изъ своихъ сказокъ, о трагедіяхъ какого-то господина. И въ самомъ дѣлѣ досадно, что нѣтъ такой непогрѣшительной книги, на которую можно было бы окончательно положиться, или, говоря иначе, на которой можно было бы остановиться однажды навсегда. Все идетъ впередъ: одни собираютъ новыя данныя, другіе озаряютъ ихъ свѣтомъ новой истины, и человѣкъ безпощадно ломаетъ зданіе старой науки!... Не правда ли, это нестерпимо? Въ-сто того чтобы придерживаться непогрѣшительной книги экономическихъ судебъ рода человѣческаго, или, пожалуй, въ-сто того, чтобы вставлять въ нее изрѣдка новый листокъ, приходится все передѣлывать, все переучивать сначала. Лучше уже ничего не знать, кромѣ практики.

Но ни теорія, ни практика не уполномочиваютъ васъ на силлогизмъ, которымъ вы поразили экономистовъ въ лицѣ Сэя.

Сэй придумалъ хорошую систему.

Но онъ не вѣренъ ей въ своемъ курсѣ.

Слѣдовательно, въ политической экономіи не можетъ быть системы.

Противъ такой логики я безоруженъ.

Вы совѣтуете не стѣсняться пустотою научной отвлеченности,

и находите ее въ азбукѣ политической экономіи, въ анализѣ производительныхъ силъ. Кто могъ бы подумать, что такія простыя понятія, какъ трудъ, капиталъ и природа, заслужать у васъ громкое названіе философскихъ воззрѣній! Безъ сомнѣнія, азбука полезна только для грамотнаго, но тотъ, кто захочетъ читать, безъ нея не обойдется; ручаетесь ли вы за горшечника, что онъ пожелаетъ навсегда остаться при своемъ скромномъ невѣдѣніи?

Тысячелѣтія кровообращеніе совершалось въ нашихъ жилахъ, хотя мы не знали физиологіи, слѣдуетъ ли изъ этого, что физиологія бесполезна? Тысячелѣтія трудъ и капиталъ дѣйствовали въ общественномъ организмѣ, пока наконецъ наступила пора для знанія и для разумной дѣятельности. Что если горшечникъ измѣнить вамъ? что если новоизобрѣтенная машина замѣнить его ручной станокъ, понизитъ въ нѣсколько разъ цѣны его глиняныхъ издѣлій и заставитъ поразмыслить о значеніи производительныхъ силъ, о формахъ хозяйственнаго порядка? Что если вашъ производитель, руководствуясь началами науки, задумаетъ, вмѣстѣ съ своими собратіями по ремеслу, основать товарищество, воспользоваться кредитомъ и положить основаніе предпріятію въ большихъ размѣрахъ, для того чтобы устранить бесплодную борьбу труда съ даровыми силами природы? Что если результатъ оправдаетъ экономистовъ, и вашъ промышленникъ, сдѣлавшійся изъ мелкаго ремесленника достаточнымъ фабрикантомъ, приметъ ихъ сторону? Спѣшите къ нему на помощь, увѣрьте его, что безъ науки дѣло пошло бы лучше, что практика и смелость гораздо выше теоріи, какъ бы полно ни охватывала она жизнь, приводя къ разумному пониманію послѣдней. Спѣшите увѣрить его, пока онъ еще не образованъ, пока онъ еще можетъ вѣрить вамъ, если вы поклонитесь ему по-мусульмански «бородою пророка!» Время дорого. Скажите ему, что вся мудрость грамотныхъ людей заключается не въ книгахъ, но въ а, б, в, въ каракуляхъ и звукахъ, не имѣющихъ смысла. Спѣшите служить дѣлу образованности, успѣхъ можетъ быть и на вашей сторонѣ.

Но вы недовольны этимъ счастливымъ положеніемъ, вамъ мало имѣть послѣдователей въ массѣ, вы обращаетесь къ образованному классу и стараетесь испугать его идеальнымъ порядкомъ, придуманнымъ экономистами. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь все погиб-

нетъ, если эти господа вздумаютъ ломать созданное вѣками, ради своего завѣтнаго идеала, и вздумаютъ водворять принципъ ничего недѣланія. Чѣмъ заняться тогда великимъ творцамъ проектовъ, вдохновеннымъ практическою мудростію? Чтоъ станется съ нравственностію, говорю я, если двигателемъ человѣческихъ поступковъ сдѣлается частный интересъ?

А между тѣмъ этотъ идеальный порядокъ, внушающій вамъ столько опасеній за благоденствіе рода человѣческаго, не что иное какъ правильныя отправления, водворяющіяся въ организмъ общественномъ подъ вліяніемъ экономической гигіены. Конечно, практики, принимающіе на себя трудную обязанность общественныхъ медиковъ, при распространеніи здоровыхъ хозяйственныхъ понятій, могутъ остаться безъ дѣла, но хуже ли будетъ пациенту? Вы пугаете воображеніе непосвященныхъ словами «идеальное устройство», между тѣмъ какъ, по понятіямъ современнымъ, *естественный порядокъ вещей* составляетъ не придуманную форму общежитія, а отношенія, уже существующія, но только очищенные отъ извѣстной доли неправды, на сколько это позволяетъ историческое развитіе народа.

Экономическая гигіена, подобно медицинской, предполагаетъ извѣстную степень *laissez faire*. Государство не можетъ сберечь васъ отъ простуды, отъ неумѣренности, и проч. Принимая общія мѣры, охраняющія здоровье, оно представляетъ самому народонаселенію заботу о томъ, чтоъ полезно для него; потому что признаетъ въ немъ способность руководствоваться разумомъ и волею. Уничтожьте право свободной дѣятельности въ сферѣ частнаго хозяйства, и вы превратите общество въ машину, сохраняя за собою завидную роль механика!

какъ не пожалѣть о человѣчествѣ, которое не обратилось къ практикамъ, и вмѣсто того чтобы думать и заботиться о себѣ, не поручило имъ этой работы! Но виноваты ли экономисты, что все зло заключается въ нашей природѣ, и въ ея стремленіи къ самодѣятельности? Если же они въ чемъ-либо виноваты, то, безъ сомнѣнія, въ томъ, что *laissez faire*, вмѣсто ничего-недѣланія, выражаетъ собою мысль о многодѣланіи, какъ показываетъ самое значеніе словъ: «предоставьте дѣлать (то-есть пусть каждый исполняетъ свое дѣло, пусть каждый трудится и для себя, и для другихъ), не поселяйте въ обществѣ гибельнаго убѣжденія,

что есть какой-то гений, который бодрствует надъ всѣми, и трудится за всѣхъ, позволяя людямъ предаться золотому досугу.»

Впрочемъ, laissez faire только одно изъ роковыхъ золь, властвующихъ на землѣ; другое, болѣе ужасное, это, видите ли, частный интересъ. Какое безнравственное начало! Человѣкъ хочетъ трудиться для себя и для своего семейства, вмѣсто того чтобы безкорыстно работать для постороннихъ! Какое отвратительное своекорыстіе! И вообразите: несчастный, который впрочемъ избираетъ самыя честныя средства для пріобрѣтенія, осмѣливается думать, что трудъ его полезенъ для общества! Съ своей стороны, экономисты не только не искореняютъ этого гибельнаго предрасудка, но открыто, явно проповѣдываютъ его!... Да! они говорятъ, что человѣкъ, который работаетъ для того, чтобы утолить свой голодъ, одѣться и удовлетворить прочимъ своимъ потребностямъ, трудится и для себя, и для общества, потому что, заботясь о своихъ нуждахъ, онъ производитъ предметы потребления, необходимые для другихъ людей, и получаетъ отъ нихъ путемъ обмена выработанное ихъ трудомъ. То, что онъ дѣлаетъ для ближнихъ, ближніе дѣлаютъ для него. Не досадно ли, что взаимность достигается своекорыстіемъ частныхъ интересовъ, желаніемъ удовлетворить своимъ потребностямъ собственными силами? Не досадно ли, что пріобрѣтеніе честнымъ трудомъ составляетъ условіе для дѣятельности нравственной, — что мы ничего не могли бы сдѣлать для другихъ, еслибы ничего не имѣли сами?

Нельзя не пожалѣть также и о томъ, что капиталы, сберегаемые въ кредитныхъ установленіяхъ, подъ влияніемъ того же презрѣннаго своекорыстія, обеспечиваютъ существованіе человѣка подъ старость, помогаютъ ему воспитывать дѣтей, содержать свое семейство, дѣлать добро. Не досадно ли, что капиталы, розданные въ ссуду изъ кредитныхъ установленій, становятся основой промышленныхъ предпріятій, оживляющихъ народную дѣятельность, источникомъ доходовъ, частныхъ и государственныхъ?

Все это неоспоримыя истины, и вы сами изложили ихъ, только немного замысловато и не совсѣмъ точно. Вамъ слѣдовало бы выразиться: когда вы трудитесь для утоленія своего голода, то вы трудитесь для того, чтобы кормить, одѣвать, или удовлетво-

рять другимъ потребностямъ вашихъ братій; когда вы берегаете для себя, то вы берегаете и для другихъ.

Согласитесь, что такіа чудеса (говорю чудеса, потому что вы считали дѣло невѣроятнымъ) не могутъ происходить случайно. Но я представлю вамъ другія доказательства существованія экономическихъ законовъ, тѣмъ болѣе, что вы сами дѣлаете мнѣ вызовъ—связать въ одно цѣлое великіа истины науки.

Природѣ челоуѣка свойственны потребности вещественныя и духовныя, которыя требуютъ средствъ для своего удовлетворенія. Средства эти образуются производительными силами, трудомъ и природою, которыя сообщаютъ имъ особыя свойства: полезность и цѣнность. Дѣятельность производительныхъ силъ представляется намъ въ видѣ раздѣленія занятій; изъ раздѣленія занятій возникаетъ мѣна; при мѣнѣ образуется соперничество, происходитъ оцѣнка промѣниваемаго, и являются деньги, орудіе мѣны; наконецъ, мѣною достигается распредѣленіе доходовъ, для удовлетворенія потребностямъ и для дальнѣйшаго производства.

Всѣ эти части науки составляютъ звенья одной непрерывной, смыкающейся цѣпи. Каждое явленіе имѣетъ характеръ необходимости; потребности составляютъ *необходимую* принадлежность нашей природы; средства—*необходимое* условіе для удовлетворенія потребностямъ; производительныя силы—*необходимыя* орудія, для образованія средствъ; раздѣленіе труда — *необходимую* форму обнаруженія производительныхъ силъ и т. д. Но гдѣ царствуетъ необходимость, тамъ есть порядокъ природы, тамъ есть законы, которыми держится этотъ порядокъ.

Въ заключеніе вы говорите объ опасностяхъ, которыя грозятъ учить экономистовъ въ несостоятельности, какъ будто бы вы не замѣчаете, кому первому придется очищаться отъ чернильныхъ пятенъ полемики? Попросту, вамъ страшно за авторитетъ великихъ практиковъ, которые своимъ умомъ доходятъ до всего; вамъ прискорбно видѣть испорченность молодаго поколѣнія.

Молодость, молодость! во время оной, она предоставляла практикамъ судить и ридить безъ апелляціи, сама же ломала деревянныя копыя и собственныя ребра изъ-за улыбки прекрасной; полная силы и отваги, она становилась въ ряды *condottieri* среднихъ вѣковъ, искала добычи и славы, а теперь среди сумерекъ весенней ночи, вызывающей грезы любви, она зажигаетъ лампу

и брать перо для того, чтобы доказывать суровому опыту, что без науки онъ ходитъ въ потемкахъ, что наука даетъ свѣтлое пониманіе жизни, и проч., и проч. Молодость испорчена мнимымъ просвѣщеніемъ XIX вѣка; испорченность дошла до того, что нѣкоторые не щадятъ даже патентованныхъ ученыхъ и, обличая невѣжество двадцатипятилѣтнихъ безпорочныхъ авторитетовъ, говорятъ имъ прямо въ глаза: «Что слава? Дымъ!»

III. Отъ практика къ экономисту.

Содержаніе! содержаніе политической экономіи! Вездѣ необходимость, стройный порядокъ... Даже всѣ частные интересы примирились между собою. Но оставимъ это мнимое примиреніе, и обратимся къ звеньямъ непрерывной и смыкающейся политико-экономической цѣпи.

Содержаніе науки—легко сказать! Но разберите его, и скажите, заслуживаетъ ли оно это названіе.

Потребности, о которыхъ вы говорите, мимолетны и неуловимы; онѣ мѣняются ежедневно, подъ вліяніемъ тысячи непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, потому что существенныхъ мало, а воображаемыхъ множество. Потребности человѣка то же, что капризы женщины: въ минуту удовлетворенія, онѣ рождаютъ недовольство и вызываютъ новыя желанія; сколько мнѣ извѣстно, никто изъ экономистовъ не рѣшался испытать своихъ силъ надъ этимъ содержаніемъ, и потому именно, что оно неуловимо.

Средства для удовлетворенія потребностямъ, если только вы даете имъ обширный, неопредѣленный объемъ, не исключая и тѣхъ, которыя служатъ для доставленія намъ наслажденій умственныхъ, эстетическихъ и т. д., раздѣляютъ судьбу потребностей. Экономисты чувствовали это: они говорили о пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, о предметахъ вещественныхъ, и боялись выйти изъ тѣснаго опредѣленнаго круга изслѣдованій.

Силы производительныя доселѣ остаются загадкою. Экономисты противорѣчили другъ другу: они то увѣряли, что все производитъ земля, то разувѣряли и доказывали, что все произво-

дѣть трудъ, то отрицали производительность труда человѣческаго и утверждали, что главный дѣятель — силы природы, управляемая человѣкомъ.

Наконецъ, производство совершило свое дѣло, явились произведенія. Наука стала разбирать ихъ природу, ихъ признаки, и нашла въ нихъ два свойства: *полезность* и *цѣнность*. О полезности споровъ было мало; но о цѣнности, Боже мой!... Можно было бы составить цѣлыя книги изъ толкованій, которыя пролили такъ много тѣмы на самые простые житейскіе вопросы.

Что такое цѣнность? За отвѣтомъ дѣло не станетъ; но сотый понимаетъ ясно и отчетливо въ чемъ дѣло. Большинство принимаетъ чужія слова на вѣру, это легко и просто. Цѣнность, говорятъ одни, является тогда, когда мы мѣняемся *полезностями* (то-есть произведеніями), сравниваемъ ихъ, оцѣниваемъ; слѣдовательно: цѣнность есть отношеніе, источникъ ея заключается въ полезности вещей. Цѣнность, говорятъ другіе, это-способность вещи быть предметомъ мѣны,—способность, существующая въ предметѣ, который не можетъ быть пріобрѣтенъ даромъ. Цѣнность, говорятъ третьи, есть отношеніе промѣняемыхъ услугъ. Я останавливаюсь, хотя бы могъ протянуть еще долго перечень различныхъ опредѣленій.

Скажите, лучше ли послѣэтого понимаемъ мы природу средствъ, служащихъ для удовлетворенія потребностямъ? И когда подобный наборъ словъ, выдаютъ за содержаніе политической экономіи, тогда мнѣ становится какъ-то не ловко: я не знаю, о чемъ именно говорятъ, а кажется дѣло идетъ о предметахъ, очень близкихъ и знакомыхъ для насъ.

Человѣкъ практическій не станетъ тратить времени на разсужденія о цѣнности; онъ позаботится объ устройствѣ блага и счастья людей; и если у него нѣтъ призванія къ дѣятельности высшей, то онъ предпочтетъ вашимъ туманнымъ теоріямъ переписку конторскихъ счетовъ, или занятіе ремесломъ, потому что онъ будетъ чувствовать себя полезнымъ членомъ общества, связаннымъ съ его живыми интересами и высказывающимъ на дѣлѣ свое уваженіе къ промышленности и труду.

IV. Отъ экономиста къ практику.

Я предпочитаю оставаться въ туманѣ теорій, потому что не считаю себя призваннымъ устраивать судьбу другихъ людей; мнѣ хотѣлось бы, чтобъ они сами умѣли позаботиться о себѣ. Еще менѣе чувствую я въ себѣ призваніе писать купеческіе счета и заниматься ремеслами; я думаю, что изученіе тѣснѣ связываетъ насъ съ живыми интересами людей, чѣмъ разграфленная книга или сшитый фракъ; что можно быть полезнымъ оставаясь теоретикомъ, и что уваженіе къ труду не высказывается пародією и переодѣваніемъ.

Вашъ практическій человекъ опоздалъ немного появленіемъ на свѣтъ. Съ конца XVIII вѣка до половины настоящаго, только и толковали о томъ, какъ бы передѣлать или починить общество. Брались за дѣло теоретики, приводили въ восторгъ, ужасъ и изумленіе колоссальностію своихъ плановъ; брались за дѣло и практики, ломали и созидали безъ всякаго плана. Кто изъ нихъ болѣе содѣйствовалъ отрезвленію умовъ, мы не беремся рѣшить; мы можемъ сказать утвердительно только слѣдующее: съ каждымъ годомъ яснѣе высказывается мысль, что всякое преобразование должно имѣть въ виду не устройство новаго порядка, въ которомъ человекъ нашелъ бы благосостояніе, а упрощеніе стараго и постепенное уничтоженіе въ немъ искусственныхъ пружинъ, которыми пытались замѣнить обнаруженіе естественныхъ силъ.

Повторяю, вашъ практикъ опоздалъ почти цѣлымъ столѣтіемъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка, французская знать сажала своихъ дѣтей за токарные станки и за наковальни, думая образовывать добрыхъ гражданъ и выказать свое уваженіе къ ремесламъ. Вы изъ вражды къ теоріи, совѣтуете сдѣлать почти то же самое... Смотрите, чтобы ваши *полезные люди* не оказались столь же несостоятельными, какъ и предшественники ихъ во Франціи. Когда буря революціи застигла мнимыхъ слесарей и токарей врасплохъ, тогда они, не помышляя о спасеніи отечества, оставили родину на произволъ судьбы и отправились съ своими станками и наковальнями странствовать по Европѣ...

Въ наше время, для того чтобы уважать промыслы и приносить пользу, никто не считаетъ нужнымъ прибѣгать къ нгру-

шечнымъ занятіямъ и дѣлать шутку изъ труда. Если взяться за дѣло, то слѣдуетъ взяться за него серіозно.

Вы не вѣрите въ возможность уловить природу потребностей, и поставить ее предметомъ одного изъ отдѣловъ политической экономіи. Но это потому, что вы не обратили вниманія на всю совокупность потребностей, обнаруживающихся въ обществѣ, и замѣтили только ихъ непостоянство въ отдѣльномъ человѣкѣ. Статистическія таблицы оборотовъ, торговли и потребления, заключающія въ себѣ цифры довольно однообразныя и измѣняющіяся постепенно, указали бы вамъ на постоянство или на послѣдовательность въ измѣненіи нуждъ и вкусовъ цѣлаго народа. Впрочемъ непостоянство потребностей въ отдѣльномъ лицѣ есть явленіе болѣе наружное, чѣмъ внутреннее; въ существѣ своемъ потребности очень просты и немногочисленны, и если мы имѣемъ о нихъ темныя понятія, то это потому, что мы мало изучали человѣка въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Одно несомнѣнно: человѣкъ развивается только тогда, когда въ немъ нѣтъ исключительнаго преобладанія одной потребности надъ другими, и когда всѣ онѣ связаны однимъ высшимъ нравственнымъ стремленіемъ. Кто всего себя исключительно приноситъ въ жертву чувственности, искусству, умственной дѣятельности, тотъ перестаетъ существовать для остальнаго міра; его развитіе останавливается, потому что въ немъ умираетъ человѣкъ. Оттого-то мы стремимся къ полнотѣ бытія, какъ говорятъ поэты, и признаемъ счастливыми тѣхъ, которые умѣютъ держаться середины.

Перейдемъ къ средствамъ, служащимъ для удовлетворенія потребностямъ. Вы замѣчаете, что экономисты старались ограничить свои изслѣдованія имуществомъ, предвидя невозможность совладать съ наукою, если ей придется говорить о нашемъ невещественномъ достояніи. Такъ, но вѣдь это дѣла давно минувшихъ дней! Ученые, ограничивая произвольно область политической экономіи, сами ставили себя въ затруднительное положеніе. Они долго искали выхода въ аналогіи между благами внутренними и благами внѣшними, между вещественнымъ и невещественнымъ богатствомъ; наконецъ попытка Сэя, а въ особенности Бастіа, охарактеризовать тѣ и другія понятіемъ *услуги*—привела къ мысли, что наука наша не имѣетъ дѣла съ

формой, въ которой являются средства, служащія для удовлетворенія потребностямъ, и видитъ въ нихъ одну только полезную работу, выполняемую производительными силами: трудомъ, капиталомъ и природою. Съ точки зрѣнія политической экономіи, производители: земледѣлецъ, артистъ, ученый, производятъ не вещество, не звуки, не образы, не мысли, но полезную работу; потребители потребляютъ не хлѣбъ, не концертъ, не картины, а полезную работу. Вамъ покажется это страннымъ; но мы, экономисты, не имѣемъ дѣла ни съ гастрономическими наслажденіями кухни, ни съ физиологическимъ процессомъ превращенія пищи въ кровь и плоть нашего организма.

Я назвалъ три производительныя силы: природу, трудъ и капиталъ; но главныхъ собственно двѣ: природа и трудъ. Первая, по *существу своему*, даровая; вторая *предполагаетъ* вознагражденіе. Мы цѣнимъ, или говоря иначе, мы приписываемъ цѣнность преимущественно произведеніямъ нашего труда (то-есть принадлежащаго намъ), или выполненной имъ полезной работѣ, потому что добровольно никто не станетъ трудиться даромъ, и образовавшуюся цѣнность мы считаемъ нашею собственностію. Третья производительная сила, капиталъ, заключается въ массѣ накопленной полезной работы, отъ которой зависятъ дальнѣйшіе успѣхи хозяйства. Мы не считаемъ этой силы самостоятельною, потому что она соединяетъ въ себѣ элементъ даровой, сообщенный ей природою, съ элементомъ цѣннымъ, заимствованнымъ преимущественно отъ труда. Вотъ теорія производства и цѣнности во всей ея простотѣ.

Наука приходила къ этимъ истинамъ постепенно. И въ ней былъ свой флогистонъ, какъ въ старой химіи, свой *hottor vacui*, какъ нѣкогда въ физикѣ, пока не сдѣлались извѣстными свойства газовъ и тяжесть воздуха; но вы принимаете все историческое развитіе истины за явленіе современное, устарѣлыя догадки за неопровергнутыя положенія, и потомъ недоумѣваете. Проще всего было бы остановиться на идеѣ въ родѣ той, что природа боится пустаго пространства...

Вы сожалѣете наконецъ о неудачныхъ опредѣленіяхъ цѣнности. Да, грустно видѣть заблужденія людей, искренне стремившихся къ истинѣ, видѣть, какъ они постепенно приближались къ цѣли, какъ расширялся передъ ними горизонтъ зрѣнія, и

какъ, повидимому, такая отвлеченность, какъ понятіе о цѣнности, разъяснила самые важныя практическіе вопросы, относящіеся къ поощренію промышленности, къ споспѣшествованію народному богатству, къ опредѣленію основаній, на которыхъ зиждется собственность.

Грустно подумать, что даже самое торжество надъ соціализмомъ составляетъ достояніе пустыхъ теоретиковъ! И отчего бы этимъ лаврамъ не достаться на долю людей опытныхъ, практическихъ? Жестокая, неумолимая судьба!

V. ОТЬ ПРАКТИКА КЪ ЭКОНОМИСТУ.

Вы не будете пенять на меня, если я не стану спорить съ вами о томъ, ѣдимъ ли мы за обѣдомъ борщъ или полезную работу? пусть даже и полезную работу, если этого хочетъ наука. Но непростительно было бы съ моей стороны не вступаться за тѣ очевидныя истины, которыя не допускаютъ ни ученаго толкованія, ни сомнѣній.

По вашему, природа работаетъ даромъ, и не сообщаетъ цѣнности своимъ произведеніямъ; цѣнностію же измѣряется вознагражденіе, получаемое производителемъ. Если это такъ, то зачѣмъ человѣку искать содѣйствія природы? Для того ли, чтобы доставить ей удовольствіе поработать? Но она и безъ того никогда не бываетъ въ бездѣйствіи. Вы нанимаете мельницу, и соразмѣряете плату съ количествомъ воды и ея паденіемъ. За чѣмъ? За воду вамъ ничего не слѣдуетъ платить: это сила даровая; съ васъ должны требовать только плату за пользованіе капиталомъ, истраченнымъ на постройку. Вы говорите, что ваша теорія убила соціализмъ, установивъ связь между трудомъ, цѣнностію и собственностію, а на повѣрку выходитъ, что она даетъ ему новую жизнь, подрывая общепринятая понятія. Вы рассуждаете такъ, какъ будто бы не существовало ни юристовъ, ни римскаго права, ни Гроція, ни Канта, какъ будто бы намъ первымъ пришлось объяснять происхожденіе собственности.

Существенный видъ собственности, собственность поземель-

ная, происходит вслѣдствіе завладѣнія. Это мнѣніе общепринятое и доказанное; безъ завладѣнія землею нельзя представить себѣ никакой другой собственности. Я не стану распространяться о двоякомъ владѣніи, дѣйствительномъ и воображаемомъ, о томъ, что одно служить дополненіемъ другаго; объ этомъ вы можете прочесть у Канта. Изъ неограниченнаго права собственности возникаютъ всѣ частныя права, съ нею связанныя: владѣніе, пользованіе и распоряженіе, способы отчужденія и пріобрѣтенія, и договоры по имуществамъ.

Вы выводите собственность изъ труда; но какимъ же образомъ земля дѣлается достояніемъ нашимъ безъ завладѣнія? или самое завладѣніе есть тоже трудъ?

Вы называете природу и ея силы даровыми. Это справедливо до тѣхъ поръ, пока никто не пользуется ими. Съ успѣхами образованности и народнаго хозяйства, онѣ присваиваются мало-помалу, и входятъ въ составъ собственности.

У народа дикаго, лѣсъ остается предметомъ безхозяйнымъ, даровымъ; у народа образованнаго онъ дѣлается частію собственности. Вода, воздухъ, свѣтъ солнца, перестаютъ быть даровыми, когда они становятся принадлежностію жилища и хозяйства. За квартиру свѣтлую, въ здоровой части города, вы заплатите дороже, чѣмъ за темную, съ воздухомъ спертымъ и нездоровымъ.

Итакъ, допустивъ даже, что цѣнность и собственность въ извѣстномъ смыслѣ синонимы, мы все-таки найдемъ, что источникъ цѣнности заключается не въ одномъ трудѣ, но также въ силахъ и матеріалахъ природы, присвоенныхъ нами, съ цѣлю обезпечить удовлетвореніе нашимъ потребностямъ. Лѣсъ, выращенный природою, можетъ имѣть цѣнность, такъ ли? Земля не разчищенная, не воздѣланная, не удобренная, можетъ имѣть цѣнность, такъ ли? Скажите, чтоъ станется, послѣ этихъ простыхъ примѣровъ, съ вашею теоріей и ея лаврами?

Мнѣ разказывали анекдотъ, быть-можетъ старый, но въ которомъ очень вѣрно изображены ученые пріемы трехъ различныхъ народовъ. Надо было описать верблюда. Англичанинъ снарядилъ цѣлую экспедицію изъ географовъ, зоологовъ, живописцевъ, и проч., и отправился въ Африку, для того чтобы изучить на мѣстѣ этотъ корабль пустыни. Французъ пошелъ въ Jardin des Plantes и сдѣлалъ легкій очеркъ (croquis). Нѣмецъ

заперся въ кабинетъ и воспроизвелъ образъ верблюда изъ глубины своего внутренняго самосознанія. Не достааетъ Русскаго. Русскій не засядетъ въ кабинетъ, не удовольствуется легкимъ очеркомъ, сдѣланнымъ въ звѣринцѣ, и не снарядитъ цѣлой экспедиціи. Онъ отправится въ пустыню, но безъ груза разныхъ снадобьевъ; онъ выполнитъ свой трудъ безъ математической точности, но рукою смѣлою, вѣрною, и въ сотую долю времени, истраченного другими. Нашъ умъ—умъ практическій, и если мы иногда мало цѣнимъ время, то мы вознаграждаемъ эту трату тѣмъ, что идемъ прямымъ путемъ къ открытію истины. Вы же вдаетесь во всѣ крайности; ваши сужденія напоминаютъ и французскіе очерки, и туманную отвлеченность Нѣмцевъ, и ученыхъ экспедиціи, снаряжаемыя Англичанами. Не только французскіе и нѣмецкіе, но и англійскіе приемы намъ не съ руки: стбитъ ли, какъ говоритъ Т., употреблять паровыя машины для того, чтобы сдвинуть съ мѣста булавку?

VI. Отъ экономиста къ практику.

Вы приписываете мнѣ мысли, которыхъ я не думалъ высказывать,—именно, во первыхъ, что мѣра вознагражденія, получаемого производителемъ, измѣряется одною цѣнностію, и во вторыхъ, что за пользованіе силами природы никогда ничего не платятъ, и что одинъ трудъ сообщаетъ цѣнность полезной работѣ. На первое я скажу вамъ, что мѣра вознагражденія опредѣляется отчасти итогомъ полезной работы, ежегодно выполняемымъ въ обществѣ, отчасти долею производителя, выдѣляемою изъ этого итога. Величина перваго зависитъ не только отъ массы цѣнной полезной работы, но и отъ количества даровой; величина второй—отъ цѣнности, ежегодно приобрѣтаемой каждымъ отдѣльнымъ лицомъ. Итакъ, для того чтобы доля индивидуума была велика, необходимо, чтобы и общая масса полезной работы была значительна. Положимъ, что эта доля будетъ составлять для Ивана одну милліонную часть всѣхъ произведенныхъ средствъ. Если количество послѣднихъ, образованныхъ въ теченіи года, выраженное какими бы то ни было единицами мѣры или вѣса, только

не цѣнностію денегъ, напримѣръ: пудами хлѣба, сахара, кофе, чая, или аршинами полотна, ситца и проч., будетъ равняться 10 милліонамъ, то доходъ Ивана составитъ 10; если оно будетъ равняться 100 милліонамъ, то на долю Ивана достанется 100, слѣдовательно въ десять разъ болѣе, между тѣмъ какъ цѣнность массы полезной работы въ 100 милліоновъ, быть-можетъ, увеличится противъ 10 мил. не въ десять, а только въ два раза, или даже вовсе не увеличится; потому что обиліе произведеній и ихъ дешевизна будутъ результатомъ одной даровой дѣятельности природы, а общество останется изолированнымъ. Согласитесь: не стоило ли заставить работать природу для того, чтобъ имѣть въ десять разъ болѣе всѣхъ предметовъ потребленія, хотя бы пришлось довольствоваться попрежнему одною милліонною частію произведеннаго? Или, быть-можетъ, $\frac{2}{1,000,000}$ изъ 10 милліоновъ для васъ лучше, чѣмъ $\frac{1}{1,000,000}$ изъ 100 милліоновъ? Еще съ меньшимъ правомъ могли вы сказать, что, по моему мнѣнію, содѣйствіе природы всегда бываетъ даровымъ, и что одинъ трудъ сообщаетъ цѣнность произведеніямъ. Мысли мои далеко не были выражены такъ исключительно. Я сказалъ, что природа, *по существу своему*, есть сила даровая, и что цѣнность происходитъ *главнымъ образомъ* отъ труда.

Такимъ образомъ, говоря о производительныхъ силахъ, я принималъ въ расчетъ средѹ, въ которой онѣ дѣйствуютъ; въ противномъ случаѣ я сказалъ бы просто, что природа работаетъ даромъ, и что цѣнность возникаетъ изъ труда, и я былъ бы правъ. Когда сила дѣйствуетъ въ извѣстной средѣ, она находится подъ вліяніемъ другихъ условій, которыя видоизмѣняютъ ея обнаруженіе.

Физика и механика могутъ вамъ представить много подобныхъ примѣровъ. Сила притяженія дѣйствуетъ пропорціонально массамъ, и земля должна была бы притягивать почти съ равною скоростью пухъ и кусокъ свинца. Выходитъ наоборотъ, пухъ долго летаетъ, прежде чѣмъ упадетъ на землю (то-есть будетъ притянута ею), свинецъ падаетъ стремительно. Значитъ ли, что законъ тяготѣнія несправедливъ? Нѣтъ! мнимое уклоненіе происходитъ отъ свойства среды, въ которой находятся падающія тѣла. Измѣрьте силу, заключающуюся въ извѣстной массѣ падающей воды, примѣните это паденіе къ движенію мельничнаго колеса, —

вы найдете, что сила, которою вы можете располагать, менѣ той, которую вамъ дано вычисленіе: значить ли, что расчетъ вашъ былъ не вѣренъ? Нимало! Онъ относился только къ силѣ, заключающейся въ паденіи воды, и не бралъ во вниманіе потерь, которыя могутъ происходить отъ дурнаго механизма колесъ.

То же самое бываетъ съ дѣтелями экономическими, природою и трудомъ.

Въ мельницѣ, о которой вы говорите, вода работаетъ даромъ. *Кто-нибудь* ничего не платитъ за пользованіе этою силой природы. Положимъ, что это даровое содѣйствіе досталось на долю перваго владѣльца, и что всѣмъ прочимъ пришлось платить за работу воды. Думаете ли вы, что они не сдѣлаются участниками въ обладаніи даровою полезностію, и что доля ихъ не будетъ возрастать непрерывно?

Примѣръ покажетъ это яснѣе. Если за наемъ паденія воды, которымъ можно смолоть въ день 18 четвертей зерна, приходится заплатить 750 руб. въ годъ, или 3 руб. въ день, считая по 250 рабочихъ дней въ году, между тѣмъ какъ, обращая то же количество зерна въ муку безъ содѣйствія силы природы, то-есть на ручныхъ мельницахъ, нужно употребить 150 дней работы человеческой, стоящей по 20 коп. въ день, или издержать 30 руб.; то очевидно, что сбереженіе 27 рублей представить собою даровую полезную работу, доставшуюся на долю общества. Вы не станете отрицать, что потребители получаютъ съ водяныхъ мельницъ болѣе дешевую муку (иначе, чѣмъ мѣшало бы остаться при прежнихъ ручныхъ?), но вы спросите, по какому праву владѣлецъ дѣлаетъ даровую силу источникомъ цѣнности и дохода въ 750 рублей? Впервыхъ, по праву производителя, который примѣнилъ силу природы къ производству; вовторыхъ, по праву естественной необходимости, вслѣдствіе неумѣнія людей пользоваться другими двигателями болѣе общедоступными и могущественными: паромъ, электричествомъ и проч.

Но такое положеніе вещей не долговѣчно. Успѣхи промышленности, народнаго богатства и образованія содѣйствуютъ устройству новыхъ мельницъ, вѣтряныхъ, водяныхъ, паровыхъ, вызываютъ соперничество между собственниками и понижаютъ постепенно плату за даровыя силы до величины ничтожной, оставляя наконецъ одну плату за трудъ. Такимъ образомъ, если нѣтъ

закономъ установленной монополіи, запрещающей другимъ пользоваться силами природы, паромъ, вѣтромъ, существующими и неупотребленными въ дѣло паденіями воды; то выгоды, извлекаемыя при пользованіи естественными силами, составляютъ скорѣе премію, которая назначается какъ изобрѣтателямъ, содѣйствовавшимъ освобожденію труда, такъ и ихъ соперникамъ, обратившимъ даровую дѣятельность въ достойное потребленія. Такое разумное основаніе для временной платы за дѣятелей природы, не служитъ ли болѣе надежнымъ опроверженіемъ соціальныхъ лжеученій, чѣмъ отвѣты практиковъ, состоящіе въ возгласахъ противъ разрушителей общественнаго порядка. Если вы хотите доказать необходимость и законность (*légitimité*) существующаго, то не довольствуйтесь словами: *такъ было и такъ должно быть*; представьте доказательства и убѣдите невѣрующіихъ, что иначе не могло и не можетъ быть.

Итакъ, въ человѣческихъ обществахъ существуетъ порядокъ, который увеличиваетъ даровую дѣятельность, обращая выполненную ею полезную работу въ общее достояніе, и поставяетъ образованіе цѣнности въ зависимость отъ труда, полагая тѣмъ самымъ неизбежное основаніе собственности. Предметъ этотъ такъ важенъ, что я рѣшаюсь поговорить о немъ подробнѣе.

При всей враждѣ къ теоріямъ, вы высказываете сочувствіе къ старымъ теоретикамъ, и спрашиваете съ удивленіемъ: неужели экономистамъ пришлось объяснять происхожденіе собственности?

На этотъ вопросъ я отвѣчаю утвердительно *да*.

Народы, у которыхъ гражданскія установленія образовались подъ вліяніемъ завоеванія, принимали за юридическій принципъ, что завладѣніе составляетъ отличительную черту происхожденія поземельной собственности. Этотъ же взглядъ утвердился и въ государствахъ, которыя образовались въ предѣлахъ распавшейся Римской имперіи. Прошли вѣка, приобрѣтенное мечомъ получило освященіе труда, а старыя начала права все еще пользуются значеніемъ несомнѣнной истины...

Хотя англійскіе правоучители, еще въ XVIII вѣкѣ, возставали противъ этихъ ложныхъ, устарѣлыхъ мнѣній, и объясняли происхожденіе и сущность собственности трудомъ; но и до настоящаго времени мы слышимъ толки о томъ, что завладѣніе было первоначальнымъ способомъ приобрѣтенія, и что дальнѣйшіе спо-

собы состоятъ въ уступкѣ по договору, въ дареніи, въ наслѣдствѣ и проч.

Такимъ образомъ собственность представлялась какъ что-то существующее само по себѣ, независимо отъ труда человѣческаго; можно завладѣть ею, передать ее другимъ, но произвести ее не возможно.

Ученые долго не могли отличить завладѣнія отъ занятія; завладѣніе опирается на силу, и потому не имѣетъ хозяйственного основанія; это не право, а случайность.

Занятіе составляетъ одно изъ условій для образованія поземельной собственности, и состоитъ въ осѣдлости на участкѣ земли, никому не принадлежащемъ. Занятіе участка совершается впервые тѣмъ, кто соединить съ нимъ извѣстное количество труда.

Этотъ первоначальный трудъ бываетъ обыкновенно направленъ къ охраненію владѣнія, для того чтобы можно было пользоваться находящимися на немъ дарами природы. Племя дикарей застаётъ себя на извѣстной территоріи, и оберегаетъ общими силами свои пустыни и свои лѣса; народъ образованный защищаетъ права собственности учрежденіемъ управленія судебнаго, полицейскаго, и устройствомъ военныхъ силъ, содержимыхъ на счетъ податей, взимаемыхъ съ частныхъ лицъ.

Но поземельная собственность, зависящая отъ первоначальной затраты труда, ничтожна; она имѣетъ незначительную цѣнность. Дальнѣйшее образованіе и возрастаніе ея слѣдуетъ за постепеннымъ соединеніемъ труда съ землею. Мѣста огороженные, удобренные, воздѣланные, засаженные плодовыми деревьями, и пр. получаютъ цѣнность высшую противу пустырей равнаго пространства, и въ итогѣ народнаго богатства имѣютъ несравненно большее значеніе. Впрочемъ, самое сильное и самое очевидное доказательство тождественности поземельной собственности съ трудомъ, связаннымъ съ землею, состоитъ въ томъ, что собственность не есть достояніе, приобрѣтенное однажды навсегда, которое, какъ говорятъ, переходитъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Созданная трудомъ, она непрерывно требуетъ обновленія; оставьте ее нѣсколько десятилѣтій безъ приложенія новыхъ усилій, и вы увидите, что отъ прежняго имущества останутся едва замѣтные слѣды. Собственность едва ли дается

долге, сколько необходимо для поддержанія связи между рождающимися и умирающими поколѣніями.

Теперь рѣшите сами: можно ли понимать право, не имѣя предварительныхъ политико-экономическихъ свѣдѣній? Безъ этого знанія, гражданскіе законы объ имуществахъ, договорахъ, будутъ для васъ мертвою буквою, клинообразною надписью, которую долго умѣли только перечерчивать, не зная какой смыслъ заключается въ ея загадочныхъ чертахъ.

Мнѣ остается опровергнуть еще одну мысль, содержащуюся въ вашемъ письмѣ. Вы говорите, что силы природы, сначала безхозяйныя, становятся мало-по-мало частнымъ достояніемъ, дѣлаются цѣнностію и предметомъ мѣны. Если вы правы, то все, что я сказалъ о собственности, лишено основанія; сущность ея не трудъ человѣка, но самое вещество, и дары природы сохраняютъ свою безмездность до тѣхъ поръ, пока никто не завладѣетъ ими. Перейдемъ къ вашимъ примѣрамъ. Вы спрашиваете: какой трудъ приходится употребить для обращенія лѣса, выращеннаго природою, въ чью-либо собственность? Что сообщаетъ дереву цѣнность? Отвѣтъ не труденъ: лѣсъ, населенный дикарями, не имѣетъ цѣнности, потому что человѣкъ не употребляетъ труда ни для охраненія, ни для расчистки, ни для разведенія деревьевъ. Человѣкъ ограничивается только тѣми усиліями, которыя необходимы для употребленія вѣтвей, листьевъ и хвороста на устройство шалашей или на топливо. Но когда, по мѣрѣ распространенія образованности, человѣкъ начинаетъ строить бревенчатыя избы, рубить дрова, готовить домашнюю утварь, и проч., — лѣсъ получаетъ цѣнность, и получаетъ ее по тому, что для пользованія деревьями необходимъ трудъ охраненія, расчистки, разведенія. Усилія человѣка принадлежатъ ему, онъ хочетъ получать за нихъ вознагражденіе, и лѣсъ входитъ въ составъ собственности. Здѣсь рождается вопросъ: сдѣлался ли, вслѣдствіе образованія собственности, этотъ даръ природы болѣе дорогимъ? Съ тѣхъ поръ, какъ лѣсъ пересталъ быть безхозяйнымъ, уменьшилась ли легкость удовлетворенія потребностей? Сличите, сколько усилій употребляетъ дикарь на то, чтобы защитить себя отъ непогоды въ своемъ жалкомъ шалашѣ, и сколько усилій употребляетъ для достиженія той же цѣли человѣкъ, выросшій въ обществѣ образованномъ, гдѣ существуетъ

собственность, и гдѣ нѣтъ безхозяйныхъ лѣсовъ. Сличите, въ какой степени удовлетворяется потребность въ жилищѣ у одного—постройкою шалаша изъ вѣтвей и листьевъ, и у другаго—прочно устроеннымъ деревяннымъ домомъ? Повидимому не понятно, почему человѣкъ терпитъ нищету среди безхозяйныхъ даровъ природы, и пользуется довольствомъ тамъ, гдѣ все становится собственностію частныхъ лицъ. Это происходитъ отъ того, что силы и произведенія природы, входя въ составъ собственности, вслѣдствіе соединенія съ ними человѣческаго труда, не перестаютъ быть даровыми; но пользованіе ими возрастаетъ, благодаря труду человѣческому. Безмездность зависитъ отъ одного условія: именно, собственность не лишаетъ природы ея даровыхъ свойствъ только тогда, когда она образовалась путемъ естественнаго приобрѣтенія, когда она не опирается на монополію. Соперничество низводитъ цѣнность произведеній до вознагражденія труда; такъ что, съ теченіемъ времени, потребитель не платитъ ничего за вещество и за силы природы. Равнымъ образомъ воздухъ и свѣтъ солнца, за которые, по вашимъ словамъ, платятъ, когда они сдѣлаются принадлежностію жилища, не перестаютъ быть даровыми, потому что плата слѣдуетъ за усилія, употребленныя человѣкомъ для пользованія тѣми и другими. Несмотря на безмездность лѣснаго воздуха и дневнаго свѣта, дикарь живетъ среди смрада, дыма и темноты. Какое различіе между воздухомъ и свѣтомъ въ его шалашѣ и въ избѣ зажиточнаго поселянина!

Въ заключеніе вы упрекаете меня въ томъ, что я будто бы употребляю паровыя машины для того, чтобы сдвинуть съ мѣста булавку. Но булавка, о которой вы говорите, — это тѣ вѣковыя предразсудки, съ которыми намъ предстоитъ еще выдержать продолжительную борьбу. Посвятимъ этому великому дѣлу всѣ наши силы, не забывая, что въ духѣ Русскаго человѣка есть живая впечатлительность Француза, практическій толкъ Англичанина, логика мысли Германца, но есть также и большая доля привязанности къ рутинѣ, небрежности въ выполненіи дѣла, предразсудковъ и заблужденій, отъ которыхъ намъ пора бы освободиться.

VII. ОТЪ ПРАКТИКА КЪ ЭКОНОМИСТУ.

Вы всё, гг. ученые и экономисты, страдаете однимъ общимъ недугомъ — страстію къ анализу. У васъ нѣтъ чутья дѣйствительности, ея непосредственнаго пониманія.

При изученіи хозяйственнаго порядка, вы поступаете какъ химикъ, который для опредѣленія составныхъ частей растенія или сжигаетъ его, или перегоняетъ въ ретортѣ, или кладетъ въ кислоты, и получаетъ столько-то соли, эфирнаго масла, смолистаго вещества и пр., а очень часто, сверхъ всего, нѣсколько долей *неизвѣстнаго осадка*. Говорятъ, составъ растенія извѣстенъ. Правда ли? — Не упоминая *о неизвѣстномъ веществѣ*, я бы хотѣлъ только знать, что было съ растеніемъ въ минуту изслѣдованія? Очевидно, что химикъ имѣлъ дѣло не съ живою, но съ мертвою природою.

Эти приемы часто повторяются и въ другихъ наукахъ. Берутъ факты и явленія, оторванные отъ дѣйствительности, лишаютъ ихъ жизненности и подвергаютъ анализу, который, подобно кислотѣ, разъѣдая цѣлостное представленіе, образуетъ въ головѣ мыслителя новыя соединенія, и приводитъ наконецъ къ *неразгаданному осадку*, единственному слѣду живаго организма.

Вотъ впечатлѣніе, произведенное во мнѣ вашимъ послѣднимъ письмомъ. Вы разбираете природу собственности, дѣлаете тонкія различія, проводите искусственную связь понятій, и торжествуете. Вы имѣете на это право, потому что для васъ всё приемы науки кажутся равно возможными.

Попробуйте сойти съ высотъ отвлеченности, попробуйте бросить составленный вами гербарій экономическихъ понятій, засушенныхъ и расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ; взгляните на природу живую: если вамъ удастся уразумѣть ея внутренній смыслъ, то вы тотчасъ же выкините свое дорогое сѣно и перейдете къ практическому изученію. Тогда вы поймете сразу, что всё теоріи, написанныя о цѣнности, производствѣ, мѣнѣ, соперничествѣ и пр., не болѣе какъ жалкая карриатура на дѣйствительность.

Экономистамъ этого простить нельзя, потому что многіе изъ

нихъ избирали для своихъ изслѣдованій самую счастливую точку отправленія—раздѣленіе занятій. Раздѣленіе занятій представляетъ оживленную разнообразную картину общественной дѣятельности: оно открываетъ предъ вашими глазами и великія мастерскія, гдѣ работаютъ цѣлые народы, и громадныя рынки, на которыхъ производится обмѣнъ произведеній, распределеніе капиталовъ, выдѣлъ доходовъ. Что же сдѣлали экономисты? Они изобразили этотъ живой организмъ въ видѣ мертваго механическаго построения; въ раздѣленіи занятій они взяли одну лишь темную сторону — раздѣленіе труда, и возвели ее на степень идеала, какъ будто бы цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы одни люди дѣлали булавочныя головки, а другіе насаживали ихъ на проволоку, и чтобы разумныя существа были рычагами или колесами! Въ ряду причинъ, побуждающихъ человѣка къ труду, они не видѣли ничего кромѣ корысти, пытаясь облагородить ее именемъ *частнаго интереса*. Въ хозяйственныхъ связяхъ, образуемыхъ мѣною и выдѣломъ доходовъ, они видѣли только одно сцѣпленіе частей механизма, повинующагося закону соперничества, забывая, что порядокъ экономической держится вѣковою мудростію, опытомъ, наследованнымъ отъ цѣлаго ряда исчезнувшихъ поколѣній. На практикѣ все бываетъ иначе: связи образуются сознаниемъ долга, а не чувствомъ своекорыстнаго расчета: ими-то создается цѣлостность и единство, которыхъ не можетъ быть при искусственно-размѣренныхъ отношеніяхъ.

Ослѣпленіе ваше изумительно. Никто не станетъ спорить съ вами, что изъ раздѣленія занятій возникаетъ мѣна. Когда человѣкъ занимается однимъ какимъ-либо родомъ дѣятельности, то онъ долженъ получать все, въ чемъ нуждается, отъ другихъ; но составляетъ ли мѣна единственный способъ распределенія произведенныхъ богатствъ? но можно ли назвать соперничество единственнымъ закономъ, которому подчиняется распределеніе имуществъ и выдѣлъ доходовъ? Доходы поземельныхъ владѣльцевъ, капиталистовъ, лицъ, состоящихъ въ государственной службѣ, не всегда выдѣляются посредствомъ мѣны, и на основаніи закона соперничества. Или, по вашему, это только уклоненія отъ идеала, котораго жаждетъ ваша душа? Къ счастью, общество имѣетъ свои нравственныя цѣли; къ счастью, имъ управляютъ не мертвые механическія законы, а разумное созна-

ніе человѣка. Это-то правящее разумное сознаніе, прямо противоположное вашей знаменитой теоріи *laissez faire*, не допускаетъ, чтобы соперничество частныхъ интересовъ водворило во всемъ хаосъ анархіи; оно вводитъ распорядокъ, сообразный съ интересами цѣлаго; оно принимаетъ подъ свою охрану какъ проявленія духовной жизни, такъ и зародыши вещественнаго благосостоянія, и даетъ каждому лицу вознагражденіе, поощряющее къ дальнѣйшимъ успѣхамъ.

Думаете ли вы, что справедливость водворилась бы на землѣ, еслибы всякое вознагражденіе, получаемое производителемъ, облекалось въ форму мѣновой сдѣлки, совершающейся по закону соперничества? Едва ли. Мѣна двухъ произведеній, двухъ услугъ, двухъ цѣнностей, назовите какъ хотите предметъ мѣны, не выражаетъ ихъ равенства, особенно если соперничество необузданно властвуетъ на рынкѣ. Цѣны, устанавливающіяся для двухъ промѣнваемыхъ товаровъ, выражаютъ въ такомъ случаѣ только результатъ борьбы. Представьте себѣ двѣ сдѣлки: въ одной пудъ хлѣба былъ отданъ за 10, а въ другой за ту же цѣну аршинъ ситца. Оба случая вполнѣ возможны, но развѣ они выражаютъ какое-либо равенство? Въ одномъ господствовалъ на рынкѣ продавецъ хлѣба, въ другомъ — продавецъ ситца. Если вы введете деньги, какъ орудіе мѣны, то вы получите только мнимое равенство: предметы будутъ имѣть одинаковую цѣну на деньги, но весьма различную, если вы примете въ расчетъ трудъ и капиталъ, употребленные на ихъ производство.

Не чувствуете ли вы, что вѣтъ практически-разумнаго устройства, выработаннаго и поддерживаемаго человѣческою опытностію, нѣтъ ничего стѣбшаго вниманія и изученія; не чувствуете ли вы, что шаткое зданіе вашей науки держится на однихъ только вымыслахъ, что почва, на которой вы стоите, колеблется подъ вами?

Путемъ анализа, вы добыли изъ хозяйственной жизни отвлеченныя понятія, мертвыя и бесплодныя. Изъ нихъ вы построили цѣлую систему, и поставили ее какъ образецъ предъ глазами изумленной и очарованной толпы. Незнакомая съ практическимъ рѣшеніемъ экономическихъ вопросовъ, она готова была принять васъ за новыхъ алхимиковъ, которымъ мѣшаютъ дѣлать золото для всеобщаго обогащенія. Она теперь подозрѣваетъ, что

ваши алхимическія чудеса — добросовѣстный обманъ, подобный тому, которымъ увлекались и ученые и масса на зарѣ новой исторіи.

VIII. Отъ экономиста къ практику.

Вамъ не нравится мой способъ изслѣдованій. Зачѣмъ останавливаться на явленіи, вникать во всѣ подробности, искать выводовъ? зачѣмъ употреблять въ дѣло губительную кислоту—мышленіе? Не лучше ли изучать все прямо, непосредственно? Тогда мы избѣжимъ вопросовъ, сомнѣній, недоразумѣній, поймемъ все съ перваго разу, не разрушая живаго, оставшагося въ насъ впечатлѣнія, ядомъ мысли. Природа будетъ къ намъ близка, и мы будемъ близки къ природѣ. Открытіе истины сдѣлается для насъ столь же легкимъ, какъ для американскаго дикаря отысканіе слѣдовъ блага человѣка.

Какое разочарованіе постигнетъ ученый міръ, если онъ пойметъ, что всѣ его знанія—плодъ всеразѣдающей мысли, стоящей на краю саморазрушенія! Естествоиспытатели разобьютъ свои термометры и барометры, этотъ источникъ искусственнаго знанія, и станутъ дѣлать наблюденія: о перемѣнахъ погоды—по кваканью лягушекъ и боли мозолей, о теплотѣ—по явленію мухъ и комаровъ. Медики бросятъ ученую медицину, съ ея микроскопическими изслѣдованіями, постукиваніемъ и послушиваніемъ, и запишутся въ ученики деревенскихъ лѣкарокъ. Экономисты — что будетъ съ ними въ этомъ мірѣ непосредственнаго знанія? Ихъ выведутъ съ почетомъ за городскія ворота, какъ поэтовъ въ Платоновомъ государствѣ: они осуществляютъ на дѣлѣ сбереженіе хозяйственныхъ силъ, сдѣлавшись ненужными для свѣта и для науки.

Лирической безпорядокъ вашихъ опроверженій заставляетъ меня взяться за приведеніе ихъ въ систему. Вы обвиняете экономистовъ въ ложномъ взглядѣ на раздѣленіе занятій, въ слишкомъ большомъ значеніи, которое они приписываютъ мѣнѣ и соперничеству, какъ справедливому и естественному способу распределенія доходовъ, а главное—въ мертвомъ пониманіи экономической жизни, которой дано въ наукѣ механическое построеніе... кто

могъ бы думать, что упрекъ, который я сдѣлалъ вамъ, обратится противъ меня?

Вы готовы утверждать, что раздѣленіе занятій составляетъ плодъ практической мудрости; я смотрю на него, какъ на естественную необходимость.

Оно существуетъ уже въ семействѣ, оно растетъ и развѣтвляется вмѣстѣ съ развитіемъ общежитія; сначала обнимаетъ жителей общинъ, потомъ цѣлыхъ государствъ; наконецъ охватываетъ бѣольшую часть племенъ земнаго шара. Если мы пьемъ чай и моккскій кофе, то мы должны сознаться, что мы работаемъ для Китайцевъ и для Арабовъ, а они трудятся для насъ, хотя обмѣнъ нашихъ произведеній совершается при посредничествѣ многихъ лицъ.

Вслѣдствіе раздѣленія труда, потребности частнаго человѣка могутъ быть удовлетворены только посредствомъ произведеній, выработанныхъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности и обмѣненныхъ производителями. Въ сущности мы все-таки потребляемъ свои произведенія, результаты собственнаго труда; но не прямо, а въ формѣ произведеній другихъ лицъ. Фабрикантъ потребляетъ свой ситецъ въ видѣ хлѣба, земледѣлецъ потребляетъ хлѣбъ въ видѣ ситца. Вы можете сказать, выражаясь метафорически: фабрикантъ ѣстъ ситецъ въ видѣ хлѣба, подобно тому, какъ говорятъ: онъ проѣлъ тысячу душъ. Конечно, это смѣлая метафора; но она ни чѣмъ не хуже тѣхъ, съ которыми свыкъся нашъ слухъ, напримѣръ: солнце закатилось, звѣзды трепещутъ, или какъ выразился Гейне: «ходятъ по небу золотыми ножками.»

Sterne mit den goldnen Füßchen
Wandlen droben bang und sacht,
Dass sie nicht die Erde wecken,
Die da schläft im Schoss der Nacht.

Исключенія изъ этого правила очень рѣдки: не потребляетъ собственныхъ произведеній тотъ, кто получаетъ ихъ въ видѣ дара, или какъ слѣдствіе монополіи.

Результаты такого порядка производства, мѣны и потребления изумительны.

Способности каждаго человѣка, получая употребленіе, сообразное съ ихъ свойствомъ, приобретаютъ необыкновенную производи-

тельную силу. Еслибы каждый изъ насъ производилъ все самъ для себя, то потребности наши оставались бы далеко неудовлетворенными. Поэтъ, музыкантъ, художникъ должны были бы взяться за плугъ, и безсильными мускулами воздѣлывать землю ради куска насущнаго хлѣба. У земледѣльца была бы отнята возможность развитія, возможность пользоваться произведеніями техники, искусства, науки. Осужденный на безвыходное состояніе, въ кругу своей дѣятельности, онъ не могъ бы пользоваться открытіями и изобрѣтеніями, доступными только умственно-развитымъ и образованнымъ.

Силы природы, при раздѣленіи труда, получаютъ примѣненіе, сообразное съ климатомъ, почвою, характеромъ жителей.

Наконецъ, сколько сберегается усилій, необходимыхъ для образованія капиталовъ, машинъ, орудій! Если бы каждый человекъ производилъ все самъ, безъ участія и помощи другихъ, то для десяти человекъ необходимо было бы десять плуговъ, десять ткацкихъ станковъ, десять наковалень; при раздѣленіи труда, достаточно имѣть по одному орудію. При отсутствіи спеціальности обиліе капиталовъ становится бесполезнымъ, потому что для пользованія ими надо имѣть споровку, умѣнье, и пр.

Экономическое развитіе не останавливается на раздѣленіи занятій. За нимъ слѣдуетъ въ каждомъ особомъ производствѣ раздѣленіе труда, то-есть распорядокъ работъ, въ которомъ сложныя занятія дробятся на тѣ простыя механическія отправленія, которыя были указаны вами: въ булавочной фабрикѣ одинъ вытягиваетъ проволоку, другой рѣжетъ ее, третій полируетъ, и т. д. Экономисты признали это явленіе въ высшей степени отпаднымъ, не потому, что оно дѣлаетъ въ человекѣ излишнимъ соображеніе и пониманіе, но потому, что физическій трудъ, доведенный до простѣйшихъ формъ, становится достояніемъ машинъ, и выполняется даровыми силами природы, между тѣмъ какъ производителю достается въ удѣлъ трудъ лица, правящаго механизмомъ, покоряющаго себѣ, при помощи науки, благодѣтельные силы, въ которыхъ онъ долго видѣлъ одно лишь таинственное, разрушительное могущество природы. Вы можете сказать, что мы не достигли этого результата; но сознайтесь, что мы ближе къ нему, чѣмъ наши предшественники.

Такъ полно, такъ человѣчно былъ понятъ наукою этотъ во-

прось. Въ раздѣленіи занятій и труда она видѣла установленіе естественное, организмъ природы, а не созданіе нашего произвола; въ великой мастерской человѣчества, она поняла присутствіе невидимаго хозяина, который водворяетъ гармонію и порядокъ силою предустановленныхъ имъ законовъ. Вы же, господа практики, вы не можете возвыситься надъ представленіемъ рабочей, въ которой трудъ распределяется предпринимателемъ, а энергія работниковъ поддерживается плеткою, карающею лѣнливцевъ. Вашъ взглядъ—взглядъ плантатора, ваша наслѣдованная мудрость—мудрость привилегированнаго цеховаго мастера среднихъ вѣковъ, чтобы не сказать болѣе. По вашему, онъ раздалъ работу, онъ раздаетъ и вознагражденіе, оставляя въ свою пользу львиную часть, на томъ основаніи, что онъ—представитель экономическаго прогресса и нравственныхъ цѣлей общества. И эти-то отношенія вы ставите неизмѣримо выше надъ тѣми, которыя образуются при свободныхъ мѣнновыхъ сдѣлкахъ, при добровольномъ условіи о вознагражденіи, и при соразмѣрности послѣдняго.

Что я говорю? Мѣна, совершающаяся подъ влияніемъ соперничества, по вашему мнѣнію не что иное какъ ожесточенная борьба, въ которой не можетъ быть рѣчи ни о взаимности, ни о справедливости. Но подумали ли вы о томъ, что мѣна, возникая изъ раздѣленія труда, составляетъ естественную свободную связь, что безъ нея всѣ отношенія между людьми основывались бы на принужденіи; что мѣна есть выраженіе права собственности на трудъ и на имущество, потому что мы можемъ мѣняться только тѣмъ, что намъ принадлежитъ.

Если же вы можете найти неравенство въ мѣнновыхъ сдѣлкахъ, несправедливость, несоразмѣрность вознагражденія, то оно происходитъ не отъ мнимой анархіи, производимой соперничествомъ, но отъ недостатка промышленной свободы. Въ приведенныхъ вами примѣрахъ (если допустить, что сдѣлки были невыгодны или для фабриканта ситца, или же для земледѣльца) непременно была монополія, дававшая перевѣсъ одной изъ сторонъ; монополія, созданная или причинами историческими или же причинами естественными, господствующими до тѣхъ поръ, пока не успѣло одолѣть ихъ просвѣщеніе.

Несоразмѣрность въ мѣнѣ, возникающая при подобныхъ обстоятельствахъ, изглаживается постепенно, вмѣстѣ съ рас-

пространеніемъ соперничества и успѣхами знанія. Развитие соперничества составляетъ задачу не одного вѣка, не одного народа, но цѣлой исторіи. Ограниченное кастообразнымъ устройствомъ Востока, рабствомъ въ греко-римскомъ мірѣ, оно получаетъ нѣсколько силы въ средневѣковомъ привилегированномъ порядкѣ, феодальномъ и цеховомъ; наконецъ оно готовится къ болѣе полному обнаруженію своего могущества вслѣдъ за паденіемъ регламентарнаго устройства XVIII и начала XIX вѣка. Уничтоженіемъ ограниченной соперничества, условливается выборъ занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность уравнишенія вознагражденія. Меня глубоко возмутила попытка ваша представить историческую несправедливость, уже исчезающую, какъ источникъ нравственныхъ связей между людьми. Какъ! неужели монопольные средневѣковые цехи отстаивали свои права во имя нравственной связи между мастерами и потребителями? Неужели справедливость, водворяемая развитіемъ соперничества, не болѣе какъ основа механической связи между людьми?

Нѣтъ! не къ мертвому построенію движется хозяйственный порядокъ въ христіанскихъ госуларствахъ, а къ утвержденію правды и нравственныхъ стремленій въ сердцѣ человѣческомъ. Этотъ порядокъ богатъ чудесами; но не тѣми, которыя, подобно движущемуся гѣсу и шекспировскимъ вѣдьмамъ, пугаютъ дѣтское воображеніе человѣка, и готовятъ для него пустоту печальнаго разочарованія, при открытіи истины. Чудеса экономическія постигаются вмѣстѣ съ истиною; имъ суждено просвѣтить нашъ разумъ и внушить ему благоговѣніе къ высшему порядку вещей...

IX. Отъ практика къ экономисту.

« Да гдѣ жь они? давайте ихъ! »

Гдѣ эти великія истины и экономическія чудеса? Я знаю ихъ по имени, знаю въ чемъ они состоятъ; но не вижу ихъ на дѣлѣ и не могу допроситься, чтобы вы объяснили мнѣ 'какимъ образомъ все это происходитъ?

Вы непрерывно указываете на соперничество, вы заставляете его разрѣшать всѣ затянутые вами гордіевы узлы. Чтò устанавливаетъ цѣны? соперничество. Чтò опредѣляетъ доходы част-

ныхъ лицъ? соперничество. Что производить соразмѣрность въ цѣнности промѣнливаемаго? соперничество. Что дѣлаеть дары природы истиннымъ достояніемъ человѣчества? соперничество. Что даетъ мѣняющимся сторонамъ болѣе, нежели они отдають? соперничество. Но напрасно старался бы я найти у васъ объясненіе этихъ загадочныхъ явленій, напрасно, просилъ бы я, чтобы вы указали на нихъ, —напрасно, потому что это призраки, созданные вашимъ воображеніемъ. Сдѣлавъ справку, я нашелъ у экономистовъ слѣдующее опредѣленіе соперничества: это есть совокупное стремленіе производителей обмѣняться своими произведеніями, въ которомъ изъ покупателей имѣеть преимущество тотъ, который предлагаетъ высшую цѣну, изъ продавцовъ тотъ, который соглашается получить меньшее вознаграженіе. Такимъ образомъ въ соперничествѣ происходитъ борьба между покупателями о томъ, кто дастъ больше, и между продавцами о томъ, кто согласится взять меньше; наконецъ, борьба между обѣими сторонами.

Странно! Вы не замѣтили, что здѣсь дѣло идетъ о столкновеніи между хозяйственными интересами; что въ этомъ столкновеніи сильный беретъ верхъ надъ слабымъ, что цѣна опредѣляется далеко не сообразно съ средствами потребителей, и что девизъ мѣняющихся сторонъ: «горе побѣжденному!» Еслибы вы поближе разсмотрѣли дѣло, то быть-можетъ вы нашли бы въ соперничествѣ большую сторону организаціи западныхъ народовъ. Они выбрали это начало двигателемъ въ своей экономической жизни, и несутъ заслуженную кару. Славянскіе народы приняли за руководство иное правило: дружно, соединенными силами, идти къ предположенной цѣли. вмѣсто того, чтобы водворять у себя разладъ, отъ котораго страдаетъ Западъ, подумаемъ лучше объ упроченіи старинныхъ основъ нашего быта.

Х. Отъ экономиста къ практику.

Жалкая судьба экономистовъ! Еслибы кто-нибудь сказалъ астроному: «Отчего вы основываете все на силѣ тяготѣнія? Знать не хочу я вашего тяготѣнія.» Астрономъ бы пожалъ пле-

чами и замолчать; а экономистъ, когда ему говорятъ: «Что вы намъ толкуете о соперничествѣ?» долженъ отвѣчать и доказывать.

Астрономъ знаетъ, что *любитель* не возьмется предсказывать солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, что его мнѣніе не переставитъ ни одного свѣтила въ небесахъ. Экономистъ ждетъ съ полнымъ правомъ противнаго: любитель, незнакомый съ природою хозяйственныхъ отношеній, тотчасъ же, безъ дальнихъ справокъ, порѣшить всѣ сомнѣнія. Ему ничего не стѣбитъ сказать, что у насъ нѣтъ и не было соперничества, что оно означаетъ вражду, которую слѣдуетъ искоренить для того, чтобы дать мѣсто *друж-ной дѣятельности хозяйственныхъ силъ*. Экономистъ въ такомъ случаѣ не можетъ молчать: въ устахъ его даже Галилеево *e pur se tuove* было бы предательскимъ равнодушіемъ; потому что между теоріею любителя и ея практическимъ примѣненіемъ—одинъ только шагъ. Попробуемъ, однакоже, разрѣшить гордіевы узлы, завязанные вами; кажется, намъ не придется прибѣгнуть къ мечу; ихъ можно распутать перомъ.

Будемъ довольствоваться тѣмъ опредѣленіемъ соперничества, которое было приведено вами; назовемъ его отношеніемъ между запросомъ и предложеніемъ. Въ этомъ отношеніи происходитъ сравненіе противнаемаго, и предметомъ сравненія бываетъ цѣнность полезной работы, выражаемая денежною цѣною. Покупатели и продавцы сходятся на рынокъ; первые рѣшаются заплатить известную цѣну, находясь подъ вліяніемъ ощущаемой ими потребности, принимая въ расчетъ величину своихъ средствъ, размѣры существующаго предложенія, наконецъ издержки производства; вторые рѣшаются отдать свой товаръ за известную цѣну, взвѣсивая силу запроса и мѣру получаемого ими вознагражденія за сдѣланныя издержки. Трудно дать другое, болѣе естественное объясненіе установленію цѣнъ. Ихъ опредѣляетъ не произволь, не прихоть, но *соглашеніе*. Быть-можетъ, вы думаете, что есть несравненно лучшая норма,—назначеніе *таксъ*; но такса тогда только дѣйствительна, когда она не уклоняется далеко отъ предѣловъ, въ которые цѣна заключена соперничествомъ. Попробуйте назначить цѣну слишкомъ высокую, и вы создадите контрабанду, а вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ новыхъ преступлений и соотвѣтствующихъ имъ наказаній... Преступленія будутъ пользоваться популярностью, а наказанія будутъ изрѣдка ка-

рать неопытныхъ продавцовъ или покупателей. Назначьте цѣну слишкомъ низкую, и вы прогоните съ рынка послѣднихъ продавцовъ. Итакъ, если вы пожелаете составить непогрѣшительную таксу; то вы сдѣлаете только то, что и безъ васъ исполнило бы соперничество. Сказанное мною о цѣнахъ можно примѣнить и къ доходамъ; потому что доходъ есть цѣна, получаемая производителемъ за выполненную имъ полезную работу, въ теченіи извѣстнаго времени, и слѣдовательно тоже зависитъ отъ отношенія между запросомъ на трудъ или на капиталъ, и ихъ предложеніемъ.

Вы замѣтили, въ одномъ изъ предыдущихъ вашихъ писемъ, что жалованье, получаемое чиновниками, войскомъ и пр., опредѣляется по назначенію. Совершенно справедливо, но исключеніемъ лишь подтверждается общее правило. Если жалованье очень низко, а между тѣмъ есть служащіе, то отправленіе должностей составляетъ или общественную повинность, такъ что плата будетъ дѣломъ вовсе постороннимъ, или же, при малой платѣ, существуютъ другіе способы, вознаграждающіе за малое жалованье, напримеръ почетъ, служебныя права, взятки... Но, назначьте жалованье позначительнѣе, вы увидите какъ великъ будетъ приливъ къ должностямъ, какъ сильно будетъ соперничество между соискателями. Отмѣните повинность и отнимите заманивающія побужденія, и вы не найдете людей. Итакъ, соперничество, этотъ законъ экономическаго тяготѣнія, составляетъ несомнѣнный фактъ; перейдемъ же къ явленіямъ, которыя совершаются подъ его вліяніемъ.

Соперничество возстановляетъ соразмѣрныя, справедливыя цѣны и доходы.

Если цѣна какихъ-нибудь произведеній или доходъ въ какой-либо отрасли становятся слишкомъ значительными, то, при свободномъ соперничествѣ, производство дорогихъ товаровъ усилится, и въ занятіяхъ, особенно прибыльныхъ, явится много новыхъ дѣятелей. Увеличеніе предложенія товаровъ, рукъ и капиталовъ тотчасъ же понизитъ вознагражденіе; но еслибы послѣднее сдѣлалось несоразмѣрно-низкимъ, сравнительно съ цѣнами другихъ товаровъ, или величиною другихъ доходовъ, то производство стало бы уменьшаться, и производители обратились бы къ другимъ отраслямъ занятій.

Изъ этихъ словъ вы можете заключить, что обнаруженіе соперничества зависитъ отъ легкости перемѣщенія производителей съ ихъ трудомъ и капиталомъ изъ одной вѣтви хозяйственной дѣятельности въ другую, и что слѣдствіе такого перемѣщенія состоитъ въ уравновѣшеніи запроса съ предложеніемъ.

Какъ въ природѣ каждая частица вещества стремится къ мѣсту, предназначенному для нея порядкомъ естественнымъ; такъ же точно и въ хозяйственныхъ отношеніяхъ каждое существо стремится туда, куда направляютъ его законы порядка экономического и нравственного.

Такъ водворяется, само собою, равновѣсіе производительныхъ силъ, соотвѣтствіе между потребностями и средствами для ихъ удовлетворенія. Такъ, на неподкупныхъ вѣсахъ, взвѣшивается заслуга каждаго производителя и стоимость каждаго произведенія... Попробуйте найти другаго, болѣе безпристрастнаго и болѣе справедливаго сѣнителя. Но не въ этомъ только состоитъ значеніе соперничества; оно является въ обществѣ главнымъ двигателемъ экономического развитія потому, что побуждаетъ къ непрерывно-возрастающему употребленію силъ природы, постепенно исторгаетъ ихъ изъ монопольнаго обладанія производителей, и обращаетъ въ безмездное пользованіе всего человѣчества.

Даровыя силы природы представляются съ перваго взгляда въ обладаніи отдѣльныхъ лицъ, и какъ собственность составляютъ источникъ доходовъ. Владѣльцы іоганнисбергскихъ и токайскихъ виноградниковъ, или ключей минеральныхъ водъ, изобрѣтатели новыхъ машинъ и фабриканты, вновь примѣнившіе къ производству паръ или электричество, поставлены въ исключительно-выгодное положеніе, и кажутся намъ монополистами, пользующимися привилегіею, не зависящею отъ установленій человѣческихъ. Повидимому отмѣна этой привилегіи не возможна, даже и при уничтоженіи частной собственности (чего хотѣли социаллисты), потому что общее владѣніе разрушило бы только производство, и отняло бы у человѣка охоту изобрѣтать, открывать и примѣнять свои открытія. Но монополіи лицъ, обладающихъ даровыми силами природы, бываютъ непродолжительны. Огромныя прибыли винодѣловъ и фабрикантовъ вызываютъ подражателей; наука, искусство и изобрѣтательный геній человѣка, позволяютъ ему стать въ ряды привилегированныхъ собствен-

никовъ и производителей. Монополія минеральныхъ водъ давно уже побуждена соперничествомъ водъ искусственныхъ. Монополія рейнвейна падеть вмѣстѣ съ улучшениями въ винодѣліи, съ разведеніемъ отличныхъ лозъ въ другихъ странахъ. Примѣненіе къ производству пара, электричества и другихъ естественныхъ дѣателей, дастъ огромный доходъ только первымъ нововводителямъ; потому что, въ настоящее время, наука и книгопечатаніе очень скоро дѣлають ихъ гласными и доступными для другихъ. На ряду съ фабрикою, разбогатѣвшою отъ извѣстнаго способа примѣненія естественной силы, являются десятки новыхъ, дѣйствующихъ одинаковымъ образомъ; предложеніе произведеній, или, говоря иначе, количество полезной работы, предназначенной для потребленія, увеличивается, цѣны падаютъ, доходы монопольные понижаются и стремятся къ предѣлу, назначаемому цѣнностію полезной работы труда и его производительныхъ затратъ.

Такимъ образомъ огромныя прибыли, полученныя первыми изобрѣтателями или производителями, прежде другихъ употребившими въ дѣло даровыя силы природы, побуждаютъ человѣка къ непрерывному замѣну своего труда дѣателями естественными, а постоянное увеличеніе даровой полезной работы, выражающееся въ дешевизнѣ произведеній, позволяетъ человѣку, при меньшемъ употребленіи своего труда, удовлетворять большому числу своихъ потребностей. Обеспеченный въ своемъ ежедневномъ существованіи, онъ получаетъ возможность выбора занятій, досугъ для образованія и для нравственнаго развитія.

Благородные порывы присущи природѣ человѣческой, но они могутъ остаться навсегда безплодными стремленіями прекрасной души. Готовность помочь бѣдному, желаніе познать истину, всегда сохраняють свое достоинство; но для бѣднаго мало одной готовности: онъ ждетъкуска насущнаго хлѣба; для человѣка одушевленнаго желаніемъ знать истину, недостаточно однихъ стремленій: необходимы средства. Довольство есть необходимый спутникъ развитія и плодотворной жизни. Аскеты хотѣли нищеты и нравственности, мы хотимъ нравственности и довольства; нищій безсиленъ во внѣшней дѣятельности, богачъ часто жертвуетъ удобствамъ высшими цѣлями; но что для перваго невозможно, то составляетъ для втораго легко-выполнимый долгъ.

Я забылъ упомянуть еще объ одномъ изъ чудесъ соперничества. Оно доставляетъ въ мѣнѣ каждому болѣе, чѣмъ онъ отдаетъ. Почти никогда не случается, чтобы производители вымѣнивали другъ у друга такія произведенія, которыя могутъ быть получены ими съ одинаковыми издержками, потому что каждый человекъ, посвятившій себя одному промыслу, обладая извѣстными познаніями и сноровкою, работаетъ въ немъ съ большею легкостью, нежели въ другихъ отрасляхъ промышленности. Удивительно ли послѣ этого, что въ мѣнѣ каждый получаетъ болѣе, чѣмъ отдаетъ, и что эта обоюдная выгода существуетъ только при установившейся соразмѣрности вознагражденія?

Итакъ, не забывайте, что соперничество — душа экономической жизни, что оно создаетъ и дружное обнаруженіе хозяйственныхъ силъ, и самый порядокъ природы, который не нуждается въ нашихъ похвалахъ, и не боится нашихъ порицаній.

XI. Отъ практика къ экономисту.

Что скажутъ экономисты, если они увидятъ въ своей средѣ такого еретика, какъ вы? У васъ все сливается въ какомъ-то странномъ безразличіи: цѣны и доходы — одно и то же, потому что доходъ есть цѣна, платимая за трудъ производителя; всѣ отрасли доходовъ — одно и то же, потому что всякій доходъ определяется соперничествомъ. Что же станется съ пресловутыми теоріями заработной платы, капитальнаго дохода, поземельной ренты и промышленной прибыли? По вашему выходитъ, что цѣлые томы, исписанные учеными, непроизводительно истраченный трудъ.

Такимъ образомъ одно предположеніе о соперничествѣ, какъ о силѣ, устанавливающей порядокъ, справедливость, благоденствіе, — одно недоказанное мнѣніе составляетъ весь итогъ экономической мудрости! Надо имѣть даръ ученаго многорѣчія, для того чтобы разводить и разнообразить это скудное содержаніе на нѣсколькихъ тысячахъ страницъ.

Предположеніе недоказанное, говорю я, потому что всѣ благо-

дѣтельныя послѣдствія соперничества тогда только будутъ имѣть мѣсто, когда перемѣщеніе производителей изъ одной отрасли хозяйственной дѣятельности въ другую водворитъ такое отношеніе между запросомъ и предложеніемъ, которое будетъ выгодно для всѣхъ спрашивающихъ или предлагающихъ произведенія.

Но если производители подчинены вліянію одного частнаго интереса, то возможно ли, чтобы соглашеніе или примиреніе ихъ взаимныхъ выгодъ установились, благодаря одному *laissez faire*? Будетъ ли соответствіе между потребностями и производствомъ?

Вы говорите: «Частные интересы, предоставленные самимъ себѣ, направляютъ свою дѣятельность къ осуществленію всеобщаго благоденствія.» Я говорю противное: оставленные на произволъ случайности, они расходятся и вступаютъ въ болѣзненное столкновеніе. Вы говорите: частные интересы, предоставленные самимъ себѣ, образуютъ изъ разнородной дѣятельности одно цѣлое, связанное единствомъ цѣли и направленное къ удовлетворенію потребностямъ; я полагаю, что этого не бываетъ, и что промышленность можетъ получить крайне одностороннее направленіе.

Кто изъ насъ правъ? Вотъ главный вопросъ, котораго вы не смѣли или не хотѣли коснуться.

Надо было выбрать одно изъ двухъ: случайность, или разумное направленіе въ хозяйствѣ. Вы предпочли первое — начало отрицательное, бесплодное и не требующее головоломнаго труда. Вамъ не хотѣлось заняться изслѣдованіемъ началъ для разумнаго направленія промышленности, и вы ограничились повтореніемъ положенія Смитовой школы: «Каждый человѣкъ, работая для себя, работаетъ для всѣхъ другихъ, потому что трудъ тогда только приноситъ наиболѣе выгодъ, когда онъ наиболѣе полезенъ для другихъ людей.» Но знаетъ ли человѣкъ, какая дѣятельность полезнѣе для общества, а слѣдовательно для него самого? Животнымъ управляетъ инстинктъ: червь не ползаетъ на березу, если онъ не можетъ кормиться ея листьями; чутье служить ему надежнымъ путеводителемъ. Но человѣку на чутье положиться нельзя: имъ должны управлять разумъ и сознаніе, — а всякій ли изъ насъ смѣетъ положиться на свою непогрѣшительность?

ХІІ. ОТЬ ЭКОНОМИСТА КЪ ПРАКТИКУ.

Почему вы не сказали просто: «Экономисты, ваша наука мелка и ничтожна, потому что она проникнута однимъ убѣжденіемъ.»

Въ нашъ плодovitый и изобрѣтательный вѣкъ, одинъ французскій журналистъ приманивалъ подписчиковъ обѣщаніемъ представлять по одной идеѣ въ день; что же послѣ этого одна мысль, развитая на тысячахъ страницъ, въ сравненіи съ 365 въ годъ? Вотъ нищета, такъ нищета: ей не пособишь установленіемъ таксы въ пользу бѣдныхъ!

Не скажете ли вы, что въ хорошей книгѣ должно быть побольше основныхъ положеній, потому что домъ на десяти столбахъ скорѣе устоитъ, чѣмъ на одномъ. Старая истина! Но и вы держитесь одного начала — направленія частныхъ интересовъ, называя его, какъ бы въ насмѣшку, разумнымъ... Или, быть-можетъ, въ этомъ направленіи заключается множество другихъ...

Прежде всего позвольте сказать нѣсколько словъ о мнимомъ смѣшеніи понятій, объ уничтоженіи цѣлыхъ томовъ предшествовавшихъ изслѣдованій, о доходахъ, — словомъ, объ экономической ереси, въ которой вы обвиняете меня съ такою увѣренностію. Все прегрѣшеніе мое состоитъ въ томъ, что я остался вѣренъ главному принципу науки, что, говоря о цѣнахъ и о доходахъ, я не разбираю фактовъ и среды, въ которой дѣйствуетъ соперничество, а говорилъ о законѣ экономическомъ, проявляющемся въ безконечномъ разнообразіи явленій. Утѣштесь, бѣлая часть написаннаго о заработной платѣ, о процентахъ, о рентѣ и проч., не потеряно для насъ; погибли теоріи, построенныя на невѣрно-понятыхъ данныхъ, но факты и ихъ анализъ останутся навсегда достояніемъ науки.

Если въ новомъ направленіи, проложенномъ въ политической экономіи Кареемъ, Бастиа и нѣкоторыми другими, признается одно начало, устанавливающее и цѣны, и всѣ отрасли доходовъ, то никто однакоже никогда не утверждалъ, чтобы формы хозяй-

ственной жизни, образованія и выдѣла различныхъ доходовъ въ дѣйствительности не стоили изученія.

И земледѣльческій доходъ, и заработная плата черпаются изъ одного общаго источника—изъ массы исполненной полезной работы; доля каждаго опредѣляется цѣнностію полезной работы труда, какъ употребляемаго непосредственно, такъ и затрачиваемаго въ разнообразныхъ видахъ капитала; но доходы могутъ быть болѣе или менѣе велики, соразмѣрны, постоянны, и отношеніе между ними можетъ быть весьма различно, смотря по тому, подъ вліяніемъ какихъ условій происходитъ обнаруженіе человѣческой дѣятельности, накопленіе капиталовъ, образованіе собственности и самое пользованіе ею...

Впрочемъ, сущность вашихъ обвиненій направлена въ другую сторону. По вашему мнѣнію, соперничество частныхъ интересовъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, производитъ непрерывное и враждебное столкновеніе, и согласіе водворяется только при разумномъ руководствѣ промышленностію.

Сперва поищемъ истиннаго, непогрѣшительнаго разума, а затѣмъ рассмотримъ: какъ далеко должно простирается его вліяніе на частныя хозяйственныя отношенія.

Рѣшите, кто будетъ давать направленіе частному труду для того, чтобы соразмѣрить производство съ потребленіемъ? Кто возьметъ на себя обязанность распорядителя и скажетъ одному—сади свеклу, другому—разводи овецъ, третьему—будь художникомъ, и пр.

Вопервыхъ, кому поручить предварительное расчисленіе того, что должно быть выработано и въ какомъ количествѣ? Ученымъ? Пока они окончатъ свои вычисленія, силы производительныя и запросъ на произведенія могутъ нѣсколько разъ измѣниться. Въ вторыхъ, кому поручить выполненіе предначертаннаго плана для производства? Управленію? Но у него безъ того слишкомъ много дѣла въ области государственныхъ отношеній. И притомъ половину рабочаго населенія пришлось бы обратить въ надсмотрщиковъ...

Наконецъ, какими средствами противодействовать упорству производителей, если они (положимъ вслѣдствіе невѣжества) не согласятся дѣлать то, что будетъ предписано мнимымъ разумнымъ направленіемъ? Что вы сдѣлаете съ огородникомъ, который захо-

четь садить огурцы (полагая, что это для него выгодноѣ), хотя огурцовъ много, а мало рѣпы? Прикажете ли вы ему одно, а запретите другое? Такое направленіе невозможно въ государствахъ образованныхъ. Впрочемъ въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, попытки руководить частную дѣятельность были не рѣдки. Конечно, дѣло шло не о рѣпѣ и не объ огурцахъ, но о сосредоточеніи торговли, обрабатывающей промышленности и нѣкоторыхъ отраслей земледѣлія въ рукахъ экономическаго управленія. Попытки направлять торговлю рушились во Франціи съ системою Ло, въ Англіи и другихъ государствахъ съ несостоятельностью привилегированныхъ компаній; попытки руководить заводскую и земледѣльческую промышленность были тоже оставлены, вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ податной системы и съ развитіемъ частной собственности.

Но положимъ, что вы непогрѣшительны, и что прочему неразумному человѣчеству, ради собственнаго своего блага, слѣдуетъ подчиниться вашему благотворному вліянію. Положимъ, что частная дѣятельность приметъ желаемое вами движеніе подѣйствіемъ заведенной вами пружины; положимъ, что вамъ удастся дать извнѣ направленіе частному хозяйству, — вопросъ самый важный все-еще остается не рѣшеннымъ, именно: какъ далеко будетъ простирается ваше вліяніе? на одно ли производство? Но кто можетъ поручиться вамъ, что бессмысленный потребитель будетъ знать, чтѣ слѣдуетъ ему потреблять? Вамъ придется искать образца для своего направленія въ постановленіяхъ тѣхъ восточныхъ народовъ, которые предписывали для каждаго сословія, пищу, одежду, жилище, наслажденія умственныя, эстетическія, даже особенное религіозное образованіе! Полюбуйтесь, какъ это мнимое разумное направленіе оковало смыслъ Еврея, какъ оно заглушило внѣшними правилами для жизни ея внутреннее развитіе, и подумайте: стоить ли водворять у насъ общественныя начала Востока?

Утверждая, что частныя выгоды совпадаютъ съ выгодой всеобщей, и основывая на этомъ свое знаменитое ученіе, Адамъ Смитъ и его послѣдователи признали не господство случайности, но преимущество порядка естественнаго, установленнаго Богомъ, надъ порядкомъ, который хотѣлъ бы установить произволъ человѣка. Они говорили:—Преслѣдуя свою личную выгоду, мы дѣй-

ствуемъ въ видахъ общей пользы; потому что дѣятельность наша бываетъ для насъ полезна только тогда, когда она выгодна для другихъ людей.

Удовлетворяя своимъ потребностямъ, обильномъ своихъ произведеній на произведенія множества другихъ лицъ, человекъ, по необходимости, обращается къ тѣмъ занятіямъ, которыя наиболѣе вознаграждаются потребителями, а наибольшее вознагражденіе дается ими за то, въ чемъ они ощущаютъ сильнѣйшую потребность, что, слѣдовательно; признается наиболѣе необходимымъ и полезнымъ для общежитія. Чтобы понимать послѣднее, не нужно глубокаго изученія, потому что потребности высказываются въ запросъ на предметы потребленія, и каждый человекъ находитъ указаніе для занятій тѣмъ или другимъ производствомъ въ цѣнѣ, платимой за услуги или за произведенія его труда.

Нечего говорить сапожнику: отдай сына въ портные, если портной получаетъ большіе барыши, а послѣдній охотно возьметъ мальчика въ ученье, потому что ему нужны работники для выполненія заказовъ.

То, что я сказалъ о движущей силѣ частнаго интереса, легко примѣнить къ побужденіямъ нравственнымъ, умственнымъ и пр. Нечего думать о воспитаніи артистовъ, литераторовъ, ученыхъ, администраторовъ; награда, назначаемая этимъ лицамъ за ихъ труды, уваженіе къ ихъ занятіямъ, слава, деньги, почести, сознаніе выполненнаго долга и проч. дѣйствуютъ сильнѣе всѣхъ другихъ искусственно придуманныхъ побужденій.

Если дѣятельность хозяйственная становится болѣе разумною, то это бываетъ скорѣе всего слѣдствіемъ развитія самихъ производителей. Разумное направленіе обнаруживается, въ экономическомъ порядкѣ, лучшимъ пониманіемъ запроса и движенія цѣнъ, и убѣжденіемъ, съ одной стороны, что честность и добросовѣстность не противорѣчатъ выгодамъ производителя, но напротивъ обезпечиваютъ ему сбытъ его произведеній; а съ другой, что образованность и благосостояніе работниковъ не только не грозятъ предпринимателю разореніемъ, но обезпечиваютъ общее благоденствіе правильностію въ отправленіи работъ, достоинствомъ выработаннаго, изобиліемъ произведеній.

Я чувствую, что эти логическія доказательства для васъ не убѣдительны; вамъ надо представить примѣры, указать на явле-

нія, которыя опровергали бы ваши заблужденія. Обратите вниманіе на тѣ отрасли хозяйства, въ которыхъ соперничеству положены возможно меньшія прѣграды, на примѣръ на огородничество.

Замѣчаете ли вы здѣсь столкновеніе личныхъ выгодъ? Никто не боится подрыва, несмотря на то, что при неопредѣленности урожаявъ трудно соразмѣрить производство съ запросомъ. Въ ремеслахъ и въ заводской промышленности, эта соразмѣрность устанавливается несравненно легче соображеніемъ производителей, а здѣсь—то и являются опасенія насчетъ соперничества, столкновенія интересовъ и проповѣдываніе разумнаго направленія!

Отчего же видятъ вражду тамъ, гдѣ все стремится къ примиренію? Оттого, что соперничество представлялось обыкновенно чѣмъ-то разразнивающимъ дѣятельность частныхъ лицъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ оно образуетъ связи между людьми и живыми силами общества. Вліяніе его обнаруживается какъ въ отдѣленіи, такъ и въ соединеніи силъ, для того чтобы уравнять слабыхъ съ преобладающими; послѣднее достигается въ формѣ товариществъ, образующихся частію путемъ обычая, частію вслѣдствіе сознанія ихъ необходимости самими производителями.

Признавая, что согласіе частныхъ побужденій устанавливается соперничествомъ, я знаю, что оно осуществляется постепенно и составляетъ плодъ медленнаго историческаго развитія образованности и экономическихъ отношеній; поэтому я далекъ отъ мысли, что согласіе интересовъ есть нѣчто данное въ настоящее время. Мы расходимся съ вами въ одномъ: вы думаете, что надо обуздать соперничество и подчинить его ограничительнымъ началамъ; я полагаю, что оно обуздано само по себѣ историческимъ положеніемъ вещей. По мнѣнію науки, успѣхъ общественный создается не направленіемъ, сообщаемымъ извнѣ, не устройствомъ экономической жизни по какимъ-либо ученымъ теоріямъ, или по непогрѣшительнымъ идеямъ практики, а вырабатывается самъ собою вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, при лучшемъ пониманіи хозяйственнаго порядка и правящихъ имъ законовъ.

XIII. Отъ практика къ экономисту.

Споръ нашъ сдѣляется безконечнымъ, если мы будемъ разсуждать съ вами только о положеніяхъ политической экономіи. Не лучше ли прибѣгнуть къ пробному камню, на которомъ испытывается достоинство каждой науки, къ оцѣнкѣ практическихъ результатовъ, достигнутыхъ при ея помощи? Прямое назначеніе теоріи народнаго богатства заключается въ содѣйствіи общественному благосостоянію. Это слово не сходитъ съ вашихъ устъ, гг. экономисты; а между тѣмъ наука ваша, при видѣ печальной дѣйствительности, снисходительно закрывала глаза, и прославляла какой-то мечтательный прогрессъ... Вы говорили о благосостояніи, какъ о неизбѣжномъ хозяйственномъ результатѣ, и не считали необходимымъ позаботиться серьезно о счастіи и благѣ другихъ людей.

Въ хозяйственномъ порядкѣ вы не хотѣли ничего знать, кромѣ производства, обращенія и потребленія богатствъ. Вы были похожи на изслѣдователя, который, войдя въ мастерскую, прислушивался къ шуму колесъ, мѣрнымъ ударамъ молота, свисту паровой машины, и не замѣтилъ одного, — производителя-потребителя. Равнодушно смотрѣли вы на человѣка, какъ на часть любопытной машины, какъ на случайную ея принадлежность и притомъ какъ на принадлежность дорогую, менѣе прочную нежели желѣзо и чугунъ, менѣе сильную нежели паръ и паденіе воды. Помышляя объ одномъ усиленіи производства, вы считали благосостояніе необходимымъ слѣдствіемъ накопленія богатствъ, и не вѣрили, чтобы бѣднякъ-производитель могъ нуждаться въ настоящемъ хлѣбѣ, тогда какъ предметы потребленія находятся въ изобиліи.

Въ этомъ-то и дѣло.

Думали ли вы, что нельзя назвать изобиліе произведеній богатствомъ, если огромная часть населенія не пользуется существующими сокровищами, потому что доходы частныхъ лицъ едва достаточны для пріобрѣтенія куска хлѣба? Думали ли вы о томъ, что на Западѣ, люди, въ полномъ развитіи возраста и силы, трудолюбивые и честные, умираютъ отъ голода, среди окру-

жающаго ихъ изобилія? Вы назовете это явленіемъ случайнымъ, мѣстнымъ, которое не имѣетъ всеобщаго значенія; вы скажете, что произведеній никогда не можетъ быть слишкомъ много, и что потребности никогда не бываютъ вполне удовлетворены. Итакъ, говоря словами Мишеля Шевалье, «надо увеличить производство», да, надо увеличить производство, хотя бы человѣкъ былъ принесенъ въ жертву этой страсти къ накопленію сокровищъ. Что значить жизнь одного человѣка или нѣсколькихъ людей, когда дѣло идетъ о благосостояніи цѣлаго рода человѣческаго? Къ такому результату пришла школа, которая проповѣдывала о своемъ глубокомъ уваженіи къ личности!

Не станете ли вы утверждать, что бѣдствія Запада—для насъ дѣло постороннее, потому что Россія не знаетъ нищеты, сопровождающей застой въ сбытѣ произведеній, загроможденіе рынка, чрезмѣрное производство, и проч., нищеты, которая страшнѣе эпидемической болѣзни, и медленною смертію губить цѣлыя поколѣнія? Нѣтъ! мы должны изучить недугъ, карающій за примѣненіе вашихъ политико-экономическихъ началъ, мы должны знать о чужихъ несчастіяхъ, потому что Петръ Великій вынулъ для насъ счастливый жребій учиться изъ чужаго опыта и пожинать лучшіе плоды образованности. Отказаться отъ этого жребія было бы преступленіемъ.

Разсуждая о богатствѣ и благосостояніи, вы отдѣльваетесь общими мѣстами, когда зайдетъ рѣчь о дѣтяхъ, которыя, работая по цѣлымъ днямъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ, становятся въ нѣсколько лѣтъ сгорбленными стариками и расплачиваются раннею смертію за скудные средства существованія. Вы не задаете себѣ вопроса: отчего бѣдной швеѣ, въ Парижѣ, такъ часто суждено выбирать одно изъ двухъ: или работу до истощенія силъ, безъ надежды на лучшую будущность, или постыдный торгъ, которымъ скорѣе слѣдовало бы гнушаться покупателю, потому что за стыдъ женщины онъ платитъ кускомъ горькаго хлѣба, съ придачею позорнаго столба и эшафота? Вамъ нужно дешевыхъ произведеній, вамъ нужно какъ можно болѣе богатствъ. Вооруженные неопровержимыми доказательствами въ пользу теоріи *laissez faire*, вы не смущаетесь тѣмъ, что съ остановкою работы на фабрикахъ, десятки, сотни тысячъ людей остаются безъ крова и пропитанія, капиталисты — предприниматели разоряются, и

вмѣсто жнимага благосостоянія царствуютъ смерть и разрушеніе. Вамъ до этого нѣтъ дѣла! *Fiat justitia et pereat mundus*, говорили когда-то юристы, и вы, желая торжества своимъ началамъ, говорите почти то же самое; но у васъ нѣтъ даже и нравственнаго основанія для такого благочестиваго желанія! Юристы хотѣли правды, хотя бы въ ничтожествѣ хаоса, а вы?

Экономисты умѣютъ съ необыкновеннымъ искусствомъ выставять на показъ мишурный блескъ промышленнаго развитія; ихъ не смутили бы разказы путешественниковъ, выдавшихъ, во время бывшаго голода въ Ирландіи, людей въ круглой шляпѣ и во фракѣ, умершихъ отъ истощенія: они нашли бы въ этомъ богатую тему для прославленія успѣховъ промышленности, которая дѣлаетъ приличную одежду достояніемъ погибающаго отъ голода.

Положимъ, что такія мелкія случайности не имѣютъ для насъ практическаго интереса, потому что судьба доселѣ охраняла насъ. Но однѣ и тѣ же причины сопровождаются одними и тѣми же слѣдствіями. Если мы начнемъ производить не расчетливо, производить не для человѣка, а для того, чтобы увеличить количество богатствъ и понизить ихъ цѣнность; если и мы отдадимъ себя въ жертву неограниченному соперничеству, то и насъ постигнетъ та же участь.

Признаюсь, я бы не желалъ, чтобы мы когда-либо достигли тѣхъ чудесъ механическаго производства, того колоссальнаго промышленнаго могущества, которымъ славится Англія, если только нищета составляетъ роковую принадлежность экономическихъ успѣховъ.

Въ Англіи, война сдѣлалась необходимымъ средствомъ для занятія фабричныхъ работниковъ, и для сбыта произведеній. Давно ли пылали китайскіе города и села, ради ость-индскаго опиума и манчестерскихъ товаровъ, а между тѣмъ уже снаряжается новая экспедиція для распространенія хлопчато-бумажной цивилизаціи въ Небесной Имперіи. Англичане не дѣлаютъ изъ этого тайны: когда-то на одномъ обѣдѣ, данномъ (если не ошибаюсь) въ честь Поттинджера, одинъ фабрикантъ, услышавъ о томъ, что въ Китаѣ 200 милл. жителей, воскликнулъ: «Для нашихъ произведеній открывается рынокъ съ 200 милл. потребителей. Какъ же великъ будетъ нашъ сбытъ, мм. гг., если каж-

дый Китаецъ износить хотя по одному колпаку въ годъ! «Поттинджеръ остановилъ этотъ порывъ восторга, замѣтивъ, что Китайцы незнакомы съ ночнымъ украшеніемъ европейскихъ головъ.

Вотъ слѣдствія неограниченнаго соперничества. Оно заставило Англичанъ, для поддержанія своей промышленности, добиваться роли поставщиковъ мануфактурныхъ произведеній и лавочниковъ всего земнаго шара.

Да, у насъ нѣтъ этой нищеты, благодаря тому, что наши земледѣльцы имѣютъ клочокъ земли, который обезпечиваетъ ихъ существованіе, у насъ нѣтъ нищеты, потому что соперничество между фабрикантами не достигло ужасающихъ размѣровъ, не превратилось въ борьбу на жизнь и смерть. Наши фабричныя селенія предохраняютъ народъ отъ бѣдности, которую мы замѣчаемъ на Западѣ; наши мастерские работаютъ товариществами—артелями, которыя спасаютъ ихъ отъ произвола предпринимателя. Но и у насъ также есть нищія. Бѣдность неизбѣжна въ самомъ благоустроенномъ обществѣ, потому что она можетъ происходить отъ причинъ случайныхъ, отъ неосмотрительности, отъ недостатка техническихъ свѣдѣній.

Что же придумали экономисты для отвращенія этого неизбѣжнаго зла? *Laissez faire!* Пусть бѣдный умретъ отъ голода, пусть безразсудный, положимъ даже виновный, будетъ отданъ на произволъ собственной судьбѣ. Экономисты не хотятъ знать о томъ, что есть страданіе; для нихъ, страданіе частное предметъ слишкомъ мелочной. Они похожи на того друга человечества, который писалъ трактатъ о бѣдствіяхъ негровъ, и, прерванный мольбою голоднаго просителя, вытолкалъ его со двора. Вы не хотите заглянуть къ ремесленнику въ его мастерскую; вы не думаете о томъ, какъ живетъ мужикъ въ своей хатѣ, не хотите заняться изслѣдованіемъ, если онъ богатъ — отчего богатъ? и если бѣденъ, — то чѣмъ отвратить эту бѣдность? Вы боитесь ступить на порогъ своей людской или своей кухни; вы не думаете водворить между своими слугами привычку опрятности, порядка и бережливости, а мечтаете о челоуѣколюбіи и грезите маниловскими снами о благосостояніи. Счастливое состояніе! Міровыя идеи поглощаютъ вашу жизнь. Для васъ ли созданы тѣ докучливыя заботы каждаго дня, на которыя пришлось бы истратить столько пылу молодости и столько глубокой любви къ человечеству?

XIV. Отъ экономиста къ практику.

Въ недавнее время много смѣялись надъ причудами воображенія ученыхъ. Зарывшись въ книги, изучая въ кабинетной глуши страсти человѣка и чуждаясь непосредственнаго соприкосновенія съ обществомъ, ученые создавали для себя свой особенный мѣръ. Въ немъ, и люди и житейскія отношенія, о которыхъ шла рѣчь, были только однимъ призракомъ дѣйствительности, ея невѣрнымъ отраженіемъ. Языкъ, которымъ говорили о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ, отличался чѣмъ-то таинственнымъ для непосвященныхъ. Это направленіе отразилось въ большей части наукъ, оно вызвало толки о сближеніи науки съ жизнію; толки, которые не встрѣчаются болѣе въ печати, и сдѣлались достояніемъ ученическихъ сочиненій.

Но причуды воображенія ученыхъ — ничто въ сравненіи съ тѣми сказками, которыми убаюкиваютъ современныхъ читателей люди основательные и положительные, готовые выслать поэтовъ за городскія ворота, и основать знаніе на собственномъ здоровомъ смыслѣ.

Эти новые поборники истины презираютъ и отвлеченныя системы, и всякую теорію вообще, недоступную для ихъ разумнія или чуждую ихъ понятіямъ и привычкамъ. Они произносятъ приговоры надъ народною нравственностію, узнавъ о нѣсколькихъ преступленіяхъ, — надъ литературою, прочитавъ два, три плохіе романа.

Но стоить только пренебречь плодами долговременныхъ изслѣдованій, и судить по памяти о мимолетныхъ впечатлѣніяхъ, для того чтобы сдѣлаться Робинсономъ въ образованной средѣ.

Такихъ Робинсоновъ очень много. Они говорятъ о своихъ убѣжденіяхъ, и въ то же время они глубокіе скептики. Они въ состояніи добывать огонь треніемъ и, жалуясь на тяжесть труда, отвергать употребленіе фосфорныхъ спичекъ. Заговорите съ ними о водородномъ огнивѣ, или о фосфорѣ, они отвѣтятъ вамъ: «не можетъ быть!» представьте доказательства на самомъ дѣлѣ, они скажутъ вамъ: «да лучше ли это?» Такъ обсуживаютъ они учрежденія хозяйственныя; такъ смотрятъ они на доказательства науки.

Они вносятъ изъ прошедшаго одни отрывочныя преданія, ко-

торыя имъ по сердцу. Эти преданія для нихъ то же, что топоръ, пила и нѣсколько досокъ, занесенныхъ съ Робинсономъ на уединенный островъ. До остальнаго міра имъ дѣла нѣтъ.

Что въ томъ, если они читаютъ журналы? Они бросаютъ ихъ, если не находятъ своихъ предрасудочныхъ сужденій.

Эти-то пустынники въ наукѣ едва ли не болѣе живутъ мыслями и призраками, нежели ученые-поэты; ихъ воображеніе, то очарованное золотымъ свѣтомъ дня, то испуганное чудовидными образами сумерекъ, смутнѣе отражаетъ дѣйствительность, нежели безплотныя грезы отвлеченнаго мышленія. Къ незнанію примѣшивается нѣсколько суевѣрія: они не смѣютъ отрицать существованіе Змѣя Горынича, вѣрятъ въ цвѣтъ папоротника въ Иванову ночь; мистики, они задумываются надъ сказками и смѣются надъ доказанными истинами, потому что въ мірѣ есть много таинственнаго, и что наука лепечетъ еще свои первыя слова...

Вы имѣете неоспоримое право поступить въ число этихъ Робинсоновъ. Вы произносите одно общее проклятіе и надъ заблужденіями экономистовъ, и надъ открытыми ими истинами; вы обвиняете науку за то, что Ирландецъ умираетъ отъ голода, что Англія не знаетъ иногда, куда сбыть свои произведенія. Въмѣсто того, чтобы справиться, чему приписывали экономисты появленіе нищеты,—вы навязываете имъ собственныя мысли, и упрекаете ихъ въ безчеловѣчїи и въ равнодушіи къ страданію.

Печальныя экономическія событія запугали васъ: вы смотрите на соперничество какъ на Змѣя Горынича, васъ дугаютъ чудовища мастерскія, вы готовы вступить въ борьбу съ заклятымъ врагомъ, и хотите отвратить бѣдность средствами, которыя напоминаютъ добываніе огня посредствомъ тренія...

Судя о наукѣ по отрывочнымъ воспоминаніямъ, вы приписываете ей взглядъ на хозяйственный порядокъ, какъ на мертвый механизмъ, въ которомъ былъ забытъ живой двигатель — человекъ, между тѣмъ какъ она считала его главнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій.

Чудовищная мысль желать одного накопленія сокровищъ никому не приходила въ голову. Желая умноженія богатствъ и дешевизны произведеній, всѣ имѣли въ виду потребителей. Безъ сомнѣнія, потребление не всегда бываетъ необходимымъ слѣд-

ствиемъ производства; но неужели можно улучшить положеніе бѣдныхъ, не увеличивая средствъ для удовлетворенія потребностей? Неужели мы слишкомъ богаты и слишкомъ образованы? Впервыхъ, надо подумать объ увеличеніи предметовъ потребленія; вовторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что благосостояніе зависитъ отъ увеличенія доходовъ. Къ счастью, политическая экономія убѣждаетъ насъ въ томъ, что мѣры, направленные къ той и къ другой цѣли, совершенно тождественны. Устраненіе препятствій, встрѣчаемыхъ частною хозяйственною дѣятельностію, пробужденіе соперничества и образованіе добровольныхъ промышленныхъ товариществъ, содѣйствуютъ въ равной мѣрѣ и возрастанію богатствъ, и возрастанію достаточности отдѣльныхъ лицъ.

Вы говорите, что мы грезимъ міровыми идеями о благосостояніи рода человѣческаго и, преслѣдуя отвлеченную мечту, забываемъ о частныхъ бѣдствіяхъ; но это несправедливо. Кто сталъ изучать нищету съ сочувствіемъ къ страдающему, и съ желаніемъ оказать ему не временную помощь, но дѣйствительное облегченіе, какъ не Сисмонди, де-Жерандо, Баржемонъ, Эшли, Пиль, Дюпесіо, Виллерме и многіе другіе поборники духа христіанской благотворительности, которой драгоцѣнна жизнь каждаго человѣка?

Экономисты странствовали изъ края въ край, не для того чтобы любоваться созданіями искусства, красотами природы, развалинами умирающаго Рима, поэтическою лѣнью нищаго ладзарони, не для того, чтобы испытать незнакомыя ощущенія въ шумномъ движеніи большихъ городовъ; нѣтъ! ихъ скорбный путь пролегалъ въ лачуги ирландскихъ фермеровъ и фабричныхъ работниковъ, въ сырые и душные подвалы, въ грязныя таверны, въ отвратительныя жилища нищеты, страданія и порока. Совѣтую многимъ припомнить свою веселую одиссею, и сравнить ее съ странствованіями Сисмонди и Виллерме, произнести свой приговоръ надъ холоднымъ челоуѣколюбіемъ науки.

Вы обвиняете примѣненіе экономическихъ истинъ въ распространеніи нищеты, какъ будто бы зло не существовало отъ вѣка, какъ будто бы въ древнемъ мірѣ, въ эпоху рабства и насилія, не болѣе было страданій, чѣмъ теперь. Вы обвиняете ученыхъ въ томъ, что они не знаютъ средствъ для отвращенія паупе-

ризма, но что же придумали вы? Потрудитесь заглянуть въ литературу, посвященную народному хозяйству, и вы найдете подробное изученіе и причинъ происхожденія нищеты, и средствъ для устраненія послѣдней; вы найдете цѣлые томы о дороговизнѣ хлѣба, о положеніи дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, о промышленныхъ кризисахъ, о пролетариатѣ и пр.

Трудясь надъ объясненіемъ этихъ печальныхъ явленій, экономисты не отдѣлывались общими мѣстами; съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, они указывали на причины зла и на орудія для усилѣнной борьбы. Многие ошибались, конечно, но заблужденія разсѣялись передъ свѣтомъ истины, и мы знаемъ теперь, что корень всѣхъ экономическихъ бѣдствій заключается въ недостаткѣ образованія, въ незнакомствѣ массы населенія съ истинами науки, въ устарѣлыхъ монопольныхъ правахъ, то-есть, въ ограниченіи дѣятельности труда, образованія частной собственности и обнаруженія соперничества.

Подобное изученіе само собою указывало на разумныя, практически-примѣнимыя реформы, — разумныя по рациональности началъ, принятыхъ въ основаніе, практически-примѣнимыя по источнику, изъ котораго черпались эти начала.

Отъ этихъ изслѣдованій повѣяло новою жизнію, духомъ чистой, возвышенной нравственности. Мы сознали уже, что можно убить не только ножомъ изъ-за угла, но мелочными непрерывными огорченіями, душевною пыткой каждаго дня; мы соглашаемся, что можно ограбить не только на большой дорогѣ, но и за зеленымъ столомъ, при дружескомъ чоканіи бокаловъ; мы начинаемъ понимать, что нарушеніе правъ собственности, въ какомъ бы видѣ оно ни представлялось, тотъ же грабежъ, только съ другою обстановкой; мы поймемъ наконецъ, что побѣда надъ женщиною, доставляемая золотомъ и нищетою, такъ же мало приноситъ намъ чести, какъ и волоса, снятые съ черепа убитаго непріятеля и украшающіе поясъ американскаго дикаря.

Вы не можете оспаривать этого достоянія у экономической науки, потому что она занялась положеніемъ парижской швеи, и произнесла свой приговоръ надъ тѣмъ, что считалось удалствомъ и молодечествомъ, и произнесла его во имя правъ человѣка на развитіе и на удовлетвореніе потребностямъ нравственнымъ. Она заставила насъ оправдываться или печальною историческою необходимостію, или знаменитою юридическою поговор-

кой: *volenti non fit injuria*, «соглашающемуся нѣтъ обиды». Мы оправдываемся, потому что мы чувствуемъ позоръ нашего участія, который тѣмъ постыднѣе, чѣмъ мы хладнокровнѣе, и чѣмъ живѣе намъ представляется будущее положеніе нашей жертвы. Чѣмъ же придумали практики? Подать въ пользу бѣдныхъ милостыни и нищенскіе супы; я не говорю о человѣколюбивыхъ учрежденіяхъ въ родѣ рабочихъ домовъ и галеръ.

Если милостыня соотавляетъ, по вашему мнѣнію, главное средство для врачеванія экономическаго недуга, то позвольте замѣтить, что этого лѣкарства недостаточно, и что при дурномъ употребленіи оно иногда увеличиваетъ болѣзнь. Давая милостыню, должно думать объ уменьшеніи числа нищихъ, объ освобожденіи человѣка отъ необходимости просить подаваніе; о томъ, чтобы оно не унизило его въ собственныхъ своихъ глазахъ, чтобы нуждающійся былъ самъ участникомъ въ великомъ дѣлѣ своего освобожденія отъ гнета нищеты. Вотъ цѣль, къ которой стремились экономисты; имъ въ голову не приходило отрицать милостыню, но они хотѣли видѣть въ ней христіанскую помощь ближнему, а не одно подаваніе.

Мальтусъ, изъ котораго воображеніе филантроповъ, не читавшихъ его сочиненій, сдѣлало что-то въ родѣ чудовища, сравниваетъ благотворительность съ росой, освѣжающею землю, и замѣчаетъ, что та милостыня приноситъ наибольшую пользу бѣдныяку, которая содѣйствуетъ также и нравственному развитію помогающаго. Не всякое подаваніе заслуживаетъ названія истинной благотворительности. Этого имени нельзя дать подати, взимаемой въ Англіи въ пользу бѣдныхъ: помощь ближнему должна быть сознаніемъ нравственно-христіанскаго долга, а не юридическою обязанностію. Этого имени нельзя дать подаваніямъ, въ которыхъ мы не участвуемъ своимъ сердцемъ. Неужели вы думаете, что человѣкъ, разбрасывающій гроши по дорогѣ, болѣе христіанинъ, нежели тотъ, кто осушилъ слезы хотя одного бѣдняка, подаль руку павшему, возвратилъ ему честное положеніе въ свѣтѣ? Понимаете ли вы, сколько униженія заключается въ подаваніи, которое выпрошено рубищемъ и заученными словами? сколько высказывается равнодушія и холодности при раздачѣ копѣекъ и рублей людьми, которые не входятъ въ положеніе просителя, а бросаютъ ему изъ окна кусокъ хлѣба? Наше законодательство оцѣнило эту двоякую благотворительность: оно покровительствуетъ

обществамъ для посѣщенія бѣдныхъ, но, пресѣкая въ то же время нищенство и бродяжество, оно не хочетъ варварской благотворительности, а хочетъ, чтобы мы оказывали помощь въ духѣ ученія Христа.

Итакъ, не думайте, что экономисты, толкуя о *laissez faire*, проповѣдуютъ восточный фатализмъ или языческій рокъ; вѣтъ, они дѣлаютъ вызовъ со стороны соперничества къ дѣятельнымъ, творящимъ силамъ общества. Дѣло идетъ не объ осуществленіи завѣтной мечты, хотя бы погибнулъ міръ, но о томъ, чтобы вдохнуть въ него жизнь правды и добра.

XV. ОТЬ ПРАКТИКА КЪ ЭКОНОМИСТУ.

Вы доказывали много великихъ истинъ (предоставляю вамъ читать, вмѣсто доказывали, доказали): вопервыхъ, что политическая экономія существуетъ, вовторыхъ, что она имѣетъ содержаніе, отличающееся связностію, послѣдовательностію; втретьихъ, что ея понятія опредѣленны и точны; вчетвертыхъ, что она имѣетъ одно основное начало; одну главную мысль, которая стѣбитъ сотни другихъ, и впятыхъ, что это наука глубоко-человѣколюбивая.

Не ручаюсь за то, что я перечислилъ всѣ торжества, которыя выпали на вашу долю; но въ упоеніи побѣды вы не пощадили и себя! Я молчалъ и давалъ вамъ высказаться вволю. Чувствуя, что политическая экономія, разсуждающая съ однихъ вещественныхъ богатствахъ, отличается узкимъ взглядомъ на дѣйствительность и ведетъ къ матеріализму, вы заговорили о невещественныхъ потребностяхъ, объ умственныхъ и художественныхъ средствахъ, служащихъ для удовлетворенія имъ, наконецъ о нравственности; даже частный интересъ преобразился въ *частныя стремленія!* Попытка напрасная! Вамъ удалось загрязнить духовную природу примѣсью матеріализма, но не удалось спрятать послѣдняго. Это похоже на попытку челоуѣка прикрыть немытыя руки бѣлыми лайковыми перчатками. Чтѣ ни говорите, а политическая экономія—дитя своего времени: она взлелѣяна его грубыми чувственными стремленіями. Экономисты, которые допустили существованіе благъ невещественныхъ, подвергли челоуѣка и его нравственное достояніе денежной оцѣнкѣ. Куперь видѣлъ въ правовѣдѣ капиталъ въ 3000 долларовъ; идя по его слѣ-

дамъ, можно перевести на деньги умъ, дарованіе, честность и т. д. Книгопродавецъ Пушкина былъ совѣстливѣе. Онъ говорилъ поэту:

«Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.»

Вы, господа, вы переводите на монету самое вдохновеніе.

Вы пытались защитить себя отъ упрека въ матеріализмъ, опредѣливъ предметъ изслѣдованій политической экономіи полезною работою, но сами выдаете себя противникамъ, говоря: «Мы оцѣниваемъ то, что промѣниваемъ другъ другу; въ мѣнѣ выговариваемъ себѣ вознагражденіе за трудъ или за произведенія своего труда, и такимъ образомъ получаемъ доходъ.» Ясно, что поэтъ, художникъ и проч. низведены вами на степень производителей предметовъ для домашняго обихода. Это промышленники, которые должны заботиться о томъ, чтобы показать свой товаръ лицомъ и зашибить копейку.

Миръ вещественный, потребности тѣла, безъ сомнѣнія, имѣютъ свои права; мы не можемъ жить безъ пищи, безъ крова и одежды; но что это за жизнь, что это за среда общественная, что это за наука, которыя не знаютъ ни возвышенныхъ порывовъ, ни нравственныхъ стремленій, и хотятъ обратить человѣка, способнаго къ самопожертвованію, къ любви, къ безкорыстному выполненію долга, въ мелочнаго торгаша, который разсчитываетъ на выгодный сбытъ того, что должно быть неприкосновеннымъ состояніемъ каждаго изъ насъ?

Нѣтъ! лучше ограничьтесь вещественными богатствами, толкуйте о производствѣ, обращеніи и потребленіи произведеній промышленности, не мудрствуя, а изучая все, что существуетъ у отдѣльныхъ народовъ, не выдумывая общихъ отвлеченныхъ системъ. Оставьте неприкосновеннымъ то, что не должно быть предметомъ купли и продажи, чего нельзя вынести на рынокъ житейской корысти, не унизивъ самого себя.

Но, пощадивъ это святое достояніе, вы сведете съ подмостковъ вашу науку, вы должны будете сознаться въ томъ, что ей суждена очень скромная доля. Ея почитатели замѣтятъ тогда, что въ жизни есть другія стороны, которыя болѣе заслуживаютъ изученія. Въмѣсто поклоненія чувственности, быть-можетъ они подумаютъ объ облагороженіи человѣка.

Вы скажете: помилуйте! вѣдь экономисты, говорили не объ

однихъ вещественныхъ произведеніяхъ, они имѣли въ виду средства, для развитія ума, нравственности, вкуса и пр.

Да, благодаря уоовершенствованіямъ механическимъ, мы окружены роскошью, мы имѣемъ прекрасныя ткани для одежды, покойныя жилища, домашнія удобства (комфортъ), мы имѣемъ романъ для легкаго послѣ-обѣденнаго чтенія, газету для удовлетворенія празднаго любопытства, концерты, театры, собранія произведеній кисти и рѣзца для художественныхъ наслажденій.

Прекрасно! Но всѣ эти средства для удовлетворенія высшимъ потребностямъ человѣка, открываютъ ли они для насъ свѣтлый міръ науки, искусства и нравственности? Въ стремленіи къ приобрѣтенію этихъ средствъ и къ пользованію ими, нами управляеть расчетъ, личная выгода. Мы успѣли запятнать самыя высокія наслажденія своекорыстіемъ; мы отняли у нихъ все освѣжающее человѣка, мы сдѣлали предметомъ торга и средствомъ противъ нашего пресыщенія то, что можетъ быть дѣломъ одного призванія, что предназначено не для развлеченія утомленной праздности, но для того, чтобы найти отголосокъ въ чистой душѣ, полной силы и жажды дѣятельности.

Вы когда-то смѣялись надъ идеалистами и ихъ безсильнымъ ропотомъ. Торжествуйте надъ ними, прославляйте политическую экономію, я не завидую вамъ.

XVI. Отъ экономиста къ практику.

Теперь и я начинаю прозрѣвать.

Политическая экономія это дитя новаго времени, зараженнаго жаждою богатства и чувственностію, это наука лавочниковъ земнаго шара, какъ называетъ Сисмонди Англичанъ, наука матеріализма и холоднаго расчета, который ничего не исключаетъ изъ денежной оцѣнки.

Хотите составить инвентарь своего достоянія? Пишите:

Земля и домъ съ принадлежностями . XX руб.

Здоровье XX —

Мебель XX —

Безкорыстіе хозяина XX —

и проч. и проч.

Вы рѣшили безъ апелляціи, что политическая экономія безвравственнѣе книгопродавца. По вашимъ словамъ, она не доводится продажей рукописи, но говорить писателю: «продай и вдохновение».

Предоставляю вамъ развивать эту послѣднюю мысль, которая составляетъ вашу полную собственность, впрочемъ далеко не спорную: на нее могутъ имѣть притязаніе многіе, которые не хотятъ знать политической экономіи и гадательно объясняютъ себѣ ея содержаніе.

Но, какъ бы то ни было, экономисты согласны съ книгопродавцемъ, и если его постигаетъ упрекъ въ безвравственности, то этотъ упрекъ относится и къ нимъ. Экономистамъ кажется, что поэты созданы изъ плоти и крови, что на ихъ долю достались потребности человѣческія, несмотря на безсмертіе, которое вѣнчаетъ ихъ вдохновенное чело. Назовите это слабостію, несовершенствомъ ихъ природы; но я не знаю ни одного поэта, который могъ бы удовлетворить своимъ потребностямъ пѣснями и славой.

Самый безкорыстный изъ нихъ сказалъ: «я пою какъ птица», и отвергая золотую цѣпь, просилъ поднести ему кубокъ лучшаго вина. Быть-можетъ вы скажете, что пѣвецъ Гете осквернилъ свое призваніе, что ему слѣдовало бы имѣть лишь потребность пѣсенъ и вдохновенія? Я не знаю такихъ безплотныхъ существъ между пѣвцами и думаю, что поэту, которому бабушка не ворожить, слѣдуетъ сдѣлать выборъ между вознагражденіемъ по условію за произведенія своего таланта, и золотою цѣпью Гетева пѣвца, подаваніемъ, зависящимъ отъ произвола добродѣтельныхъ дателей. Правда, есть еще одинъ выходъ для того, кто счелъ бы преступленіемъ жить плодами вдохновенія, — подавить въ себѣ призваніе и взяться за плугъ или за ткацкій станокъ. Но согласитесь, что жестоко посадить птицу, которая любитъ жить среди зеленыхъ вѣтокъ, въ мастерскую ремесленника, или за бухгалтерскій столъ. Итакъ все-же остается выборъ между вознагражденіемъ по условію и подаваніемъ.

Быть-можетъ вамъ нравится мысль, что дары меценатовъ польются золотымъ дождемъ въ изношенную шляпу поэта? Но золотой дождь подкупилъ стражей Данаи, и если онъ подкупить одного изъ стражей поэта, чувство независимости въ хозяйственномъ отношеніи, то кто знаетъ, не отдастъ ли поэтъ

своего вдохновенія за милостыню, и устоять ли онъ противъ искушенія развязывать вкрадчивою лестію чужіе кошельки.

Чувство собственнаго достоинства скорѣе развивается въ томъ, кто условливается о вознагражденіи, какъ о должномъ, нежели въ томъ, кто ожидаетъ милостыни, и живетъ со дня на день, выжидая минуты благосклонности. Получая плату, какъ должно, а не какъ дѣло милости, онъ становится выше въ своихъ собственныхъ глазахъ. Условливаясь за цѣну произведеній своего таланта, писатель скорѣе отвергнетъ торгъ, унижительный для его убѣжденій и для его дарованія, какъ покушеніе на его доброе имя и на его славу; потому что его нравственное чувство находитъ опору въ его хозяйственной самостоятельности.

Если вознагражденіе дается за услугу, за промѣниваемыя нами произведенія труда, то слѣдуетъ ли изъ этого, что предметомъ мѣны становится дарованіе, умственные и нравственные качества человѣка? Неужели всѣ экономисты должны отвѣчать за двухъ, трехъ писателей, которые смѣшали человѣка съ богатствомъ и включили его въ число цѣнностей? Такимъ образомъ можно заподозрить любую истину, любую науку: одинъ историкъ сказалъ нелѣпость,—исторія вздоръ! плохой естествоиспытатель сдѣлалъ неудачный химическій опытъ,—всѣ опыты химическіе чистый вздоръ! Дивная логика, ведущая къ однимъ безплоднымъ отрицаніямъ!

Вы когда-то, съ такимъ одушевленіемъ, отстаивали мысль о цѣлостности всѣхъ сторонъ нашей жизни; какимъ же образомъ пришли вы къ крайнему раздвоенію человѣка? По вашему мнѣнію, онъ существуетъ то среди грязной вещественности, то среди свѣтлыхъ ощущеній поэзіи, художества, науки. Послѣ нечистаго соприкосновенія съ первою, ему слѣдуетъ омыться во второй средѣ, какъ Индійцу въ водахъ Ганга. Это раздвоеніе человѣка, это признаніе необходимости грязной стороны въ его природѣ, глубоко оскорбительны. Человѣкъ, сказалъ Байронъ, есть мутный потокъ, вышедшій изъ чистаго источника; возвратъ къ утраченной чистотѣ для него никогда не прегражденъ, и она можетъ быть принадлежностію его повседневной жизни. Всѣ стороны его существованія и его дѣятельности могутъ быть запечатлѣны глубоко-нравственнымъ значеніемъ.

Возьмемъ для примѣра промышленный бытъ, я докажу вамъ, что благосостояніе неразрывно связано съ нравственностію.

Хозяйственныя отношенія, обнимающія собою мѣну, состоятъ въ оказаніи другъ другу взаимныхъ услугъ, слѣдовательно они не только не исключаютъ безкорыстныхъ стремленій въ душѣ человѣка, но напротивъ предполагаютъ ихъ какъ необходимое условіе для полноты человѣческой дѣятельности.

Оцѣнка полезной работы въ мѣнѣ, тѣми, которые пользуются этою работою, есть оцѣнка безпристрастная, не подкупная, выраженіе высшей человѣческой справедливости на землѣ, и поэтому запечатлѣнная высокою нравственностію. Доходъ, получаемый по совершеніи мѣновой сдѣлки и устанавливаемый соперничествомъ, имущество, приобретаемое честнымъ трудомъ, не налагаютъ пятна на нашу честь, напротивъ возвышаютъ въ нашихъ глазахъ человѣка («приобрѣтающаго хлѣбъ въ потѣ лица своего»), какъ исполнителя завѣта Божія.

Корысть, торгашество, и проч., не составляютъ принадлежности имущества; это испорченныя стремленія, которыя оскверняютъ и наше вещественное достоинствіе, и нашу внутреннюю духовную природу. Имущество можетъ имѣть высокое нравственное освященіе, составляя награду для трудящагося, его неприкосновенную собственность, условіе для выполненія долга.

Не пренебрегайте имъ! Вы знаете изъ словъ Спасителя, какую цѣну имѣли въ глазахъ Господа двѣ лепты вдовицы; не пренебрегайте имъ, потому что хлѣбъ, приобретаемый нами, кормитъ и старость, которая когда-то лелѣла наше безпомощное дѣтство, и тѣ растущія поколѣнія, которымъ принадлежитъ жатва будущаго; не пренебрегайте имъ, потому что довольство облегчаетъ для человѣка и развитіе и пользованіе плодами просвѣщенія.

Въ настоящее время, экономисты сознали болѣе, чѣмъ когда-либо, глубокое значеніе своей науки. Они поняли, что явленія экономическія тѣсно связаны съ явленіями нравственными, что первыя выражаютъ осуществленіе закона справедливости, вторыя — человѣческаго долга. Поэтому я говорю съ полнымъ правомъ, что политическая экономія есть наука христіанская. Она не могла возникнуть среди языческихъ обществъ, основанныхъ на угнетеніи и насиліи, потому что она предполагаетъ развитіе частной собственности, а слѣдовательно уваженіе къ труду и его достоинству; она возникла въ средніе вѣка, когда установились въ Европѣ прочныя гражданскія отношенія, и когда духъ великаго ученія сталъ проникать въ законодательство и обычай народовъ.

Ученые, увлеченные преданіями древности, долго не понимали появленія политической экономіи. Они недоумѣвали, откуда и зачѣмъ явилась она, пока наука не объяснила общественныхъ переломовъ дѣятельностію экономическихъ силъ. Умъ челоуѣка былъ неожиданно пораженъ открытіемъ двигателя, незамѣтнаго при изслѣдованіи внѣшней стороны явленій, но могущественнаго въ управленіи ходомъ всемірно-историческихъ событій.

Невольно потерялись изъ виду громкія имена, когда представилась нашимъ изумленнымъ глазамъ муравьиная работа непрерывнаго ряда племенъ и поколѣній, которая, говоря словами Шиллера, «приноситъ песчинки для вѣковыхъ сооружений; но вычеркиваетъ минуты, дни и годы изъ великой долговой книги времени.»

Die zu dem Bau der Ewigkeiten
Zwar Sandkorn nur zu Sandkorn reicht,
Doch von der grossen Schuld der Zeiten
Minuten, Tage, Jahre streicht.

Да! экономическая жизнь—богатая страница въ исторіи челоуѣчества, но мы только не давно научились понимать ея смыслъ; мы росли въ убѣжденіи, что она наполнена разказами о мелочахъ житейскихъ, и не рѣдко остаемся при этой мысли даже и тогда, когда настаетъ для насъ время дѣятельности и труда. А на этой страницѣ записаны надежды, радости и страданія миллионувъ, имена которыхъ не составляютъ достоянія потомства; на этой страницѣ разказана повѣсть о трудѣ, выполненномъ челоуѣкомъ въ теченіи тысячелѣтій, сначала съ безсознательностію слѣпаго инстинкта, потомъ при свѣтѣ просвѣщенія, которое внесло смыслъ и достоинство въ дѣла ежедневной, обыкновенной жизни, и связало людей общею заповѣдью: «Люби ближняго какъ самого себя.»

Идеалисты! не презирайте нашего повседнежнаго существованія. Если челоуѣкъ дорогъ вамъ, то не говорите ему: у тебя двѣ жизни, одна вещественная, проникнутая грубою чувственностію, другая духовная, запечатлѣнная чистою нравственностію; принеси первую въ жертву второй. Скажите ему: живи какъ челоуѣкъ, старайся запечатлѣть всѣ стороны своей дѣятельности истинами ученія Спасителя; пусть искусство и наука, имущество и трудъ, будутъ въ твоихъ рукахъ орудіями для осуществленія благородныхъ стремленій любви.

Н. Бунгк.

РУССКІЕ ИСПОВѢДНИКИ ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ XVII ВѢКѢ

Было великое и страшное время въ началѣ XVII вѣка: здоровыя силы народа должны были находиться въ крайнемъ напряженіи, для того чтобъ одолѣть многочисленныя и тяжкія болѣзни, поразившія общественное тѣло; лучшіе люди должны были обнаружитъ всю свою дѣятельность, и дѣятельность эта требовалась на разныхъ путяхъ, ибо вездѣ общество сильно нуждалось въ свѣтѣ и въ правдѣ.

Общество уже начало подозрительно смотрѣть на тѣхъ людей, отъ которыхъ прежде исходила проповѣдь о свѣтѣ и правдѣ, проповѣдь словомъ и дѣломъ, ибо часто эти люди омрачали себя дѣлами неправедными, которыя даже не скрывались въ тѣмѣ, но являлись безъ покрова на бѣлый свѣтъ. Лучшимъ представителямъ этихъ людей нужно было много труда, много жертвъ и страданій, чтобы возвратитъ къ себѣ довѣріе общества.

Однажды въ Москвѣ, на рынокѣ, гдѣ продавались книги, пришелъ молодой монахъ, высокій, стройный, красивый. Глаза всѣхъ обратились на него, и одинъ изъ присутствовавшихъ, вспомнивъ поведеніе нѣкоторыхъ монаховъ, обратился къ нему съ неприличными словами. Монахъ, вмѣсто того чтобъ осердиться, глубоко вздохнулъ, облился слезами и сказалъ ему: «Да, братъ! я въ самомъ дѣлѣ такой грѣшникъ, какъ ты подумалъ обо мнѣ. Богъ тебѣ открылъ обо мнѣ правду. Еслибъ я былъ настоящій монахъ, то не бродилъ бы по этому рынку, не скитался бы между

мірскими людьми, а сидѣлъ бы въ своей келліи; прости меня грѣшнаго, Бога ради, въ моемъ безуміи.» Всѣ присутствовавшіе, тронутые этими рѣчами, обратились съ крикомъ на человѣка, который осмѣлился оскорбить достойнаго инока, называли его дерзкимъ, невѣждою. «Нѣтъ, братья! говорилъ имъ монахъ, дерзкій и невѣжда—то я, а не онъ; всѣ слова его обо мнѣ справедливы; онъ посланъ отъ Бога на мое утвержденіе, чтобы мнѣ впередъ не скитаться по рынку, а сидѣть въ келліи.» Съ этими словами монахъ ушелъ; обидчикъ бросился за нимъ просить прощенія. Этотъ монахъ былъ изъ Старицкаго Богородичнаго монастыря, именовъ Діонисій.

Скоро опять увидали Діонисія на площадяхъ московскихъ, въ санѣ архимандрита своего монастыря, и тутъ уже онъ не говорилъ, что неприлично было ему, какъ монаху, показываться среди народа, тутъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Увѣщевая духовенство, патріархъ Гермогенъ ставилъ ему въ примѣръ Діонисія: «Смотрите, говорилъ онъ, на старицкаго архимандрита: никогда онъ отъ соборной церкви не отлучается, на царскихъ и всемірныхъ соборахъ всегда тутъ.» Что же это были за всемірные соборы, на которыхъ присутствовалъ Діонисій? Было тогда время мятежное; Московское государство волновалось именовъ царевича Дмитрія; отъ Москвы за 12 верстъ, въ Тушинѣ, стояли Поляки и Литовцы съ русскими ворами, промышляя надъ столицею. Не только въ простыхъ людяхъ, но и въ князьяхъ и боярахъ была шатость большая, раздѣлялись надвое; братъ въ Москвѣ съ царемъ Василиемъ въ осадѣ, а другой въ Тушинѣ съ воромъ, отецъ на Москвѣ, а сынъ въ Тушинѣ, и сходились на битвы сынъ противъ отца и братъ противъ брата: а въ Москвѣ, народъ, собравшись, приходилъ къ царю Василю съ шумомъ, требуя, чтобы отказался отъ престола. Патріархъ защищалъ царя, Діонисій былъ подлѣ патріарха и увѣщевалъ народъ, несмотря на всевозможныя оскорбленія, которымъ подвергались увѣщатели отъ буйной толпы.

Въ самое смутное время, Діонисій былъ назначенъ архимандритомъ въ знаменитый Троицкій Сергіевъ монастырь. Москва была разорена, казаки неслыханно свирѣпствовали во всѣхъ областяхъ; толпы бѣглецовъ съ разныхъ сторонъ устремились въ Троицкому монастырю, и страшно было смотрѣть на нихъ: одни

были изломаны, обожжены, у другихъ ремни изъ хребтовъ вырѣзаны, волосы съ головъ содраны, руки и ноги обѣчены; многіе приходили въ монастырь для того только, чтобъ исповѣдываться, приобщиться и умереть; многіе не успѣвали достигнуть и монастыря, умирали на дорогѣ; монастырь, слободы, окрестныя деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими. Діонисій призвалъ келаря, казначея, всю братію, слугъ и крестьянъ монастырскихъ, и началъ имъ говорить, что во время такой бѣды надобно изо всѣхъ силъ помогать людямъ, которые ищутъ пріюта у Св. Сергія. Ему отвѣчали единогласно: «Кто, государь архимандритъ! въ такой бѣдѣ съ разумомъ сберется? Никому не возможно стало промыслять кромѣ единого Бога.» Діонисій заплакалъ и началъ опять говорить имъ: «Вѣдь это искушеніе намъ отъ Господа Бога; отъ большой осады насъ Господь Богъ избавилъ; а теперь за лѣность нашу и за скупость можетъ насъ и безъ осады смирить и оскорбить.»—Что же намъ дѣлать? спросили келарь, братія и слуги. Діонисій отвѣчалъ: «Домъ Св. Троицы не запусѣтъ, если станемъ молиться Богу, чтобы далъ намъ разумъ: только положимъ на томъ, чтобы всякій промыслялъ, чѣмъ можетъ.» Слуги и крестьяне посовѣтовались между собою, и сказали архимандриту съ братією: «Если вы, государи, будете изъ монастырской казны давать бѣднымъ на кормъ, одежду, лѣченіе, и работникамъ, кто возьмется стряпать, служить, лѣчить, собирать и погребать: то мы за головы свои и животы не стоимъ.» И вотъ пошелъ промыслъ всѣмъ бѣднымъ, живымъ и умирающимъ, въ монастырь и кругомъ монастыря. Прежде всего начали строить дома, больницы для раненыхъ, избы на страннопріимство всякаго чину людямъ, прибѣгавшимъ изъ Москвы и другихъ городовъ, особыя избы мущинамъ, особыя женщинамъ, въ Служней слободѣ и въ селѣ Клементьевѣ; люди ѣздили по лѣсамъ и дорогамъ, подбирали раненыхъ и мертвыхъ; женщины, которымъ монастырь далъ пріютъ и содержаніе, безпрестанно шили и мыли рубашки живымъ, саваны мертвымъ. А внутри монастыря, въ келліи архимандричьей, сидѣли писцы *борзые*, изъ которыхъ особенно отличался Алексѣй Тихоновъ, собирали они учительныя слова изъ божественныхъ писаній, составляли увѣщательныя посланія и разсылали по городамъ и полкамъ, призывая къ очищенію землю.

Земля наконецъ очистилась, страшное смѣтное время прошло; но Діонисій не могъ успокоиться: его ждали новые подвиги, новыя бѣдствія и новая слава. Чтобъ понять положеніе Діонисія, тѣ препятствія, которыя встрѣчала дѣятельность людей, ему подобныхъ, надобно обратить вниманіе на нѣкоторыя стороны тогдашняго общественнаго быта. Общества необразованныя и полуобразованныя страдаютъ обыкновенно такою болѣзнію: въ нихъ всего легче людямъ, пользующимся какимъ-нибудь преимуществомъ, обыкновенно чисто внѣшнимъ, приобрести огромное вліяніе и захватить въ свои руки власть. Это явленіе происходитъ отъ того, что общественнаго мнѣнія нѣтъ, общество не сознаетъ своей силы и не умѣетъ ею пользоваться, большинство въ немъ не имѣетъ достаточнаго просвѣщенія для того, чтобъ правильно оцѣнить достоинства своихъ членовъ, чтобъ этимъ просвѣщеніемъ своимъ внушить къ себѣ уваженіе въ отдѣльныхъ членахъ, внушить имъ скромность и умѣренность; при отсутствіи просвѣщенія въ большинствѣ, всякое преимущество, часто только внѣшнее, имѣетъ обаятельную силу, и человекъ, имъ обладающій, можетъ рѣшиться на все—сопротивленія не будетъ. Такъ напримѣръ, если въ подобномъ необразованномъ или полуобразованномъ обществѣ явится человекъ бойкій, дерзкій, начетчикъ, говорунъ, то чего онъ не можетъ себѣ позволить? кто въ состояніи оцѣнить въ мѣру его достоинства? Если явится ему противникъ, человекъ вполне достойный, знающій дѣло и скромный, уважающій свое дѣло и общество, то говорунъ, который считаетъ всѣ средства въ борьбѣ дозволенными для одоленія противника, начинаетъ кричать, закидывать словами, а для толпы несвѣдущей кто перекричалъ, тотъ и правъ; дерзость, быстрота, неразборчивость средствъ даетъ всегда побѣду. Древнее наше общество, вслѣдствіе отсутствія просвѣщенія, сильно страдало отъ такихъ *мужиковъ-горлановъ*, какъ ихъ тогда называли; ихъ присутствіе, то-есть состояніе общества, допускавшее ихъ присутствіе, сильно содѣйствовало паденію общинныхъ формъ быта, уже не говоримъ о вѣчникахъ новгородскихъ; въ XVII вѣкѣ правительство наказывало воеводамъ защищать городскихъ жителей отъ *мужиковъ-горлановъ*; послѣ этого нѣтъ ничего страннаго, что жители городовъ отказывались отъ выборныхъ

властей и просили у правительства воеводъ; слабость общественнаго духа, позволявшая среди самой общины являться притѣснителямъ, дѣлала гражданъ равнодушными къ той формѣ, которая дана была имъ для защиты отъ притѣсненій, и которая однако, по отсутствію духа, не достигала своей цѣли.

Противъ такихъ-то *мужиковъ-юрлановъ* долженъ былъ ратовать Діонисій въ своемъ монастырскомъ обществѣ. Монастырское устройство того времени, въ общихъ чертахъ, было таково: главное лицо, архимандритъ, вѣдалъ церкви, въ церквахъ образа и книги, сосуды и всякую церковную казну; келарь вѣдалъ монастырь, всякое монастырское строеніе, вотчины, денежную казну, вкладныя деньги, платье и всякую рухлядь, деньги кормовыя и кружечныя, за свѣчи и за медь, собиралъ всякіе доходы. Въ неопредѣленное время, по согласію братіи, въ монастыряхъ бывали соборы, на которыхъ происходили выборы въ конюшіе, чашники, житничные, подкеларники, сушильные, по селамъ. на приказы и во всякія монастырскія службы; на этихъ же соборахъ опредѣлялись раскладки оброковъ на крестьянъ. Всѣ приговоры собора записывались въ книгу, которая хранилась въ монастырской казнѣ. Келарю предоставлено было право суда между братьею, служками, служебниками и крестьянами; большія дѣла судныя и сыскныя вершилъ онъ съ архимандритомъ, казначеимъ и соборными старцами вмѣстѣ; если же котораго суднаго дѣла однимъ имъ вершить было нельзя, то это дѣло рѣшалось на всемъ черномъ соборѣ, по совѣту со всею братьею. Легко понять, какое значеніе при такомъ устройствѣ могъ имѣть келарь, завѣдывавшій всѣми матеріальными интересами, какую сильную партію онъ могъ себѣ составить, какія пріобрѣсти средства противиться архимандриту, когда тотъ напоминалъ о духовныхъ интересахъ. Мы видѣли, какъ въ бѣдственное время Діонисій умѣлъ возбудить духовные интересы и сдѣлать изъ своего монастыря успокоительную обитель скорбящимъ; но когда бѣда прошла, матеріальные интересы взяли верхъ, и святая ревность архимандрита встрѣтила сильное сопротивленіе: *мужики-юрланы* никакъ не хотѣли дать ему воли на доброе устройство монастыря, и сдѣлали то, что монастырь, пріобрѣтшій, благодаря Діонисію, такое высокое значеніе въ смутное время, возбуждалъ къ себѣ вражду многихъ во время мира: затѣяно было

множество споровъ съ окольными людьми, землевладѣльцами, горожанами, крестьянами; искали въ судахъ, поклепавши напрасно въ деньгахъ, земляхъ, крестьянахъ, искали именемъ Чудотворца Сергія, а брали не въ монастырь, но родственникамъ своимъ села и деревни устраивали; разгнѣвили и самого государя, потому что брали въ городахъ посадскихъ людей и сажали ихъ въ монастырскихъ слободахъ на житье. Монастырскіе слуги били и грабили на дорогахъ; когда же пріѣзжали въ монастырь дѣти боярскія или слуги знатныхъ людей съ жалобами, что монастырь вывелъ изъ-за нихъ крестьянъ и холопей на свои земли, то имъ давали управныя грамоты, но прежде посылали перевести ихъ холопей и крестьянъ въ другія монастырскія вотчины, и когда истцы пріѣдутъ съ управными грамотами, то имъ показываютъ пустые двory.

Діонисій умолялъ со слезами удерживаться отъ такихъ поступковъ, но понапрасну: *мужики-зорланы* брали верхъ. Безстрашный на площади среди мятущагося народа, Діонисій былъ необыкновенно кротокъ и ласковъ въ отношеніи къ управляемымъ. При тогдшнемъ состояніи нравовъ, многіе изъ братіи никакъ не могли понять учтивыхъ формъ, которыя употреблялъ Діонисій: такъ, когда надобно было что-нибудь приказать монаху, то онъ говорилъ: «Если хочешь, братъ, то сдѣлай то-то и то-то.» Монахъ, выслушавши такое приказаніе, преспокойно отправлялся на свое мѣсто и ничего не дѣлалъ; когда же другіе спрашивали его, отчего онъ не исполняетъ архимандричьяго приказанія? то онъ отвѣчалъ: «Вѣдь архимандритъ мнѣ на волю далъ: хочу дѣлаю, хочу нѣтъ». Кромѣ людей, такъ ревностно заботившихся о матеріальныхъ выгодахъ монастыря и своихъ родственниковъ, въ монастырѣ были два *мужика-зорлана*: головщикъ Логинъ и уставщикъ Филаретъ. Логинъ пріобрѣлъ удивленіе братіи и поспѣшавшихъ монастырь голосомъ необыкновенно пріятнымъ, свѣтлымъ и громкимъ; въ чтеніи и пѣніи ему не было подобнаго; на одинъ стихъ сочинялъ распѣвовъ по пяти, по шести и по десяти. Что стихъ искажался отъ этихъ распѣвовъ, терялъ смыслъ, что, напримѣръ, вмѣсто *сѣмени* слышалось *сѣмени*, до этого Логину не было дѣла, потому что онъ «хитрость грамматическую и философию книжное» называлъ еретичествомъ. Надмѣнный своими преимуществами, удивленіемъ, которое оказывали къ его

голосу, этотъ *мужикъ-горланъ* не зналъ никакой мѣры, бранилъ, билъ не только простыхъ монаховъ, но и священниковъ, обижалъ въ милостыни, и никто не смѣлъ ему слова сказать. Діонисій часто обращался къ нему съ своими тихими поученіями, называлъ его государемъ, отцомъ, братомъ, величалъ по имени и по отчеству: «Что тебѣ, свѣтъ мой, пользы въ этомъ, говорилъ ему Діонисій, — что всѣ клирики и всѣ церковники жалуются на тебя, ненавидятъ тебя и проклинаютъ, а мы, начальники, всѣ какъ въ зеркало на тебя смотримъ? и какая будетъ польза, когда мы съ тобою брань заведемъ?» Но увѣщанія не помогали нисколько.

Другой *мужикъ-горланъ*, уставщикъ Филаретъ, возбуждалъ удивленіе толпы и получилъ право быть горланомъ также по вѣшнему достоинству, которое въ то время очень цѣнилось: *сѣдинами добрыми*; онъ жилъ у Троицы больше пятидесяти лѣтъ, уставщикомъ былъ больше сорока лѣтъ — преимущество громадное, по тогдашнимъ понятіямъ; всѣ остальные, не исключая и архимандрита, были передъ нимъ молодые люди. Логинъ своими распѣвами искажалъ смыслъ стиховъ духовныхъ; Филаретъ пошелъ дальше: по его мнѣнію, Христосъ не прежде вѣкъ отъ Отца родился; Божество почиталъ онъ челоуѣкообразнымъ. Оба, Филаретъ и Логинъ, были друзья, оба ненавидѣли Діонисія за обличенія: «Пощадите, не принуждайте меня ко грѣху, говорилъ имъ Діонисій: вѣдь это дѣло всей церкви Божіей, а я съ вами по любви наединѣ бесѣдую, и спрашиваю васъ для того, чтобъ царское величество и власть патріаршеская не узнали, чтобъ вамъ въ смиреніи и въ отлученіи отъ церкви Божіей не быть.» Логинъ отвѣчалъ ему: «Погибли мѣста святые отъ васъ дураковъ; вездѣ васъ теперь много неученыхъ сельскихъ поповъ; людей учите, а сами не знаете, чему учите.» Больше всего сердился Логинъ на Діонисія за то, что архимандритъ вмѣшивался, по его мнѣнію, не въ свое дѣло, то-есть заставлялъ читать поученія св. отцовъ, и самъ часто читалъ ихъ и пѣлъ на клиросѣ: «Не ваше то дѣло пѣть или читать, говорилъ ему Логинъ: зналъ бы ты одно, архимандритъ, чтобъ съ мотовиломъ своимъ на клиросѣ, какъ болванъ, онѣмѣвъ, стоять.» Однажды, на заутрени, Діонисій сошелъ съ клироса и хотѣлъ читать первую статью; Логинъ подскочилъ къ нему и вырвалъ книгу изъ

рукъ, наложъ съ книгою полетѣлъ на землю, стукъ, громъ, со-блазнъ для всѣхъ; Діонисій только перекрестилъ свое лицо, пошелъ на клиросъ и молча сѣлъ; Логинъ, прочтя статью, пришелъ къ архимандриту и; вмѣсто того чтобъ просить прощенія, началъ плевать на него и браниться. Діонисій, махнувши посохомъ, сказалъ ему: «Перестань, Логинъ, не мѣшай божественному пѣнію, и братію не смущай; можно намъ объ этомъ переговорить и послѣ заутрени.» Тутъ Логинъ выхватилъ у него изъ рукъ посохъ, изломалъ на четыре части и бросилъ къ нему на колѣни. Діонисій взглянулъ на образъ, и сказалъ: «Ты, Господи Владыко, вся вѣси, и прости мя грѣшнаго, яко согрѣшихъ предъ Тобою, а не онъ.» Сошедши со своего мѣста, онъ всю заутреню проплакалъ предъ образомъ Богородицы. Послѣ заутрени вся братія никакъ не могла уговорить Логина, чтобы просилъ прощенія у архимандрита.

Напрасно Діонисій старался укрыть поведеніе Логина и Филарета въ стѣнахъ монастыря: они писали на него жалобы въ Москву, въ Кирилловъ монастырь; наконецъ имѣли удовольствіе довести Діонисія до бѣды. Въ ноябрѣ 1616 года, архимандритъ Діонисій, келарь Авраамій Палицынъ и вся братія Троицкаго монастыря получили такую царскую грамоту: «По нашему указу взяты были къ намъ въ Москву, изъ Троицкаго Сергіева монастыря, канонархистъ старецъ Арсеній, да села Клементьева попъ Иванъ, для исправленія книгъ печатныхъ и Потребника; дакъ тому же дѣлу велѣно было прислать вамъ книгохранителя старца Антонія. И вы писали къ намъ, что старецъ Антоній боленъ, а старецъ Арсеній и попъ Иванъ били намъ челомъ и сказали: отъ временъ блаженнаго великаго князя Владиміра до сихъ поръ книга Потребникъ въ Москвѣ и по всей Русской землѣ въ переводахъ разнитя и отъ неразумныхъ писцовъ во многихъ мѣстахъ неисправлена; въ пригородахъ и по украинамъ, которые близъ иновѣрныхъ земель, отъ невѣжества у священниковъ обычай застарѣлся и безчинія вкоренились: и потому имъ, старцу Арсенію и попу Ивану, однимъ у той книги Потребника для исправленія быть нельзя; надобно ее исправлять, спрашивая многихъ и справляясь со многими книгами.—И мы, продолжаетъ царь, указали исправленіе потребника поручить тебѣ, архимандриту Діонисію, а съ тобою Арсенію и Ивану и другимъ духовнымъ и

разумнымъ старцамъ, которые подлинно извѣстны книжному ученію, и грамматику и риторику умѣютъ.»

Діонисій съ товарищами принялся за дѣло: Потребникъ былъ исправленъ, между прочимъ вычеркнута и ненужная прибавка: *и огнемъ*, въ молитвѣ водоосвященія: «прииди, Господи, и освати воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ *и огнемъ*». И вотъ Филаретъ, Логинъ и ризничій дьяконъ Маркеллъ отправили доносъ въ Москву, что Діонисій съ товарищами еретичествуютъ, «Духа Святаго не исповѣдуютъ, яко огонь есть». Логинъ считалъ себя знатокомъ дѣла, потому что въ царствованіе Шуйскаго онъ печаталъ уставы и наполнилъ ихъ ошибками. Въ это время патріарха не было въ Москвѣ: ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ, долженствовавшій занять это мѣсто, находился въ польскомъ плѣну, и первое мѣсто между русскими архіереями занималъ крутицкій митрополитъ Іона, человекъ неспособный понять и оцѣнить дѣло исправленія Потребника. Діонисій съ товарищами былъ потребованъ къ объясненію; четыре дня приводили его на патріаршій дворъ къ допросу съ безчестіемъ и позоромъ; потомъ допрашивали его въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ келліяхъ матери царя Михаила, инокини Марѣы Ивановны: рѣшили, что исправители еретичествуютъ. Но при этомъ рѣшеніи, кромѣ невѣжества, вскрывалась еще другая язва общественная: тутъ дѣйствовала не одна ревность по буквѣ, по старинѣ, на которую наложили руку смѣлые исправители; тутъ обрадовались, что попался въ руки архимандритъ богатѣйшаго монастыря, и потребовали отъ него за вину пятьсотъ рублей. Діонисій объявилъ, что денегъ у него нѣтъ, и что онъ платитъ не будетъ: отсюда страшная ярость, и оковы, и побои, и толчки, и плевки. Діонисій, стоя въ оковахъ, съ улыбкою отвѣчалъ тѣмъ, которые толкали его и плевали на него: «Денегъ у меня нѣтъ, да и лать не за что: плохо чернецу, когда его разстричь велеть, а достричь—то ему вѣнецъ и радость. Сибирью и Соловками грозите мнѣ: но я этому и радъ, это мнѣ и жизнь.» За Діонисіемъ присылали нарочно въ праздничные или торговые дни, когда было много народа; приводили его пѣшкомъ или привозили на самой негодной лошади, безъ сѣдла, въ цѣпяхъ, въ рубищѣ, на позоръ толпѣ, изъ которой кидали въ него грязью и пескомъ; но онъ все это терпѣлъ съ веселымъ видомъ, смѣялся, встрѣчаясь съ знако-

мыми. Привезутъ его, иногда до обѣдни, иногда послѣ обѣдни, и поставятъ скованнаго въ подсынь на дворѣ митрополичьемъ, стоитъ онъ тутъ съ утра до вечера и не дадутъ ему воды чашки, а время было іюнь, іюль мѣсяцы, дни жаркіе; митрополитъ Іона послѣ обѣдни сядетъ съ соборомъ за столъ, а Діонисій съ учениками своими празднуетъ подъ окнами его келлій въ кулакахъ да въ пинкахъ, а иногда достанется и батогомъ. Словомъ, ересь напугала старицу Марю Ивановну, мать царя Михаила Феодоровича; вооружили ее противъ мнимыхъ еретиковъ, а народъ распустили слухъ, что явились такіе еретики, которые огонь хотятъ въ міръ вывести — и вотъ страхъ и злоба напали на простыхъ людей, особенно на ремесленниковъ, которымъ безъ огня ничего нельзя сдѣлать; они начали выходить съ дрекольемъ и каменьями на Діонисія.

Мужественно вынося испытаніе, не позволяя себѣ унизиться до заботъ о самомъ себѣ, Діонисій заботился о товарищахъ своей бѣды, хлопоталъ, чтобъ они поскорѣе отъ нея избавились. Одинъ изъ нихъ, старецъ Арсеній Глухой, не одаренный твердостью духа, не могъ выдержать испытанія; любопытно видѣть въ этомъ человѣкѣ, подлѣ сознанія въ правотѣ своего дѣла, подлѣ негодованія на невѣжественныхъ обвинителей, упадокъ духа, выражающійся обыкновенно въ желаніи обвинить другихъ въ своей бѣдѣ. Онъ подалъ боярину Борису Михайловичу такую челобитную: «24 октября 1615 года писалъ изъ Москвы государевымъ словомъ Троицкаго Сергіева монастыря келарь Авраамій Палицынъ къ архимандриту Діонисію, велѣлъ прислать въ Москву меня, нищаго чернеца для государева дѣла, чтобъ исправлять книгу Потребникъ на Москвѣ въ печатное дѣло; а попъ Иванъ Клементьевскій пріѣхалъ въ Москву самъ собою, а не по грамотѣ, и какъ мы стали передъ тобою, то я сказалъ про себя, что меня не будетъ на столько, что я ни попъ, ни дьяконъ, а въ той книгѣ все потребности поповскія; а Иванъ попъ самъ на государево дѣло набился и былъ челомъ тебѣ для себя, потому что у него тамъ у Троицы жена да дѣти, чтобъ государь приказалъ править книгу Троицкому архимандриту Діонисію, а намъ бы, попу Ивану, да мнѣ чернецу Арсенъишку, да старцу Антонію съ архимандритомъ же у дѣла быть: и ты, государь, по Иванову челобитью, и по доукѣ, велѣлъ ему дать съ дворца государеву грамоту на

архимандричье имя. » Оправдавъ сдѣланна въ Потребникѣ поправки, Арсеній продолжаетъ: « Есть, государь, иные и таковы, которые на насъ ересь взвели, а сами едва и азбуку знаютъ, не знаютъ, которая въ азбукѣ буквы гласныя, согласныя и доегласныя, а что восемь частей слова разумѣть, роды, числа, времена и лица, званія и залогы, то имъ и на разумъ не всхаживало, священная философія и въ рукахъ не бывала; не зная чего, легко можно погрѣшить не только въ божественныхъ писаніяхъ, но и въ земскихъ дѣлахъ, если кто даже естествомъ и остроуменъ будетъ... Наше дѣло въ міръ не пошло и царской казнѣ никакой протори не сдѣлало; еслибы мы что и не доброе сдѣлали, то дѣло на сторону, а трудивыйся неразумно и не угодно мзды лишентъ бываетъ: а не малая, бѣда мнѣ нищему чернецу, поднявши такой трудъ, сидя за государевымъ дѣломъ полтора года день и ночь, мзды лишаему быть; всего намъ бѣднымъ клирошанамъ идетъ у Троицы на годъ зажилаго денегъ по тридцати алтынъ на платье, одѣваемся и обуваемся рукодѣльемъ... Не довольно стало, чтобы наши труды уничтожить, но и государыни благовѣрныя и великія старицы, инокини Мары Ивановны, кроткое и незлобивое сердце на ярость подвинули. Еслибы наше морокованіе было дѣлано на Москвѣ, то все было бы хорошо и стройно, государю пріятно и всѣмъ православнымъ въ пользу, и великій святитель митрополитъ Іона по насъ былъ бы великій поборникъ. Я говорилъ архимандриту Діонисію всякій день: архимандрить государь! откажи дѣло государю, не сдѣлать намъ того дѣла въ монастырѣ безъ митрополичья совѣта, а привезешь книгу исчерня въ Москву, то и простымъ людямъ станеть смутно. Но архимандрить меня не слушалъ ни въ чемъ и ни во что меня ставилъ, во всемъ попа Ивана слушалъ, а тотъ и довелъ его до безчестія и срамоты. Иванъ попъ на соборѣ слюнами глаза запрыскалъ тѣмъ, съ которыми спорилъ, и это честнымъ людямъ стало въ досаду; и мнѣ думается, что я нищій чернецъ страдаю отъ попа Ивана да отъ архимандрита, потому что архимандрить меня не послушалъ, дѣла не отказалъ, а попъ Иванъ самъ на государево дѣло набился, у дѣла былъ большой, насъ въ бѣду ввелъ, а самъ вывернулся, какъ лукавая лисица козла бѣднаго великобородаго завела въ пропасть неисходную, а сама по немъ же выскочила. »

Наконецъ, порѣшили дѣло, осудили Діонисія на заточеніе въ Кирилъ-

ловъ Бѣлозерскій монастырь; но трудно было тогда провести его туда, по причинѣ польскихъ отрядовъ, загромождавшихъ дорогу на сѣверъ, и потому велѣли содержать его въ Новоспасскомъ монастырѣ, наложили на него епитимью — тысячу поклоновъ, били и мучили его сорокъ дней, ставя въ дыму на полатахъ. Но заточеніе Діонисія было непродолжительно: пріѣхалъ въ Москву іерусалимскій патріархъ Теофанъ, замѣтилъ искаженіе въ церковныхъ книгахъ, узналъ, что исправители подверглись гоненію, и когда возвратился изъ польскаго плѣна отецъ государя, ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ, и былъ поставленъ въ патріархи, то Теофанъ предложилъ ему рассмотреть вновь дѣло Діонисія. Созванъ былъ соборъ, опять былъ сильный и долгій споръ, Діонисій стоялъ въ отвѣтъ больше восьми часовъ, успѣлъ обличить всѣхъ своихъ клеветниковъ, и съ торжествомъ возвратился въ свой монастырь, гдѣ продолжалъ искать красоты церковныя и благочинія братскаго; о знаменитомъ же Логинѣ сдѣланъ былъ достойный отзывъ въ грамотѣ патріарха Филарета, въ которой приказывалось отбирать уставы, напечатанные при Шуйскомъ, «потому что тѣ уставы печаталъ воръ, бражникъ, Троицкаго Сергіева монастыря крылошанинъ чернецъ Логинъ, и многія въ нихъ статьи напечаталъ не по апостольскому и не по отеческому преданію, а своимъ самовольствомъ.»

С. Соловьевъ.

НА ПОХОДѢ

СОВРЕМЕННАЯ ПОВѢСТЬ

I.

Это было послѣ взятія «Тигра», въ блистательную эпоху Одессы, въ концѣ апрѣля, въ началѣ мая 1854 года. Каждый день городъ слышалъ трубы и литавры, пѣхотныя флейты и барабанъ. Полки проходили, полки выходили, но большею частію они располагались въ Одессѣ и вокругъ Одессы. Въ сборѣ было не знаю сколько тысячъ пѣхоты и двѣ полныя дивизіи кавалеріи, потому что прежде прибывшая еще не успѣла выйти, какъ ужъ на смѣну явилась другая. Новую жизнь и новый блескъ получила Одесса: умы были далеки отъ кровавыхъ сценъ, глаза какъ будто не готовились видѣть ихъ, умы и глаза были заняты парадами, разводами, маневрами, маршами, смотрами,—все было такъ блистательно, шумно хорошо, что ужасы войны далеки были отъ нашего воображенія. И кто могъ тогда думать, что почти въ виду Одессы цвѣтущій Крымъ оболется кровью, что темно-сизыя волны Чернаго моря не разъ будутъ принимать не свойственный имъ, страшный багровый цвѣтъ!..

«У насъ нѣсколько хоровъ военной музыки на бульварѣ и всякій вечеръ музыка въ казенномъ саду,» писала ко мнѣ Машенька Дагоровская изъ Одессы.

Меня не было въ Одессѣ на ту пору, но я была близко; и вотъ три письма, которыя я получила съ одною и тою же почтой, два изъ самой Одессы, одно изъ ея окрестностей.

Начнемъ съ письма Китти Малаевой. Оно первое попадаетъ мнѣ въ руки: оно писано изъ деревни Малаевыхъ, прекрасной, великолѣпной деревни, съ оранжереями, кіосками, фонтанами, съ извилистою, довольно широкою рѣкою, прорѣзывающею тѣнистый садъ изъ края въ край. Китти была единственная дочь, но увы! не наследница Малаевыхъ: отъ перваго брака Малаевой остался сынъ, и имѣніе принадлежало ему, съ предоставленнымъ матери правомъ распоряжаться по жизнь этимъ имѣніемъ и жить его доходами, даже въ случаѣ вступленія ея во вторичный бракъ. Второй бракъ былъ заключенъ еще во время малолѣтства сына; молодая вдова вышла за бѣднаго офицера Малаева, прожила съ нимъ нѣсколько лѣтъ счастливо и опять овдовѣла; только семейство ея увеличилось дочерью, на которой теперъ сосредоточилась вся нѣжность, вся любовь ея души: сына взялъ родной его дядя къ себѣ въ Петербургъ.

Китти росла въ роскоши, окруженная угодливіостью домашнихъ. Китти росла балованнымъ ребенкомъ; это выучило ее въ очень многомъ имѣть *свою волю*. Читала она много, и ея страстная натура образовалась подъ вліяніемъ прочитанныхъ книгъ. А садъ, а лунныя ночи, а пѣніе соловья и ароматное дыханіе растений! Она любила французскую литературу, имѣла къ танцамъ страсть, и въ сумерки играла на фортепіано съ большимъ чувствомъ. Ей было двадцать лѣтъ, хотѣлось романа въ жизни... порой она скучала въ деревнѣ, но и въ Одессѣ она также точно скучала подчасъ, когда мать пріѣзжала съ ней на зимній сезонъ. Отчего? спросять читательницы. Оттого, что она была честолюбива и умна, и что умъ говорилъ ей потихоньку, въ какой мѣрѣ можетъ быть удовлетворено ея честолюбіе. Вся красота ея заключалась во взглядѣ страстныхъ черныхъ глазъ: славный взглядъ, обещающій могучую любовь! Хороши тоже были пышныя бандо ея черныхъ какъ смоль волосъ; хороша она была въ полькѣ. Но не съ перваго взгляда можно было подмѣтить всѣ эти достоинства; на первый взглядъ она была почти не хороша, въ особенности если была не въ духѣ: тогда и старѣе она казалась, и какъ будто была со всѣми надменна.

Я взяла письмо ея, и она живо представилась мнѣ, и рядомъ съ ней шестнадцатилѣтняя Машенька Дагоровская, розовенькая, полная жизни, веселенькая какъ птичка. Вотъ хорошенькая дѣвочка! Бѣленькая какъ алебастръ и розовенькая какъ центифолья, съ игривыми движеніями, съ звонкимъ смѣхомъ, съ русыми локонами, съ свѣтлымъ и любопытствующимъ взоромъ съверныхъ красавиць. Она на всѣхъ балахъ являлась объ руку съ Вѣрой Кононовичъ, большою пріятельницей Китти Малаевой.

Вѣра старше ихъ обѣихъ лѣтами, опытомъ, характеромъ. Въ ней не своеволие, въ ней воля. Въ глазахъ ея есть тоже страсть, но какая-то задумчивая страсть, если такъ можно выразиться. Ея великолѣпные волосы, ея большіе, глубокіе глаза не такъ черны, какъ черные волосы и небольшіе, яркіе глаза Китти; однакожь всѣ признавали ее брюнеткой, *une brune très prononcée*, какъ выразился о ней одинъ модный юноша. Этотъ же самый модный юноша сказалъ, что въ ней видна порода, «*que c'est une femme de race!*» Дѣйствительно, у ней была талья Испанки и ножка герцогини; не знаю, почему большинство предполагало въ ней необыкновенный умъ, необыкновенную душу,—не потому ли, что въсколько рѣзкія, хотя и благородныя черты ея смуглаго небольшого лица хранили печать какого-то страданія?.. Бѣдная сирота, призрачная небогатою семьей Дагоровскихъ, родственниковъ своей матери, она вынесла не одно испытаніе, а разумъ и душа сохранили печальную память этихъ испытаній. Обстоятельства ли жизни, обманы ли чувства принесли ей ихъ, или и тѣ и другіе вѣсть,—какъ знать? Мой взглядъ не проникаетъ въ прошедшее моихъ героинь, а въ настоящемъ позволяю себѣ только слѣдить за ними.

«Вы мнѣ позволили надѣяться вамъ иногда моими письмами, писала ко мнѣ Китти Малаева. Однообразіе деревенской жизни могло навѣять на мои капризныя мысли страшную скуку, деревенское молчаніе могло разбудить въ душѣ тоскливыя минуты, а въ тоскѣ и скукѣ необходимо найти существо, которое бы снисходительно выслушало исповѣдь этого тяжелого настроенія, находящаго на меня безъ видимыхъ причинъ. Я думаю, что здѣсь просто молодость утомляется однообразіемъ,—вѣдь въ деревнѣ всѣ дни другъ на друга похожи,—а между тѣмъ сегодня кажется, что лучше этой тихой жизни не придумать ничего, а завтра

страшно тяготитъ она. Разказывать Машенькѣ все, это значитъ вызвать ее на слова: «поѣдемъ въ Одессу, Китти!» А мнѣ вовсе не хочется въ Одессу, тамъ тоже такая тоска! къ тому же пыль, душно, бала ни одного!.. меня тамъ никто не занимаетъ, ни что меня не влечетъ туда! Знаете ли? мнѣ, иногда кажется, что я начинаю понимать себя болѣе, и что еслибы въ жизни моей было хоть одно воспоминаніе, положимъ даже самое горькое, мнѣ все-таки было бы легче, было бы о чемъ думать, полнѣе была бы жизнь моя. Подумайте только, какъ я прожила. Маленькія волненія по случаю отказа двумъ, тремъ женихамъ, которые мнѣ не нравились, и снова тихо все... Скучно, глупо такъ жить!.. Отчего же нѣтъ ни одного воспоминанія въ моей жизни? Вѣдь люди, которыхъ я встрѣчала, нашли же потомъ женщинъ, которыя ихъ полюбили, вѣдь вокругъ меня было довольно порядочныхъ людей, хоть на примѣръ и въ прошлую зиму? Мнѣ кажется, я сама виновата, я очень горда и горда именно сознаниемъ, что могу очень сильно любить. Вотъ такую-то любовь, любовь, на которую я способна, мнѣ не хотѣлось бы бросить безъ разбора, а разбирая, право не знаешь на комъ остановиться, у всѣхъ одинаковая мѣра достоинствъ, и почти у всѣхъ одни и тѣ же недостатки. Теперь я рѣшилась поступить иначе: при первой встрѣчѣ съ человекомъ, который мнѣ будетъ сколько-нибудь нравиться, я рѣшительно не позволю себѣ къ нему слишкомъ приглядываться. Помните, у насъ война! Кто знаетъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ будетъ ея театръ? вѣдь Одессу бомбардировали, врагами усѣяно все море, доберутся быть-можетъ и до нашего уголка, тогда ваша бѣдная Китти погибнетъ не любя. Грустный исходъ такой богатой силами и чувствами жизни! Addio, saga mia! Если вы скоро будете въ Одессу, послушайте за меня Гордозу и Ферлотти въ «Риголетто», эта опера очень хорошо идетъ у нихъ. А ргорос, у насъ въ имѣніи стоятъ гусары. Третьяго дня мы обѣдали, какъ вдругъ человекъ пять офицеровъ являются съ визитомъ; разумѣется, имъ было сказано: обѣдаютъ. Попросили позволенія подождать въ саду, и я во время обѣда видѣла, какъ они бродили по аллеямъ изъ конца въ конецъ сада. Такъ, ничего особеннаго!.. Послѣ обѣда явились; одинъ изъ нихъ особенно разсыпался передъ маман, увѣрялъ, что только-что изъ Петербурга и знаетъ брата; разумѣется, этимъ тотчасъ получилъ на свою долю больше

вниманія и расположенія. Это графъ Штраденгеймъ. Остальные всѣ довольно приличные. Штраденгеймъ не хорошъ собой, но не нѣмецкая физиономія, а это очень важно для меня въ Нѣмцѣ. Представьте: брюнетъ, чернѣйшіе глаза, какіе только мнѣ случалось видѣть, и взгляды у него чудо что такое; взгляды этотъ ложится тихо и крѣпко на человѣка, съ которымъ Штраденгеймъ разговариваетъ. Онъ накидываетъ на васъ свой взглядъ какъ съѣтъ на птицу, и не выбиться вамъ изъ-подъ этого взгляда. Во всемъ остальномъ ни тѣни красоты. Графъ высокъ и неуклюжъ по своему сложенію; у него предлинныя руки; но онъ худощавъ и отлично собой распоряжается, то-есть онъ какъ можно менѣе призываетъ вниманія на свою фигуру. Походка прелестъ! какое-то медленное и мѣрное раскачиванье. Станный смѣхъ у этого человѣка, отрывистый и вполголоса. Умень какъ дьяволъ, потому что умень вкрадчивымъ образомъ. Судите и рѣшите, каковъ онъ собой на взгляды, и опасенъ ли для моего спокойствія? Дѣло въ томъ, что онъ бываетъ каждый день, а на меня часто теперь тоска находить. Кажется, гусаровъ этихъ уведутъ скоро отъ насъ, на войну, какъ они говорятъ; тогда еще скучнѣе будетъ. Я просила татап, чтобъ она пригласила къ намъ погостить нѣсколько дѣвицъ; тогда можно будетъ мнѣ гулять, кататься въ лодкѣ и верхомъ, а то татап все это не подъ силу, да и для нихъ интересъ не великъ; я не могу всѣми заниматься въ равной степени. Мнѣ скучно!.. Addio.

Ваша Китти Малаева.»

Беру другое письмо.

Одесса, 5-е мая.

«Душенька, ангелъ мой, зачѣмъ васъ нѣтъ съ нами? Чудо какъ весело, чудо какъ весело!.. Сейчасъ поѣдемъ на маневры, весь городъ будетъ, и Жоржъ Бутѣвъ заѣдетъ сказать, дѣйствительно ли у нихъ сегодня маневры,—иногда вдругъ отминаятъ!.. Жоржъ Бутѣвъ у насъ бываетъ каждый день. Онъ татап очень нравится, такой миленькій, прелестъ! Теперь имъ дали солдатскія шинели, и у него прехорошенькая шинелька, чудо какъ ему идетъ. Онъ у насъ въ домѣ какъ свой. Онъ вамъ понравится, онъ совсѣмъ не фанфаронъ, мило говоритъ по-французски, и вообще очень *comme il faut*. Въ Одессѣ у насъ очень весело, на дняхъ вступила еще одна уланская дивизія, вездѣ

вы слышите военную музыку. Вотъ напримѣръ вчера, четыре хора на Бульварѣ, и всякій вечеръ музыка въ Казенномъ Саду. Право, еслибы вы пріѣхали, повеселились бы вмѣстѣ. Говорять, кто-то подавалъ проектъ танцовать въ залѣ Европейской гостиницы, какъ на водахъ: вѣдь она вся въ Казенномъ Саду; другіе нашли, что это не прилично, Вѣра тоже находитъ, что не прилично, и объявляетъ, что она никогда бы тамъ не танцевала; тамапа ничего не говоритъ противъ этихъ затѣй. Ахъ, та chère, еслибы вы знали, какъ меня преслѣдуютъ нѣкоторые своимъ вниманіемъ! чрезвычайно весело! На гуляньи, въ театрѣ, словомъ вездѣ, куда ни обернись, каждая изъ насъ замѣчаетъ нѣсколько паръ глазъ, которые наблюдаютъ собственно за ней. Эти господа даже и не знакомятся, а все же чувствуешь, что ихъ занимаешь собой, и сама немножко занимаешься ими. Это въ новой дивизіи такіе наблюдатели; разумѣется, мы ихъ называемъ своими уланами. У Вѣры есть свои уланы, у меня свои, у Сонички Тарбеневой свои. Придешь куда-нибудь, и ужъ свита тутъ какъ тутъ. Кто познакомился, тотъ подходитъ, любезничаетъ, а другіе хоть издали смотрятъ и завидуютъ, можетъ-быть искренно, тѣмъ которые съ нами знакомы. Кто имъ мѣшаетъ тоже познакомиться? Ужасные дикари! Напримѣръ, одинъ оранжевый, какъ только увидитъ меня на бульварѣ, сейчасъ вскакиваетъ, бѣжитъ къ своимъ дрожкамъ и проносится мимо нѣсколько разъ на отличнѣйшемъ рысакѣ, потомъ сядетъ возлѣ палатки какъ ни въ чемъ не бывало, и только посматриваетъ изъ подлобья. А одинъ есть синій, тоже смотреть всегда изъ подлобья и поворачивается всѣмъ корпусомъ какъ волчонокъ, точно будто шею простудилъ! Нѣкоторые изъ нихъ ужасно заняты собой, другіе опять ужъ черезчуръ хотятъ быть *comme il faut*; во всякомъ случаѣ, однако, можно о нихъ сказать болѣе хорошаго, нежели худаго; право, *жовезжанровъ* между ними мало. Бутѣвѣвъ тоже уланъ, только изъ бѣленькихъ, и ужасно расхваливаетъ свой полкъ. Ему не нравится, что у меня есть нѣмая свита, а я нарочно дразню его, и восхищаюсь многими личностями изъ этой свиты. Вчера, напримѣръ, онъ явился въ какомъ-то восторженномъ состояніи, разказывая, что Медингеръ просилъ у отца позволенія жениться, и что ему отецъ не позволилъ. Хотя Бутѣвѣвъ мнѣ не сказалъ, на комъ Медингеръ собирался жениться, но очень

выразительно посмотрѣлъ на меня, а надо вамъ сказать, что Медингеръ—его товарищъ, и что онъ очень все это время за мной ухаживалъ, но мнѣ Бутѣвъ гораздо болѣе нравится; на Медингера я никакого вниманія не обращаю. Этотъ Жоржъ премураительный, когда ревнуетъ; онъ готовъ ревновать рѣшительно ко всякому, между тѣмъ какъ не можетъ же не замѣтить, что я именно ему оказываю предпочтеніе. Впервыхъ мы видимся всякій день; татап имъ восхищается, ужъ по одной рекомендаціи Панчехрайскихъ, съ которыми она въ такой дружбѣ. Я начинаю убѣждаться, что серьезно нравлюсь ему; третьяго дня онъ мнѣ это ясно доказалъ. Вообразите, онъ сидѣлъ у насъ, когда зазвонили къ вечернѣ; не знаю, съ чего ему вздумалось уговаривать насъ всѣхъ пойти въ церковь. У насъ были Тарбеневы Соничка и Лиза, Глаша Смоленская, потомъ Вѣра; разумѣется, отправились мы всѣ, все наше молодое общество, безъ татап, въ церковь, и тамъ застали свадьбу. Обрядъ кончился при насъ, мы стояли очень близко. Когда молодые отошли, я стала нечаянно на коверъ, желая разсмотрѣть вѣнцы поближе. Въ минуту Жоржъ очутился подлѣ меня, сталъ тоже на коверъ, и улыбаясь, краснѣя, смотрѣлъ на меня такъ выразительно, что я тоже покраснѣла, и потомъ долго, долго не смѣла встрѣтиться съ его взглядомъ. Пожалуста, ангелъ, никому этого не разказывайте. Однако, какъ вы находите этотъ поступокъ? Согласитесь, что нельзя же понять его иначе. Неужели Жоржъ меня любитъ? Какое счастье! Онъ такой миленькій, прелесть, и главное нравится татап. По крайней мѣрѣ на меня не будутъ сердиться, если мое сердце его выберетъ. Онъ просто очаровательный!.. Цѣлую васъ, пріѣзжайте поскорѣй, вы мнѣ посоветуете, словомъ вы мнѣ необходимы теперъ, какъ воздухъ.

Ваша М. Д.»

Беру третье письмо и смотрю на подпись: Вѣра Кононовичъ. О чемъ же она пишетъ мнѣ? Неужели тоже спѣшитъ высказать тайну сердца и подѣлиться со мной его трепетными радостями?..

«Одесса 5-го мая.

«Чтобъ не подумали вы, что я забыла васъ и что не отрадно мнѣ попрежнему обмѣняться съ вами словомъ и мыслию, я тоже принимаюсь за посланіе къ вамъ. Увѣряю васъ, не меньше

Машеньки, желаю я вашего возврата, но она горячѣе выражается, она васъ безпрестанно призываетъ и такъ много о васъ рассказываетъ, что заочно познакомила васъ со всѣми нашими новыми знакомыми. Знакомыхъ у насъ дѣйствительно не мало. Жоржъ Бутѣвъ, какъ вы видите, ей сильно нравится и нравится всѣмъ намъ, къ тому же влюбленъ въ Машеньку до безумія; еслибы не война, мы скоро бы ее увидѣли въ вѣнчальномъ нарядѣ. Надо правду сказать, нарядъ этотъ ей пристанетъ какъ нельзя лучше. Этотъ ребенокъ хорошеетъ съ каждымъ днемъ. Вотъ могущество любви! Она разцвѣтитъ, оживитъ всякое лицо, придастъ одушевленіе всякимъ чертамъ; любовь даетъ блескъ молодымъ лицамъ и дѣлаетъ молодыми и прекрасными усталыя, даже поблеклыя; это скрытый свѣтъ и теплота, это именно то, что въ картинахъ называютъ колоритомъ, а для внутренняго челоуѣка это новая жизнь, внезапное развитіе всѣхъ инстинктовъ, всѣхъ мыслей его. Но что я вамъ пишу? панегирикъ любви!... Мнѣ ли благословлять это чувство? Мнѣ собственно дай Богъ не встрѣчаться съ нимъ болѣе: бѣгу его какъ могу и насколько могу, надѣюсь уничтожить всѣ возможности подвергнуться этому чувству, но безотносительно люблю его, именно люблю его въ другихъ, потому что за другихъ я могу надѣяться, для другихъ я могу мечтать; за себя обманываться я не въ силахъ. Другимъ любовь можетъ—быть дать радости, мнѣ же дай Богъ не сходиться болѣе съ нею, да и не сойдусь. Любить и не вѣрить невозможно, по крайней мѣрѣ для меня невозможно; иначе, значило бы играть въ любовь, а я играть чувствомъ другаго существа или наряжать себя въ чувства, то—есть давать волю воображенію только, и потомъ скинуть съ себя этотъ нарядъ, когда онъ утомитъ насъ, или надоѣсть—не способна! Но это не мѣшаетъ мнѣ смотрѣть съ удовольствіемъ на влюбленныхъ и слушать ихъ безконечные рассказы все о себѣ, да о себѣ, все объ одномъ и томъ же (извѣстно, что влюбленные страшные эгоисты). Я имѣю удовольствіе теперь слушать поочередно то Машеньку, то Бутѣва, который избралъ меня въ повѣренныя всѣхъ своихъ надеждъ и въ посредники между имъ и тетушкой. Тетушкѣ Бутѣвъ нравится; она согласна вѣрить ему счастье своей Мани, и нѣтъ сомнѣнія, что съ окончаніемъ

емъ войны, онъ увезетъ Машеньку въ Орловскую губернію, что тамъ они поселятся и будутъ жить какою-то сказочною жизнью вѣчнаго счастья. Жоржъ убѣжденъ въ согласіи своихъ стариковъ и бомбардируетъ ихъ письмами каждую почту. Худо только по моему, что отъ нихъ до сихъ поръ нѣтъ отвѣта; но это не мѣшаетъ ему строить воздушные замки и безъ устали разказывать мнѣ, какъ любить онъ Маню. Я слушаю его, не прерывая, не разочаровывая, и точно также слушаю Машеньку, когда она усядется на моей кровати, и убирая на ночь свои мягкіе волосы, восторженно передаетъ мнѣ слово, взглядъ, улыбку и ласку, и ссору, и смѣхъ, и горе, которыхъ причиною все Жоржъ и Жоржъ. Можетъ ли быть что-нибудь лучше любви, можетъ ли быть что-нибудь лучше музыки? А между тѣмъ музыку безъ зазрѣнія совѣсти бросаемъ мы сами, когда начинаемъ входить въ лѣта. Отчего же любви не бросить? Всмотритесь въ исторію всякой музыкантши-любительницы: ребенкомъ она беретъ уроки у всѣхъ лучшихъ учителей; въ пятнадцать, въ шестнадцать лѣтъ ѣздитъ въ концерты всѣхъ проѣзжихъ знаменитостей; ловить тайну трели; подсматриваетъ какъ дать протяженіе и вибрацію звуку; учится какъ задѣть за душу слушателя этою глубокою, трепетною, злодѣйскою нотой; уловляетъ глазомъ способъ брать невозможные аккорды, и вооруженная этими средствами, старается достигъ совершенства. Еще проходитъ нѣсколько лѣтъ, она восхищается всѣмъ гостинья, участвуетъ во всѣхъ концертахъ, даваемыхъ съ благотворительною цѣлью, собираетъ на вечерахъ обильную дань рукоплесканій. Но вдругъ наступаетъ пора, когда ей невыразимо, безконечно хочется слушать музыку, а самой играть ужъ не хочется, когда она заслушивается какого-нибудь страстнаго мотива, какой-нибудь жалобной мелодіи, но сама не въ силахъ вытвердить ни одной новой піесы и забываетъ старыя, — отъ недостатка упражненія! Менѣ ли она любитъ музыку, менѣ ли чувствуетъ ее, не знаю; но для нея есть ноты, есть аккорды, отъ которыхъ слезы выступаютъ на рѣсницы, и слушала бъ, все слушала бъ она, и не отпустила бы васъ отъ фортепіано! — «Сыграйте мнѣ это и это, и вотъ это еще!» повторяетъ она. — Сыграйте вы мнѣ что-нибудь, говорите вы, вѣдь вы виртуозка! «Я? Нѣтъ, я отстала, я совсѣмъ

оставила музыку.»—Отчего? Отвѣта нѣтъ, или грустная улыбка и склоненіе головы, вотъ весь отвѣтъ, и вы легко можете перевести этотъ отвѣтъ словами: вы отстанете тоже, вы играете потому только, что вы теперь еще молоды, а тамъ вы будете любить музыку, но музыкантшей ужъ не будете, музыкантшей быть можно только по профессіи, а иначе музыкантшей можно быть только временно, но музыку можно любить вѣчно, вѣчно, всегда, и даже все болѣе и болѣе, все теплѣе и сердечнѣе. Такъ и я отстала отъ любви, но люблю слушать о ней разказы, и можетъ-быть теплѣе и сердечнѣе люблю все то, на что любовь наложила свою могучую руку, и я переживаю какую-то новую жизнь, глядя на влюбленныхъ, и люблю то свѣтлое и сладостное состояніе, въ которое меня погружаетъ зрѣлище любви; но быть не зрителемъ, а актеромъ не хотѣла бы ужъ я: я увлекусь опять, я забуду, что эта роль дана мнѣ только на время прихотью, фантазіей другихъ; я буду думать, что роль моя можетъ продолжаться вѣчно, и никогда не догадаюсь сойти вовремя съ подмостковъ. Ошибка всей моей жизни въ томъ, что я принимала слишкомъ искренно и слишкомъ къ сердцу всѣ тѣ мгновенныя роли, которыя люди умѣли мнѣ навязать, что никогда не умѣла я замѣнить слова *быть* словомъ *казаться*: я не умѣла *казаться*, я глупо распорядилась собой, я была человекомъ, а не актеромъ, натурой, а не искусствомъ, и когда же? въ нашъ искусственный вѣкъ! Вотъ грѣхи мои, и вы также хорошо знаете ихъ, какъ я сама, а исправиться я не въ силахъ, да и поздно немножко; мнѣ двадцать шесть лѣтъ, и я становлюсь въ ряды зрителей, потому что теперь мнѣ уже стыдно вести себя такъ глупо, какъ прежде, а общія правила жизни видно написаны не для меня.

«Однако, я не впала въ мизантропію, посѣщаю балы и гулянья, и постоянно являюсь въ оперу. . . Отъ Ферлотти я въ восторгѣ, хотя онъ и безъ голосу почти совсѣмъ, но манера пѣть хороша, и игра исполнена одушевленія. Со мной дѣлается нервная дрожь каждый разъ при словахъ, *non poter, non dover, altro, che ridere!* такъ хорошо онъ говоритъ ихъ въ «Риголетто»! Да, безъ васъ поставили Риголетто: театръ полонъ, и хлопаютъ неистово, это тоже живительно дѣйствуетъ на мои нервы; я люблю видѣть восторгъ, люблю шумный восторгъ. Вчера я была очень довольна

оперой, и въ эту минуту еще въ ушахъ моихъ la-la, la-la, бѣднаго шута, этотъ сдержанный крикъ, эта напряженная беззаботность! Человѣкъ съ сердцемъ всегда брошенъ въ толпу, какъ будто на потѣху; онъ общій шутъ, хотя природа и не дала ему горба, а люди платья арлекина. Итакъ я въ театрѣ всегда, если только дадутъ «Риголетто»; вообще, я часто въ театрѣ, на маневрахъ и парадахъ, на гуляньяхъ и балахъ. Кстати о балахъ: я всегда почти танцую, по старинѣ мазурку, съ Владиміромъ Лавринецкимъ, вы его знаете. Я отъ души рада, что онъ здѣсь, вѣдь мы старые друзья; въ прошлую зиму протанцовали столько мазурокъ, что имѣли время ознакомиться какъ нельзя болѣе. А зимнія прогулки вдвоемъ по Ришельевской и Дерибасовской, да иногда, повинувшись моему прихоти, по Херсонской улицѣ! А диспуты о чувствахъ, назначеніи женщины и значеніи мужчины, о законахъ неизбежности, и мало ли о чемъ, заставили насъ привыкнуть другъ къ другу. Я рада, что онъ оставилъ ту манеру обращенія, которая давала право говорить въ свѣтъ, что Лавринецкій за мной ухаживаетъ. Я въ немъ приучилась многое уважать, это прекрасная натура; съ самаго перваго вечера, проведеннаго вмѣстѣ, я привыкла видѣть въ немъ человѣка съ душой. Горячность его меня восхищаетъ; въ немъ что-то порывистое, неукротимое; это прекрасно, такіе люди лгать не умѣютъ! Вы помните, что мы познакомились съ нимъ на дѣтскомъ балѣ у Полубояринскихъ; тамъ мы оба были веселы, какъ дѣти, и искренно довольны своею встрѣчей. Онъ былъ у тетюшки на другой же день; послѣ сталъ нашимъ ежедневнымъ гостемъ, и теперь, по старой привычкѣ, точно также. Признаюсь, онъ сдѣлался для меня немножко необходимъ; иногда мнѣ и досадно на себя, да дѣлать нечего. Я бы не колебалась постаралась приобрести въ немъ настоящаго друга, еслибъ онъ не былъ такъ молодъ. Покамѣстъ мы судимъ и рьядимъ вмѣстѣ, почти по цѣлымъ днямъ. Лавринецкій вамъ кланяется: взглянулъ случайно черезъ плечо въ письмо и ужасно разсердился за то, что я написала: «жаль, что онъ такъ молодъ.» Желаніе доказать мнѣ, что онъ ужъ очень старъ головой и сердцемъ, заставляетъ его подмѣчать всѣ мои промахи и бранить меня на каждомъ шагу самымъ нецеремоннымъ, братскимъ образомъ. Забавно! Именно, потому только, что это забавно, я позволяю ему продолжать роль

наставника; онъ меня не старѣе, я знаю это навѣрно, хотя на-
лицо онъ кажетъ старѣе меня двумя, тремя годами. Пріѣз-
жайте. Чтò сказать отъ васъ Лавринецкому? Мы говоримъ о
васъ часто.

Вѣра К. . . »

Три письма и ни слова о войнѣ! подумала я. Кажется, въ
Одессѣ умы должны быть хоть нѣсколько заняты войной. Нѣтъ
молодость беретъ свое, веселятся тамъ, спѣшатъ жить, спѣшатъ
насладиться радостями чувства. Этотъ приливъ войскъ не навелъ
страха и тоски; напротивъ, онъ оживилъ городъ новою жизнію.
Я знала Лавринецкаго; цѣлую зиму онъ провелъ въ Одессѣ въ
отпуску, и сильно былъ занятъ Вѣрой Кононовичъ; но она сердил-
лась, если ей говорили объ этомъ. «Вы портите наши отношенія,
говаривала она, оставьте ихъ такими, каковы они въ самомъ дѣлѣ:
онъ не можетъ въ меня влюбиться, онъ очень молодъ, а я съ нимъ
не кокетничаю; право, онъ любитъ только мое общество, но я
собственно — постороннее лицо для него.»

Но Лавринецкій не на столько владѣлъ еще собой, чтобы
не высказываться взглядомъ, улыбкой, выраженіемъ счастья и
высокаго наслажденія, которое сіяло на его лицѣ, когда онъ
видѣлъ Вѣру и говорилъ съ ней, неся вихремъ въ вальсъ и
полькѣ, или когда любовался своею дамой и собой, и можетъ
быть еще болѣе тѣмъ, что ими всѣ любовались въ мазуркѣ
какъ лучшею парой. И дѣйствительно Лавринецкій танцевалъ
отлично, Вѣра Кононовичъ граціозно, оба танцовали съ одушев-
леніемъ, и потому-то онъ самъ любовался эффектомъ, который
оба они производили вмѣстѣ. Вѣра была всегда замѣтна въ обще-
ствѣ; на балѣ, она приковывала къ себѣ взоры и вниманіе. Не-
изяснимо было ея свѣтское положеніе, потому что красотой
своею она не поражала, а приданого у ней не было; но моло-
дежь группировалась вокругъ нея охотно. Есть женщины, лю-
бовь которыхъ лучшая рекомендація для мужчины, оттого что объ
этихъ женщинахъ всегда глухо носится въ свѣтѣ мнѣніе, будто
онѣ не останутся на челоуѣхъ пустомъ, смѣшномъ, дюжинномъ
(а стремленіе быть не дюжиннымъ велико!); вотъ потому-то въ
нашъ вѣкъ достиженія различныхъ, великаго значенія цѣлей, съ
весьма небольшими средствами, такъ многіе горячо добиваются
вниманія подобной женщины!

Общее мнѣніе ставить какую-нибудь женщину на этотъ пьедесталъ, часто безъ ея вѣдома, и стоитъ она на немъ, пока сама не оставитъ свѣта, или свѣтъ не оставитъ ея. Вѣра Коновичъ свѣтъ ассигновала такое завидное мѣсто. Она не отказалась, потому что слѣдовала системѣ вознагражденій и повѣрила, что свѣтское положеніе послужитъ вознагражденіемъ за домашнее положеніе и поддержитъ въ ней силу самосознанія, тогда какъ жизнь не на глазахъ людскихъ развила въ ней чувство самоугнетенія и покорности, той горькой, тупой покорности, которая пріобрѣтается только каждодневною, ежечасною подчиненностію чужимъ желаніямъ. Чужія желанія это истинныя цѣпи совмѣстной жизни! Чужія желанія никогда не будутъ нашими желаніями, также какъ и наши желанія никогда не могутъ быть желаніями другаго лица. Характеръ чужой, идею чужую, можно еще усвоить, но желанія никогда; желаніе есть порожденіе минуты, и кто можетъ знать, какое желаніе явится съ слѣдующею минутой, и переживетъ ли оно эту минуту? . . . Желанія, слѣдуя одно за другимъ, такъ часто противорѣчатъ одно другому! Источникъ ссоръ и разъединенія, въ совмѣстной жизни, всегда несходство желаній, а вовсе не несходство характеровъ или мыслей, какъ думаютъ обыкновенно. Характеръ можно изучить, съ мыслями освоиться; къ однимъ желаніямъ приноровиться невозможно.

Такъ и Вѣра Коновичъ часто испытывала, что значить при зависимомъ положеніи имѣть свои желанія, свою волю: напрасно искала она въ душѣ своей искры смиренія; тамъ были всѣ силы, но силъ смиренія не было. А между тѣмъ ежечасно домашняя жизнь требовала ихъ отъ нея. Такъ еслявнѣшняя жизнь могла хоть изрѣдка поднять и возстановить упавшую подъ этимъ тяжелымъ бременемъ гордость, то удивительно ли, что Вѣра принимала опасные успѣхи внѣшней своей жизни съ наслажденіемъ? . . .

Дагоровскіе были добрые люди, но имъ хотѣлось скорѣе пристроить дочь, и потому на успѣхи Вѣры въ свѣтъ, на ея значеніе, неразъ они смотрѣли съ тайною досадой; одна только Машенька, твердо вѣря, что у каждаго своя доля счастья, и глубоко любя Вѣру, защищала ее отъ нападеній своей матери горячо и искренно. Между этими двумя женщинами не было

мѣста соперничеству и женской зависти. Одна была искуснымъ и сильнымъ бойцомъ въ свѣтской жизни, другая — блестящею игрушкой свѣта.

Иногда Дагоровская говорила громко дочери при Вѣрѣ: «Смотри, Маня, ты у меня не будь такъ бойка, какъ Вѣра, не хорошо!» И Машенька всегда отвѣчала смѣясь:—Не буду мамаша, не бойтесь, я не такъ умна, какъ Вѣра!

Дагоровская пожимала плечами и произносила тутъ же непременно какую-нибудь тираду о дурныхъ примѣрахъ: на эти слова откликалась Вѣра иногда съ запальчивостію, доказывая, что мелочность, жеманство и наивничаніе совѣмъ не однозначаци съ правилами высокой нравственности. Слово за слово, поднимался споръ, и съ обѣихъ сторонъ съ увлеченіемъ высказывались горькія истины; потомъ у Дагоровской вырывался горькій упрекъ племянницѣ, упрекъ въ насущномъ хлѣбѣ; Вѣра блѣднѣла, склоняя голову, и крупныя слезы скатывались медленно по щекамъ...

А между тѣмъ Дагоровская была добрая женщина. Она искренно желала счастья Вѣрѣ, и желала его почти въ такой же степени, какъ и своей Манѣ; но она не понимала, какъ глубоко оскорбляла племянницу; она ни разу не пощадила ея въ грустныхъ минуты, ни разу не пожалѣла силъ ея, ни физическихъ, ни нравственныхъ, не уважила печали; словомъ, она вовсе не занималась тѣмъ, что могло быть на душѣ у нея, и считала себя великодушнѣйшею изъ женщинъ потому только, что одѣвала Вѣру и Маню одинаково и вмѣстѣ вывозила ихъ на балы. Она была добра по своему; никто не умѣетъ быть добрымъ иначе: что жь дѣлать если добро, дѣлаемое ею, плохо гармонировало съ понятіями Вѣры о добрѣ? . . У Дагоровской была еще дочь, старшая, . однихъ лѣтъ съ Вѣрой, вышедшая давнымъ-давно замужъ. Счастье для нея было доступно; она, какъ всѣ дѣвушки, искала партію по себѣ; Вѣра, какъ очень немногія, искала человѣка по себѣ. Ларисса мало имѣла успѣха въ свѣтѣ и вышла замужъ, Вѣра была окружена лестью и вниманіемъ, но замужъ не вышла, къ явному торжеству старухи Дагоровской, материнское самолюбіе которой не разъ страдало отъ успѣховъ племянницы и незамѣтной роли, какую играла въ свѣтѣ старшая ея дочь.

Когда Ларисса вышла замужъ, Дагоровская примирилась въ душѣ съ племянницей, продолжала вывозить ее въ свѣтѣ и на

этотъ разъ искренно старалась устроить ея судьбу: Машенька была еще въ пансіонѣ, но подрастала, хорошеѣла, и конечно если Вѣра не выйдетъ замужъ до ея выпуска, то ужь послѣ выпуска Мани и думать нечего; жаль только будетъ ея! Соперничества Вѣры съ Маней Дагоровская не боялась. Всѣ помнили, что Вѣра выѣзжала вмѣстѣ съ Лариссой, и всѣ знали, что у Лариссы ужь трое дѣтей; это обстоятельство уничтожало всякое сравненіе между Вѣрой и Машенькой, и могло служить только въ пользу послѣдней. Напрасно прохлопотавъ три года надъ устройствомъ судьбы Вѣры, отказавъ за нее съ глубокимъ огорченіемъ четыремъ выгоднымъ женихамъ, и по этому случаю представивъ Вѣрѣ, въ самыхъ яркихъ картинахъ, грозящее ей не красивое будущее, Дагоровская не успѣла обратить свою племянницу къ общепринятымъ правиламъ и идеямъ, и оставила ее въ покоѣ.

Странно! Появленіе хорошенькой Машеньки рядомъ съ Вѣрой, не лишило Вѣры ни одного изъ пріобрѣтенныхъ ею правъ, не измѣнило ни мало ея положенія; только домъ Дагоровской получилъ новую привлекательность и оживился большею противу прежняго дѣятельностью. А между тѣмъ шелъ 54-й годъ! Война привлекла на югъ стройные полки со множествомъ молодыхъ офицеровъ; на Дунаѣ жарко перестрѣливались, и Одесса была оживлена чувствомъ бессознательнаго, лихорадочнаго ожиданія.

Молодое сердце радуется всему, что заставляетъ его сильно биться. Встрепенулись многія сердца и зажили новою жизнью.

А они? что дѣлали они, эти временные гости Одессы?...

Каждого изъ нихъ, когда они выступали въ походъ, напутствовали молитвы матери, слезы сестры, вздохъ сосѣдки, глубоко-грустный взглядъ ихъ постоянной дамы въ мазуркѣ. И вотъ они пришли въ Одессу, чтобы тамъ дождаться часа, когда идти, и высмотрѣть мѣсто, куда идти. На время эти люди переродились, страхнули съ себя цвѣль повседневной жизни, разстались съ нѣкоторыми привычками и мнѣніями, и оставили дома многое. Съ перваго дня похода остались за ними всѣдневныя соображенія, мелкіе, эгоистическіе, сухіе, узкіе интересы; каждый оставилъ на время дома гончихъ своихъ собакъ, духъ провинціального чванства, обѣды и балы помѣщиковъ, мазурку съ хозяйкой дома, штоссъ съ хозяиномъ, и мысленный инвентарій

приданого всѣхъ помѣщичьихъ дочекъ. Эти преждевременные разсчетливые старики стали вдругъ молоды; всѣмъ жадно захотѣлось жить, или лучше сказать *пожить покамѣсть*: имъ стало не жаль чувства, имъ было не смѣшно чувствовать, и не страшно обмануться; они вдругъ стали безрасчетны, махнули рукой на свою скороспѣлую премудрость и сдѣлались энергичны, пылки, впечатлительны,—а все отчего? Толпы слились въ одно; одно великое чувство соединяло всѣхъ, двигало всѣмъ, и мыслямъ молодежи былъ данъ электрическій толчокъ: искренно чувствуя въ себѣ готовность прославиться и умереть, каждый засыпалъ съ мыслью: а завтра чтѣ будетъ?.. Ни одна личность, ни одинъ характеръ, какъ бы пошлы они ни были въ самомъ дѣлѣ, не остались на время войны безъ того чуднаго колорита величія и поэзіи, который придается всему близостью опасности, неизбѣжностью страданія и даже смерти. Какъ же великолѣпны и прекрасны были тѣ личности и тѣ характеры, въ которыхъ дѣйствительно существовали начала добраго и прекраснаго!...

Владиміръ Лавринецкій, именно въ ту самую минуту какъ готовился вступать во владѣніе своимъ богатымъ имѣніемъ, слышалъ призывный звукъ походной трубы. Ему было двадцать четыре года; опека страшно надоѣла ему; но воля тетки, завѣщавшей ему все состояніе, назначила срокомъ ввода во владѣніе двадцатичетырехлѣтній возрастъ. До сихъ поръ Лавринецкій не могъ пользоваться своимъ богатствомъ, и еслибъ умеръ днемъ раньше совершенія своихъ двадцати четырехъ лѣтъ, никогда бы не испыталъ наслажденія имѣть много, много денегъ, и не прибѣгать къ мучительнымъ, разоряющимъ займамъ. Не совсѣмъ кстати былъ для него походъ; но вздохнувъ, онъ написалъ къ опекуну, просилъ его завѣдывать и распоряжаться всѣмъ на неопредѣленное время, сѣлъ на коня и, мѣрно покачиваясь на немъ передъ взводомъ, ужъ весело подумывалъ, что идутъ они покамѣсть въ Одессу, что въ Одессѣ у него много знакомыхъ, что тамъ и Вѣра Кононовичъ (при этой мысли сердце его забилося чаще), что тамъ ужъ нѣтъ той актрисы, которую онъ сначала преслѣдовалъ, и отъ которой потомъ самъ бѣгалъ (при этой мысли онъ весело улыбнулся); потомъ онъ вспомнилъ нѣсколько баловъ, два маскарада, потомъ попросилъ огня у товарища и за-

курилъ папиросу; сквозь легкіе клубы дыма мудроно намъ далѣе слѣдить за выраженіемъ его лица.

Вѣра Кононовичъ! Онъ зналъ ее, она ему нравилась, и онъ бы гордился любовью такой женщины... А что, если она меня не шута полюбитъ?... Нѣтъ, не полюбитъ!... А можетъ-быть и полюбитъ?... Далѣе этой мысли онъ не шелъ, хотя и могъ бы ити далѣе, потому что многое было сказано между ними еще прежде, во время ихъ мимолетныхъ свиданій. Онъ говорилъ, Вѣра слушала его, — съ улыбкой грусти и недоувѣрія, однако слушала, и между ними давно ужъ началось незамѣтное сближеніе: они теперь увидѣлись почти какъ друзья, по крайней мѣрѣ, какъ люди, понимающіе и уважающіе другъ друга.

Бутѣевъ былъ такъ же молодъ, онъ былъ даже моложе Лавринцаго. Бутѣевъ показывалъ свои годы, Лавринецкій казался нѣсколькими годами старѣе своихъ лѣтъ. Бутѣевъ былъ застѣнчивъ, робокъ, даже дикъ нѣсколько. Лавринецкій любилъ свѣтъ и былъ душевно преданъ всѣмъ бреднямъ и требованіямъ свѣта. Они служили вмѣстѣ, но едва знали другъ друга въ лицо. Бутѣевъ былъ небольшого роста, съ лицомъ оригинальной восточной красоты. Онъ никогда не видѣлъ Машеньки; зато, увидѣвъ ее, влюбился, и съ каждымъ днемъ влюблялся все сильнѣе. Наконецъ не выдержалъ, сдѣлалъ предложеніе и потомъ написалъ къ отцу, увѣренный, что разжалобитъ старика своею любовью, восхититъ, описавъ красоту и достоинства своей невѣсты, и нарисовалъ передъ нимъ самыми яркими красками, въ отдаленномъ будущемъ, картины семейнаго счастья. Онъ увѣрялъ Машеньку и ея мать, что отецъ согласится, а если даже нѣтъ... Тутъ онъ Машенькѣ говорилъ такъ много о своей непоколебимости, о неизмѣнности своихъ чувствъ: все было возможно, все было доступно! Молодая дѣвушка слушала его съ полною, съ безграничною вѣрой, и улыбалась отъ восторга, отъ полноты своего теперешняго и будущаго счастья.

И Штраленгейму было тоже не болѣе двадцати трехъ лѣтъ, но Китти Малаева играла въ опасную игру. Дѣйствительно, по ея настоянію, мать пригласила въ деревню сосѣдокъ съ дочерьми, потомъ нѣкоторыхъ уговорила оставить у нея дочерей. Желаніе выдать дочекъ замужъ очень сильно въ маменькахъ; несмотря на войну, у многихъ блеснула мысль, что подъ блестящими гу-

сарскими мундирами полка, расположеннаго въ деревнѣ Малаевой, скрывается не одинъ выгодный женихъ, и что грѣшно помѣшать судьбѣ, что вѣдь всего не угадаешь... Словомъ, почти всѣ маменьки, привезшія съ собой дочекъ-певѣсть, съ необычайною готовностью согласились оставить ихъ погостить, чтобы Катеринѣ Павловнѣ было веселѣе, — и разумѣется, онѣ это дѣлали только для такой дѣвицы, какова Катерина Павловна, и потому что Марью Николаевну такъ много уважаютъ... Дѣвицы были въ восторгѣ; имъ такъ и грезились романы въ лицахъ, имъ такъ и видѣлись герои этихъ романовъ въ гусарахъ, гремящихъ саблями, сверкающихъ снурками.

Китти мастерски ѣздила верхомъ, Штраленгеймъ сопутствовалъ ей всюду; по вечерамъ танцовали; въ сумерки, иногда, Китти играла по его просьбѣ, и вокругъ всѣ сажались попарно, говорили вполголоса. Штраленгеймъ, облокотясь на крыло рояля, подпирая рукой свою голову, задумчиво глядѣлъ въ глаза Китти. Въ залѣ Марья Николаевна играла въ преферансъ съ полковникомъ и двумя майорами, или съ полковникомъ, однимъ изъ майоровъ и маменькой одной изъ дочерей, сидѣвшихъ въ гостиной. Иногда раздавался прихотливо-повелительный голосъ Китти: «dansez!» и мелодическій вальсъ ускорялъ свой темпъ, или превращался въ живую, кокетливую польку, пары уносились въ залу и принимались кружиться вокругъ стола съ преферансомъ. Пользуясь полумракомъ, Штраленгеймъ наклонялся къ Китти и шепталъ ей чудныя рѣчи или припадалъ неслышнымъ поцѣлуемъ къ бѣгавшимъ по клавишамъ рукамъ.

Штраленгеймъ говорилъ увлекательно. Онъ ни во что не вѣрилъ, а между тѣмъ съ такою теплотой вѣры, съ такимъ наивнымъ суевѣріемъ, говорилъ онъ о многомъ, выбирая для своихъ разговоровъ тѣ предметы, которые, суда по настроенію души слушающаго, могли произвести на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ умѣлъ быть и поэтиченъ, и итѣженъ, если хотѣлъ, умѣлъ тоже поразить болѣзненно душу самымъ безпощаднымъ цинизмомъ чувства. Китти боялась его, Китти любила его, то покоряясь, то негодуя... А Марья Николаевнѣ какъ искусно умѣлъ онъ льстить! Она была въ свое время красавицей, и слѣды этой красоты еще ярко и свѣжо сохранились; она привыкла къ лести, и не льстя нельзя было ей понравиться. Но Штраленгеймъ

былъ умнѣе и опытенѣе не по лѣтамъ; онъ льстилъ тонко и умно, и очаровалъ собой мать не меньше дочери.

Пришла пора мнѣ возвращаться въ Одессу. Невольно вспомнила я три письма, полученные мною съ мѣсяцъ тому назадъ, и захотѣлось мнѣ увидѣть, что стало съ каждою изъ моихъ пріятельницъ, какъ далеко подвинулся романъ каждой изъ нихъ. Дорога шла мнѣ почти черезъ имѣніе Малаевыхъ; я рѣшилась заѣхать, взглянуть на Китти и посмотрѣть, съ прежнею ли беззаботностью, какъ о выбранной на мгновенье игрушкѣ, будетъ она говорить мнѣ о Штраденгеймѣ. Захотѣлось мнѣ также увидѣть Штраденгейма, увидѣть, что онъ за человекъ, и наконецъ, сознаюсь, я согласна съ Вѣрой: можно находить наслажденіе въ зрѣлищѣ любви, любви другихъ, и съ живѣйшимъ вниманіемъ слѣдить за ея успѣхами.

Марья Николаевна мнѣ обрадовалась. Китти увела въ садъ и разказала безчисленное множество поэмъ своего чувства: каждое незамѣтное происшествіе, въ которомъ играли роль Штраденгеймъ и она, было цѣлою поэмой: такимъ пламеннымъ языкомъ, испещренное такими великолѣпными комментаріями, передавалось оно мнѣ!

Позвали обѣдать. Штраденгеймъ любезничалъ съ Марьей Николаевной, когда мы вошли въ залу; нѣсколько лицъ толпилось около закуски. Китти подозвала Штраденгейма.

— *Chère amie, je vous présente le comte Strahlenheim!* сказала она мнѣ, и тотчасъ же обратилась къ нему. — Можно ли такъ долго просидѣть въ полковомъ штабѣ? спросила она.

— Побраните! отвѣчалъ онъ ей съ невыразимою нѣжностью голоса и взгляда. Дѣйствительно, глаза у него были необыкновенные, и передъ могуществомъ этого взгляда Китти вспыхнула и опустила въ землю свои хорошенькіе глазки; я старалась не слушать или, по крайней мѣрѣ, показать имъ, что не слушаю.

— Слѣдовательно вы виноваты передо мной? спросила Китти, понизивъ голосъ. — Признавайтесь, что вы чувствуете за собой?

Штраденгеймъ ласкалъ свои усики, и улыбался.

— Вы виноваты? повторила она съ тревогой.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ онъ: — я не скучаю въ эти дни.

Она взглянула на него съ укоромъ, и вздохнула.

— Что жь дѣлать? продолжалъ онъ беззаботно:— штабъ нашъ расположенъ въ городѣ, а по мнѣ самый дрянной городъ лучше самой прекрасной деревни.

Китти молча придвинулась ко мнѣ; мнѣ было жаль ея.

— Графъ, супъ остынетъ, произнесла Марья Николаевна, указывая Штраленгейму мѣсто подлѣ себя.

Онъ бросился на зовъ. Во время обѣда онъ не умолкалъ, былъ веселъ и остеръ, шутилъ умно и льстилъ ловко; о присутствіи Китти онъ повидимому забылъ совершенно.

Она же говорила со мной вполголоса и по временамъ бросала на него бѣглый и безпокойный взглядъ.

Послѣ обѣда онъ подошелъ къ Китти, и между ними завязался опять какой-то разговоръ полупшепотомъ и не для всѣхъ понятный; только послѣ этого разговора она вдругъ повеселѣла. Пока она говорила съ нимъ, глаза мои невольно были прикованы къ Штраленгейму: его взоры, его движенія были убѣдительно, полны ласки и нѣжности. Я подошла къ Китти, когда она осталась одна у двери, задумчиво провожая его взглядомъ.

— Вы просили меня въ письмѣ вашемъ рѣшить заочно, опасенъ ли для васъ Штраленгеймъ, и до какой степени онъ опасенъ, сказала я серьезно и грустно: — теперь я видѣла его, и скажу вамъ, что онъ преопасный человекъ вообще. Впрочемъ вы сами это чувствуете, потому что вы сознаете внѣтренно покамѣсть двѣ вещи — любовь очень сильную къ нему, и вліяніе его, очень сильное, на васъ. По моему мнѣнію...

И я хотѣла продолжать, но Китти прервала меня вдругъ чрезвычайно разсѣянно:

— Да, вы правы, онъ чрезвычайно хорошъ! воскликнула она, отвѣчая не мнѣ, а своимъ мыслямъ.

— Напротивъ, хотѣла я сказать, удивленная такимъ страннымъ истолкованіемъ всей моей рѣчи, но Китти была уже въ дверяхъ.

— Мы пойдемъ въ садъ, когда онъ возвратится, сказала она мнѣ, исчезая.

Я увидѣла только, что совѣты благоразумія и заботливой дружбы не будутъ ни приняты, ни даже поняты ею; я покорилась.

Съ закатомъ солнца, мы отправились въ садъ. Штраленгеймъ привелъ съ собой еще трехъ гусаръ; Марья Николаевна оста-

лась на террасѣ ввязать занавѣски къ окнамъ; мы пошла всѣ вмѣстѣ къ рѣкѣ, но тамъ раздѣлились на партіи. Двѣ молоденькія дѣвочки-пансіонерки, обожавшія громко Китти и втайнѣ Штраленгейма, который безсовѣстно вскружилъ ихъ, юныя головки, остались съ нами, въ сопровожденіи одного изъ трехъ гусаровъ. Остальныя пары разошлись по аллеямъ. Наше общество вду-маю кататься въ лодкѣ. Ночь была свѣтла и тиха; мы долго плыли внизъ по теченію. Обожательницы Китти наввно кокетничали съ гусаромъ, брызгали на него водой, бросали водяными плувучими растеніями, плели изъ нихъ вѣнки, и потомъ отдавали ихъ въ жертву русалкамъ; вода была тепла; блѣдные лучи дробились въ мелкихъ струяхъ на тысячи огней; я опустила руку въ воду, и почти закрыла глаза, но, перегибаясь невольно, чтобы достать до воды, я увидѣла, что и Штраленгеймъ и Китти тоже сидѣли, опустивъ руки въ воду; но подъ теплою струей руки ихъ сошлись и соединились въ незамѣтномъ для другихъ пожатіи. Штраленгеймъ улыбался и, по просьбѣ Китти, пѣлъ французскій романсъ. На минуту всѣ притихли и слушали его. Онъ обладалъ пріятнымъ, мягкимъ баритономъ и прекрасною методою пѣнія.

Романсъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ романсовъ, въ которыхъ подъ шутливою, простою формою таится грустная и серьезная мысль. Философія его была незатѣйлива, какъ азбука, и безъ искусныхъ, мягкихъ модуляцій, показала бы просто глупою; но спѣтая, и спѣтая такъ мило, какъ могъ только въ подобную минуту спѣтъ Штраленгеймъ, она заставила насъ всѣхъ задуматься, углубиться въ самихъ себя, а нѣкоторыхъ вздохнуть. Онъ пѣлъ этотъ романсъ, какъ слѣдуетъ пѣть его, жемчужнымъ *parlando*, съ тихою насмѣшливостью взгляда, съ легкимъ и мѣрнымъ покачиваніемъ головы. Въ эту минуту даже, я вспоминаю, нераздѣльно съ тишиною лунной ночи, дыханіемъ цвѣтущихъ кустарниковъ и травъ и мелкихъ переливовъ рѣчной зыби, пріятный, выразительный голосъ Штраленгейма, его глаза, его полуулыбку, восхищенный взоръ Китти, внимательное молчаніе всего маленькаго общества и потомъ дружный взрывъ тихихъ рукоплесканій! . . .

И моя душа, покорствуя общему примѣру, попала на мгновеніе въ волшебную сѣть летучаго обмана.

Черезъ нѣсколько времени я слышала, какъ онъ тихо говорилъ Китти о любви, о счастіи взаимной любви. Говорилъ онъ много, красно и увлекательно; это была одна изъ лучшихъ сказокъ Шехеразады. Разговора ихъ никто, кромѣ меня, не слышалъ; пансіонерки и гусаръ вздумали грестъ, и очень усердно принялись за дѣло; всплескъ воды и удары веселъ занимали ихъ болѣе всего въ эту минуту.

Штраленгеймъ говорилъ такъ убѣдительно, что мнѣ самой вдругъ стало вѣриться, что онъ въ состояніи увлечься чувствомъ, и даже что онъ имъ увлекся и любить искренно Китти. Я взглянула на него — отчего не вѣрить? Онъ былъ молодъ: неужели и въ молодость вѣрить не должно? Голосъ его звучалъ неподдѣльною искренностью; глаза, казалось, не лгали. Китти слушала его жадно; ея глаза были открыты и смотрѣли на него широко, глубоко, точно какъ будто мѣрно расширялись черные зрачки ея при каждомъ колебаніи взволнованной груди. Она наклонилась...

— И однако, сказала она тихо, — вы находите удовольствіе и вдали отъ меня: вы могли безъ нужды прожить въ штабѣ нѣсколько лишнихъ дней отъ того только, что штабъ стоитъ въ дрянномъ городишкѣ!... Нѣтъ, вы меня не обманете, Эрнестъ; безъ дѣли вы бы тамъ не жили! Скажите, вы тамъ за многими ухаживаете?

И она ждала съ трепетомъ отвѣта, заранѣе убѣжденная, что онъ съ ужасомъ и негодованіемъ оттолкнетъ отъ себя подобное обвиненіе; но Штраленгеймъ спокойно погладилъ свои усы.

— Зачѣмъ вамъ знать это? сказалъ онъ спокойно и серьезно.

— Я хочу, отвѣчала Китти. — Вы ѣздите туда часто и живете тамъ охотно; я васъ хорошо знаю, это не даромъ!

— Конечно, сказалъ онъ, взявъ тихо за руку Китти: — стобитъ ли что-нибудь дѣлать теперь даромъ? Я скоро опять туда поѣду.

И онъ улыбнулся лукаво.

— Вы обѣщали? спросила она съ горькою усмѣшкой: — сколькимъ же? многимъ?

Она старалась освободить свою руку.

— Многимъ ли? повторилъ онъ хладнокровно и, подумавъ минуту, отвѣчалъ: — тремъ! Да, тамъ теперь три женщины, очень миленькія, право! и я обѣщалъ, разумѣется каждой изъ нихъ по-рознь, что пріѣду; не могу же я не пріѣхать!

Китти не могла удержаться отъ невольнаго движенія; у меня самой сердце сильнѣе забилось.

— И вы говорите, что вы меня любите! прошептала она ему съ укоромъ.

— Вотъ, вы сердитесь! возразилъ спокойно Штраленгеймъ.

— Конечно, я васъ люблю. Однако, отдавая вамъ свою любовь, я за нее хочу только вашей любви; но своей неволи, но рабства, но оговъ я не хочу, я не стерплю. Неужели потому, что я люблю васъ, я долженъ отказаться отъ самого себя? Вѣдь вы же полюбили меня такимъ, каковъ я былъ прежде? Требуя, чтобъ я измѣнился, вы составляете сами злую критику на ваши собственные убѣжденія. Полноте, перестаньте ребячиться! *Assertez moi compe je suis*, съ моею впечатлительностью, прихотливостью и съ моею глупою искренностью. Помните, что я люблю васъ, но что я никогда не обѣщалъ вамъ забыть о существованіи всѣхъ другихъ женщинъ. Видите ли, что: я этого никогда не пообѣщаю даже своей будущей женѣ, и можетъ-быть собственно изъ-за этой одной причины не женюсь. Женитьба! ха, ха, ха! (Онъ сдѣлалъ легкую гримасу.) Въ этомъ словѣ есть что-то ужасное! Нѣтъ любви, которая бы не разбилась въ мелкія дребезги при этомъ словѣ, по крайней мѣрѣ у меня, въ моемъ сердцѣ.

Мы причаили къ берегу. Китти молча взяла меня подъ руку; мнѣ было тяжело, тяжело; мнѣ было дотога жаль Китти, что я рѣшилась принять это объясненіе Штраленгейма за неумѣстную шутку, не болѣе. Готовясь лечь въ постель, я хотѣла ей сказать нѣсколько словъ въ утѣшеніе, и подошла къ ея кровати; она закрыла глаза и притворилась спящею.

На другой день, я уѣхала очень рано.

Въ Одессѣ ждали меня другія лица, другія сцены. Бутѣвъ чрезвычайно понравился мнѣ, и Машенька была въ восторгѣ отъ этого; она болѣе прежняго полюбила меня. Оба они были молоды и хороши; любовь ихъ была боязлива и искренна, зато полна великолѣпныхъ вѣрованій въ счастье: преграды, невозможности для нихъ не существовали. Самая война не существовала для нихъ, и мысль о разлукѣ не приходила имъ ни разу на умъ. Бутѣвъ считалъ Машеньку своею невѣстой, и почти назначалъ день свадьбы; онъ вѣрилъ въ неизмѣнность своей любви, и былъ готовъ ждать годы согласія отца; въ его воображеніи

годы казались днями. Что дѣлать! Онъ былъ молодъ, и считалъ пустыми звуками эти четыре незабвенные стиха :

«Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки,
И своенравія мечты?»

Машенька не читала этихъ стиховъ, а еслибъ услужливая рука указала ей на нихъ, она сказала бы: Какой вздоръ! Это не ко всякому можно примѣнить, мой Жоржъ не таковъ!..

Это было наканунѣ почтоваго дня, Бутѣвъ былъ убѣжденъ, что наконецъ получить отвѣтъ изъ дому на свои непрерывныя и настойчивыя просьбы. Мы поѣхали довольно большимъ обществомъ на Средній Фонтанъ.

Я была нѣсколько разъ на Большомъ Фонтанѣ и не видѣла водъ большаго фонтана; зато я видѣла тамъ мужской монастырь, маякъ и великолѣпный видъ открытаго моря съ его обрывистымъ, холмистымъ, неровнымъ, прихотливымъ берегомъ. Такой же берегъ моря, съ тою же печатью дикой и величественной красоты и на Среднемъ Фонтанѣ. Самъ средній фонтанъ журча притаился въ травѣ, и невидный, неслышенъ за шумнымъ прибоемъ чудовищныхъ волнъ: ихъ всплески обдають нѣсколько небольшихъ скалъ, а на дальней чертѣ неба и моря часто бѣлѣетъ парусъ, безмятежный путникъ, увлекаемый бурнымъ дыханіемъ все дальше и дальше въ безграничную синеву. Крутая лѣстница высѣчена трудолюбивымъ заступомъ въ высококомъ неприступномъ берегѣ. Гораздо правѣе отъ нея группа деревьевъ и дорога тоже въ гору, мимо нѣсколькихъ жидкихъ кустовъ и деревьевъ. Шумъ моря отсюда тише, оно само какъ будто спокойнѣе и глаже. Хороша одинокая церковь, небольшая и изящная, окруженная нѣсколькими мраморными памятниками! По ту сторону небольшого оврага видны домики и кусты; и все это незатѣйливо, скромно, безъ претензій на виллу: тааъ, какое-то жилие, брошенное здѣсь какъ будто только для того, чтобы наполнить чѣмъ-нибудь пустынный пейзажъ, — вотъ вамъ весь Средній Фонтанъ!

Общество рассыпавшись съ какою-то дѣтскою радостью по взгоркамъ, слушаетъ шумъ волнъ, задумывается и восклицаетъ: «ахъ,

какъ здѣсь хорошо!» останавливается, идетъ снова, спускается къ самому морю, такъ что волна обдаётъ, вмѣстѣ съ мелкими камнями, и ноги гуляющихъ; общество взбирается снова, бродитъ по всѣмъ направленіямъ, любитъ вечерними тѣнями, вечерними горячими, сильными красками, и восклицаетъ: «какъ хорошо!» Но вотъ луна всплываетъ. Сперва окрасивъ въ пурпуръ часть неба и моря, поднимается она тихо и величественно, гордо и спокойно, все выше и выше, и чѣмъ выше поднимается она, тѣмъ становится блѣднѣе, грустнѣе, какъ будто чѣмъ болѣе предметовъ охватила ея лучъ, тѣмъ грустнѣе ей самой стало, и холодная, блѣдная, она тихо плыветъ выше, все дальше и дальше отъ людей и отъ земли. «Какъ хорошо! какъ хорошо!» восклицали вдали голоса. Я была одна; подлѣ меня послышался шорохъ; Машенька и Бутѣвъ стояли въ тѣни сосѣдняго пригорка.

Онъ говорилъ ей о томъ, что много радости принесетъ имъ завтрашняя почта, и что едва кончится война, какъ онъ пріѣдетъ и увезетъ ее съ собой, что они будутъ счастливы. Онъ тоже говорилъ, чтобъ она не горевала, если опять имъ выйдетъ походъ; что гдѣ бы ни былъ онъ, зимой непременно пріѣдетъ въ Одессу, потому что зимой, вѣроятно, хоть на время прекратятся военныя дѣйствія. И говоря это, онъ сжималъ крѣпко ея полненькую руку и называлъ ее своею милою невѣстой, своею маленькою, хорошенькою Маней!.. Въ эту минуту луна уронила одинъ изъ своихъ лучей на головку Мани и освѣтила ея бѣлый лобъ, и блестящую полосу русыхъ волосъ, и большой, красивый, дѣтскимъ любопытствомъ сверкающій глазъ, подлѣ длинными рѣсницами. Бутѣвъ не выдержалъ и поцѣловалъ головку, которая находилась на такомъ близкомъ разстояніи отъ его губъ, прошептавъ съ восторгомъ: «невѣста, невѣста моя!» Машенька вспыхнула вся и отодвинулась, но въ ея движеніи было болѣе наивнаго удивленія, нежели гнѣва.

— Вотъ новости! сказала она съ дѣтскимъ простодушіемъ, — вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я ваша невѣста; впередъ я разсержусь! Тутъ она, весело разсмѣявшись, сбѣжала по тропинкѣ внизъ.

— Ребенокъ! произнесъ онъ тихо, и полуразсерженный, полусчастливый, пошелъ за нею.

Я почти вмѣстѣ съ ними догнала гуляющихъ. На другой день ночта опять ничего не принесла Бутѣву; но это не мѣшало влюбленнымъ попрежнему надѣяться, а покажѣть превесело танцовать вмѣстѣ на званомъ вечерѣ, куда я тоже была приглашена.

Вѣра танцевала преимущественно съ Лавринецкимъ. Послѣ ужина стали развѣзжаться, и между тѣмъ многія пары неутомимо еще полькировали въ залѣ.

Я услышала подлѣ себя голосъ Лавринецкаго.

— Да, говорилъ онъ Вѣрѣ, — грустно, очень грустно, такъ глупо проститься, тѣмъ болѣе что это можетъ-быть навсегда!

— Но это не вѣрно! произнесла она нерѣшительно и печально.

— Напротивъ, возразилъ онъ, — очень вѣрно! Послѣ завтра, на разсвѣтѣ, мы выступаемъ и идемъ прямо въ Новую Ушицу. Еще туръ польки! воскликнулъ онъ вдругъ, обвивая рукой станъ Вѣры:—быть-можетъ, я не возвращусь, или возвращусь безъ ноги, тогда ужъ мы танцовать не будемъ съ вами! Онъ старался улыбнуться.

Они сдѣлали нѣсколько туровъ польки, и когда остановились, лица обоихъ были грустны. Раскланялись они церемонно, но остались на своихъ мѣстахъ.

— Завтра въ семь часовъ вечера у***, сказала порывисто Вѣра.—Вы будете? прибавила она съ мольбой во взорѣ.

Онъ посмотрѣлъ на нее вопросительно, онъ думалъ, что ему послышалось.

— Какъ! вы хотите? спросилъ онъ и глаза его сверкнули всѣмъ огнемъ страсти, всѣмъ счастьемъ понятаго и вознагражденнаго чувства.

— Я не могу проститься съ вами, какъ съ постороннимъ, отвѣчала она ласково, и потомъ прибавила, грустно опустивъ голову:—Боже мой, что можетъ быть ужаснѣе войны и печальнѣе ея нечаянностей!..

Машенька пришла насъ звать, всѣ уѣзжали: Вѣра и Лавринецкій протянули другъ другу руку; потомъ, гремя саблей, онъ сбѣжалъ вслѣдъ за нами и помогъ намъ сѣсть въ экипажъ. Мнѣ показалось, что еще разъ ихъ руки обмѣнялись пожатіемъ. Вѣра тяжело вздохнула...

Я не присутствовала при ихъ прощаніи.

II.

Не прошло трехъ дней, я гуляла съ Вѣрой на бульварѣ. Она была блѣдна и молчалива; только сказала раза два, что въ настоящую минуту *они* должны быть далеко. Мы бродили безцѣли; о Лавринецкомъ ни слова; я разказывала ей пустяки, которыхъ она не слушала, углубленная въ свои мысли. Машенька не пошла съ нами, она была нѣсколько счастливѣе: Бутѣевъ, по распоряженію начальства, еще оставался въ Одессѣ, но не надолго, и имъ уже видна была минута разлуки. Въ этотъ день, на бульварѣ, не было музыки, но зато она слышалась вдали; потомъ ближе, еще ближе, и то были звуки хорошо знакомаго кавалерійскаго марша. Вотъ пыль поднялась и стала густымъ столбомъ на улицахъ, яркіе значки замелькали, никто не вѣрнулъ глазамъ своимъ. Вѣра была блѣднѣе мрамора; черезъ минуту два яркія пятна загорѣлись на ея щекахъ.

— Чтѣ это значить? произнесла она съ невыразимой радостью, протягивая руку одному изъ товарищей Лавринецкаго, который только что переступалъ за ограду бульвара, отдавъ свою легкую, увертливую лошадь солдату и отирая пыль съ усталого, смуглаго лица.

— Это значить, отвѣчалъ онъ не менѣе радостно, — что курьеръ догналъ насъ на первой дневкѣ, и намъ велѣли возвратиться въ Одессу. Смотрите, всѣ здѣсь, прибавилъ онъ, и дѣйствительно въ ту же минуту насъ окружило нѣсколько знакомыхъ офицеровъ.

Вѣра быстро оглянулась, но Лавринецкаго между ними не было.

— А гдѣ же?.. сказала она съ невольнымъ смущеніемъ.

— Лавринецкій? перебилъ ее тотъ же уланъ: — *il est d'une coquetterie!* Представьте, не хотѣлъ показаться въ пыли, и не пошелъ съ нами на бульваръ. Вы вѣрно черезъ часъ увидите его у себя.

Однако Вѣра выдержала характеръ; она не ушла домой и говорила съ молодыми людьми весело, привѣтливо, любезно, съ какою-то лихорадочною живостью. Она была хороша; вырази-

тельное лицо ея было озарено особеннымъ свѣтомъ, особенною теплотой.

Лавринецкій пришелъ только на другой день; но онъ сказалъ, что не хотѣлъ въ первый разъ увидѣть ее при другихъ, что боялся измѣнить себѣ, что онъ бы компрометировалъ ее какою-нибудь сумашедшею выходкой: такъ сердце его было полно радости. Вѣру восхитила эта нѣжная заботливость объ ея особѣ, о которой обыкновенно никто не заботился.

Разлука удвоила блаженство свиданія и сблизила ихъ быстро. Вѣра привыкла къ счастью видѣть его; она не понимала, какъ станетъ теперь жить безъ Лавринецкаго, безъ его заботливыхъ рѣчей, безъ его все раздѣляющаго чувства.

Они не дѣлали никакихъ плановъ на будущее, не обманывали себя розовыми мечтами: напротивъ, Лавринецкій любилъ часто говорить о предстоявшей разлукѣ, о вѣроятностяхъ смерти, увѣчья, о трудностяхъ встрѣчи, въ особенности же о невозможности встрѣтиться такими же, какъ обыкновенно расстаются всѣ любящіе. Мудрено было опровергать его, почти невозможно!.. Опытъ жизни способствовалъ самъ собой къ грустному, мрачному настроенію Вѣры; не ей было оспаривать вѣроятіе всего того, къ чему всегда такъ тяжело бываетъ готовить себя. Она видѣла въ Лавринецкомъ зрѣлость ума, выработанность души, и осторожная, недовѣрчивая доньтѣ, принимала съ глубокою признательностью каждое слово, каждую ласку Лавринецкаго.

Его умъ, настроеніемъ своимъ, отвѣчалъ ея уму, его сужденія носили печать высокаго благородства, а его молодость ручалась за искренность ихъ. Вѣра въ мечтахъ своего чувства грезила за него о величіи, счастья, красотѣ, славѣ... Любя безпредѣльно, она не находила въ самой себѣ довольно правъ на то прекрасное и глубокое чувство, котораго теперь она была предметомъ. Испытанная, усталая, измученная жизнью, она смотрѣла на любовь Лавринецкаго, какъ на долго-жданное возмездіе всѣхъ своихъ печалей. А онъ? Боже, какъ нѣжилъ, какъ голубилъ онъ эту больную душу! и дѣлалъ все это просто, безразсчетливо покорствуя своему чувству. Малороссіянинъ по происхожденію, Лавринецкій ни на шагъ не могъ отступить отъ своей украинской природы: настойчивый и упрямый, онъ добился любви Вѣры, какъ настоящій *хохолъ*,

вопреки возстававшему на эту любовь ея разсудку; зато увѣлъ и любить онъ, какъ хохолъ, смягчая и облагороживая страсть какою-то неизъяснимою печальною нѣжностью. Въ самомъ дѣлѣ Малороссіяне нѣжны безъ сентиментальности и ласковы безъ приторности; страсть въ нихъ проявляется порывами, всегда облеченная въ поэзію рѣчи. Малороссіянинъ, любя, становится безконечно добръ, нѣженъ, заботливъ...

Вѣра рѣдко встрѣчала людей, которые, даже любя ее, были бы къ ней добры, заботились бы о мирѣ души ея, берегли бы ее отъ ненужныхъ волненій и отъ ненужнаго горя, а Лавринецкій боялся опечалить ее, ссорился съ нею же, если она сама подвергала себя непріятностямъ, ставила себя въ стѣснительное положеніе, боялся за нее и толковъ, и пересудовъ, берегъ свѣтъ своего счастья отъ самой легкой тѣни, отъ самаго мимолетнаго облака.

Она перестала бояться чувства, отъ котораго уже навсегда было отказалась. Ей стало смѣшно ея прежнее недоувѣріе, — и дѣйствительно, гдѣ есть признательность, тамъ будетъ ли мѣсто недоувѣрію? Въ этой новой любви была сила, былъ отдыхъ, была ея вѣра и отрада.

И онъ любилъ ее! гдѣ до такой степени не возможно!.. Она говорила ему много о себѣ и о немъ, о его широкой будущности, о его богатой молодости; она разказывала ему всю душу свою, всю жизнь свою, спѣшила сблизиться съ нимъ, хотѣла, чтобъ онъ зналъ ее вполнѣ, чтобъ у него не было потомъ ни одного обманутаго ожиданія. Онъ былъ ея кумиромъ, и не было предѣла ея самоотверженію. Она чувствовала себя любимой, и отъ излишней совѣстливости своей боялась, чтобы любовь эта не ослѣпила его, и сама разочаровывала, сама указывала на слабости своего характера. Другаго человѣка она могла бы дѣйствительно привязать этимъ къ себѣ навѣки, но Лавринецкаго она только удивила. Лавринецкій былъ страшно самолюбивъ; ему въ свою очередь захотѣлось выказать себя передъ нею не дюжиннымъ человѣкомъ. Впрочемъ, не станемъ заглядывать впередъ...

Покаместъ они были счастливы, а если Лавринецкій боялся, какъ самаго страшнаго пятна, показаться въ ея глазахъ молодымъ и немножко невѣждой въ жизни, не испытаннымъ до сихъ поръ ничего, кромѣ счастья, и старался противопоставить ея грустному опыту не менѣе грустное предчувствіе; ея сомнѣніямъ —

совершенное невѣрованіе во все хорошее, и разумѣется въ счастье, и въ людей, и въ жизнь; ея мимолетному предположенію—какое-нибудь сухое и неумолимое заключеніе холоднаго разсудка, и не менѣе холодной предусмотрительности: то все же счастья еще было много вокругъ нихъ,—счастія ежедневно видѣть другъ друга, слушать другъ друга, размѣниваться ласками и рѣчами.

Иногда, впрочемъ, Лавринецкій говорилъ Вѣрѣ: — Насъ воротили не надолго, пошлютъ опять и ужь тогда не воротятъ. Что будете вы дѣлать здѣсь? Первое время вамъ будетъ очень тяжело.

Вѣра печально улыбалась.

— Но вѣдь я тоже уѣду. Я медлю, потому что вы здѣсь, я заглушила въ себѣ голосъ совѣсти и долга... Вы знаете, что мнѣ надобно ѣхать въ Кіевъ!

— Уѣдемъ въ одинъ день, говорилъ Лавринецкій съ жаромъ, цѣлуя ея руки,—а то ты затоскуешься!

— Правда! но еслибы знать день вашего выступленія... И она поникала головой.

Онъ ласкалъ и нѣжилъ ее, и съ глубокимъ чувствомъ страданія глядѣлъ ей въ глаза, точно будто сердце его разрывалось при видѣ ея печали. Казалось, не о себѣ думалъ онъ; вся забота была о ней, и не хотѣлъ бы онъ за всѣ блага міра быть причиною ея минутнаго страданія, ея вздоха, не хотѣлъ бы ни за что въ мірѣ заставить ее пролить хоть одну слезу.

Онъ любилъ, онъ былъ добрѣ. Былъ ли онъ добрѣ сердцемъ въ самомъ дѣлѣ, или только любовь сдѣлала его добрымъ?

Дѣйствительно, совѣсть и долгъ давно призывали Вѣру въ Кіевъ, къ постели больной старухи, ея родной бабушки. Наслѣдства отъ нея никто не ожидалъ, и потому всѣ оставили ее; она умирала одиноко, и въ тоскѣ своего одиночества, въ предчувствіи неминуемой, близкой смерти, призывала къ себѣ родное существо, дочь своего сына. На этомъ знакомомъ, хотя и позабытомъ лицѣ, хотѣлось ей остановить потухающій взоръ свой, чтобы съ бѣлшимъ упованіемъ переселиться изъ этого міра въ другой, неизнаемый, но ожидающій каждаго изъ насъ. Ей было страшно умирать одной; она вспомнила о внучкѣ, и памятью отца ея, памятью обвѣимъ милою, заклинала Вѣру пріѣхать присмотрѣть за нею. Еслибы она была богата, нашлись бы наемныя привязан-

ности, наемныя ласки, заботливость и почтеніе: но старуха была бѣдна, она могла обратиться только къ безкорыстнѣйшему сердцу, и она обратилась къ Вѣрѣ.

Зная положеніе внучки, она послала ей на дорогу небольшія деньги, которыя съ трудомъ накопила посредствомъ многихъ лишений въ послѣднее время своей жизни. Надо было вознаградить эту жертву и не обмануть ожиданія, которое поддерживало твердость души въ разбитой параличомъ и оставленной всѣми старухѣ.

Вѣра свято общала ей пріѣхать. Вѣра хотѣла исполнить это скоро, но теперь медлила, теперь ей дорогъ былъ и лишній день, и лишній часъ, которые она могла провести съ Лавринецкимъ: любовь заглушила въ ней все... Война одна занимала ее воображеніе, пугала сердце война, и ея случайности — смерть, плѣнь, увѣчье; наконецъ, какъ знать, сколько продлится эта война, и куда поведутъ полки? воротятся ли они? быть-можетъ никогда не встрѣчаться ей болѣе съ Лавринецкимъ. Любить и бояться за любимаго человека, да это любить втрое: это любить на всѣ лады чувства, уничтожиться въ чувствѣ, отрѣшиться вдругъ отъ всѣхъ своихъ интересовъ!..

Лавринецкій находилъ отраду думать, что за нимъ понесется вѣдохъ, что съ нимъ всюду неразлучно будутъ горячія, хранительныя молитвы; въ эту минуту его жизни, любовь Вѣры была ему необходима, дорога, какъ доказательство его значенія въ мірѣ. Вѣра сама была для него свѣтлымъ гениемъ, понимающимъ другомъ; все родное, все священное души его было въ ней. Онъ шелъ на бой, а не на пиръ; въ виду смерти, ему хотѣлось счастья, соображать было некогда и не для чего; то была для него эпоха чувства а не соображеній; соображенія и въ юномъ и въ безкорыстнѣйшемъ сердцѣ не даютъ ходу любви. Лавринецкій, какъ и всякій русскій офицеръ, не принадлежалъ на ту пору самому себѣ, онъ принадлежалъ *отечеству*; въ этой мысли есть неложное величіе, есть поразительная поэзія, способная одѣть блескомъ славы и силы самое пошлое существо. Его богатое имѣніе осталось далеко, онъ могъ никогда не увидѣть его; его свобода не принадлежала ему; его молодость рисковала быть отмѣченною благороднымъ, но некрасивымъ рубцомъ, или нести другую какую-нибудь печать страданія; его жизнь могла быть слишкомъ коротка... Да, подъ приливомъ подобныхъ мыслей онъ любилъ горячо; это было

единственное время, въ которое онъ могъ любить горячо, потому что оглядываться было не на что, онъ любилъ безъ оглядки, и какъ всякій, чѣмъ менѣе могъ онъ думать о себѣ, тѣмъ горячѣе, и искреннѣе любилъ онъ.

Вѣра не имѣла силъ уѣхать въ Кіевъ: иногда образъ умирающей старухи мучилъ ея душу упреками въ слабости, въ шаткости данной клятвы. Она содрогалась, но какъ ускорить разлуку, и такую разлуку!.. Она ждала.

Не знаю, замѣчала ли Дагоровская, что происходило между ея племянницей и Лавринецкимъ, но она ни слова не говорила. Машенька только удивлялась, отчего Лавринецкій никогда не говорить Вѣрѣ о свадьбѣ. Вѣра досадовала на нее, замѣчая ей каждый разъ, что Лавринецкій слишкомъ серьезенъ для того, чтобы увлекаться и строить воздушные замки въ такомъ отдаленномъ будущемъ. Бутѣевъ былъ молодъ душой, онъ могъ считать свое счастье несомнѣннымъ; Лавринецкій болѣе понималъ жизнь, онъ не могъ обманываться и не искалъ обманывать другихъ; онъ могъ ручаться за свое чувство, но развѣ челоуѣкъ не рабъ обстоятельствъ? Такъ говорила Вѣра, горячо защищая Лавринецкаго противъ наивныхъ нападеній Машеньки. Я слушала, и не знала къ кому пристать. Впрочемъ, я очень любила и Бутѣева и Лавринецкаго; но это были два разные характера, два челоуѣка совершенно различные.

Китти Малаева между тѣмъ писала къ намъ часто, и все болѣе восхищалась Штраленгеймомъ. Состояніе ея души начинало не шутя тревожить меня; выходы Штраленгейма, передаваемые мнѣ въ восторженныхъ описаніяхъ влюбленной Китти, показывали въ немъ чертовскій умъ, удивительный инстинктъ (потому что для опыта все это было бы слишкомъ рано), и наконецъ, къ сожалѣнію, чрезвычайную сухость его молодого сердца. Но Китти... Ея сердце не дремало, и, на зло проникательному уму своенравной дѣвушки, любовь все сильнѣе и сильнѣе разгоралась въ немъ. Очевидно, Штраленгеймъ забавлялся ея вспыльчивостью, раздражительностью, требовательностью, и безпрестанно дразнилъ ее. Любилъ ли онъ ее? Китти писала намъ, что любить.

Я видѣла розовое, свѣтлое счастье Машеньки, — болѣе глубокое, полное мысли и оцѣнки, счастье Лавринецкаго и Вѣры, и почти видѣла тревожное, занимательное какъ борьба и какъ игра

въ жмурки, счастье Китти: много картинъ, разнѣживающихъ душу и плѣняющихъ воображеніе, мелькали чудною фантазмагоріей передъ моими глазами...

Лавринецкій пришелъ печальный, печальный. Вѣра сидѣла за работой, она доканчивала акварелью какой-то рисунокъ; она подняла голову, посмотрѣла на него пристально и не смѣла спросить, что съ нимъ?

Лавринецкій осмотрѣлся вокругъ, и какъ никого не было, то нагнулся и поцѣловалъ Вѣру въ лобъ: лицо ея просіяло, она улыбнулась и протянула ему руку.

— Не смѣйся, Вѣра, сказалъ онъ, вздохнувъ:—я принесъ тебѣ нехорошія вѣсти.

Онъ находилъ особенную сладость въ сердечномъ ты и употреблялъ его всегда, когда оставался съ нею наединѣ.

— Походъ? спросила она, блѣднѣя.

Онъ взялъ стулъ и сѣлъ какъ можно ближе.

— Скажи мнѣ, во сколько дней ты можешь собраться въ Кіевъ? сказалъ онъ, нѣжно сжимая ея руку и покрывая ее поцѣлуями.

— Не завтра, и не послѣзавтра, отвѣчала она съ невыразимой тревогой. — Владиміръ, другъ мой, не мучь, скажи, когда вамъ походъ?..

— Пстой, пстой! Видишь ли, какъ ты не умѣешь быть твердою, мужественною, а ты мнѣ общала... Голосъ его слегка дрожалъ, но онъ силился улыбнуться.—Я говорилъ тебѣ, что лучше было тебѣ уѣхать въ Кіевъ, не дождавшись нашего похода. А впрочемъ, можетъ-быть опять воротятъ... прибавилъ онъ, стараясь утѣшить ее.— Собирайся въ Кіевъ, скоро, проворно, поѣзжай, не оставайся тутъ одна!

Ей хотѣлось плакать, но она не смѣла.

— Куда же васъ ведутъ? проговорила она чуть слышно.

— Не далеко покамѣстъ, въ Бендеры! А тамъ на Дунай, за Дунай, все дальше и дальше, Богъ вѣсть куда. (Онъ вдругъ забылся и увлекся невольно поэзіей и величіемъ своего назначенія.) Тутъ ужъ полно возвращаться! возвратимся мы, если Богу угодно, когда кончится война. Какъ буду я любить тебя! больше теперешняго, лучше теперешняго!

— Въ Бендеры, тихо повторила Вѣра, — въ Бендеры... Если это скоро, я ни завтра, ни послѣзавтра не могу уѣхать въ

Кіевъ... Конечно я уѣду, но я покамѣсть уѣду къ Китти Малаевой, по обѣщанію, проститься съ ней. Вѣдь я тоже ѣду надолго, меня тоже ждуть не веселыя картины, зрѣлище страданія и смерть; не оставитъ же мнѣ бѣдную старушку въ послѣднія минуты, не тяготиться же мнѣ, если Богъ продлитъ ея дни! Параличныя живутъ иногда долго; пусть и она живетъ, если жизнь ей не въ тягость. Быть-можетъ пройдетъ годъ, протора, быть-можетъ вы ранѣе меня возвратитесь... Она говорила все это въ глубокомъ раздумьи.

— Неужели ты не можешь уѣхать послѣзавтра? воскликнулъ вдругъ Лавринецкій, отданный весь своимъ мыслямъ.

— А! такъ вы выступаете послѣзавтра? и она почти съ крикомъ закрыла лицо руками.

— Чтò дѣлать! произнесъ печально Лавринецкій.— Не плачь, моя Вѣра, продолжалъ онъ, почувствовавъ горячую слезу на своей рукѣ, — не плачь, а то я право съ ума сойду! Нѣтъ, мы увидимся раньше года, я въ Кіевъ пріѣду, я зимой отпущкъ возьму! У насъ есть семейныя дѣла, по которымъ я могу пріѣхать въ Кіевъ; это послужитъ мнѣ предлогомъ, я пріѣду, я отыщу тебя. Думай о радостяхъ свиданія, думай, какъ мы тогда будемъ счастливы.

— Ты не пріѣдешь! говорила она сквозь слезы, которыя искусно удерживала.

— Непремѣнно пріѣду! Чтò бы ни было, пріѣду! Зимой пустякъ, зимнія кампаніи на Дунаѣ невозможны, особенно для кавалеріи, мѣсть топкихъ много, грязь зимой страшная; дадутъ непременно отдыхъ, и я опять буду подлѣ тебя.

— Нѣтъ, не пріѣдешь! повторила она недовѣрчиво.— Однако, ты такъ добръ, можетъ-быть... Владиміръ, душенька, береги себя! Помни, я буду ежеминутно умирать за тебя. Теперь я буду молиться... (Она порывисто сжимала его руки.) Я не смѣю сказать тебѣ, чтобъ ты не подвергалъ себя опасностямъ безъ нужды, изъ одной безумной храбрости и горячности, но вспоминай иногда обо мнѣ! Зимой ты пріѣдешь? Я можетъ-быть уже снова буду здѣсь, если только моя больная не доживетъ до зимы; тогда ты не поѣдешь въ Кіевъ?.. Или тебѣ непременно нужно туда по дѣламъ?..

Блѣдная, съ невыразимою мукой во взорѣ, не сводя съ него глазъ, говорила она эти печальныя рѣчи.

— Я для тебя одной поѣду въ Кіевъ, отвѣчалъ онъ, — что мнѣ дѣла! что значать дѣла? Мнѣ дорого твое спокойствіе, мнѣ отрадно на тебя взглянуть, услышать отъ тебя слово ласки. Ты мой другъ, единственный, вѣрный, добрый другъ мой! Ты не знаешь, сколько утѣшительнаго въ мысли, что есть благородное сердце, которое бьется для меня, — и какъ отрадно вспоминать будетъ мнѣ объ этомъ среди ужасовъ войны, среди всего, что предстоитъ мнѣ, и что вовсе не отвѣчаетъ требованіямъ души моей, оторванной отъ всего роднаго. Мы увидимся!.. Я еще зайду проститься, но кто знаетъ, будемъ ли мы тогда такъ одни, такъ свободны какъ теперь? продолжалъ онъ, окинувъ взоромъ комнату: — перекрести меня!

Онъ нагнулся. Дрожащею рукою перекрестила его Вѣра, и спрятала встревоженное лицо на милой груди.

Черезъ два дня Машенька встрѣтила меня съ заплаканными глазами. Вѣра была въ дорожномъ платьѣ и въ чепчикѣ; у крыльца стоялъ небольшой экипажъ.

— Поѣдемъ къ Малаевымъ, сказала мнѣ Вѣра довольно весело.

Я съ удивленіемъ взглянула на нее. Кромѣ легкаго утомленія и какого-то лихорадочнаго огня глазъ, въ ней ничего нельзя было замѣтить.

Когда мы на мгновеніе остались однѣ, она взяла меня за руку.

— Досадно, сказала она, — не удалось мнѣ уѣхать ровно въ девять часовъ утра: теперь скоро двѣнадцать.

— Они ушли въ девять? спросила я, понявъ въ чемъ дѣло.

Вмѣсто отвѣта, Вѣра утвердительно кивнула мнѣ головой.

— Странно! сказала она, помолчавъ съ минуту: — мнѣ не такъ тяжело, какъ я ожидала; видно не все кончилось, видно мы увидимся еще!

— Дай Богъ! отвѣчала я.

— Одно только не хорошо, продолжала она, — отчего онъ не хочетъ писать ко мнѣ. Онъ говорилъ, что въ военное время подобная переписка не годится. Кажется, онъ боится, чтобъ я не компрометировала себя: все это прекрасно, и благородно, но вѣдь мнѣ не шестнадцать лѣтъ...

— Можеть-быть у него свои, особенныя причины, замѣтила я.

— Вадоръ! нѣтъ, онъ будетъ ко мнѣ писать, не выдержитъ! Вѣдь я не послушаю его, и писать все-таки буду. Неужели онъ будетъ неумолимъ, оставить меня на жертву всѣмъ мукамъ неизвѣстности и мрачныхъ предположеній?.. Бутѣевъ писалъ къ Машенькѣ на каждой дневкѣ, потомъ изъ Бендеръ съ каждою почтой. Письма его были нѣжны, полны все тѣхъ же свѣтлыхъ обѣтовъ и мечтаній.

Онъ писалъ не только къ Машенькѣ, но и къ самой Дагоровской, онъ писалъ къ Вѣрѣ, онъ писалъ ко мнѣ, и сюжетъ всѣхъ этихъ писемъ были вопросы о Манѣ, увѣренія въ любви, и просьбы, узнать не было ли писемъ изъ дому на его имя: отъ Лавринецкаго онъ всѣмъ кланялся. Разъ написалъ, что Лавринецкій былъ сильно боленъ.

Прошелъ мѣсяцъ. Путешествіе Вѣры въ Кіевъ было совершенно устроено, время отъѣзда опредѣлено; мы ждали ее отъ Малаевыхъ, чтобы проститься съ ней и выпроводить къ больной старухѣ, которой между тѣмъ сдѣлалось гораздо хуже, какъ сообщали Дагоровской изъ Кіева. Медлить было невозможно.

Машенька иногда плакала, но слезы и улыбки смѣнялись у ней быстро: таково неощѣненное свойство молодости—впечатлительность. Написавъ письмо къ Бутѣеву, она становилась весела на цѣлый день, и заставляла мать и меня попрежнему выѣзжать, выходить, и въ положенные дни слушать музыку, то на бульварѣ, то въ саду.

Мы были въ саду и сидѣли не далеко отъ террасы. Насъ окружали молодые люди, увивавшіеся постоянно вокругъ хорошенькой Мани и чрезвычайно довольные отсутствіемъ Бутѣева. На другой день мы ждали Вѣру, и разговоръ шелъ о ней. Вдругъ Машенька схватила меня за руку, съ трудомъ удерживая крикъ радости: на террасѣ, за небольшимъ столомъ, сѣли уживать нѣсколько офицеровъ въ мундирахъ ушедшей дивизіи.

Мы были удивлены, Машенька обрадована, но между ними ни одного знакомаго лица.

— Подойдите къ этимъ ужинающимъ, сказала я, обращаясь къ одному изъ нашихъ вѣчныхъ спутниковъ,—спросите, какими судьбами они здѣсь?

— Въ самомъ дѣлѣ удивительно! воскликнулъ онъ и пошелъ къ столу. — Дамы желаютъ знать, гдѣ теперь ваша дивизія, отнесся онъ къ одному изъ офицеровъ.

— Завтра будетъ здѣсь, отвѣчалъ тотъ громко, глядя въ нашу сторону, — мы пріѣхали квартирьерами, насъ возвращаютъ въ Одессу. Видно судьба мамъ съ вами не разставаться, прибавилъ онъ, весело покручивая усы.

Машенька сильно сжала мнѣ руку. Ей не сидѣлось въ саду, она шла домой и всю дорогу шептала мнѣ:—А Бутѣвѣ?... Жаль, что вы не спросили о Бутѣвѣ... Впрочемъ, завтра я сама увижу его...

Я думала о Вѣрѣ, и за нее было весело мнѣ.

Она пріѣхала въ одинъ день съ Лавринецкимъ. Еслибъ отъ радости можно было умереть, она бы умерла, но отъ радости не умираютъ!..

Однако послѣ перваго порыва радости, пришла имъ мысль, долго ли снова они вмѣстѣ?..

Вѣра рѣшилась отложить свою поѣздку еще на десять дней. Въ эти десять дней никто изъ нихъ не думалъ о разлукѣ, и быть счастливымъ, право, было невозможно... Лавринецкій никогда не говорилъ Вѣрѣ, что она можетъ не исполнить своей клятвы, не искалъ отвлечь ее отъ долга, наложеннаго на нее обстоятельствами; напротивъ того, онъ одобрялъ ее и удивлялся ей. Боялся ли онъ, что воля ея ослабѣетъ, что чувство осилитъ, и не достанетъ у ней твердости принести себя въ жертву долгу совѣсти, или, напротивъ, думалъ ли онъ, что отговаривать ее невозможно, что и начинать не зачѣмъ, и лучше ужъ не говорить вовсе? Но Лавринецкій никогда не касался этого предмета.

Вѣра съ каждымъ днемъ утверждалась въ намѣреніи ѣхать, и съ невольнымъ трепетомъ отталкивала отъ себя мысль, что можно и остаться, что можно не сдержатъ слова, отвернуться сухо, холодно отъ той, которая у нея просила послѣдняго утѣшенія. Воля умирающаго священна! говорила она себѣ, чтобы поддержать рѣшимость, готовую рушиться. Наконецъ, она была убѣждена, что пала бы во мнѣніи Лавринецкаго, еслибы не исполнила своего долга. Онъ такъ уважалъ ее за чувство долга! И еслибъ даже онъ самъ, покорствуя своему чувству, вздумалъ просить ее не ѣздить въ Кіевъ, то не уважалъ бы и разлюбилъ конечно,

еслибъ она уступила его просьбамъ. Она съ твердостью духа собиралась въ путь.

Бутѣвъ получилъ письмо отъ отца, но не показалъ его Дагоровскимъ. Отецъ, не зная этого семейства, довольно свободно шутилъ на его счетъ; онъ притворился, что вовсе не принимаетъ за дѣло письма и просьбъ своего Жоржа; онъ прикинулся самъ на ту пору его товарищемъ, лихимъ малымъ, готовымъ рубиться, волочиться, еслибъ былъ помоложе. Онъ дружески осмѣялъ сына и его чувство, назвавъ все это вздоромъ и въ заключеніе просилъ сдѣлать ему дружбу не писать болѣе къ нему о подобныхъ пу-
стыкахъ.

Бутѣвъ былъ сконфуженъ; онъ самъ не зналъ что дѣлать. Наконецъ написалъ снова, но видно въ его словахъ отецъ встрѣтилъ не то, чего ожидалъ, и въ свою очередь задумался. Наконецъ полученъ былъ отвѣтъ, который онъ могъ ужъ показать Дагоровскимъ: отецъ позволялъ ему думать о женитьбѣ, былъ увѣренъ въ его прекрасномъ выборѣ, но находилъ, что и женихъ, и невѣста ничего не потеряютъ, если подождутъ года два, три. Бутѣвъ былъ въ восторгѣ: что значили для него годы? Онъ былъ такъ увѣренъ, что любовь его вѣчна! Машенька тоже. Одна Дагоровская призадумалась; отвѣтъ ей не понравился, но Бутѣвъ увѣрилъ, что срокъ этотъ сократится: пусть только кончится война, онъ полетитъ къ отцу, отецъ развѣжится этимъ свиданіемъ послѣ всѣхъ опасностей, и тогда отказа ему не будетъ ни въ чемъ.

Простая, обыкновенная исторія! Наивныя вѣрованья!...

Мимолетное облако пронеслось безъ слѣда. Больше прежняго Машенька и Бутѣвъ вѣрили въ счастье и въ свою взаимную любовь. На нихъ смотрѣть было весело. Между ними, повидимому, никогда не было ни малѣйшаго недоразумѣнія, ихъ не смущали заботы будущаго, вѣроятности различныхъ испытаній; они улыбаясь и жили, и любили... Вѣра иногда бывала грустна, Лавринецкій иногда бывалъ угрюмъ и раздражителенъ; но то были не дѣти, имъ можно было простить. Зато и любовь ихъ, и счастье ихъ свѣтлыхъ минутъ были полнѣе. Быть-можетъ иногда между ними и были легкія размолвки; но Вѣра восторженно приписывала Лавринецкому самыя необыкновенныя свойства ума и сердца, а душа его казалась ей душою вполне разви-

тоу; она безгранично вѣрила, что этотъ человѣкъ произвольно не прибавитъ ей ни одного вздоха, не заставитъ пролить ни одной слезы. Обстоятельства можетъ-быть!.. но онъ, онъ самъ, нѣтъ! не обманетъ онъ, онъ пожалѣетъ ее, никогда не оскорбитъ ее сердца.

Вѣра оставалось всего дня три до отъѣзда. Она сидѣла у меня, когда пришелъ Лавринецкій. Между тѣмъ мнѣ надо было въ это утро сдѣлать нѣсколько визитовъ, отложить ихъ было невозможно; впрочемъ я съ этими гостями не церемонилась; къ тому же я знала, что оставивъ ихъ вдвоемъ, я дамъ имъ нѣсколько пріятныхъ минутъ, на которыя они не рассчитывали. Я просила ихъ дожидаться меня, и отправилась съ визитами.

Когда я возвратилась, Лавринецкій былъ очень угрюмъ, Вѣра печальна, но спокойна. На слѣдующій день я застала ее въ слезахъ; она еще отложила поѣздку на нѣсколько дней, но въ эти дни Лавринецкій бывалъ рѣдко, старался не оставаться съ нею наединѣ, говорилъ колкости и взаимно долженъ былъ выслушивать ихъ. Вѣра часто плакала. Наканунѣ своего отъѣзда, утромъ, она плакала такъ страшно, такъ долго, что вечеромъ этого дня, несмотря на самое трогательное съ ней прощаніе Лавринецкаго наединѣ, была не въ силахъ чѣмъ бы то ни было выказать, что значило для нея это прощанье. Видно, она выплакала ужъ всѣ свои слезы, и мысль отяжелѣла въ ней, застыло и замерло сердце.

Я одна поѣхала провожать ее до таможи: она просила тетку и Машеньку не провожать ее, увѣряя, что ей будетъ оттого тяжело.

Въ эти послѣднія минуты нашего откровеннаго разговора, она умоляла меня дать ей клятву, что я буду постоянно писать ей о Лавринецкомъ, что даже если полкъ этотъ опять поведутъ куда-нибудь, я буду узнавать о немъ и писать къ ней всю правду. Въ горькихъ слезахъ она передала мнѣ, что онъ ни за что не согласился вести съ ней переписку; тутъ я узнала, что и изъ Бендеръ, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, онъ не писалъ ей ни разу: это однако было отрадно, потому что не позволяло подозрѣвать его въ перемѣнѣ чувствъ, тогда онъ страстно любилъ ее! Я ей сказала это, и заставила печальную Вѣру улыбнуться. Однако она передала мнѣ маленькую сцену, происшедшую между ними въ послѣдній разъ у меня на квартирѣ. Лавринецкій былъ нѣжливъ, и ласковѣ обыкновеннаго. Разговоръ зашелъ о предстоящей

разлукѣ; оба они говорили о ней съ мучительнымъ чувствомъ. Вдругъ Лавринецкій спросилъ:

— Что бы ты сдѣлала Вѣра, еслибъ я въ эту минуту сталъ передъ тобой на колѣни и просилъ не ѣздить въ Кіевъ, остаться для меня? Вѣдь я тебѣ никогда не говорилъ объ этомъ до сихъ поръ.

Вѣра почувствовала, что измѣнилась въ лицѣ.

— Мнѣ бы оставалось только, отвѣчала она:—стать тоже на колѣни и просить у тебя не отнимать у меня силы исполнить долгъ мой. Къ чему еще новое мученіе? Вѣдь я должна ѣхать, должна! ни за что не могу остаться! Долгъ прежде всего.

Онъ всталъ порывисто.

— Довольно, сказалъ онъ нахмурившись, — я уважаю долгъ, я всегда уважалъ его, но теперь вы еще болѣе выучили меня уважать это слово! Я тоже уважаю васъ безгранично. Клянусь, я никогда не позволю себѣ стать между вами и вашимъ долгомъ. Поѣзжайте, вы удивительная, но вы ледяная женщина!...

На вопросъ ея, не сердится ли онъ, Лавринецкій ласково посмотрѣлъ ей въ глаза и нѣжно поцѣловалъ руку: она успокоилась совершенно.

И однако съ этого дня все измѣнилось, онъ видимо сталъ избѣгать ея. Вотъ отчего она еще промедлила нѣсколько дней, готовая еще остаться; но онъ не сказалъ ни слова! И она уѣзжала, она удалялась, ее мчалъ дорожній экипажъ; дома, задернутые пылью, остались за ней ужь далеко. Церковь, что на Пересыпи, скрывалась, таможня была близка, нѣсколько минутъ оставалось намъ... Она успѣла мнѣ сказать еще, что при прощаніи онъ былъ невыразимо нѣженъ; съ печальнымъ наслажденіемъ проходилъ онъ памятью всѣ сцены своихъ свиданій съ нею, начиная отъ перваго ея *люблю*, сказаннаго ею на многія, многія повторенія этого слова съ его стороны. Онъ ей твердилъ: увидимся, увидимся! и казалось наглядѣться не могъ, уходилъ и возвращался, и не въ силахъ былъ высказать всей своей тоски, не въ силахъ былъ также преодолѣть ее. Слово: прощай, казалось звучало для него дико, какъ оскорбленіе его любви. Онъ твердилъ ей, что любить, что отыщеть ее, что время докажетъ, время оправдастъ; онъ что-то очень много ссылался на время, и слыш-

комъ много говорилъ о немъ. Отъ переписки упорно отказался; она приготовила для него портретъ свой, — онъ не взялъ. Но давно онъ не былъ такъ нѣженъ. Лавринецкій клялся, что двадцать лѣтъ разлуки не въ состояніи сдѣлать Вѣру для него лицомъ постороннимъ, что ей обязанъ онъ развитіемъ своей души, что, благодаря ея любви, онъ сталъ достойнымъ имени человека. «И между тѣмъ, прибавила она, душа моя совершенно разбита; въ этотъ разъ я чувствую, что все кончено, что все потеряно безвозвратно.»

Мы подѣхали къ таможнѣ. Досмотрщики шарили всюду, перемѣняли шляпы, перевернули и скомкали все въ сундукахъ, и наконецъ отпустили насъ. Черезъ нѣсколько минутъ экипажъ скрылся изъ глазъ; я въ раздумьи возвратилась къ Дагоровскимъ. Тамъ я застала Бутѣва. Вечеромъ мы были на бульварѣ, Лавринецкій не подходилъ къ намъ; издали я видѣла, какъ онъ очень весело разказывалъ что-то въ кружкѣ офицеровъ.

Я мало знала его, но любовь Вѣры сдѣлала его чрезвычайно интереснымъ въ моихъ глазахъ. Впрочемъ, любовь эта значительно и быстро развила его; онъ выучился говорить такъ, что приходилось слушать его съ удовольствіемъ и уваженіемъ. Чувствовалъ ли онъ то, что говорилъ? Казалось, что чувствовалъ, по крайней мѣрѣ онъ самъ былъ тогда убѣжденъ, что дѣйствительно такъ чувствовалъ. Двѣ недѣли прошло. Я знаю, что въ теченіи этихъ двухъ недѣль Вѣра писала къ нему, но я не могла дознаться, отвѣчалъ ли онъ ей. Я видѣла его всегда веселымъ, всегда съ толпой товарищей—это не радовало меня за Вѣру. Между тѣмъ пробило урочное 3-е сентября. На крымскій берегъ ступили враги. Черезъ нѣсколько дней разыгралась первая кровавая драма, подъ заглавіемъ Альма. Извѣстіе о ней пришло въ Одессу, вмѣстѣ съ приказаніемъ кавалеріи выступить въ двадцать четыре часа и идти усиленнымъ маршемъ въ Крымъ.

Этого похода никто не ждалъ, никто не предвидѣлъ. Лавринецкій простился съ нами заочно. Бутѣвъ и Машенька чуть съ ума не сошли отъ горя. Надо было увѣдомить Вѣру, я написала къ ней.

Два мѣсяца я не получала писемъ, наконецъ получила и прочла горячую просьбу узнать, какимъ образомъ поступаютъ въ

сестры милосердія. Чтобы выиграть время, я обѣщала разузнать все обстоятельно и потому просила потерпѣть. Изъ письма Вѣры я увидѣла, что она была сама больна смертельно, когда узнала что враги въ Крыму, что Альма обошлась намъ дорого и не принесла пользы, что войска ведутъ въ Крымъ, и слѣдовательно Лавринецкій вмѣстѣ съ другими отправляется туда. Она написала къ нему съ отчаяньемъ, выставивъ свое страшное, безотрадное положеніе, муки неизвѣстности, ужасы всѣхъ предположеній, всѣхъ поразительныхъ вѣроятностей; онъ не отвѣчалъ, точно также, какъ и на первыя ея письма. Далѣе, я потеряла ихъ обоихъ изъ вида на довольно долгое время. Бутѣвъ и Машенька вели дѣятельную переписку и были убѣждены, что миръ на дняхъ подпишутъ: легко вѣрится тому, чего желаешь! Въ Крыму умирали тысячи героевъ - мучениковъ, съ свѣтлою совѣстью и безъ малѣйшаго ропота. Цвѣты и виноградники не разъ окрасились человѣческою кровью, въ волнахъ моря прибавилось много кровавыхъ волнъ, живописныя долины стали разрытымъ кладбищемъ. Непрiятель шелъ съ словомъ *побѣдить*, Русскій несъ въ сердцѣ своемъ слово *спасти*. О результатахъ ихъ встрѣчъ пусть говоритъ исторія, но на вѣсахъ Божескаго суда, который изъ двухъ падшихъ воиновъ будетъ болѣе имѣть заслуги? а въ сердцѣ человѣка чья смерть возбуждаетъ болѣе сочувствія?.. Пусть ихъ страданья одинаковы, но чья участь трогательнѣе? Какъ ни печальна эта война, но для русскаго солдата, каковъ бы ни былъ онъ, морской и сухопутный, она была высокою нравственною ступенью.

Въ Крымъ стремились однако люди разнаго сорта, и вѣрные сыны отечества, и просто честолюбцы, и хуже... Между множествомъ прекрасныхъ побужденій были и другія, но пословица: «въ семьѣ не безъ урода». Вошло въ моду проситься въ ординарцы и прикомандировываться. Я получила письмо отъ Китти Малаевой. Она была въ отчаяннiи: Штраленгеймъ напросился въ ординарцы къ генералу N и уѣхалъ въ Симферополь. Спустя нѣсколько времени, Малаевы оставили деревню и перѣѣхали на житье въ Одессу; Китти не могла долѣе сносить своей тоски, оставаясь тамъ, гдѣ ей все напоминало Штраленгейма. Почти въ одно время съ ними, пріѣхалъ въ Одессу молодой баронъ Вестернъ, товарищъ Штраленгейма, юный, пылкій, вѣт-

реный по характеру, бѣлокурый и румяный по наружности, съ прекраснымъ свѣтскимъ образованіемъ, обладающій приятнымъ и выработаннымъ голосомъ, отличный пѣяище; онъ почти безвыходно проводилъ дни свои у Малаевыхъ. Китти, казалось, только его и могла слушать, только съ нимъ и могла говорить, и Вестернъ ни на шагъ отъ Китти. Онъ пѣлъ ей любимые романсы Штраленгейма, пѣтые имъ самимъ столько разъ, онъ игралъ его любимыя пѣсы; онъ очень часто произносилъ его имя и находилъ всегда что-нибудь поразказать о своемъ другѣ.

Китти сказала мнѣ, что Штраленгеймъ пишетъ часто къ Вестерну, и что Вестернъ даетъ ей читать всѣ письма Штраленгейма. Дѣйствительно, я читала нѣсколько изъ нихъ, въ каждомъ говорилось о Китти; онъ просилъ ее писать къ нему безъ боязни; маялся уничтожать всѣ ея письма и увѣрялъ, что не пишетъ къ ней прямо потому только, что боится компрометировать ее адресомъ передъ своими товарищами, и вообще перепиской въ глазахъ ея же матери. Китти находила, что это безподобно, что такое благоразуміе, такая заботливость стоить награды; она писала къ нему. Вестернъ бралъ ея письма, для отправленія вмѣстѣ съ своими.

Я не понимала довѣрія Китти къ Вестерну. Она была умна, а Вестернъ пустой и вѣтреный мальчикъ; не желая сдѣлать зла, онъ могъ сдѣлать его по необдуманности. Онъ былъ слишкомъ юнъ; отчего выборъ Штраленгейма палъ на него? Штраленгейма слѣдовало бояться, его любви не вѣрить, но Китти сердилась на меня, когда я ей говорила это, и наконецъ, чтобъ опровергнуть меня, рѣшилась показать мнѣ единственное письмо, адресованное на ея имя, переданное ей Вестерномъ, послѣ отъѣзда Штраленгейма.

Письмо, разумѣется, было по-французски, вотъ оно: «Я ѣду, ma belle enfant. Вашъ Штраленгеймъ будетъ далеко, когда вы получите это письмо; сохраните для вашего Эрнеста то мѣсто въ сердцѣ вашемъ, которое ему теперь еще принадлежитъ. Вы любите меня. Китти, вы мнѣ такъ часто говорили это, что я не имѣю причины вамъ не вѣрить. Вы на меня немножко сердитесь за то, что я попалъ въ ординарцы къ ***, но что же дѣлать? карьеру въ военное время можно сдѣлать только тамъ, гдѣ война, а я честолюбивъ, и вы тоже должны быть че-

столубивы за меня и вмѣстѣ со мной. Мнѣ хочется вамъ дать право гордиться мной, а для этого мнѣ надо стать на видъ и сколько возможно больше уйдти впередъ: я не трусь, отчего же мнѣ не ѣхать въ Крымъ? Въ настоящее время это интересно и полезно. Конечно, я буду подвергаться опасностямъ; но если вы хотите, чтобъ я не рисковалъ слишкомъ, вы будете писать ко мнѣ. Мысль, что я могу заставить плакать ваши хорошенькіе глазки, будетъ меня призывать къ благоразумію. Милая моя Кетъ, пишите во мнѣ непременно, также мило, также горячо, какъ вы мнѣ говорили о вашей любви. Я не заслужилъ недобрыя, а съ вами ужь черезчуръ былъ добросовѣстенъ и высказывалъ передъ вами смѣло всѣ свои недостатки. Письма отлаивайте Вестерну; онъ вамъ не измѣнитъ, потому что иначе будетъ имѣть дѣло со мной. Впрочемъ, это отличный малый, и я для начала даю ему это письмо. Вы поневогѣ съ нимъ сблизитесь и оцѣните его. Я поручаю ему напоминать вамъ обо мнѣ какъ можно чаще, а то своенравная Кетъ меня забудетъ. Я не буду писать къ вамъ, но зато буду писать къ Вестерну, это все равно что къ вамъ; à titre de revanche я буду съ нимъ говорить о васъ, потому что вы съ нимъ будете конечно говорить обо мнѣ. Цѣлую тысячу разъ ручки моей очаровательной Кетъ, прошу ее смотрѣть на Вестерна какъ на ходячее мое воспоминанье, и вѣрить ему болѣе нежели мнѣ. Онъ вамъ преданъ несказанно о сю пору за то, что вы любите меня. Не подписываюсь, къ чему? Вы легко догадаетесь отъ кого, а другимъ надѣюсь письмо не попадетъ въ руки. Вы такъ умны, Кетъ, что конечно не станете беречь его. Впрочемъ, замѣтите, я пишу здѣсь нѣсколько разъ, что вы меня любите, и не разу не написалъ, что люблю васъ! Это чтобы выучить васъ осторожности. Любите меня, Кетъ, а иначе, право, я дамъ себя убить первому Англичанину, Французу или Турку! Но Вестернъ съ вами, и я спокоенъ: вы не скоро забудете меня.»

— Могу ли я иначе смотрѣть на Вестерна? спросила Китти, когда я кончила чтеніе этого письма.—Теперь вы видите, что такое для меня въ настоящую пору Вестернъ! И дѣйствительно, онъ прелесть, я его отъ души люблю, другому бы надоѣло слушать и говорить съ утра до ночи о Штраленгеймѣ. Надо быть въ самомъ дѣлѣ особеннымъ другомъ...

— То-то и есть, что онъ какой-то особенный другъ! воскликнула я.

— Вы вѣчно съ вашими подозрѣніями, замѣтила мнѣ обиженная Китти. — Этотъ Вестернъ добрѣйшее, премилое существо, онъ любитъ Штраленгейма, онъ любитъ меня, это рѣдкій другъ!..

Въ эту минуту вошелъ Вестернъ, ему было дано право входить прямо въ кабинетъ Китти безъ доклада. Она поспѣшно бросила въ свой письменный столъ письмо Штраленгейма и протянула Вестерну руку: Вестернъ поцѣловалъ.

Поправивъ густыя, бѣлокурыя кудри рукой, онъ бросился въ кресло, не ожидая приглашенія. — Вы извиняете? пробормоталъ онъ сквозь зубы: — я страшно усталъ.

— Вы мнѣ не принесли ничего? спросила Китти.

Онъ посмотрѣлъ на меня пристально и не отвѣчалъ.

— Не бойтесь, сказала Китти: — мы и при ней совершенно одни; дайте! и она протянула руку.

Но Вестернъ ничего не подалъ этой рукѣ, а только снова нагнулся и поцѣловалъ ее.

— Какое ангельское сердце! какъ вы умѣете любить! воскликнулъ онъ съ нѣжностью.

Мнѣ не нравилась вся эта сцена. Я находила, что Вестернъ позволяетъ себѣ излишнюю короткость, и вообще даетъ безпрестанно чувствовать, что въ рукахъ его сердечная тайна, и что онъ поэтому имѣетъ нѣкоторыя права. Кромѣ того, разсматривая Вестерна, я нашла, что онъ слишкомъ хорошъ, слишкомъ молодъ, и даже что онъ кокетничаетъ съ своимъ другомъ безъ зазрѣнія совѣсти.

Китти сѣла подлѣ него.

— Нѣтъ? неужели онъ не писалъ къ вамъ? спросила она.

Вестернъ обратился ко мнѣ.

— И она можетъ думать, что я бы не поспѣшилъ успокоить ее! сказалъ онъ съ любезною улыбкой.

Я ничего не отвѣчала; онъ снова повернулся къ Китти.

— Какъ счастливъ Штраленгеймъ! сказалъ онъ. — Знаете ли, что если онъ васъ разлюбитъ или обманетъ, онъ будетъ не чловѣкомъ. Еслибъ я былъ такъ любимъ, и къмъ же? женщиной, подобною вамъ, я бы жизнь свою провелъ у ея ногъ, я былъ бы рабомъ, я не имѣлъ бы своей воли. Признаюсь, я не понимаю,

какъ могъ онъ разстаться съ вами и заставить васъ плакать? Дружба не ослѣпляетъ меня; я вижу ошибки такъ же точно, какъ вижу и прекрасныя качества Штраленгейма; я все для него готовъ сдѣлать: но если онъ оскорбитъ сердце женщины, которую я выучился безгранично уважать, то я готовъ сдѣлаться почти врагомъ его.

Онъ говорилъ съ восторженностію.

— Благодарю васъ, баронъ, благодарю, сказала Китти съ чувствомъ.

Не знаю, почему мнѣ казалось, что передо мной разыгрывается комедія, которая можетъ кончиться очень грустно.

— Вы однако оказываете плохую услугу вашему другу, замѣтила я съ невольною строгостію: — вы бросаете на него подозрѣніе.

Вестернъ спохватился.

— Я! воскликнулъ онъ съ жаромъ: — я! Могу ли я подозрѣвать Штраленгейма? О нѣтъ, я готовъ грудью своею защищать его отъ всѣхъ подозрѣній. Сомнѣваться въ немъ я никому не дамъ, да, никому и никогда!

— Вы не поняли барона, сказала мнѣ Китти: — онъ всегда ставитъ своего друга на такой пьедесталъ, что право... Однако, и она обратилась къ Вестерну, — что вы думаете о теперешнемъ его молчаніи? Я вся дрожу... Говорятъ, было какое-то дѣло... Что, если онъ былъ тамъ? Жажда славы такъ сильна въ немъ. (Китти вздохнула.) Онъ раненъ можетъ-быть; право, я вся дрожу, когда вспомню...

— Нѣтъ, онъ не раненъ, сказалъ Вестернъ: — онъ въ дѣлѣ даже не былъ. Вы напрасно тревожите себя. Повѣрьте, Штраленгеймъ не станетъ подвергать себя опасности; мы всѣ храбримся, пока опасность далека отъ насъ, такова натура человѣка. Вы гуляете сегодня на бульварѣ? прибавилъ онъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Не знаю, отвѣчала Китти нерѣшительно.

— Какъ можно не гулять! воскликнулъ Вестернъ. — Погода прекрасная, и къ тому же это единственные часы, въ которые мы съ вами можемъ свободно говорить. Гдѣ ваша мама?

Какъ будто подслушавъ этотъ вопросъ, Марья Николаевна сама вмѣсто отвѣта вошла въ комнату дочери.

— Здравствуй, Китти, сказала она ей, и Китти встала поцѣловать у ней почтительно руку. — Хорошо ты спала? Глаза у тебя немножко красны. А, баронъ! вы здѣсь? Я васъ не замѣтила.

Вестернъ всталъ, и такъ же вѣжно, какъ Китти, поцѣловалъ руку у Марьи Николаевны, потомъ сталъ въ почтительномъ отдаленіи, и съ видомъ чрезвычайной невинности началъ вертѣть въ рукахъ фуражку.

Марья Николаевна сказала два слова мнѣ, и обратилась къ Вестерну.

— Скажите пожалуйста, можно подумать, что вы не смѣете съестъ въ моемъ присутствіи, замѣтила она ему съ очаровательною любезностью. — Садитесь! je lui impose!

Марья Николаевна взглянула на меня, какъ будто призывая меня въ свидѣтели. Отъ меня не ускользнула улыбка Вестерна и взглядъ, который онъ бросилъ на Китти, садясь. Я видѣла, что они безъ словъ говорили другъ съ другомъ. Вестернъ мнѣ казался фальшивымъ человѣкомъ; я хотѣла сказать это Китти, но вспомнила, что она не любила слушать предостереженій и совѣтовъ. Вестернъ былъ для нея отголоскомъ прошлаго, надеждой на будущее; безъ Вестерна она всюду скучала и томилась. Если Маляевыхъ приглашали на вечеръ или на обѣдъ, то вмѣстѣ съ ними звали и Вестерна. Я предвидѣла, предчувствовала, я почти слышала уже толки, которые готовились подняться въ обществѣ.

И они поднялись, они встали, эти толки! Зашумѣли всѣ, заговорили, что Китти выходитъ замужъ за Вестерна, что Марья Николаевна радехонька этой партіи, и что дѣйствительно партія прекрасная: баронъ имѣетъ хорошее родство и прекрасныя связи; женщины восхищались Вестерномъ; онъ пѣлъ премиленькіе романсы во всѣхъ залахъ и гостиныхъ, и Китти подсказывала ему, который романсъ пѣть; Китти сидѣла у рояля, улыбаясь общему вниманію и ободряя Вестерна знакомъ или взглядомъ. Мазурку они всегда танцовали вмѣстѣ. На гулянье, въ магазины за покупками, Вестернъ неизмѣнно провожалъ Китти, даже въ церкви становился рядомъ съ нею.

Я хотѣла еще разъ остеречь Китти и сообщить ей людскіе толки, но Вестернъ уже предупредилъ меня: онъ давно разказалъ ей все. Китти расхохоталась и сказала мнѣ, что она именно въ

восторгъ оттого, что всё принимаютъ Вестерна и ее за жениха и невесту; и что они согласились поддерживать это мнѣніе, что это имъ пріятно, что это прекрасное положеніе дѣлъ...

Я не видѣла ничего особенно прекраснаго въ такомъ положеніи дѣлъ. Китти была весела; она знала, что Штраленгеймъ долженъ скоро пріѣхать, и если иногда задумывалась, то потому только, что онъ уже очень давно не писалъ къ Вестерну.

Машенька получала письма, съ означеніемъ очень странныхъ мѣстъ: аулъ Біюкъ-Токиаба, Солтаба, Узбекъ, Бозъ-оглу, Ортъ-Мамай, Чеботари, Карагуртъ. Эти имена безпрестанно вертѣлись у ней передъ глазами, повторялись ею тысячу разъ и на тысячу ладовъ, и даже грезились ей во снѣ. Она съ удовольствіемъ посматривала на эмалевое колечко, которое носила на правой рукѣ. Я знала отъ нея, что Жоржу холодно, что тамъ нѣтъ воды; лошади умираютъ, люди больны; мучительная стоянка; ходятъ горячки; было маленькое дѣло, была рекогносцировка, перестрѣлка; что кланяется Дагоровскимъ такой-то, а Жоржъ умираетъ отъ тоски, и въ разлукѣ еще болѣе, еще нѣживѣ съ каждымъ днемъ любить свою Маню.

Письмо отъ Вѣры пришло съ черною печатью: бабушка умерла, но она оставалась въ Кіевѣ, чтобъ исполнить нѣкоторыя распоряженія умершей. Она спѣшила въ Одессу, она собиралась далѣе, къ мѣсту поразительнаго геройства и поразительныхъ страданій. Последнія слова ея письма были: «Положимъ, онъ измѣнился; вѣдь цѣлый годъ прошелъ! Но когда онъ услышитъ, что я близко, когда узнаетъ, что мы увидимся, неужели ничто не воскреснетъ въ его душѣ, въ его памяти? Нѣтъ, не хочу ни о чемъ болѣе думать, я скоро увижу его!»

Дѣйствительно, годъ, цѣлый годъ почти прошелъ со времени ихъ разлуки; оставалось всего нѣсколько дней до окончанія года. Вѣра какъ будто предугадала, сказавъ Лавринецкому, что ѣдетъ на годъ. Тогда для него годъ казался чудовищно-долгимъ срокомъ, но онъ однако не постарался ничѣмъ сократить его: письма Вѣры оставались безотвѣтны, точно будто они терялись въ пространствѣ или падали въ бездну.

Она просила сновидѣній, которыя бы пролили лучъ свѣта на все непонятное и неизвѣстное ей, на Лавринецкаго, на его положеніе въ Крыму, на его сердце и мысли; дѣйствительно, она

часто видѣла его во снѣ, но такъ смутно, такъ странно, въ какихъ-то незнакомыхъ мундирахъ, съ какимъ-то страннымъ, чужимъ лицомъ... Старая служанка, ходившая за Вѣрой, растолковала ей, что быть перемѣнѣ здѣсь: «должно-быть, барышня, онъ вамъ измѣняется.»

Если просили ее прочесть новую газету, Боже, какъ дрожала она! Руки ея съ трепетомъ развертывали листокъ, глаза пробѣгали быстрѣе молніи статью о Крымѣ, и искали этихъ завѣтныхъ для нея словъ: «На прочихъ пунктахъ Крымскаго полуострова ничего не происходило»; они одни могли ей возратить голосъ и способность владѣть собой. Дѣло Хрулева подъ Евпаторіей чуть ей не стоило жизни, въ особенности, когда одинъ господинъ сказалъ, что слышалъ объ этомъ дѣлѣ изъ вѣрнаго источника многое, о чемъ не упоминается въ реляціи... И тутъ онъ сталъ передавать такія кровавыя подробности, насчиталъ такія потери, и такъ часто повторялъ имя полка, въ которомъ служилъ Лавринцевскій, что Вѣра, какъ приговоренная къ смерти, опустилась на диванъ и слушала, боясь проронить слово, а зубы стучали у ней какъ въ лихорадкѣ, голосу не было, помертвѣлый взоръ впился въ разкащика, и когда онъ умолкъ, ее вывели безчувственную, безпамятѣвшую, оцѣпенѣлую. На другой день она сильно заболѣла и долго пролежала между жизнью и смертью: никто не доискивался причинъ болѣзни. Ей хотѣлось быть тамъ, вмѣстѣ съ нимъ въ Крыму, служить тѣмъ, которые подвергали себя опасностямъ, умереть за нихъ, за всѣхъ вообще, за Лавринцевскаго въ особенности! Ей въ самомъ дѣлѣ хотѣлось не темныхъ реляцій, а дѣйствительнаго зрѣлища великихъ дѣлъ, великихъ чувствъ, великихъ намѣреній; но судьба держала ее вдали, держала крѣпко, и ей только оставалось молиться, просить для себя снѣгъ смиренія и терпѣнія: этихъ двухъ добродѣтелей ей никогда не доставало.

О Лавринцевкомъ она молилась горячѣе, нежели о себѣ: она шлопѣ отдавала себя въ искупительную жертву за него, она соглашалась принять все себѣ на плечи, лишь бы онъ былъ счастливъ, живъ и невредимъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти молитвы были ему щитомъ и талисманомъ: предчувствіе не обмануло Вѣры, Лавринцевскій участвовалъ въ дѣлѣ Хрулева, но

раненъ не былъ; во все время стоянки въ Крыму, онъ не имѣлъ тифозной горячки, и даже жилъ пріятно и удобно, въ слишкомъ большихъ лишеніяхъ и слишкомъ тяжелыхъ трудахъ. Онъ сошелся съ княземъ Т... и часто говорилъ съ нимъ о томъ, какъ весело они проведутъ время за границей по окончаніи войны. Французы ему нравились. Счастливые многихъ изъ своихъ товарищей, онъ даже имѣлъ отпускъ, — правда, очень короткій, однако позволившій ему повидаться съ нѣсколькими пріятелями, и у одного изъ нихъ, женатаго на богатой и хорошенькой сосѣдкѣ, поохотиться нѣсколько дней въ имѣньи, какъ въ старину, да полюбезничать съ сестрой хозяйки дома, тоже весьма богатой невѣстой, которую родные постоянно пріичали за него. Онъ, при семъ удобномъ случаѣ, разказалъ дамамъ очень многое о Крымѣ, множество анекдотовъ, болѣе или менѣе обрызганныхъ кровью; кой-что въ легкихъ очеркахъ передалъ о непріятельскихъ лагеряхъ, кой-что вспомнилъ о Черной Рѣчкѣ, очень много о томъ, что ѣздилъ на Южный Берегъ и ничего особеннаго тамъ не нашелъ, нѣсколько словъ о Чеботаряхъ и Кара-гуртѣ, и нѣсколько словъ о сильной игрѣ въ Крыму, преимущественно въ Симферополѣ. Къ сожалѣнію, Вѣра не слушала его; она совсѣмъ иначе все себя представляла; конечно, и Лавринецкаго представляла она себя иначе; послушавъ его, посмотрѣвъ на него, она быть-можетъ перестала бы за него пугаться сердцемъ до такой степени, и даже, вѣроятно, стала бы любить его благоразумнѣе.

Но онъ не видѣлся съ ней, онъ возвратился въ Крымъ. Вѣра узнала случайно, что онъ ѣздилъ въ отпускъ, и грустно тогда сжалось ея сердце. Она была убѣждена, что еслибъ она была въ Одессѣ, онъ провелъ бы все время своего отпуска съ ней. Была ль она права? Не знаю.

Ровно черезъ годъ, она возвратилась въ Одессу, съ печатью грусти, утомленія и болѣзненности на лицѣ. Этотъ годъ стоилъ ей многихъ лѣтъ жизни.

Вѣра прочла мнѣ единственное письмо, написанное къ ней Лавринецкимъ, давно, именно въ то время, когда онъ узналъ черезъ Бутѣва, что Вѣра больна отчаянно. Вѣра восхищается благородствомъ и искренностію выраженій, она находитъ особенную заботливость и нѣжность въ словахъ этого

письма: я нахожу его черезчуръ холоднымъ, разсудительнымъ, церемоннымъ; меня странно поражаетъ слово дружба, повторенное въ двухъ, трехъ мѣстахъ; это слово какъ-то дико смотритъ на меня со страницъ письма, которое я держу въ рукахъ. Я знала, что Лавринецкій искалъ въ Вѣрѣ любви, а не дружбы, и о дружбѣ своей до сихъ поръ никогда не говорилъ. Рѣшительно, мнѣ не нравится письмо Лавринецкаго, мнѣ даже онъ самъ начинаетъ не нравиться, но я молчу!

Вѣра пишетъ къ нему съ первою же почтою, что она опять въ Одессѣ; она еще усиливается думать, что это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые мало говорятъ, но много дѣлаютъ; она надѣется, что онъ пріѣдетъ, она ждетъ его, она ждетъ его долго. Я сама стараюсь думать, что близость, возможность свиданія заставитъ сердце его забиться попрежнему, я не жду его, но еще жду письма отъ него; я хочу думать, что есть случаи, въ которыхъ онъ рѣшится измѣнить придуманному имъ самимъ строгому правилу, но писемъ нѣтъ, Лавринецкаго тоже нѣтъ; ничто не отзывается на горячій призывъ женщины, еще недавно любимой такъ страстно и преданно!

Вѣра опять худѣетъ, она почти больна. Но она въ чувствахъ своемъ находитъ силы, она рѣшается превозмочь самое чувство, или хоть замаскировать его. Она пишетъ снова, но ужъ не прежнимъ языкомъ безграничной любви, она отказывается отъ нея; она предлагаетъ Лавринецкому переписку не какъ доказательство чувства, но какъ письменную бесѣду. Лавринецкій молчитъ.

Вотъ 87 кораблей въ виду Одессы, Одесса пугается. Два дня по улицамъ идетъ страшная суета; нагруженные экипажи, повозки съ мебелью и кладью всякаго рода двигаются по всѣмъ улицамъ; хутора населяются, хотя время осеннее; кто потрусливѣй, уѣхалъ въ сосѣдніе города или по деревнямъ за двѣсти, триста верстъ. Послѣ двухъ дней суматохи въ Одессѣ пусто, опустѣлыя стѣны молчать и грустно смотреть на блистательный флотъ, тихо все какъ на кладбищѣ, это продолжается цѣлую недѣлю. Дагоровскіе уѣхали, Вѣра отпросилась и осталась со мной. Мы приходимъ на бульваръ въ числѣ многихъ оставшихся изъ любопытства или по необходимости; но флотъ неподвиженъ, Одесса безмолвствуетъ; готовится нѣчто грозное, ужасное; телеграфъ давно ужъ передалъ эту вѣсть въ Крымъ.

Вѣра еще разъ пишетъ къ Лавринецкому, она пишетъ пламенное воззваніе къ его дружбѣ, не къ прежнему страстному чувству. Что дѣлать ей теперь? Ждать его, уѣхать ли, и куда? Ей казалось свиданіе возможнымъ въ Одессѣ, и опять удалиться, опять уѣхать, только унося въ душѣ ужъ не надежды, а горькое чувство не исполнившагося ожиданія! Такъ долго ждать, чтобъ опять остановиться на этомъ же самомъ глубокомъ, какъ бездна, словѣ — *ждать!*.. Она была убѣждена, что въ этотъ разъ Лавринецкій откликнется на ея отчаянный призывъ: вопервыхъ, она просила у него совѣта, обращалась къ нему какъ къ единственному другу, и въ минуту не веселую, а грозную, поразительную, въ минуту страшной дѣйствительности; могъ ли на подобный призывъ онъ не отвѣчать?.. Тутъ ужъ не призракъ, не шутка, не слова, а неотразимая дѣйствительность.

И онъ молчалъ, молчалъ еще, молчалъ неумолимо!.. Когда флотъ ушелъ, Вѣра въ отчаяніи своемъ пожалѣла, что Одесса отдѣлалась однимъ страхомъ; въ сердцѣ ея кипѣло негодованіе, оскорбленіе; она и ненавидѣла, и презирала себя за то, что не могла разрушить еще въ памяти души своей то высокое понятіе, которое составила о Лавринецкомъ. Она болѣе не говорила о немъ, не говорила тоже ни слова о своей печали, потому, можетъ-быть, что въ ней было нѣчто болѣе печали, была тоска неотразимая, неумолимая, было сознаніе своего безсилія, бесплодности своихъ страданій, своего самоотверженія, невознагражденности своихъ послѣднихъ утраченныхъ вѣрованій, и самое страшное, самое тяжкое изъ сознаній, что человѣку, котораго она такъ любила, до нея дѣла нѣтъ, что она можетъ жить или умереть, если ей угодно, и ничто ужъ не откликнется въ его душѣ, не шевельнется въ его сердцѣ. Мысль, что она для него ничто, не давала ей покою. Она не говорила со мною болѣе о Лавринецкомъ, никогда не произносила его имени, и видно было, что она живетъ безъ цѣли, безъ желаній, безъ стремленій, чуждая всѣхъ интересовъ, убитая сравненіемъ прошлаго своей любви съ настоящимъ.

Непостоянства она ожидала, но невниманія, но оскорбительнаго невниманія, не заслужила, и оттого-то гордая душа ея изнывала подъ тяжестью этого невниманія.

А. Марченко. (Т. Ч.)

(Окончаніе въ слѣд. №.)

ИСПРАВШІКЪ

Вчера я охотился самымъ отвратительнымъ манеромъ. Еще съ утра, когда я приказалъ сѣдлать, на дворѣ уже былъ небольшой туманъ, превратившійся, противъ моего ожиданія, около полудня въ порядочный дождь, сопровождаемый холоднымъ вѣтромъ; повременамъ даже порывался идти снѣгъ. Тщетно старикъ, бывшій дядька мой, охотникъ, какіе уже выводятся, бросалъ умоляющіе взоры на небеса, отыскивая въ нихъ какого-нибудь признака, на которомъ бы можно было основать надежду на благораствореніе воздуховъ: всѣ его метеорологическія познанія становились втупикъ; небо хмурилось, вѣтеръ усиливался, гончія гоняли прескверно, безпрестанно скальваясь; борзья, развѣзжаясь на угонкахъ, ловили еще хуже; лошади безпрестанно вертѣлись, стараясь стать къ дождю задомъ; довѣжачій и выжилятники, обдаваемые съ cadaго куста какъ-изъ дѣши, порскали вяло; борзятники, промокшіе какъ и я до костей, забѣжали не весело; да если правду сказать, и нечему было радоваться: въ торокахъ мотались всего два прибылые бѣляка! Въ довершеніе неудачи, я самъ какъ-то прозѣвалъ русака, и вся стая сорвалась за рѣку, въ уйму. Это совсѣмъ разсердило меня. Я подалъ въ рогъ сомннуть, и поѣхалъ домой.

Надо вамъ сказать, что я человекъ безсемейный, и живу до

такой степени одинъ, что у меня нѣтъ въ домѣ ни пожилой бѣдной родственницы, для наблюденія за моею нравственностію, ни воспитанницы, обыкновенно нѣсколько похожей на воспитателя, ни даже молодой экономки, всегда щеголеватой одѣтой и имѣющей законныя причины претендовать на званіе барыни; а потому я, безъ церемоній, облачился въ шлафрокъ, прообѣдалъ съ большимъ аппетитомъ и, усѣвшись съ чашкой чаю у камина, принялся читать и курить. Мнѣ попался разказъ Щедрина: «Прошлыя времена». Съ большимъ интересомъ дочитывалъ я этотъ разказъ, когда доложили мнѣ о пріѣздѣ исправника.

Хотя у меня, благодаря Бога, нѣтъ никакихъ тяжбныхъ дѣлъ, и проценты въ совѣтъ, а подушныя въ казначейство вносятся исправно; но пріѣздъ земскихъ полицейскихъ чиновниковъ всегда производитъ на меня непріятное впечатлѣніе, потому что у нихъ вѣчно найдется какое-нибудь взысканіе или за гербовую бумагу по какому-то никогда неслышанному дѣлу, или за мнимое лѣченіе въ больницѣ крестьянина, котораго и въ имѣніи нѣтъ, или за пріѣздъ лѣкаря, котораго я въ глаза не видалъ, а что всего интереснѣй, по случаю падежа скота, отъ котораго до сихъ поръ Богъ меня еще миловалъ. Однакомъ, какъ отказать не было никакой возможности, то я на докладъ человѣка отвѣчалъ довольно сердито:

— Приси!

Исправникъ нашъ, Мамонтъ Михайлычъ Рѣзаконъ, съ которымъ позвольте васъ познакомить, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, огромнаго роста, чрезвычайно полный, но еще свѣжій и красивый мужчина, размѣрами нѣсколько смахивающій на своего дотопнаго тезку. Въ молодости онъ служилъ въ кавалеріи, но вслѣдствіе, какъ онъ говоритъ, недостаточности состоянія, долженъ былъ оставить службу и поселиться въ деревнѣ, гдѣ у него было всего восемнадцать душъ. Отъ природы онъ былъ одаренъ быстрымъ, смѣтливымъ умомъ; но родители его до такой степени пренебрегли его воспитаніемъ, что онъ только очень недавно пересталъ писать слово *исправникъ* посредствомъ і съ двумя точками. Въ послѣдствіи, чувствуя самъ недостаточность своего образованія и обладая обширною памятью, онъ старался усвоить себѣ все, что читалъ и слышалъ, отчего въ головѣ у него образовался страшный вишнегретъ, которымъ онъ ще-

попаялъ при каждомъ удобномъ случаѣ, хотя и не всегда удачно. Понятія его о чести были весьма шатки и властичны, такъ что онъ съ ними легко приравнивался къ обстоятельствамъ. Характера былъ онъ живаго, веселаго, пріятный, или лучше сказать, забавный компаньонъ, безъ всякихъ претензій, всегда готовый на послугу, какого-бы рода она ни была. Всѣ эти качества дали ему возможность, поселясь въ деревнѣ, войти въ общество сосѣднихъ помѣщиковъ, гдѣ хотя иногда и подшучивали надъ его ученостью, когда онъ подчасъ разказывалъ, какъ индѣйская царевна Клеопатра угощала Александра Македонскаго жемчугомъ, распущеннымъ въ укусуѣ, но любили его и принимали охотно. При первыхъ выборахъ ему, какъ бѣдному человѣку, дали мѣсто засѣдателя (нынѣшняго становаго).

Пока Рѣзаконъ еще плохо смыслилъ дѣло, онъ велъ себя въ этой должности очень хорошо, то-есть, довольствовался тѣмъ, что ему давали; но въ послѣдствіи, поперившись, онъ, какъ молодой ястребъ, пробующій свои силы, началъ пощипывать казенныхъ крестьянъ, бывшихъ тогда еще въ вѣдѣніи земской полиціи, прасоловъ, дворниковъ, и другой мелкій народъ, угождая между тѣмъ всѣми зависящими отъ него мѣрами помѣщикамъ, и велъ свои дѣла такъ умно, что на слѣдующіе выборы былъ единогласно провозглашенъ исправникомъ.

Достигнувъ этой завѣтной цѣли своихъ мечтаній, Рѣзаконъ прежде всего употребилъ все стараніе, чтобъ поладить съ начальствомъ, которое скоро полюбило его за исполнительность и угодлиность. Напримѣръ, губернатору, страстному охотнику, онъ, къ 1-му сентября (охотничьему празднику), всегда посылалъ для садки: зайцевъ, лисицъ, волковъ, на поимку которыхъ сгонялъ цѣлыя казенныя волости; вице-губернатора, гастронома, постоянно снабжалъ дичью, необыкновенною какою-нибудь рыбой, равными овощами и фруктами, забираемыми безъ церемоніи въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ не жили сами господа; совѣтниковъ и ассессоровъ, пріѣзжая въ городъ, угощалъ обѣдами и поилъ шампанскимъ; съ секретарями и столоначальниками шелъ прямо на деньгу; а никого онъ такъ не ублажалъ, какъ предсѣдателя уголовной палаты, въ угожденіе которому всегда притворялся страстнымъ охотникомъ до пикета и постоянно проигрывалъ ему, разнося тузовъ. «Да на что-жъвы ему даромъ деньги бросаете?»

спросилъ я его однажды.—А на то жь, на что баба чорту свѣчку ставила, отвѣчалъ онъ мнѣ.

Оградивъ себя такимъ образомъ свыше, Мамонтъ Михайлычъ хозяйничалъ въ уѣздѣ, какъ въ своемъ имѣніи, тяжело налегая на всѣ сословія, не исключая уже и дворянъ, у которыхъ случались не совсѣмъ чистыя дѣла; но они на него не роптали, говоря, « что Рѣзаковъ хотя ободрать и обдереть, за то ужъ и изъ бѣды выручить. » Да и нужно ему отдать справедливость: у него не было дѣла, котораго бы обдѣлать было невозможно; находчивость и оборотливость его ума были такъ велики, что имъ не разъ дивилось само губернское правленіе. Вслѣдствіе всего этого, онъ, уже четвертый выборъ сряду, благополучно служилъ исправникомъ, ѣздилъ въ щегольской коляскѣ, носилъ бекешъ съ дорогимъ бобровымъ воротникомъ, имѣлъ хронометръ съ золотою цѣпочкой, на которую, безъ опасенія, можно было бы посадить бѣшеную собаку, а на пальцѣ порядочной величины солитеръ; игралъ по серіозному кушу въ ералашъ и выстроилъ у себя въ имѣніи очень затѣливый домикъ, съ колоннами и мезониномъ, да и въ разныхъ кредитныхъ установленіяхъ у него былъ изрядный капиталецъ.

— Здравствуйте, Мамонтъ Михайлычъ, сказалъ я, протягивая руку входившему Рѣзакову:—откуда это и какими судьбами въ нашей сторонѣ? спрашивалъ я, стараясь придать своей физиономіи самое любезное выраженіе и придвигая ему кресло къ камину.

— Да вотъ былъ недалеко, у Тугачова, на слѣдствіи; а оттуда завернулъ дня на два къ себѣ въ деревню, взглянуть на хозяйство, такъ захотѣлось и васъ повидать.

— Вотъ это дѣлаетъ вамъ честь, что вспомнили сосѣда. Садитесь-ка, да разказывайте, что такое случилось у Ивана Иваныча?

— Да такъ, вздоръ, цыгана застрѣлилъ... Позвольте спросить трубочку?

— Эй, подайте трубку Мамонту Михайлычу! Вы говорите, что Иванъ Иванычъ застрѣлилъ цыгана? спросилъ я съ удивленіемъ, потому что Тугачовъ былъ мой сосѣдъ, человекъ семейный, пожилой, съ хорошимъ состояніемъ, мирнымъ характеромъ

и, сколько мнѣ извѣстно, никогда не занимавшійся ружейною охотой.

— Застрѣлилъ, застрѣлилъ! повторялъ Мамонтъ Михайлычъ, раскуривая трубку:—этакъо чудака! ужъ я ему смѣялся, что онъ на старости лѣтъ вздумалъ стрѣлять цыганъ. Лучше бы ужъ охотился за цыганками; на эту охоту и я бы, пожалуй, слѣлалъ ему компанію.

— Однакожь, разкажите пожалуста, какъ же это случилось?

— Да вотъ видите ли, крестьяне захватили цыгана въ кѣтѣ, тотъ вырвался да бѣжать, а по дорогѣ захватилъ изъ забора козъ. Однакожь мужики догнали его за деревней, на лугу, и приперли къ сѣнному сараю; окружили, а подступиться, знаете, боятсѣ; между тѣмъ дали знать на господскій дворъ. Иванъ Иванычъ, собравъ дворовыхъ, пустился самъ съ ними, тоже въ погонь. Прибѣжали. Цыганъ стоитъ, прислонясь къ стѣнѣ, да помахиываетъ коломъ, а мужики кругомъ. Бери его! крикнулъ Тугачевъ. Одинъ дворовый поудалѣй сунулся было, а цыганъ, малый здоровый, какъ огрѣетъ его коломъ по боку, такъ тотъ и ткнулся какъ овсяный снопъ. Къ несчастію, прикащикъ захватилъ съ собой ружье. Стрѣляя его! скомандовалъ, разгорячась, Тугачевъ. Тотъ, не долго думавши, приложился, бацъ! да прямо въ брюхо, цыганъ и растаялся. Замѣтте, какова дисциплина! Однакожь перепугался Иванъ Иванычъ, видитъ, что человекъ-то убили не на шутку. Чтò тутъ, думаетъ, дѣлать? Вотъ и придумалъ: взялъ да и приказалъ убитаго спрятать подъ мостъ, да и молчить. Проходитъ день, другой, третій, по мосту проѣзду нѣтъ, вонь, вороны слетѣлись. Наконецъ-то ужъ на пятый день одумался, приѣзжаетъ ко мнѣ, разказываетъ: такъ и такъ, говоритъ, выручи. На самомъ лица нѣтъ, исхудалъ, почернѣлъ; четыре noci, говорить, глазъ не смыкалъ, а жена и теперъ, говорить, въ постелѣ лежитъ. Нечего сказать, умная голова! Такъ вотъ я теперъ отъ него; временное отдѣленіе поѣхало въ городъ, а я сюда.

— Ну, что жъ, выручили?

— Разумѣется, выручили; вѣдь свой братъ, дворянинъ. Не отдать же его на пропятіе? сказалъ Мамонтъ Михайлычъ съ достоинствомъ.

— Какимъ же манеромъ? разкажите пожалуста, вѣдь это любопытно.

— Да очень просто! Какъ это обыкновенно дѣлается, показали по слѣдствію, что цыганъ, защищаясь, самъ ударилъ коломъ по ружью, отчего оно выстрѣлило, да и убило его. Вотъ и все.

— А если дѣло раскроется какъ-нибудь въ послѣдствіи, вѣдь вы, я думаю, можете за это подвергнуться отвѣтственности?

— Ну, разумѣется, въ уголовную сопруть. Да что жъ прикажете дѣлать? нельзя же не помочь человѣку въ бѣдѣ.

— Оно конечно, побужденіе прекрасное, дѣлающее честь вашему сердцу, сказалъ я, — тѣмъ болѣе, что преступленія тутъ большаго не было; я даже не знаю, чего боялся такъ Тугачовъ? вѣроятно, по суду онъ былъ бы оправданъ и...

— По суду-то бы оправдался. Много, много, что предали бы покаянію, а покуда бы тянулось дѣло, такъ его бы разорили въ пухъ одними слѣдствіями, да переслѣдствіями. Всѣ знаютъ, что онъ человѣкъ денежный, такъ этому и конца бы не было. Въ уголовной десять лѣтъ просидеть, покуда сокъ не выжмутъ!

— Ну, а вы, Мамонтъ Михайлычъ, между нами будь сказано, неужели вы это сдѣлали для него даромъ?

— Ну нѣтъ! замѣтилъ онъ:—этакія вещи даромъ не дѣлаются.

— Сколько же вы взяли? скажите по совѣсти.

— Да по настоящему, слѣдовало бы взять тысячу, потому что изъ этого дѣла, если захотѣтъ, можно было бы сдѣлать страшную исторію; тутъ же приплестъ и жестокое обращеніе, и неправильно записанныхъ кантонистовъ, и проживающую у него бѣглую дѣвку, и мало ли чего еще? Ну да, по родству, вѣдь онъ мнѣ приходится какъ-то свой, покончили на восьми стахъ.

— Ассигнаціями? спросилъ я.

— Кто жъ нынче считаетъ на ассигнаціи! отвѣчалъ съ улыбкой Рѣзакъ, удивляясь моему простодушію.

И мы оба замолчали. Такъ вотъ онъ, источникъ-то прекраснаго побужденія, такъ вотъ откуда возникло желаніе помочь человѣку въ бѣдѣ, думалъ я: постой же пріятель, я тебѣ покажу твой поступокъ въ настоящемъ его свѣтѣ, и заставлю тебя покраснѣть.

— Вотъ Мамонтъ Михайлычъ, сказалъ я, —сейчасъ читалъ я чрезвычайно интересную вещь, которая, я увѣренъ, вамъ понравится. Хотите, я вамъ прочту?

— Читайте, отвѣчалъ исправникъ съ видимымъ неудовольствіемъ, потому что не былъ любителемъ литературы.

И я во второй разъ началъ читать: «Прошлыя времена», заглядывая иногда черезъ книгу, чтобъ судить о впечатлѣніи, производимомъ на исправника «Разказомъ подъячаго». Мамонтъ Михайлычъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ, постепенно болѣе и болѣе заинтересовываясь чтеніемъ; лицо его видимо одушевлялось, выражая то удовольствіе, когда дѣло было задумано смѣло и исполнено гладко, то презрѣніе, когда, по его понятіямъ, проделка была изъ обыкновенныхъ и обдѣлывалась не совсѣмъ ловко; но глѣзарь Иванъ Петровичъ привелъ его въ восторгъ.

— Вотъ четвертый выборъ службу, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, когда я кончилъ, — а не привелъ Господь ни разу встрѣтить такого дѣльца. Съ такимъ человѣкомъ, Боже ты мой, какія бы дѣла можно было дѣлать! Дайте мнѣ такого человѣка, говорилъ онъ, въ волненіи вставая съ кресла и ходя по комнатѣ: — дайте мнѣ его, такъ я еще теперь раскопаю Храпинское дѣло, теперь еще десять тысячъ возьму. Дайте мнѣ только помощника, да дѣльца; а одинъ ничего не сдѣлаешь, одного не хватаетъ!

«Вотъ—те разъ!» подумалъ я: «заставилъ покраснѣть! Хотѣлъ привести къ раскаянію, а привелъ только въ задоръ.»

— Но стряпчій у насъ, замѣтилъ я, — кажется, порядочная каналья?

— Каналья—то каналья; но мелкая каналья, трусь, всего боится. Куда ему дѣла дѣлать, не съ его ухваткой! Ему коли дали десять цѣлковыхъ, такъ онъ и счастливъ и доволенъ. Одна только мораль!

— Ну, а уяздный нашъ глѣзарь каковъ? спрашивалъ я, чтобы поддержать разговоръ.

— Тоже дрянъ, свидѣтельства дѣльнаго составить не умѣетъ, и изъ—за него у меня уже нѣсколько разъ было переслѣдованіе. Въдъ такъ глупо, нерѣшительно напишетъ, что и врачебной—то управѣ, при всемъ желаніи, пропустить невозможно. Толкуешь, толкуешь ему: пиши молъ такъ и такъ; все какъ къ стѣнѣ горюхъ! А самъ я, къ несчастію, по—латынѣ не знаю, не догадался отецъ выучить. Вотъ недавно были мы съ нимъ на слѣдствіи въ селѣ Брыкинѣ. Мужичка въ кабакъ побили, а онъ возьми да и умри. Обстоятельство, знаете, важное: цѣловальникъ замѣшанъ, да и наканунѣ ярмарки, а село—то торговое. Самъ откупщикъ

прискакалъ. Ну, кое-какъ дѣло сладили. У меня и свидѣтели, и понятые показали все какъ слѣдуетъ, и стряпчій согласился написать. Дѣло за лѣкаремъ; нужно только, чтобъ мужикъ умеръ не отъ побоевъ, понимаете, то-есть, составить свидѣтельство, найти причину смерти. Ну что тутъ, кажется, за мудреное дѣло? Извѣстно, отчего мужикъ умираетъ скоропостижно: или опился, или ударъ. Такъ нѣтъ, говорить, это недавно было, надо придумать что-нибудь другое. Ну, придумывай, говорю: много выдумашь, знать другіе-то глупѣй тебя. Вотъ ужъ онъ ломалъ, ломалъ голову, не лѣзетъ изъ нея ничего путнаго. У этихъ трусовъ прескверная натура: и взять-то тянетъ, да и уголовной боится; что называется: и хочется, и колется. Наконецъ принялся рѣзать покойника, въ надеждѣ, что его посѣтитъ вдохновеніе; изпласталъ сердечнаго въ лохмотья, а проку нѣтъ! Смотрю, ужъ онъ начинаетъ приговариваться къ тому, чтобъ и деньги назадъ отдать. Ну, вижу, лѣкарь-то мой дуракъ, кругомъ дуракъ, пожалуй все дѣло испакостить, между тѣмъ какъ откупщика обнадежили. А я въ это время ѣлъ жареную курицу. Вотъ, взялъ я потихоньку въ руку маленькую косточку, да и подхожу къ тѣлу, ставъ къ понятымъ спиной, знаете такъ, чтобъ мертвой-то головы имъ не было видно.—Ну-ка, Сѣчкинъ, говорю фельдшеру: — посмотри-ка ты, братецъ, что это у покойника такъ горло опухло? А фельдшеръ, нужно вамъ сказать, расторопная бестія, сейчасъ смекнулъ. «Да и я, говорить, ваше благородіе, что-то замѣчаю,» а самъ цапъ ножомъ по горлу. Я нагнулся, будто посмотрѣть, да и запустилъ туда приготовленную кость. «Что?» спрашиваю. — Въ горлѣ есть что-то, отвѣчаетъ Сѣчкинъ, а самъ и усомъ не моргнуть. «Понятые!» крикнулъ я: «подходи!» И онъ, въ глазахъ у нихъ, вынулъ изъ горла кость. «Видѣли?» спросилъ я понятыхъ такимъ тономъ, который, какъ они знали, не терпѣлъ возраженія. — Видѣли, батюшка Мамонъ Михалычъ. «Подавился?» продолжалъ я, возвышая голосъ. — Должно-быть подавился, отвѣчали нерѣшительно понятые, вѣрно смекнувшіе дѣло. Взяла меня досада, а пуще всего боялся я, чтобъ эта нерѣшительность ихъ не испугала лѣкаря, и вотъ я схватилъ перваго попавшагося мнѣ мужика, да и вытащилъ его впередъ. «Ты что это, козлиная борода, говоришь, что должно-быть подавился?» передразнилъ я мужика. «Такъ ты, значить, сомнѣва-

ешся? Такъ ты, значить, знаешь другую причину? Ну, доказывай! Ну, говори: отчего умеръ?» Крестьянинъ смотрѣлъ на меня въ удивленіи, выпучивъ глаза. «Сотскій!» крикнулъ я: «забей его въ колодки, вези въ городъ, въ острогъ.» Мужикъ повалился мнѣ въ ноги. — Батюшка, Мамонъ Михалычъ, ничего и знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю. «Ну, я тебя такого-то, растакого-то еще разъ спрашиваю: подавился покойникъ или не подавился?» — Подавился, батюшка, видимое дѣло подавился, отвѣчали всѣ мужики въ одинъ голосъ. «Нѣтъ, продолжалъ я: вы мнѣ скажите, какъ подѣ присягой: оттого ли мужикъ умеръ, что подавился, или отъ другихъ какихъ причинъ?» — Отъ другихъ причинъ, кормилецъ, вѣстимо отъ другихъ причинъ, отвѣчали они, явно не понимая моего вопроса, но, по привычкѣ, повторяя всегда послѣднія мои слова; но это не смутило меня. «Такъ подавился?» крикнулъ я: — Подавился, отецъ нашъ, подавился. «То-то; вы говорите теперь, если кто что знаетъ, а то какъ будетъ переслѣдованіе, да покажете иначе, такъ тогда всѣхъ въ острогъ. Понимаете?» — Понимаемъ, батюшка.

— Ну а какъ же священники, спросилъ я:—допускають подобныя вещи при допросахъ?

— Да священники при слѣдствіяхъ почти никогда не бываютъ, а подписываютъ ужь послѣ. Вѣдь имъ что за дѣло? Они ни за что не отвѣчаютъ, такъ въ наши дѣла и не вмѣшиваются.

Городничій Фейеръ Рѣзакову совсѣмъ не понравился. «Съ такимъ человѣкомъ», какъ онъ выразился, «не сойдешься». Но мнѣ показалось, что въ немъ чувство собственнаго достоинства оскорблялось невольнымъ признаніемъ превосходства надъ нимъ Фейера. Больше всего заинтересовала его продѣлка съ купчикомъ, да и то какъ штука, а не какъ серьезное дѣло. Вообще о разказахъ подъячаго онъ отзывался съ пренебреженіемъ, говоря, что подобныя вещи дѣлаются и теперь самыми дюжинными становыми.

— Эка важность! говорилъ онъ: — съ понятыхъ пятаки собирать, или съ мірской сходки взять по гривнѣ съ души! Этакую моралью я никогда не занимался. Да у меня былъ письмоводитель, который въ 184* году лучше этой штуку выкинулъ. Строили тогда въ Питерѣ большія палаты, а въ Охринской волости лежалъ

на полѣ огромный камень, пудовъ тысячъ въ десять. Вотъ онъ и прїѣзжаетъ туда, собираетъ сходку.» Что братцы, говоритъ, я привезъ вамъ не радостную вѣсть. Можетъ, вы слышали, что въ Питерѣ стройка большая идетъ? Такъ понадобился подъ уголъ вашъ камень, чтò на полѣ лежитъ. Приказано вамъ доставить его въ Питеръ.» Мужики потолковали, потолковали, подивились, да и дали молодцу сто рублей ассигнаціями, чтобъ я отписалъ, что камень-де съ трещиной и подъ уголъ не годится.

— Ну, а дѣло съ купцомъ, которому хотѣли спустить прудъ? продолжалъ я, подзадоривая исправника, въ надеждѣ заманить его на какой-нибудь интересный разказъ о самомъ себѣ.

— Да и это не штука; эка невидаль спустить купцу прудъ! На это ума не много надо. Да купецъ-то и жаловаться не станетъ, а еслибъ и сталъ, то чтò бъ онъ выигралъ? Началось бы новое слѣдствіе, и ему жъ бы пришлось платить. Это все равно, какъ у насъ былъ сельскій засѣдатель, изъ выслужившихся, пьяница горькая, и фамилія-то его была Сивухинъ. Вотъ разъ разсердился онъ на содержателя постоялаго двора, что тотъ ему водки не поднесъ, и началъ къ нему придираяться. Дворникъ-то былъ исправный, и работникъ у него съ билетомъ, и мѣра и вѣсы настоящіе, и торговое свидѣтельство въ порядкѣ, и колодецъ безъ журавля: прицѣпиться не къ чему. Вотъ, выходитъ засѣдатель, не солоно похлебавши, на крыльцо, чтобъ ужъ сѣсть на подводу и ѣхать далѣе, какъ вдругъ бросилась ему въ глаза на колодцѣ новая дубовая бадья, окованная желѣзомъ, — предметъ, знаете, довольно цѣнный.

«— Это чтò за бадья?

«— Бадья, ваше благородіе.

«— Покажи сюда!

«Дворникъ подаетъ.

«— Почему на ней клейма нѣтъ? замѣтилъ засѣдатель, осматривая ее со всѣхъ сторонъ.

«— Клейма нѣтъ, отвѣчалъ озадаченный дворникъ.

«— Такъ ты не клейменныя бадьи держатъ? кричалъ засѣдатель, укладывая ее на свою телѣгу: — вотъ погоди, я представлю ее въ судъ; тамъ съ тобой раздѣляются.

«Съ этимъ словомъ онъ сѣлъ на подводу и уѣхалъ, а дворникъ все стоялъ, разинувъ ротъ, и удивлялся, какъ это онъ не зналъ

до сихъ поръ, что бадьи должны быть клейменныя? Ну, что это за выходка! ограбить всякаго можно. Нѣтъ, ты возьми и съ праваго и съ виноватаго, но умудрись взять такъ, чтобъ оба тебѣ же и накланялись, тебѣ же и благодарны остались. Коли на то ужъ пошло, такъ вотъ я вамъ дѣло разкажу.

—Это было еще въ первый годъ моего исправничества, началъ Рѣзаконъ: тогда еще государственныя имущества были въ напешъ вѣдѣніи. То-то было золотое время, да молодежь была, неопытенъ былъ. Эхъ! еслибы теперешній умъ... тысячь бы ужъ сто въ ломбардѣ было; а то только что пожилъ. Бывало ввалишься-то въ Анцифровскую волость, шесть тысячь душъ, мужики все зажиточные, и что за народъ! А дѣвки-то, дѣвки, вспомнить весело! Приѣдешь, бывало, какъ въ свое имѣніе: и деньгами, и натурой... и всякое-то удовольствіе для тебя готово. Ну, вѣрите ли, когда состоялся указъ объ отчисленіи ихъ изъ нашего вѣдомства, такъ все равно, что у меня собственность отняли,—такъ я ихъ любилъ. Долго, послѣ этого, просто въ уѣздъ не хотѣлось поѣхать. Эхъ! да что объ этомъ вспоминать! и теперь-то душа болятъ, глядя, какъ другіе пользуются, а ты не смѣешь и носа показать въ казенную волость! Ну, вотъ, изволите видѣть, однажды, рано поутру, получаю я отъ чудинскаго сотскаго *лпортъ*, о томъ, что въ глуховскомъ кабакѣ удавилъ мужикъ бабу, а самъ бѣжалъ, а староста поймалъ его, да забилъ въ колодки, а парень тотъ изъ Дубовой, богатаго мужика Ахрема сынъ Микитка, а баба та живехонька: какъ, спрашивается, съ тѣмъ парнемъ поступить?

—Другой бы, можетъ-быть, въ этомъ рапортѣ ничего, кромѣ грамматическихъ ошибокъ, особеннаго не замѣтилъ, но мое вниманіе обратили два обстоятельства: первое, что преступникъ былъ сынъ богатаго мужика; а второе, что сотскій называетъ его парнемъ. Въ это время шелъ у насъ рекрутскій наборъ. Это бывала для насъ самая выгодная статья, и ко мнѣ наканунѣ приходилъ одинъ подгородный казенный крестьянинъ, по прозванію Дергачъ, узнать: нѣтъ ли у меня гдѣ на примѣтъ охотника наняться въ солдаты за его семейство, которое состояло на очереди. Полторы бы, говорить, тысячи далъ; да и мнѣ сто рублей сулилъ, если найду ему наемщика. Мужикъ былъ сильный, богатый, какіе бывали только въ наше время. Теперь ужъ такихъ нѣтъ, всѣхъ

разорили! Недавно какъ-то спросилъ я этого самого Дергача, чтобъ онъ открылся мнѣ, какъ на духу: когда имъ было лучше, — теперь или подъ нашимъ правленіемъ? «При васъ было тяжелше», отвѣчалъ старикъ. — Да отчего жъ? спросилъ я съ досады. «Да какъ же? Бывало барана-то взвалишь на плечи, прешь его, прешь къ твоей милости, ажъ лобъ взопрѣтъ, а теперь возьмешь хворостинку и шутя все стадо сгонишь къ окружному». — Вотъ, прочитавши рапортъ, я сейчасъ же командировалъ письмоводителя на мѣсто происшествія, приказавъ не медля послать за отцомъ преступника, Ахремомъ; а на другой же день раненько утромъ поѣхалъ туда и самъ, безъ временнаго отдѣленія, такъ сперва, разузнать; я всегда такъ дѣлалъ. Тогда я еще ѣздилъ на тележкѣ и на подъемъ былъ легокъ. Пріѣзжаю, начинаю разспрашивать. Дѣло-то оказалось вотъ въ чемъ: Никита Ахремовъ возвращался съ работы, да видно дорогой-то прогулялъ деньги, а отецъ человекъ крутой: какъ съ пустыми руками показаться ему на глаза? Вотъ онъ зашелъ въ кабакъ, выпилъ косушку, и далъ четвертакъ. Въ кабакъ, на ту пору, была одна старуха; погѣзла она за перегородкой въ сундукъ за сдачей, а Никита-то сквозь щелку и замѣтилъ, что въ сундукѣ много денегъ. Онъ, не долго думавши, малый-то здоровый, лѣтъ двадцати пяти, вершковъ одиннадцати росту, молодецъ такой, взялъ въ углу веревку, перебросилъ черезъ переводину, завязалъ петлю, да старухѣ на шею, да ее и подтянулъ. Потомъ схватилъ деньги, да бѣжать. На порогѣ, однакожъ, онъ столкнулся съ самимъ цѣловальникомъ. Видитъ, что дѣло плохо, да въ лѣсъ. Цѣловальникъ входитъ въ кабакъ, а мать виситъ; онъ ее поскорѣй вынулъ изъ петли, привелъ въ чувство, и бросился въ деревню: объявилъ сотскому; тотъ сейчасъ же мужиковъ верхами, въ погоню, и поймали пріятеля. Разузнавъ все это, я приказалъ привести къ себѣ Ахрема, предварительно выславъ всѣхъ изъ избы вонъ.

«— Слышалъ ты, спрашиваю: что сынъ-то твой надѣлалъ?»

«— Охъ! слышалъ, батюшка, говоритъ мужикъ, смотря въ землю и тыкая въ полъ палкой.

«— А знаешь ли ты, куда онъ за это идеть?»

«— Что и толковать! Не въ доброе мѣсто, сказалъ Ахремъ.

«— Подъ кнутъ, да въ каторгу, говорю я.

«Мужикъ молча тяжело вздохнулъ.

«— И на лбу на вѣчныя времена заклеимъ, а вѣкъ будетъ въ кандалахъ работать.

«Старика прошибла слеза.

«— Да ты видалъ ли, какъ кнудомъ сбькутъ?

«— Батюшка, началъ Ахремъ,—Мамонъ Михайлычъ, яви божескую милость...

«— Чтò ты, старина, вѣрно изъ ума выжилъ? Развѣ ты не знаешь, что законъ...

«— Да чтò законъ, перебилъ меня Ахремъ, шевеля плечами, какъ будто бы у него по спинѣ что-нибудь ползало: — законъ закономъ, а ты намъ отецъ и мать. Вѣдь твоя святая воля; чтò захочешь, то и будетъ.

«— Да чего жь ты отъ меня хочешь?

«— Заставь вѣчно Бога молить, покрой малаго. По дурости своей сдѣлалъ, видитъ Богъ, по дурости, да вѣдь и баба-то жива.

«Последнія слова Ахрема мнѣ не понравились. Мнѣ пришло въ голову, что можетъ-быть онъ на этомъ основываетъ надежду на безнаказанность сына.

«— Баба-то жива, говорю я,—а сынъ твой все-таки пойдетъ подъ кнутъ и въ каторгу, потому что, еслибъ не пришелъ цѣловальникъ, то баба умерла бы, стало-быть преступленіе-то сдѣлано.

«— Да ты откройся по душѣ, сказалъ осмѣлясь мужикъ: — чтò тебѣ за это надобно?

«— Впервыхъ, говорю я, — сына твоего совѣмъ спасти не могу, а могу развѣ только избавить его отъ каторги, да сдать въ солдаты...

«— Отецъ нашъ, нельзя ли какъ совѣмъ помиловать? Вотъ тебѣ сто рублей.

«— Что-о-о? Ка-а-къ? Сто рублей? Да ты знаешь ли, что за подкупъ въ уголовномъ дѣлѣ, я и тебя самого отправлю въ Сибирь вмѣстѣ съ сыномъ? Мужикъ струсилъ и растерялся.

«— Экъ чтò выдумалъ! сто рублей! Да я съ тебя пятисотъ не возьму и въ солдаты-то его отдать. Ты ступай-ка, подумай хорошенько: хочешь спасти сына, приноси семьсотъ; а то пусть идетъ куда слѣдуетъ, да и ты вмѣстѣ съ нимъ; вотъ тебѣ часъ

времени, подумай. Да помни, со мной не ломайся! а то и тысячу будешь давать, не возьму. Ступай.

« Мужикъ лѣниво пошелъ вонъ, а я приказалъ привести преступника, да поручилъ письмоводителю съ сотскимъ урезонивать Ахрема.

«— Ну, братъ! говорю я арестанту:—хотѣлъ было я тебя спасти отъ кнута и каторги, а сдать только въ солдаты, да знать судьба твоя ходить вѣчно въ кандалахъ. Батка твой, видишь, зартачился, платить не хочетъ, а жаль мнѣ тебя, этакой молодецъ! Пошелъ бы ты въ солдаты, будто бы нанялся въ охотники, тѣмъ бы дѣло и кончилось; а ужь я бы объ этомъ похлопоталъ. Ты солдатства не бойся, говорю,—вѣдь дома тебѣ ужь не жить, теперь тебя вся семья поѣдомъ съѣстъ, да и въ деревнѣ тебѣ житья не будетъ, такъ кланяйся, проси отца, чтобъ онъ внесъ за тебя семьсотъ рублей, а то вѣдь любезный другъ, кнутъ не розга, да и кандалы не сапоги съ подковками, ты пойми это, а опосля на меня не пеняй. Эй, сотскій, отведи его!

« Отпустивъ съ такимъ внушеніемъ преступника, я потребовалъ цѣловальника съ матерью, которыхъ нужно было всячески склонить къ прекращенію дѣла. Старуха лѣтъ пятидесяти, въ черномъ коленкоровомъ платѣ и съ такимъ же платкомъ на головѣ, была слаба и чуть держалась на ногахъ, такъ что я долженъ былъ усадить ее. Сынъ, бѣлокурый малый, лѣтъ двадцати четырехъ, въ розовой ситцевой рубахѣ и въ опоркахъ на босу ногу, стоялъ возлѣ нея и съ безпокойствомъ оглядывался во всѣ стороны.

«— Жаль, жаль мнѣ тебя, старушка, что съ тобой случилась такая оказія, началъ я, порядкомъ ругнувши Никиту Ахремыча:—а тутъ еще тебѣ на старости лѣтъ придется тащиться въ городъ, да жить тамъ, покуда будетъ производиться судъ, да ходить всякій день на допросъ. Нечего сказать, скверная исторія!

« Перспектива жизни въ городъ видимо сдѣлала непріятное впечатлѣніе на старуху.

«— Да чтѣ, ваше благородіе, заговорила она слабымъ голосомъ:—коли бы онъ, злодѣй-то мой, далъ-бы мнѣ что-нибудь на бѣдность мою, на мое убожество, такъ накажи его Мать Пресвятая Богородица за мою обиду, а я бы ужь на него просить не стала.

« Намѣреніе старухи сорвать тамъ, гдѣ ужъ я принялся рвать, показалось мнѣ забавно.

«— Нѣтъ, старушка, на получку—то ты ужъ не надѣйся, ска- залъ я съ усмѣшкой: — его сошлютъ, тѣмъ все и кончится, а ты моли - ка Бога , чтобъ тебя самое не потребовали въ гу- бернію.

«— Ваше высокоблагородіе, заговорилъ цѣловальникъ, — ма- тушка это такъ, по глупости сказала; извѣстное дѣло, баба, ни- чего не смыслить. Оставьте ужъ это дѣло такъ. Ну его!.. намъ ничего не надо.

«— Да, тебѣ хорошо говорить: «оставьте такъ»; тебѣ лѣнь мать въ губернію свезти, да тамъ съ ней по судамъ таскаться, а я-то за чтѣ даромъ подъ судъ пойду? Ты, знать, бережешь толь- ко свою шкуру?

«— Да ужъ вы, ваше высокоблагородіе, извольте съ насъ по- лучить красную бумагу, такъ тому и быть!

«— Вотъ, изъ десяти рублей стану головой вершить! хочешь четвертную?

«— Тяжело будетъ, ваше высокоблагородіе, нельзя ли ужъ по- ложить три синихъ?

«— И не толкуй.

«— Эхъ-ма! сказалъ цѣловальникъ, озираясь, семеня ногами и почесывая въ затылкѣ: — вотъ грѣхъ - то попуталъ!

«— Да смотри, прибавилъ я, вида, что онъ согласился:—ни- кому ни гугу! Если кто и спрашивать станетъ, такъ отрекись, скажи, что никогда ничего и похожаго не было, все молъ вздоръ; а то и тебѣ не миновать бѣды. Ты вѣдь меня знаешь, меня не проведешь? Ну ступай, неси скорѣй деньги, пока я не раз- думалъ.

«Спустя нѣсколько времени, я послалъ опять за старикомъ. Онъ немножко поломался, но когда я снова погрозилъ ему са- мому Сибирью и согласился взять только пятьсотъ рублей, то онъ остался даже очень доволенъ; а Никита со слезами кланялся въ ноги и благодарилъ за замѣну кнута и каторги солдатчиной. Я далъ имъ нѣсколько наставленій, какъ поступать и чтѣ гово- рить, пострацалъ послѣдствіями, если не будутъ умѣть мол- чать, и уѣхалъ, оставивъ письмоводителя дожидаться дальнѣй- шихъ моихъ распоряженій.

«Прибывъ въ городъ, я сейчасъ же послалъ за Дергачомъ, и объявилъ ему, что нашелъ наконецъ охотника, котораго самъ за него сдамъ, и получу квитанцію. Дергачъ страшно обрадовался, потому что времени ужъ оставалось немного, а въ виду наемщика никакого не было, приходилось идти сыну. Онъ, не говоря ни слова, принесъ тысячу шестьсотъ рублей, а на другой день Никита, съ бритымъ уже лбомъ, приходилъ благодарить меня за мои милости, и вслѣдъ затѣмъ онъ выступилъ съ партией въ Варшаву, да какъ еще весело заливался съ пѣсенниками!

«Такъ вотъ вамъ, сударь мой, дѣло подлинно мастерское! Старуха за двадцать пять рублей ассигнаціями избавилась отъ непріятностей, всегда неминуемо сопряженныхъ съ уголовнымъ слѣдствіемъ. Молодой человѣкъ спасенъ отъ позорной казни, а между тѣмъ наказанъ; вмѣстѣ съ нимъ наказанъ денежною пеней и отецъ, за неумѣнье внушить семьѣ своей страхъ Божій. Дергачу я сберегъ сына, правительству далъ молодца-солдата. Всѣ остались довольны, а я довольнѣй всѣхъ.»

— Чтò жъ это дѣло, спросилъ я, — такъ и кануло?

— Нѣ совсѣмъ! Пронюхалъ какъ-то подлецъ стряпчій. Этакой былъ собака! Присталъ какъ съ ножомъ къ горлу: подѣлись, да подѣлись, а то, говоритъ, донесу. Нечего дѣлать, вынужденъ былъ ему дать двѣсти рублей, чтобъ отвязался. Ужъ такая былъ стерва!

— Но этикія дѣла обдѣлывать вамъ вѣдь не всякій день приходится. Можетъ-быть за всю вашу службу встрѣтилось одно?

— Ну нѣтъ! не часто, а бываютъ. Да вотъ недавно случилось мнѣ обработать одно дѣльце, гдѣ тоже обѣ стороны остались довольны, обѣ заплатили, и еще какъ благодарили! Да и дѣло-то было частное, почти и службы не касалось.

— Чтò жъ это такое? Разкажите, пожалуйста.

— Да, вотъ, видите ли, есть у насъ въ уѣздѣ имѣніе генеральши Пыхтѣевой, душъ восемьсотъ, крестьяне отыскиваютъ свободы. Дѣло-то ихъ, если правду сказать, совсѣмъ вздорное; я имъ самъ и не занимаюсь, становому отдалъ: надо же и ему пить-ѣсть. Помѣщица-то, старушка, живетъ въ Москвѣ, а между тѣмъ мужички ей оброку не платятъ. Барыня-то перебывалась, перебывалась, видно тѣсно пришлось, некуда податься, и задумала продать отличную лѣсную дачу на Окѣ. Покуда наши

лѣсные торговцы объ этомъ пронюхали, а Лыкинъ, знаете? не долго думавши, махнулъ въ Москву, да за пятнадцать тысячъ серебромъ у барыни и купилъ всю пуцу, да еще и съ землей. Въдъ на какую штуку взялъ! Намѣнялъ, мошеникъ, все мелкихъ кредитныхъ билетовъ новенькихъ, и привозить къ барынь. «Вотъ, говорить, ваше превосходительство, везу въ совѣтъ власть; такъ заѣхалъ къ вамъ узнать, не надумались ли, говорить, насчетъ продажи лѣса? Барыня-то какъ увидала такую кучу денегъ, у ней и глаза разгорѣлись; торговаться, торговаться, да и покончили за пятнадцать тысячъ; а дача-то, кому не надо, стоитъ двадцать пять. Ну, сами знаете, чтѣ барыня смыслить? А управляющій-то съ Лыкинымъ заодно. Вотъ, какъ-то заѣзжаетъ ко мнѣ Чушкинъ, ну, тотъ, чтѣ Греблинскую пуцу держалъ, можетъ-быть слышали? первый у насъ лѣсной торговецъ. Начинаетъ про это разказывать, а самъ чуть не плачетъ, что этакую операцію упустилъ. «Сейчасъ бы, говорить, съ радостію восемнадцать тысячъ заплатилъ.»—А чтѣ, говорю, ты мнѣ дашь, коли дѣло слажу? Сулить пятьсотъ пѣлковыхъ.—Нѣтъ, говорю, врешь! ты за дачу-то дашь двадцать тысячъ; а что я куплю дешевле, то мое. И толковать не сталъ, ударили по рукамъ. Велѣлъ я ему пріѣзжать черезъ недѣлю, а самъ сейчасъ къ секретарю Трынкину, въ губернское правленіе, письмо: нельзя ли де вамъ, пишу ему, забрать справку о земляхъ Пыхтѣевой, да построже; а вмѣстѣ съ тѣмъ и письмоводителя къ нему послалъ, разказать въ чемъ дѣло; писать-то всего, видите ли, невозможно, разные бываютъ случаи.

«Смотримъ, на пятый день, хлопъ къ намъ указъ: привести въ извѣстность всѣ земли дѣйствительной статской совѣтницы Пыхтѣевой, со включеніемъ въ то число и отчужденныхъ съ такого-то года, при чемъ въ особенности имѣть неослабное наблюденіе за лѣсными дачами. Ну такъ, говорю вамъ, указъ написанъ, что просто взять секретаря, повалить, да и расцѣловать. Еслибъ на что, знаете, пошло-то, придратъся рѣшительно не къ чему; а между тѣмъ написано сильно: и строжайшая отвѣтственность за порубку, и преданіе виновныхъ суду, словомъ, все есть, чтѣ намъ надо. Я сейчасъ же за Лыкинымъ гонца, приказываю сказать, что молъ очень нужно видѣть. Пріѣзжаетъ. Я къ нему на квартиру.—Ты, спрашиваю, купилъ у Пыхтѣевой пуцу?

«Я, говорить, купилъ», веселый такой. — Чему, говорю, радуешься? На-ка, прочти. Какъ прочелъ мой Лыкинъ указъ, такъ и осовѣлъ, и руки трясутся, и глазами хлопаетъ. «Да что жь это, говорить, такое значить?» — А чортъ ихъ знаетъ, говорю: чего добраго, пожалуй, можетъ-быть, земли-то всё отойдутъ въ казну, да и твоя дача туда же. Нѣтъ, ты напрасно, говорю, тогда погорячился, не посоветовался со мной, а дѣло-то точно было не подходящее; у насъ, вѣдь, давно ужъ идетъ объ этомъ переписка. «А деньги-то, говорить, мои?» — А предоставятъ тебѣ, говорю, искать съ Пыхтѣевой; ты съ ней тамъ и вѣдайся, какъ знаешь; а мой тебѣ, братъ, совѣтъ вотъ какой: постарайся-ка ты поскорѣй дачу перепродать, покуда еще никто ничего не знаетъ. Растерялся мой Лыкинъ, хоть голыми руками бери, ничего не сообразить. «Кому жь бы это, говорить, продать? развѣ Чушкину?» — Ну, хоть Чушкину, говорю, да только продай, а то, пожалуй, ни за что пропадетъ. Послѣ вдругъ спохватился: «Нѣтъ, говорить, надо съѣздить въ губернское правленіе, разузнать.» Такъ меня и обдало. — Однако, поѣзжай, говорю, поѣзжай, да только помни, что я указа въ карманѣ держать не могу; а какъ сдатьъ въ столъ, да дойдутъ слухи до Чушкина, такъ онъ пожалуй и не купитъ; а теперь не знавши, сгоряча, чего добраго, и барышка еще дастъ. Призадумался Лыкинъ, мечетъ умомъ и такъ и сякъ, и пущи-то упустить не хочется, и деньги-то потерять боится; а я ему не даю опомниться, представляю и то и се, что де и маленькая рыбка лучше большаго таракана. Наконецъ началъ подаваться. «Батюшка, говорить, Мамонтъ Михайлычъ, нельзя ли какъ свести съ Чушкинымъ, и дѣло это сладить, благодарить буду!» — Что благодарить? насчетъ благодарности, говорю, вотъ что: обижать тебя не хочу, не въ моихъ это правилахъ; а что барыша возьмешь съ Чушкина, то пополамъ; а ужъ я постараюсь: тутъ же и условіе напишемъ и неустойку положимъ, чтобъ послѣ не отперся какъ-нибудь; ужъ я это обработаю, будь покоенъ. Тебѣ сколько дача стоитъ? говори по совѣсти! «Да съ купчей, съ проѣздомъ, ну, знаете, и управляющему, говорить, надо было подарить, всего шестнадцать тысячъ, видитъ Богъ шестнадцать.» — Ладно! Сиди жь ты дома, а я пошлю узнать, не въ городѣ ли Чушкинъ?

«Въ городѣ, въ городѣ, говорить, я самъ сейчасъ его видѣлъ.»
— Ну, такъ это и лучше, говорю, тутъ же и покончимъ, доро-
житья очень нечего. Прощай!

«Чушкинъ ужъ меня ждалъ на квартирѣ, перетолковали мы
съ нимъ; послали за Лыкинымъ и порѣшили дачу за восемнад-
цать тысячъ; позвали маклера, написали условіе и подписали.
Чушкинъ въ тотъ же вечеръ доплатилъ мнѣ, какъ было говорено,
двѣ тысячи, да Лыкинъ тысячу. Изъ нихъ отослалъ я секретарю,
какъ обѣщалъ, пять сотъ, а на остальные купилъ Кореневскую
землю, которую вы знаете, потому что тамъ зайцевъ травите.»

— Ну какъ же, скажите пожалуста, неужели же Лыкинъ,
при совершении купчей будучи въ губернскомъ городѣ, не спра-
вился тамъ насчетъ указа?

— Хотя справляться-то ему было уже и поздно, потому что
отъ выдачи купчей онъ отказаться никакъ не могъ, будучи свя-
занъ по рукамъ и по ногамъ неустойкой; но онъ, шутъ кури-
ный! все-таки пошелъ наводить справки, да къ счастью наткнулся
на Трынкина, котораго я предупредилъ, что де молъ будетъ у
васъ пріятель, и его тамъ ужъ караулили; такъ тотъ такъ его
настрацалъ, что Лыкинъ привезъ мнѣ еще буракъ зернистой
икры, въ знакъ благодарности, за то что я его отъ петли спасъ!
Вотъ дуракъ-то! Чушкинъ же, съ своей стороны, обязался ста-
вить мнѣ безденежно дрова, пока я буду служить, да онъ еще
этимъ отъ меня не отдѣляется.

— Чтò жъ Лыкинъ и теперь не догадывается, что его на-
дули?

— Нѣтъ, кажется начинаетъ смѣкать. Не давно былъ у меня:
«Что жъ это, говорить, Чушкинъ дачу-то рубить, несмотря на
указъ?»—А не наше, говорю, дѣло; намъ приказано наблюдать,
мы и наблюдаемъ; а прикажутъ запретить рубку, такъ мы и за-
претимъ. Съ тѣмъ онъ отъ меня и отъѣхалъ.

— Но вѣдь онъ можетъ жаловаться на губернское правленіе,
выпустившее указъ, котораго выпускать оно не имѣло никакого
основанія.

— Да развѣ этотъ указъ его касался? Чтò онъ будетъ на
наго жаловаться? Впрочемъ пускай себѣ жалуется, такъ мы ска-
жемъ, что онъ все это во снѣ видѣлъ.

— Какъ, да развѣ указа не было?

— Нѣтъ былъ , да онъ нигдѣ не записанъ. Я его , по минованіи надобности , Трынкину назадъ и отослалъ для уничтоженія.

— Какъ же это такъ? Стало-быть, указъ былъ фальшивый?

— Нѣтъ, настоящій. Да оно, знаете, спокойнѣй, не думается.

— А знаете ли Мамонтъ Михайлычъ, сказалъ я съ негодованіемъ, — какъ это называется?

— Это по нашему называется брандера пустить, отвѣчалъ онъ съ самодовольною улыбкой.

Послѣ этого я не нашелся уже ничего сказать, и мы оба замолчали.

Я не знаю, о чемъ размышлялъ Рѣзаковъ, вѣроятно, о пріятности пускать брандеры, а мнѣ больно было видѣть человѣка не глупаго, по наружности даже очень порядочнаго, который тщеславится утонченностію грабежа, доходящаго до разбоя. Мнѣ хотѣлось по крайней мѣрѣ убѣдиться, сознательно ли онъ дѣлаетъ это, или самъ не понимаетъ всей гнусности своихъ поступковъ.

— Послушайте, любезнѣйшій Мамонтъ Михайлычъ, началъ я: — вы человѣкъ умный, и мы съ вами такъ давно знакомы, что я считаю себя въ правѣ говорить съ вами откровенно, не съ тѣмъ чтобъ васъ упрекнуть, но мнѣ хотѣлось бы знать, съ какой точки вы сами смотрите на эти продѣлки? И чѣмъ вы сами оправдываете себя въ собственныхъ вашихъ глазахъ? Вѣдь нельзя же, чтобы вы не сознавали въ душѣ, что вы съ Лыкинымъ поступили не хорошо?

— Нисколько! Лыкинъ надулъ барыню, а я надулъ Лыкина, и надулъ его потому именно, что онъ самъ увлекся желаніемъ надуть Чушкина. Не увлекись онъ этимъ намѣреніемъ, онъ сперва бы обдумался, да разузналъ все дѣло толкомъ и не былъ бы надуть въ свою очередь; а то захотѣлось свою бѣду свалить на чужія плечи, а я этимъ воспользовался. На то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ.

— Положимъ, что вы тутъ караи порокъ, сказалъ я съ насмѣшкой, — ну а съ бѣднаго-то дѣловальника за что вы взяли двадцать пять рублей?

— И это я вамъ объясню. Не возьми я съ него денегъ, онъ на

другой же день сталъ бы разказывать встрѣчному и поперечному о томъ, какъ повѣсили его мать, съ разными прибаутками насчетъ безнаказанности преступленія. Развѣ такая скотина понимаетъ что-нибудь! Между тѣмъ дѣло бы сдѣлалось гласнымъ, пожалуй дошло бы и до начальства; а тамъ, глядишь, нашлись бы добрые люди, которые бы научили его и прошенье подать; а какъ онъ самъ заплатилъ мнѣ двадцать пять рублей, чтобъ прекратить дѣло, такъ онъ и помалчиваетъ.

Такая логика невольно размѣшила меня.

— Ну, а вообще насчетъ взятокъ какого вы мнѣнія?

— Да такого, что онѣ при настоящемъ положеніи дѣлъ не обходимы. Вы можетъ-быть думаете, что я не понимаю, что брать взятки не хорошо? Да что жъ прикажете дѣлать? Я сперва и самъ хотѣлъ служить честно, да какъ увидалъ, что приходится положить зубы на полку, такъ первый разъ по неволѣ взялъ, а потомъ по немногу ужъ и привыкъ, да такъ, что теперь странно уже какъ-то и не брать. Вѣдь согласитесь, ужъ если взятки не брать, такъ не должно брать и съ откупщика. Хотя и называютъ этотъ доходъ безгрѣшнымъ, а вѣдь ужъ если на то пошло, честный человекъ, не долженъ и имъ пользоваться. А позвольте васъ спросить, какое средство жить однимъ жалованьемъ? Вѣдь вы сами знаете, я живу въ городѣ, мнѣ нужна порядочная квартира, нуженъ обѣдъ, нужно прилично одѣться, нуженъ экипажъ. Вы зайдите ко мнѣ, или губернаторскій чиновникъ, — я долженъ принять; губернаторъ потребуетъ, — я обязанъ поѣхать въ губернской городъ, а эти поѣздки всегда дорого обходятся намъ, потому что я долженъ тамъ ладить и съ правителемъ губернаторской канцеляріи, и съ губернскимъ правленіемъ, чтобъ не придирались и не душили нарочными; а тамъ предложить какую-нибудь подписку, отъ которой нашему брату ни какъ нельзя отказаться, или навяжутъ пятьдесятъ билетовъ на полученіе губернскихъ вѣдомостей, которыхъ не раздашь и половины; кромѣ того, я плачу сто пятьдесятъ цѣлковыхъ писмоводителю, да есть и другіе расходы. Вы пожалуй скажите, что я долженъ быть такъ исполнителенъ, чтобы ко мнѣ нельзя было придраться, — такъ это рѣшительно невозможно; — что я могу жить въ двухъ маленькихъ комнатахъ, носить форменный полукафтанъ, ѣсть какую-нибудь дрянъ, ѣздить на телѣгѣ и цѣ-

сать бумаги самъ? Покорно васъ благодарю! Да съ чего же это вы взяли? Если я, бросивъ свой спокойный уголокъ и какое ни есть хозяйство, служу за всѣхъ васъ, не знаю ни днемъ ни ночью спокойствія, вѣчно вожусь съ глупѣйшими слѣдствіями, мертвыми тѣлами, забочусь о вашихъ интересахъ, подчасъ подличаю, льщу, сношу за ваши же недоимки разныя невѣжества начальства, рискую добрымъ именемъ, потому что меня на всякомъ шагу могутъ отдать, совершенно невинно, въ уголовную, такъ это бы ваше дворянское дѣло позаботиться: вознаграждать меня за мои труды, предоставить мнѣ нѣкоторыя удобства жизни, даже обезпечить меня на старость, за мою долговременную службу; а такъ какъ вы объ этомъ рѣшительно не думаете, то я по необходимости беру самъ; а не нравится вамъ это, выберите себѣ другаго; но и тотъ, повѣрьте, вынужденъ будетъ дѣлать то же самое.

— Да чтожь мы должны сдѣлать, по вашему мнѣнію?

— Какъ что? Да, напримѣръ, если вы не хотите, или не умѣете сами заниматься хозяйствомъ, что тогда дѣлаете? Понятно! Вы нанимаете хорошаго управляющаго, а чтобы ему было изъ чего хлопотать, назначаете ему такое жалованье, чтобы онъ дорожилъ мѣстомъ. Сдѣлайте такъ и съ исправникомъ. Если сами вы служить не желаете, или не способны, а хотите имѣть въ этой должности дѣльнаго и честнаго человѣка, такъ просите у правительства позволенія увеличить его окладъ, хоть изъ собственныхъ вашихъ доходовъ. Можетъ-быть, палата государственныхъ имуществъ тоже приметъ въ этомъ участіе; что тамъ ни говори, а вѣдь ей хорошій исправникъ нужнѣй еще чѣмъ помѣщику. Тогда вы по крайней мѣрѣ будете имѣть право требовать отъ чиновника, чтобы онъ не бралъ взятокъ, а замѣтили, — колѣномъ его... Что вамъ тогда съ нимъ церемониться, тогда на это мѣсто будетъ много охотниковъ изъ порядочныхъ людей; а до тѣхъ поръ, повѣрьте, ничего путнаго быть не можетъ, потому что бѣдному честному человѣку, при теперешнемъ жалованьи, служить совсѣмъ не возможно, а человѣкъ съ состояніемъ въ эту должность не пойдетъ.

— Отчего же? Развѣ мы не видимъ примѣровъ, что служатъ исправниками богатые и хорошіе люди?

— Очень рѣдко. И это съ ихъ стороны большая, я вамъ скажу,

жертва: обречь себя, безвозмездно, на нашу каторжную жизнь, на всё неприятности, которыя мы выносимъ часто ни за что, ни про что; а главное, на эту зависимость иногда чортъ знаетъ отъ кого! Попробуйте-ка не сладьте съ губернскимъ правленіемъ, такъ васъ разорять нарочными; въ одну недѣлю семь разъ предадутъ суду и отрѣшати отъ должности.

— Но на такое притѣсненіе вы можете жаловаться губернатору.

— Могу, если онъ знаетъ меня лично съ хорошей стороны, или если я хорошъ съ его правителемъ канцеляріи; но къ чему это поведетъ? Тогда я пуще только вооружу противъ себя губернское правленіе, которое будетъ уже придираться ко мнѣ на каждомъ шагу, и кончится тѣмъ, что я, надоѣвъ начальнику губерніи моими жалобами, во всякомъ случаѣ долженъ буду со стыдомъ оставить службу.

— Такъ стало-быть, и при увеличеніи жалованья, порядочному человѣку тоже служить будетъ невозможно.

— Нѣтъ, когда всё десять исправниковъ будутъ люди порядочные и сами не станутъ брать взятокъ, тогда эта должность приобрететъ самостоятельность и уваженіе, да губернское-то правленіе перестанетъ уже смотрѣть на насъ, какъ на своихъ вассаловъ.

— Мамонтъ Михайлычъ! Позвольте мнѣ этотъ нашъ разговоръ записать и напечатать.

— А мнѣ что за дѣло! Печатайте сколько хотите. Жаль только, что поздно, а то бы я вамъ еще кой-что разказагъ... Ну да это въ другой разъ.

Д. Г.

О СЛОВЕСНОМЪ ДѢЛОНПРОИЗВОДСТВѢ ВЪ РОССІИ

Нынѣшнее время богато новыми мыслями, новыми стремленіями. Русскій умъ встрепенулся; съ необыкновенною пытливостію осматриваетъ все вокругъ себя, внимательно изучаетъ свое, сличаетъ съ тѣмъ, что видитъ у другихъ, и съ возможнымъ безпристрастіемъ, по крайней мѣрѣ безъ тупаго самовосхищенія, говоритъ: это хорошо у насъ, а это у другихъ лучше. Въ самомъ дѣлѣ, сколько важнѣйшихъ вопросовъ пересмотрѣно, или хотя поднято въ послѣдніе два года! о свободной торговлѣ и тарифахъ, объ общественномъ воспитаніи, о желѣзныхъ дорогахъ, объ общественной нравственности, объ уголовномъ законодательствѣ и присяжныхъ, о выгодѣ наемнаго труда... Говоримъ только собственно о вопросахъ, имѣющихъ важность общую, а сколько еще возбуждено мыслей въ спеціальныхъ сферахъ той или другой науки, въ промышленности!... Мы никакъ не отстаемъ отъ мысли, что нашему времени предназначено быть эпохою важныхъ преобразованій въ Россіи, преобразованій постепенныхъ и рациональных!..

Къ числу вопросовъ, которые какъ-то смутно слышатся въ воздухѣ, вопросовъ, которые формулируются передовыми людьми, болѣе или менѣе основательно обсуживаются массою образованнаго большинства, и злобно отвергаются многочисленными друзь-

ями мрака и безмолвія, — къ числу такихъ жизненныхъ вопросовъ относится и вопросъ о словесномъ судопроизводствѣ.

Мы предполагаемъ здѣсь высказать нѣсколько мыслей о томъ, въ какой степени оно у насъ въ настоящее время возможно, и на сколько оно имѣетъ связи съ существующимъ у насъ законодательствомъ. Цѣль наша—не исчерпать этотъ важный вопросъ, а только возбудить его.

Вопервыхъ, да не будетъ безызвѣстно тѣмъ, которые этого не знали, что словесное производство у насъ существуетъ и *de jure*, и *de facto*. Еще Петромъ Великимъ учреждено такъ-называемое «судоговореніе»; словесные городскіе и частные суды основаны еще Екатериною I; въ наше время образованы коммерческіе суды, гдѣ введено словесное производство; наконецъ, въ учрежденіи о земской полиціи мы находимъ статью (т. II, 2404), которая гласитъ буквально, что «дѣла земскій судъ производить или словесною расправою, или письменно.»

Вотъ сколько въ нашемъ законодательствѣ элементовъ словеснаго производства!

Мы старались изучить всѣ виды его не только по Своду Законовъ, но и на самомъ дѣлѣ. Судоговореніе, или судъ по формѣ, самая древняя форма словеснаго судопроизводства, есть и самая несовершенная, самая неудобная. Она начинается письменною просьбою, подаваемою въ то судебное присутственное мѣсто (т. X, 3115), гдѣ, по свойству иска, ему надлежитъ производиться; въ просьбѣ этой объясняется искъ, съ указаніемъ доказательствъ или свидѣтелей (3117), причемъ немедленно вносится пошлины 1 р. 80 к. (3116). Присутственное мѣсто, получивъ прошеніе, посылаетъ черезъ полицію отвѣтчику повѣстку (3121) о явкѣ къ суду; если онъ по тремъ такимъ повѣсткамъ не является, то обвиняется безъ суда (3123), а если истецъ не явится въ назначенный для суда срокъ, то теряетъ искъ (3124). Разумѣется, законъ допускаетъ нѣкоторыя причины, могущія воспрепятствовать явкѣ къ суду, каковы — болѣзнь, смерть родителей, жены или дѣтей, нашествіе непріятели и т. п. (3125).

Вызываемый такими энергическими побужденіями, отвѣтчикъ, можно думать, не преминетъ явиться; явясь, онъ долженъ обезпечить искъ движимымъ или недвижимымъ имѣніемъ, или чьимъ-либо благонадежнымъ поручительствомъ; въ противномъ случаѣ

его арестуютъ (3127—3132). Эта послѣдняя мѣра, разумѣется, въ настоящее время, кажется, жесткою, и въ случаѣ пересмотра законодательства, безъ сомнѣнія, будетъ замѣнена подпискою о неотлучкѣ до окончанія процесса. По явкѣ отвѣтчика, ему сообщается списокъ съ исковой просьбы, и дается не менѣе недѣли сроку на приготовленіе къ отвѣту, въ явкѣ къ каковому времени съ него берутъ реверсъ (3133); впрочемъ судъ можетъ дать и еще отсрочку, если имѣются уважительныя причины, особенно по крѣпостнымъ дѣламъ (3146).

Въ назначенный день, оба тяжущіеся или ихъ повѣренныя являюся къ суду, и судоговореніе начинается. Отъ каждаго изъ нихъ отбирается предварительно подписка въ томъ, что они будутъ говорить по правдѣ и совѣсти (3184), потомъ отвѣтчику прочитываютъ первый пунктъ исковаго прошенія и предлагаютъ дать противъ него отвѣтъ уже словесный (3149). Когда отвѣтчикъ кончитъ свое возраженіе, истецъ можетъ опять противъ него возражать, а отвѣтчикъ въ свою очередь представлять новыя возраженія, и т. д. Всѣ эти рѣчи записываются въ тетради, назначенныя для той и для другой стороны (3147); объясненія обѣихъ сторонъ, бывъ записаны, тутъ же прочитываются, и у тяжущихся спрашиваютъ, не имѣетъ ли кто-либо изъ нихъ чего прибавить? Потомъ обѣ стороны подписываютъ свои показанія подъ каждымъ пунктомъ, и кромѣ того показанія противника (3157). Такъ продолжается процессъ, отдѣливая, такъ-сказать, каждый изъ пунктовъ исковаго прошенія особо, сообразно тому, какъ они изложены въ этомъ прошеніи (3160), и не представляя, по быстротѣ, чувствительнаго преимущества въ сравненіи съ письменнымъ производствомъ, а напротивъ стѣсняя обоихъ противниковъ необходимостію постоянно находиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ производится судъ. Дальнѣйшій ходъ производства совершенно подобенъ обыкновенному, письменному, то-есть составляется дѣлу записка, слушается, и т. д. (3147).

Таковъ древнѣйшій у насъ видъ словеснаго производства. Получивъ начало въ тѣ времена, когда и въ болѣе образованныхъ государствахъ, чѣмъ Россія, юридическія понятія были весьма несовершенны, судоговореніе во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительно, связано множествомъ формальностей, медленно; къ сожалѣнію, никогда не было сдѣлано никакихъ попытокъ усовер-

шенствовать эту форму суда, и она съ своею готическою затѣйливостію гложетъ въ слояхъ X тома, рядкомъ съ такимъ же инвалидомъ—третейскимъ судомъ. И того и другаго никто знать не хочетъ; формою суда едвали рѣшается въ годъ нѣсколько дѣлъ, въ самоѣ бойкомъ изъ узвѣданныхъ судовъ.

Затѣмъ есть у насъ особые словесные суды: а) при частяхъ города для разбирательствъ по дѣламъ гражданскимъ, съ цѣлію примиренія и предупрежденія тяжбъ (X т., 3276, 3278); и б) торговые словесные суды при городскихъ магистратахъ и ратушахъ для разбора и рѣшенія споровъ и исковъ по обязательствамъ и договорамъ, торговлѣ свойственнымъ (т. XI, 1615), на тотъ конецъ, «дабы торгующіе, безъ крайней необходимости, не вступали въ судопроизводство письменное, которое сопряжено съ важною для нихъ потерей времени.» Впрочемъ не одни только лица торговаго сословія, но и постороннія, съ которыми заключены обязательства торговаго свойства, могутъ быть привлекаемы къ этому суду (1623). Судьи избираются городскимъ обществомъ (1616), которое, если довольно ихъ службою, можетъ, по окончаніи оной, изъявлять имъ признательность похвальными листами (1618). Особой канцеляріи при торговыхъ судахъ не положено, а необходимое число канцелярскихъ служителей заимствуется изъ ратушъ и магистратовъ (1617). Это послѣднее обстоятельство указываетъ, какую незначительную переписку предполагалъ въ словесныхъ судахъ законодатель: дѣла тамъ должны начинаться, производиться и рѣшаться на словахъ, посредствомъ объясненій самихъ тяжущихся лицъ (о повѣренныхъ не упоминается), такъ что все внутреннее письменоводство въ этихъ присутственныхъ мѣстахъ заключается въ одной такъ-называемой «судебной книгѣ» (1630), куда одинъ изъ присутствующихъ вписываетъ въ краткомъ видѣ сущность дѣла, показанія свидѣтелей, если они есть, и потомъ опредѣленіе суда,—все это кратко, безъ всякихъ особыхъ формальностей.

Нѣтъ ничего проще и кратче такого производства, и едва ли въ немъ есть какое-нибудь серьезное неудобство, которое, бывъ указано практикой, не могло бы весьма легко быть исправлено; но письменоводство сильно вкралось уже въ словесные суды; мы знаемъ одинъ, — и онъ никакъ не есть исключеніе, — гдѣ на 728 словесно рѣшенныхъ въ 1855 году дѣлъ, выпущено 2648

нумеровъ; завелись сношенія, справки, подтвержденія, тогда какъ ничего подобнаго не указано закономъ; нѣсколько регистровъ лежитъ постоянно на столѣ присутствія, заведенныхъ ревизорами-бюрократами, страстными къ канцелярскому порядку... Въ углу присутственной комнаты явился небольшой столѣкъ, и за нимъ работаетъ перомъ постоянный секретарь... Не знаемъ, вездѣ ли это такъ, но въ нѣкоторыхъ «усовершенствованныхъ» словесныхъ судахъ все здѣсь изложенное заведено.

Эти суды напримѣръ, въ противность положительному закону (1651), которымъ предписывается вызывать тяжущихся къ суду посредствомъ простыхъ повѣстокъ, посылаемыхъ съ разсылными, относятся объ этомъ въ полицію, что разумѣется распложаетъ переписку, производитъ медленность, и тѣмъ самымъ даетъ возможность виновному укрываться или укрыть свое имущество.

Торговый судъ разсматриваетъ споры, и чисто на однихъ словесныхъ показаніяхъ основанные, и такіе, которые подкрѣпляются документами; но, странно, ему не предоставлено опредѣлять достоинство документовъ, если противъ нихъ объявленъ споръ (1663), и тѣмъ еще страннѣе, что искъ по документамъ безспорнымъ принадлежитъ полиціи, и словесный судъ обязанъ обращать ихъ въ полицію (1672). Въ случаѣ подобнаго спора, судъ предлагаетъ тяжущимся выбрать посредниковъ, или же за несогласіемъ ихъ, выбираетъ посредниковъ самъ (1664). Но что же и есть судья, какъ не посредникъ между двумя тяжущимися сторонами, и почему постороннее лицо признается къ тому способнѣйшимъ?..

Мудрено ли, что и публика не сильно стремится въ словесные суды? Нѣсколько выше мы привели цифру дѣлъ, рѣшенныхъ въ одномъ изъ нихъ: она покажется мала, когда мы скажемъ, что судъ этотъ находится въ одномъ изъ самыхъ населенныхъ, промышленныхъ и торговыхъ городовъ Россіи. А между тѣмъ вѣдомство торговаго словеснаго суда весьма обширно; однихъ споровъ между хозяевами и прикащиками, между извозчиками и подрядчиками (611 и 1619) и т. п., при нелюбви у насъ къ письменнымъ обязательствамъ, могло бы быть множество разобрано имъ, къ великому облегченію и самихъ этихъ людей и прочихъ присутственныхъ мѣсть.

Къ сожалѣнію, на эти полезныя учрежденія не обращаютъ достаточно вниманія тѣ самыя общества, для которыхъ они существуютъ. Выборы въ словесныя судьи производятся небрежно: мы лично видѣли одного судью, который не могъ вписывать въ книгу весьма впрочемъ немудренаго содержанія тяжобъ иначе какъ съ записочки, составленной секретаремъ, и которую онъ копировалъ съ видимымъ усиліемъ... Конечно, этотъ судья не есть исключеніе! Да оно и довольно естественно: не получая за службу никакого жалованья и отвлекаясь отъ своихъ занятій, всякій торговый человѣкъ естественно тяготится судейскою должностію... И вотъ почему въ присутственную комнату словесныхъ судовъ вторгается маленькій столъ съ секретаремъ, а съ нимъ драгоцѣнное для него письмоводство.

О частныхъ словесныхъ судахъ нечего распространяться; они существуютъ почти только по одному имени, и мы знаемъ изъ нихъ великое множество, даже въ самыхъ населенныхъ городахъ, которые не рѣшили ни одного дѣла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду. Обыватели едва ли знаютъ о ихъ существованіи, и всякій, кто желаетъ домашней разборки, идетъ къ частному приставу, а не въ судъ.

Почти то же должно сказать о словесномъ производствѣ въ земскихъ судахъ. Если не ошибаемся, оно ограничивается одними словесными предложеніями, дѣлаемыми иногда суду исправникомъ. А между тѣмъ, въ приложеніяхъ къ т. II Свода Законовъ, есть даже и форма для веденія книги словесно-рѣшаемымъ дѣламъ (II, 2431), и опредѣлено какого именно рода дѣла разрѣшается производить словеснымъ порядкомъ (2430).

Лучшій и употребительнѣйшій видъ такого производства представляютъ коммерческіе суды, учрежденные въ послѣднее царствованіе въ Петербургѣ, Москвѣ, Тифлисѣ, Одессѣ, нѣкоторыхъ другихъ торговыхъ городахъ Новороссійскаго края и въ Землѣ Войска Донскаго. Присутствіе суда состоитъ изъ членовъ избираемыхъ изъ среды себя купцами 1-й и 2-й гильдій, мѣстными и иностранными гостями, но въ должность предсѣдателя и ихъ товарищей можно выбирать лицъ не ниже VI класса (1148, т. XI) (1).

(1) Правила эти не распространяются на всѣ коммерческіе суды: многіе изъ нихъ имѣютъ нѣкоторыя особенности въ отношеніи и къ

Вѣдомство коммерческаго суда весьма важно и обширно, — а именно: всѣ споры и иски по торговымъ оборотамъ, по векселямъ, договорамъ и обязательствамъ словеснымъ и письменнымъ, торговлѣ свойственнымъ, между лицами всѣхъ состояній взаимно и по искамъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій на частныя лица, дѣла о торговой несостоятельности, какого бы званія и сословія ни были эти лица (1174).

Коммерческій судъ, имѣя въ своемъ вѣдомствѣ дѣла, по которымъ могутъ быть необходимы сношенія съ другими присутственными мѣстами, производить оныя разумѣется письменно, но внутреннее производство въ немъ словесное, развѣ этого не пожелаеъ бы самъ истецъ, а присутствіе сочло бы нужнымъ допустить письменное производство (1210); обыкновенный же порядокъ дѣлопроизводства весьма простъ. Истецъ является въ судъ и предъявляетъ свою претензію словесно или, по произволу своему, въ видѣ записки (1221). Содержаніе этой претензіи самымъ сокращеннымъ образомъ записывается въ такъ-называемую «книгу просьбъ входящихъ», въ особую графу; въ другую графу вносится имя и мѣстожительство истца; еще въ особую имя и мѣстожительство отвѣтчика; далѣе, записывается на какомъ документѣ (если онъ есть) основывается искъ, и наконецъ въ послѣдней графѣ предсѣдатель выставляетъ число, въ которое тяжущіеся обязаны явиться къ суду (1223—1226).

Вслѣдъ затѣмъ изготовляется въ двухъ экземплярахъ повѣстка (1230), которою вызывается отвѣтчикъ; одинъ экземпляръ остается при дѣлѣ, а другой, вмѣстѣ съ копіей предъявленнаго документа (если предъявленъ), вручается присяжнымъ служителямъ лично отвѣтчику, или, за его отсутствіемъ, кому-либо изъ его домочадцевъ, хозяину его квартиры и т. п., а въ случаѣ отсутствія отвѣтчика повѣстка можетъ быть при свидѣтеляхъ прибита къ его двери (1380). Если по первому вызову отвѣтчикъ не явился къ суду, къ нему посылается вторая повѣстка съ объясненіемъ, что съ него будетъ взысканъ штрафъ (1390), который можетъ простираться отъ 15 до 150 р. (1395), а если и

личному составу, и сферѣ, и способу дѣйствій, — особенности впрочемъ незначительныя.

затѣмъ безъ уважительныхъ причинъ отвѣтчикъ не явится, то дѣло разсматривается безъ него, на основаніи показаній одного истца (1391). Понятно, что при такихъ энергическихъ мѣрахъ противъ уклоненія отъ суда, рѣдко случается, чтобы кто-нибудь не явился въ срокъ.

Такимъ образомъ оба тяжущіеся стали къ суду; впрочемъ вмѣсто себя они могутъ послать своихъ повѣренныхъ, — не иначе однакожъ, какъ съ тѣмъ, чтобы эти повѣренные были изъ числа такъ-называемыхъ «присяжныхъ стряпчихъ», считающихся на службѣ при коммерческомъ судѣ и поступающихъ въ это званіе съ одобренія суда (1165—1170). Итакъ, прибывъ къ суду, истецъ и отвѣтчикъ приглашаются въ присутствіе, а второй даетъ противъ иска, на него предъявленнаго, отзывъ. Истецъ въ свою очередь имѣетъ право возражать, а отвѣтчикъ защищаться, — и взаимныя ихъ возраженія разясняютъ дѣло. Все, чтѣ обѣ стороны говорятъ, записывается тутъ же особымъ чиновникомъ въ черновую тетрадь, и потомъ изъ этого составляется въ канцеляріи «журналъ засѣданія» (1243), который подписывается членами суда. Если спорный вопросъ не могъ быть разясненъ въ одно присутствіе, тяжущіеся вызываются еще одинъ разъ, два раза, или болѣе, послѣ чего составляется уже такъ-называемое «рѣшительное опредѣленіе», которое объявляется участвующимъ лицамъ при открытыхъ дверяхъ (1582), либо, если одного нѣтъ налицо, посылается къ нему копія съ опредѣленія.

Таковъ ходъ производства въ коммерческихъ судахъ, производства конечно самаго совершеннаго изъ всѣхъ нами разсмотрѣнныхъ, и приуроченнаго къ дѣламъ обширнымъ и сложнымъ. Намъ кажется только, что нѣтъ надобности въ такомъ изобиліи различнаго наименованія книгъ, употребляемыхъ въ коммерческихъ судахъ, которыхъ положено семь, и въ которыя отчасти вносятся одно и то же нѣсколько разъ. Кромѣ этихъ книгъ, въ коммерческихъ судахъ ведутся различныя регистры на общихъ основаніяхъ, для переписки, производящейся съ посторонними вѣдомствами, — и этой переписки, этихъ сношеній едва ли не больше чѣмъ необходимо. По крайней мѣрѣ есть суды, которые, не будучи къ тому обязаны закономъ, часто вступаютъ въ сношенія для полученія нужныхъ къ дѣлу справокъ и свѣдѣній, тогда какъ это положительно возложено на самихъ тяжущихся

(1216); весьма естественно, что собрать всё документы, служащие къ подкрѣпленію иска или къ его устраненію, есть дѣло истца и отвѣтчика, а никакъ не суда, который долженъ разсматривать дѣло по представленнымъ ему документамъ, а отнюдь не собирать ихъ. Но коммерческіе суды, нѣкоторые по крайней мѣрѣ, не умѣли отстать отъ старинной рутины нашихъ присутственныхъ мѣстъ: ходатайствуютъ о доставленіи имъ изъ другихъ вѣдомствъ рѣшеній, актовъ, документовъ, пишутъ подтвержденія и т. п., и вотъ почему въ одномъ изъ этихъ судовъ на 369 рѣшенныхъ дѣлъ выпущено 12,567 номеровъ!

Но каковы бы ни были относительныя достоинства каждаго изъ разсмотрѣнныхъ нами присутственныхъ мѣстъ, — вотъ готовые элементы словеснаго у насъ судопроизводства! вотъ довольно ощутительное начало, изъ котораго, безъ всякаго подражанія и безъ упрековъ въ заимствованіи чуждаго, однимъ лишь благоразумнымъ развитіемъ по указаніямъ опыта, легко, говоримъ, довести принципъ словеснаго производства до самыхъ обширныхъ и прекрасныхъ размѣровъ.

Замѣчательно, что самъ законодатель во многихъ случаяхъ сознаетъ преимущества словеснаго производства передъ письменнымъ; такъ въ главѣ о торговыхъ словесныхъ судахъ сказано (Т. XI, 1615), что они учреждены, «дабы торгующіе безъ крайней надобности не вступали въ судопроизводство письменное, которое сопряжено съ важною для нихъ потерю времени.» Это было сказано въ 1726 году. Та же мысль, и почти тѣми же словами, выражена въ 1835 году, при учрежденіи словесныхъ же торговыхъ судовъ въ Войскѣ Донскомъ (1638); наконецъ въ положеніи о коммерческихъ судахъ видимъ, что имъ разрѣшается по желанію истца дозволить вести дѣло письменно, если однакожь не замѣтятъ съ его стороны въ этомъ «намѣренія къ умедленію и отлагательству рѣшенія» (1211). Но если признано, что письменное производство служить къ «умедленію» и производить «потерю времени», то можно ли думать, что благодѣянія словеснаго производства навсегда останутся исключительнымъ достояніемъ только торговыхъ людей, и не слѣдуетъ ли напротивъ надѣяться, что они будутъ распространены на всѣхъ, кому дорого время? Впрочемъ, и теперь въ дѣлахъ, «имѣющихъ торговое свойство», всѣ могутъ судиться словесно... Или можетъ-быть

процессы по торговымъ дѣламъ проще другихъ? Едва ли не наоборотъ. Во всякомъ случаѣ иски по безспорнымъ обязательствамъ, производимые въ полицейскихъ управленіяхъ—самые простые, а они производятся письменно; и петербургская, и московская управы благочинія выпускаютъ ежегодно сотни тысячъ нумеровъ. Нельзя также предположить, чтобъ государству стбילו дороже содержаніе словесныхъ, чѣмъ письменно-дѣйствующихъ присутственныхъ мѣстъ, потому что если въ первыхъ потребно большее число судей и вообще присутствующихъ, то канцелярія почти вовсе не нужны. Во Франціи канцелярію гражданского суда составляетъ одинъ greffier, онъ же и архивариусъ. Преимущество относительно экономіи тутъ очевидно, — а какое сбереженіе человѣческаго труда, какое множество рукъ, возвращаемыхъ полезной производительности!

Что же касается до выигрыша времени, то онъ поразительнѣе всего обнаружится изъ примѣра. Возьмемъ самый простой случай. Нѣкто А долженъ по заемному письму 1,000 р. своему знакомому Б. Срокъ наступилъ и прошелъ, а уплаты нѣтъ, Б представляетъ свое заемное письмо ко взысканію (1). Документъ этотъ въ копию, при прошеніи, которое Б подалъ, препровождается въ мѣстныя городскія или земскія полицейскія управленія для предъявленія должнику, но конечно не ранѣе какъ черезъ недѣлю, потому что прошеніе записывается въ нѣсколько регистровъ, съ документа списывается копія, составляется проектъ резолюціи; проектъ этотъ представляется присутствію, вносится въ журналъ, который подписывается членами, пропускается стряпчимъ, отдается къ исполненію, снова вносится въ присутствіе для подписи приказа, а этотъ опять отмѣчается въ нѣсколькихъ регистрахъ, и только тогда уже выходитъ на свѣтъ Божій изъ духоты канцелярской черезъ врата регистратуры (2).

(1) Замѣчательно, что взысканіе по векселю производится гораздо строже и даже быстрѣе. Должники лично требуются къ отвѣту, и притомъ не позже, какъ на другой день (XI, 544). Почему такое преимущество кредиторамъ торговаго сословія?

(2) Кто-то сосчиталъ, что бумага съ минуты поступления ея въ руки дежурнаго до окончательной записки въ разсылную книгу дѣлаетъ по разнымъ угламъ канцеляріи и присутствія въ земскомъ судѣ 36 ходовъ; а въ губернскомъ правленіи, гдѣ производство усовершенствовано, 54.

Таково письменное производство ; и оно едва ли можетъ быть упрощено, потому, что огромное количество получаемыхъ и выпускаемыхъ бумагъ въ нашихъ канцеляріяхъ принуждаетъ къ очень внимательному исполненію формальностей: иначе можно совершенно запутаться и растеряться. Далѣе, частный или становой приставъ, получивъ приказъ о взысканіи съ А, записываетъ его у себя гдѣ слѣдуетъ, помѣчаетъ и т. п., и передаетъ квартальному надзирателю или, въ земской полиціи, сотскому, для предьявленія отвѣтчику А. На все это легко уйдетъ еще недѣля безъ малѣйшей преднамѣренной медленности, а между тѣмъ отвѣтчикъ давно уже предупрежденъ о собирающейся надъ нимъ грозѣ, предупрежденъ однимъ изъ тѣхъ «знакомцевъ» (*habitués*) присутственныхъ мѣстъ, которые, бывъ въ свое время выгнаны изъ службы, продолжаютъ ежедневно посѣщать канцеляріи или ихъ переднія, гдѣ, благодаря старымъ связямъ и «за угощеніе», получаютъ извѣстія о поступающихъ взысканіяхъ и немедленно спѣшатъ предупредить о томъ угрожаемое лицо... Итакъ, благовременно предупрежденный А даетъ отставному канцеляристу три рубля и принимаетъ свои мѣры, то-есть сказывается выѣхавшимъ въ другой городъ или въ другое имѣніе, «и когда возвратится, неизвѣстно». Неисполненный, по законнымъ впрочемъ причинамъ, приказъ восходитъ по указаннымъ нами инстанціямъ въ присутственное мѣсто, опять записывается въ нѣсколько регистровъ, пишется новая резолюція, которую снова пропускаетъ стряпчій, состоящая въ томъ, чтобы наблюсти за возвращеніемъ А и по прибытіи его исполнить прежнюю резолюцію; такимъ образомъ нѣсколько уже пополнившее дѣло снова поступаетъ къ частному или становому приставу, которому ничто не мѣшаетъ наблюдать за возвращеніемъ А «изъ прекраснаго далека», и ожидать полученія нѣсколькихъ подтвержденій. Потомъ можно возвратить дѣло по той причинѣ, что А хотя и возвратился, но боленъ; словомъ, весьма часто документы, безспорные документы, остаются не предьявленными по полугодю и больше. А между тѣмъ несчастный Б,

Разумѣется, что передача резолюціи присутствія отъ столоначальника его помощнику считается ходомъ, какъ и всякое малѣйшее движеніе бумаги.

выведенный изъ терпѣнія, жалуется губернскому правленію, губернатору, генералъ-губернатору. Три запроса о причинахъ медленности разомъ слетаются въ присутственное мѣсто, куда поступилъ искъ; присутственное мѣсто суетится, торопится дать отвѣтъ: нельзя! дѣло у частнаго или становаго пристава(1), которому немедленно посылается приказъ о представленіи дѣла какъ оно есть. Но скоро сказка говорится, а не скоро дѣло дѣлается: становой можетъ-быть въ отлучкѣ, могутъ встрѣтиться, весною или осенью напримѣръ, въ самомъ дѣлѣ непреодолимыя преграды, разливъ рѣчекъ, топи и т. п.; и за всѣмъ этимъ прошелъ «узаконенный срокъ». Слетаются въ земскій судъ подтвержденія, потому что количествомъ посылаемыхъ подтвержденій измѣряется дѣятельность и энергія канцелярій и еще по тому, что вслѣдствіе какого-то страннаго извращенія понятій, медленное исполненіе вмѣняется въ большую вину не наблюдающему за своимъ распоряженіемъ, нежели самому не исполняющему... Наконецъ дѣло представлено частнымъ или станowymъ приставомъ, и пишется на три запроса три объясненія, которыя всѣ три въ свое время, различными путями, сообщаются жалобщаку Б для его успокоенія... А между тѣмъ его заемное письмо еще не предъявлено!..

Но наконецъ оно предъявлено. А даетъ «отзывъ», въ которомъ очень развязно объясняетъ, что по такимъ-то причинамъ онъ «не считаетъ себя обязаннымъ платить». Этотъ отзывъ предъявляется истцу, который, находясь на верху негодованія, довольно колко замѣчаетъ присутственному мѣсту, что оно принимаетъ неосновательные отзывы. Тогда составляется по всему этому, довольно растолстѣвшему дѣлу «журналъ», которымъ разумѣется присуждается взыскать съ А 1,000 р., «не принимая никакихъ отговорокъ». Счастливыи Б торжествуетъ. «Война кончена!» восклицаетъ онъ, какъ Наполеонъ въ Кремлѣ. «Война начинается!» отвѣчаемъ мы съ скромною мудростію Кутузова.

(1) Въ городскихъ и земскихъ полицейскихъ управленіяхъ существуетъ обычай посылать, вмѣстѣ съ приказомъ, и все дѣло; это дѣлается для того, чтобъ не прописывать въ немъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, что разумѣется сокращаетъ работу канцелярій, ибо въ приказѣ прописываются лишь два слова: исполнить по такой-то резолюціи.

Долго и скучно было бы разказывать всѣ увертки, къ которымъ можетъ при нынѣшнемъ дѣлопроизводствѣ, при нынѣшнемъ состояніи общественной нравственности, прибѣгать должникъ, желающій помучить своего кредитора; эти увертки, ушата по частямъ, переносъ дѣла въ судебное мѣсто и т. п., легко могутъ протануть этотъ процессъ, который законъ именууетъ безспорнымъ, на добрые два года!.. Честный судья въ это время страдаетъ своимъ безсиліемъ, безстыдный должникъ торжествуетъ и посмѣвается надъ закономъ, раздраженный кредиторъ всюду поворачитъ и законодательство, и судей, не отличая праваго отъ виноватаго, и клянется, что впередъ безъ двойнаго залога не повѣритъ и родному брату. Какой же тутъ можетъ быть кредитъ, промышленность, духъ компанейства?..

Теперь посмотримъ, какъ разрѣшенъ былъ бы приведенный нами искъ словеснымъ порядкомъ. Не черезъ недѣлю, а въ самый день объявленія иска, копія съ документа при повѣсткѣ была бы препровождена отвѣтчику, который слѣдовательно не могъ бы и быть предупрежденъ, да притомъ ему нѣтъ пользы укрываться, потому что за это ему угрожаетъ штрафъ и опасность, что дѣло будетъ рѣшено въ его отсутствіи по однимъ показаніямъ истца. Чтò же касается до самаго производства дѣла, то въ приведенномъ нами случаѣ оно дотога просто, что словеснымъ путемъ могло бы быть кончено въ одно присутствіе. Итакъ, со дня предъявленія иска прошло бы положимъ три дня до явки тяжущихся къ суду, два дня на составленіе журнала, слѣдовательно на шестой день дѣло было бы рѣшено и объявлено тяжущимся!.. Какая быстрота!

Но затѣмъ остается приведеніе въ исполненіе приговора, и здѣсь начинается та работа перьями, та игра въ жмурки между властію и приговореннымъ лицомъ, тѣ увертки, то двойное плутовство, о которомъ мы только что говорили. Словесно ли рѣшено дѣло, при приведеніи приговора въ исполненіе все сравнивается, и замѣчается та же медленность, тѣ же затрудненія. Прибавимъ, они не прекратятся до тѣхъ поръ, пока ближайшіе исполнители не будутъ выведены изъ своего стѣсненнаго, угнетеннаго положенія между нуждою и совѣстію, между предписаніями закона и необходимостію сообразоваться съ относительнымъ общественнымъ положеніемъ людей, пока

они, эти исполнители, не перестанутъ быть голодомъ вынуждены смотрѣть на многое сквозь пальцы, и пока не только закономъ, но и начальствомъ не будутъ побуждаемы дѣйствовать одинаково какъ относительно сѣятельнаго, такъ и вообще безчиновнаго должника.

Но тутъ-то и затрудненіе.

Три четверти публики закричатъ противъ приложенія на практикѣ этого безразличія, которое всѣ въ теоріи одобряютъ; закричатъ тѣ самые, которые свысока издѣваются надъ безсиліемъ у насъ закона и надъ медленностію производства, и вотъ мы попали въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода! . .

Замѣчательно, что мы смотримъ свысока только на свой законъ и на своихъ исполнителей закона; закону чужеземному мы покоремся безпрекословно, и тотъ, кто станетъ стуломъ защищаться противъ полицейскаго офицера, безъ возраженія отправится по приглашенію какого-нибудь *commissaire de police* въ *conciergerie*. Что этому причиною? Убѣжденіе, что *маме* законъ неотразимъ какъ судьба, и еще болѣе глубокое убѣжденіе, что съ своимъ всегда возможны сдѣлки. Одинъ молодой человекъ, отправляясь за границу, спѣшилъ расплачиваться съ своими кредиторами, потому что они погрозили представить ко взысканію его заемныя письма въ Парижъ: «Тамъ шутить не станешь, говоритъ онъ, какъ разъ въ тюрьму попадешь!»

Итакъ, никакія преобразованія присутственныхъ мѣстъ и дѣлопроизводства не помогутъ въ отношеніи къ точному и быстрому исполненію законовъ, пока не утвердится честное и умное общественное мнѣніе. . . Но это не входитъ въ кругъ предположенныхъ нами изслѣдованій; что же касается до процедуры собственно, то ее можно значительно сократить учрежденіемъ словеснаго дѣлопроизводства, не дѣлая его впрочемъ обязательнымъ: пусть охотники до чернилъ и перьевъ не вопіютъ о насміи! Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что словесное производство убьетъ бюрократію, и очень скоро: доказательствомъ этому служить чувствительный перевѣсъ словесно-рѣшенныхъ дѣлъ въ коммерческихъ судахъ (1) противъ письменныхъ, и перевѣсъ этотъ ко-

(1) Въ одномъ изъ нихъ по отчету за 1856 годъ значится словесно рѣшенныхъ дѣлъ 346, письменно 123.

нечно былъ бы еще гораздо больше, еслибъ не рутина и не надежда, со стороны многихъ истцовъ, выгодноѣ обстановить сомнительный искъ хитрыми формулами письменоводства. Разумѣется, что при словесномъ производствѣ необходимо, чтобъ судьи могли безъ помощи секретаря вписывать содержаніе объявляемыхъ претензій въ судебныя книги... Но и это устранить не мудрено, если устранить принципъ сословности при избраніи въ судьи и допустить къ состязанію всѣхъ желающихъ и способныхъ. Это ясно доказываетъ примѣръ коммерческихъ судовъ, вообще пользующихся уваженіемъ, не потому что председатели и товарищи ихъ состоятъ не менѣ чѣмъ въ VI классѣ, но потому что всѣ лица, находящіяся въ этихъ условіяхъ, а не одни только купцы, могутъ подлежать избранію.

Но найдется ли достаточное количество дѣльныхъ судей для повсемѣстнаго словеснаго судопроизводства, потому что при этомъ способѣ нельзя уже будетъ рассчитывать на помощь секретарей?.. Если мы согласны допустить, что въ такомъ-то и такомъ-то судѣ истинный дѣятель есть секретарь, то ничто не измѣнится, когда этотъ самый секретарь офиціально займетъ судейское кресло. Возражать: честный, хотя и не свѣдущій судья все же можетъ своимъ вліяніемъ воздерживать злодѣйскія поползновенія знающаго, но плутоватаго секретаря. Отвѣчаемъ: невѣжествующая честность можетъ только хлопать глазами, когда ловкое мошенничество начинаетъ пускать ей пыль, и ничего не удержать, ничего не предотвратить. Да и какой же поводъ предполагать, что мы будемъ менѣ довольны одними и тѣми же лицами при словесномъ рѣшеніи дѣлъ, нежели при нынѣшнемъ, письменномъ? Напротивъ, мы будемъ болѣе довольны ими, потому что процессъ будетъ разрѣшаться безъ участія канцелярій, одними судьями,—а кто не согласится, что большая часть неприятностей, придиорокъ, затрудненій, промедленій, проистекаетъ изъ канцелярій, а не изъ присутствій? Въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ городѣ, конечно можно всегда найти двухъ, трехъ болѣе или менѣ понимающихъ дѣло и благонамѣренныхъ людей, которые притомъ, будучи прилично вознаграждены за трудъ свой, устыдятся кривить совѣстью, а есть ли возможность набрать исправныя и надежныя канцеляріи?

Что касается до судей, если они безпристрастно виднутъ въ сущность словеснаго производства, то безъ сомнѣнія сами полагаютъ его распространенія. Есть присутственныя мѣста, — не собственно судебныя, правда, но полицейскія, которыя однакожь производятъ разбирательства судебного свойства, — гдѣ присутствующіе на одно подписываніе своихъ фамилій подъ грудами журналовъ, резолюцій и исходящихъ бумагъ, должны употреблять ежедневно до трехъ часовъ времени! Три часа на чисто-механическую работу, ничѣмъ не превосходящую чиненія перьевъ или свертыванія папирозъ, потому что не только прочесть и обдумать, но даже пробѣжать глазами все то, что ежедневно подается къ подписи, нѣтъ физической возможности. Кто же въ этомъ случаѣ есть истинный двигатель? Очевидно, секретарь или даже столоначальникъ. Если встрѣтилась ошибка, обманъ, шутовство, присутствующій по совѣсти долженъ быть устраненъ отъ участія въ нихъ, но — увы! — не отъ отвѣтственности. Гдѣ рука, тамъ и голова! Такимъ образомъ дамокловъ мечъ постоянно виситъ надъ этими присутствующими. Что жъ они дѣлаютъ? Очень часто, по пословицѣ: «семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ», не читаютъ рѣшительно ничего, что подписываютъ, либо читаютъ только тѣ дѣла, которыми «интересуются».

При словесномъ производствѣ совѣтъ другое; тамъ судья отвѣчаетъ только за себя, и больше ни за что и ни за кого. Сказать: трудно людямъ перемѣнять свои привычки, и тотъ, кто скоро и бѣгло разбираетъ сложныя и толстыя дѣла, можетъ затрудниться при производствѣ словесномъ. Привыкнуть внимательно слушать — не трудно, а рѣшать по изустному объясненію совершенно такъ же легко, или такъ же трудно, какъ по написанному; напротивъ, гораздо легче сообразить дѣло, составить себѣ о немъ полное и цѣльное представленіе, если всѣ показанія и возраженія слѣдуютъ безостановочно одни за другими, непрерывною нитью, нежели выслушивать доклады «со справками» по каждому пустому отзыву, что однакожь необходимо, когда отвѣтъ получается черезъ мѣсяцъ послѣ вопроса. Замѣтимъ также: что обременяетъ вниманіе судьи, что развлекаетъ мысль, что верѣдко сбиваетъ съ надлежащаго пути самое пониманіе истины? Безполезныя подробности, ссылки, повторенія, вводныя мысли и даже обстоятельства, которыми любятъ наполнять свои прошенія

страпчествующая братія; начавши читать бумагу, поневогѣ долженъ будетъ прочесть ее всю, сплошь, и уже потомъ, по прочтеніи, замѣчаешь, что три четверти прочитаннаго, иногда съ большимъ трудомъ (потому что и каллиграфія и ореографія заодно сбиваютъ съ толку), — вадоръ; напротивъ того, адвоката, который заносится всторону, можно вовремя остановить, да онъ и не будетъ говорить посторонняго, потому что онъ человекъ знающій.

Мы дошли теперь до вопроса объ адвокатахъ, которые при словесномъ процессѣ должны замѣнять нынѣшнихъ повѣренныхъ, ходатаевъ, стряпчихъ, всѣхъ этихъ лицъ безъ наименованія, ведущихъ большую часть дѣлъ. Противъ адвокатуры, сколько мы знаемъ, существуетъ у насъ сильное предубѣжденіе. Употребляя во зло словесное объясненіе, адвокаты, говорятъ, легко могутъ представить дѣло въ превратномъ видѣ и, возбудивъ сожалѣніе, негодованіе и т. п., помрачить безпристрастное пониманіе истины. Это едва ли справедливо. Замѣтимъ впервыхъ, что это же самое обвиненіе можетъ быть приложено къ существующему нынѣ порядку, гдѣ секретари докладываютъ дѣла словесно, и притомъ съ тою разницей, что одинъ и тотъ же секретарь представляетъ объ стороны дѣла, а судья не всегда имѣетъ возможность повѣрить словесный докладъ по подлинному дѣлу. Во вторыхъ, изложеніе дѣла однимъ адвокатомъ контролируется и поправляется изложеніемъ другаго адвоката. Они не только могутъ, но должны освѣтить дѣло каждый съ своей точки зрѣнія; желательно только, чтобы сила освѣщенія была съ обѣихъ сторонъ одинакова: тогда дѣло судьи становится относительно легкимъ; что же касается до вліянія адвокатовъ на чувства и нервы, до возбужденія симпатіи или антипатіи, то это можетъ относиться только къ публикѣ, наполняющей трибуны, а не къ судьямъ, людямъ, вообще трудно потрясаемымъ посредствомъ сердечныхъ фибръ; привычка дѣлаетъ ихъ довольно равнодушными къ патетическимъ выходкамъ; напротивъ, желаніе растрогать, подѣйствовать на чувство, можетъ еще возбудить подозрительность въ опытномъ судья.

Но если риторика и поэзія адвоката есть оружіе неопасное для судьи, то нельзя не согласиться, что выраженіе сочувствія или нерасположенія публики можетъ оказать на него вліяніе, особенно при существованіи избирательнаго принципа, какъ отчасти у насъ.

Опасаясь потерять довѣренность и расположеніе избирателей, онъ легко можетъ поддаться вліянію посторонняго предубѣжденія, и это тѣмъ опаснѣе, чѣмъ менѣе публика юридически образована. Что же дѣлать? Пожертвовать этимъ принципомъ, или не допустить публичности? Боже сохрани! Мы гордимся правомъ избранія, дарованнымъ намъ нашими государями, и дорожимъ имъ; это одно изъ прекраснѣйшихъ преимуществъ нашихъ передъ многими народами западной Европы, одно изъ плодovitѣйшихъ началъ русской жизни... Что же касается до гласности судопроизводства, то не взирая на вышеприведенный, очень важный упрекъ, она составляетъ лучшее ручательство въ добросовѣстности судебныхъ приговоровъ: это истина, слишкомъ хорошо доказанная и слишкомъ извѣстная, и нечего о ней распространяться. Но если допущеніе публики присутствовать при процессахъ показалось бы на первый разъ слишкомъ рѣзкою новизною, то къ этому можно бы приступить предварительными переходами, устроить напримѣръ доступъ по билетамъ и обнародуя самые процессы въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Кажется, что совокупность этихъ двухъ мѣръ должна привести къ желаемымъ результатамъ. Если въ числѣ лицъ, предполагаемыхъ къ допущенію въ суды, будутъ люди, специально посвятившіе себя юридическимъ занятіямъ, то это было бы для нихъ наилучшею практическою школою, а чтеніе процессовъ, на которое отважатся, конечно, тоже болѣе или менѣе спеціальные люди, — послужитъ къ распространенію въ нашемъ обществѣ юридическихъ понятій, въ чемъ нынѣ чувствуется совершеннѣйшій недостатокъ, и образуетъ мало-помалу среду, изъ которой современемъ можно будетъ извлекать образованныхъ югу, такихъ, какихъ предполагаетъ англійское законодательство: а кто не знаетъ, что судъ посредствомъ присяжныхъ признанъ безспорно совершеннѣйшимъ способомъ уголовного процесса?

Но все это мы говоримъ *между прочимъ*: главная цѣль наша заключается только въ изложеніи свойствъ и непосредственныхъ послѣдствій словеснаго дѣлопроизводства. Мы старались ознакомиться съ нимъ не только по Своду Законовъ, но и на самомъ дѣлѣ, и имѣли случай слышать судоговоренье, разбирательства торговыхъ дѣлъ и процессы коммерческихъ судовъ. Здѣсь мы были свидѣтелями производства по весьма интересному, то-есть

многоцѣнному, щекотливому и довольно сложному дѣлу. Со стороны истца повѣреннымъ былъ молодой человекъ изъ числа присяжныхъ стряпчихъ, и этотъ молодой человекъ такъ обставилъ дѣло и такъ велъ процессъ, что ничего блистательнѣе, ничего лучшаго желать не оставалось. Надо замѣтить, что это былъ первый дебютъ молодаго стряпчаго; не безъ нѣкотораго, кажется, волненія началъ онъ говорить; голосъ его сначала былъ тихъ, взглядъ не имѣлъ увѣренности. Но скоро предметъ овладѣлъ имъ; во взорѣ явилась увѣренность, твердость въ голосѣ, и онъ проговорилъ около двухъ часовъ, выводя мысль изъ мысли, положеніе изъ положенія, подвигаясь сжатыми силлогизмами къ окончательному заключенію, жестоко наступая на своего противника, поражая его аргументами и документами, и ни на минуту не позволивъ себѣ выйти изъ предѣловъ необходимаго для побѣды самообладанія, изъ предѣловъ того спокойствія, того приличія, которыя, казалось бы, могутъ быть усвоены только человекомъ, давно упражняющимся въ публичныхъ преніяхъ.

Выходя изъ засѣданія, мы подумали: вотъ совершенно готовый у насъ элементъ словеснаго дѣлопроизводства! Вотъ судьби, разумѣющіе дѣло, вотъ искусный и блестящій адвокатъ; не достааетъ только двадцати, тридцати молодыхъ искателей адвокатуры, слушающихъ и соревнующихъ успѣху своего товарища.

Да, адвокатура—учрежденіе важное! Адвокатъ есть закономъ указываемый защитникъ обвиняемаго, офиціально признаваемый помощникъ обвиняющаго. Во всякой почти тяжбѣ, оба противника имѣютъ на своей сторонѣ нѣкоторую долю права и законности: вотъ эту-то долю права и законности своего кліента и эту долю неправоты противника обнаружить передъ судомъ обязанъ адвокатъ. Что онъ будетъ представлять въ преувеличенномъ видѣ правоту одной стороны и неправоту другой,—до этого нѣтъ нужды: его гиперболы суть увеличительныя стекла, сквозь которыя судья удобнѣе усмотрѣть истину. Вотъ въ чемъ состоитъ важная и полезная обязанность адвоката! Его дѣло—собрать всѣ документы, всѣ свидѣтельства, словомъ всѣ матеріальныя и моральныя доказательства въ пользу своего кліента; судья затѣмъ остается только согласовать два противоположные взгляда на одинъ и тотъ же предметъ и подобрать приличные законы.

У насъ не ясно понимаютъ различіе между адвокатомъ, по

идеямъ западно-европейскаго законодательства, и нашимъ нынѣшнимъ страпчимъ. Многіе полагаютъ, что адвокатъ, какъ страпчій, есть наемщикъ, который за извѣстную плату обязывается выиграть дѣло; если дѣло проигралось, то наемщикъ имѣетъ право взыскивать съ него за обманъ и убытки. Зablужденіе. Адвокатъ, прежде чѣмъ взяться за ходатайство, потребуетъ времени и способовъ вполнѣ ознакомиться съ вашимъ дѣломъ, рассмотреть всѣ ваши документы, взвѣситъ всѣ ваши доказательства, потому что взявшись защищать васъ, онъ является публичнымъ и официальнымъ вашимъ представителемъ, котораго репутація связана съ вашимъ успѣхомъ; по этому самому, онъ васъ не выдастъ: ибо кто же потомъ обратится къ нему?.. Если же, рассмотрѣвъ со вниманіемъ ваше дѣло, онъ находитъ невозможнымъ выиграть его, будьте увѣрены, онъ не станетъ васъ и обнадеживать, а возьмется развѣ выставить передъ судомъ въ возможной полнотѣ и яркости обстоятельства, облегчающія вашу виновность, возьмется смягчить, но не обмануть правосудіе. Поэтому есть такія дѣла, такія лица, которыхъ защищать передъ судомъ ни одинъ порядочный адвокатъ не возьмется. Извѣстенъ отвѣтъ одного адвоката господину, просившему совѣта по явно-неправому дѣлу: «le seul conseil que je puisse vous donner, c'est de vous jeter par la fenêtre.»

Похоже ли все это на нашихъ страпчихъ, ходатаевъ, повѣренныхъ и прочую братію, которая вѣтается въ канцеляріяхъ и переднихъ нашихъ присутственныхъ мѣстъ, какъ пѣявки въ болотѣ, на этихъ пауковъ, живущихъ насчетъ легковѣрныхъ мухъ, попадающихъ въ ихъ сѣти, на эту плѣсень, заводящуюся въ изгибахъ письменоводства? Если вы и не думали затѣвать процесса, страпчій подобѣетъ васъ подать прошеніе, потому что это его хлѣбъ, и онъ жуеетъ его втихомолку, спрятавшись и отъ отвѣтственности, и отъ нареканія за своимъ довѣрителемъ. На половинѣ процесса, онъ передается вашему противнику, потому что ни законъ, ни совѣтъ, ни страхъ общественнаго мнѣнія не обязываютъ его не покидать разъ принятаго знамени: онъ какъ игрокъ, которому вольно вистовать тому или другому партнеру, или лучше, какъ кондоттьери прежнихъ временъ, который продаетъ свое судѣйствіе сегодня одному, завтра другому. Оружіе страпчаго не въ знаніи законовъ, не въ искусствѣ группировать ихъ, а просто въ знакомствѣ съ канцеляріями и въ

возможности проникать въ такъ-называемую «канцелярскую тайну». Провѣдавъ, на примѣръ, что дѣло готово рѣшиться противъ его довѣрителя, которому онъ случайно остался до конца вѣренъ, онъ пишетъ новыя прошенія, хотя бы и не имѣющія никакого значенія, дѣлаетъ возраженія, хотя бы и ни на чемъ не основанныя, и тѣмъ замедляетъ составленіе непріятнаго ему журнала; подаетъ жалобы высшимъ присутственнымъ мѣстамъ и начальствующимъ лицамъ; противъ этихъ жалобъ надо давать объясненія, и рѣшеніе дѣла еще замедлилось... Затѣмъ остается ресурсъ апелляции, переноса дѣла въ новое присутственное мѣсто, гдѣ опять выдвигаются впередъ извѣстныя стряпчимъ уловки, извороты, средства промедленія!.. Такова тактика теперешнихъ нашихъ стряпчихъ, этого зловреднаго племени, которое должны бы равно ненавидѣть и публика, которую они водятъ за носъ, и присутственныя мѣста, которыя они компрометируютъ: ибо на кого падаютъ упреки въ недѣятельности, медленности, злонамѣренномъ потворствѣ? на присутственныя мѣста, а не на этихъ господъ, которые спрятаны за кулисами. Подъ предлогомъ подарковъ, угощеній и т. п., они выманиваютъ у своихъ довѣрителей значительныя суммы, которыя большею частію остаются въ ихъ карманахъ, и сколько есть почтенныхъ судей, которыхъ, безъ всякаго съ ихъ стороны повода, многіе имѣютъ право считать взяточниками: стряпчій говоритъ, что такой-то судья требуетъ столько-то; довѣритель вздыхаетъ, но даетъ, и разумѣется, не станетъ же онъ требовать росписки въ доставленіи по адресу!

Но неужели, скажутъ, достаточно объявить, что нѣтъ больше канцелярій, что тяжбы производятся на словахъ, для того чтобы теперешніе стряпчіе наши мгновенно обратились въ уваженія достойныхъ адвокатовъ? Этого мы никакъ не думаемъ, и знаемъ, что всѣ усовершенствованія совершаются медленно, исподволь. Полагаемъ однакожъ, что дѣйствительно ограниченіе канцелярій имѣло бы болѣе или менѣе прямымъ послѣдствіемъ уничтоженіе стряпчества. Эти два учрежденія тѣсно между собою связаны, одно другимъ пополняется, одно другому сочувствуетъ. Съ исчезновеніемъ канцелярій, оружіе должно выпасть изъ рукъ стряпчихъ, они должны мало-по-малу вымереть, какъ рыба въ спущенномъ прудѣ... Разумѣется, мы не говоримъ о нѣкоторыхъ заслуживающихъ уваженія личностяхъ... Нѣтъ,

мы полагаемъ, что классъ адвокатовъ долженъ возникнуть изъ совершенно-новыхъ источниковъ, изъ воспитанниковъ университетовъ, лицеевъ и училища правовѣдѣнія, людей, ознакомившихся на службѣ или иначе съ практикою; изъ лучшихъ молодыхъ чиновниковъ, для которыхъ адвокатура будетъ и почетною и выгодною карьерою, ибо тотъ, кто не согласится, хотя бы и за хорошую плату, но безвѣстно, въ тѣни своего довѣрителя сочинять ему бумаги, бѣгать по канцеляріямъ, безъ сомнѣнія не найдетъ унижительнымъ явиться дѣйствующимъ лицомъ въ процессѣ, говорить въ присутствіи свѣдущей публики и потомъ видѣть свои рѣчи обнародованными. Не есть ли это тотъ, или почти тотъ путь, по которому шли лордъ Брумъ и Беррье?

Еще два слова, и мы оканчиваемъ. Весьма важная вещь—достаточное вознагражденіе за трудъ и самый способъ его опредѣленія. О количествѣ вознагражденія мы не считаемъ себя призванными разсуждать, но о способѣ его опредѣленія полагаемъ возможнымъ выразить наше мнѣніе: самымъ лучшимъ кажется намъ тотъ, который соразмѣряетъ вознагражденіе съ трудомъ; кто больше сдѣлалъ, тотъ больше и получай. На этомъ основаніи удержаніе извѣстнаго процента съ количества иска было бы, кажется, въ дѣлахъ гражданскихъ весьма удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ нашей мысли, и какъ выборъ того или другаго присутственнаго мѣста, въ вѣдомствѣ извѣстной категоріи дѣлъ, часто зависитъ отъ истца, который можетъ начать искъ или по мѣсту жительства, или по мѣсту нахождения имущества своего противника, то естественно, что судъ, пользующійся лучшею репутациею, имѣлъ бы и большее число кліентовъ, а слѣдовательно и лучшее вознагражденіе. Это налогъ, скажутъ, на тяжущихся, а наше законодательство доставляетъ народу судъ безвозмездный. Но развѣ употребленіе гербовой бумаги не есть тоже налогъ? Съ распространеніемъ словеснаго дѣлопроизводства онъ долженъ уничтожиться: почему же не замѣнить его новымъ, имѣющимъ цѣль не только одну финансовую, но и моральную?—финансовую, потому что предоставленіемъ въ пользу суда извѣстнаго процента съ гражданскихъ исковъ, казна получаетъ возможность уменьшить или вовсе уничтожить содержаніе судей, чѣмъ конечно вознаградитъ себя за лишеніе гербоваго сбора,—моральную, потому что свяжетъ личную выгоду чиновника съ честнымъ исполненіемъ его долга.

КРИТИКА Г. КРЫЛОВА

И СПОСОБЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ „РУССКОЙ БЕСЪДЫ“¹

Послѣ нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ говорится, что мы (то-есть новые народы) въ состояніи понять древнюю греческую жизнь, потому что сами Греки намъ ее растолковали и что, кромѣ того, мы можемъ постигнуть ограниченность, потому что стоимъ на высшей точкѣ зрѣнія, христіанской, г. критикъ продолжаетъ:

«Подобно Эллинамъ, и всякій народъ обязанъ истолковать себя, оставить свою исповѣдь и передать данныя для ея оцѣнки тому народу, который вступить въ его наслѣдство. Этой обязанности нельзя возложить на другаго; ибо задача состоитъ въ обнаруженіи того, что знаетъ про себя только самъ народъ, *чего другой не знаетъ и не узнаетъ никогда безъ его посредства*. Если почему-либо самъ народъ не выполнитъ этой задачи, *или если пропадутъ памятники его слова*, въ которыхъ выражается его представленіе о самомъ себѣ, *все существованіе его останется для исторіи навсегда не разгаданною тайной*. Таково отчасти (?) наше отношеніе къ древнему Востоку».

«Итакъ народность, какъ опредѣленіе испытующей мысли, составляетъ необходимое условіе для того, чтобы выразумѣть смыслъ жизни и добыть его для науки; а для того, чтобы произнести надъ нею историческій приговоръ, иными словами, для опредѣленія ея отношенія къ будущему, нужно, чтобы мысль перешагнула за ея предѣлы и вознеслась на высшую точку зрѣнія, на которую поднимаетъ ее другая народность».

(1) См. № 16-й «Русскаго Вѣстника».

«Теперь понятно, отчего русская жизнь въ прошедшемъ и въ настоящемъ представляется отрицательной школою одними внѣшними своими признаками, какимъ-то нестройнымъ, загадочнымъ хаосомъ. Эта школа стоитъ не въ средоточіи жизни и не надъ нею, а въ сторонѣ отъ нея.»

Въ этихъ немногихъ, но многозначительныхъ строкахъ, мы видимъ приложеніе мистической метода. Если человекъ долженъ познавать всѣмъ своимъ существомъ, на основаніи цѣльнаго сочувственнаго настроенія къ предмету, то очевидно, что онъ можетъ познавать только то, чему онъ принадлежитъ всѣмъ своимъ существомъ, то—есть элементы, составляющіе основу собственной его жизни. Чужую народность мы не въ состояніи понять, ибо мы принадлежимъ не ей. Изъ этого слѣдуетъ, что какъ для отдѣльнаго человека, такъ и для цѣлаго народа единственная область мистическаго познанія есть самопознаніе.

Мы видимъ, что съ каждымъ шагомъ мистическая метода, а съ нею и народность въ наукѣ, должны заключаться въ болѣе и болѣе тѣсныхъ предѣлахъ: сначала выкинуты были науки, имѣющія предметомъ матеріальный міръ; теперь даже въ области наукъ духовнаго міра отмежевывается для каждаго народа извѣстный кругъ, которымъ онъ долженъ ограничиться. Любопытно здѣсь то, что именно въ этой-то тѣсной сферѣ познаніе всѣмъ существомъ совершенно невозможно: мистическая метода, замкнувши себя послѣдовательнымъ образомъ въ самыхъ узкихъ границахъ, принуждена въ нихъ отрицать самое себя. Но объ этомъ мы поговоримъ ниже; теперь же обратимся къ разбору положенія г. Самарина такъ, какъ оно имъ высказано.

Прежде всего надобно замѣтить здѣсь одну логическую непослѣдовательность. Если для постиженія смысла жизни нужно уразумѣть ее всѣмъ своимъ существомъ, то почему же она сдѣлается для насъ понятнѣе, когда самъ народъ выскажетъ намъ руководствовавшія имъ начала? Чтобы постигнуть смыслъ и значеніе послѣднихъ, нужно также уразумѣть ихъ всѣмъ своимъ существомъ, а это для посторонняго столь же невозможно, какъ и уразумѣніе жизненныхъ явленій чужаго народа. Если недостатокъ сочувствія къ мысли *проявляющейся* не позволяетъ мнѣ понять ея проявленія, то почему же она сдѣлается для меня доступнѣе, когда она будетъ мнѣ высказана? Сочувственнаго къ ней настроенія у меня отъ этого не прибавится. Поэтому надобно было послѣдовательнымъ образомъ сказать, что жизнь всякаго народа вѣчно остается для другаго неразгаданною тайной. Мистическая метода прямо ведетъ къ отрицанію всей исто-

рической науки. На этотъ крайній шагъ г. Самаринъ не рѣшился, что дѣлаетъ честь его умѣренности, но не говоритъ въ пользу его послѣдовательности.

Однако допустимъ это маленькое противорѣчiе, и возьмемъ мысль, какъ она есть: народность остается непроницаемою, непонятною для другихъ, пока она сама себя не выскажетъ въ памятникахъ слова. Посмотримъ на послѣдствiя такого положенiя. Извѣстный народъ живетъ, дѣйствуетъ, развивается; у него свой языкъ, своя вѣра, обряды, обычаи, нравы, учрежденiя; онъ создаетъ себѣ памятники искусства, въ немъ совершаются событiя, которыя измѣняютъ жизнь сообразно съ новыми потребностями. Во всемъ этомъ внѣшнемъ бытiи воплощается его духъ; во всемъ этомъ проявляются начала, идеи, законы, управляющiе его развитiемъ. И что же? Если онъ этихъ идей не выскажетъ намъ самъ, то мы не въ состоянiи постигнуть ихъ изъ ихъ проявленiя; слѣды, которые народъ оставляетъ по себѣ, ничего не говорятъ намъ объ его духѣ. Намъ повѣствуютъ, напримѣръ, что Финикiане бросали живыхъ младенцевъ въ раскаленное чрево своего бога, а Греки въ честь своего праздновали олимпiйскiя игры: мы изъ этого не поймемъ различiя въ миросозерцанiи обоихъ народовъ. Намъ укажутъ на различiе учрежденiй афинской демократiи, персидской монархiи, индiйскихъ кастъ: мы не поймемъ, какими началами руководствовался тотъ или другой народъ въ своей общественной жизни. Надобно, чтобы намъ эти начала, такъ сказать, въ ротъ положили тѣ самые народы, для которыхъ они составляли внутреннюю основу духовнаго ихъ естества; иначе, по увѣренiю мистической школы, они останутся для насъ вѣчно неразгаданною тайною. Странное ограниченiе познавательной силы человѣка! Въ этомъ заключается мысль, которая составляетъ можно сказать самый корень мистической школы, хотя послѣдняя до сихъ поръ не высказывала яснаго о ней сознанiя, именно: *мысль, законъ не могутъ быть познаваемы изъ ихъ проявленiя; ихъ можно открыть только непосредственными чувствами.* Но это отрицанiе всей опытной методы не только въ наукахъ историческихъ, но и въ наукахъ естественныхъ.

Изъ этого слѣдуетъ далѣе, что всѣ тѣ многочисленныя ученые, которые всю жизнь свою трудятся надъ исторiею народовъ, не оставившихъ по себѣ словесной исповѣди или не дошедшихъ до сознанiя своей сущности, что эти ученые занимаются пустою работою, стараются проникнуть въ неразгаданныя тайны. Они должны быть поставлены на ряду съ алхимиками, съ искателями философскаго камня. О, тупоумные Нѣмцы! Посмотрите, напримѣръ, на этого почтеннаго

Мёверса, который всю жизнь свою посвящаетъ изслѣдованіямъ о Финикіианхъ, заботливо отыскиваетъ малѣйшіе ихъ слѣды, пишетъ о нихъ обширныя сочиненія. Алхимикъ! Но еще тупоумнѣе Нибуръ. Римскіе историки высказали свое понятіе объ отечественной исторіи; чего бы кажется лучше? Плодъ уже созрѣлъ; только сорви его и глотай. И что же? Нибуръ утверждаетъ, что римскіе историки не понимали древней исторіи своего отечества; онъ подвергаетъ ихъ строжайшей критикѣ, отвергаетъ ихъ показанія и старается возсоздать римскую исторію не только по отрывочнымъ слѣдамъ, разбѣннымъ въ разнообразныхъ источникахъ, но даже и по аналогіи съ другими народами, притомъ не только съ сродными Греками, но и (*hottæso geferegens*) съ современными учрежденіями Дитмарсеновъ. На основаніи изреченія г. Самарина, Нибура слѣдуетъ признать за сумашедшаго.

Вообще западные ученые имѣютъ какое-то странное понятіе о народности: они вовсе не считаютъ ее непроницаемою, хотя, кажется, по собственному, долговому ученому опыту, они могли бы въ этомъ убѣдиться. Возьмемъ на примѣръ Игеринга, именно потому, что одинъ изъ сотрудниковъ «Русской Бесѣды» указываетъ на него, какъ на образецъ, и убѣждаетъ насъ у него учиться. Вотъ что говорить Игерингъ, въ одномъ изъ примѣчаній къ своей книгѣ:

«Не могу отказать себѣ въ удовольствіи сообщить здѣсь замѣчаніе одного филолога, котораго трудами я часто буду пользоваться въ продолженіи этого сочиненія, именно фонъ-Поттъ: *Этимологическія изслѣдованія объ индо-германскихъ нарѣчіяхъ*. «Обратная близорукость, говоритъ фонъ-Поттъ, которая открываетъ намъ отдаленныя точки, но не позволяетъ видѣть лежащія вблизи, проявляется въ духовной области преимущественно въ познаніи отечественнаго языка. Послѣдній представляетъ иностранцу съ перваго взгляда множество поражающихъ и выдающихся точекъ, которыя говорящій на немъ съ младенчества, именно вслѣдствіе привычки, не замѣчаетъ вовсе или замѣчаетъ съ трудомъ; первый внѣшнимъ образомъ принужденъ уже обратить на нихъ свое вниманіе, тогда какъ послѣдній долженъ возбудить въ себѣ вниманіе силою воли. Отсюда извѣстное явленіе, что обыкновенно настрающее познаніе отечественнаго языка пріобрѣтается только черезъ знакомство съ языками иностранными, и что почти труднѣе составить грамматику отечественнаго языка, нежели иностраннаго. Далѣе, человѣкъ, наилучшимъ образомъ владѣющій языкомъ, былъ бы, можетъ-быть, самымъ плохимъ грамматикомъ, и наоборотъ. Но къ чему все это? Къ тому, чтобы воспротивиться мечтамъ тѣхъ людей, которые всегда и во всемъ счита-

ютъ священнымъ авторитетъ *народнаго грамматика*. Есть однако подобные Беотійцы, и они все возвращаются, какъ ихъ прутьями ни прогоняй. — «Вмѣсто языка и народнаго грамматика, продолжаетъ Игерингъ, поставь: право и народный юристъ, и *mutato nomine de nobis fabula narratur* (съ переменной имени басня говорить о насъ)» (1).

Эти слова рекомендованнаго «Русскою Бесѣдою» ученаго должны заставить насъ нѣсколько призадуматься. Они составляютъ камень преткновенія для мистической метода и для народности въ наукѣ; ибо окончательное убѣжище послѣднихъ, непосредственное самосознаніе народа, выдается людьми опытными въ этомъ дѣлѣ за мечтательный призракъ. Мы не иначе можемъ познать самихъ себя, говорить они, какъ познавши напередъ другихъ. И не мудрено: иное дѣло жить, иное дѣло понимать жизнь; для одного требуется творческая сила, для другаго способность распознавать явленія. Всякій человѣкъ живетъ жизнью, вытекающею изъ внутреннихъ его свойствъ, но всякій ли въ состояніи истолковать себѣ эти свойства? Только столкновеніе съ другими людьми и сравненіе себя съ ними даютъ человѣку возможность понять собственные особенности:

«Der Mensch erkennt sich nur im Menschen, nur das Leben
Lehret jedem, was er sey.»

Поэтому другаго познать легче, нежели самого себя. Всякое познаніе предполагаетъ два необходимые элемента: субъектъ познающій и объектъ познаваемый. Но посторонній человѣкъ составляетъ для меня объектъ естественный, который я встрѣчаю на жизненномъ пути; себя же я въ жизни не встрѣчаю, ибо дѣятельность человѣка идетъ первоначально отъ собственнаго лица къ окружающему міру. Только столкновеніе съ вѣншнимъ объектомъ производитъ отраженіе дѣятельности, рефлексію, которая обращаетъ ее на самого дѣятеля. Для того, чтобы познавать самого себя, *я долженъ отрѣшиться отъ непосредственной своей жизни, я долженъ стать во вѣншнее положеніе относительно самого себя, я долженъ разложить себя на двѣ противоположности: на субъектъ познающій и на объектъ познаваемый*. Слѣдовательно, познать себя всѣмъ своимъ существомъ есть рѣшительная невозможность, ибо для самопознанія я долженъ *раздвоить* цѣльность своего существа, и не прежде могу это сдѣлать, какъ когда я достигну до способности нарушить эту цѣльность во имя отвлеченія. Такимъ образомъ въ этой-то именно сферѣ, въ которую она поневолѣ должна заключиться, мистическая метода

(1) Geist des römischen Rechts, B. I. S. 16.

не иначе можетъ придти къ какимъ-нибудь результатамъ, какъ отрицая самое себя.

Къ этимъ мыслямъ невольно приводитъ насъ выписанное выше мнѣніе почтенныхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Да не подумаетъ читатель, что они ратуютъ противъ народности во имя космополитизма. Напротивъ, Игерингъ выступаетъ именно во имя народности, называя ее великою идеей, которой принадлежитъ современная жизнь.

Но «Русская Бесѣда» возвышается надъ этими узкими понятіями, и возвышается мистическимъ образомъ, разомъ, безъ предварительной критики, не провѣривши даже на собственномъ опытѣ мнѣнія о непроницаемости чужой народности. Алхимія въ свое время была вытѣснена новою наукою — физикою и химіей. Но для самостоятельнаго русскаго ума не нужно такъ много работы: онъ однимъ афоризмомъ уничтожаетъ всю современную науку.

Народность дѣйствительно составляетъ великую идею современности. Вездѣ она пробуждается, поднимаетъ голосъ, предъявляетъ свои требованія. Это общее направленіе умовъ отразилось и у насъ, но, какъ водится въ обществѣ незрѣломъ, отразилось въ нѣсколько обезображенномъ видѣ. «Русская Бесѣда» всѣми силами возстае на поверхностную подражательность, на заимствованіе неусвоенныхъ мыслей, а между тѣмъ она первая грѣшитъ этими естественными качествами юности, къ которымъ присоединяется, увы! столь свойственное намъ хвастовство. Взгляните на эти смутныя мистическія представленія о народности, съ которыми «Русская Бесѣда» выступаетъ на сцену; посмотрите на это искусственное построеніе взглядовъ, на эту натянутость требованій, которыя не находятъ себѣ жизненной пищи, на отвлеченный характеръ общихъ мѣстъ, которымъ никакъ не удастся получить плоть и кровь: во всемъ этомъ замѣтны признаки понятія, которое не вытекло изъ жизни, но занято у другихъ и плохо переварено. Обыкновенно, когда младенецъ поражается новымъ предметомъ, онъ представляетъ его себѣ въ преувеличенномъ видѣ. Такъ и у насъ, народность является въ гигантскихъ размѣрахъ, вводится въ области, ей не свойственныя, объявляется чѣмъ-то замкнутымъ, непроницаемымъ, непонятнымъ для постороннихъ; собственная народность ставится на неизмѣримую высоту; въ ней мы видимъ сѣмена развитія, невѣдомаго остальному человѣчеству. Во всемъ этомъ господствуетъ странная неопредѣленность понятій и почти невѣроятное отсутствіе доказательствъ. Довольствуясь громкимъ провозглашеніемъ начала народности, «Русская Бесѣда» не заботится даже объ анализѣ этого понятія, не считаетъ нужнымъ прослѣдить историческія его проявленія. Отрывочныя мысли даются намъ въ отрыв-

вочной формѣ, и это полагаютъ достаточнымъ для основанія новаго ученія, для пробужденія въ народѣ самосознанія.

Отсюда прористекаютъ такія противорѣчія, которыя читатель тщетно старается себѣ разъяснить. Повидимому народность составляютъ тѣ начала, которыя опредѣляютъ особенность именно *этого* народа, которыя отличаютъ его отъ другихъ и выражаютъ творческую его способность; а между тѣмъ основаніемъ русской народности поставляется православная вѣра, то-есть религія, общая нѣсколькимъ народамъ, и по существу своему не народная, а возвышенная всему человѣчеству. Если, какъ говорить «Русская Бесѣда», народность должна проявляться, какъ нѣчто цѣльное во всѣхъ жизненныхъ сферахъ, то какимъ образомъ кореннымъ ея началомъ можетъ быть вѣра, не допускающая примѣси народныхъ элементовъ? Если самобытное воззрѣніе народа, прористекающее изъ творческой силы его духа, составляетъ неотъемлемое его достояніе, то всякая христіанская проповѣдь нарушаетъ этотъ законъ, ибо она требуетъ одинаковыхъ вѣрованій, одинаковаго исповѣданія отъ всѣхъ. «Русская Бесѣда», съ одной стороны, отвергаетъ всякое постороннее вліяніе, какъ нарушеніе народной самостоятельности, а съ другой стороны провозглашаетъ основаніемъ народности вѣру, принятую отъ другихъ, сохранившуюся чистою отъ народной примѣси, и ознаменовавшую свой путь постоянною борьбою съ тѣми вѣрованіями и воззрѣніями, которыя вытекли изъ самой жизни народа. Наконецъ, если православная вѣра составляетъ основаніе русской народности, то почему же послѣдняя можетъ остаться непонятною для другихъ? Христіанство возвыщаетъ себя вразумительно даже для младенцевъ. Поэтому всякій, къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ, кто пойметъ православную вѣру, пойметъ и русскую народность; послѣдней не для чего даже высказывать сознание о себѣ, ибо руководящія ею начала высказываются помимо ея. Гдѣ же во всемъ этомъ народная непроницаемость? Какъ разрѣшить эти противорѣчія?

Дѣло въ томъ, что при неясности понятій основаніе народности полагается христіанское, а понятіе о народности остается частію языческимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда мы изучаемъ исторію, мы не можемъ не замѣтить различія народностей древнихъ и новыхъ. Древняя народность точно является чѣмъ-то замкнутымъ, цѣльнымъ; она насквозь проникнута извѣстными началами, вѣрованіями, воззрѣніями, съ появленіемъ которыхъ она рождается, съ исчезновеніемъ которыхъ она умираетъ. Тѣ древніе народы, которые менѣе податливы были

на чуждое вліяніе, сохранили неизмѣнными свои жизненныя формы въ продолженіи нѣсколькихъ тысячелѣтій; доселѣ они остаются какъ окаменѣвшіе остатки древнѣйшаго человѣчества. Напротивъ, тѣ народы, которыхъ характеръ имѣлъ болѣе гибкости, болѣе ширины, допустили въ себѣ чужеродное вліяніе, но тѣмъ самымъ они подорвали собственное существованіе и исчезли съ историческаго поприща, приготовивъ начала новой жизни. Таковы были Греки и Римляне.

Совсѣмъ другое мы видимъ въ новомъ мірѣ, возникшемъ на христіанской почвѣ. Христіанство, по существу своему религія общечеловѣческая, расширило тѣсный кругозоръ древнихъ вѣрованій, установило общеніе между всѣми людьми и сдѣлало невозможными замкнутыя формы древнихъ народностей. На христіанской почвѣ возникли новыя народности, которыхъ сущность состоитъ именно въ этомъ взаимномъ общеніи, которыя дружнымъ дѣйствіемъ вырабатываютъ начала, общія для всѣхъ. Какъ скоро одна изъ нихъ заколеблется въ особенной, народной формѣ, такъ является чужестранное вліяніе, которое разбиваетъ эту тѣсную рамку, и даетъ народу возможность двигаться далѣе по общему пути. Новая народность, допустившая въ себѣ постороннія вліянія, не уничтожается чрезъ это какъ древній язычникъ. Для нея прикосновеніе посторонняго воздуха не есть гибельная язва, ибо она умѣла переломить въ себѣ этотъ недугъ не изверженіемъ чужеродныхъ элементовъ, а усвоеніемъ себѣ ихъ сущности. Поэтому она во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ обновляется, черпаетъ новыя силы въ этомъ взаимномъ общеніи мыслей, чувствъ, дѣятельности; она, при всѣхъ измѣненіяхъ, является вѣчно-юною, вѣчно-готовою на дальнѣйшій путь, на новую борьбу. Но если такимъ образомъ исторія показываетъ намъ, что существенный признакъ новыхъ народностей, существенное отличіе ихъ отъ древнихъ состоитъ въ этомъ взаимномъ общеніи, въ этой разработкѣ жизненныхъ началъ и формъ дружными силами, то ясно, что народъ, который хочетъ играть роль въ новой исторіи, долженъ прежде всего примкнуть къ общему союзу. Поэтому мы съ радостью привѣтствуемъ то время, когда Русскій народъ самъ созналъ потребность этого общенія, самъ пошелъ искать просвѣщенія у старшихъ своихъ братьевъ, и тѣмъ заявилъ себя народомъ новымъ, европейскимъ; доказалъ свое право на всемірно-историческое значеніе. Потому мы съ сочувствіемъ смотримъ и на древнюю Русь, которая приготовила этотъ подвигъ, которая собственнымъ развитіемъ пришла къ сознанию несостоятельности своей особой жизни. Вступивъ въ ряды европейскихъ народовъ, допустивъ въ себѣ чуже-

земное вліяніе, Россія не лишилась своей національности, но она подверглась и еще подвергается необходимому процессу воспитанія, ибо только усвоивъ себя просвѣщеніе, выработанное общими силами человѣчества, можетъ она стать на ряду съ другими, а пожалуй, со временемъ и превзойдетъ ихъ.

Неужели же мы, сыны новой Россіи, поклонники общечеловѣческаго просвѣщенія, упали такъ низко, что не въ состояніи понять даже прошедшую исторію своего народа? «Русская Бесѣда» утверждаетъ это положительнымъ образомъ. «Отрицательная школа, говоритъ г. Самаринъ, стоитъ не въ средоточіи жизни и не надъ нею, а въ сторонѣ отъ нея». Страшный приговоръ! лишить національности цѣлую школу изслѣдователей, объявить ихъ неспособными сочувствовать прошедшей и настоящей жизни своего отечества, да это самое ужасное обвиненіе, какое только можно взвести на человѣка! Вѣроятно, оно кинуту не голословно, не наобумъ, не на основаніи какихъ-нибудь тамъ и сямъ собранныхъ признаковъ; вѣроятно, упрекъ основанъ на твердыхъ доказательствахъ, на подробномъ и основательномъ разборѣ мыслей своихъ противниковъ, на глубокомъ знаніи отечественной исторіи, которой внутренній смыслъ, скрытый для обвиненныхъ, открытъ сочувственному оку обвинителя. Иначе такое нареканіе было бы непростительнымъ легкомысліемъ.

Посмотримъ же, на какихъ данныхъ г. Самаринъ основываетъ свой приговоръ.

Главный признакъ, на который критикъ опирается въ своемъ сужденіи, состоитъ въ томъ, что, по его мнѣнію, выводы тѣхъ изслѣдователей, которыхъ онъ имѣетъ въ виду, постоянно носятъ на себѣ отрицательный характеръ. «Они, говоритъ критикъ, оторвавшись отъ народной почвы, приносятъ къ изученію отечественной исторіи полученный извнѣ масштабъ, и такъ какъ онъ къ древней Россіи оказывается непримѣнимымъ, то русская жизнь опредѣляется не столько по тѣмъ даннымъ, которыя въ ней *есть*, сколько по тѣмъ, которыхъ въ ней *нѣтъ*, и которыми, по субъективному убѣжденію изучающихъ ее, слѣдовало бы непременно въ ней быть.» Этотъ способъ изслѣдованія объясняется примѣромъ Лапландца, который, будучи перенесенъ въ Африку, прежде всего замѣтитъ, что это земля, въ которой нѣтъ ни снѣга, ни трескучихъ морозовъ. Итакъ посмотримъ, точно ли выводы носятъ на себѣ отрицательный характеръ. Г. Самаринъ приводитъ нѣсколько примѣровъ; переберемъ ихъ одинъ за другимъ.

« Въ концѣ своей книги о русской администраціи, говоритъ критикъ, г. Чичеринъ сводитъ итогъ своихъ разысканій, и передъ

читателемъ является длинный перечень всего, неказавшагося въ наличности. Отсутствие союзнаго духа, отсутствие систематическаго законодательства, отсутствие общихъ разрядовъ и категорій, отсутствие юридическихъ началъ и юридическаго сознанія въ народѣ, отсутствие общихъ соображеній, отсутствие теоретическаго образованія и еще нѣсколько другихъ отсутствій удалось отмѣтить г. Чичерину на переключкѣ учреждений до-петровской Руси. Такъ что же наконецъ въ ней присутствовало? Вѣдь жизнь народа не можетъ наполняться тѣмъ, чего въ ней нѣтъ, или чего мы въ ней не нашли. Должны же мы допустить въ ней и положительное содержаніе, да и самое множество дѣйствительно или мнимо отсутствующихъ въ ней началъ можетъ быть понято только какъ признакъ рѣшительнаго преобладанія какихъ-либо другихъ творческихъ силъ. Къ сожалѣнію, ихъ то мы и не видимъ.»

На этотъ разъ могу успокоить г. Самарина: сожалѣніе его совершенно напрасное. Если критикъ видитъ одни отрицательные признаки, то это единственно потому, что онъ не потрудился прочесть съ должнымъ вниманіемъ даже общаго заключенія къ книгѣ, которую онъ подвергаетъ такому строгому осужденію. Прежде всего замѣчу, что здѣсь дѣло идетъ не обо всей народной жизни и не о творческихъ силахъ народа вообще, а единственно о государственной администраціи. Какіе же отличительные признаки до-петровской администраціи выставилъ я въ заключеніи къ своей книгѣ?

Первый признакъ состоитъ въ преобладаніи государственнаго начала; главное, что имѣлось тогда въ виду, было устройство общаго союза, а частные союзы служили ему орудіемъ. Кажется, это черта положительная. Второй признакъ состоитъ въ господствѣ системы повинности, которая распространялась на всѣ учрежденія. Кажется, это тоже выводъ положительный. Третій признакъ состоитъ въ томъ, что государство, съ цѣлію усилить свою дѣятельность, сосредоточивало всѣ отрасли управленія въ рукахъ одного, назначеннаго имъ областнаго правителя—воеводы. Эти три существенныя черты московской администраціи стоятъ у меня *на первомъ планѣ, прежде всего дружно*. Но г. Самаринъ не видитъ ихъ, а замѣчаетъ только признаки отрицательные, и даже изъясняетъ объ этомъ сожалѣніе. Что же это однако за отрицательные признаки? Всѣ они въ книгѣ сводятся къ одному: отсутствіе государственной системы, и этотъ признакъ является послѣдствіемъ самаго способа дѣйствія московскихъ государей: они управляли не столько общими мѣрамі, сколько частными, администрація руководствовалась не столько законами, сколько распоряженіями. Кажется, это преобладаніе практическаго хода надъ

теоретическимъ, частныхъ мѣръ надъ общими, составляетъ черту положительную, а она-то и лежитъ въ основаніи сужденія. Признаніе въ до-петровской Россіи отсутствія государственной системы возникло вовсе не изъ приложенія къ ней заморскаго масштаба, а просто изъ сравненія предыдущаго періода съ послѣдующимъ. Съ Петра Великаго мы замѣчаемъ преобладаніе общихъ мѣръ, систематическаго законодательства; до него правительство дѣйствовало болѣе частными мѣрами. Последнее отнюдь не составляетъ обвиненія на древнюю Россію. Это вовсе не требованіе такихъ началъ, которымъ непремѣнно слѣдовало въ ней быть. Это просто выраженіе самаго естественнаго историческаго хода: государство возникающее, которое устривается мало-по-малу, не можетъ разомъ достигнуть до систематическаго порядка учреждений; сначала оно дѣйствуетъ ощупью, частными мѣрами, и только путемъ медленнаго развитія приходитъ къ сознанію о необходимости общихъ нормъ, общаго порядка, соотношенія всѣхъ частей. Еслибы критикъ хотѣлъ разобрать дѣйствительную мысль автора, то онъ, конечно, выставилъ бы это на видъ. Но обо всемъ этомъ благоразумно умалчивается; всѣ положительные признаки *опускаются*, а отрицательные собираются тщательнымъ образомъ, отрѣшенно отъ общаго хода мысли. Неужели же мы можемъ назвать это безпристрастіемъ? Неужели вся задача критика состояла въ томъ, чтобы собрать кой-какія данныя для составленія обвинительнаго акта противъ литературныхъ противниковъ?

Но обратимся къ другимъ примѣрамъ. «Нигдѣ, говоритъ г. Самаринъ, это отношеніе проложительныхъ выводовъ къ отрицательнымъ не выступаетъ такъ ясно, какъ въ приведенномъ сравненіи между учреждениями до-петровской Руси и западно-европейскими. Хотя повидимому авторъ указываетъ на послѣднія только для того, чтобы яснѣе опредѣлить характеръ первыхъ, однако на дѣлѣ выходитъ обратное. Послѣднія выступаютъ своими положительными сторонами, и вы видите ясно, что въ нихъ есть, а первые только отгнѣняютъ ихъ, обозначаясь единственно тѣмъ, чего въ нихъ нѣтъ.»

Но какой же существенный выводъ сдѣланъ я изъ этого сравненія средневѣковыхъ учреждений западной Европы и Россіи? То, что основныя начала общественнаго быта и здѣсь и тамъ были *тождественны*; господство частнаго права является общимъ, отличительнымъ признакомъ тѣхъ и другихъ. Можно съ этимъ спорить, можно сказать, что выводъ сдѣланъ неправильно, но во всякомъ случаѣ, гдѣ же тутъ неприложимое мѣрило, гдѣ отрицательность выводовъ? гдѣ требованія такихъ началъ, которыхъ нѣтъ и которыми непре-

тѣнно слѣдуетъ быть? Кромѣ тождества, въ означенномъ сравненіи опредѣляется и различіе: оно состояло въ томъ, что на Западѣ отношенія, возникшія изъ частнаго права, имѣли характеръ постоянный, наследственный, а у насъ временный; отсюда на Западѣ бѣльшая крѣпость союзовъ, на Руси бѣльшая независимость личности. Кажется, и здѣсь положительныя и отрицательныя начала распределяются на обѣ стороны, и древняя Русь обозначается не однимъ тѣмъ, чего въ ней нѣтъ. Но г. Самаринъ, вырвавши изъ общаго хода мысли отдѣльный примѣръ, представляетъ его въ слѣдующемъ видѣ: «У насъ, какъ извѣстно, крестьяне селились, гдѣ хотѣли, по вольному ряду, обязывались исправлять опредѣленныя повинности на владѣльцевъ и въ извѣстный срокъ могли сходить съ земли; на Западѣ они были лишены всѣхъ этихъ правъ. Здѣсь повидимому является у насъ положительное право, а на Западѣ насильственное его отрицаніе. Но и въ этомъ случаѣ мысль, пріобыкшая подмѣчать въ явленіяхъ нашей исторіи только одно отрицаніе западныхъ, не измѣнила себя. Въ отношеніи землевладѣльцевъ къ крестьянамъ г. Чичеринъ выдвигаетъ, какъ существенный моментъ, ихъ прочность, крѣпость и наследственность, а у насъ отсутствіе этой прочности, недостатокъ крѣпости, шаткость и привременность.»

Напротивъ, я прямо говорю, что, вступая въ договоры временныя, крестьяне сохраняли свою личную независимость, и вывожу изъ этого, что въ средневѣковой Руси личная независимость была болѣе развита, нежели на Западѣ. Но съ другой стороны прочность отношеній, которая вытекала изъ укрѣпленія крестьянъ на Западѣ, составляла явленіе положительное, которое имѣло множество послѣдствій, и на которомъ нельзя было не остановиться. Указывая на это отсутствіе прочно образовавшихся союзовъ у насъ, я вовсе не имѣлъ въ виду выставить недостатки древней Руси въ противоположность Западу; г. Кавелинъ упрекалъ меня даже въ томъ, что я первую поставилъ слишкомъ высоко въ сравненіи съ послѣднимъ. Но это было необходимо для объясненія дѣятельности московскихъ государей, что составляло главную задачу моего сочиненія. Здѣсь предстояло разрѣшить вопросъ: почему западные государи, установляя государство, нашли такую твердую почву, съ которою они должны были бороться, то-есть дѣйствовать *отрицательно*, а московскіе государи, напротивъ, нашли такую мягкую почву, на которую они должны были дѣйствовать образовательно, то-есть *положительно*? При сравненіи учреждений западныхъ и русскихъ, у меня *перевѣсъ положительной дѣятельности выставляется именно на сторону московскихъ государей*; но объ этомъ также благоразумно умалчи-

вается, ибо московскіе государи принадлежали къ Россіи до-петровской, и еслибы г. Самаринъ рѣшился упомянуть объ этомъ обстоятельстве, то весь его обвинительный актъ разлетѣлся бы въ прахъ. Въ настоящемъ примѣрѣ мы видимъ, что московскіе государи укрѣпили крестьянъ. Что же, еслибы я прежній переходъ, согласно съ требованіемъ г. Самарина, выставилъ какъ нѣчто положительное, а укрѣпленіе на Западѣ, какъ отрицаніе права? Въ такомъ случаѣ я долженъ бы и укрѣпленіе, совершенное московскими государами, вытекшее изъ внутренняго развитія древней Россіи, выставить какъ отрицательное дѣйствіе. О, какіе возгласы подняли бы тогда критики! Вотъ, сказали бы, человекъ отрицательнаго направленія! Московскіе государи укрѣпили крестьянъ, исполненіе этой мѣры стоило страшныхъ усилій, она измѣнила всю судьбу сословій, имѣла значительное вліяніе на смуты междуцарствія, на всю послѣдующую исторію, и до сихъ поръ еще существуетъ, какъ наслѣдіе старины, котораго уничтоженіе составляетъ одну изъ существенныхъ задачъ современной жизни, а онъ все это сводитъ къ отрицательному признаку! Замѣчу въ добавокъ, что въ другомъ мѣстѣ своей статьи г. Самаринъ упрекаетъ меня въ томъ, что я, говоря объ укрѣпленіи крестьянъ въ Россіи, не обратилъ вниманія на одну изъ существенныхъ его причинъ, на желаніе сохранить прочность отношеній крестьянъ къ землѣ, то-есть именно то начало, которое я долженъ былъ выставить на Западѣ какъ насильственное отрицаніе права. Видно, при составленіи обвинительныхъ актовъ, нѣтъ даже нужды соглашать между собою различныя возраженія.

Однако, утверждая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ положительнымъ образомъ, что большинство новыхъ русскихъ изслѣдователей ограничиваются въ своихъ трудахъ одними отрицательными выводами, г. Самаринъ въ другихъ мѣстахъ допускаетъ, что у нихъ есть и положительные. Но эти выводы, по его мнѣнію, обязаны своимъ происхожденіемъ отрицанію; это блѣдная, безцвѣтная изнанка, это затычка, употребленная единственно для того, чтобы выставить отсутствіе того или другаго начала. «Такъ, говоритъ г. критикъ, и у г. Чичерина, теорія о господствѣ начала личности употреблена, какъ будто для затычки; это натянутое послѣдствіе мнимаго отсутствія союзнаго духа, и оттого напрасно бы мы стали искать въ его книгѣ слѣдовъ творческой силы личности и положительнаго ея участія въ развитіи государства и общества.» А что же такое отъѣзды бояръ и переходы крестьянъ, какъ не выраженіе личной независимости? И когда мы видимъ подобныя явленія въ исторіи, что мы должны изъ нихъ вывести, какъ не существованіе въ то время начала личной незави-

симости? Но г. Самаринъ и здѣсь ничего не видитъ, ибо глаза критика открыты только для отрицательныхъ признаковъ. Потому и дуть, которымъ авторъ пришелъ къ тому или другому результату, остается для него темнымъ. Въ книгѣ начало личности прямо выводится изъ господства частнаго права въ общественной жизни, а послѣднее выводится изъ разбора учреждений того времени. Правильно ли сдѣланъ выводъ, это другой вопросъ; объ этомъ можно спорить. Но нельзя говорить, что господство личности выведено изъ отсутствія союзнаго духа, ибо это противорѣчитъ истинѣ.

Еще болѣе странно сужденіе г. Самарина о родовомъ бытѣ. Г. критикъ говоритъ, что ученіе о родовомъ бытѣ было послѣдствіемъ замѣченнаго изслѣдователями отсутствія личности въ древней Россіи; онъ упоминаетъ о г. Кавелинѣ, который, какъ извѣстно, отправляясь отъ родового быта, утверждалъ, что существенное значеніе древней русской исторіи состояло въ развитіи личности. Въ этой ссылкѣ мнѣніе критика какъ будто бы находитъ себѣ подтвержденіе. Но вотъ бѣда: ученіе о родовомъ бытѣ началось не съ г. Кавелина, а съ ученаго Эверса, который о личности не думалъ, а прямо выводилъ родовой бытъ изъ тогдашняго общества. Одновременно съ г. Кавелинымъ началъ разрабатывать родовой бытъ и г. Соловьевъ, который также не говоритъ ни объ отсутствіи, ни о развитіи личности. Все это, безъ сомнѣнія, должно быть извѣстно г. Самарину. Отчего же объ этомъ умалчивается, а выставляется на видъ одна теорія г. Кавелина? Опять мы видимъ здѣсь благоразумный выборъ тѣхъ данныхъ, которыя могутъ сколько-нибудь подкрѣпить обвиненія г. критика.

Вотъ и всѣ доводы г. Самарина. Но чтò же достигается наконецъ такимъ, смѣю сказать, не совсѣмъ рыцарскимъ обращеніемъ съ мыслями противниковъ? Критикъ желаетъ доказать, что положительные выводы у исторической школы добываются *черезъ посредство отрицанія*. Положимъ, такъ. Чтò же дальше? Можетъ ли это служить признакомъ того, что историческая школа не въ состояніи понять древнюю Русь, потому что измѣряетъ ее на неприменимый къ ней масштабъ? Не только первое положеніе не можетъ служить основаніемъ послѣднему, но тотъ самый способъ изученія исторіи, который г. Самаринъ выставляетъ, какъ упрекъ, какъ признакъ неспособности къ познанію, въ сущности есть величайшая похвала. Еслибы критикъ, вмѣсто того, чтобы довольствоваться примѣромъ Лаплаанда, перенесеннаго въ Африку, потрудился познакомиться съ приемами опытной методы, той методы, которая идетъ *не отъ началъ къ явленіямъ, а отъ явленій къ началамъ*, еслибы онъ

не забылъ Бэкона, также какъ онъ прежде забылъ Гизо, то онъ безъ сомнѣнія вспомнилъ бы, что главное орудіе опытной методы есть наведеніе, а первый признакъ точнаго и правильнаго наведенія есть *добываніе положительныхъ признаковъ чрезъ посредство отрицательныхъ.*

Вотъ что говоритъ объ этомъ творецъ правильной опытной методы, Бэконъ:

«Когда факты собраны, надобно приступить къ наведенію. Но если разумъ будетъ пытаться съ самаго начала дѣйствовать *положительно* (что онъ всегда имѣетъ обыкновеніе дѣлать, когда онъ предоставленъ самому себѣ), то произойдутъ фантастическія представленія, мнѣнія и понятія, плохо опредѣленные, и положенія, которыя надобно исправлять ежедневно, развѣ предпочтутъ, по примѣру схоластиковъ, препираться о ложномъ. Однако эти выводы безъ сомнѣнія будутъ лучше, или хуже, смотря по способности и по силѣ дѣйствующаго ума. Вообще же только Богу, Творцу формъ (1), да можетъ быть ангеламъ и чистымъ духамъ, принадлежитъ непосредственное познаніе формъ черезъ утвержденіе и съ самаго начала созерцанія. Но навѣрное это выше человѣческихъ способностей; человѣку дано только дѣйствовать сначала черезъ *отрицаніе*, и потомъ уже въ результатѣ онъ придетъ къ *положительнымъ* выводамъ, послѣ всевозможныхъ исключеній.

«Такимъ образомъ надобно сначала раздѣлить и разложить данную природу вещи, не огнемъ конечно, а разумомъ, какъ бы божественнымъ огнемъ. Итакъ первое дѣло *истиннаго наведенія*, которое имѣетъ цѣлью открыть сущность вещи, есть *исключеніе неподходящихъ началъ*... Потомъ уже послѣ исключеній, сдѣланныхъ надлежащимъ образомъ, останется, восторыхъ, какъ бы въ основаніи (послѣ того, какъ легкомысленныя мнѣнія исчезнутъ, какъ дымъ) сущность положительная, прочная, истинная и хорошо опредѣленная» (2).

Постараемся объяснить это болѣе вразумительнымъ образомъ для читателей, не совсѣмъ знакомыхъ съ предметомъ. Извѣстное явленіе дается для изученія; задача состоитъ въ томъ, чтобы понять его сущность, открыть начало, имъ управляющее. Но такихъ началъ безчисленное множество; тотъ или другой случайный признакъ можетъ при поверхностномъ взглядѣ навести насъ на ту или другую мысль. Переходя отъ одного впечатлѣнія къ другому, умъ блуждаетъ

(1) Подъ этимъ словомъ разумѣются начала, законы, сущность явленій.

(2) *Novum organum lib. I, aph. XV и XVI.*

по бесконечности и не имѣть твердаго основанія, почему бы ему остановиться на той или другой точкѣ. Чтобы прекратить это блужданіе, необходимо прежде всего отбросить все, что не принадлежитъ къ предмету изученія, отмежевать поле для изслѣдованія, однимъ словомъ, опредѣлить предметъ отрицательнымъ образомъ. Какъ землемеръ, которому предстоитъ измѣрить извѣстное пространство, долженъ прежде всего протянуть нити, которыя ограничить его со всѣхъ сторонъ, такъ и изслѣдователь, если онъ хочетъ достигнуть точности въ изученіи предмета, долженъ протянуть умственные линіи, которыя отдѣлять его отъ смежныхъ областей. Съ этою цѣлью мы беремъ извѣстныя намъ явленія, которыя находятся въ соприкосновеніи съ настоящимъ предметомъ изслѣдованія, или кажутся намъ болѣе или менѣе сходными съ послѣднимъ, и начинаемъ сравнивать ихъ между собою. Внимательное сравненіе тотчасъ обнаружитъ различіе: мы увидимъ, чѣмъ изучаемый предметъ *отличается* отъ прочихъ, какіе признаки извѣстныхъ намъ явленій оказываются къ нему неприложимыми, гдѣ граница сравниваемыхъ предметовъ. Чѣмъ болѣе мы станемъ дѣлать сравненій и исключеній, тѣмъ точнѣе мы опредѣлимъ самое содержаніе предмета, тѣмъ ближе мы подойдемъ къ его сущности. Ибо, по извѣстному философскому изреченію, всякое опредѣленіе есть отрицаніе (*omnis determinatio est negatio*); познаніе границы даетъ намъ познаніе свойства; отличіе отъ другихъ, даетъ намъ особенность, которую мы ищемъ. Эти понятія такъ элементарны, что странно на нихъ останавливаться. Возьмемъ примѣръ. Положимъ, что мнѣ нужно изучить удѣльную Русь. Я тотчасъ начинаю сравнивать ее съ явленіями, близлежащими по времени, или аналогическими по содержанію; черезъ это я въ состояніи точнѣе опредѣлить, съ одной стороны, чего въ ней не должно искать, съ другой стороны, тѣ начала, которыя въ ней заключаются. Мнѣ скажутъ: вы приносите въ изученіе предмета готовое мѣрило, къ которому данное явленіе не подходитъ; вы становитесь на точку зрѣнія Московской Россіи или Западной Европы и требуете отъ удѣльной Руси то, чего въ ней не было, о чемъ она и не думала. Отвѣчаю: я ровно ничего отъ нея не требую, но мнѣ именно нужно знать, что въ ней этого не было, и что она объ этомъ не думала, ибо это служитъ для опредѣленія ея фizioноміи. Дѣйствуя такимъ образомъ, я не смотрю ни съ настоящаго на прошедшее, ни съ прошедшаго на настоящее, ни съ точки зрѣнія одной народности на другую; я просто *сравниваю* и изъ сравненія вывожу различіе и аналогію. Если мнѣ удастся точно и вѣрно опредѣлить какой-нибудь отрицательный признакъ, то это будетъ уже приобрѣтеніемъ для

науки, ибо этимъ пресѣчется цѣлый рядъ возможныхъ ошибокъ. Такъ напримѣръ, еслибы мнѣ удалось доказать очевиднымъ образомъ, что въ удѣльной Руси нечего искать государственныхъ началъ, то этимъ разомъ пресѣклись бы всѣ тѣ странныя сужденія о древней Россіи, которыми «Русская Бесѣда» переполняетъ и, вѣроятно, долго еще будетъ переполнять свои страницы. Тогда силы изслѣдователей обратились бы въ другую сторону, обещающую болѣе плодотворныхъ результатовъ, и наука русской исторіи скорѣе бы подвинулась впередъ. Но «Русская Бесѣда» слышать не хочетъ объ отрицательныхъ признакахъ, о точномъ опредѣленіи предмета изслѣдованія; давно-прошедшую жизнь она силится постигнуть непосредственнымъ къ ней сочувствіемъ, а сочувствіе требуетъ, чтобы все въ любимомъ предметѣ было хорошо. Потому «Русская Бесѣда» считаетъ совершенно неприличнымъ, чтобы когда-либо въ Россіи не было государства, и всякую подобную мысль выдаетъ за клевету на древнюю Русь, за желаніе унижить ея достоинство. Чтѣ прикажете дѣлать съ подобнымъ способомъ изслѣдованія!

Но отрицательные признаки имѣютъ въ исторіи и другое значеніе. Они не только служатъ пріемомъ, посредствомъ котораго наблюдатель опредѣляетъ предметъ изученія; они кромѣ того выражаютъ собою настоящее жизненное явленіе. Развитіе народной жизни совершается не только въ видѣ нарастанія, какъ органической процессъ; въ немъ происходятъ измѣненія формъ и началъ, а всякая перемѣна есть *отрицаніе* прежняго. Народное развитіе можно сравнить съ возрастами человѣческой жизни, но при этомъ не надобно забывать, что самые возрасты различаются между собою не только *количественно*, *степенью* развитія силъ, но и *качественно*, *перемѣной* стремленій, понятій, возрѣній. Младенчеству принадлежитъ слитное созерцаніе жизни, въ которомъ не выдѣлились еще разнообразныя стремленія, не разыгрались страсти, не возбудилась способность къ отвлеченной мысли; въ немъ всѣ элементы человѣческой жизни состоятъ еще въ ненарушимой гармоніи. Въ юности, напротивъ, является разладъ съ самимъ собою, борьба противоположныхъ элементовъ, огонь неудержимыхъ и исключительныхъ страстей, стремленіе къ неосуществимому идеалу, рядомъ съ неумѣніемъ разумнымъ образомъ устроить свою жизнь. Зрѣлому возрасту принадлежитъ сосредоточенность въ себѣ, отысканіе въ жизни твердой точки опоры, къ которой сводятся всѣ разрозненные нити человѣческаго существованія. Подобныя перемѣны происходятъ и въ народѣ. Поэтому, когда мы, для объясненія какого-нибудь историческаго явленія, скажемъ, что народъ въ это время былъ юнъ, мы этимъ

ничего еще не объяснимъ: надобно указать, изъ какихъ именно началъ, принадлежащихъ этому возрасту, истекло означенное явленіе. Когда мы скажемъ, что народъ сталъ зрѣлѣе, мы опять дадимъ объясненіе слишкомъ общее: надобно именно указать, какія новыя начала вытѣснили прежнія. Въ народѣ, какъ и въ человѣкѣ, количественный процессъ возмужанія самъ собою переходитъ въ качественную перемѣну. Народъ самъ совершаетъ отрицаніе своего прошлаго, самъ произноситъ надъ нимъ судъ, объявляя его недостаточнымъ для дальнѣйшаго развитія. Обыкновенно это отрицаніе совершается въ томительномъ недугѣ и упорною борьбой. Всякое дальнѣйшее движеніе является сначала какъ *потребность*, то - есть какъ ощущеніе недостатка, какъ отсутствіе чего-либо существеннаго въ жизни. Потребность рождаетъ *стремленіе* къ восполненію недостатка, стремленіе является какъ *борьба* съ прежнимъ порядкомъ, который, окрѣпнувши въ своихъ формахъ, не даетъ мѣста новымъ началамъ; а борьба кончается побѣдою того элемента, который имѣетъ въ народѣ болѣе силы. Такимъ образомъ старое замѣняется новымъ, и народъ переходитъ отъ однихъ жизненныхъ началъ къ другимъ. Обязанность историка прослѣдить, въ качествѣ наблюдателя, этотъ историческій ходъ, этотъ неудержимый процессъ жизни. Онъ отмѣчаетъ на своихъ скрижаляхъ то отрицаніе, которое самъ народъ совершаетъ надъ собою. Поэтому, при изученіи извѣстной эпохи, предшествующей новому порядку, историкъ долженъ выразумѣть ту потребность, *тотъ недостатокъ*, который заставилъ народъ выйти изъ прежней колеи и сдѣлать дальнѣйшее движеніе. Иначе онъ ничего не пойметъ; исторія останется для него загадкою, и народъ явится передъ нимъ какъ кукла, которую по прихоти можетъ играть всякій нѣсколько отважный дѣятель.

Таково значеніе отрицательныхъ признаковъ. Не говорю здѣсь о томъ, вѣрно или нѣтъ они подмѣчены въ данномъ случаѣ, ибо тогда вопросъ перенесется на другую почву. Здѣсь рѣчь идетъ единственно о томъ, на сколько отрицательные признаки, подмѣченные изслѣдователями, могутъ служить выраженіемъ неспособности ихъ понимать исторію народа.

Обозначеніе отрицательныхъ признаковъ составляетъ, какъ мы видѣли, одну изъ существенныхъ задачъ науки, но конечно это далеко не все. Еслибы русская историческая школа ограничивалась ими, то ей безъ сомнѣнія справедливо могли бы замѣтить, что она не дошла еще до полнаго пониманія исторіи. Въ такомъ случаѣ она могла бы отвѣчать только то, что наука не достигаетъ *разомъ* совершенства, и что надобно начинать сначала, а не хвататься прежде-

временно за конецъ. Но дѣло въ томъ, что она представляетъ выводы самые положительные, а ей говорятъ, что она ограничивается одними отрицательными. Такъ напримѣръ, изслѣдователи выставляютъ родовой бытъ, какъ характеристическую черту древнѣйшей эпохи русской исторіи. Противъ этого что можно сказать? «Русская Беседа» доказываетъ (мы видѣли выше, посредствомъ какихъ операций), что родовой бытъ не что иное, какъ отсутствіе личности. Далѣе, родовой бытъ, по мнѣнію изслѣдователей исторической школы, переходитъ въ государственный. Развитіе государства чѣмъ мы назовемъ: положительнымъ или отрицательнымъ началомъ? Объ этомъ умалчивается, но критикъ прямо перескакиваетъ къ петровскому времени и объявляетъ, что у исторической школы вся старая Россія является только, какъ отрицаніе новой. Наконецъ между родовымъ бытомъ и государственнымъ вставляется средняя эпоха, которая получаетъ свою физономію, обозначается исключительно ей свойственными чертами, исходящими изъ собственно ей принадлежащихъ возрѣній, однимъ словомъ представляется какъ нѣчто самостоятельное, цѣлое, управляемое одними началами; «Русская Беседа» утверждаетъ, что и это все одно отрицаніе! Но что же такое наконецъ положеніе, и что такое отрицаніе? Какое необъяснимое затмѣніе ума заставляетъ «Русскую Бесѣду» называть черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ?

Можно полагать, что это не затмѣніе ума, а просто послѣдовательность, истекающая изъ субъективныхъ требованій и презиранющая послѣдовательную истину.

«Русская Беседа» выступила во имя русской народности, какъ представительница и защитница русскихъ началъ. Но кто же не держится русской народности? Она до такой степени присуща всякому соотечественнику, до такой степени лежитъ въ глубинѣ всей его природы, что объ этомъ и говорить не стоить. Если кто по легкомыслию отречется отъ своей народности, то въ самомъ этомъ легкомыслии, въ самомъ этомъ отреченіи невольно проявятся національныя черты. Несмотря на различіе направленій, которое имѣетъ мѣсто у всякаго народа, всё мы отъ мала до велика—русскіе люди, выросшіе на русской почвѣ, съ русскимъ складомъ ума, съ искреннею любовью къ отечеству. Если мы уважаемъ Европу, то это въ особенности потому, что мы получаемъ отъ нея просвѣщеніе, а просвѣщеніе мы считаемъ насущною потребностію своего народа; однако русскіе ученые не ограничиваются изученіемъ Европы, передачею результатовъ, добытыхъ другими; они съ особенною любовью обращаются къ изслѣдованію отечественной исторіи; ей они посвящаютъ

главные свои труды, и въ этомъ отношеніи «Русская Бесѣда» не можетъ похвалиться преимуществомъ ни передъ кѣмъ. Какое же значеніе имѣютъ громкіе ея возгласы о русской народности? Очевидно, что «Русская Бесѣда» желаетъ присвоить себѣ въ этомъ отношеніи исключительное положеніе, добыть себѣ какъ бы привилегію на пониманіе своей народности, и вотъ она объявляетъ, что всѣ тѣ, которые не раздѣляютъ ея мнѣній, не въ состояніи понять ни свою народность, ни свою исторію, что они не сочувствуютъ своему отечеству; она даже совершенно лишаетъ ихъ національности и утверждаетъ, что они относятся къ Россіи, какъ Лапландецъ относится къ Африкѣ. Поистинѣ неслыханное притязаніе! Нельзя не сказать, что именно такое направленіе болѣе всего удаляется отъ существенныхъ свойствъ русскаго духа. Въ самомъ дѣлѣ, въ «Русской Бесѣдѣ» не замѣтно той широкой русской природы, которая всему даетъ мѣсто, все принимаетъ въ свои нѣдра. Въ ея притязаніяхъ на привилегированное положеніе скорѣе выражается исключительный и нетерпимый духъ маленькой нѣмецкой корпораціи, въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ. Несмотря на провозглашаемое пристрастіе къ Москвѣ, русскіе собесѣдники болѣе похожи на Нюрнбергцевъ, нежели на Москвичей, и мы нисколько не удивимся, если въ одно прекрасное утро на заглавіи знакомаго намъ славянофильскаго журнала мы увидимъ крупными буквами:

НѢМЕЦКАЯ БЕСѢДА.

НЮРЕНБЕРГЪ.

Однако допустимъ, что «Русская Бесѣда» приобрѣла себѣ привилегію на пониманіе своей народности. Какъ же она ее употребляетъ?

Удивительное дѣло! она вовсе и не употребляетъ ея. Казалось бы, тутъ есть и пониманіе народности, и сочувственное настроеніе, и взгляды, превышающіе головою всю современную науку. Чего же болѣе? Былъ даже и досугъ, ибо направленіе «Русской Бесѣды» зародилось не со вчерашняго дня. Давно уже оно проглядываетъ въ литературѣ, какъ воззрѣніе установившееся и желающее быть оригинальнымъ, и хотя до сихъ поръ оно появлялось только урывками, но всякій разъ возвѣщало что-то торжественное и великое. Можно было подумать, что сотрудники «Русской Бесѣды» въ тишинѣ и уединеніи готовятъ великія творенія, заняты усиленными трудами, глубокомысленными изысканіями, которыя разомъ озарятъ бѣдный горизонтъ нашей исторіи и двинутъ насъ на новую дорогу. Когда, послѣ долгаго молчанія, направленіе «Русской Бесѣды» выступило наконецъ во всеоружіи, мы такъ и ожидали, что вотъ появится рядъ

блистательныхъ изслѣдованій по всѣмъ вопросамъ русской исторіи, что источники будутъ подвергнуты строгой критикѣ, будутъ обслѣдованы со всѣхъ сторонъ, и что изъ обильнаго матеріала воздвигнется прочное зданіе науки. Напрасныя надежды! Въ полуторагодовое свое существованіе «Русская Бесѣда», правда, старалась запутать нѣкоторые историческіе вопросы, но за то не разъяснила ни одного. Весь этотъ крестовой походъ на западную науку, весь этотъ громъ и трескъ, которыми сопровождалось провозглашеніе новыхъ началъ, высшаго развитія, кончились ничѣмъ: гора родила мышенка.

Замѣчу здѣсь, что любовь «Русской Бесѣды» къ своей народности какого-то совершенно особеннаго свойства: обыкновенно любовь подвигаетъ людей на дѣло, любовь бываетъ плодотворна, а тутъ мы видимъ любовь бесплодную, которая пробавляется платоническими возгласами. Полно, ужъ любовь ли это?

Постараемся однако изъ тѣхъ смутныхъ зачатковъ, которые у насъ передъ глазами, составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ образомъ сочувствіе «Русской Бесѣды» къ отечественной исторіи проявляется на дѣлѣ. Сотрудники ея осудили отрицательное направленіе; посмотримъ же, какъ дѣйствуетъ направленіе, которое выдаетъ себя за положительное.

Прежде всего насъ поражаетъ одна любопытная черта: положительное направленіе прямо начинается съ того, что отрицаетъ въ русской исторіи послѣднія полтора ста лѣтъ; это краеугольный камень всего воззрѣнія. Съ конца XVII вѣка историческая нить, по мнѣнію «Русской Бесѣды», прерывается, развитіе дѣлается не народнымъ, исторія получаетъ превратный ходъ, и тѣ, которые слѣдуютъ за этимъ движеніемъ, становятся такъ же чужды Россіи, какъ Лапландецъ Африкѣ. На какихъ же основаніяхъ произносится такое строгое осужденіе? Разъяснила ли «Русская Бесѣда» исторію послѣднихъ полутора ста лѣтъ? Прослѣдила ли она развитіе разныхъ сторонъ жизни—учрежденій, литературы, нравовъ, языка? Показала ли она во всемъ этомъ значеніе элементовъ русскаго и чужеземнаго и взаимное вліяніе ихъ другъ на друга? Казалось бы, иначе, какъ на основаніи такихъ данныхъ, нельзя произнести приговора. Но станеть ли положительное направленіе затрудняться такими пустяками? «Русская Бесѣда» приступаетъ къ дѣлу гораздо проще: изслѣдованій по новой русской исторіи она не представляетъ никакихъ, а довольствуется самыми скучными общеизвѣстными чертами. Всѣ знаютъ, что мы сбрили бороды и надѣли европейское платье, что высшее столичное общество въ гостиницхъ заговорило французскимъ языкомъ, что у насъ въ это время появлялось и слѣпое пристрастіе къ иноземнымъ обы-

чашь, на которое впрочемъ литература всегда нападала: чего же нужно болѣе для того, чтобы вырѣзать изъ отечественной исторіи дѣлые полтора вѣка? Видите ли, какъ легко и проворно совершаетъ «Русская Бесѣда» операцию надъ предметомъ особеннаго своего сочувствія. Вотъ что значитъ любовь!

Сочувствіе это проявляется иногда въ самыхъ назидательныхъ чертахъ. Въ той же книжкѣ «Русской Бесѣды», въ которой помещены критическія статьи гг. Крылова и Самарина, читатель можетъ найти приговоръ г. К. Аксакова о современной литературѣ. Авторъ сообщаетъ намъ, что эти приговоры были бы вовсе и не нужны, ибо даже безъ ихъ помощи хилое зданіе нашей литературы должно рушиться само собою, вслѣдствіе внутренняго ничтожества. Однако, онъ все-таки считаетъ не лишнимъ, какъ карающій Зевсъ, разразиться надъ нею своими громами, чтобы дать міру знать о своемъ величіи. И вотъ мы узнаемъ, что полтора ста лѣтъ тому назадъ, когда высшіе классы общества отказались отъ самобытности, возникла у насъ литература *заемная*. Въ первый періодъ, который простирается до Карамзина, она была безжизненнымъ подражаніемъ классицизму, который самъ былъ безжизненнымъ подражаніемъ древнему міру. Со временъ Карамзина двойная подражательность смѣняется простою, предметомъ подражанія стала сама Европа: «подражать, говорить авторъ, было здѣсь гораздо легче, пріятнѣе и интереснѣе, и вотъ дѣло пошло живѣе.» Потому новѣйшая наша литература представляетъ только безконечные переливы разныхъ отсвѣтовъ и отблесковъ, лишенные собственнаго свѣта и блеска. Пожалуй, появлялись и таланты, но что такое таланты, лишенные народной почвы? Мы знаемъ, что, по ученію «Русской Бесѣды», личность безъ народности есть ничто. Потому самые таланты г. Аксаковъ осуждаетъ на безплодіе и ничтожество, и вотъ онъ надъ всею новою русскою литературою провозноситъ верховный приговоръ: «это собраніе чужихъ формъ, разныхъ отголосковъ, и только.» Итакъ, Кантемиръ, Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, были безжизненные подражатели безжизненнымъ подражателямъ; а Карамзинъ, Жуковский, Батюшковъ, Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ были пустые, легкомысленные собиратели чужихъ формъ и идей! Прежде мы слышали, что о нѣкоторыхъ изъ этихъ именъ говорилось съ уваженіемъ, но теперь логическая послѣдовательность отрицанія заставила всѣхъ ихъ подвести подъ одинъ уровень безплоднаго подражанія. Изъ этого общаго приговора исключаются только сочиненія Сергѣя Тимофеевича Аксакова, которыя, по увѣренію Константина Сергѣевича Аксакова, стоятъ совершенно особнякомъ въ нашей литературѣ.

Мы можемъ изъ этого составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, что такое сочувствіе къ отечественной исторіи, которое «Русская Бесѣда» хочетъ присвоить себѣ, какъ исключительную привилегію. Когда изслѣдователи говорятъ о недостаткахъ до-петровской администраціи, которые были побудительною причиною преобразованія, вы негодуете, вы говорите, что это инквизиціонное слѣдствіе надъ древнею Россіей, вы обвиняете изслѣдователя въ недостаткѣ любви къ своей народности; а когда Русскій народъ производитъ величайшихъ своихъ людей, вы остаетесь равнодушны, у васъ на устахъ только слова порицанія; когда зрѣющая русская мысль выставяетъ дѣятелей, которыми справедливо гордится Россія, которые составляютъ драгоцѣннѣйшее достояніе русской земли, при имени которыхъ бьется сердце каждаго истинно-русскаго человѣка, вы клеймите ихъ общою печатью ничтожества и безплодія. Забывая о праотцѣ нашей литературы, о рыбацкѣ Ломоносовѣ, вы даже не хотите считать ихъ достояніемъ Россіи, а выдаете ихъ за принадлежность однихъ высшихъ классовъ, оторвавшихся отъ народа, и послѣ этого вы осмѣливаетесь еще упрекать другихъ въ отрицательномъ направленіи, въ недостаткѣ сочувствія къ своей исторіи! Прошу благосклоннаго читателя замѣтить различіе между этими двумя способами отрицанія. Въ первомъ случаѣ историкъ подмѣчаетъ и записываетъ *отрицаніе, совершенное самою исторіей, живымъ процессомъ народной жизни*. Онъ учится у своего народа. Второе же есть не болѣе, какъ логическій кунштюкъ, зародившійся въ головѣ нѣсколькихъ людей, которые хотятъ присвоить себѣ исключительное пониманіе русской народности, и потому считаютъ себя въ правѣ верховными своими приворами осуждать историческій ходъ жизни.

Но пойдемъ далѣе. Отрицаніе новѣйшей исторіи совершается во имя старины. Посмотримъ же, какъ послѣдователи положительнаго направленія изучаютъ народную старину.

Древняя Россія отжила свой вѣкъ, но она оставила намъ по себѣ памятники, въ которыхъ запечатлѣлся ея духъ. Всякій, кто сочувствуетъ старинѣ, долженъ дорожить ими, обходиться съ ними осторожно, изучать ихъ съ тщательнымъ вниманіемъ. Такъ и поступаетъ историческая школа. Изслѣдователи, желающіе изучить до-петровскія учрежденія, обращаются къ юридическимъ памятникамъ, стараются свести ихъ въ одно цѣлое, вывести изъ нихъ господствовавшія въ то время начала. На это «Русская Бесѣда» возражаетъ: «вы обращаетесь съ памятниками не такъ, какъ слѣдуетъ; вы пользуетесь ими, какъ будто они выражаютъ порядокъ жизни, а они выражаютъ одинъ беспорядокъ.» Г. Самаринъ объясняетъ это тѣмъ, что у

народа, который находится въ младенческомъ состояніи, письменность является только въ видѣ исключенія, для того, чтобы запомнить явленія, выходящія изъ обыкновеннаго порядка или даже прямыя отклоненія отъ общихъ правилъ. Г. Крыловъ прямо увѣщаетъ насъ бросить эти мутные источники, и говорить, что онъ имъ вѣрить не хочетъ.

Итакъ при первой встрѣчѣ съ памятниками древней Россіи положительная школа прямо приступаетъ къ ихъ *отрицанію*: они, говорить «Русская Бесѣда», не объясняютъ жизни, а составляютъ изъ нея исключеніе. Читатель можетъ подумать, что это сужденіе провозносится на основаніи строгой критики, подробнаго разбора источниковъ: ничуть не бывало! Однимъ почеркомъ пера, безъ всякаго разбора, всѣ юридическіе памятники древней Россіи: Судебники, Уложеніе, новоуказныя статьи, Новоторговый уставъ, воеводскіе наказы—все это объявляется выраженіемъ безпорядка! Скажутъ, пожалуй, что предѣлы журнальной статьи не допускаютъ ученой критики источниковъ. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что не надобно писать такихъ статей, ибо подобныя сужденія не могутъ быть высказаны иначе, какъ на основаніи *предшествующей* отчетливой критики источниковъ. Въ настоящемъ случаѣ нельзя даже предполагать, чтобы авторъ изучилъ эти памятники для себя, въ своемъ кабинетѣ, ибо можно навѣрное сказать, что никогда никакая критика не подтвердитъ мнѣнія г. Самарина; оно слишкомъ невыгодно для древней Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, желая защитить старину, предметъ особеннаго своего сочувствія, критикъ въ сущности ставитъ ее гораздо ниже, нежели она поставлена въ сочиненіи, на которое онъ возражаетъ. Разбирая памятники до-петровской Россіи, я пришелъ къ заключенію, что въ то время не установилась еще государственная система. Это было весьма естественно, ибо государственная система требуетъ уже значительной зрѣлости юридическаго сознанія. Но я утверждалъ и утверждаю, что письменность была уже сильно развита, что обыкновенные гражданскіе акты совершались письменнымъ порядкомъ, что обыкновенное административное дѣлопроизводство было письменное, что государство старалось даже выставить въ юридическихъ памятникахъ нѣкоторыя общія нормы, отъ которыхъ однако, вслѣдствіе нетвердости приемовъ, были непрерывныя произвольныя отклоненія. А г. Самаринъ, возражая на это, утверждаетъ, что народъ находился еще въ такомъ младенческомъ состояніи, что письменность составляла только исключеніе. Боже упаси отъ подобной защиты, которая напоминаетъ извѣстную басню пустытника и медвѣдя!

Правда, г. Самаринъ указываетъ на другіе источники, на которые

я, по его мнѣнію, не обратилъ должнаго вниманія; но любопытно, что критикъ ссылается на нихъ не потому, что они ему извѣстны, а именно потому, что они ему неизвѣстны. Это очевидно изъ слѣдующаго возраженія. Упрекнувши меня въ томъ, что я выставилъ въ сочиненіи одни понятія служилаго сословія о судѣ и упустилъ изъ вида понятія самого народа, критикъ говоритъ: «Если не нашлось для этого никакихъ данныхъ въ юридическихъ актахъ, *съ чѣмъ позволительно усомниться*, то вольно жъ было ими ограничиваться. Здѣсь *въпрямую* пригодилась бы къ дѣлу справка съ проповѣдями и посланіями, посредствомъ которыхъ церковь проводила въ гражданское общество идеальныя понятія, прививавшіяся (1) ко всѣмъ сословіямъ; *можетъ быть* и повѣствованія лѣтописцевъ, особенно тѣ, на которыхъ лежитъ отпечатокъ народныхъ преданій, дали бы указанія для воспроизведенія понятій древней Руси о правдѣ и судѣ.» При незнакомствѣ съ обнародованными источниками, позволительно конечно всякому сомнѣваться въ ихъ содержаніи; но едва ли позволительно высказывать свои сомнѣнія въ литературѣ, ибо наука требуетъ прежде всего знанія дѣла и основательности доводовъ. Любопытенъ здѣсь въ особенности приѣмъ, который прямо указываетъ на характеръ мистической методы. Послѣдователь опытнаго пути, увидѣвши, что авторъ разбираемаго сочиненія не сослался на нѣкоторые памятники, неизвѣстные критику, остерегся бы отъ произвольныхъ предположеній. Онъ сказалъ бы себѣ: *можетъ-быть* въ этихъ источникахъ ничего нѣтъ по этому предмету, и авторъ потому оставилъ ихъ безъ вниманія, что онъ, по справкѣ, ничего не нашелъ въ нихъ для себя нужнаго; *можетъ случиться* и то, что въ нихъ находится подтвержденіе выводовъ автора; наконецъ, *можетъ-быть* есть въ нихъ и противорѣчіе, но такъ какъ эти источники мнѣ не извѣстны, то я не могу высказать о нихъ никакого предположенія. Иначе поступаетъ критикъ, который держится методы мистической. Отправляясь отъ субъективнаго требованія, *онъ непременно предполагаетъ то, что онъ желаетъ видѣть*, и вотъ на неизвѣстной почвѣ воображеніе начинаетъ рисовать ему картины, удовлетворяющія личному его желанію. Такъ, черезъ нѣсколько строкъ г. Самаринъ говоритъ: «Еслибы г. Чичеринъ принялъ въ соображеніе всѣ источники и провѣрилъ бы свои выводы характеромъ *всей* древней жизни, онъ *неминуемо* пришелъ бы къ заключенію, что юридическіе памятники выражали одно понятіе, одинъ видъ учреждений, а въ народной жизни существовало дру-

(1) Любопытно, что здѣсь прививаніе понятій не считается нарушеніемъ народной самобытности. Гдѣ же тутъ органическое развитіе?

гое понятіе и цѣлый порядокъ соответственныхъ ему явленій, или что юридическіе памятники обрисовывали только одну сторону учрежденій и т. д.» Откуда же взялась мысль, что юридическіе памятники выражали одно понятіе, а народная жизнь совершенно иное, съ цѣлымъ рядомъ явленій, соответствовавшихъ тому и другому? (Не говорю уже о томъ, что на предыдущей страницѣ жизнь того времени представлялась въ состояніи первобытнаго безразличія, а здѣсь напротивъ предполагается рѣзкая противоположность воззрѣній.) И почему скромное: *можетъ-быть*, чрезъ нѣсколько строкъ превратилось въ утвердительное: *неминуемо*? Что произошло на пространствѣ этихъ строкъ? Изученіе неизвѣстныхъ прежде критику источниковъ? Нѣтъ, источники вездѣ отражаются только своимъ отсутствіемъ. Очевидно, что здѣсь напрягалось воображеніе, которое, отправляясь отъ субъективнаго требованія, сначала поражаетъ сомнѣніе, а потомъ, разгараясь болѣе и болѣе, быстро доходитъ до полного убѣжденія въ томъ, что можетъ удовлетворить личному желанію писателя. Изученіе памятниковъ служитъ здѣсь только помѣхою, ибо оно разомъ можетъ разрушить усладительныя мечты. Такъ, г. Самаринъ ссылается между прочимъ на сказанія иностранцевъ. Что же, еслибы онъ въ сочиненіи Флетчера нашелъ картину древней администраціи, далеко превосходящую все то, что онъ считаетъ клеветою на древнюю Россію? Безъ сомнѣнія, онъ сказалъ бы, какъ и требовала логическая послѣдовательность, что иностранцы не въ состояніи были понять нашу старину, ибо они стояли отъ нея въ сторонѣ.

Далѣе г. Самаринъ упрекаетъ меня въ томъ, что я мало ссылаюсь на лѣтописцевъ; но когда я именно опираюсь на нихъ, онъ отвергаетъ ихъ, какъ свидѣтельство недостаточное, и требуетъ, чтобы я обратился съ вопросомъ къ *самому народу*. Такъ, по поводу завоеванія, онъ говоритъ: «Странно утверждать или отрицать въ исторіи народа фактъ первой величины, фактъ, долженствующій непременно имѣть рѣшительное вліяніе на всю его судьбу, не допросивши воспоминаній *самаго* народа.» Казалось бы, трудно предположить, чтобы Русскій народъ сохранилъ воспоминанія о томъ, какъ онъ былъ завоеванъ, когда онъ во время завоеванія даже и не существовалъ: были Радимичи, Вятичи, Поляне, Древляне и проч.; но Русскій народъ образовался въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ пришлой дружины, и самое имя его есть имя завоевателей. Казалось бы, также, что если мы хотимъ допросить историческія воспоминанія народа, то къ кому слѣдуетъ обратиться, какъ не къ лѣтописцу, который успѣлъ записать ихъ въ то время, какъ они еще не изгладились совершенно послѣдующими событіями? Но въ лѣтописи мы найдемъ свидѣтельства о завоеваніи, а это, по субъ-

ективному требованію критика, считается неприличнымъ для русской исторіи, и вотъ *дѣйствительнымъ воспоминаніямъ*, которыя записаны *дѣйствительнымъ* лѣтописцемъ, противопоставляются *предполагаемыя* воспоминанія *воображаемаго* народа. Чтобы нѣсколько подкрѣпить свое мнѣніе, г. Самаринъ ссылается на древнія богатырскія пѣсни, въ которыхъ, говоритъ онъ, мы не видимъ сознанія своего униженія передъ побѣдителемъ. Здѣсь опять критикъ не входитъ въ разборъ: на сколько въ этихъ сказочныхъ преданіяхъ сохранилось историческаго элемента? и возможно ли въ пѣсняхъ о богатыряхъ—дружинникахъ искать слѣдовъ сознаннаго униженія? Анализъ для мистической методы не нуженъ, и *однимъ отрицательнымъ признакомъ*, построенный на самыхъ шаткихъ данныхъ, но поблажающій личному желанію, ставится выше достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Еслибы г. Самаринъ былъ Французъ, онъ точно такъ же извѣстіямъ Григорія Турскаго противопоставилъ бы воспоминанія самого народа и отвергъ бы завоеваніе Франковъ, на томъ основаніи, что объ этомъ не говорится въ пѣснѣ о добромъ королѣ Дагобертѣ.

Итакъ, когда нужно *предположить* что—нибудь въ лѣтописцѣ, на него ссылаются, какъ на выраженіе народнаго сознанія, но когда въ немъ есть *положительныя* данныя, ему противопоставляется сознаніе *самого народа*. То же самое происходитъ и съ поученіями святителей церкви. Г. Самаринъ ссылается на нихъ, когда предполагаетъ въ нихъ возможное подтвержденіе своихъ желаній; но когда г. Агсаковъ встрѣчается съ *дѣйствительнымъ* Домостроемъ, онъ убѣждаетъ насъ не принимать понятій святителей церкви за понятія *самого народа*. Точно такъ же, когда памятники открываютъ намъ дѣйствительный фактъ кормленій, тогда официальному воззрѣнію служиваго сословія противопоставляется *предполагаемое* воззрѣніе самого народа. Когда лѣтописи повѣствуютъ о междуусобіяхъ удѣльнаго періода, намъ говорятъ, что и княжескія междуусобія до самого народа не касаются: князья дерутся между собою, жгутъ села, опустошаютъ земли, раздѣляютъ свои владѣнія между сыновьями, какъ частную собственность; все это совершается *надъ* народомъ, а народъ самъ по себѣ. Однимъ словомъ, всякій разъ, какъ встрѣчаются въ исторіи *положительныя* данныя, то направленіе, которое выдаетъ себя за положительное, *отрицаетъ* ихъ во имя своихъ предположеній. Такимъ образомъ очищается историческое поле, на которомъ воображеніе можетъ уже разыгрываться на просторѣ.

Заботливое отклоненіе отъ *самого народа* всякихъ историческихъ вліяній является у «Русской Бесѣды» и по вопросу объ общинномъ

быть. Всякаго, кто съ нѣкоторымъ вниманіемъ изучаетъ древне-русскую исторію, поражаетъ одно явленіе, которое указываетъ на коренной переворотъ всей общественной жизни, именно укрѣпленіе общинъ государственною властію въ XVI вѣкѣ. Но для «Русской Бесѣды» это событіе не существуетъ. Читая въ ней статьи, въ которыхъ говорится объ общинномъ бытѣ, объ этомъ любимомъ предметѣ ея возгласовъ, спрашиваешь себя: какое же вліяніе имѣло на общинный бытъ это важнѣйшее для него событіе? На это нѣтъ отвѣта. «Русская Бесѣда» перескакиваетъ черезъ историческія эпохи, какъ-будто бы въ нихъ не случилось никакой перемѣны: все это совершается *надъ* народомъ, до народа это не касается, хотя бы этимъ измѣнялась вся его судьба. Въ такомъ направленіи представляетъ свои возраженія и г. Самаринъ: онъ отрицаетъ юридическую сторону вопроса во имя экономической, потому что первая подлежитъ вліянію законодательства, а это можетъ нарушить самобытность *самого народа*. «Почва этого вопроса (объ общественномъ владѣніи земли), говоритъ г. критикъ, *не столько* область права, сколько область сельскаго хозяйства... Здѣсь простой взглядъ на современный крестьянскій бытъ открылъ бы, что не въ томъ вопросѣ, когда и кто приказалъ, дозволилъ или разрѣшилъ владѣть землею собща и передѣлять ее, а въ томъ, при какихъ условіяхъ *Русскій народъ* находилъ этотъ порядокъ вещей возможнымъ, справедливымъ и выгоднымъ.» Почему же *не столько* область права, сколько область сельскаго хозяйства? На это нѣтъ отвѣта. Что передѣлъ наступаетъ не иначе, какъ когда земли становится слишкомъ мало для вновь-прибывающихъ членовъ, это совершенно очевидно. Странно было только упрекать меня въ томъ, что я упустилъ это изъ виду, когда я именно объ этомъ говорилъ и постоянно указывалъ на многоземельность и малоцѣнность земли, какъ на существенныя причины, которыя опредѣляли самое развитіе учреждений. Но если мы въ настоящее время возьмемъ двѣ общины, изъ которыхъ въ одной, вслѣдствіе многоземельности, нѣтъ передѣла, а въ другой онъ наступилъ съ уменьшеніемъ количества земли, то скажемъ ли мы, что въ обѣихъ общинный бытъ совершенно различенъ? Никто этого не скажетъ. Почему? Потому что, несмотря на различіе экономическихъ условій, основныя черты быта въ нихъ тождественны; *право поземельнаго владѣнія* въ нихъ одинаково. Потому передѣлъ никогда и не можетъ устанавливаться общими правительственными мѣрами; но

(1). См. «Еще о сельской общинѣ», статья 2-я, стр. 137. «Русскій Вѣстникъ», 1856 г., № 13.

право владѣнія, изъ котораго, при извѣстныхъ условіяхъ, произтекаетъ и передѣлъ, состоитъ подъ вліяніемъ законодательства, и когда мы изучаемъ исторію общинъ, мы должны необходимымъ образомъ обратить вниманіе на участіе послѣднаго въ ихъ развитіи. Такимъ образомъ вопросъ съ экономической почвы сводится на юридическую, которая, находясь подъ вліяніемъ общихъ экономическихъ условій страны, сама воздѣйствуетъ сильнѣйшимъ образомъ на экономическія отношенія подвластныхъ лицъ. Очевидно напримѣръ, что совершенно различныя отношенія должны устанавливаться между людьми, которые могутъ свободно переходить съ мѣста на мѣсто, слѣдовательно покидать землю, когда ея становится мало, или когда она неудобна, и между людьми, которые насильственно заключены въ извѣстномъ пространствѣ, откуда не имѣютъ права выйти. Очевидно также, что установится различный распорядокъ земель, смотря по тому, будутъ ли подати лежать на землѣ, и каждый будетъ платить сообразно съ тѣмъ количествомъ, которое онъ возьметъ по собственному желанію, или подати будутъ лежать на лицахъ, и каждому работнику будетъ отведенъ извѣстный участокъ земли, для того чтобы онъ имѣлъ возможность нести съ нею подать. Указать на эти двѣ существенныя перемѣны въ общинномъ бытѣ древней Россіи — на укрѣпленіе людей и на перенесеніе подати съ земли на лица — въ этомъ состояла главная моя задача, при разработкѣ этого вопроса, и потому я считаю недостаточнымъ всякое возраженіе, въ которомъ эти обстоятельства не будутъ обследованы точнымъ образомъ, на основаніи положительныхъ данныхъ.

Но «Русская Бесѣда» обходитъ положительныя данныя съ неимоверною легкостью. Вы скажете ей, что до XVI вѣка древне-русскія общины не только не имѣли собственного суда, но не могли даже безъ княжескихъ жалованныхъ грамотъ высылать отъ себя скомороховъ и людей, приѣзжающихъ незванными на пиры и братчины; вы скажете, что съ XVI вѣка общины получаютъ отъ государства права, но вмѣстѣ съ тѣмъ становятся крѣпостными, то-есть теряютъ самостоятельность и дѣлаются орудіями государственнаго развитія: а «Русская Бесѣда» будетъ все говорить о силѣ общиннаго быта въ древней Россіи, не заботясь даже объ устраненіи возраженій. Не мудрено, что мистическая школа, провозглашая общину кореннымъ началомъ древне-русской жизни, не разъяснила намъ ничего въ ея исторіи. Также мало разработала она и экономическую сторону нашего общиннаго быта. Это вопросъ, отдѣльный отъ перваго, въ которомъ также могутъ появиться различныя воззрѣнія: одни считаютъ общественное владѣніе землею лучшимъ средствомъ противъ проле-

таріата; другіе, напротивъ, видятъ въ личной собственности первое условіе сильнаго промышленнаго развитія; третьи, наконецъ, могутъ становиться на историческую точку зрѣнія и смотрѣть на личную собственность, какъ на элементъ историческій, необходимый для развитія экономическихъ силъ государства, для возбужденія въ каждомъ лицѣ личной энергии, самодѣтельности, а на общественное владѣніе, какъ на окончательный результатъ промышленнаго движенія, который, являясь въ обществѣ достаточно зрѣлымъ, будетъ представлять уже не задержку, а вѣнецъ развитія. Эти вопросы возбуждены въ нашей литературѣ и обсуждаются въ ней съ большою или меньшею основательностью. Но въ «Русской Бесѣдѣ» мы не находимъ объ этомъ ни слова. Она довольствуется мистическимъ провозглашеніемъ общиннаго начала, причемъ остается даже неизвѣстнымъ, что подъ нимъ разумѣется. Поборники общиннаго быта называютъ общиною то соединеніе людей, живущихъ на одномъ мѣстѣ, то блуждающую артель, то общественное владѣніе землею, то цѣлый народъ, то всякое общество вообще, то, наконецъ, какой-то недостижимый идеалъ. Однимъ словомъ, общинное начало служитъ только почвою, на которой гуляетъ воображеніе, ибо воображеніе составляетъ главную основу всѣхъ историческихъ воззрѣній «Русской Бесѣды».

Мы видѣли выше, какимъ образомъ, при субъективной точкѣ отправления, оно постепенно ведетъ человѣка отъ сомнительнаго предположенія къ полному убѣжденію въ истинѣ его взглядовъ; мы присутствовали, такъ сказать, при самомъ процессѣ зарожденія историческихъ воззрѣній подъ влияніемъ мечты. Статья г. Самарина представляетъ намъ также примѣры воображенія, окончательно давшаго свои плоды. Такъ, по вопросу объ укрѣпленіи крестьянъ, критикъ упрекаетъ меня въ томъ, «что я упустилъ изъ виду существенное обстоятельство, именно, что въ эпоху, когда заканчивалась аппроприація земель, прикрѣпленіе крестьянъ представлялось единственнымъ средствомъ удержать нераздѣльность земледѣльца съ землею, и что подъ крѣпостнымъ правомъ, въ формѣ зависимости лица отъ земли, укрылось и спаслось для другихъ временъ право крестьянъ на землю» Кому же представлялось? И есть ли на это малѣйшее указаніе въ источникахъ? Мы знаемъ, что укрѣпленіе совершилось указами, которые даровали помѣщикамъ право возвращать къ себѣ бѣглыхъ крестьянъ; мы знаемъ, что укрѣпленіе было общею государственною мѣрой, которая распространилась и на торговое сословіе, между тѣмъ какъ послѣднее не было нужды привязывать къ землѣ. Другихъ причинъ мы не имѣемъ права предполагать. Откуда же взялось представленіе критика? Ясно, что оно порождено субъективною

точкой зрѣнія: настоящее свое желаніе мы прямо навязываемъ предкамъ, современную потребность воображеніе переноситъ въ давно-прошедшую жизнь.

Но нигдѣ, кажется, сила воображенія не появляется въ такихъ размѣрахъ, какъ въ статьяхъ г. Крылова. Достаточно привести одинъ примѣръ для назиданія читателей.

«*Политическая исторія народовъ, говоритъ г. Крыловъ, точно такъ же, какъ и христіанская, имѣетъ свой свѣтлый и какъ бы воскресный день. Нашъ политическій день, въ который Россія получила новое, государственное бытіе, извѣстенъ только, какъ годъ 862-й, и то по переводу нашего рожденія на византійскій календарь. Съ восходомъ солнца на Русскую землю, высадился на берегъ нашъ дорогой гость, царь; къ обѣду прибылъ онъ въ Новгородъ, но не для постоянного тамъ пребыванія, а для временнаго отдыха; къ вечеру, довольный нашимъ хлѣбомъ—солью и, убѣдившись въ способностяхъ народа къ государственной жизни, издавъ милостивый манифестъ, въ которомъ объявилъ на первый разъ земскій миръ (Landfriede), нарядилъ новый порядокъ, а старому, со всѣми человѣческими слабостями, враждами, заблужденіями и преступленіями, быть—можетъ еще не наказанными, высказалъ полную амнистію. И народъ Русскій съ этимъ личнымъ водителемъ и пѣстуномъ какъ будто разомъ выросъ. Въ одну тихую, замиренную, безмолвную ночь, на свѣтлый день, показалось видимое, рѣшительное, послѣднее движеніе въ утробѣ Россіи живаго младенца мужескаго пола. Къ утру онъ явился на свѣтъ Божій; къ обѣду выросъ и окрѣпъ, такъ что могъ служить великому званому гостю и даже участвовать съ нимъ въ общей государственной трапезѣ; а къ вечеру, по прочтеніи манифеста, испросилъ у всѣхъ собратовъ своихъ прощенія въ своихъ слабостяхъ и гражданскихъ обидахъ, и самъ все простивши, совершилъ благоговѣйную жертву по своей языческой вѣрѣ, приготавливаясь въ путь; русскій гражданинъ сталъ спокойно препоясываться, какъ воинъ государственный, надѣлъ на себя всѣ бранные доспѣхи, и съ вѣрою и любовію вступилъ въ великую, трудную и опасную службу государству, отечеству.»*

Да не забудетъ читатель, что эти картины должны служить возмѣщеніемъ высокихъ судебъ нашего отечества. Нельзя не сказать, что точно это похоже на *видѣніе*, только не въ родѣ Нибура, а въ родѣ г. Бѣляева, который знаетъ навѣрное, что дѣлали русскіе Славяне за сотни лѣтъ до пришествія Рюрика, какимъ образомъ они селились, въ какія отношенія вступали къ Финнамъ и Латышамъ, какіе, подъ вліяніемъ послѣднихъ, происходили у нихъ жизненные перевороты и т. п. Г. Бѣляевъ, такъ же какъ г. Крыловъ, не приобрѣлъ этихъ знаній изъ аналитическаго изученія памятниковъ, ибо

памятники объ этомъ молчатъ. Нѣтъ, онъ проникся русскими началами, и латышскій міръ предсталъ ему во всей своей красотѣ. При видѣ такого легкаго способа добыванія историческихъ результатовъ, на основаніи сочувственнаго настроенія къ старинѣ, невольно становится завидно. Такъ и хочется сдѣлать воззваніе къ собратьямъ—труженикамъ: оставимте, братцы, книги, бросимъ, по совѣту г. Крылова, мутные источники, перестанемъ заниматься безплоднымъ, аналитическимъ изученіемъ памятниковъ, и смѣлыми шагами послѣдуемъ за «Русскою Бесѣдой». Въ безмолвномъ величіи, одѣтые въ тулупы, станемъ проникаться русскими началами, сочувствіемъ къ старинѣ... О! какая дивная картина мерещится мнѣ уже теперь! Отдаленные Чукчи дѣлаются главными двигателями русской исторіи, памятники исчезли, «Бесѣда» торжествуетъ, и въ воображеніи возникаетъ зданіе, передъ которымъ блѣднѣютъ самыя знаменитыя арабскія сказки...

Г. Соловьевъ, разбирая направленіе «Русской Бесѣды», справедливо назвалъ его *анти-историческимъ*. Это признакъ отрицательный; если же мы захотимъ характеризовать эту школу положительнымъ именемъ, то мы не можемъ назвать ее иначе, какъ *мистико-фантастическою*. Отрицаніе составляетъ только одну ея сторону, ту, которая обращена противъ всѣхъ памятниковъ старины, противъ всѣхъ положительныхъ данныхъ русской исторіи, противъ хода историческаго развитія, противъ высокихъ личностей и блестящихъ дарованій, появившихся въ Русскомъ народѣ. Все это имѣетъ цѣлью расчистить поле, на которомъ бы въ мистическомъ порывѣ могло разгуляться воображеніе. Однако и для послѣдняго нужна точка опоры, нужна неизвѣстная единица, *x*, которую можно наполнять и украшать своими вымыслами. И вотъ, по мановенію «Русской Бесѣды», передъ нами возникаетъ таинственная фигура *самого народа*. Это не сила, которая служитъ источникомъ историческаго развитія; нѣтъ, все историческое движеніе несется мимо него, до него почти не касаясь. Народъ не принимаетъ ни въ чемъ участія; онъ стоитъ поодаль, иронически смотритъ на случайную игру событій и все думаетъ какую-то думу. О чемъ онъ думаетъ, неизвѣстно, но должно быть что-нибудь хорошее. По крайней мѣрѣ, «Русская Бесѣда», не обинуясь, приписываетъ ему все, что она можетъ выдумать лучшаго (правда, что это немного). Такимъ образомъ идеалъ празднаго воображенія выдвигается за непосредственное сознаніе народныхъ началъ и переносится въ давнопрошедшую жизнь; самопоклоненіе мистически-напряженной фантазіи выставляется, какъ любовь къ отечественной

старинѣ; желаніе захватить привилегированное положеніе въ литературѣ выдаетъ себя за исключительную способность понимать народную исторію. Мистики всегда считаютъ себя избранныками. Если съ воззрѣній «Русской Бесѣды» снять покровъ заманчивыхъ фразъ, если вникнуть въ основанія ея возгласовъ, то легко убѣдиться, что она любитъ не *дѣйствительную* русскую старину, ибо дѣйствительной русской старины она, можно сказать, вовсе и не знаетъ. Нѣтъ, она въ древней Россіи любитъ необработанную почву, на которую можно произвольнымъ образомъ переносить собственные желанія и требованія. «Русская Бесѣда» смотритъ на древнюю Русь, какъ Греки смотрѣли на золотой вѣкъ: это темное, давнопрошедшее время, въ которое переносятся собственные идеалы жизни. Однако въ томъ и другомъ воззрѣніи, при основномъ сходствѣ, есть и существенныя различія, которыхъ нельзя упускать изъ виду: во-первыхъ, Греки, описывая золотой вѣкъ, не наталкивались на историческія памятники, не встрѣчали противорѣчій въ фактахъ, а потому не имѣли попопзновенія обходиться съ наукою такъ легкомысленно, какъ обходится съ нею «Русская Бесѣда». Повторяя, Греки созидали себѣ представленія полныя, художественныя, а «Русская Бесѣда» до сихъ поръ высказываетъ только смутныя черты смутнаго идеала; при каждомъ размахѣ кисти обнаруживается ея несостоятельность въ этомъ дѣлѣ, оказывается, что поспѣшивши занять привилегированное положеніе, она не успѣла выяснить себѣ свою задачу и позабыла даже самыя приемы, посредствомъ которыхъ люди дѣйствуютъ на этомъ поприщѣ. Въ этомъ отношеніи «Русская Бесѣда» скорѣе похожа на недоученаго художника, который вида, что соотечественники его ѣдутъ учиться искусству у великихъ мастеровъ Италіи, вызываетъ къ нимъ: «Куда вы стремитесь, безумцы? чему вы тамъ научитесь? Все это гниль и дрянь, которая только портитъ самородный талантъ. Вотъ я вамъ открою тайну искусства, вотъ я напишу вамъ картину домашней работы, передъ которою поблѣднѣютъ и Рафаэль, и Тиціанъ, и Корреджіо. Глядите сюда!» Соотечественники глядятъ въ изумленіи и дожидаются открытія великой тайны, но всякій разъ, какъ художникъ принимается за работу, онъ выдѣлываетъ что-то странное и безобразное, продолжая твердить между тѣмъ, что идеалъ его—высочайшій въ мірѣ. Если найдутся легковѣрные люди, которые, увлекаясь прелестью домашней работы, станутъ ждать появленія полной картины, то имъ, вѣроятно, долго придется дожидаться. И не мудрено: художникъ, замечтавшись на досугѣ, забылъ уже употребленіе карандаша, кисти и красокъ.

Б. Чичеринъ.

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ ГЕЙНЕ

Гейне, въ продолженіи своей многолѣтней страшной болѣзни, медленно умирая и обращаясь въ трупъ, сохранялъ всю силу ума и воображенія. Онъ предчувствовалъ свою смерть, и никакъ не думалъ, что она заставитъ его такъ долго ждать себя. Въ 1851 году, издавъ собраніе своихъ стихотвореній подъ названіемъ «Romanzeto», онъ, въ «послѣсловіи» къ этому изданію, называлъ себя одушевленнымъ скелетомъ, который только ждетъ своего окончательнаго разрушенія. «Но точно ли я существую? говорилъ онъ. — Мое тѣло дотога *ссылось*, что не осталось ничего, кромѣ голоса, и мой одръ напоминаетъ мнѣ звучащую могилу волшебника Мерлина, въ Бретани, въ Бразеліандскомъ лѣсу, подъ стѣнію высокихъ дубовъ, которыхъ вѣтви вздымаются къ небу, какъ зеленое пламя. Ахъ, ради этихъ дубовъ и свѣжого ихъ шелеста, завидую я тебѣ, собрать мой, Мерлинъ! ни одинъ зеленый листъ не прошепеститъ ко мнѣ въ парижскій склепъ мой, гдѣ отъ раннаго утра до поздняго вечера слышу я только грохотъ колесъ, дребезжанье, стукотню и бренчанье на фортепіано. Могила безъ успокоенія, смерть безъ привилегіи покойниковъ, которымъ не нужно выдавать денегъ, не нужно писать никакихъ писемъ и даже книгъ... это горестное положеніе! Съ меня давно уже сняли мѣрку для гроба, а также и для некролога; но я умираю такъ медленно, что это становится даже скучно, какъ для меня, такъ и для друзей моихъ. Но терпѣніе! всему есть конецъ. Однажды утромъ вы найдете запертыми двери той лавочки, гдѣ такъ часто забавляла васъ кукольная комедія моего юмора.» Въ заключеніе, думая, что эта книга есть послѣдній трудъ его, онъ прощается съ своими читателями и говоритъ: «Мною овладѣваетъ какая-то грусть при этой мысли (о разлукѣ); потому что я неохотно разлучаюсь съ тобою, мой дорогой читатель. Авторъ привыкаетъ наконецъ къ своей публикѣ какъ будто она разумное существо. Кажется, и тебя печалитъ, что я долженъ съ тобою раскланяться; ты тронуть, и драгоценная жемчужина выкатывается изъ твоихъ слезныхъ сумочекъ. Но утѣшься, мы опять увидимся въ лучшемъ мірѣ, гдѣ я надѣюсь писать для тебя лучшія книги. Я предполагаю, что и здоровье мое тамъ поправится, и что Сведенборгъ не обманулъ меня.»

Такъ писалъ Гейне въ 1851 году, и еще пять лѣтъ послѣ того боролся со смертію, продолжая шутить до конца своей страдальческой жизни. Но бывали минуты, когда крѣпкій духъ его изнемогалъ въ этой ужасной борьбѣ, и мрачное отчаяніе овладѣвало на время душою поэта. Подобное настроеніе духа выразилось у Гейне рядомъ стихотвореній, подъ общимъ названіемъ: «Lazagus» и «Zum Lazagus». Въ нихъ слышится то вопли страданія, то насмѣшки надъ міромъ и жизнію, то ожесточенное негодованіе, то покорность и смиреніе. Предлагаемыя три стихотворенія заимствованы оттуда.

I.

Ахъ, какъ медлительно ползеть
Ужасная улитка — время!
А я недвижно здѣсь лежу,
Влача болѣзни тяжелой бремя.
Ни солнца, ни надежды лучъ
Не проскользнетъ въ мое жилище;
Я знаю: мрачный мой пріютъ
Замѣнитъ мнѣ — одно кладбище.

Быть-можетъ я давно ужь мертвъ,
И лишь мечты воображенья,
Ночные призраки одни,
Творятъ въ мозгу свое круженье.

Такъ, это души древнихъ лѣтъ
Въ лучахъ языческаго свѣта,
И мѣстомъ сборища теперь
Имъ черепъ мертваго поэта.
И страшно-сладкую ягру,
Безумный пиръ ночной ватаги,
Поэта мертвая рука
Передзетъ потомъ бумагѣ.

II.

Съ любовью черная жена
Мою главу къ себѣ прижала,
И проступила сѣдина
Тамъ, гдѣ слеза ея бѣжала.
И я согнулся, изнемогъ,
Ослабъ отъ этого лобзанья,
И мозгъ въ хребтѣ моемъ изсохъ
Отъ алчнаго ея сосанья.
Теперь я трупъ, въ которомъ духъ
Еще томится, заключенный;
Но иногда, проснувшись, вдругъ
Онъ забушуетъ, раздраженный.
Къ чему проклятья? ни одно
Изъ нихъ не умертвить и мухи!
Сноси что свыше суждено,
Съ молитвою, въ смиренномъ духѣ.

III.

Какъ молнія внезапный свѣтъ
Мракъ черной бездны озаряетъ,
Такъ мнѣ твой дружескій привѣтъ
Мое несчастье открываетъ.
Возможно ль это? даже ты
Ко мнѣ питаешь состраданье!
Я зналъ тебя, какъ извѣданье,
Какъ хладный образъ красоты.
О Боже! видно жалокъ я,
Что и она заговорила
И обо мнѣ слезу сронила...
Что даже камню жаль меня!
Умилосердись, о Творецъ!
И Ты надъ участью несчастной:
Пошли покой мнѣ—и конецъ
Моей трагедіи ужасной!

Ө. Миллеръ.

СОВРЕМЕННАЯ
ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

1857.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНИСЬ

ИНСТИТУТЪ СТОЯ ВЪ ІЕНЪ.

Іена, 10-го августа.

Въ моемъ предыдущемъ письмѣ я коснулся положенія германской философіи въ наше время. Я упомянулъ о многихъ неутѣшительныхъ симптомахъ: о равнодушіи, о недовѣрїи большинства, о легкомысленной самонадѣянности, съ какою выступаютъ на сцену творцы новыхъ системъ, поборники бессмысленныхъ ученій, о трудностяхъ, съ которыми сопряжено оживленіе философскаго духа въ молодомъ поколѣнїи. Но я коснулся этого предмета только съ одной стороны. Дѣйствительно, если судить по вавилонскому смѣшенію, господствующему на кафедрахъ и въ философской литературѣ, можно бояться за будущее развитіе мысли. Но совсѣмъ иначе представится намъ дѣло, если мы обратимъ вниманіе на другія области науки и жизни. Тутъ напрасно будемъ мы искать значительныхъ и прочныхъ слѣдовъ тѣхъ новыхъ ученій, которыя еще недавно такъ увлекали, такъ волновали умы. Иныя изъ нихъ совершенно исчезли съ политическими и соціальными стремленіями, придавшими имъ минутный блескъ своимъ сродствомъ; другія спокойно процвѣтаютъ въ умахъ своихъ творцовъ и немногихъ посвященныхъ, и тѣмъ ограничиваются. Но зато во всемъ, что имѣетъ жизнь и силу въ духовной жизни Германіи, вѣетъ живительный духъ той философіи, которая вошла въ плоть и кровь поколѣнїя, родившагося въ началѣ нашего столѣтія. Если, по вѣчнымъ законамъ историческаго развитія, художественная дѣятельность, проснувшаяся съ такою дивною силою въ Германіи наканунѣ блестящаго развитія философіи, уступила ей мѣсто и видимо ослабѣла, то никогда можетъ-быть не было такой дѣятельности во всѣхъ отрасляхъ науки, никогда такого живаго участія массъ въ ея результатахъ. Законы природы, исторїи, искусства, перестали быть исключительно областїю немногихъ мыслителей. Сродство всѣхъ явленій въ жизни природы и въ жизни человѣчества съ процессами нашего духа, хотя и не ясно, представляется всѣмъ умамъ и понуждаетъ ихъ къ знанію, къ расширенію горизонта, къ развитію. Этимъ потребностямъ соответствуетъ неслыханная доселѣ дѣятельность въ научной и критической литературѣ. Преграды между наукою и жизнїю, между жизнїю и искусствомъ пали навсегда. Сомнѣваться ли намъ, что такія стремленія, такая дѣятельность служатъ намъ залогомъ гармоническаго развитія общественныхъ и политическихъ отношеній въ будущемъ?

Но нигдѣ можетъ-быть стремленія и идеалы какого-либо общества не выражаются такъ полно и ярко, какъ въ его взглядахъ на воспита-

ніе. Со времянь Платона, каждый шагъ въ развитіи мысли быстро отзывался и въ идеяхъ о воспитаніи. Естественное желаніе отца осуществить въ сынѣ то, чего не могъ онъ осуществить въ собственной жизни, это желаніе существуетъ во всякомъ мыслящемъ поколѣніи относительно слѣдующаго, и находитъ выраженіе въ дѣятельности страстныхъ спеціалистовъ по части педагогики. Эта дѣятельность всегда интересный, многозначительный симптомъ. Такъ и теперь въ Германіи. Поэтому я считаю неизлишнимъ поговорить съ вами объ одномъ такомъ спеціалистѣ, посвятившемъ себя съ рѣдкою любовью и энергіей дѣлу воспитанія. Тѣ идеи и убѣжденія, которыя выражаются въ устройствѣ его заведенія и въ его методѣ воспитанія, придаютъ особенный интересъ его трудамъ. Не менѣе интересны тѣ средства къ осуществленію его педагогическихъ убѣжденій, которыя внушило ему его рѣдкое практическое знаніе, его неусыпное исканіе истиннаго пути.

Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ нравственными и умственными требованіями нашего времени, согласится, что вопросъ о воспитаніи въ наше время требуетъ рѣшенія болѣе сложнаго, болѣе многостороннаго, чѣмъ когда-нибудь. Въ самомъ дѣлѣ, теперь нѣтъ болѣе рѣчи о возстановленіи отвлеченнаго, идеальнаго человѣка, о которомъ мечталъ Руссо; мы знаемъ, что его Эмиль могъ бы быть гражданиномъ небывалаго общества, основаннаго на договорѣ, но не на исторической дѣйствительности. Съ другой же стороны, каждому ясно, что воспитаніе, разсчитанное исключительно на узкую сферу мѣстныхъ и временныхъ потребностей, заглушаетъ врожденную человѣку способность развитія, погружаетъ его въ самодовольную косность. Гдѣ же средній путь между этими крайностями? До какой степени воспитаніе должно быть національно и современно, до какой степени долженъ быть развитъ въ немъ элементъ общечеловѣческой, вѣчный? Не менѣе затруднительна другая, капитальная задача воспитанія. Никто въ наше время не сомнѣвается, что всякая индивидуальность имѣетъ полное право на самобытное развитіе, что подведеніе всѣхъ личностей подъ неизмѣнный уровень — нестерпимое насиліе. Но кто не ужасался при видѣ страшнаго развитія, до котораго дошелъ въ наше время индивидуализмъ! Гдѣ же истинная, законная граница этому стремленію, гдѣ средства удержать его развитіе въ должныхъ предѣлахъ, не насилуя природы ребенка?

Теоретическое разрѣшеніе этихъ вопросовъ легко. Единственное спасеніе отъ ложнаго идеализма, не уживающагося съ исторически-необходимыми формами дѣйствительности, и ищущаго простора въ небываломъ, отвлеченномъ порядкѣ вещей, есть изученіе дѣйствительности, ея историческихъ условій, познаніе разумной необходимости, господствующей въ ней. Единственное спасеніе отъ

тупаго квіетизма есть столь же глубокое познаніе необходимости прогресса, всестороннее развитіе духа, возбужденіе той вѣры въ божественное назначеніе человѣчества, того энтузіазма, который даетъ силу превозмогать трудности пути въ надеждѣ на цѣль, который не боится великихъ жертвъ для малаго шага впередъ, потому что онъ знаетъ, что изъ такихъ малыхъ шаговъ, купленныхъ огромными трудами, состоитъ все развитіе человѣчества. Нѣтъ спасенія безъ признанія правъ современной и національной дѣйствительности, нѣтъ спасенія безъ признанія, что она только путь, хотя и необходимый, къ высшему единому развитію, что ея противорѣчій нельзя обойти, но нужно разрѣшить ихъ въ потѣ лица своего.

Съ другой стороны ясно, что каждое внѣшнее, искусственное ограниченіе личнаго развитія, какъ бы это ограниченіе ни было нужно, даже необходимо по постороннимъ соображеніямъ, не можетъ принести дѣйствительной пользы въ воспитаніи, что единственный нравственный и плодотворный способъ ограниченія личности есть *самоограниченіе*, что самоограниченію надобно учить дѣтей для ихъ блага и блага общества.

Но какъ рѣшить эти вопросы практически? Какъ создать, на основаніи этихъ началъ, систему воспитанія, вполне ихъ осуществляющую? Педагогическій институтъ Стоя есть опытъ такого рѣшенія, и опытъ во многихъ отношеніяхъ удачный. Позвольте мнѣ поговорить съ вами подробно объ этомъ заведеніи.

Стой съ 1843 года профессоромъ при Іенскомъ университетѣ, и читаетъ попеременно педагогику, психологію и логику. Въ 1844 году онъ принялъ на себя управленіе частнымъ учебнымъ заведеніемъ, которое съ тѣхъ поръ быстро растетъ и развивается. Въ 1853 году выстроены большой, удобный и изящный домъ для помѣщенія института, и въ немъ теперь считается 80 пансіонеровъ и столько же приходящихъ воспитанниковъ.

Чтобы дать вамъ понятіе объ организациіи школы, я сперва разкажу вамъ объ ея внутренней администраціи и о средствахъ нравственнаго воспитанія; потомъ перейду къ системѣ ученія.

Семья—такъ Стой называетъ свою школу, и, какъ вы увидите, это не фраза—состоитъ изъ самого директора, его жены, восьми учителей, которые всѣ живутъ въ домѣ и восьмидесяти пансіонеровъ. Каждый изъ учителей (въ томъ числѣ и директоръ) имѣетъ подъ своимъ специальнымъ надзоромъ *комнату*, то—есть группу изъ восьми до десяти учениковъ. Причисленіе вновь поступающаго ученика къ известной комнатѣ происходитъ слѣдующимъ образомъ: Новый ученикъ первыя шесть недѣль, или болѣе, проводитъ въ качествѣ гостя въ комнатѣ директора, и потомъ, по его благоусмотрѣнію, остается въ ней или переводится въ другую. При этомъ принимаются въ расчетъ личныя симпатіи ребенка, его возрастъ и характеръ, его на-

клонность къ тому или другому роду занятія. Каждая комната имѣетъ свое отдѣленіе въ дортуарѣ, обѣдаетъ за однимъ столомъ, гуляетъ отдѣльно, имѣетъ свой общій капиталецъ, свой общій участокъ въ виноградникѣ профессора Стоя, и виноградникъ этотъ обрабатывается по усмотрѣнію маленькаго общества. Каждое утро, передъ началомъ учебнаго дня, всѣ учителя собираются въ кабинетѣ директора, и каждый долженъ отдать краткій отчетъ въ поведеніи каждаго изъ вѣренныхъ ему учениковъ. Въ концѣ каждой недѣли происходитъ длинная конференція о томъ же предметѣ; тутъ подробно обсуживаются тѣ мѣры, которыхъ требуетъ характеръ и предварительное развитіе каждаго ученика. Кромѣ того, въ теченіе каждаго полугодія, учителя обязаны представить письменно подробную характеристику каждаго изъ своихъ спеціальныхъ воспитанниковъ, и эти документы хранятся для справокъ и для сравненія. Чтобъ еще болѣе ознакомиться съ индивидуальностію каждаго изъ учениковъ, самъ директоръ даетъ уроки во всѣхъ классахъ. Благодаря этимъ средствамъ, директоръ и каждый изъ учителей близко знакомы съ личностію каждаго ребенка, и между воспитателями и воспитанниками завязываются тѣ дружескія, человѣческія отношенія, которыя составляютъ первое условіе успешнаго воспитанія. Стой обратилъ особенное вниманіе на этотъ важный пунктъ. Его собственный примѣръ, строгій выборъ учителей между людьми, дѣйствительно проникнутыми любовью къ дѣлу воспитанія, вся организація школы способствуетъ сближенію учителей съ учениками.

Въ высшей степени важны въ этомъ отношеніи средства для сохраненія порядка въ школѣ, мѣры предупредительныя и исправительныя. На первыя, разумѣется, обращено особенное вниманіе. Главная и самая дѣйствительная изъ нихъ—многостороннія средства къ занятію дѣтей въ свободные часы. Обширныя мастерскія, наполненныя токарными станками и всѣми приборами для различныхъ рукодѣлій, химическая лабораторія, коллекціи по части естественныхъ наукъ, музыкальныя упражненія, устроенныя въ большихъ размѣрахъ, все это при своей доступности и при постоянномъ поощреніи и участіи со стороны учителей, совершенно поглощаетъ дѣятельность большей части учениковъ, и не даетъ имъ времени думать о шалостяхъ. Другая предупредительная мѣра, не менѣе важная, есть большая свобода во всемъ, что не заключаетъ въ себѣ положительнаго зла, отсутствіе всякаго формализма, раздражающаго подвижную натуру ребенка и заставляющаго его смотрѣть на всѣ распоряженія старшихъ какъ на произвольное стѣсненіе его дѣятельности. Происходящая отъ этого рѣдкость наказаній придаетъ имъ важность и дѣйствительность, о которой нельзя себѣ составить понятія, если судить по школамъ, гдѣ весь порядокъ держится на побудительныхъ мѣрахъ. Въ самомъ дѣлѣ, натура ребенка такъ нѣжна и воспримчива, что она

становится равнодушна къ наказаніямъ только вслѣдствіе притупленія безсмысленно насильственными средствами. Самымъ лучшимъ примѣромъ тому служить описываемый мною институтъ, гдѣ, вслѣдствіе многолѣтнихъ усилій директора, удалось исключить почти всѣ наказанія, — я говорю: почти, потому что при всѣхъ стараніяхъ нельзя избѣгнуть ихъ въ исключительныхъ случаяхъ, необходимо представляющихся въ школѣ, составленной изъ дѣтей самаго разнообразнаго домашняго воспитанія. Но обо всѣхъ тѣхъ исправительныхъ средствахъ, которыя приняты въ обыкновенныхъ школахъ, какъ постоянныя гигиеническія мѣры, тутъ нѣтъ и помину. Такъ, напримѣръ, сидѣніе въ классѣ послѣ урока, въ случаѣ неисполненія заданной работы, совершенно отиѣнено. Опытъ доказалъ, что отъ такой мѣры страдаетъ здоровье ребенка, и не выигрываетъ его прилежаніе. Въмѣсто того употребляется самое простое средство: ребенокъ призывается послѣ урока, и у него спрашиваютъ, къ какому сроку онъ можетъ приготовить упущенное? Ребенокъ самъ назначаетъ срокъ, къ которому онъ обѣщаетъ поправить упущеніе, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ не исполняетъ своего обѣщанія. Благодаря этой системѣ и рациональному методу ученія, о которомъ послѣ, исправительныя мѣры за лѣность неизвѣстны въ институтѣ. Что касается до почтительности и послушанія къ старшимъ, то тутъ лучшая гарантія — дружескія отношенія между воспитанниками и учителями. Труднѣе найти такой регулятивъ для отношеній дѣтей между собою. Тутъ природная страстность ребенка, присутствіе цѣлой толпы, которой легко сообщаются всѣ душевныя движенія отдельной личности, часто могутъ вести къ борьбѣ, къ несправедливости. Но и тутъ найдено средство, самое лучшее, потому что оно самое естественное. По моему мнѣнію, полный успѣхъ этого средства въ институтѣ Стоя есть важный шагъ въ педагогической практикѣ. Состоитъ оно въ слѣдующемъ: вездѣ, гдѣ дѣти сходятся толпою, при гимнастическихъ упражненіяхъ, при общественныхъ играхъ, при работахъ въ саду, они подвержены извѣстнымъ правиламъ, охраняющимъ права личности и опредѣляющимъ ея общественныя обязанности. Но не надзиратели смотрятъ за исполненіемъ этихъ правилъ. Для этого дѣти выбираютъ изъ своей среды особыхъ начальниковъ, и, въ случаѣ надобности, цѣлый судъ для разсмотрѣнія спорныхъ казусовъ. Рѣшенія этого суда пользуются безграничнымъ уваженіемъ. Разумѣется, за его дѣятельностію наблюдаютъ надзиратели, въ избѣжаніе возможныхъ злоупотребленій, которыя впрочемъ почти никогда не случаются. Опытъ доказалъ, что имъ обыкновенно приходится только смягчать наказанія, назначаемыя этимъ неумолимымъ трибуналомъ.

Такимъ образомъ, въ этомъ шумномъ народцѣ не только сохраняется порядокъ, но и развивается то уваженіе къ законной власти, которое часто навсегда утрачивается въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ эта власть является ребенку въ видѣ грубаго произвола.

Эта организація придаетъ институту Стоя особенный характеръ. Посѣтитель сперва пораженъ шумомъ и движеніемъ, происходящимъ вокругъ него: никакой правильности, никакого внѣшняго порядка. Но когда онъ всмотрится въ этотъ маленькій міръ, кипящій жизнью и дѣятельностію, его еще болѣе поражаетъ прочность внутренняго порядка, кроющагося подъ видимымъ произволомъ, простота и дружественность въ отношеніяхъ дѣтей между собою и къ своимъ надзирателямъ, свобода и жаръ, съ которыми производятся всѣ работы. Недавно одинъ папенька, осматривая институтъ съ намѣреніемъ помѣстить туда своихъ дѣтей, съ ужасомъ увидѣлъ свободное обращеніе воспитанниковъ съ учителями; громкіе разговоры и даже споры между ними, и спросилъ у Стоя: «Что же вы дѣлаете, когда кто-нибудь изъ учениковъ нагрубитъ учителю?»—Этого никогда не бываетъ, отвѣчалъ профессоръ, и онъ имѣлъ право такъ отвѣчать.

Перехожу къ разсмотрѣнію учебнаго метода въ институтѣ Стоя, къ разсмотрѣнію тѣхъ средствъ, которыми онъ старается рѣшить, сообразно раціональному взгляду на образованіе, эту вторую, запутанную половину вопроса о воспитаніи.

Задача образованія распадается на два важные вопроса: чему учить дѣтей, и какъ ихъ учить? Только разрѣшивъ первый вопросъ, можно оцѣнить всю трудность послѣдняго.

Въ самомъ дѣлѣ, въ наше время вопросъ о томъ, чему нужно учить дѣтей? при добросовѣстномъ разсмотрѣніи, не можетъ допускать разныхъ рѣшеній. Превосходство реалистическаго или гуманистическаго образованія можно защищать въ виду мѣстныхъ и временныхъ выгодъ, но не въ отношеніи къ духовному развитію ученика. Нѣтъ сомнѣнія, что только тотъ на пути къ истинному развитію, кому равно доступно пониманіе законовъ природы и законовъ челоуѣческаго духа, кому открыта возможность постичь единство того и другаго. Какой добросовѣстный педагогъ захочетъ обречь своего ученика на вѣчную односторонность, на вѣчное непониманіе окружающаго его міра, умышленно и исключительно обращая все его вниманіе на одну только половину этого міра, посредствомъ исключительно гуманистическаго или реалистическаго образованія? Какія внѣшнія соображенія и расчеты могутъ служить перевѣсомъ такой внутренней необходимости полнаго образованія? Итакъ нѣтъ спора, что для раціональнаго образованія въ равной степени необходимы, съ одной стороны изученіе древнихъ и новыхъ языковъ, съ другой—естественныхъ наукъ въ обширномъ смыслѣ слова, и наконецъ исторіи, этой живой связи всѣхъ наукъ для начинающихъ, этой совокупности всего знанія для знающихъ. Поэтому всегдашнимъ стараніемъ Стоя было уменьшеніе вынужденнаго внѣшними обстоятельствами расщепленія его института въ верхнихъ классахъ на реальную школу и гимназію. Ему удалось исполнить это отчасти, такъ что въ

его заведеніи ребенокъ не прежде пятнадцатаго года избираетъ одну изъ этихъ двухъ дорогъ, да и тутъ большая часть занятій остаются общими для обоихъ отдѣленій школы. Но упомянутыми нами отраслями знанія еще не исчерпаны всѣ области дѣятельности человѣческаго духа; ихъ преподаваніемъ не исчерпаны всѣ обязанности школы относительно ребенка. Неужели ему будетъ закрытъ міръ искусства, міръ, созданный человѣческимъ духомъ? Неужели дать въ немъ заглухнуть самой законной, самой высокой потребности человѣческой природы? И наконецъ, не лежитъ ли на школѣ обязанность развить и направить въ ребенкѣ самую глубокую способность человѣческаго духа, способность любви, вѣры и энтузіазма? Не лежитъ ли на ней трудная и святая обязанность дать ему релігіозное образованіе?

Но, увы! программа уроковъ, составленная сообразно изложеннымъ требованіямъ, принимаетъ огромные размѣры. Занимать дѣтей уроками часовъ по девяти, по десяти въ день, варварство непростительное, потому что оно ни къ чему не ведетъ. Здоровье ребенка слабѣетъ, его умственные способности притупляются или изощряются только на запоминаніе словъ и вѣшнихъ знаковъ. Опытъ доказалъ, что въ заведеніяхъ, гдѣ учатъ ребенка всему, онъ обыкновенно ничему не выучивается, между тѣмъ какъ изъ реальныхъ школъ и гимназій выходятъ по крайней мѣрѣ молодые люди, выучившіеся математикѣ и латинскому языку. Такъ неужели довольствоваться этими неполными результатами и предоставлять дополненіе образованія случайностямъ жизни? Неужели нѣтъ средства развить ребенка сообразно требованіямъ разума, не напрягая его умственныхъ способностей сверхъ силъ, не подвергая опасности его здоровья?

Такое средство конечно существуетъ. Никто не вздумаетъ утверждать, что невозможно развить ребенка сообразно потребностямъ, лежащимъ въ основаніи человѣческой природы. Но задача безконечно трудна, не только потому, что трудно вполне выработать рациональный методъ ученія, а также и потому, что приложеніе такого метода не такое дѣло, которому можно удѣлить опредѣленный часъ дня, въ остальное же время оставлять въ сторонѣ, а такое, которому добросовѣстный воспитатель долженъ посвятить всю жизнь, да и того мало.

Посмотримъ, каково понятіе Стоя о такомъ методѣ, и какъ онъ прилагаетъ его къ дѣлу воспитанія.

Главныя основы рациональнаго ученія, по мнѣнію Стоя, въпервыхъ основательная постепенность, вовторыхъ постоянная, живая связь между различными дисциплинами.

Каждый, кто имѣлъ случай наблюдать за дѣтьми и помнить собственное дѣтство, пойметъ важность перваго пункта. Сколько времени теряется, сколько свѣжихъ умственныхъ силъ притупляется

отъ несчастной легкости, съ которою дѣти запоминаютъ имена и формулы, не связывая съ ними никакого яснаго представленія! Какъ легко учителя удовлетворяются бойко-заученнымъ урокомъ, насколько не заботятся о томъ, соединяется ли въ умѣ ребенка хоть какое-нибудь понятіе съ затверженными словами, или онъ ихъ запоминаетъ только по тому, на которой страницѣ книги или тетради они находятся! И все далѣе ведетъ учитель свое ученіе на основаніи того, что будто бы извѣстно ребенку, и все болѣе привыкаетъ ребенокъ къ мнемонической гимнастикѣ и умственной лѣнн. Когда же въ немъ проснется потребность самостоятельнаго знанія, онъ принужденъ за все приняться сначала, а между тѣмъ приближается конецъ его учебнаго времени, ему некогда, и онъ выходитъ въ жизнь съ отрывочными свѣдѣніями, которыхъ связь ему темна, которыхъ развитіе ему невозможно.

Что касается до втораго пункта, то его значеніе не менѣе бросается въ глаза. Какъ не внести въ дѣло образованія того единаго свѣта, которымъ озарились въ наше время всѣ разнообразныя отрасли науки? Недаромъ исторія научила насъ логикѣ, недаромъ наблюдение ежедневно доказываетъ намъ безконечное могущество математическаго мышленія. Вотъ силы, которыя нужно развивать въ ребенкѣ, чтобъ онъ совладалъ съ массою необходимыхъ знаній; вотъ органы, которыми онъ охватитъ и сгруппируетъ въ своемъ умѣ тѣ разнообразныя факты, которые безъ того только отяготили бы его память.

Обратимся теперь къ практикѣ, введенной въ занимающемъ насъ институтѣ для осуществленія такого учебнаго метода.

Между воспитанниками профессора Стоя есть дѣти не старше пяти лѣтъ, не умѣющія еще читать, и находящіяся подъ надзоромъ его жены. Какъ всѣ добросовѣстные педагоги, профессоръ Стоя убѣдился на практикѣ въ совершенной бесполезности слишкомъ ранняго ученія дѣтей, въ непрочности школьныхъ свѣдѣній, привитыхъ къ неразвившемуся уму. Но съ другой стороны, онъ обратилъ особенное вниманіе на умственную дѣятельность дѣтей именно въ этотъ ранній періодъ, гдѣ она такъ изумительно-жива и такъ часто принимаетъ совершенно-превратное направленіе. Въ самомъ дѣлѣ, пробуждающіяся силы человѣческаго сознанія такъ жадно требуютъ пищи и занятія, что оно не можетъ оставаться пустымъ и празднымъ. Тутъ — то необходимо давать ему разнообразную, но здоровую пищу. Умственные процессы въ ребенкѣ такъ быстры, что если не дать имъ болѣе обширнаго поля, они способны создать цѣлый міръ изъ незначущихъ предметовъ, окружающихъ его, изъ случайно-сказанныхъ при немъ словъ, изъ узоровъ на стѣнѣ комнаты, изъ звуковъ, которые онъ слышитъ по ночамъ. Кто не имѣлъ случая наблюдать, въ нашемъ неестественномъ городъ

скомъ быту, при воспитаніи, предоставленномъ нянькамъ и служанкамъ, такіа болѣзненно-одностороннія развитія, такую изумительную работу дѣтскихъ головокъ надъ скуднымъ матеріаломъ, доступнымъ ихъ созерцанію? Кто, читая романы Диккенса, не содрогался при мастерскихъ описаніяхъ такихъ душевныхъ состояній? Трижды счастливы дѣти, выросшія въ деревенскомъ просторѣ, а не въ душной дѣтской, въ обществѣ разумныхъ родителей, а не безсознательныхъ слугъ! Каждое изъ первыхъ, свѣжихъ впечатлѣній дѣтства служить къ обогащенію, къ укрѣпленію ихъ развивающагося разума, между тѣмъ какъ въ тѣсотѣ искусственнаго быта оно только еще болѣе запутываетъ хаотическую вереницу грезъ и мечтаній, смѣняющихся въ подвижномъ воображеніи ребенка.

Поэтому-то это малолѣтнее отдѣленіе института находится, когда это только возможно, въ саду заведенія или выходитъ изъ него на прогулку за городъ. Но и тутъ маленькіе перипатетики, какъ ихъ въ шутку прозвалъ Стой, не предоставлены сами себѣ. На всякое явленіе въ природѣ, легко врѣзывающееся въ память, обращаютъ ихъ вниманіе: на мѣсто, гдѣ заходятъ и всходятъ солнце и луна, на движеніе облаковъ, на прилетъ и отлетъ птицъ, на цвѣтеніе замѣчательныхъ растений. Обо всемъ этомъ, и вообще обо всемъ, что доступно ихъ наблюденію и привлекаетъ ихъ вниманіе, говорятъ съ дѣтьми и еще болѣе заставляютъ ихъ самихъ говорить, чтобъ узнать, какъ укладывается въ ихъ умѣ все видѣнное, и въ случаѣ надобности навести ихъ на болѣе ясное пониманіе. Первый урокъ маленькимъ воспитанникамъ—изустные разказы изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, съ помощію картинокъ, строго выбранныхъ въ отношеніи къ понятности и правильности рисунка. Этотъ послѣдній пунктъ, какъ мнѣ кажется, важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Дѣтямъ даютъ въ руки кой-какія картинки, кой-какія игрушки, не думая о томъ, что для ребенка каждая игрушка, каждая картинка—событіе, глубоко-врѣзывающееся въ память, возбуждающее въ его умѣ цѣлый міръ представлений. Въ этомъ отношеніи нельзя не похвалить всего внутренняго устройства заведенія: строгіе и простые орнаменты въ готическомъ стилѣ, гравюры съ классическихъ картинъ и гипсовые слѣпки съ хорошихъ барельефовъ, вотъ все, что дѣти видятъ на стѣнахъ общихъ залъ и дортуаровъ.

Я упомянулъ объ игрушкахъ. И на нихъ, какъ и на игры вообще, обратилъ вниманіе профессоръ. Роскошныя и сложныя игрушки, не побуждающія ребенка къ другому труду, какъ только къ тому, чтобы разбить ихъ, и дѣлающія его взыскательнымъ къ игрушкамъ вообще, вовсе не допускаются въ институтъ. Болѣе всего въ ходу игрушки, дающія только матеріалъ для дѣятельности ребенка, мячики и волчки, кирпичики и деревяшки. Эта послѣдняя игрушка, по справедливости, можетъ быть названа классическою. Куча деревяшекъ различной

величины, имѣющихъ между собою опредѣленные геометрическія отношенія, представляетъ ребенку безконечное поле дѣятельности; онъ пріобрѣтаетъ глазомѣръ и ясное пониманіе геометрическихъ формъ, даже имѣетъ случай развивать изобрѣтательность и вкусъ при сооруженіи своихъ шаткихъ построекъ. Наравнѣ съ играми, развивающими тѣлесную силу и ловкость ребенка, поощряются въ институтѣ всѣ общественныя игры, въ которыхъ дѣти имѣютъ случай дѣйствовать дружно, по общему плану.

Но проходитъ время перваго дѣтства. Ребенокъ научается читать; ему пора приняться за изученіе ариѳметики, исторіи, географіи, языковъ. Въ преподаваніи всѣхъ этихъ наукъ слѣдуютъ общему методу, характеризованному выше, то—есть идутъ медленно, шагъ за шагомъ, постоянно удостовѣряясь въ томъ, что ребенку совершенно ясно все предыдущее, постоянно возбуждая его къ самобытной дѣятельности, не къ буквальному запоминанію результатовъ. Объемъ письма не позволяетъ мнѣ входить въ подробное разсмотрѣніе частныхъ пріемовъ, употребляемыхъ при преподаваніи каждой науки, но вы мнѣ позволите разказать вамъ для примѣра, какъ приступаютъ къ преподаванію географіи.

Прежде всего даютъ ученикамъ въ руки подробный планъ города Іены, и стираются, чтобы они составили себѣ ясное понятіе о соотношеніи плана съ дѣйствительностію. Послѣ того дѣти, подъ руководствомъ старшаго товарища, сами принимаются рисовать такой планъ, сами измѣряютъ длину улицъ, углы, и т. д. Потомъ переходятъ къ изученію подробной карты окрестностей Іены, при чемъ производится безпрестанныя экскурсіи по изученнымъ мѣстностямъ. Характеръ этихъ мѣстностей, необыкновенное разнообразіе горныхъ уступовъ и развѣтвленій, богатство рудниковъ, ручьевъ и рѣчекъ, соединяющихся между собою и съ Заалою, придаютъ этому изученію особенный интересъ. Такимъ образомъ дѣти съ самаго начала пріобрѣтаютъ совершенно ясное понятіе обо всѣхъ картографическихъ знакахъ, и изучаютъ рѣчной бассейнъ, который при своемъ маломъ объемѣ и характеристическомъ развитіи даетъ ясное понятіе объ образованіи рѣкъ, объ ихъ отношеніи къ горнымъ массамъ, даже о группированіи человѣческихъ жилищъ въ деревни, мѣстечки и города, сообразно характеру мѣстности.

Облегченное такими прочными основаніями, ученіе идетъ далѣе и осложняется. Къ латинскому и французскому языку присоединяются англійскій и греческій; изученіе исторіи и географіи съ одной стороны, съ другой занятія математикою, физикою, химіею и прочими естественными науками, наконецъ изученіе религіи принимаютъ все болѣе серіозный характеръ.

Тутъ-то именно, при постоянномъ осложненіи предметовъ занятія, является необходимость ясно выставить передъ учениками

живую связь всѣхъ отраслей знанія между собою, единство законовъ, управляющихъ міромъ физическимъ и духовнымъ. Тутъ приходится давать преподаванію ту цѣлость и единство, которое всякій мыслящій человѣкъ видитъ въ совокупности всѣхъ отдѣльныхъ наукъ. Тутъ нѣтъ спасенія безъ дружной, взаимно-дополняющейся дѣятельности всѣхъ преподавателей. Тутъ изученіе исторіи начинается опираться на географію и естественныя науки, облегчаться и оживляться знакомствомъ съ различными языками и литературами, съ развитіемъ искусствъ и промышленности, и каждое изъ этихъ отдѣльныхъ ученій развивается въ стройномъ, исторически-логическомъ порядкѣ. Тутъ передъ глазами ученика начинается связь всѣхъ явленій неодушевленнаго міра, неумолимая логика управляющихъ ими математическихъ законовъ. Наконецъ, въ изученіи развитія въ природѣ, будь это развитіе всякаго отдѣльнаго существа, или развитіе всего земнаго міра въ продолженіи геологическихъ эпохъ, передъ нимъ является та же законная связь, которая выяснилась для него въ исторіи человѣчества, въ исторіи всякаго развитія.

Не менѣе важенъ въ отношеніи ко всестороннему образованію способъ употребленія вакаціоннаго времени. Осеннія вакаци продолжаются шесть недѣль. Въ это время, вся школа раздѣляется на четыре группы по возрастамъ, и каждая группа съ тремя учителями отправляется путешествовать. Младшая группа отправляется въ Тюрингеръ-Вальдъ; слѣдующая, на Гарцъ; третья, въ Фихтельгебирге или въ Ризенгебирге; старшая, съ самимъ профессоромъ, въ Тироль и Швейцарію. Въ продолженіе лѣта, каждое отдѣленіе спеціально изучаетъ географію назначенной ему мѣстности, рисуетъ ея карту, знакомится съ ея исторіею, съ ея геологическимъ характеромъ, съ ея флорою и фауною. Учителямъ вѣняется въ обязанность впередъ серіозно изучить все, что должно встрѣтиться на пути. Одинъ долженъ заняться естественною исторіею избранной полосы, другой принимается за изученіе интересныхъ памятниковъ, мѣстныхъ преданій, и т. д. Такимъ образомъ приготовленное, каждое общество пускается въ путь, гдѣ нужно, по желѣзнымъ дорогамъ, большею же частію пѣшкомъ. Нечего говорить, сколько живыхъ наслажденій эти путешествія доставляютъ молодымъ людямъ, сколько живаго знанія приобрѣтаютъ они, подъ руководствомъ мыслящихъ людей, на этихъ походахъ среди роскошной природы, на богато-исторической почвѣ, гдѣ что шагъ, то воспоминаніе, связанное съ характеристическимъ памятникомъ. Такъ, и только такъ, можно дать почувствовать ученикамъ всю прелесть изученія природы и исторіи, пробудить въ ихъ душахъ тѣ созвучныя имъ струны, которыя, разъ проснувшись въ человѣкѣ, остаются чуткими навсегда, и служатъ залогомъ богатаго развитія.

Остается мнѣ еще сказать нѣсколько словъ о важномъ и трудномъ пунктѣ, о религіозномъ воспитаніи. Не стану распространяться о способѣ преподаванія закона Божія, о характерѣ религіозныхъ поученій, которыя дѣти слышатъ въ домашней часовнѣ Стоя. При всей моей личной симпатіи къ этой части преподаванія въ институтѣ, я за недостаткомъ свѣдѣній по этому предмету вообще, не берусь о немъ говорить. Но не могу не упомянуть о томъ живомъ религіозномъ духѣ, который вѣетъ въ преподаваніи всѣхъ наукъ, и который, конечно, важнѣе всякаго догматическаго ученія. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, профессоръ Стой указываетъ на изученіе исторіи и языковъ какъ на первыя средства, чтобы сдѣлать изъ дѣтей истинныхъ христіанъ. Онъ убѣжденъ, что нельзя, углубившись въ изученіе исторіи, не вынести изъ него вѣры въ постепенное осуществленіе царства Божія на землѣ, что нельзя, знакомясь посредствомъ языковъ съ сущностію чуждыхъ народовъ, не узнать въ нихъ братьевъ и не полюбить ихъ. Понятно, что гдѣ преподаватели проникнуты такими религіозными воззрѣніями, преподаваніе каждой науки должно прививать ихъ и къ ученикамъ.

Я уже упомянулъ о вниманіи, которое Стой посвятилъ эстетическому образованію своихъ воспитанниковъ. Пѣніе и вообще занятія музыкою процвѣтаютъ въ институтѣ. Изъ учениковъ составилъ очень порядочный оркестръ; поютъ всѣ безъ исключенія. Строгій выборъ піесъ (преимущественно исполняютъ музыку Баха, Гайдна, Моцарта, Мендельсона) рано развиваетъ вкусъ дѣтей, и оставляетъ имъ на всю жизнь драгоценную способность понимать произведенія великихъ мастеровъ и наслаждаться ими. Не менѣе тщательно преподается рисованіе. И тутъ стараются по возможности развивать природныя дарованія и вкусъ ребенка посредствомъ рисованія съ натуры и посильнаго знакомства, черезъ гравюры и слѣпки, съ классическими произведеніями искусства.

Можно было бы опасаться, что при такой обширной программѣ предметовъ ученія, дѣти будутъ слишкомъ обременены уроками въ ущербъ ихъ здоровью; но на дѣлѣ выходитъ иначе. Впервыхъ, число ежедневныхъ уроковъ значительно уменьшается отъ рациональнаго метода ученія; вовторыхъ, обращено особенное вниманіе на гігіеническое воспитаніе учениковъ. Ежедневныя гимнастическія упражненія въ продолженіе всего года и ежедневное купанье лѣтомъ, работы въ саду и прогулки поддерживаютъ въ воспитанникахъ института замѣчательную бодрость и здоровье, поражающія при первомъ взглядѣ.

Не хочу окончить своего письма, не упомянувъ о другомъ заведеніи, быстро развивающемся въ Іенѣ, также подъ руководствомъ профессора Стоя. Это — педагогическая семинарія, соединенная съ народною школой. Въ члены педагогической семинаріи принимается

каждый желающій изъ молодыхъ людей, окончившихъ университетскій курсъ и посвящающихъ себя духовному или учебному поприщу. Въ народной школѣ, посѣщаемой сотнею изъ бѣднѣйшихъ дѣтей въ городѣ, эти молодые люди находятъ самый лучший случай къ упражненію въ педагогической дѣятельности, подъ руководствомъ опытнаго директора. При школѣ находится обширный садъ, обрабатываемый дѣтьми въ ихъ собственную пользу. Молодые преподаватели служатъ вмѣстѣ съ надзирателями, какъ и въ институтѣ, и смотрятъ поочередно за работами и играми. Это заведеніе приноситъ большую пользу бѣднымъ дѣтямъ города, не имѣющимъ дома ни малѣйшихъ средствъ къ воспитанію. Тутъ они не только обучаются всѣмъ необходимымъ элементамъ наукъ, но и приходятъ въ ежедневное, соприкосновеніе съ людьми образованными, которые съ истинною любовью занимаются дѣломъ воспитанія. Но можетъ-быть еще болѣе пользы приноситъ заведеніе молодымъ преподавателямъ. Поучительныя трудности педагогической практики надъ толпою дѣтей, не получившихъ никакого предварительнаго образованія, въ заведеніи, гдѣ такъ твердо держатся началъ гуманнаго, по возможности семейнаго воспитанія, конечно, лучшее приготовленіе къ обширному педагогическому поприщу. Это заведеніе—предметъ особенной любви и попеченій профессора Стоя; въ нынѣшнемъ году онъ выстроилъ для него, на свой счетъ, новый обширный домъ. Благодаря его усиліямъ, оно принесло уже почтенные результаты. Болѣе трехъсотъ молодыхъ людей разослало оно по всей Германіи, людей, вооруженныхъ знаніемъ и терпѣливостью, добытою опытомъ. Такимъ образомъ, дѣятельность профессора Стоя не ограничивается Іеною, а посредствомъ этого разсадника распространяетъ и вдалѣ благодѣянія рациональнаго, добросовѣстнаго метода воспитанія.

Ограничиваюсь на сей разъ этимъ, и оставляю до будущаго письма то, что я хотѣлъ сказать вамъ о Веймарѣ.

С. Рачинскій.

Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригю и Ганзейскими городами, въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. Найдены въ Рижскомъ архивѣ К. Э. Наперскимъ и изданы Археографическою Коммиссіей: Спб. 1857.

Въ первый еще разъ наши древніе памятники являются въ такомъ роскошномъ видѣ, какъ въ новомъ изданіи Археографической Коммиссіи, заглавіе котораго мы выписали. Прежнія изданія коммиссіи были чрезвычайно просты; лучшимъ изданіемъ актовъ до сихъ поръ было «Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ»

графа Румянцева. Но въ румянцевскомъ изданіи были приложены только снимки съ печатей и подписей; а въ новомъ изданіи Археологической Коммиссіи приложены снимки цѣлыхъ актовъ (8 литографированныхъ листовъ) съ тою вѣрностію и роскошью, какая только возможна для современнаго искусства. Такое изданіе имѣетъ цѣлью не только удовольствіе любителей, но и пользу для филологовъ и археологовъ. Для историковъ и юристовъ, которымъ важно содержаніе актовъ, а не начертаній древнихъ буквъ, такое изданіе не представляетъ большой важности; поэтому жаль что коммиссія не напечатала этихъ актовъ въ такомъ видѣ, какъ печатала прежде, потому что настоящее роскошное изданіе девяти актовъ (всего нѣсколько страницъ обыкновенной печати) стоитъ столько же, сколько два огромныхъ тома «Историческихъ Актовъ». Предоставляемъ филологамъ оцѣнить важность новаго изданіи, для ихъ науки, съ своей же стороны представляемъ ихъ оцѣнку въ историко-юридическомъ отношеніи. Въ разбираемомъ нами изданіи помѣщено, какъ мы сказали, девять грамотъ: 1) Договоръ великаго князя Александра Невскаго и Новгородцевъ съ Нѣмцами (1257—59 г.) и прибавленіе къ нему—договоръ князя Ярослава Владиміровича (1195 г.); 2) Договоръ съ Ливонскимъ орденомъ полоцкаго князя Гердея (1264 г.) и прибавленіе къ нему—грамота полоцкаго князя Изяслава ливонскому гермейстеру и Рижанамъ о свободной торговлѣ (1265 г.); 3) Грамота рижскаго архіепископа къ великому князю Феодору Ростиславичу Смоленскому (1297 г.); 4) Правая грамота смоленскаго великаго князя по судному дѣлу о колоколѣ (1284 г.); 5) Грамота великаго князя Андрея Александровича къ мужамъ датскаго короля (1294—1304 г.); 6) Грамота полоцкаго епископа Іакова Рижанамъ (1300 г.); 7) торговый договоръ Полоцка съ Ригю; 8) Грамота смоленскаго князя Александра Глѣбовича къ Рижанамъ (1300 г.); 9) Грамота великаго князя Андрея Александровича Рижанамъ (1301 г.).

Изъ этихъ актовъ нѣкоторые не представляютъ большого интереса; таковы № 3, грамота рижскаго архіепископа, въ которой онъ проситъ князя Феодора не вѣрить обвиненію, что Рижане убили русскаго купца, № 5 — извѣщеніе князя Андрея Александровича мужамъ датскаго короля въ Ревель, что онъ, въ отвѣтъ на ихъ посольство, послылалъ къ нимъ для заключенія договора, отъ себя и отъ всего Новгорода, сына своего Владиміра и бояръ Кузьму и Илью: «что имутъ молвити послы великаго князя и новгородскіе тому вѣру имать, послыѣ нашими усты молятъ къ вамъ». № 8 — привѣтъ смоленскаго князя Александра Рижанамъ, съ увѣдомленіемъ, что онъ желаетъ пребывать съ ними въ тѣхъ же дружескихъ отношеніяхъ, какъ и отецъ его. Зато другіе представляютъ нѣсколько интересныхъ данныхъ, не только относительно нашего древняго между-

роднаго, но и внутренняго права. Последнее особенно для насъ важно по тому, что акты относятся къ эпохѣ средней между древнѣйшею (киевскою) Русью и Московскимъ государствомъ, эпохѣ, о которой мы имѣемъ самыя скудныя, юридическія данныя.

Главною цѣлью договоровъ было оградить безопасность и порядокъ взаимныхъ торговыхъ сношеній. Въ двухъ доселѣ извѣстныхъ договорахъ Новгорода и Смоленска съ Ригю и Готландцами (1), эти отношенія опредѣлены довольно обстоятельно. Главныя постановленія этихъ договоровъ, относительно торговли, слѣдующія: Двина, во всемъ ея протяженіи, свободна для обоюднаго торговаго судоходства; торговля всякими товарами совершенно свободная и безпошлинная; въ опасныхъ мѣстахъ (около Волока) купцамъ даются проводники; нѣмецкіе гости составляютъ въ Новгородѣ и Смоленскѣ общину, которая судитъ всѣ ихъ распри, имѣетъ свои выборныя власти (тоже и Новгородцы и Смоленяне въ Ригѣ); въ случаѣ ссоры между Нѣмцами и Русскими судитъ территоріальная власть, но купецъ не можетъ быть по слѣдствію посаженъ въ тюрьму или арестованъ, если его старшина беретъ его на поруку; купцы освобождаются отъ военной службы того государства, куда пріѣхали; въ ссорахъ между собою купцы разбираются своими старѣйшинами; въ случаѣ торговой несостоятельности иноземный купецъ получаетъ долгъ прежде туземнаго; купцы пользуются и другими льготами при судопроизводствѣ: они могутъ отказываться отъ рѣшенія дѣла Божьимъ судомъ; дворъ гостиный — нѣмецкій пользуется почти экстерриторіальностью: только княжескій посолъ можетъ входить въ него, — онъ даетъ убѣжище преступникамъ и проч.

Таковы были начала международной торговли западныхъ русскихъ городовъ съ Ганзою; обѣ стороны сознавали всю выгоду мирной торговли и старались охранять ее отъ всякаго стѣсненія. Только при такихъ исключительныхъ правахъ могла существовать въ средніе вѣка безопасность торговли. Московскій самодержецъ Иванъ III убилъ эту торговлю однимъ самовластнымъ поступкомъ.

Такъ какъ Нѣмцы, за преступленія, совершенныя въ Россіи, судились русскимъ судомъ, то въ договорахъ означались болѣе частыя изъ тогдашнихъ преступленій и наказанія за нихъ; такимъ образомъ здѣсь высказывались неизвѣстныя намъ изъ другихъ источниковъ постановленія тогдашняго русскаго законодательства.

Любопытный въ этомъ отношеніи актъ есть мирный договоръ Ярослава Владиміровича 1195 году, № 1, в). Здѣсь опредѣлены наказанія за убійство и безчестіе. «Русская Правда» налагала за убійство, увѣче и бой денежную пеню (виру), количество которой

(1) Ист. Гос. Росс. Т. III, примѣч. 244 и 243.

соразмѣрялось съ важностью нанесеннаго вреда и съ рангомъ обиженнаго лица: за убійство свободнаго платилось дороже, нежели раба, — мужчины дороже, чѣмъ женщины, — княжескаго чиновника дороже, чѣмъ смерда; вышею пеней было 80 гривенъ серебра. Въ упомянутомъ договорѣ положена высшая вира въ 20 гривенъ серебра, за убійство посла, попа и таля (заложника); за купца десять гривенъ, тоже что и въ извѣстныхъ уже договорахъ, напечатанныхъ въ исторіи Карамзина (т. III, примѣчанія 243 и 248). Далѣе, «Русская Правда» не опредѣляетъ наказанія за нарушение женской чести (изнасилованіе и друг.). Это преступленіе у насъ относилось къ церковному суду, слѣдовательно по грубости тогдашнихъ нравовъ считалось только нравственнымъ, а не юридическимъ преступленіемъ. Но Нѣмцы, которые стояли выше насъ въ общественномъ развитіи, наказывали Русскихъ, жившихъ у нихъ, за это преступленіе; отсюда, по началу взаимности, и Русскіе стали наказывать Нѣмцевъ. Такъ въ договорѣ 1228 г. (Карамз. т. III, примѣч. 248, ст. 13) положена вира въ 10 гривенъ сереб. за изнасилованіе свободной женщины; а въ разбираемомъ нами договорѣ это постановленіе гораздо подробнѣе: 1) за изнасилованіе свободной дѣвушки или замужней женщины 40 гривенъ; 2) честь рабы также охраняется: «Оже кто робу повержетъ насиліемъ, а не соромитъ, то за обиду гривна, паки ли соромитъ, собѣ свободна». Плата 40 гривенъ была «ветхими кунями, что конечно было несравненно меньше, чѣмъ гривнами серебра, ибо иначе изнасилованіе наказывалось бы вчетверо строже, чѣмъ убійство, что несогласно съ духомъ древняго права. Статья о безчестіи рабы весьма темна; какимъ образомъ она дѣлалась свободна? Вознаграждалъ ли изнасилователь ея господина? Ничего подобнаго не выражено. Наконецъ замѣтимъ еще любопытное постановленіе объ обидѣ женщины дѣйствіемъ. Извѣстно, что очень трудно опредѣлить, какія дѣйствія считать за обиду; это зависитъ отъ духа и нравовъ народа, и частіе — извѣстнаго класса, круга общества. Поэтому въ развитомъ государствѣ, гдѣ множество словъ общества, законодательству трудно опредѣлить факты обиды. Такъ на примѣръ наше уголовное законодательство вовсе не опредѣляетъ ихъ, предоставляя судьямъ и обществу отличать обидное дѣйствіе и слово отъ необиднаго. Въ разбираемомъ договорѣ опредѣлено наказаніе за дѣйствіе, которое и теперь считается въ нашемъ народѣ самымъ оскорбительнымъ для женщины. «Оже съгренеть чюжеіе женѣ повои съ головы или дщери, явится *простоволоса*, 6 гривенъ за соромъ.»

Другой замѣчательный актъ — торговый договоръ между Полоцкомъ и Ригою 1330 года (№ VII). Сначала идетъ постановленіе о точности вѣсовъ, впрочемъ гораздо короче того, которое находится въ другомъ договорѣ Полоцка съ Ригою 1407 года, помѣщенномъ въ

Актахъ Арх. Эксп. т. I, № 16. Потомъ слѣдуетъ весьма важное торговое постановленіе: если купецъ привезетъ «нечистый» товаръ (например въ воскѣ будетъ подмѣшано сало), то можетъ ѣхать назадъ съ своимъ товаромъ, а за обманъ судить и наказываетъ его свой государь. Такимъ образомъ здѣсь сдѣлано было исключеніе изъ общаго правила (1) о подсудности, выраженнаго во всѣхъ другихъ случаяхъ, что виновный судится въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершилъ преступленіе. Правая грамота (1284 г.), помѣщенная подъ № 4-мъ, вовсе не похожа на превосходныя московскія правыя грамоты, въ которыхъ рельефно изображается вся драма судопроизводства: это собственно только текстъ приговора. Смоленскій князь Ѳеодоръ судилъ дѣло Нѣмца Биреля съ Армановичемъ о колоколѣ, обвинилъ Армановича и выдалъ его съ его дворомъ истцу. Замѣтимъ, въ числѣ бывшихъ на судѣ съ княземъ, «окольниковъ» Луку. Это—древнѣйшее извѣстіе объ окольниковыхъ; притомъ здѣсь окольниковъ не имѣетъ того полицейскаго характера, какъ въ Судебникѣ, а есть членъ княжеской думы на ряду съ боярами. Далѣе, въ этой правой грамотѣ, мы видимъ приложение начала объ общемъ судѣ: на судѣ былъ князь и четыре боярина, а со стороны Нѣмцевъ также четыре купца. Въ грамотѣ полоцкаго князя Изяслава 1265 года (№ 2, в) встрѣчается въ первый разъ постановленіе: «поручники и должники и холопы выдати», постановленіе, составлявшее въ послѣдствіи существенную часть договоровъ между сѣверными князьями.

А. Лохвицкій.

НОВОСТИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Исторія славянскихъ законодательствъ. Сочиненіе Вячеслава Александра Мацейовскаго (Historia Prawodawstw Słowiańskich przez Wacława Alexandra Maciejowskiego). Изданіе второе. Томъ I (закрывающій въ себѣ введеніе, также очеркъ законодательства до-христіанскихъ временъ). Варшава, 1857. — 600 стр.

Это сочиненіе, безспорно, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ современной польской литературы. Авторъ назвалъ

(1) Такое правило выражено въ договорахъ XIII и XIV вѣковъ, но въ договорѣ начала XV вѣка Полоцка съ Ригою, напечатанномъ въ Акт. Арх. Эксп. т. I, № 16, выражено совершенно противоположное начало: «Аже Полочанинъ, чѣдъ проступитъ у Ризѣ, ино имъ (Рижанамъ) того до Полоцка послать, ино его тамъ Полочяне осудятъ по своему праву, также нѣмецкій купецъ чѣдъ проступитъ у Полоцку, ино его послать къ Ризѣ, ино его тамъ осудятъ по ризьскому праву.»

его вторымъ изданіемъ, хотя оно совершенно новое, и развѣ только по мысли связано съ прежнимъ, которое вышло назадъ тому слишкомъ двадцать лѣтъ. Г. Мацейовскій далъ ему новый видъ и гораздо обширнѣйшіе размѣры, воспользовавшись многими еще нетронутыми источниками. Изъ прежнихъ четырехъ небольшихъ томовъ теперь выйдетъ шесть огромныхъ. Цѣлый томъ будетъ заключать въ себѣ документы и матеріалы, то-есть памятники разныхъ славянскихъ законодательствъ, преимущественно польскіе. Для перваго изданія подобными документѣми служили «Древнѣйшіе памятники славянскаго законодательства», изданные въ Варшавѣ, въ 1838 году, г. Кухарскимъ, по матеріаламъ, собраннымъ г. Мацейовскимъ. Печатаніе перваго тома настоящаго изданія продолжалось цѣлый годъ, и потому авторъ теперь печатаетъ свое сочиненіе въ двухъ типографіяхъ вмѣстѣ, такъ что въ будущемъ году выйдутъ еще два тома и томъ 6-й, который будетъ состоять изъ документовъ.

«Исторія законодательства славянскихъ народовъ» есть одно изъ самыхъ важныхъ сочиненій г. Мацейовскаго. Онъ посвятилъ ему всю свою жизнь. Всѣ прочіе, многочисленные труды его, прежде изданные, служатъ дополненіями и поправками его главнаго труда, и, такъ сказать, группируются около него. Его исторія обнимаетъ собою политическое право славянскихъ странъ (*jus publicum*). Касательно этого права, въ польской литературѣ, есть уже много важныхъ сочиненій, къ числу которыхъ въ особенности должно отнести, по обширности и обработанности, сочиненіе Ленгниха, перепечатанное въ польскомъ переводѣ въ Краковѣ 1836 г. Оно чрезвычайно богато фактами и примѣрами, хотя его и нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ исторіею. Сюда же должно отнести сочиненіе Ивана Викентія Бандтке, недавно изданное его сыномъ. Въ немъ видны только приготовленія къ исторіи. Г. Мацейовскій пошелъ совершенно по другому пути и отличается болѣе подробнымъ изложеніемъ предмета, нежели его предшественники. Онъ и принадлежитъ къ числу жаркихъ приверженцевъ *славянства*; но, несмотря на то, что нѣкоторые его взгляды на любимый имъ предметъ односторонни, онъ тѣмъ не менѣе заслуживаетъ глубокаго уваженія за свои важные труды, дающіе ему право смѣло высказывать свои убѣжденія и стать гораздо выше всѣхъ возможныхъ славянофиловъ, которые ничѣмъ еще не доказали своихъ убѣжденій, позволяя себѣ ограничиваться кое-какими мыслями, отрывочно набросанными, да сравнительно-филологическими статейками, оскорбляющими достоинство науки.

Ограничиваясь предѣлами библиографической статьи, мы не будемъ подробно разсматривать сочиненія г. Мацейовскаго, тѣмъ болѣе, что теперь вышелъ еще только первый его томъ; но мы приведемъ его содержаніе, и замѣтимъ нѣкоторые особенности въ взглядѣ и приемахъ почтеннаго автора, показавшіеся намъ не совсѣмъ справедливыми.

Въ дополненіи къ первому тому своей исторіи (на стр. 498) г. Мацейовскій раскрываетъ общій взглядъ на ея новое изданіе. «Всѣ изслѣдованія, говоритъ авторъ, какія только мнѣ удалось сдѣлать въ продолженіи слишкомъ двадцати лѣтъ, я вознамѣрился изложить въ шести томахъ, размѣстивъ все сочиненіе въ двухъ отдѣлахъ. Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ рядъ сочиненій, явившихся въ продолженіе четырехъ лѣтъ, по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія «Исторіи законодательства», до настоящаго времени (отъ 1839 до 1856 г.), отдѣльно или въ періодическихъ изданіяхъ. Они приведены мною въ третьемъ указателѣ къ этому тому. Второй отдѣлъ, какъ выше сказалъ я, собственно будетъ составлять сочиненіе въ шести томахъ, изъ которыхъ второй и третій будетъ служить дальнѣйшимъ развитіемъ перваго тома; четвертый же и пятый также будутъ заключать въ себѣ подробное изложеніе того, что послужило содержаніемъ предыдущихъ томовъ; наконецъ, въ шестой войдутъ памятники славянскаго и литовскаго права, до сихъ поръ или вовсе неизданные, или необработанные, какъ слѣдуетъ. Итакъ, второй отдѣлъ, или собственно исторія законодательства, займется первымъ, который служить ей какъ бы дополненіемъ.

«Такъ какъ, по моему понятію, заключаетъ г. Мацейовскій, исторія права не пишется отдѣльно отъ домашней и политической жизни народа, и такъ какъ литература есть отраженіе этой жизни, которая всего яснѣе обозначается въ правѣ, то для уразумѣнія духа права, необходимо было ознакомиться съ цивилизаціею и литературою славянскихъ народовъ и самому изслѣдовать ее тамъ, гдѣ она еще не достаточно изслѣдована. Не имѣя, однакожъ, возможности заняться въ этомъ отношеніи всѣмъ славянствомъ, я пока ограничился только Польшею, и только ее преимущественно изслѣдовалъ въ дополнительныхъ сочиненіяхъ, до самаго XVII вѣка.»

Первый отдѣлъ 1-го тома «Исторіи» г. Мацейовскаго заключаетъ въ себѣ общій взглядъ на цѣль и объемъ сочиненія, обзоръ источниковъ и ихъ критику, и т. п. Второй отдѣлъ имѣетъ заглавіе: *Земля и люди* (взглядъ на содержаніе исторіи, на землю, ея границы и народонаселеніе, политическое раздѣленіе страны, черты для изображенія характера Славянъ и Нѣмцевъ). Отдѣлъ третій: *Право, его источникъ, мѣсто происхожденія, духъ, языкъ, памятники*. (Право, рассматриваемое само по себѣ, и его тѣсная связь съ характеромъ народа; извѣстія о первоначальномъ существованіи права и законовъ въ туземныхъ источникахъ; извѣстія о славянскихъ законахъ въ чужестранныхъ источникахъ; чужестранные законы, вошедшіе въ силу у Славянъ; духъ, языкъ и техника права; взглядъ на статуты; статуты онѣмеченныхъ Славянъ и, въ особенности, жившихъ по Эльбѣ; Польша, Литва и страны, съ ними соединенныя, рассматриваемыя въ отношеніи къ памятникамъ законодательства; Чехи и страны, съ ними соединенныя, рассматриваемыя въ отношеніи къ

тѣмъ же памятникамъ; памятники законодательства русскаго и древнерусскаго; права и статуты Сербовъ, также народовъ, съ ними соединенныхъ). Отдѣлъ четвертый: *Наука о правѣ и знаменитые законодѣдцы*. (Объясненіе науки о правѣ по мѣрѣ распространенія цивилизаціи; два пути, ведущіе къ изученію права: путь судебной практики и ученый; польза, которую законодѣдцы оказали наукѣ и судебной практикѣ; какія слѣдствія произошли изъ этого для исторіи права и какъ ее понимали въ XVII и XVIII вѣкахъ; переходъ отъ XVIII вѣка къ XIX.) Отдѣлъ пятый: *Сходство и различіе первоначальнаго права у Славянъ и Нѣмцевъ*. (Свевы, Германцы; первые слѣды славянскихъ правъ, замѣчаемые въ литературѣ Грековъ и Римлянъ, также въ древнѣйшихъ памятникахъ германскаго законодательства; зародыши политической жизни у Славянъ, подъ вліяніемъ Скивовъ, Норманновъ, и т. д.; развитіе той же жизни подъ вліяніемъ Саксонцевъ и Франковъ; цивилизація Славянъ и Нѣмцевъ.) Отдѣлъ шестой: *Окончаніе четвертаго отдѣла и взглядъ назадъ*. (Состояніе науки и исторіи права въ XIX в.; мысль автора о собраніи памятниковъ и объ исторіи законодательства.)

Дополнительный отдѣлъ перваго тома заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: I. Взглядъ на второе изданіе «Исторіи». II. Матеріалъ для землеописанія и статистики Польши XIII вѣка. III. О рукописяхъ Литовскаго статута и его польскихъ переводахъ. IV. Напечатанныя собранія правъ польскихъ сеймовъ. V. Народное имя Свевовъ и Германцевъ, политическое положеніе обихъ и взаимное соотношеніе, какъ между Нѣмцами, такъ и Славянами. VI. Корень и значеніе словъ: *alod, odal* и *odel, adal*. VII. Объясненіе словъ: *Liti* и *Lazi*. VIII. *Miosłidi*. IX. Значеніе жупы. X. Марки въ отношеніи къ повѣтамъ и жупамъ. XI. Мнѣніе Лелевеля о значеніи Лиховъ. XII. Взглядъ на сочиненіе Тацита о Германіи и скрывающейся въ немъ источникъ исторіи славянскихъ законодательствъ.

Изъ этого краткаго перечня перваго тома уже можно замѣтить, что почтенный авторъ увлекается, можетъ-быть, слишкомъ далеко и, при всей своей многосторонней учености, не чуждъ нѣкоторыхъ фантастическихъ взглядовъ. Главная мысль его основывается на томъ, что у славянскихъ племенъ все должно было выйти изъ одного начала, изъ одного источника, и потому, думаетъ онъ, всѣ славянскія законодательства должны быть непремѣнно между собою сходны, напротивъ рѣзко отличаться отъ законодательства другихъ народовъ, напримѣръ германскихъ. Если, по его мнѣнію, что-нибудь измѣнилось въ этомъ общемъ порядкѣ, если что-нибудь нарушаетъ славянскую гармонию, то это должно быть отступленіемъ отъ начала, и на это отступленіе имѣли вліяніе какія-либо постороннія начала (1). Ав-

(1) Нѣкоторые польскіе критики вполне раздѣляютъ эту основную мысль г. Мацейковскаго. См. *Kronika Wiadom. Krajow. i Zagran.* 1857 г. № 160.

торъ вездѣ имѣеть въ виду славянскія племена, и потому недавно изданные г. Гельцелемъ: «Древніе памятники польскаго права» (о которыхъ мы скажемъ ниже) считаетъ неоконченными, потому что они касаются только польскаго права. Здѣсь я вполне соглашаюсь съ мнѣніемъ неизвѣстнаго мнѣ критика въ одной варшавской газетѣ (Kron. Wiad. Krajow. i Zagr. 1857, № 160), что сочиненіе Гельцеля, если авторъ дополнитъ его еще слѣдующимъ томомъ, будетъ оконченнымъ, подробнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ, относительно польскаго права. Въ то время, когда въ Польшѣ уже существовалъ Вислицкій статутъ, безъ сомнѣнія, она мало знала о законодательствѣ другихъ славянскихъ народовъ. Польская шляхта, можетъ-быть, и произошла отъ славянскаго корня, но совершенно преобразовала народъ, создала для него отдѣльную жизнь, иную исторію, не имѣющую сходства съ исторіею прочихъ славянскихъ народовъ. Поэтому исторія польскаго законодательства можетъ совершенно обойтись безъ знакомства съ славянскими странами, и сама собою составляетъ цѣлое, ибо совершила свой кругъ. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы наука не объясняла того, что было чисто-славянскаго, въ томъ или другомъ краѣ; необходимо только, чтобы сходство было дѣйствительное и не натянутое.

Подождемъ выхода остальныхъ томовъ сочиненія г. Мацейовскаго, чтобы можно было вполне судить о его положеніяхъ, иногда очень смѣлыхъ. Изъ перваго тома уже можно замѣтить, что хотя почтенный авторъ нигдѣ не упускаетъ случая столкнуться съ Славянами, даже тамъ, гдѣ и духу ихъ нѣтъ; однакожъ онъ не со всѣми равно знакомъ и не на всѣхъ смотритъ съ надлежащей точки зрѣнія. Замѣтимъ также, что его свѣдѣнія объ ученой дѣятельности въ Россіи неполны и невѣрны. Такъ напримѣръ, на стр. 492 — 493, сказавъ нѣсколько словъ о Татищевѣ, Болтинѣ, Карамзинѣ и Неволинѣ, относительно обработки исторіи русскаго права, онъ прибавляетъ: «Рядомъ съ этими писателями обращаютъ на себя вниманіе труды ученыхъ Нѣмцевъ, живущихъ въ Россіи. Такъ какъ въ нихъ до сихъ поръ не отразился духъ русскаго права, по замѣчанію Морощкина въ предисловіи къ его переводу сочиненія Рейца, то русскіе ученые старательно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы посредствомъ нѣмецкихъ сочиненій не распространились между читающею публикой ложныя мнѣнія объ исторіи русскаго права. Первое мѣсто въ числѣ этихъ мужей занимаетъ Николай (Михаилъ) Погодинъ. Его поддерживаютъ разные авторы статей о русскомъ правѣ.»

Не нужно, кажется, прибавлять, какъ это странно!

Г. Мацейовскій, очевидно, является жаркимъ противникомъ Нѣмцевъ, вслѣдствіе безпредѣльной преданности славянскому міру. Съ одной стороны, нельзя не уважить глубокаго убѣжденія въ та-

комъ знаменитомъ и даровитомъ ученомъ, какъ г. Мацейовскій, съ другой — нельзя не пожалѣть, если для ясности славянскихъ вопросовъ необходима темная сторона. Г. Мацейовскій, рассуждая, на стр. 32-й, о взаимномъ соотношеніи между собою правъ чужестранныхъ и славянскихъ, приходитъ къ тому заключенію, что нѣмецкое и славянское право составляютъ двѣ рѣзкія противоположности. «На сколько первое, говоритъ онъ, отличалось строгостію, жестокостію и даже нѣкоторою безчеловѣчностію, на столько другому было предназначено исправлять его погрѣшности, также переносить все то, что первое изъ нихъ принесло вреднаго для человечества, или противоборствовать ему, хотя не разъ обстоятельства приводили его къ тому, что оно, исправляя, портилось само.» Вслѣдъ за этимъ, г. Мацейовскій сознается, что «часто невозможно опредѣлить категорически, что откуда взялось, и зачѣмъ возникло такимъ, а не инымъ образомъ? То или другое право происхожденія славянскаго или нѣмецкаго, и подъ какимъ вліяніемъ, славянскимъ или нѣмецкимъ, преобразовалось оно къ лучшему или худшему?» Но почтенный авторъ не затрудняется рѣшеніемъ этихъ вопросовъ. Онъ беретъ въ помощь то обстоятельство, что здѣсь, по его словамъ: «дѣло идетъ не о томъ, чтобы непременно доказать предметъ исторически, но о томъ, чтобы сдѣлать его правдоподобнымъ, такъ что еслибы кто-нибудь захотѣлъ ему противорѣчить, то долженъ бы былъ нарушить порядокъ нравственнаго міра, и очутился бы въ такомъ же положеніи, какъ тотъ, кто возстаетъ противъ системы Коперника, преимущественно основываясь на предположеніи.» Въ другомъ мѣстѣ (на стр. 103) авторъ говоритъ, что, внимательно всматриваясь въ лицо Славянина и Нѣмца, онъ подмѣтилъ въ одномъ изъ нихъ выраженіе счастья, въ другомъ — горести. «Доискиваясь источника этихъ чувствъ, продолжаетъ онъ, казалось, я замѣтилъ, что духъ, оживляющій оба лица, шествуя въ противоположномъ направленіи, велъ насъ къ тому, чтобы мы (то-есть Славяне) *много не заботились о будущемъ*, и старались единственно о томъ, чтобы, храня въ сердцѣ Бога и любя человечество, развивали въ себѣ и умножали объ добродѣтели; напротивъ, Нѣмца, *который слишкомъ о себѣ заботился*, тотъ же духъ побуждалъ безпрестанно искать для себя основанія, на которомъ опиралось бы его будущее счастье.» Кстати укажемъ здѣсь еще на одно мѣсто (стр. 110 и 111), гдѣ авторъ, переходя отъ этнографическаго воззрѣнія на Славянъ, приступаетъ къ психологическому ихъ разсмотрѣнію. «При помощи исторіи, говоритъ г. Мацейовскій, заглянувши въ сердце обоихъ народовъ (то-есть Славянъ и Нѣмцевъ), психологъ нисколько не колебался бы сказать, что даже неразвитый славянскій характеръ имѣетъ преимущество передъ нѣ-

медкимъ, хотя бы даже мы разсматривали его со стороны пользы. Никто до сихъ поръ добровольно не онѣмечился; напротивъ того, Литвинъ, Болгаринъ и т. д. ославянились добровольно. Самый даже Нѣмецъ, отторгнувшись отъ Нѣмца, не хотѣлъ и не хочетъ возвратиться къ нему, въ чемъ даже скромный Шведъ явно сознается теперь (?); напротивъ, Славянинъ, отуреченный, богатый, сильно стремится къ тому (?), чтобы ему возможно было оставить выгодный исламизмъ, и возвратиться къ убожеству, къ народности, къ вѣрѣ предковъ, которой онъ измѣнилъ. Психологъ также сказалъ бы, что славянскій характеръ, хотя дѣйствительно не имѣетъ ничего опредѣленнаго, однако имѣетъ преимущество передъ развитымъ характеромъ Нѣмцевъ, не только отдѣльно взятымъ, но и въ массѣ, чему доказательствомъ служитъ надъ-рейнскій Нѣмецъ, который хочетъ выдавать себя за Француза, между тѣмъ какъ ни одинъ славянскій народецъ ни за что не захотѣлъ бы отречься отъ своей народности.»

Противъ послѣдняго доказательства г. Мацейовскаго можно бы было указать на нѣкоторые славянскіе народы, которые уже онѣмечились или еще до сихъ поръ онѣмечиваются. . . Да не самъ ли г. Мацейовскій, въ началѣ своего сочиненія, на стр. 11, сказалъ, что тѣ Славяне, «которые нѣкогда соединились съ Польшею и Чехами, уже онѣмечившись или еще онѣмечиваясь, умерли и умираютъ для славянской народности!»

Такія увлеченія со стороны уважаемаго нами автора, мы объясняемъ себѣ тѣмъ, что онъ пылко, можно даже сказать, юношески преданъ своему предмету. «Стоитъ, и очень стоитъ, говорить г. Мацейовскій на 41 и 42 стр., чтобы Славяне прилежно изслѣдовали пути, по которымъ шли до сихъ поръ, потому что, узнавъ ихъ, не возможно, чтобы они не согласились, что ихъ исторія сильнѣе говорить сердцу и сильнѣе трогаетъ его, нежели *помыслы поэтовъ о земль, небѣ и адѣ!*»

Не менѣе странны и натянуты у г. Мацейовскаго нѣкоторые его историко-филологическіе выводы, происшедшіе также вслѣдствіе односторонности взгляда и чрезмѣрнаго славянскаго воодушевленія. На стр. 49 онъ утверждаетъ, что *Варли*, неизвѣстно почему, сами себя называли Руссами, а Славяне называли ихъ *врагами*, то-есть, объясняетъ г. Мацейовскій «людьми, прибывшими къ нимъ съ неприязненнымъ намѣреніемъ (для грабежа).» На стр. 60 онъ прямо говоритъ, что название нынѣшнихъ жителей Шверина передѣлано изъ славянскаго языка, и что они въ древности назывались Полянами; то-есть, какъ доказываетъ г. Мацейовскій, отъ старославянск. *съверинъ* (у него *Sjewern*) происходитъ нѣмецкое *Шверинъ* но не отъ слова: *звѣрь*, какъ думаетъ Ганка въ *Jahrb. für slav. Lit.* II. 1., стр.

178. Г. Мацейскій объясняетъ общину слѣдующимъ образомъ (стр. 387): «Племя не разъ находилось въ такомъ же положеніи, какъ и родъ, когда сталкивалось съ племенемъ сильнѣйшимъ. Въ такомъ случаѣ ему оставалось только войти въ сношенія съ племенемъ *именитымъ*, то-есть имѣющимъ *имя отъ имѣнія*, соединить свое имя съ его именемъ, или *сдѣлать связь именъ*, и такъ образовать общину (по-польски *gmina*).» При словѣ *gmina* г. Мацейскій дѣлаетъ выноску: «Принадлежать къ имени; *g* (вм. *ku*) *imenu*, откуда; *k'umina, gmina!*!»

Подобныя мѣста не разъ встрѣчаются въ сочиненіи г. Мацейскаго.

Древніе памятники польскаго права (Starodawne prawa polskiego pomniki), съ предварительнымъ историко-критическимъ изложеніемъ такъ называемыхъ Вислицкихъ законовъ Казимира Великаго. Съ текстомъ возстановленнымъ по древнимъ рукописямъ, т. I. Краковъ, 1856. Въ 4 д. CCLVII и 428 стр. (1).

Я уже упоминалъ объ этомъ сочиненіи въ прошедшей статьѣ. Оно написано краковскимъ профессоромъ Ягеллоновскаго университета, по юридическому факультету, г. Гельцелемъ, и принесло бы честь каждой европейской литературѣ. Глубокая и всесторонняя ученость автора, его свѣтлый и оживленный взглядъ на предметъ, придаютъ его сочиненію необыкновенную занимательность. Нѣтъ въ немъ ни сухости и запутанности изложенія, ни заранѣе очерченнаго круга отсталыхъ и пристрастныхъ мнѣній, обыкновенно приводимыхъ для доказательства ложныхъ теорій. Какъ видно изъ предисловія къ этому сочиненію, г. Гельцель слишкомъ двадцать лѣтъ трудится надъ исторіею польскаго права. Для того, чтобы написать сочиненіе, отвѣчающее заданной идеѣ, онъ долженъ былъ отчасти заняться основательно разработкою источниковъ; отчасти тщательнымъ разборомъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ и вмѣстѣ самыхъ запутанныхъ подробностей той же исторіи. При такихъ изслѣдованіяхъ возникло нѣсколько сочиненій разнаго содержанія и разнаго объема, которыя авторъ и намѣренъ издавать по порядку. Къ одному изъ такихъ сочиненій принадлежатъ нынѣ изданные *Древніе памятники польскаго права*, или критическое изданіе текста важнѣйшихъ источниковъ. Другое сочиненіе есть монографія о законодательствѣ Казимира Великаго, которую авторъ помѣстилъ въ началѣ 1-го тома этихъ «Памятниковъ», потому что она тѣсно связана съ критическимъ изданіемъ статутовъ этого короля. Авторъ намѣренъ, въ слѣдующихъ выпускахъ своего сочиненія, представить также источники нѣко-

(1) Изданіе варшавскаго книгопродавца Зенневальда. Оно напечатано только въ числѣ 500 экземпляровъ. Томъ I, самъ по себѣ составляющій особое цѣлое, продается по 9 р. сер.

торыхъ другихъ правъ, такимъ же образомъ обработанныхъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы тутъ же представить наиболѣ замѣчательные памятники городского права и самыя рѣдкія сочиненія польскихъ правовѣдцовъ; также древнѣйшіе, неизвѣстные статуты епархіальныхъ синодовъ.

Изданный нынѣ I томъ «Памятниковъ» раздѣляется на двѣ части: первая заключаетъ въ себѣ историко-критическое изложеніе такъ-называемыхъ «Вислицкихъ законовъ» Казимира Великаго; вторая — тексты источниковъ.

Часть I, состоитъ изъ IX главъ:

Гл. I. Введение — о цѣли и основаніи сочиненія.

Гл. II. О древнихъ рукописныхъ памятникахъ старопольскихъ статутовъ. Подробное ученое описаніе 27 кодексовъ, съ замѣчаніями.

Гл. III. Мнѣнія, до сихъ поръ существовавшія о происхожденіи статутовъ Казимира Великаго.

Гл. IV. Критика изслѣдованій и мнѣній Лелевеля, изложенныхъ въ предыдущей главѣ.

Гл. V. Критика изслѣдованій и мнѣній безыменнаго автора статьи: «Матеріалъ для объясненія исторіи Вислицкаго статута».

Гл. VI. Новое критическое расположеніе обыкновеннаго текста статутовъ Казимира Великаго.

Гл. VII. Историческое опредѣленіе времени каждаго изъ четырехъ вновь расположенныхъ статутовъ.

Гл. VIII. О дѣйствіяхъ правительственныхъ и законодательныхъ Казимира Великаго.

Гл. IX. О позднѣйшихъ составленіяхъ и сводахъ статутовъ Казимира Великаго, также объ ученномъ извлеченіи общаго вывода изъ ихъ содержанія.

Часть II заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы источниковъ:

I. Законы Казимира Великаго.

II. Судебное примѣненіе права въ концѣ XVI вѣка.

III. Статуты и постановленія Мазовецкіе.

IV. Вартскій статутъ Владислава Ягеллы.

V. Законодательство польской церкви.

Таковъ трудъ г. Гельцеля, занявшаго теперь почетное мѣсто между извѣстными польскими учеными и изслѣдователями исторіи. Чтобы нѣсколько познакомить читателей со взглядомъ автора на предметъ его изслѣдованій, мы приводимъ слѣдующее мѣсто изъ его сочиненія:

«Нынѣшнее общество, желая дѣйствительно разумныхъ успѣховъ на пути цивилизаціи, раскрываетъ передъ собою великую книгу прошедшей исторіи просвѣщенія. Основою этихъ изслѣдованій чело-вѣчества, хотя и взятыхъ въ большемъ размѣрѣ христіанской, евро-

пейской цивилизаціи, всегда должны быть, однакожъ, отдѣльные народы; ибо во всеобщей исторіи человѣчества, всѣ они являются, какъ отдѣльные дѣятели, какъ особи. Каждый отдѣльный народъ, слѣдуя по пути усовершенствованія и своего призванія, приноситъ всему человѣчеству поучительный опытъ, болѣе или менѣе важный; ибо давно уже извѣстно, что въ европейской цивилизаціи есть поразительное единство; что, несмотря на разнообразіе племенъ, времени и мѣста, она всегда зависитъ отъ одинаковыхъ началъ, истекаетъ изъ одинаковыхъ источниковъ и ведетъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Поэтому—то не подлежитъ сомнѣнію, что и Польша не разъ имѣла значительное вліяніе, какъ на событія и сношенія великой европейской политики, такъ и на всеобщую цивилизацію, хотя не такъ блистательно, не такъ часто и не такъ постоянно, какъ западныя государства Франціи, Германіи и Англіи, которыя, въ разыгранной драмѣ исторіи христіанской Европы до сихъ поръ выполняли главныя роли, назначенныя имъ Провидѣніемъ.

«Польша часто была средоточіемъ исторической жизни всей восточной части цивилизаціи свѣта, занятой славянскими народами, и всегда была тѣмъ важнымъ мускуломъ совокупнаго политическаго тѣла всей Европы, который соединялъ христіанскій Востокъ съ Западомъ. Поэтому, и прошедшая исторія польскаго просвѣщенія можетъ—быть очень поучительна, не только для нашего, взятаго отдѣльно, общества, но и для всего человѣчества, и заслуживаетъ болѣе прилежнаго изслѣдованія, нежели какъ до сихъ поръ думали, даже такіе, какъ Гизо, великіе изслѣдователи прошедшаго, которое разгадывается и объясняется для нынѣшнихъ и будущихъ поколѣній.

«Исторія права у каждаго народа, какъ исторія его нравственности, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ стихій исторіи его цивилизаціи. Итакъ; представить надлежащимъ образомъ исторію права и всѣхъ юридическихъ отношеній въ древней Польшѣ, значитъ представить изображеніе европейско-польской цивилизаціи, оконченное въ главнѣйшихъ, хотя и не во всѣхъ чертахъ. Такое изображеніе есть уже значительное пособіе для дополненія великой картины всеобщей, христіанской цивилизаціи, которой одна половина тщательно раскрашена, а другая до сихъ поръ едва обрисована въ слабыхъ и темныхъ контурахъ. Такъ какъ у насъ самихъ очень мало, и то только въ новѣйшее время, занимались изслѣдованіемъ именно этого рода исторіи, и потому нисколько не удивительно, что чужеземные историки не умѣли, какъ слѣдуетъ, цѣнить ея важности».

Взглядъ г. Гельцеля не чуждъ нѣкотораго народнаго пристрастія, но пристрастіе это не выходитъ изъ предѣловъ здраваго смысла и свободно отъ исключительности.

Варшавская Библиотека (Biblioteka Warszawska). 1857 г. Кн. V и VI.

Въ этихъ двухъ книжкахъ «Варшавской Библиотеки», «вообще очень хорошо составленныхъ», есть нѣкоторыя особенно любопытныя статьи, съ которыми мы и познакоимъ нашихъ читателей.

Въ 5 книгѣ, помѣщено историческое изслѣдованіе г. Шайнохи: «Начало шляхты и гербовъ въ Польшѣ». Оно отличается новыми и смѣлыми соображеніями, которыя, впрочемъ, не лишены основанія. Г. Шайноха допускаетъ, что шляхта и гербы въ Польшѣ происходятъ отъ Чеховъ, а къ Чехамъ перешли они отъ древнихъ Германцевъ, во время принятія ими христіанства отъ послѣднихъ, наконецъ отъ Чеховъ къ Полякамъ, также во время принятія ими христіанства. Г. Шайноха разбираетъ первоначальное значеніе слова: *шляхта*. Онъ утверждаетъ, что это древнее существительное имя, происходящее отъ нѣмецкаго *schlagen*, нѣкогда *slahen*, въ глубочайшей древности *slachan*, имѣющаго значеніе *ударить* и *родить*. Теперь еще говорится: *die Bäume schlagen aus*, деревья выпускаютъ листья; «*aus der Art schlagen*», выродиться; «*von gutem Schlag*», хорошаго рода. Существительное, составленное изъ этого слова, *Slachta*, иначе *Slachta*, въ древнемъ нижне-нѣмецкомъ нарѣчій *Schlachta*, въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ языкѣ передѣланное въ *Geschlecht*, значить то же самое, что *родъ*, по-латыни *genus*, *familia*, или *cognatio*. Далѣе, г. Шайноха разбираетъ слово: *Adel*, *edel*, собственно *aedel*, въ которомъ также заключается понятіе *рода*, съ чѣмъ согласны всѣ нѣмецкіе изыскатели древностей. Такимъ образомъ слова: *slachta* и *adel*, имѣютъ одно и то же значеніе рода, семейства, поколѣнія, то-есть *родъ* вообще назывался *slachta*, а родъ особенный, исключительный, назывался *adel*. Г. Шайноха, подробно разбирая слова: *adel* и *slachta*, приходитъ къ тому заключенію, что польская *шляхта* (*szlachta*) или *шляхетство* (*szlachectwo*) одного происхожденія съ нѣмецкимъ. Приводимыя г. Шайнохою примѣры употребленія слова *slachta*, большею частію встрѣчаются въ древнѣйшихъ намятникахъ нѣмецкой письменности (IX и X вѣка), а у Славянъ оно встрѣчается гораздо позднѣе, притомъ у тѣхъ, которые имѣли непосредственное сношеніе съ Нѣмцами; слѣдовательно, оно не славянскаго происхожденія.

Опредѣливъ такимъ образомъ филологическое значеніе слова: *шляхта*, авторъ потомъ разсматриваетъ на историческихъ данныхъ, отчего и какимъ образомъ это нѣмецкое слово приобрѣло въ Польшѣ такое большое значеніе? Въ слѣдующемъ затѣмъ параграфѣ, авторъ развиваетъ мысль, что *знатность рода* является здѣсь вмѣстѣ съ христіанствомъ.

Нельзя въ сокращеніи передать всей статьи г. Шайнохи, потому что нужно бы было пропустить множество подробностей, безъ которыхъ непонятно это замѣчательное изслѣдованіе. Обратимъ вниманіе

только на одинъ изъ его параграфовъ, имѣющій заглавіе: «Перемены времени».

«Нынѣшній вѣкъ, говоритъ г. Шайноха, иногда жалуется на излишество народонаселенія. Польша, только-что принявшая крещеніе, жаловалась на слишкомъ ограниченное населеніе.

«Недостатокъ жителей есть недостатокъ солдатъ, недостатокъ податей, недостатокъ богатства, торговли и промышленности, недостатокъ всякаго благосостоянія.

«Не напрасно же, въ продолженіе нѣсколькихъ послѣдующихъ вѣковъ, до времени великаго организатора Казимира, черезъ четыреста лѣтъ послѣ принятія крещенія, польскіе князья помышляли единственно о привлеченіи поселенцевъ въ свой край.

«При недостаткѣ рукъ, при недостаткѣ простой обработки земли, тѣмъ болѣе чувствовался недостатокъ способныхъ людей и обрабатыванія ума.

«Какъ времена малой населенности, естественно, были временами малаго просвѣщенія, такъ точно приливъ заграничныхъ переселенцевъ былъ полезенъ и необходимъ уже по той причинѣ, что завосилъ въ страну зародыши большаго просвѣщенія и болѣе мягкихъ обычаевъ.

«Поэтому, кто бы ни былъ, странствующій ли священникъ съ распятіемъ и книгою въ рукъ, рыцарь ли, спѣшавшій на службу ко двору Болеславовъ, хлѣбопашецъ ли, поселяющійся на землѣ, всѣ они были чрезвычайно пріятными *гостями*; между тѣмъ занесенными заграничныя понятія, чужестранные обычаи, уставы болѣе зрѣлаго, посторонняго общества, озаряли почетнымъ блескомъ короля и государство.»

Далѣе г. Шайноха приводитъ историческія свидѣтельства о Болеславѣ Храбромъ, который окружалъ себя иностранцами, и наконецъ говоритъ: «Тогдашнее значеніе чужестранцевъ, тогдашняя потребность заграничныхъ стихій, представляется еще разительнѣе въ извѣстномъ духовномъ поученіи, которое современникъ и родственникъ Мечислава I, венгерскій король Стефанъ Святой оставилъ своему сыну Эмерику.

«Между прочимъ мы читаемъ въ немъ: «О принятіи чужеземцевъ и о радушіи въ отношеніи къ пришельцамъ.—Отъ *гостей* и пришельцевъ заграничныхъ происходитъ столь великая польза для государствъ, что справедливость требуетъ приписать ей шестое мѣсто между почестями королевскаго сана. Что же способствовало успѣху Римскаго государства, что привело римскихъ царей къ такому величію и славѣ, если не приливъ множества достойныхъ и умныхъ людей изъ разныхъ странъ свѣта? Римъ до сихъ поръ былъ бы *неволокитомъ*, еслибы потомство Энея не сдѣлало его свободнымъ. По мѣрѣ нарощенія чужестранныхъ гостей изъ разныхъ заграничныхъ странъ,

распространяются вмѣстѣ съ ними разные языки и нравы, приносятся разные уставы, привилегіи и военные обычаи, и все это украшаетъ и прославляетъ королевскій дворъ, и обуздываетъ дерзость сосѣдей. Каждое же государство, въ которомъ господствуетъ только одинъ языкъ и одно право, бываетъ слабо и тихо. Поэтому, я тебѣ завѣщаю, сынъ, чтобы ты радушно принималъ гостей, чтобы ты былъ щедръ для нихъ на ласки, и усердно заботился о томъ, чтобы они охотнѣе спѣшили къ тебѣ, нежели въ другое какое-либо мѣсто. Еслибы ты дерзнулъ разрушить то, что я построилъ, или расточить то, что я собралъ, то нанесъ бы чрезвычайный вредъ своему королевству (1).»

Я надѣюсь, со временемъ, ближе познакомить читателей съ трудами г. Шайнохи, безспорно, одного изъ даровитѣйшихъ и замѣчательныхъ историковъ Польши, въ новѣйшее время. Говорятъ, что онъ очень молодъ, и потому отъ него можно ожидать еще многого, если только излѣчится отъ болѣзни глазъ...

Другая замѣчательная статья въ 5-й кн. «Библиотеки» принадлежитъ г. Бартошевичу: «Константинъ Свидзинскій и его завѣщаніе». Эта статья продолжается еще въ 6-й кн. того же журнала, и пока заключаетъ въ себѣ подробную біографію Свидзинскаго и общій взглядъ на его бібліотеку. Въ «Варшавской Газетѣ» (*Gazeta Warszawska*), нынѣшняго 1857 г., въ № 138, 140, 143, 146, 148, 149, 151 и 153, также помѣщена обширная статья г. Лоскаго: «Библіотека и музей Свидзинскаго». Пользуясь обѣими статьями, мы познакомимъ читателей съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ и его богатою бібліотекою, которая и для насъ, Русскихъ, имѣетъ важность.

Константинъ Свидзинскій, владѣлецъ Сульгостова, въ Царствѣ Польскомъ (Радомской губерніи, Опочинскаго уѣзда), давно уже былъ извѣстенъ, какъ собиратель рѣдкихъ произведеній польской литературы. Передъ смертію (въ 1855 г.) онъ завѣщалъ все свое имѣніе, капиталы и обширныя помѣстья (составляющія около двухъ милліоновъ золотыхъ цѣнности), на вѣчное содержаніе бібліотеки, которую, въ продолженіе всей своей жизни, съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ, собиралъ, приводилъ въ порядокъ и дополнялъ. Библіотека Свидзинскаго, по волѣ завѣщателя, должна быть перенесена въ Варшаву и открыта для всеобщаго пользованія ею. Это будетъ особое ученое учрежденіе, въ родѣ музея Оссолинскаго въ Львовѣ. Оно будетъ заниматься, въ обширномъ видѣ, изданіемъ историческихъ матеріаловъ, которому самъ Свидзинскій уже положилъ начало своимъ собраніемъ, содѣйствуя трудамъ Кіевской археографической комиссіи.

Свидзинскій происходитъ отъ старинной польской фамиліи. Онъ родился въ 1793 году; получилъ основательное воспитаніе и былъ

(1) Werboeoz: *Corpus juris Hung.* II. 4. Катона: *Hist. crit.* I, 374.

ученымъ человѣкомъ. Послѣ смерти отца своего (въ 1814 г.) получивъ огромное наслѣдство, онъ страстно занимался литературою и собираніемъ книгъ для своей Сульгостовской библіотеки, которая уже была извѣстна всѣмъ тогдашнимъ ученымъ въ Польшѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, Свидзинскій не чуждался и публичной жизни. Онъ имѣлъ даръ краснорѣчія, и первую политическую рѣчь свою говорилъ въ честь Костюшки, въ Опочнѣ. Въ 1822 и 1826 г. молодой владѣлецъ Сульгостова былъ маршаломъ опочинскаго сейма; въ слѣдующихъ потомъ годахъ съ честію исполнялъ разныя публичныя должности. Послѣ 1831 года Свидзинскій удалился за границу и большею частію проживалъ въ Краковѣ. Съ тѣхъ поръ онъ совершенно посвятилъ себя ученымъ занятіямъ и неутомимому собиранію книгъ; путешествовалъ по всему польскому краю и вездѣ заводилъ библіотеки, которыя со временемъ предполагалъ слить въ одну.

Въ 1833 г., получивъ позволеніе отъ нашего правительства возвратиться въ отечество, Свидзинскій, не останавливаясь въ Варшавѣ, отправился прямо въ Малороссію, куда призывали его дѣла по имѣнію. Онъ жилъ въ Мотыжинѣ, у родственника своего Шимановскаго, кievскаго предводителя дворянства. Тамъ онъ получилъ имѣніе, по матери, вслѣдствіе выиграннаго имъ процесса. Съ этихъ поръ Свидзинскій совершенно поселился въ Малороссію, а въ послѣднее время жилъ въ деревнѣ Пашковкѣ, въ Кіевскомъ уѣздѣ, и оставался въ ней до конца жизни; одинъ только разъ, именно въ 1837 г., онъ посѣтилъ свой Сульгостовъ. Въ Пашковкѣ, гдѣ онъ прожилъ семь лѣтъ, у него было главное собраніе книгъ; оттуда онъ часто ѣздилъ въ Кіевъ. «Нашъ ученый библіографъ, говоритъ г. Бартошевичъ,—привыкъ къ берегамъ Днѣпра, къ главамъ и колокольнямъ кievскихъ церквей. Сперва привлекали его сюда монастырскія библіотеки, потомъ, сблизившись съ людьми и породнившись съ ними духомъ, мало-по-малу свыкся и съ ними. Тамъ нашелъ онъ для себя другую земную отчизну, и ему уже не жаль было отчизны надъ Вислою.»

Свидзинскій записывалъ свои замѣтки о разныхъ книгахъ и брошюрахъ, которыя случалось ему приобрѣтать, и о разныхъ происшествіяхъ, которыхъ бывалъ свидѣтелемъ. Онъ оставилъ послѣ себя чрезвычайное множество библіографическихъ замѣтокъ и матеріаловъ для своихъ домашнихъ мемуаровъ. Онъ тщательно отыскивалъ и покупалъ старыя рѣдкости: книги, монеты и картины. У него вездѣ была своя полиція для отысканія всего замѣчательнаго по части древностей. Впрочемъ, онъ былъ не только страстный библіоманъ, но и вообще споспѣшествователь литературы и полезныхъ ученыхъ предпріятій. Свидзинскій былъ членомъ Кіевской археографической комиссіи, въ которую сообщилъ для изданія многіе историческіе матеріалы.

Свидзинскій умеръ въ Кіевѣ 11-го декабря 1855 г., на 62 году своей жизни. Сожалѣю, что предѣлы библіографической статьи не

позволяют мнѣ передать всѣхъ подробностей о жизни и трудахъ этого человека, заслуживающаго глубокое уваженіе. Теперь нѣсколько познакомимъ читателей съ сокровищами музея Свидзинскаго, находящагося теперь въ Сульгостовѣ, въ Радомской губерніи.

Музей Свидзинскаго состоитъ изъ слѣдующихъ главныхъ отдѣловъ:

1) *Собраніе книгъ*, къ которому относятся печатныя книги, географическія карты, музыкальныя ноты и т. п.

2) *Рукописи* заключаютъ въ себѣ книги, писанныя до изобрѣтенія книгопечатанія, подлинныя грамоты царствующихъ особъ, большею частію пергаменныя (числомъ нѣсколько сотъ), подлинники трактатовъ, дипломатическія ноты, привилегіи городовъ, древнія неизданныя хроники, акты городскіе и монастырскіе, діаріи, мемуары политическіе и домашніе, семейные архивы, неизданныя поэмы, собственноручныя письма знаменитыхъ лицъ, автографы королей и всѣхъ почти польскихъ знаменитостей, и т. п.

3) *Рисунки*, въ числѣ 14,000. Между ними особенно отличается почти полное собраніе гравированныхъ портретовъ знаменитыхъ Поляковъ.

4) *Собраніе картинъ*, заключающее въ себѣ слишкомъ двѣсти нумеровъ, состоитъ большею частію изъ историческихъ польскихъ портретовъ. Между ними есть нѣсколько картинъ знаменитыхъ художниковъ.

5) *Нумизматика* заключаетъ въ себѣ монеты и медали всѣхъ странъ.

6) *Древности*, то-есть вещи, выкопанныя изъ земли, оружіе, старинная утварь, кубки и т. п.

Библиотека состоитъ изъ польскихъ и иностранныхъ книгъ; первая изъ нихъ составляетъ значительную часть ея, потому что Свидзинскій обращалъ на нихъ особенное вниманіе. Въ числѣ ихъ находится много библиографическихъ рѣдкостей, какъ напримѣръ хроники: Меховиты (1521 г.), Бѣльскаго, Кромера (1558 г.); библии: Буднаго (1572 г.), радзивилловская, острожская, значительное число чрезвычайно рѣдкихъ арианскихъ изданій.

Историческій польскій отдѣлъ, котораго систематическій каталогъ уже составленъ, состоитъ изъ слѣдующихъ разрядовъ:

а) Хроники и исторія Польши, церковная польская исторія, діаріи и сеймовыя конституціи, описанія страны, монографіи, біографіи, гербовники и т. п.

б) Огромное, и безъ сомнѣнія единственное въ своемъ родѣ, собраніе брошюръ, касающихся большею частію публичныхъ событий; оно расположено хронологически и заключаетъ въ себѣ не менѣе 5,000 нумеровъ. Сюда относятся также письма, универсалы, манифесты, сеймовыя рѣчи, школьныя публичныя акты, старинныя газеты отъ 1730 г., и т. п.

с) Панегирики, которыми въ особенно сти изобилуетъ польская литература, составляютъ особый отдѣлъ. Сюда принадлежать: проповѣди, надгробныя и свадебныя рѣчи, похвальные стихи, элегии, поздравленія и проч.

d) Полное собраніе нумизматическихъ польскихъ сочиненій.

e) Всеобщая исторія, то-есть всѣ сочиненія по этому предмету, написанныя Поляками.

f) Всеобщая церковная исторія, библии, житія святыхъ, соборныя уставы, синодики, и т. п.

g) Географія и путешествія, преимущественно Поляковъ.

Отдѣлъ гражданскаго и церковнаго права заключаетъ въ себѣ все, что только издано было, по предмету отечественнаго права, въ Польшѣ и за границею. Здѣсь находятся древнѣйшіе и чрезвычайно рѣдкіе статуты, кодексы, Speculum Saxonicum, юридическія разсужденія, инвентаріи правъ, и т. п.

Отдѣлъ богословскій заключаетъ въ себѣ всю полемическую польскую литературу религіознаго содержанія.

Отдѣлъ изящной литературы, исторіи литературы, библиографіи и періодическихъ изданій составленъ съ чрезвычайною полнотою. Въ немъ даже есть значительное число дуплетовъ старинныхъ и рѣдкихъ книгъ.

Собраніе книгъ старославянскихъ, русскихъ и чешскихъ, безъ сомнѣнія, одно изъ богатѣйшихъ во всей Польшѣ, потому что покойный Свидзинскій, долго живя въ Кіевской губерніи, имѣлъ случай пріобрѣтать всякаго рода памятники русской письменности. Есть тутъ печатныя изданія острожскія, львовскія, стратинскія, дерманскія, свейскія, почаевскія, кутенискія, и т. д. Между ними замѣчательныя: острожская библия, апокрифическая книга Филарета (Бронскаго), Апостолъ Скорины, напечатанный въ Вильнѣ 1525 г., и т. д.

Отдѣлъ русскихъ и чешскихъ книгъ, по словамъ г. Лоскаго въ «Варшавской Газетѣ», заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, нѣкоторыя сочиненія начала XVI вѣка.

Отдѣлъ книгъ французскихъ, нѣмецкихъ турецкихъ и арабскихъ не столь значителенъ, какъ предыдущіе.

Какъ утверждаютъ польскіе журналы, число книгъ, оставшихся послѣ покойнаго Свидзинскаго, включая сюда также еще находящіяся за границею, простирается до 30,000 томовъ. Рукописей, большею частію фолиантовъ, переплетенныхъ въ книги, около 2,000; подлинныхъ грамотъ нѣсколько сотъ, мелкихъ сочиненій слишкомъ 20,000.

Самый важный и богатый отдѣлъ въ музеѣ Свидзинскаго составляютъ рукописи. Упомянемъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Старославянская библия, Луки изъ Тарнополя, рукопись 1569 г.

Хроника Матвея Стрыйковскаго, на русскомъ языкѣ современная рукопись in folio, 606 стр.

Литовскій статуть 1588 г., написанный готическими буквами, карминозъ и черными чернилами. Эта прекрасная рукопись, по догадкамъ, переписана для Льва Сапѣги.

Многочисленное собраніе оригинальныхъ сочиненій, касающихся казацкихъ войнъ; письма Хмѣльницкаго и другихъ предводителей Запорожскаго войска. Нѣкоторыя изъ нихъ уже напечатаны въ «Запискахъ» Кіевской археографической комиссіи, куда сообщены Свидзинскимъ.

Подлинныя дипломатическіе акты, касающіеся сношеній Польши съ Россіею, какъ на примѣръ письма Нащокина, одного изъ дипломатовъ, которые составляли трактатъ въ Андрусовѣ, въ 1668 году. Свидзинскій сообщилъ ихъ для напечатанія въ «Запискахъ» Кіевской археологической комиссіи.

Рукописи священника Ходыкевича, заключающія въ себѣ исторію доминиканцевъ русской провинціи. Здѣсь находится множество привлечій и біографическихъ замѣтокъ о членахъ ордена доминиканцевъ, извѣстія о церковныхъ учрежденіяхъ, и т. п.

Число всѣхъ рукописей доходитъ до 2,000 томовъ.

Сверхъ того, бібліотека Свидзинскаго заключаетъ въ себѣ множество отдѣльныхъ рукописей, какъ-то большое собраніе писемъ и другихъ оригинальныхъ сочиненій знаменитыхъ Поляковъ. Къ такимъ принадлежатъ замѣтки Длугоша, письма Ивана Замойскаго, Ходкевича, Жолкевскаго и Чарнецкаго.

Въ особенности замѣчательна для насъ пергаменная рукопись: описаніе свадьбы царя Михаила Феодоровича. Въ этой небольшой книгѣ, на одной сторонѣ, изображены въ миніатюрѣ разныя свадебныя сцены, а на другой—объяснительный текстъ. Какъ произведеніе искусства, картинки не имѣютъ никакого достоинства; но онѣ характеристичны и важны въ археологическомъ отношеніи.

Оканчивая этотъ бѣглый взглядъ на бібліотеку и рукописи покойнаго Свидзинскаго, прибавимъ, что послѣ него осталось еще множество его собственноручныхъ рукописей. Онъ имѣлъ обширныя, ученныя свѣдѣнія и, совершенно живя въ прошедшемъ, оставилъ огромныя матеріалы для исторіи, бібліографіи, нумизматики. Собранныя до сихъ поръ его собственныя рукописи составляютъ уже до 10 огромныхъ фолиантовъ, отдѣльно отъ его трудовъ бібліографическихкихъ.

Перейдемъ теперь къ отдѣлу картинъ и рисунковъ.

Въ этомъ отдѣлѣ особенно важны гравюры, единственныя въ своемъ родѣ, особенно кіевской школы граверовъ XVIII вѣка, которую Свидзинскій, можно сказать, сохранилъ отъ забвенія. Къ числу этихъ рѣдкихъ и у насъ неизвѣстныхъ памятниковъ гравированія, въ особенности любопытна одна картина, оттиснутая на шелковой матеріи и посвященная Кіевскою академіею гетману Мазепѣ. Такъ

какъ единственный экземпляръ этой гравюры составляетъ важное доказательство, что граверное искусство процвѣтало въ Кіевѣ, въ началѣ прошедшаго вѣка, то авторъ статьи въ «Варшавской Газетѣ», видѣвшій эту гравюру, подробно описываетъ ее.

Въ самой срединѣ ея представленъ гетманъ Мазепа въ вооруженіи, опирающійся лѣвою рукою на щитъ, а правую на крестъ, вверху раздвоенный, въ видѣ буквы V. Такой крестъ, кажется, былъ семейнымъ гербомъ Мазепы. Съ правой стороны двѣ эмблематическія фигуры представляютъ религію, также города, изъясняющіе покорность и отдающіе себя подъ покровительство Мазепы; съ лѣвой стороны, его окружаютъ науки, искусства и промышленность, а надъ головой его возносится слава.

Въ противоположность срединной группѣ, изображающей какъ все процвѣтаетъ и возрастаетъ подл попочительную властію казачкаго гетмана, вокругъ представлены чрезвычайный безпорядокъ и опустошеніе; здѣсь пылаютъ города, разрушаются башни и стѣны; тамъ вздымаются морскія волны и разбиваютъ о скалы корабли; наконецъ въ глубинѣ картины происходятъ страшныя битвы и убійства. Вверху надпись: «Si fractus illabatur orbis, impravidum ferient ruinae», а внизу картины посвященіе Мазепѣ. Подъ картиною есть подпись: «Daniel Galachowski sculpsit Kiiovia».

Эта гравюра, имѣющая слишкомъ два локтя длины и полтора локтя высоты, оттиснута на бѣлой шелковой матеріи. Г. Доскій увѣряетъ, что эта гравюра замѣчательна по исправности рисунка и исполненія, и потомъ разказываетъ ея исторію и причину, отчего не сохранилось болѣе экземпляровъ, несмотря на то, что это произведеніе происходитъ не изъ отдаленныхъ временъ.

Когда гетманъ Мазепа перешелъ на сторону Карла XII, и послѣ проиграннаго сраженія подл Полтавою, раздѣляя участь шведскаго монарха, которому помогалъ, принужденъ былъ вмѣстѣ съ нимъ искать убѣжища въ Бендерахъ; тогда во всей Малороссіи дано было строжайшее приказаніе истреблять все, что напоминало о немъ, какъ объ измѣнникѣ и преступникѣ; въ числѣ множества прочихъ вещей старательно были истреблены также вышеупомянутыя гравюры, сдѣланныя въ честь его, и доски ихъ. Гдѣ-то, близъ Кіева, говоритъ г. Доскій, находилась церковь, построенная на счетъ Мазепы. Въ ея ризницѣ хранилась подобная гравюра, оттиснутая на шелковой матеріи. Мѣстный священникъ, какъ видно, цѣня ея, какъ дорогой памятникъ и, опасаясь попасть въ отвѣтственность, еслибъ ее замѣтили, наклеилъ сверху этой гравюры полотно и велѣлъ написать на немъ Иисуса Христа, лежащаго во гробѣ, для плащаницы.

Скрытое такимъ образомъ изображеніе Мазепы употреблялось при богослуженіи въ продолженіи слишкомъ 130 лѣтъ, и никто не зналъ объ этомъ. Наконецъ, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, когда ны-

нѣшній священникъ упомянутой церкви, по причинѣ ветхости плащаницы, сдѣлалъ новую, то замѣтивъ подъ прежнюю еще новую матерію, откисилъ ее и открылъ описанную здѣсь гравюру. Какъ только покойный Свидзинскій, посредствомъ многочисленныхъ своихъ агентовъ, узналъ объ этомъ открытіи, сейчасъ же предложилъ за гравюру довольно значительную сумму, и такимъ образомъ она попала въ его собраніе.

Въ числѣ картинъ, писанныхъ масляными красками, особенно замѣчательна слѣдующая:

«Папа Павелъ III, вручаетъ Игнатію Лойолѣ буллу, утверждающую основаніе ордена іезуитовъ.» По правую сторону представленъ папа Павелъ III, въ полномъ облаченіи, сидящій съ тиарою на головѣ. Онъ подаетъ преклоняющему колѣна на ступеняхъ трона, Игнатію Лойолѣ, бумагу, на которой можно прочесть только слѣдующія слова: «Paulus Epp. Servus servorum Dei». Подлѣ Игнатія Лойолы стоятъ на колѣняхъ его сподвижники и первые члены ордена іезуитовъ. По правую руку отъ папы видны три кардинала, дагѣе стоятъ римскіе сенаторы и прочіе сановники; на первомъ же планѣ и съ лѣвой стороны папскаго трона стоятъ послы трехъ иностранныхъ государствъ: Франціи, Испаніи и Польши. «Судя по кисти,—замѣчаетъ г. Лоскій, видѣвшій эту картину,—она должна быть произведеніемъ знаменитаго итальянскаго живописца и, какъ кажется, принадлежитъ началу XVII вѣка. Она имѣетъ въ длину 9 локтей, въ вышину 6½; «фигуры натуральной величины.» Какъ утверждали покойный Свидзинскій и другіе знатоки, эта картина должна быть та самая, которую іезуиты поручали написать въ Римѣ, въ память основанія своего ордена Павломъ III, въ 1540 году, и которая въ продолженіи слишкомъ ста десяти лѣтъ находилась въ ихъ главной коллегіи въ Римѣ. Когда папа Климентъ XIV, въ 1773 году, уничтожилъ этотъ орденъ, и іезуиты только въ Бѣлоруссіи сохранили свое имущество, коллегію и права, вслѣдствіе покровительства императрицы Екатерины II, тогда они, имѣя свою главную коллегію въ Полоцкѣ, помѣстили въ ней вышеупомянутую картину, которую привезли съ собою изъ Рима. Когда въ 1820 г., вышелъ указъ императора Александра I, навсегда уничтожившій орденъ іезуитовъ во всей имперіи, тогда и картина, о которой здѣсь говорится, по выходѣ іезуитовъ, осталась въ Полоцкѣ, вмѣстѣ со многими другими драгоценными церковными утварями. По прошествіи слишкомъ десяти лѣтъ, она уже была собственностію частныхъ лицъ, у которыхъ покойный Свидзинскій купилъ ее за значительную сумму, для своего музея.

Нельзя не пожелать, чтобы скорѣе наступило время, когда въ Варшавѣ будетъ открытъ для публики богатый музей Свидзинскаго, который оставилъ по себѣ такую прекрасную и вѣчную память. Люди,

жаждущіе просвѣщенія, входя въ этотъ музей, съ благодарностію будутъ вспоминать имя его основателя...

Въ 6-й кн. «Варшавской Библіотеки» особенно замѣчательна слѣдующая статья: Земледѣльческое народонаселеніе въ Польшѣ отъ XV до XVI вѣка.» Она написана молодымъ и даровитымъ ученымъ княземъ Любомирскимъ, который общается для польской литературы замѣчательнаго дѣятеля. Онъ выступилъ на литературное поприще недавно, именно въ 1855 году, помѣстивъ въ «Варшавской Библіотекѣ» того же года превосходную статью: «Староство Ратенское.» Она есть извлеченіе изъ исторіи волошскихъ поселеній въ Польшѣ и, какъ говорятъ польскіе журналы, есть только часть болѣе обширнаго труда, который постепенно будетъ появляться отдѣльными частями; эти статьи составляютъ цѣлое сочиненіе, которое будетъ заключать въ себѣ полную исторію поселенъ въ Польшѣ.—Кн. Любомирскій много лѣтъ посвятилъ на изученіе своего предмета и неутомимо трудился въ Коронномъ Архивѣ. Вышеупомянутая нами статья: «Земледѣльческое народонаселеніе въ Польшѣ отъ XV до XVI вѣка», есть начало обширнаго историческаго разсужденія, также входящаго въ составъ полной исторіи поселенъ въ Польшѣ. Авторъ, послѣ тщательной разработки историческихъ документовъ, представляетъ, какъ постепенно измѣнялась судьба польскихъ поселенъ, нѣкогда находившихся въ иномъ, лучшемъ положеніи, нежели то, до котораго въ послѣдствіи времени довела ихъ превозмогающая сила буйной шляхты. Изъ среды ихъ выходили ученые и достойные служители церкви и края, до тѣхъ поръ, пока не препятствовали имъ вступать въ училища и занимать высшія должности. Авторъ указываетъ, что земледѣльческое народонаселеніе раздѣлялось на свободное и не свободное: первое пользовалось земскимъ правомъ, другое частнымъ; къ первому принадлежали солтысы и крестьяне (kmiесіе), къ другому крѣпостные (przutywiedzieni) и рабы.—Мѣра свободы, начинающая отъ солтыса до раба, постепенно уменьшалась, какъ видно изъ сочиненія князя Любомирскаго. Духовенство играетъ здѣсь прекрасную роль. Оно заслоняетъ независимость поселенъ отъ угнетенія шляхты, когда, въ XVI вѣкѣ, при распространеніи юридическихъ наукъ и новыхъ понятій, судебная власть перешла къ духовенству. Короли всегда были примирителями поселенъ съ другими сословіями; это продолжалось до тѣхъ поръ, какъ шляхта взяла совершенный перевѣсъ, и вся тягостъ податей пала на крестьянское сословіе, — когда у него отняли вольный бытъ и свободу переходить съ мѣста на мѣсто, когда на смерть отягощали его барщиною. «Народонаселеніе покрылось трауромъ; на груди каждаго изображался слова, различныя всѣмъ угнетеннымъ: Tristis usque ad mortem.»

Такъ оканчиваетъ начало своей статьи князь Любомирскій. Въ слѣдующихъ книжкахъ «Библіотеки» будетъ ея продолженіе. Тогда мы подробнѣе ознакомимся съ нею.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Мы изложили довольно подробно нескончаемый вопросъ о нѣмецкихъ герцогствахъ, принадлежащихъ Даніи. Извѣстно, что по этому дѣлу созданы были датскимъ правительствомъ голштинскіе чины, которымъ представленъ на разсмотрѣніе новый проектъ частной конституціи для Голштинскаго герцогства, и что чины поручили предварительное обсужденіе проекта комиссіи. Последняя окончила возложенное на нее порученіе и представила голштинскому сейму пространный докладъ, занявшій нѣсколько нумеровъ тѣхъ европейскихъ журналовъ, которые нашли нужнымъ сообщать его вполне. Въ докладѣ комиссія излагаетъ вопросъ о нѣмецкихъ герцогствахъ исторически, сообщая свѣдѣнія, отчасти уже знакомыя нашимъ читателямъ. Самая оцѣнка новаго проекта сдѣлана кратко, и большая половина доклада посвящена обзору того порядка вещей, который существуетъ въ герцогствахъ съ 1848 года. Читатели помнятъ, что нѣмецкая партія болѣе всего недовольна *общей* конституціей 1855 года: оттого проектъ *частной* конституціи кажется ей дѣломъ, такъ сказать, второстепеннымъ, и оттого-то комиссія голштинскаго сейма сочла необходимымъ распространиться о недостаткахъ существующей нынѣ *общей* конституціи, не представленной на разсмотрѣніе голштинскихъ чиновъ. Мы приведемъ самыя существенныя мѣста изъ этого доклада, чтобы вполне уяснить для читателей стремленія и жалобы, направленные противъ Даніи не только въ герцогствахъ, но и во всемъ Германскомъ Союзѣ.

«Рациональная цѣль всякой конституціи (сказано между прочимъ въ докладѣ комиссіи) заключается въ томъ, чтобы за націею было упрочено право выразить свою волю черезъ посредство своихъ представителей. Но, при нынѣшнемъ составѣ общаго сейма, право это существуетъ только на бумагѣ для голштинскаго населенія. Обѣщанная общая конституція осталась для него обѣщаніемъ и не сдѣлалась дѣйствительностію. Напротивъ, существующая общая конституція подвергла его большой опасности. Воля государя, отъ котораго, при высокомъ его положеніи, можно ожидать безпристрастнаго обсужденія всѣхъ интересовъ, уступила мѣсто вліянію большинства датскихъ депутатовъ, и самыя дорогіе интересы герцогства отданы въ распоряженіе этого большинства. Если датское правительство желаетъ связать *общую* конституціею страны и народы, подобныя тѣмъ, которые подвластны королю, то эти народы должны имѣть инди-

индивидуальное (особое) представительство въ общемъ учрежденіи. Только такимъ образомъ можно упрочить равенство правъ и должное охраненіе интересовъ каждаго изъ нихъ. Представительство, соразмѣрное съ населеніемъ, можетъ быть удовлетворительно въ монархіи, составленной изъ провинцій, родственныхъ по населенію. Герцогство Голштинское не провинція Датскаго королевства; оно подвластно его величеству на одинаковыхъ правахъ съ другими частями монархіи, и составляетъ самостоятельную (*selbstständig und gleichberechtigt*) часть этой монархіи.»

Итакъ, основное требованіе комиссіи заключается въ томъ, что на общемъ сеймѣ, установленномъ общео конституціей 1855 года, представители нѣмецкой партіи составляютъ меньшинство, безсильное противъ большинства, состоящаго изъ депутатовъ собственной Дании, и слѣдовательно отстаивающаго выгоды этой части монархіи. Герцогства желали бы, чтобы выборы производились не по числу народонаселенія, ибо въ такомъ случаѣ нѣмецкая партія составляетъ меньшинство, и чтобъ объ народности, датская и нѣмецкая, имѣли какъ бы два отдѣльные сейма, по крайней мѣрѣ равные по своему численному составу. Последнее желаніе выражено въ другомъ мѣстѣ доклада, которое считаемъ излишнимъ приводить здѣсь. Предоставляя читателю припомнить происхожденіе Датской монархіи въ нынѣшнемъ ея разноплеменномъ составѣ и вывести собственное заключеніе изъ сообщаемыхъ изми фактовъ, продолжаемъ извлеченіе изъ доклада комиссіи голштинскаго сейма.

Въ ряду жалобъ, высказанныхъ ею, одна изъ самыхъ главныхъ касается финансоваго вопроса. Въ послѣдніе годы, сказано въ докладѣ, установленъ одинъ новый налогъ; другой налогъ, существовавшій и прежде, усиленъ; доходы съ государственныхъ имуществъ, принадлежащихъ герцогству, тоже перешли въ общую казну, такъ что Голштинское герцогство въ настоящее время платитъ вчетверо больше поземельнаго налога (*Landsteuer*), чѣмъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, предшествовавшихъ 1848 году. «Напротивъ, продолжаетъ комиссія, Датское королевство облегчено отѣною одного налога и уменьшеніемъ другаго; поземельный налогъ не увеличился въ Дании въ той степени, въ какой онъ увеличенъ въ Голштиніи.» Все это комиссія приписываетъ влиянію общей конституціи 1855 года. «Неоспоримо (сказано далѣе въ томъ же докладѣ), что нынѣшнее финансовое положеніе Голштинскаго герцогства чрезвычайно тяжело, и что будущность его опасна. Къ сожалѣнію, права, предоставляемые проектомъ частной конституціи голштинскому сейму, не даютъ послѣднему никакого средства поправить дѣло. Ему дозволено только заниматься раскладкою той суммы, которую, по назначенію общаго датскаго сейма, должно доставить герцогство, да и то лишь относительно тѣхъ денежныхъ сборовъ, которые расхо-

дуются исключительно въ пользу герцогства.» Докладъ оканчивается слѣдующимъ заключеніемъ: «герцогство Голштинское не получило той независимости, на которую имѣетъ право, и которая, при правительствѣ менѣе доступномъ для частныхъ вліяній, могла бы быть дарована въ равной степени всѣмъ частямъ монархіи.

«Напротивъ, стороннія вліянія во всѣхъ отношеніяхъ препятствовали самостоятельному преуспѣянію герцогства.

«Герцогство Голштинское не пользовалось тѣми же правами, какія предоставлены Датскому королевству, и напротивъ подчинено большинству общаго сейма; сверхъ того, оно поставлено въ положеніе чрезвычайно невыгодное и въ другихъ отношеніяхъ, но главнымъ образомъ относительно финансовъ.

«Такое положеніе дано герцогству неконституціоннымъ путемъ.»

Мы опускаемъ тѣ жалобы, возбужденныя новымъ проектомъ частной конституціи, о которыхъ уже было упомянуто въ нашемъ послѣднемъ обзорѣ. Впрочемъ коммиссія прямо говоритъ въ своемъ докладѣ, что проектъ частной конституціи и не можетъ быть удовлетворителенъ, пока не опредѣлены отношенія герцогства къ собственной Даніи. Заключая свой докладъ предложеніемъ отвергнуть представленный правительствомъ проектъ, коммиссія въ то же время объявляетъ, что «еслибы голштинскому сейму предложили проектъ общей конституціи, составленный въ примирительномъ смыслѣ и на основаніи равенства между частями Датской монархіи, то онъ былъ бы принятъ и оцѣненъ по достоинству; но этого не желали, голштинскій сеймъ даже не былъ приглашенъ выразить свое мнѣніе объ общей конституціи.»

Голштинскій сеймъ одобрилъ заключенія своей коммиссіи въ заведеніи 9-го сентября, и вслѣдъ за тѣмъ былъ распущенъ, потому что датское правительство созывало его именно для отвѣта, положительнаго или отрицательнаго, на проектъ частной конституціи. По общему мнѣнію, господствующему въ Германіи, дѣло это вскорѣ поступитъ на разсмотрѣніе германскаго сейма. Извѣстно, что и прежде Пруссія и Австрія только потому не поднимали датско-нѣмецкаго вопроса на этомъ сеймѣ, что надѣялись на возможность соглашенія между герцогствами и датскимъ правительствомъ. Последнее, съ своей стороны, намѣрено обратиться къ общему сейму монархіи, который неожиданно созванъ въ Копенгагенѣ къ 30-му сентября.

Въ послѣднее время, въ Европѣ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ ожидаютъ развязки по извѣстному разногласію между Испанією и Мексикой. Въ свое время мы сообщали, что при послѣднихъ смутахъ въ Мексикѣ нѣсколько Испанцевъ убиты разбойническимъ образомъ, и что убійцы не были преслѣдуемы законнымъ порядкомъ. Мадридскій дворъ потребовалъ удовлетворенія, и не получивъ его вполне, отправилъ на островъ Кубу сухопутныя и морскія военныя

силы, которыми, въ случаѣ надобности, будетъ командовать губернаторъ острова. Испанскій министръ иностранныхъ дѣлъ разослалъ къ дипломатическимъ агентамъ Испаніи при иностранныхъ дворахъ циркулярную депешу, въ которой излагаетъ все случившееся въ Мексикѣ, и объявляетъ о своемъ намѣреніи требовать наказанія виновныхъ и денежнаго вознагражденія въ пользу испанскихъ подданныхъ, которые были жертвами мексиканскихъ смутъ. Испанскій повѣренный въ дѣлахъ въ Мексикѣ, г. Сарела, прервалъ дипломатическія сношенія съ правительствомъ, при которомъ былъ аккредитованъ, такъ что въ настоящее время остались лишь два средства покончить дѣло: война или посредничество третьей державы. Роль посредника, повидимому, приняла на себя Франція, при содѣйствіи мексиканскаго посланника въ Парижѣ, г. Лафрага; но до сихъ поръ ходъ переговоровъ остается тайною какъ для публики, такъ и для журналовъ, въ которыхъ находимъ самыя противорѣчивыя свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи дѣла. Опасаются, что въ случаѣ войны между Мексикой и Испаніей, Соединенные Штаты, особенно при теперешнемъ президентѣ, не останутся сторонними зрителями этой борьбы, и что Мексика, истощенная многолѣтними смутами, должна будетъ обратиться къ своимъ сильнымъ и богатымъ сосѣдямъ, которые еще недавно купили у нея значительную территорію. Какъ далеко зашли обѣ стороны относительно разрыва, видно изъ циркуляра, разосланнаго мексиканскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Тераномъ, къ губернаторамъ еще 8-го іюля. Министръ объявляетъ, что г. Лафрага посланъ былъ изъ Парижа въ Мадридъ для переговоровъ, но не былъ принятъ тамъ въ качествѣ полномочнаго министра, и потому переговоры были невозможны. Онъ требуетъ, чтобы губернаторы доставили въ министерство свѣдѣнія о численной силѣ національной гвардіи въ провинціяхъ. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣлъ не измѣнилось. Въ Мексикѣ правительство готовится къ оборонѣ, а на островѣ Кубѣ и въ Испаніи другое правительство готовится къ нападенію. Тѣмъ не менѣе, есть основаніе думать, что посредничество Франціи увѣнчается успѣхомъ. Само по себѣ, разногласіе между Испанією и Мексикой было бы неважно; но по отношенію къ политикѣ Соединенныхъ Штатовъ, оно, какъ замѣчено выше, возбуждаетъ безпокойство: понятно, что не только Франція, но и Англія употребятъ всѣ усилія, чтобъ уладить это дѣло.

Высочайшимъ повелѣніемъ 9-го августа предписано: по окончаніи врачебнаго курса воспитывающимися въ университетахъ и медицинско-хирургической академіи на счетъ суммъ министерства внутреннихъ дѣлъ, причислять изъ таковыхъ воспитанниковъ къ больницѣ для

чернорабочихъ въ С. Петербургѣ отъ 20 до 30 врачей, съ званіемъ ординаторовъ—практиковъ, со всѣми служебными правами и съ содержаніемъ по 300 р. сер. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы они занимались при больницахъ патологическою анатоміей, судебною медициною, хирургіей и микроскопіей. Послѣ двухъ—годичныхъ занятій въ больницѣ, они должны быть назначаемы въ города и уѣзды, но не по принятому обычаю, на безсрочное время, а на два или три года. Въ теченіи этого времени они обязаны оставаться въ ученыхъ сношеніяхъ съ медицинскимъ департаментомъ, по окончаніи года представить въ оный описаніе болѣзней, ими пользованныхъ, операций, ими сдѣланныхъ, и вообще ученыхъ наблюденій, а по истеченіи втораго года до конца третьаго, доставить медико—топографическое описаніе мѣстности, съ замѣчаніями своими о причинахъ появленія болѣзней и о мѣрахъ, могущихъ служить къ ихъ отвращенію. Медицинскій департаментъ обязанъ соразмѣрять повышеніе врачей съ удовлетворительностію этихъ работъ и слѣдить за ихъ учеными трудами, поставивъ такимъ образомъ весь успѣхъ служебной будущности врачей въ зависимость ученой дѣятельности, а не случайности и протекціи. Для ихъ руководства, при больницѣ чернорабочихъ ведѣно опредѣлить профессоровъ—консультантовъ: одного для патологической анатоміи, судебной медицины и микроскопіи, одного для хирургіи и фармаціи, съ содержаніемъ: первымъ двумъ по 1,000, а послѣднему по 800 р. сер. въ годъ.

Обнародованъ отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за прошлый 1856 годъ. Особенно важную часть отчета составляетъ обзоръ общихъ распоряженій правительства. Въ теченіи прошедшаго года принято нѣсколько важныхъ мѣръ на пользу просвѣщенія. Къ числу ихъ относятся: 1) Высочайшее повелѣніе 5—го мая, въ которомъ Государь Императоръ изъявилъ желаніе, чтобъ учебныя засѣданія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія находились подъ ближайшимъ наблюденіемъ и попеченіемъ Его Величества. Съ этою цѣлію начертаны новыя правила для дѣйствій главнаго управленія училищъ. 2) Возстановленіе ученаго комитета, какъ отдѣльной части главнаго управленія училищъ и упраздненіе состоявшаго при министерствѣ комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ. 3) Отмѣна преподаванія военныхъ наукъ въ университетахъ. 4) Предполагается открытіе школъ для дѣвицъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и въ большихъ селеніяхъ. 5) Разрѣшеніе посылать за границу молодыхъ людей изъ числа кончившихъ курсъ въ университетахъ, для усовершенствованія въ избранныхъ ими предметахъ и для полнаго приготовленія къ профессорскому званію.

Въ Англіи извѣстія изъ Остѣ—Индіи замедлились въ послѣднее время, и журналы наполнены одними подробностями о событіяхъ, уже извѣстныхъ публикѣ въ главныхъ чертахъ. Такъ невыгодно

для Англичанъ и кровопролитное сраженіе подъ Агрою, о которомъ въ послѣдній разъ мы могли сообщить только краткія извѣстія, теперь извѣстно во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Инсургенты, осадившіе Агру, пришли туда изъ Нимоча (Neemuch) и Нассирабада. Они расположились въ 20 миляхъ отъ города, откуда начали тревожить его передовые окопы. Гарнизонъ Агры довольно незначителенъ. Онъ состоитъ изъ 3-го европейскаго бенгальскаго полка, артиллерійской батареи и отряда волонтеровъ въ 500 человекъ; набраннаго между христіанскимъ населеніемъ. Частыя нападенія принудили осажденныхъ удалиться въ крѣпость. 5-го іюля инсургенты приблизились къ окопамъ для грабежа; гарнизонъ воспользовался этимъ, чтобы напасть на нихъ. Такъ завязалось дѣло, въ которомъ Англичане потерпѣли пораженіе. Изъ числа 500 человекъ, которые находились въ сраженіи, убито 42 человека, а ранено 92. Матежники заняли окопы и стѣснили гарнизонъ, заключившійся въ крѣпости. По счастью, успѣхъ инсургентовъ на этотъ разъ обошелся безъ кровопролитія: европейское населеніе успѣло вовремя укрыться въ крѣпость, и лишь нѣсколько человекъ сдѣлались жертвами черни, немедленно приставшей къ инсургентамъ. Но потеря Англичанъ не ограничилась только убитыми и ранеными: они лишились еще части военныхъ снарядовъ вслѣдствіе взрыва бочекъ съ порохомъ. Восстаніе распространяется. По новѣйшимъ извѣстіямъ оно вспыхнуло также въ Гайдерабадъ (въ Деканѣ), главномъ городѣ области Низамъ. Волненіе съ трудомъ было прекращено, однако Англичанамъ удалось удержать этотъ городъ въ своей власти.

Правительство дѣятельно занимается отправкою войскъ въ Остъ-Индію. Отправка началась тотчасъ послѣ перваго извѣстія о матежѣ и продолжается до сихъ поръ. 27-го іюня была получена первая депеша, а 1-го іюля уже было отправлено 9,000 солдатъ. Въ августѣ отправлено 15,000, которые теперь уже должны быть на мѣстѣ. Въ мѣстѣ съ тѣмъ войскомъ, которое уже находится въ Остъ-Индіи, и полками, ожидаемыми изъ Китая, остъ-индское правительство будетъ располагать значительными силами. Нѣкоторые изъ журналовъ вполне надѣются на быстрое прекращеніе матежа вновь прибывшими войсками, которыя будутъ не малочисленнѣе возмущившихся сипаевъ. Въ этихъ надеждахъ, однако, есть много преувеличеннаго. Не надобно забывать, что число инсургентовъ едва ли извѣстно въ точности, и къ тому оно ежеминутно можетъ увеличиться. Разсчитывать на непоколебимую вѣрность индійскихъ контингентовъ едва ли благоразумно. Между ними замѣтно большое колебаніе, и опытъ научилъ, какъ мало можно полагаться на нихъ. Правительство чувствуетъ это, и всѣми мѣрами старается увеличить свое войско, котораго, вѣроятно, и по водвореніи мира, потребуется въ Остъ-Индію довольно много. Замѣчательно однако, что и въ этихъ стѣснитель-

ныхъ обстоятельствахъ, оно не рѣшилось отступить отъ стараго обычая, и до сихъ поръ не прибѣгло къ набору, на который въ Англіи смотрятъ неблагопріятно. Солдаты попрежнему набираются изъ волонтеровъ, и новая мѣра состоитъ только въ томъ, что принимаются новобранцы ниже опредѣленнаго закономъ роста. Любопытно видѣть, до какой степени въ англійской арміи еще сохранились совершенно особенные обычаи. Недавно обнародованъ приказъ главнокомандующаго арміи, герцога Кембриджскаго. Въ этомъ приказѣ объявлено, что правительство будетъ давать чины всякому молодому человѣку, который наберетъ сто рекрутъ и выполнитъ слѣдующія условія: 1) дастъ знать заранее армейскому начальству о своемъ намѣреніи вербовать рекрутъ и получить отъ него разрѣшеніе; 2) будетъ имѣть отъ роду не менѣе 18 и не болѣе 24 лѣтъ, въ удостовѣреніе чего представитъ метрическое свидѣтельство; представить свидѣтельство отъ священника своего исповѣданія въ томъ, что получилъ религіозное образованіе; и 4) свидѣтельство въ хорошемъ поведеніи отъ того заведенія, въ которомъ получилъ воспитаніе.

Толки о характерѣ возстанія до сихъ поръ продолжаются какъ въ англійской, такъ и въ иностранной журналистикѣ. Со времени первыхъ извѣстій о бунтѣ вышло нѣсколько большихъ сочиненій объ Остѣ-Индіи, съ цѣлю разъяснить спорный вопросъ. Парламентъ, съ своей стороны, издалъ цѣлую книгу официальныхъ актовъ, относящихся къ остѣ-индскому управленію. Мнѣнія раздѣлились на двѣ партіи; одни видятъ въ остѣ-индскихъ происшествіяхъ одинъ военный мятежъ, другіе, напротивъ, указываютъ на общее неудовольствіе Индусовъ противъ англійскаго владычества. Мы уже говорили объ этомъ въ послѣднемъ обзорѣ. Въ настоящее время едва ли можно что-либо объяснить вполне удовлетворительно, кромѣ исходнаго пункта возстанія. Однако изъ новыхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса, сообщенныхъ въ послѣднее время, можно, кажется, съ нѣкоторымъ основаніемъ заключить, что мятежъ имѣетъ, кромѣ военнаго, еще мусульманскій характеръ. Увѣряютъ, что въ магометанскихъ мечетяхъ уже сто лѣтъ, какъ ежедневно читаются молитвы объ изгнаніи Англичанъ изъ Индіи. Свобода книгопечатанія, которую Англичане всюду приносятъ съ собою, дала возможность образованнымъ мусульманамъ завести періодическія изданія и подогрѣвать естественное нерасположеніе къ чужеземцамъ. Въ какой степени они пользовались этою возможностью, видно изъ ожесточенныхъ протестовъ противъ низложенія въ прошломъ году аудскаго короля. Къ религіозной ненависти присоединилась и другая причина, усилившая вражду. Когда высшіе слои населенія пріобрѣтали европейское просвѣщеніе, они узнали о малочисленности Англичанъ не только въ Остѣ-Индіи, но и въ Европѣ, и начали стыдиться своей зависимости отъ меньшаго племени. Между образованными классами не-

расположеніе къ Англии есть общее чувство, раздѣляемое не только индусами и мусульманами, но даже парсами. Журналъ, издаваемый послѣдними въ Калькуттѣ (Parsee Reformer), также рѣзко говорилъ о присоединеніи Ауда, какъ говорили о томъ мусульмане. Разбирая прокламацію генераль-губернатора, онъ прямо называлъ ложными всѣ ея доводы и сравнивалъ съ насиліемъ Англии великодушное поведеніе аудскаго короля. Недавно, по поводу мятежа, этотъ журналъ призывалъ мщеніе неба на голову Англичанъ, и радовался при видѣ «постыднаго бѣгства тѣхъ, которые еще недавно были повелителями Индіи.» — «Англичане! сказано въ заключеніе этой статьи: вы, конечно, не думали, что новый императоръ вступитъ на дельгійскій тронъ со всѣмъ блескомъ Надирь-Шаха, Бабера или Тамерлана.» Подобныя выходки оправдываютъ послѣднюю ценсурную жѣру лорда Каннинга; но тѣмъ болѣе слѣдуетъ отдать справедливость чувству законности и либеральному духу, которые царствуютъ въ Англии: несмотря на грозныя обстоятельства и злоупотребленія остъ-индской журналистики, многіе были недовольны введеніемъ цензуры, и нѣкоторые журналы громко высказываютъ свое негодованіе. Эта привязанность къ свободнымъ учрежденіямъ даетъ Англии ту нравственную силу, которая не разъ спасала ее въ затрудненіяхъ, и безъ сомнѣнія поможетъ ей и теперь.

Подробности о личности кровожаднаго Нана-Саиба, которая сдѣлались извѣстны въ послѣднее время, чрезвычайно любопытны. Это человекъ, по наружности, вполне образованный. Онъ бѣгло говоритъ по-англійски и былъ всегдашнимъ товарищемъ европейскихъ офицеровъ во всѣхъ ихъ увеселеніяхъ. Онъ сталъ во главѣ инсургентовъ вслѣдствіе того, что послѣ смерти усыновившаго его пейшвы Наджи-Роа остъ-индское правительство не хотѣло платить ему пенсін, которую оно давало низложенному владѣтелю. Нана-Саибъ жилъ въ Бигурѣ, недалеко отъ Каунпора. Послѣ смерти пейшвы, онъ заключилъ въ тюрьму его законныхъ наслѣдниковъ и пытался, но безъ успѣха, возстановить свои права судебнымъ порядкомъ.

Слухи о преобразованіи остъ-индской администраціи и совершенномъ упраздненіи компаній все болѣе получаютъ вѣроятности. Говорятъ объ отставкѣ г. Вернонъ-Смита, начальника такъ-называемой канцеляріи остъ-индскихъ дѣлъ, на которой, между прочимъ, лежитъ обязанность надзора за правленіемъ директоровъ компаній. Г. Вернонъ-Смитъ возбудилъ неудовольствіе самихъ директоровъ, однако его отставка почитается первымъ шагомъ къ преобразованіямъ. Многіе полагаютъ, что Маколей, недавно возведенный въ перы, будетъ призванъ въ новое учрежденіе, которое будетъ завѣдывать остъ-индскими дѣлами.

Новые перы, о которыхъ мы говорили, получили слѣдующіе титулы: лордъ Гровноръ (которому титулъ лорда давали изъ вѣжл-

вості, какъ это часто бываетъ съ младшими сыновьями англійской аристократіи), получилъ титулъ барона Эберн, а Маколей титулъ барона Маколей-Ротли. Знаменитому историку сохранено его прославленное имя. Другія назначенія не подтвердились.

Въ Бельѣастѣ, въ Ирландіи, недавно произошли волненія. Поводъ къ нимъ подали проповѣди на чистомъ воздухѣ англиканскихъ и пресвитеріанскихъ священниковъ. Это возбудило ненависть католическаго населенія, которое оскорбило проповѣдниковъ. Произошла драка, не обошедшаяся безъ жертвъ, и мѣстное начальство должно было прибѣгнуть къ военной силѣ. Высшее духовенство двухъ протестантскихъ церквей задолго старалось умѣрить усердіе проповѣдниковъ, и совѣтовало имъ осторожнѣе пользоваться своимъ правомъ. Къ сожалѣнію, эти увѣщанія не произвели никакого дѣйствія, и лишняя ревность повела къ безконечнымъ раздорахъ.

Во Франціи, со времени закрытія засѣданій законодательнаго сословія, весь общественный интересъ сосредоточивается на совѣщаніяхъ департаментскихъ совѣтовъ, начавшихся въ концѣ прошедшаго мѣсяца. Извѣстно, что генеральные совѣты пользуются правомъ выражать правительству свои желанія (vœux) насчетъ мѣръ, которыя могутъ содѣйствовать развитію мѣстныхъ интересовъ. Заключенія совѣтовъ, въ нынѣшнемъ году, очень замѣчательны. Большая часть департаментовъ, которые теперь представили правительству свои опредѣленія, выразили желаніе, чтобы правительство содѣйствовало извѣстному проекту г. Лессепа о прорытіи Суэзскаго перешейка. Уже теперь такихъ департаментовъ насчитывается тридцать пять. Относительно внутреннихъ мѣръ и предпріятій тоже было высказано много важнаго. Общій совѣтъ департамента Геро повторилъ свое ежегодное желаніе объ измѣненіи таможеннаго тарифа въ духѣ началъ свободной торговли. Нынѣшній разъ опредѣленіе совѣта подкрѣплено самымъ подробнымъ развитіемъ побудительныхъ причинъ, которыхъ изложеніе сдѣлано краснорѣчивымъ перомъ предсѣдателя совѣта, г. Мишеля Шевалье. Вопросъ о свободной торговлѣ находится на очереди въ цѣлой Европѣ и вездѣ находятъ и жаркихъ поборниковъ и жаркихъ противниковъ. Считаемо поэтому не лишнимъ передать читателямъ главные доводы героскаго совѣта. Генеральный совѣтъ находитъ, что высокій тарифъ не только вредитъ успѣхамъ земледѣлія, котораго продукты вслѣдствіе его не проникаютъ на европейскіе рынки, но и не соответствуетъ состоянію мануфактурной промышленности. Тарифъ препятствуетъ мануфактурной промышленности пріобрѣтать за дешевую цѣну сырые матеріалы и орудія производства, лишая ее въ то же время образцовъ иностранныхъ фабрикъ, которые могли бы дать поводъ къ новымъ усовершенствованіямъ. Безполезный при сильномъ развитіи внутренняго производства, высокій тарифъ составляетъ прямое противорѣчіе съ

тѣмъ стремленіемъ къ международному сближенію, которое составляетъ отличительный характеръ новаго времени. Сверхъ того французская промышленность сама признала себя достаточно зрѣлою для свободнаго соперничества, ибо мануфактуристы всѣ желали всемірной выставки въ Парижѣ. Пониженіе пошливъ, на нѣкоторые изъ предметовъ первой необходимости, каковы: хлѣбъ, напитки и скоть, не только не нанесло никакого вреда національной промышленности, но, напротивъ того, содѣйствовало ея развитію. Существованіе такихъ фабрикъ, которыя производятъ съ большими издержками, чѣмъ заграничныя, особенно вредно въ эпохи кризиса, ибо когда французскій рынокъ не достаточенъ для сбыта всѣхъ находящихся на немъ произведеній, то послѣднія съ трудомъ находятъ сбытъ за границею; вслѣдствіе этого, работа на фабрикахъ прекращается, и общественныя бѣдствія увеличиваются. Эти общія соображенія генеральный совѣтъ подкрѣпляетъ примѣрами изъ промышленной исторіи Франціи. Доказательство, что сами работники бываютъ жертвами запретительной системы, имѣетъ особенную важность, потому что защитники высокихъ тарифовъ нерѣдко прикрываютъ свои корыстные виды мнимой выгодой рабочаго класса. Въ прошломъ году, когда пошлины на нѣкоторые предметы были понижены, и вслѣдъ за тѣмъ произошли волненія въ Руанѣ и Лиллѣ, многіе старались объяснить это страхомъ работниковъ потерпѣть отъ измѣненія тарифа. Но еслибы даже эти волненія и произошли сами собою, безъ всякаго посторонняго вліянія, то они все-таки ничего не доказываютъ, кромѣ ошибочнаго взгляда работниковъ на собственные интересы. Мнѣніе Героскаго департамента раздѣляютъ многіе другіе совѣты; но экономическія свѣдѣнія еще не довольно распространены во Франціи, а потому нашлись и такіе совѣты, которые выразили желаніе, чтобы тарифъ не потерпѣлъ никакихъ измѣненій. По счастью, промышленность такъ развита во Франціи, ея настоящіе интересы такъ очевидно представляются не предубѣжденнымъ умамъ, что защитники покровительственной системы не находятъ сильныхъ доводовъ въ окружающей ихъ дѣйствительности. Органомъ протекціонистовъ былъ на этотъ разъ генеральный совѣтъ Сѣвернаго департамента. Его опредѣленію нельзя дать обыкновеннаго названія: *желаніе*; оно все состоитъ въ превознесеніи мудрости императора и въ изъявленіи твердой увѣренности, что эта мудрость заставитъ его остановиться въ дальнѣйшемъ преобразованіи тарифа. Остальныя желанія генеральныхъ совѣтовъ касаются важнѣйшихъ требованій мѣстной промышленности и сельскаго быта, указываютъ на необходимость провести желѣзныя дороги, преобразовать устройство сельской стражи, ускорить изданіе сельскаго устава и т. п. Одинъ департаментъ, именно Сены-и-Марны, въ краткихъ выраженіяхъ протестовалъ противъ проекта правительства принять на себя застрахованіе сельской

промышленности, проекта, который недавно был представлен на рассмотрение государственного совета.

Заговоръ противъ жизни императора, произведшій мало шума и во время своего открытiя, былъ почти совершенно позабытъ потомъ. Между тѣмъ дѣло продолжалось въ ассизномъ судѣ Сенскаго департамента. Говоря нѣсколько недель тому назадъ объ осужденiи Тибальди, Гралли и Бартолотти, мы замѣтили, что въ обвинительномъ актѣ противъ нихъ не было упомянуто о Ледрю-Ролленѣ, и только показанiя свидѣтелей о сношенiяхъ обвиненныхъ съ какимъ-то Французомъ въ Лондонѣ заставляли судей думать объ его участiи. Эти показанiя побудили правительство начать заочный процессъ противъ Мадзини, Ледрю-Роллена, Массаренти и Кампанеллы. Кромѣ новаго допроса свидѣтелей, основанiемъ для суда послужило оправданiе, напечатанное Ледрю-Ролленомъ въ Лондонѣ. Въ этой брошюрѣ онъ доказываетъ свою невинность тѣмъ, что убiйство императора не принесло бы никакой пользы революционной партiи. Судъ заключилъ, что человекъ, такъ хладнокровно разсуждающiй о выгодахъ и невыгодахъ преступленiя, долженъ быть виновенъ, и на этомъ основанiи приговорилъ заочно всѣхъ четверыхъ къ ссылкѣ.

Гораздо болѣе впечатлѣнiя произвелъ другой процессъ, недавно оконченный въ Оранѣ. Читателямъ извѣстно, что часть Алжирiи находится подъ военнымъ управленiемъ, между тѣмъ какъ другая ея часть подчинена гражданской власти. Нынѣшнее правительство вообще предпочитаетъ первую систему. Въ послѣднее время журналы нѣсколько разъ старались выставить ея неудобство, насколько это возможно при нынѣ-дѣйствующихъ законахъ. Какъ будто въ подтвержденiе этому приговору, въ Алжирiи были недавно открыты важныя злоупотребленiя со стороны одного мѣстнаго военного начальника, капитана Дуано и десяти племенныхъ начальниковъ и должностныхъ лицъ изъ Арабовъ. Капитанъ Дуано приговоренъ къ смертной казни, а его сообщники на каторжную работу, шестеро на двадцать лѣтъ и четверо на пять. Правительство старалось придать этому процессу большую гласность. Процессъ открылъ важныя злоупотребленiя. Оказалось, что нѣкоторые изъ военныхъ начальниковъ въ Алжирiи не только были лихоимцами, но еще позволяли себѣ самыя произвольныя дѣйствiя, приговаривая своихъ подчиненныхъ безъ всякаго суда къ смертной казни. Нѣкоторые увѣряли, что эти злоупотребленiя существовали еще въ царствованiе Людовика Филиппа; но генералъ Бедо, письмомъ къ редактору журнала *Indépendance Belge*, протестуетъ противъ этихъ обвиненiй и доказываетъ, что въ то время Французы были въ Алжирiи представителями гуманнхъ началъ послѣ турецкаго варварства.

Читатели, вѣроятно, помнятъ, что во время послѣднихъ выборовъ въ законодательное собранiе журналъ *Assemblée Nationale* былъ

запрещенъ на три мѣсяца за рѣзкую статью, въ которой было выражено сомнѣніе въ томъ, будто бы по выборамъ можно было составить себѣ вѣрное понятіе о настоящемъ расположеніи умовъ во Франціи. Срокъ запрещенія окончился въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, и правительство снова разрѣшило изданіе, но съ условіемъ, чтобы названіе его было измѣнено. Прежнее названіе признано противнымъ конституціи. Журналъ появился поэтому подъ именемъ *le Spectateur*. Редакторы получали однако позволеніе напечатать въ заглавіи, что журналъ выходилъ прежде подъ именемъ *Assemblée Nationale*. Подобныхъ мѣръ давно уже не бывало во Франціи.

Императоръ занятъ маневрами въ Шалонскомъ лагерѣ, который онъ вскорѣ оставитъ для предполагаемаго путешествія въ Германію.

Объ Испаніи не было слышно нѣкоторое время, и казалось смуты въ кортесахъ точно также прекратились, какъ и недавнія волненія въ провинціяхъ; но послѣднія извѣстія опять заставляютъ опасаться за ея спокойствіе. Увѣряютъ, что въ такъ-называемой умѣренной или консервативной партіи разрывъ совершенно неизбеженъ. Къ сожалѣнію, причиною разрыва почитаютъ патріотическій образъ дѣйствій вышшняго главы кабинета. Всѣ безъ сомнѣнія помнятъ, съ какимъ примирительнымъ духомъ, съ какимъ забвеніемъ личныхъ интересовъ, маршалъ Нарваесъ старался поселить единодушіе между различными партіями. По видимому, его благородныя усилія не только не увѣнчались успѣхомъ, но отдалили отъ него собственную его партію. Эта партія надѣялась на монополію значительныхъ мѣстъ и вліянія на дѣла. Обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, она перестала поддерживать перваго министра. Отсюда произошло ея враждебное расположеніе во время преній о свободѣ тисненія и о пересмотрѣ конституціи. Теперь ходятъ слухи, будто бы недавно всѣ министры подавали въ отставку. Королева не согласилась на ихъ просьбу, но по послѣднимъ извѣстіямъ это несогласіе только отсрочило паденіе кабинета. Причиной паденія маршала Нарваеса выставляютъ отставку генерала Кончи (Concha), генераль-губернатора Кубы, на управленіе котораго въ послѣднее время было принесено много жалобъ. Маршалъ Нарваесъ настаивалъ на его увольненіи, также какъ и нѣкоторые изъ министровъ. Королева, подъ вліаніемъ оппозиціонныхъ партій не согласилась на требованіе своего кабинета, который вслѣдствіе этого выходитъ въ отставку. Составленіе новаго министерства будетъ, говорятъ, поручено адмиралу Армеро, при содѣйствіи такъ-называемыхъ викальваристовъ. Офіціальныя извѣстія объ этихъ происшествіяхъ еще не получены.

Королева Христина желаетъ возвратиться въ Испанію. Царствующая королева тоже желаетъ этого, и кабинетъ согласенъ; но въ журналахъ слухи о намѣненіи королевы-матери пробудили непріязненное расположеніе къ ней. Говорятъ, что Христина намѣрена издать манифестъ, съ цѣлію оправдать свои прежнія дѣйствія.

Между Испаніей и Римомъ идутъ переговоры о церковныхъ имуществахъ, отобранныхъ въ казну со времени революціи. Римскій дворъ долго не соглашался признать законность этой мѣры. Говорятъ, что теперь папа рѣшился дать свое согласіе, но съ тѣмъ, чтобы, въ замѣнъ имущества, государство приняло на себя безсрочный долгъ, и проценты съ него уплачивало церкви. Запрещеніе приобретать вновь имущества будетъ отиѣнено; но въ этомъ случаѣ папское правительство только по наружности не дѣлаетъ уступки, потому что при современномъ положеніи долгъ пріобрѣтенія едва ли возможенъ для испанской церкви. Въ связи съ этими переговорами идутъ другіе — объ уменьшеніи числа праздниковъ, при множествѣ которыхъ значительно сокращается число рабочихъ дней. Говорятъ, что римскій дворъ согласится и на это, и перенесетъ праздники на воскресные дни.

Въ Италіи путешествіе папы, хотя и не принесло тѣхъ послѣдствій, которыхъ отъ него ожидали, но окончилось все-таки нѣкоторымъ облегченіемъ для областнаго населенія. Проѣзжая черезъ Анкону, папа уничтожилъ осадное положеніе, въ которомъ этотъ городъ и вся провинція находились съ 1849 года. Это не только политическая милость, но и финансовое облегченіе, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается налогъ на содержаніе гарнизона. Однако австрійскія войска не совсѣмъ оставляютъ городъ, только изъ каждыхъ двухъ баталіоновъ тамъ останется по одному.

Этою мѣрою и нѣсколькими частными благотвореніями огрзничивается все, сдѣланное Пиемъ IX на пользу его подданныхъ, въ продолженіи его трехмѣсячнаго путешествія. Политическія отношенія внутри Италіи остаются прежнія. Холодность съ Пиемонтомъ продолжается, и на пути своемъ папа видѣлся только съ тѣми изъ государей, которые держатся австрійской политики. Одного изъ нихъ, великаго герцога тосканскаго, онъ посѣтилъ въ его собственной столицѣ. Церковные интересы всего болѣе занимали Пія IX во время осмотра легатствъ, и въ этомъ отношеніи онъ встрѣтилъ много сочувствія не только въ итальянскихъ государяхъ, но и въ городахъ. Не только Римъ, но и Піаченца воздвигаютъ статуи въ честь новаго догмата непорочнаго зачатія. Папа воротился въ свою столицу, гдѣ муниципальное начальство готовитъ ему торжественный приѣмъ. Уже около мѣсяца Римъ наполненъ триумфальными воротами и арками... Но между тѣмъ, какъ городскія власти спѣшатъ возблагодарить папу за его благодѣянія, населеніе Рима упорно ждетъ преобразованій. Недавно римскому муниципалитету представленъ адресъ, которымъ требуются административныя реформы. Въ адресѣ сказано, что просители желаютъ присоединить свой голосъ къ тѣмъ умѣреннымъ надеждамъ, которыя были выражены его святѣйшеству въ адресахъ посѣщенныхъ имъ городовъ. Состояніе Римской области давно уже нехорошо, но нельзя отвергать, что въ настоящее время оно хуже

тѣмъ когда-нибудь. Просители отказываются отъ политическихъ требованій, не почитая ихъ своевременными, но думаютъ, что папа не отвергнетъ необходимыхъ преобразованій въ управленіи. Муниципалитету слѣдуетъ указать ему на тѣ изъ нихъ, которыя всего нужнѣе. Затѣмъ въ адресѣ перечислены необходимыя мѣры. Эти мѣры слѣдующія. Муниципалитетъ долженъ требовать всепрощенія, которое бы успокоило многочисленныя семейства изгнанниковъ и политическихъ арестантовъ; освобожденія государства отъ занимающихъ его австрійскихъ и французскихъ войскъ, устройства арміи по образцу лучшихъ европейскихъ армій; изданія новаго кодекса законовъ; преобразованія гражданского и уголовного судопроизводства, по началамъ болѣе справедливымъ и менѣе обременительнымъ; уничтоженія исключительныхъ судовъ; болѣе справедливаго распредѣленія податей по имуществамъ и прекращенія нищенства. Для развитія земледѣлія, промышленности и торговли, слѣдуетъ уничтожить пошлину на сырые матеріалы, допустить свободный ввозъ хлѣба, уничтожить паспорта для переезда изъ провинціи въ провинцію, облегчить сообщенія, учредить кредитныя установленія, коммерческія школы и ввести французскую систему вѣсовъ и мѣръ. Подъ прошеніемъ стоятъ подписи многихъ банкировъ, лицъ высшаго сословія, адвокатовъ, инженеровъ, медиковъ, чиновниковъ и простолюдиновъ. Пока еще собирались эти подписи, полиція уже дѣлала домовыя обыски, чтобы захватить списки и лица, которыя ихъ подписали. Но коммиссія, собравшаяся для поднесенія адреса, тоже дѣйствовала поспѣшно. 1-го сентября адресъ былъ составленъ, а 3-го наскоро подписанъ, и четыре депутата отъ имени коммиссіи отправились въ Капитолій. Сенатора, главы муниципальнаго управленія, не было въ городѣ, и потому адресъ былъ поданъ секретарю его, г. Ваннутелли. Г. Ваннутелли принялъ депутацию очень вѣжливо, но не хотѣлъ взять листовъ съ подписями, отговариваясь тѣмъ, что если муниципалитетъ рѣшится принять адресъ, то самъ велитъ истребовать списки. Между тѣмъ обыски продолжались. Полиція обыскивала домъ профессора Берніо, подписавшаго адресъ. Послѣ безполезныхъ поисковъ въ продолженіи трехъ часовъ, начали обыскивать жену его, сестру бывшаго министра Каландрелли, и его дочерей; наконецъ, не нашедши ничего, арестовали самого профессора. На улицахъ хватали и обыскивали подозрительныхъ людей. Узнавъ объ этихъ распоряженіяхъ, депутаты коммиссіи отправили къ каждому изъ членовъ городского управленія, а секретари уведомили письмомъ, что не будутъ представлять списка лицъ, подписавшихъ адресъ, не желая никого компрометировать, но надѣются, что муниципалитетъ подастъ этотъ адресъ отъ себя (*motu proprio*). «Въ противномъ случаѣ, сказано въ письмѣ, намъ остается сожалѣть о томъ, что правительство слѣдуетъ непредусмотрительной политикѣ, а муниципалитетъ своимъ молчаніемъ и робостію содѣйствуетъ ему на этомъ пути.»

Будутъ или нѣтъ какія-нибудь реформы, до сихъ поръ не извѣстно; но сомнительно, чтобы папское правительство приступило къ нимъ по собственному побужденію. Многіе приписываютъ самое путешествіе папы желанію избѣгнуть послѣдствій парижскаго протокола 8-го августа 1856 года. Вотъ почему французское правительство смотрѣло неблагопріятно на его продолжительное отсутствіе. Носятся слухи, что смѣна графа Реневаля, который постоянно оправдывалъ римское управленіе, и назначеніе на его мѣсто герцога Грамона не останутся безъ послѣдствій. Говорятъ, что новый посланникъ будетъ настаивать на преобразованіяхъ, и что Англія намѣрена, съ своей стороны, поддерживать требованія Франціи. Нѣсколько времени тому назадъ увѣрили, что Австрія намѣрена въ этомъ случаѣ взять на себя роль посредницы; но эти слухи не подтвердились. Удерживая въ полномъ комплектѣ ломбардскую армію, и не слишкомъ податливая на прощеніе политическихъ изгнанниковъ, Австрія держится той же политики и въ Римѣ: она полагаетъ, что административныя реформы дадутъ новую жизнь политическимъ надеждамъ.

Между тѣмъ положеніе папы становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ въ Италіи. Два факта особенно выяснились въ послѣднее время. Съ одной стороны, увеличиваются затрудненія римскаго правительства, поставленнаго между справедливыми ожиданіями населенія и реакціонными правительствами полуострова. Съ другой стороны, напротивъ, римскій первосвященникъ усиливаетъ свое вліяніе въ католическихъ странахъ Европы. Рядъ конкордатовъ, заключенныхъ въ послѣднее время даже въ Германіи, гдѣ борьба съ протестантизмомъ кладетъ преграды успѣхамъ католицизма, доказываетъ, на какую сильную партію опирается послѣдній. Еще недавно Австрія допустила вліяніе духовенства въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; въ такомъ же духѣ составлены конкордаты Бадена и Виртемберга. Старинныя притязанія римской курии воскресаютъ съ новою силой. Между тѣмъ какъ въ Піэмонтѣ недавнее отлученіе отъ церкви всѣхъ министровъ, депутатовъ и сенаторовъ произвело такъ мало впечатлѣнія, что папа не рѣшился присоединить новою будлой самого короля къ числу отлученныхъ, — въ Германіи подобныя мѣры производятъ на нѣкоторыхъ сильное дѣйствіе. Въ началѣ нынѣшняго мѣсяца, нѣмецкіе журналы обнародовали грамоту Пія IX на имя кельнскаго архіепископа, которою объявлено о произнесенномъ папою проклятій философскихъ сочиненій Гюнтера, и о воспрещеніи католикамъ читать ихъ. Надобно замѣтить, что философія Гюнтера проникнута католическимъ духомъ, и была принята многими преподавателями богословія. Гюнтеръ и его послѣдователи безропотно принесли папѣ свое покаяніе. Двойное положеніе папы отзывалось и на составѣ его двора. Личный составъ римскаго управленія постоянно уменьшается: Италіяны неохотно принимаютъ въ немъ участіе. Та-

кіе факты начинаютъ обращать на себя вниманіе. Недавно одинъ изъ редакторовъ *Journal des Débats*, г. Эрнестъ Ренанъ, предсказывалъ, что папѣ вскорѣ придется окружить себя иностранцами, и тогда ему трудно будетъ удержаться въ Италіи. Вспомнимъ также, что во время послѣдней войны, появился странный проектъ перенести пребываніе папы въ Іерусалимъ. Все это вмѣстѣ доказываетъ по крайней мѣрѣ, что настоящее положеніе папства не представляется никому удовлетворительнымъ, и что въ судьбахъ его можетъ произойти перемѣна.

Въ Пьемонтѣ начались работы для прорытія горы Сениса. Известно, что это предпріятіе имѣетъ цѣлю соединить сардинскія желѣзныя дороги съ французскими. Обломокъ, который вырванъ изъ горы нарочно-устроенною машиною, будетъ служить опорой для Кюлозскаго моста черезъ Рону. На немъ будетъ сдѣлана латинская надпись въ память этого событія. Работы были начаты торжественною церемоніей. Послѣ молебствія, король самъ зажегъ мину, которая должна сдѣлать первое отверстіе въ горѣ. При церемоніи находились принцъ Наполеонъ и маршалъ Пелисье.

Парламентская жизнь Сардиніи приближается, повидимому, къ новой эпохѣ. До сихъ поръ кабинетъ графа Кавура пользовался рѣдкою популярностію. Это самое сильное министерство въ Европѣ. Палаты, наполненныя Итальянцами изъ другихъ государствъ полуострова, могли только находить его политику слишкомъ сардинскою. Но и въ этомъ случаѣ министерство, не скрывающее своихъ сочувствій къ обще-итальянскимъ вопросамъ, находить въ населеніи полное одобреніе своей умѣренности. Съ нѣкоторыхъ поръ оппозиція, не враждебная однако кабинету, хочетъ приобрести независимое положеніе, чтобъ быть готовою къ противодѣйствию на тотъ случай, когда бы министерство отклонилось отъ теперешней своей дороги. Недостатокъ сардинской оппозиціи, по замѣчаніямъ мѣстныхъ журналовъ, состоитъ въ томъ, что она образуется въ самой палатѣ. Это мѣшаетъ ей сдѣлаться настоящею государственною силою. Послѣ общихъ разсужденій, журналъ *Indépendente* напечаталъ наконецъ будущую программу оппозиціи. Въ ней отзываются общепитальянскія стремленія. «Мы утверждаемъ, говоритъ программа, что министерство не должно быть ни революціоннымъ, ни реакціоннымъ, но остаться въ томъ положеніи, которое создали для него война 1848 года и парижскій конгрессъ.» Затѣмъ слѣдуетъ критика нѣкоторыхъ внутреннихъ мѣръ министерства.

Странное происшествіе волнуетъ теперь Швейцарію. Союзное правительство, рѣшеніемъ своимъ 23-го сентября прошлаго года, опредѣлило устроить желѣзную дорогу изъ Лозанны въ Оранъ. Начертаніе линіи во всей ея подробности было предоставлено государственному совѣту Ваадтскаго кантона (*canton de Vaud*); онъ же долженъ былъ назначить земли, подлежащія экспропріаціи. Но государ-

ственный совѣтъ ничего не сдѣлалъ въ продолженіи назначеннаго ему срока. Тогда союзное правительство взяло на себя исполненіе своего рѣшенія и начало работы. Совѣтъ Ваадтснаго кантона не признаеть за нимъ этого права и выслалъ свое войско для воспрепятствованія работѣ, а между тѣмъ представилъ союзному правительству подробный отвѣтъ съ изясненіемъ своихъ правъ. Неизвѣстно, чѣмъ кончится это столкновение, которое начинаетъ волновать умы въ цѣлой Швейцаріи.

Борьба партій въ Нешательѣ продолжается, по поводу вопроса, кого слѣдуетъ почитать гражданиномъ кантона: всѣхъ ли живущихъ въ немъ, или только тѣхъ, которые находились тамъ въ эпоху присоединенія. Въ Бернѣ крайнія партіи стараются подготовить на слѣдующихъ выборахъ перемѣны въ личномъ составѣ союзаго правительства.

Мормоны дѣлають успѣхи не въ одной Америкѣ. Недавно происходила въ Лондонѣ ихъ шестая годичная конференція. Изъ рѣчей, произнесенныхъ по этому случаю, видно, что общество процвѣтаетъ. а издержки переселенія въ Америку было собрано 50,000 франк. въ нынѣшнемъ году. Въ Швейцаріи долгое время мормоновъ почти не было. Теперь, число ихъ увеличилось. Въ концѣ августа, на Цюрихскомъ озерѣ, происходилъ торжественный обрядъ крещенія ихъ новообращенныхъ. Въ длинныхъ рубашкахъ, мущины и женщины погрузились въ озеро, при большомъ стеченіи народа. Полиція не мѣшала церемоніи, но со стороны толпы не обошлось безъ насмѣшекъ и побоевъ сектаторамъ.

Въ Австріи, слухи объ уменьшеніи войска не подтверждались. Путешествіе императора въ Венгрію ознаменовано нѣсколькими полезными мѣрами. Нѣкоторые изъ политическихъ изгнанниковъ получили прощеніе. Рескриптомъ на имя эрцгерцога Альбрехта, генералъ-губернатора Венгріи, императоръ благодаритъ венгерскую администрацію за содѣйствіе его видамъ. Самая замѣчательная сторона рескрипта состоитъ въ томъ, что онъ не льститъ ожиданіямъ мадьяризма. Императоръ выражаетъ твердое намѣреніе поддерживать равенство между народностями.

Статистическій конгрессъ, происходящій въ Вѣнѣ, не возбудилъ такого впечатлѣнія, какъ послѣдній въ Парижѣ и первый въ Брюсселѣ, хотя императоръ и его правительство очень старались о придаваніи ему интереса, и стеченіе иностранцевъ было большое. Приготовительный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ барона Чёрнига, былъ обращенъ въ комитетъ конгресса. Число членовъ конгресса простиралось до 500, изъ которыхъ три четверти были Австрійцы. На парижскомъ конгрессѣ было всего полтора ста членовъ, а на брюссельскомъ шестьдесятъ пять. Число державъ, приславшихъ своихъ представителей, было тоже значительнѣе. На этотъ разъ и Россія прислала своего

представителя, въ лицѣ г. Вернадскаго. О планѣ работъ мы говорили уже прежде. Работы г. Чёрнига послужили ему основаніемъ. Одно изъ важнѣйшихъ опредѣленій конгресса состоитъ въ намѣреніи учредить международную комиссію изъ семи членовъ, для сравненія уголовныхъ законодательствъ Европы и ихъ дѣйствія.

Въ Пруссіи начались засѣданія Евангелическаго Союза. Король пригласилъ къ участию въ нихъ своего посланника въ Лондонѣ знаменитаго Бунзена, по мысли котораго образовался этотъ союзъ. Г. Бунзену были приготовлены комнаты въ дворцѣ. Крайняя протестантская партія, которая смотритъ неблагопріятно на дѣло союза, была въ затрудненіи касательно того положенія, которое ей слѣдуетъ принять въ это время. Послѣ долгихъ разсужденій, въ высшемъ церковномъ совѣтѣ было рѣшено, что никто изъ главныхъ членовъ духовенства не будетъ офиціально присутствовать при засѣданіяхъ, но частнымъ образомъ многіе тамъ будутъ находиться. Главы церковной партіи, гг. Шталь и Генгстенбергъ, бывшіе самыми жаркими противниками союза, уѣхали на это время изъ Берлина. Засѣданія открыты 11-го сентября. Три особенные поѣзда перевезли болѣе тысячи человекъ изъ Берлина въ Потсдамъ. Между членами союза находятся представители разныхъ народностей: есть Англичане, Американцы, Голландцы, Французы, Бельгійцы, Шведы, Венгерцы, Армяне, Швейцарцы; есть португальскіе, испанскіе и итальянскіе священники. Короля президентъ союза привѣтствовалъ рѣчью, потому всѣ присутствующіе ему представлялись. Король отвѣчалъ по-нѣмецки, по-французски, и по-англійски. Въ заключеніе былъ пропѣтъ гимнь: «Eine feste Burg ist unser Gott». (Господь есть наша крѣпость).

Мы говорили въ свое время о законѣ 8-го іюня, которымъ, въ случаѣ новаго брака граждански разведенныхъ супруговъ, духовенству предоставлялось вѣнчать ихъ или отказывать имъ въ церковномъ благословеніи, оставляя ихъ въ одномъ гражданскомъ бракѣ. Высшій церковный совѣтъ рѣшительно запретилъ духовенству даже обращаться къ началству за позволеніемъ въ подобныхъ случаяхъ.

Затрудненія, созданныя для правительства Кобурга и Готы неудавшимся проектомъ соединенія герцогствъ, продолжаютъ до сихъ поръ. Извѣстно, что послѣ рѣшенія частныхъ сеймовъ, правительство вознамѣрилось составить смѣшанное министерство, на половину изъ жителей Кобурга и на половину изъ жителей Готы. Мѣсто-пробываніемъ министерства, по опредѣленію общаго сейма, должны быть Кобургъ и Гота по очереди. Подвергая этотъ вопросъ обсужденію общаго сейма, правительство основывалось на рѣшеніи любекскаго апелляціоннаго суда, который подобные вопросы призналъ обще-государственными. Теперь Кобургъ противится и этой мѣрѣ, требуя на свою долю исключительнаго пребыванія министерства.

Въ Веймарѣ происходилъ 3-го сентября праздникъ открытія статуи Шьллеру и Гёте. Этотъ праздникъ, въ которомъ принимала участіе вся ученая Германія, не прошелъ даромъ для науки. По предложенію профессора Бидерманна образовалось «общество историковъ общественнаго быта въ Германіи» (Verein deutscher Culturhistoriker).

Здоровье шведскаго короля Оскара, на возстановленіе котораго медики подають мало надежды, представило поводъ къ политическому вопросу первой важности. Извѣстно, что король былъ намѣренъ учредить лишь на время своей болѣзни смѣшанное регентство, пополамъ изъ Шведовъ и Норвежцевъ. Но теперь почти не подлежитъ сомнѣнію, что если король и останется живъ, то все-таки регентство должно будетъ обратиться въ постоянное правительство. Многіе находятъ, что подобный составъ верховной власти не согласенъ съ монархическимъ началомъ, и желаютъ вмѣсто этого видѣть во главѣ правленія наследнаго принца Карла, герцога Скандіи и вице-короля Норвегіи. Между политическими партіями идетъ сильная полемика поэтому вопросу. Не сомнѣваясь въ патріотическихъ чувствахъ наследнаго принца, многіе опасаются, что онъ не будетъ отличаться тою умеренностію, которая помогла королю Оскару утвердить благосостояніе Швеціи.

Въ видахъ тѣснѣйшаго соединенія обояхъ королевствъ, правительство намѣрено предложить законъ о томъ, чтобы судебные приговоры, гдѣ бы они ни были постановлены, вездѣ были равно обязательны.

Персія неожиданно сдѣлала важный шагъ къ сближенію съ Европою. 22-го іюля былъ разосланъ по провинціямъ указъ шаха о томъ, что всѣ Персіане, какого бы они вѣроисповѣданія ни были, будутъ отнынѣ пользоваться равными правами. Такимъ образомъ христіане, подданные шаха, могутъ теперь занимать высшія государственныя должности. Эта новая мѣра была отчасти заранѣе сообщена персидскимъ посланникомъ во Франціи, Ферукъ-ханомъ. Посѣщая мануфактурныя заведенія Нормандіи, Ферукъ-ханъ былъ принятъ блистательнымъ образомъ въ Руанѣ. Здѣсь на одномъ обѣдѣ, отвѣчая на тостъ за здоровье посланника, переводчикъ Мирза-бей сказалъ отъ его имени, что отнынѣ Персія будетъ стараться подражать Европѣ, и хотя издали, но неуклонно идти по пути прогресса.

Почти такой же шагъ, но не столь охотно былъ сдѣланъ въ Тунисѣ. Мы говорили о кровавыхъ событіяхъ, которыя недавно тамъ происходили. Франція не удовлетворилась распоряженіями тунисскаго бей и отправила эскадру подъ командою вице-адмирала Трегуара для оказанія покровительства христіанамъ и Евреямъ. Эскадра прибыла 5-го сентября. Результатомъ ея появленія было провозглашеніе равенства передъ закономъ всѣхъ жителей Туниса, какой бы вѣры они

ни были. Отнынѣ евреи и христіане будутъ, за уголовныя преступленія, подлежать обыкновенному суду, котораго приговоры будутъ пересматриваться самимъ боемъ. При судѣ надъ евреями будутъ присутствовать депутаты изъ ихъ единоземцевъ. Синагоги будутъ пользоваться полною свободой въ отпращиваніи своего богослуженія. Налоги для всѣхъ будутъ равны. Право торговли принадлежитъ отнынѣ всѣмъ безъ исключенія, а само правительство отъ него отказывается. Иностранцамъ предоставлено право пріобрѣтать въ Тунисъ собственность всякаго рода, движимую и недвижимую. Въмѣсто неправильнаго набора солдатъ, бей намѣренъ ввести опредѣленный способъ набора и опредѣлить число лѣтъ, которое обязанъ прослужить всякій рекрутъ.

Но между тѣмъ, какъ въ ближайшихъ странахъ Африки, по берегамъ ея, европейское просвѣщеніе сдерживаетъ варварство,—внутри Африки, къ несчастію, еще совершаются ужасы. Недавно извѣстный ученый, докторъ Фогель, сдѣлался жертвою своей любви къ наукѣ. Докторъ Фогель намѣренъ былъ проложить новый путь въ центральную Африку. Въ своемъ любопытномъ путешествіи онъ достигъ до Вары, столицы Вадайскаго царства, важной области центральной Африки. Повелитель этого государства, который носитъ титулъ султана, сначала обходился съ нимъ съ большою благоклонностію, потому что распространился слухъ о мнимыхъ сокровищахъ путешественника; но вскорѣ султанъ потребовалъ, чтобы докторъ Фогель объявилъ, гдѣ скрыты его богатства, и за неудовлетворительный отвѣтъ грозилъ ему смертію. Напрасно несчастный Фогель увѣрялъ, что у него нѣтъ ничего, кромѣ коллекція натуральной исторіи и необходимыхъ инструментовъ. Не получивъ ожиданнаго отвѣта, султанъ приказалъ на третій день, въ девять часовъ утра, отрубить ему голову. Послѣ казни, совершенной при большомъ стеченіи народа, султанъ присвоилъ себѣ все имущество доктора. Не довольствуясь этимъ похищеніемъ и не находя между вещами брилліанта изъ золотого кольца, которое Фогель носилъ на мизинцѣ, султанъ велѣлъ посадить на колъ семерыхъ сторожей, наблюдавшихъ за докторомъ въ его послѣднія минуты. Въ предсмертныхъ мукахъ воръ признался, и брилліантъ былъ возвращенъ. Извѣстіе о смерти Фогеля принесено въ Мурузкъ трипольскимъ слугою, который сопровождалъ его.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ переселеніе продолжается съ прежнею силой. Отъ января до 12 августа въ одну гавань Нью-Йорка прибыло 118,878 переселенцевъ, то-есть 35,882 чел. болѣе, чѣмъ въ соотвѣтствующій періодъ прошлаго года.

Политическіе вопросы стояли на второмъ планѣ въ послѣднее время. Общественное вниманіе было поглощено финансовымъ кризисомъ. Съ нѣкоторыхъ поръ государственныя бумаги и акція въ силь-

номъ упадѣ на биржахъ. Причина такого явленія въ государствѣ, котораго финансы и торговля находятся въ самомъ цвѣтущемъ состоянн, еще несовсѣмъ объяснена.

Телеграфъ, который долженъ былъ соединить Лондонъ съ Вашингтономъ, порвался, и это предпріятіе надобно будетъ начинать сызнова.

Экспедиція въ Утагъ, противъ мормоновъ, задержанная происшествіями въ Канзасѣ, началась теперь. Нельзя не пожелать, чтобъ эта безнравственная и вредная секта наконецъ унялась. Деспотизмъ, съ которымъ управляетъ обществомъ «святыхъ» президентъ ихъ Бригамъ Йонгъ, не имѣетъ предѣловъ. Онъ раздаетъ наприимѣръ старикамъ молодыхъ дѣвушекъ, допускаетъ всякаго рода своевольство и со стороны своихъ подчиненныхъ. Убійствами нерѣдко заключаются митинги мормоновъ.

Въ Америкѣ очень желаютъ прекращенія остъ-индскаго возстанія. Остъ-Индія доставляетъ множество сырыхъ произведеній Соединеннымъ Штатамъ. Вотъ причина, почему возстаніе сипаевъ произвело тамъ неблагопріятное впечатлѣніе.

Новѣйшія извѣстія.

Ожидаемая со дня на день почта изъ Остъ-Индіи наконецъ получена. Вотъ происшествія, которыя теперь извѣстны. Генералъ Гемлокъ двинулся противъ Нана-Саиба, 29 іюля онъ пришелъ къ Биттуру (Bithoor), главному мѣстопребыванію мараттскаго вождя, нашелъ городъ совершенно пустымъ и срылъ его до основанія. Оттуда онъ пошелъ черезъ Гангъ къ Лукно. На дорогѣ онъ два раза разбилъ инсургентовъ, въ томъ числѣ самого Нана-Саиба, который, какъ слышно, отчаявшись въ успѣхѣ, умертвилъ все свое семейство, и самъ предалъ себя смерти. По всей вѣроятности, оттуда генералъ пойдетъ на Агру, которая до сихъ поръ еще держится, хотя гарнизонъ, дошелъ до послѣдней крайности. Нимочскіе инсургенты присоединились къ дельгійскимъ, но сипаи, возмущившіеся въ Силькотѣ, разбиты бригадиромъ Никольсономъ. Въ Динапурѣ возмущились три пѣхотныхъ полка и одинъ кавалерійскій. 10-й европейскій полкъ одинъ разбилъ ихъ такъ, что они потеряли 800 человекъ. Изъ Дельги сдѣ-

ланы были инсургентами три вылазки, причѣмъ Англичане потеряли пятьсотъ человѣкъ. Подкрѣпленія съ острова Св. Маврикія прибыли. Сэръ-Колинъ Кампбелль пріѣхалъ.

Въ Бомбеѣ, гдѣ до сихъ поръ было спокойно, возмутился одинъ полкъ. Онъ былъ однако усмирень. Въ Мадрасѣ, открытъ мусульманскій заговоръ.

Съ нѣкоторыхъ поръ замѣтны безпокойства въ голландской Индіи.

Совѣтъ директоровъ остъ-индской компаніи счелъ за нужное обнародовать донесеніе генералъ-губернатора, въ которомъ онъ объясняетъ причины, побудившія его принять относительно журналовъ стѣснительныя мѣры.

Смуты въ Бельгастѣ, въ Ирландіи, принимаютъ все болѣе серьезный характеръ. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ царствуетъ ужасъ и боятся нападенія на дома. Полиція принимаетъ всѣ мѣры предосторожности, но не въ силахъ прекратить безпорядки. Несмотря на все это, пресвитеріанское духовенство не намѣрено прекратить проповѣдей на улицахъ.

Получены частныя телеграфическія депеши о снятіи осады города Дельги и объ отступленіи англійской арміи по направленію къ Агрѣ, что, если окажется справедливымъ, должно произвести весьма неблагоприятное для Англичанъ впечатлѣніе на туземцевъ.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ БАТЪОВА И Б^о,

въ Армянскомъ переулкѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ. Изъ записокъ отставнаго надворнаго со-
вѣтника Щедрина. Собралъ и издалъ М. Е. Салтыковъ. 2 тома.
М. 1857 г. Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

РАЗБОРЪ КОМЕДИИ ГРАФА СОЛЛОГУБА «ЧИНОВНИКЪ».
Н. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

БИОГРАФЪ—ОРІЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 70 к.,
съ перес. 1 р.

СВѢРЪ и ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1857.
Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПРОПИЛЕИ. Сборникъ статей по классической древности, изда-
ваемый П. Леонтьевымъ. Книга I, изд. 2-е. Москва, 1857. Цѣна въ
Москвѣ и С.-Петербургѣ 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Тоже книга II, изд. 2-е. М. 1857 г. Цѣна въ Москвѣ и С.-Петер-
бургѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Тоже кн. IV. М. 1854. Ц. въ Москвѣ и С.-Петербурб.; 3 р. 50 к., съ
пер. 4 р.

Тоже кн. V. М. 1856 г. Ц. въ Москвѣ и С.-Петербурб. 3 р., съ пер.
3 р. 50 к.

Прим. Книга 3-я «Пропилеевъ» выйдетъ 2-мъ изданіемъ въ не-
продолжительномъ времени.

РИМСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разказы по Тациту. П. Куд-
равцева. М. 1856 г. Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 2 р. 50 к.,
съ пер. 3 р.

СУДЬБЫ ИТАЛИИ отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ. Соч. П. Кудравцева. М. 1850. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

К. С. АПОДИНАРІЙ СИДОНІЙ. Эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка. Соч. С. Ешевскаго. М. 1855. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. с.

ОСАДА ЛЕЙДЕНА въ 1573 и 1574 г. Эпизодъ изъ исторіи войнъ за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудравцева. М. 1855. Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к. с.

О КАПЕРАХЪ и ПРИЗОВОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ, въ отношеніи къ нейтральной торговлѣ. Д. Каченовскаго. Москва. 1855. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Руде. М. 1857. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ПАЦСТВО и СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ въ XIV и XV столѣтіи (до Базельскаго собора). Соч. Генриха Вывинскаго. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

TACITI AGRICOLA. Вновь пересмотрѣнный текстъ съ примѣчаніями другихъ и своими изд. Dr. Д. Крюковъ. М. 1837. Ц. 50 к., съ пер. 80 к.

ANDEUTUNGEN über den ursprünglichen Religionsunterschied der römischen Patricier und Plebeier. Von Dr. D. Pellegrino. Leipzig. 1842. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Гг. книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.

У КНИГОПРОДАВЦА

Ө. О. СВЪШНИКОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И МО-
СКОВСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО О ТЮРЬМАХЪ КОМИТЕТА,

въ Москвѣ: въ университетской книжной лавкѣ, на Страстномъ
бульварѣ, и въ книжномъ магазинѣ на Никольской улицѣ, близъ Ка-
занскаго Собора, подъ № № 4 и 5,

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ДЕРЕВО. Ученныя изслѣдованія надъ внутреннимъ строеніемъ
и жизнію высшихъ растений. Соч. Д. Германа Шахта, пер. съ нѣм.
Я. Калиновскаго и А. Богданова. М. 1857. Съ 6 табл. иллюмин.
рисунокъ и 48 полит. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

ЗАПИСКИ РУЖЕЙНАГО ОХОТНИКА Оренбургской губерніи.
С. Аксакова. Съ политипажами и примѣчаніями проф. К. Рулье. Изд.
3-е. М. 1857. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ОПЫТЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАМѢЧАНІЙ Кивешемскаго земле-
дѣльца о сельскомъ хозяйствѣ Костромской губер. С. Дмитриева,
члена Императ. Вольн. Эконом. Общ., въ 4 д. М. 1855. Ц. 2 р. 50
к., съ пер. 3 р.

ДНЕВНИКЪ камеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Рос-
сіи въ царств. Петра Великаго, съ 1721—1725 г. Пер. съ нѣм.
И. Аммонъ, ч. 1-я 1721 г. М. 1857. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
25 коп.

ЗАВОЛЖСКАЯ ЧАСТЬ Макарьевского уѣзда, Нижегородской гу-
берніи. Графа Н. С. Толстаго. М. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 80 к.

О ВЫСШЕМЪ ТЕХНИЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНІИ, въ Западной
Европѣ. Соч. А. Ершова. М. 1857. Ц. 25 к., съ пер. 60 к.

СБОРНИКЪ МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ, для межевыхъ учеб-
ныхъ заведеній, состав. А. Ломовскимъ. М. 1857. Ц. 1 р. 50 коп.,
съ перес. 2 р.

ПАПСТВО и СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ въ XIV и XV
столѣтіи (до Базельскаго собора). Соч. Г. Вызинскаго. М. 1857. Ц.
2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЗЕМЛЕОПИСАНІЕ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХЪ, съ 4 карт. и 5 полит.
Н. Разумова. М. 1857. Ц. 60 к., съ пер. 90 к.

Стихотворенія **ПОЛЕЖАЕВА**, съ портретомъ автора и статьею В. Бѣлинскаго. Изд. Солдатенкова и Щепкина. М. 1857. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Стихотвореніе **КОЛЬЦОВА**, съ портретомъ автора и статьею В. Бѣлинскаго. М. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ПРОПИЛЕИ. Сборникъ статей по классич. древности. Изд. П. Леонтьевымъ. Книга 2-я, изд. 2-е. М. 1857. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р., то жь т. 1, 3, 4 и 5. Ц. 3 р. 50 к., за перес. каждаго по 50 к.

ПИСЬМА О ХИМИИ Ю. Либиха. Полный переводъ всѣхъ доселѣ вышедшихъ 33 писемъ Либиха, съ послѣдн. нѣмецкаго изданія. 535 стр. убористой печати. М. 1856. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПОХОДЪ АФИНЯНЪ въ Сицилію и осада Сиракузъ (съ мая 415 до сентября 413 г. до Р. Х.). Соч. В. Ведрова; съ планомъ Сиракузъ. Спб. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ИСТОРИЯ РУССКАГО ЛѢСНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. Николай Шелгунова. Одобрена спец. по лѣсн. части комитетомъ при мин. госуд. имущ. Спб. 1857. Ц. 2 р., съ пер., 2 р. 50 к.

Новѣйшія и замѣчательнѣйшія **МОНОГРАФІИ** по части врачебныхъ наукъ. Изд. д. медиц. С. Ловцовымъ. Спб. 1857. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.

ОБЩЕПОЯТНОЕ РУКОВОДСТВО къ практическому сельскому хозяйству. Соч. П. Преображенскаго. Часть VI и послѣдняя. М. 1857. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. То жь т. 1, ц. 2 р.; 2, 3, 4 и 5. Цѣна каждому 2 р. 50 к., за пер. каждаго 50 к.

ЖИЗНЬ СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ. Спб. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ПѢСНЬ о **ПОЛКУ ИГОРЕВѢ**, перевод. на украинское нарѣчіе М. Максимовичемъ. Кіевъ, 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

КАРТА ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ, составл. чинами межеваго корпуса и издана Импер. Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Спб. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ДѢТСКАЯ УЧЕБНАЯ КНИЖКА или **НОВАЯ АЗБУКА**, составленная изъ картинокъ. Съ 32 литограф., иллюминирован. карт., въ красивой папкѣ. М. 1857. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Адресъ: въ Москву, комиссіонеру
Федору Осиповичу Свѣшникову.

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ

ВЪ ЕВРОПѢ (1)

III.

Прегражденіе кровавой и упорной борьбы за свободу въро-
исповѣданія въ половинѣ XVII столѣтія составляетъ великій рѣ-
шительный моментъ въ исторіи новоевропейскаго міра. Вест-
фальскій договоръ окончательно подорвалъ средневѣковой автори-
тетъ императорской и папской власти, разрушилъ религіозное
единство Запада и основалъ новый союзъ между государствами на
началахъ самостоятельности, равновѣсія и признанія территоріаль-
ныхъ правъ (status quo). Народамъ открылся теперь широкій
путь къ свободному, всестороннему развитію; богословскіе вопросы
были отодвинуты назадъ; интересы политическіе и матеріальные
заняли первое мѣсто; мореплаваніе, колонизація и торговля умно-
жили источники богатства, связали крѣпкими узами образованное
человѣчество и сдѣлались могущественными двигателями прогрес-
са. Общественный бытъ послѣ Тридцатилѣтней войны видимо
измѣнился: среднее сословіе приобрѣло большой вѣсъ; въ массахъ
обнаружился независимый духъ; феодальныя учрежденія не со-
отвѣтствовали болѣе требованіямъ вѣка. Всѣ сознавали необхо-

(1) См. «Русскій Вѣстникъ», №№ 13-й и 15-й 1857.

димось гражданскихъ реформъ, другаго государственнаго порядка; отовсюду слышались жалобы на злоупотребленія и беззаконія. Уже на Вестфальскомъ конгрессѣ начертаны были основанія новой конституціи для Германской имперіи; около того же времени Англія испытала страшную революцію и переработала свои коренныя постановленія; въ другихъ странахъ также были предприняты нѣкоторыя важныя преобразованія. Къ несчастію, безпрестанныя войны между великими державами и династическія споры отвлекли вниманіе правительствъ отъ внутренней политики; дѣло устроенія шло медленно, вяло, какъ бы урывками, безъ системы. Чтобы довершить политическое обновленіе континентальной Европы и рушить обветшалое зданіе средневѣковаго государства, нуженъ былъ всеобщій переворотъ. Дѣйствительно, въ концѣ XVIII столѣтія во Франціи разразился обильный послѣдствіями кризисъ: онъ повлекъ за собою повсемѣстное паденіе феодальныхъ учрежденій, ниспровергъ систему государствъ и произвелъ радикальныя перемѣны въ общественной жизни Запада.

Итакъ неудивительно, что рассматриваемый періодъ времени въ особенности отмѣченъ творческою дѣятельностію мысли. То духовное движеніе, которое началось съ открытіемъ памятниковъ классической литературы и продолжалось въ эпоху реформациі, приняло теперь самыя обширныя размѣры. Порѣшивъ богословскіе вопросы, усвоивъ себѣ результаты древней науки, христіанскіе народы приступили смѣло къ самостоятельной разработкѣ идей по всѣмъ отраслямъ знанія; умъ, не стѣсненный болѣе оковами преданія и авторитета, созналъ свою силу и высказалъ свободный взглядъ на жизнь. Бэконъ и Декартъ, почти въ одно и-то же время, явились представителями новой философіи. Благодѣтельное ея вліяніе оказалось прежде всего въ наукахъ политическихъ; античныя и теократическія понятія о государствѣ были замѣнены ученіемъ, болѣе согласнымъ съ характеромъ европейскихъ народовъ и съ достоинствомъ челоуѣка; по разнымъ частямъ законодательства и управленія были предприняты глубокія изысканія. Чѣмъ болѣе расширялась сфера опыта и размышленія, тѣмъ скорѣе открывались новыя, нетронутыя стороны общественной жизни, тѣмъ живѣе чувствовалась потребность въ спеціальной обработкѣ разныхъ предметовъ. Такимъ образомъ, наука о государствѣ распалась на нѣсколько частей; каждая изъ нихъ

постепенно становилась независимой и однакоже была тѣсно связана съ другими, потому что въ основаніи всѣхъ лежали одни и тѣ же начала.

Главнымъ руководителемъ политической мысли въ XVII столѣтіи былъ Бэконъ. Хотя онъ не занимался спеціально государственными науками, но сообщилъ имъ направленіе и указалъ методу, которой должно было слѣдовать. У писателей, которые въ то время занимались наукою правленія, Бэконъ находитъ существенные недостатки: «Они рассуждаютъ о законахъ какъ философы, или какъ юристы, а не какъ государственные люди. Философы строятъ идеальныя общества, идеальныя порядки; ихъ мысли, какъ звѣзды, даютъ мало свѣта, потому что слишкомъ возвышенны; чтѣ же касается до юристовъ, они строго слѣдуютъ принятымъ въ извѣстномъ государствѣ законамъ и не доискиваются высшихъ началъ. Между законодателемъ и законовѣдцемъ большая разница: Въ природѣ вещей есть извѣстные источники справедливости, изъ которыхъ, подобно рѣкамъ, текутъ всѣ гражданскіе уставы; эти уставы бываютъ различны, смотря по странѣ и правительству, подобно тому какъ воды принимаютъ особенный цвѣтъ и вкусъ отъ почвы, чрезъ которую проходятъ. Мудрость законодателя состоитъ не только въ пониманіи справедливости, но и въ ея примѣненіи... Онъ долженъ, такъ сказать, одухотворить законъ.» Согласно съ этимъ Бэконъ требуетъ отъ политика разностороннихъ познаній: «Ему должно быть хорошо извѣстно все, чего требуютъ человѣческое общество, народное счастье, справедливость, форма правленія, образъ жизни и характеръ націи.» Ученіе о всеобщей правдѣ онъ считаетъ основаніемъ науки о государствѣ и раздѣляетъ ее на двѣ главныя части: публичное право и экономіку; къ первому у него отнесены вопросы политическаго устройства, религіи, военныхъ дѣлъ и благочинія; вторая имѣетъ предметомъ народное богатство и благосостояніе (1). Дѣятельность правительства, по мнѣнію знаменитаго канцлера, не ограничивается защитою правъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ; оно обязано не только ограждать своихъ подданныхъ отъ обидъ, но и способствовать ихъ счастію посредствомъ мудрыхъ и твердыхъ законовъ. Впрочемъ, расширяя цѣль государства, Бэконъ былъ далекъ отъ

(1) De dignitate et augmentis scientiarum L. VIII, cap. 1, 3.

желанія принести ему въ жертву всё интересы общества, всю земную жизнь человѣка; напротивъ, въ понятіи о верховной власти онъ высказываетъ довольно ясныя юридическія стремленія и считаетъ политическія науки только за отдѣльныя вѣтви гражданской философіи (*philosophia civilis*), которая занимается объясненіемъ всѣхъ существующихъ между людьми союзовъ и отношеній (1).

Философія Бэкона была приложена къ политическимъ наукамъ съ половины XVII вѣка и распространилась сначала въ Англии, а потомъ въ другихъ странахъ. Подъ ея влияніемъ преимущественно вырабатывались новыя идеи о государствѣ до французской революціи; ученіе Декарта сначала не имѣло такого успѣха и приобрѣло послѣдователей нѣсколько позже; идеализмъ взявъ перевѣсъ уже тогда, когда найдены были путемъ эмпирическаго наблюденія извѣстныя истины, когда внѣшняя, видимая сторона человѣческой природы и общественной жизни была раскрыта. Всѣмъ этимъ наука неоспоримо обязана Бэкону: онъ сообщилъ публицистамъ положительный взглядъ на предметъ, показалъ имъ необходимость опыта, правильнаго наблюденія и оцѣнки фактовъ. Съ помощію его методы можно было достигнуть точныхъ выводовъ. Всѣ первые представители этой философіи отличались осторожностію, практическимъ тактомъ, вѣрнымъ взглядомъ на явленія гражданской жизни и твердостью доказательствъ. Только въ послѣдствіи, именно въ половинѣ XVIII столѣтія, нѣкоторые изъ нихъ увлеклись одностороннимъ направленіемъ, отступили отъ основныхъ началъ своего учителя и дошли до крайняго материализма, или сдѣлались скептиками; но, говоря вообще, философія Бэкона принесла большую пользу, дѣйствовала благотворно, можно сказать даже, произвела переворотъ въ политическихъ понятіяхъ. Мы намѣрены прослѣдить здѣсь, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, развитіе основнаго ученія о государствѣ и представить главные результаты, добытые этою школою.

Мы уже говорили о значеніи греческихъ и римскихъ писателей въ исторіи политическаго образованія. Они были, какъ извѣстно, отъ самаго начала среднихъ вѣковъ, наставниками народовъ, и своими глубокими изслѣдованіями облегчили развитіе новоевропейской

(1) *Ibid.* Lib. IV, cap. 1.

науки. Но чѣмъ глубже будемъ мы всматриваться въ «Республику» и «Законы» Платона, или въ «Политику» Аристотеля, тѣмъ болѣе убѣдимся, что ихъ понятія связаны съ воззрѣніемъ античнаго міра на жизнь и совершенно несогласны съ идеями христіанства. «Въ древности, говоритъ Мольте, человѣческая личность, сама по себѣ, не пользовалась уваженіемъ; только гражданинъ могъ имѣть вліяніе на политическія дѣла и участвовать въ управленіи; напротивъ, иностранцы лишены были всѣхъ правъ; трудящіеся классы обращены въ подчиненное состояніе; невольники подавлены, такъ сказать, самою природою. Государство тогда поглащало въ себѣ всю общественную жизнь; граждане считались органическими членами этого тѣла и не имѣли самобытной цѣли въ жизни. Въ то время не государство существовало для людей, но люди для государства; только отъ счастья отечества зависѣло счастье отдѣльнаго лица... Къ этому должно присоединить еще смѣшеніе права и нравственности у всѣхъ древнихъ писателей; они не ограничиваютъ дѣятельности правительства чисто юридическою областью, но даютъ ему полное право вторгаться во внутреннюю жизнь человѣка» (1). Эта политическая теорія совершенно не согласовалась съ характеромъ германскихъ народовъ и новой религіи. Варвары, разрушившіе Западную Римскую имперію, принесли съ собою живое чувство человѣческой свободы и независимости; христіанство внушило имъ высокое понятіе о личности и соединило ихъ догмою братства; государство сдѣлалось для нихъ чисто юридическимъ учрежденіемъ, въ которомъ нерѣдко разныя племена соединялись и жили, каждое подъ владычествомъ своего національнаго закона. Правда, въ послѣдствіи, при вліяніи богословскихъ системъ и при стремленіяхъ къ единству, эти идеи были нѣсколько потемнены въ сознаніи: на общество всѣ начали смотрѣть съ теократической точки зрѣнія,—но это увлеченіе продолжалось лишь до конца среднихъ вѣковъ. Когда дуализмъ императорской и папской власти оказался несостоятельнымъ, и свобода совѣсти была спасена, — государство снова отдѣлилось отъ церкви и обнаружило свой первобытный германско-христіанскій характеръ. Прошло однакоже много времени прежде нежели публицисты опредѣлили ясно его существенныя, основныя

(1) *Mohl* Geschichte der Staatswissenschaften, I, 221, 222.

черты; сочувствуя абсолютизму въ его борьбѣ съ анархіею, или подчиняясь авторитету классическихъ писателей, они упорно держались античнаго взгляда и, повидимому, не сознавали, что онъ противорѣчитъ духу германскихъ народовъ. Не одни схоластики, даже гениальный Макиавелли впалъ въ эту ошибку. Новоевропейское воззрѣніе начало вырабатываться въ наукѣ не ранѣе, какъ съ половины XVII вѣка, школою Бэкона. Первымъ его представителемъ можно считать Гуго де-Грота, основателя философіи права. Мы уже имѣли случай разбирать знаменитую книгу этого писателя о правѣ войны и мира (1). По мѣткому выраженію Россбаха, «въ ней содержатся не только зрѣлые плоды прошедшаго, но и сѣмена будущаго» (2), именно зародыши идей, на которыхъ построена юридическая теорія государства. При всей привязанности своей къ древнимъ, голландскій публицистъ однакоже не сочувствовалъ ихъ понятіямъ о происхожденіи и цѣли политическихъ обществъ, но высказалъ совершенно оригинальный, независимый взглядъ на этотъ предметъ. По его мнѣнію, люди могутъ устроить мирно постоянный и разумный союзъ между собою не иначе, какъ на началахъ взаимнаго уваженія. Для этого необходимо признать верховную власть и извѣстный порядокъ, чтó происходитъ не иначе, какъ съ согласія членовъ; они даютъ избранному правительству торжественное обѣщаніе вѣрности и повиновенія. Такимъ образомъ договоръ, по воззрѣнію Грота, не только форма происхожденія государства, но и юридическое основаніе его. Хотя Гротъ не раскрылъ своего ученія въ полнотѣ и ясности, даже нѣсколько запутался въ подробностяхъ, тѣмъ не менѣе оно замѣчательно оригинальностью; ничего подобнаго нельзя найти у прежнихъ писателей. Государство является здѣсь произведеніемъ самостоятельной и разумной воли человѣка, чисто юридическимъ органомъ, — разсматривается съ формальной стороны; дѣятельность его до послѣдней степени ограничена; свобода гражданъ остается неприкосновен-

(1) См. статью вторую (Руск. Вѣстн., августъ, кн. I). Извѣстно, что Гротъ писалъ свое сочиненіе если не подъ философскимъ вліяніемъ Бэкона, то по его внушенію и совѣту.

(2) *Roszbach die Perioden der Rechtsphilosophie* § 107 (Regensburg, 1842).

ноу; образъ правленія опредѣляется, смотря по обстоятельствамъ и пользѣ, ожидаемой отъ тѣхъ или другихъ учреждений. Основные идеи Грота были развиты Ульрихомъ Губеромъ (1) и мало-по-малу приняты всѣми европейскими народами. Прежде всего онъ приобрѣли практическій смыслъ въ Англiи, гдѣ революція обратила вниманіе всѣхъ лучшихъ умовъ на вопросы о происхожденіи, цѣли и устройствѣ государства. Здѣсь собственно началась разработка политическихъ наукъ по методу Бэкона; отсюда уже были переданы потомъ результаты знанія на континентъ Европы. Главнымъ защитникомъ теоріи договора былъ *Томасъ Гоббесъ*, авторъ сочиненій «О гражданинѣ (De cive, 1642) и «О власти церковной и гражданской» (*Leviathan*, 1651). Онъ, хотя расходится съ Гротомъ въ понятіяхъ о природѣ человѣческой, именно признаетъ главнымъ побужденіемъ къ основанію государства не общительность (*appetitus societatis*), а страхъ и недоверіе людей другъ къ другу, но, строго говоря, смотритъ почти одинаково на происхожденіе верховной власти. По его мнѣнію, она возникаетъ по договору, въ силу котораго граждане отдаютъ въ полное ея распоряженіе себя и всѣ свои права. Такой договоръ есть актъ всеобщей воли; онъ заключается на вѣчныя времена и безвозвратно. Последний выводъ Гоббеса, явно направленный въ защиту Стюартовъ, нашелъ мало сочувствія въ Англiи, но самая идея общественнаго договора (*social contract*) перешла въ сознаніе народа. За нее ратовали поэтъ Мильтонъ въ своихъ огненныхъ памфлетахъ противъ Сальмазія (*defensio populi Anglicani* и др.), Альджернонъ Сидни и Локкъ. Особенную популярность между политическими писателями приобрѣлъ Локкъ; его «Два трактата о правленіи» (1680) сдѣлались какъ бы кодексомъ для гражданъ. Локкъ считалъ свободу и равенство врожденными чело-вѣку правами; только желаніе обезпечить для себя эти блага заставляетъ людей выйти изъ естественнаго состоянія независимости и подчиниться, по договору, извѣстной власти. Государство, по мнѣнію Локка, не имѣетъ другой цѣли кромѣ обязанности защищать подданныхъ отъ насилія и вражды; если оно не

(1) Этотъ замѣчательный голландскій юристъ жилъ въ половинѣ XVII вѣка и написалъ дѣльную книгу: *De jure civitatis*, которая до сихъ поръ пользуется уваженіемъ. См. *Mohl Geschichte I*, 234, 235.

достигаетъ этого назначенія, или, что еще хуже, превращается въ тираннію, — то согласіе между правительствомъ и народомъ теряетъ свою юридическую силу. Чтобы предупредить гражданскія войны и перевороты, Локкъ предлагаетъ отдѣлить власть церковную отъ свѣтской и законодательную отъ исполнительной, и совѣтуетъ не преслѣдовать никого за вѣру. Событія 1688 года оправдали въ глазахъ Англичанъ его теоріи, а потому не удивительно, что она приобрѣла авторитетъ и была подвергнута критикѣ, не ранѣе какъ въ половинѣ XVIII вѣка, послѣдователями шотландской нравственной философіи и скептиками.

Впрочемъ, ея противники исправили въ ней лишь немногія ошибки; коренныя же начала ученія остаются до сихъ поръ непоколебимыми въ Великобританіи, и даже перешли въ Америку (1).

Между тѣмъ, какъ Англія измѣняла свои учрежденія въ духѣ гражданской свободы, на континентѣ старый порядокъ не уступалъ требованіямъ вѣка, перерабатывался съ трудомъ, медленно, и остался въ основаніи почти нетронутымъ до французской революціи. Правительства не думали о коренной реформѣ и довольствовались частными измѣненіями; общественное устройство носило на себѣ рѣзкія, безобразныя черты феодальнаго типа. Поэтому новыя идеи о государствѣ долго не имѣли здѣсь практическаго значенія и развивались только въ видѣ теорій. О примѣненіи ихъ нельзя было думать, пока въ Германіи существовала нестройная, хаотическая имперія и полусамостоятельная территорияльная власть (Landeshoheit), раздробленная между безчисленными князьями, графами, духовными и свѣтскими господами, пока во Франціи продолжался безнравственный деспотизмъ, пока вниманіе кабинетовъ было устремлено на внѣшнюю политику. Однакоже, при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, публицисты дѣлали свое дѣло, поддерживали гражданскій духъ и воспитывали юридическое сознаніе въ новыхъ поколѣніяхъ. Книга Грота пользовалась уваженіемъ въ цѣлой Европѣ, и съ половины XVII вѣка подвигала впередъ политическое образованіе. Есте-

(1) Кромъ Мильтона, Локка и Сидни, въ эпоху революціи, о происхожденіи и цѣли государства писали: Вилліамсъ Темплъ, Маккензи и Фильмеръ. Послѣдній защищалъ патриархальную теорію, то-есть выводилъ власть гражданскую изъ власти семейной. (Patriarcha, 1680.)

ственное право имѣло тогда особенный авторитетъ между учеными. Главнымъ представителемъ этой науки въ Германіи былъ Пуффендорфъ; для него даже учреждена была въ Гейдельбергскомъ университетѣ новая каѳедра. Онъ сдѣлался главою цѣлой школы писателей, которая существовала почти цѣлое столѣтіе и приобрѣла громкую извѣстность. Разсматривая сочиненія Пуффендорфа, мы не находимъ въ нихъ ни оригинальности, ни особенныхъ научныхъ достоинствъ; онъ былъ, по выраженію Лейбница, плохой юристъ и вовсе не философъ (*vir parum jurisconsultus et minime philosophus*); всѣ основныя его понятія взяты у Грота и Гоббеса; новаго сказалъ онъ мало; но, несмотря на это, должно согласиться, что заслуги его важны для своего времени. Онъ окончательно устранилъ теократическій взглядъ на государство и пустилъ въ ходъ рациональныя политическія идеи. Способъ изложенія у Пуффендорфа, сравнительно съ прежнею методой, имѣетъ на своей сторонѣ неоспоримое преимущество — ясность. Какъ самъ онъ, такъ и всѣ его ученики говорили общедоступнымъ языкомъ, стремились къ систематикѣ и стройности. Правда, ихъ можно упрекнуть въ непоследовательности; на примѣръ, основывая государство на договорѣ, они не проводили логически своего ученія, не упоминали о правахъ гражданъ, о средствахъ противъ насилія и произвола, и вообще держались болѣе Гоббеса, чѣмъ Локка; но и этотъ упрекъ не падаетъ на нихъ всею тяжестью, если вспомнить, съ какими опасностями и трудностями должны были они бороться, отстаивая свободу политической мысли противъ обскурантизма. Съ бѣльшимъ правомъ можно обвинять ихъ въ удаленіи отъ дѣйствительнаго міра, въ недостаткѣ практическаго смысла, въ безплодномъ резонерствѣ: они затворялись въ кабинетахъ и аудиторіяхъ, строили отвлеченныя и шаткія теоріи и не видѣли передъ собою широко-развивающейся, богатой опытомъ жизни. Вотъ почему ихъ изслѣдованія скоро сдѣлались антикварными, потеряли цѣнность и въ настоящее время почти не имѣютъ значенія. Къ этому должно прибавить еще одно замѣчаніе насчетъ школы Пуффендорфа: она смотрѣла на всѣ политическія науки съ точки зрѣнія естественнаго права, и слѣдовательно не разрабатывала ихъ самостоятельно. Эта односторонность объясняется, можетъ-быть, и тѣмъ, что почти всѣ ея послѣдователи, кромѣ Томазія и немногихъ другихъ, не отличались боль-

шими дарованіями и имѣли обыкновеніе *jugare in verba magistri*. То же самое можно сказать объ ученикахъ Вольфа, который на нѣкоторое время возвысилъ философскую школу и продлилъ ея существованіе: они не пошли далѣе своего наставника. Впрочемъ, его собственная политическая теорія содержитъ въ себѣ мало новаго. Вольфъ замѣчательнъ не столько оригинальнымъ воззрѣніемъ, сколько догматизмомъ, строгою системою и точностію въ разграниченіи отдѣльныхъ предметовъ. Между тѣмъ новыя матеріалы для государственныхъ наукъ накопились во множествѣ. Еще съ первой половины XVII вѣка, а въ особенности послѣ Вестфальскаго мира, начали издаваться въ разныхъ странахъ политическіе журналы и газеты, въ которыхъ обсуживались текуція событія и дѣла всей Европы (1); правительственные архивы также сдѣлались нѣсколько доступнѣе; появились собранія международныхъ договоровъ и дипломатическихъ бумагъ, мемуары посланниковъ и т. п. (2). Къ сожалѣнію, ученики Пуе-

(1) Первый универсально-политическій журналъ издавался во Франкфуртѣ, подъ заглавіемъ *Theatrum Europaeum* (1635 г.); за нимъ слѣдовали: *Diarium Europaeum* (1659), *L'espion dans les cours des princes* (Cologne, 1696), *Mercurius historicus et politicus* (1686), *die Europäische Fata* (Leipzig, 1702). Но мѣстные газеты явились гораздо ранѣе, и прежде всего въ Италіи, именно въ Венеціи. Замѣчательно, что онѣ обыкновенно издавались правительствомъ въ рукописяхъ; печатать ихъ долго не позволяли (Blakey, II, 293). Частнымъ лицамъ также запрещено было публиковать политическія извѣстія. Въ Англии первая офиціальная печатная газета вышла при королевѣ Елисаветѣ (въ то время, когда Филиппъ II приготовлялъ непобѣдимую армаду), подъ заглавіемъ: *The English Mercurius, published by Authority for the contradiction of false reports*. Нѣсколько экземпляровъ ея уцѣлѣли въ Британскомъ музеѣ. Потомъ въ эпоху Тридцатилѣтней войны разрѣшено было Натаніэлю Боттеру издавать еженедѣльный журналъ (*News of the present work*), въ которомъ обнародовались иностранныя политическія новости. Что касается до внутреннихъ событий и преній парламента, они считались тайною. Вообще политическія партіи не имѣли до самой революціи публичнаго органа для выраженія и обмѣна своихъ мыслей. (Blakey, II, 207—209.) Во Франціи также не было періодическихъ изданій до начала XVII вѣка: первые нумера Французскаго Меркурія явились въ 1611 г. Самые лучшіе и вполнѣ независимые политическіе журналы и газеты издавались въ Голландіи.

(2) Первое офиціальное собраніе трактатовъ сдѣлано было во Фран-

Фендорфа и Вольфа не пользовались этими важными источниками; они долго оставались нетронутыми и почти неизвѣстными. Такая односторонность публицистовъ непремѣнно должна была вызвать реакцію противъ философіи и создать новую, враждебную ей школу. Дѣйствительно, она образовалась въ началѣ XVIII вѣка изъ историковъ и юристовъ, которые поставили себѣ задачей разрабатывать политическія науки на основаніи однихъ положительныхъ данныхъ. Въ глазахъ этой школы только фактъ имѣлъ значеніе; она считала неприличнымъ произносить свое сужденіе о государственныхъ вопросахъ, и объявила войну идеямъ; послѣдователи ея занялись съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ изученіемъ существующихъ законовъ и обычаевъ, и дѣйствительно привели въ систему несмѣтное количество матеріаловъ по разнымъ отраслямъ знанія, особенно по государственному, международному праву и статистикѣ. Но несмотря на ученость и практическое направленіе этихъ писателей, они не успѣли достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ: имъ не доставало путеводнаго начала. Въ ихъ сочиненіяхъ мы находимъ самую разнородную, хаотическую смѣсь; они даже не различаютъ ясно отдѣльныхъ предметовъ и теряются въ массѣ собственныхъ свѣдѣній. На публику они не имѣли особеннаго вліянія, потому что излагали науку слишкомъ сухо, непривлекательно, растянуто. Вообще, несмотря на свои неоспоримо полезные труды, эта школа не могла двигать общественнымъ мнѣніемъ, и оказалась безсильною въ борьбѣ противъ философіи. Впрочемъ, имѣя приверженцевъ въ вѣкоторыхъ университетахъ, она дѣйствовала съ кафедры благотворно, по крайней мѣрѣ тѣмъ, что обратила вниманіе умовъ на практику и подняла вопросы жизни, которые суждено было разрѣшить будущему поколѣнію. Лучшимъ ея органомъ въ Германіи былъ почтенный *Іоаннъ Мозеръ*, основатель политической коллегіи въ Ганау, авторъ безчисленныхъ книгъ о правѣ государ-

ствъ, въ 1622 году; потомъ въ Голландіи явилось нѣсколько частныхъ изданій подобнаго рода: знаменитый кодексъ Лейбница (*Codex juris gentium diplomaticus*) напечатанъ былъ въ 1693 году; вслѣдъ за нимъ появились богатые сборники Бернара и Дюмона. Обнародованіе посольскихъ мемуаровъ также вошло въ обычай съ половины XVII вѣка. См. *Martens Recueil des traités I* (Introduction).

ственномъ и международномъ. Всю жизнь свою этотъ неутомимый чловѣкъ работалъ благородно и безкорыстно для общественнаго блага, и несмотря на разныя несчастія и стѣсненія, остался вѣренъ своему призванію (1). На Мозеръ ярко отражаются всѣ достоинства и недостатки школы положительной. Мы бы могли упомянуть здѣсь и о другихъ ея послѣдователяхъ, но они далеко стоятъ ниже Мозера во всѣхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ объ упомянутыя школы публицистовъ вдали въ крайности; именно философія совершенно удалилась отъ дѣйствительности; напротивъ, положительная школа слишкомъ придерживалась рутинѣ. Это одностороннее направленіе кончилось истощеніемъ и упадкомъ, тѣмъ болѣе еще, что ни та, ни другая не имѣли въ своихъ рядахъ особенно-талантливыхъ людей. Образованное общество не читало ни ученыхъ трактатовъ, составленныхъ подъ вліяніемъ пуффендорфо-томазіанскихъ идей, ни многотомныхъ, недоступныхъ твореній, издаваемыхъ позитивистами. Гораздо привлекательнѣе для публики были французскія политическія и философскія сочиненія, писанныя легкимъ, понятнымъ языкомъ, въ самой популярной, нерѣдко въ изящной формѣ. Еще со временъ Людовика XIV, Франція пріобрѣла рѣшительное вліяніе на прочія европейскія государства: ея нравы, обычаи и моды сдѣлались предметомъ подражанія; ея языкъ вошелъ во всеобщее употребленіе. Неудивительно, что политическія идеи тогдашнихъ представителей французской литературы были вездѣ въ ходу, сначала въ высшихъ кругахъ, въ аристократіи, а потомъ и между другими сословіями. Особеннымъ авторитетомъ пользовались въ это время энциклопедисты; они хотя и не занимались спеціально разработкою государственныхъ наукъ, но затрогивали разные общественные вопросы съ такимъ искусствомъ, что можно казать, дали рѣшительное направленіе вѣку. Подъ ихъ руководствомъ большой свѣтъ усвоилъ себѣ извѣстный образъ мыслей, отступленіе отъ котораго считалось варварствомъ. Чтобы понять характеръ этихъ писателей и объяснить сильное ихъ дѣйствіе на умы, намъ нужно возвратиться нѣсколько назадъ.

Мы сказали уже, что Декартъ не создалъ отдѣльной школы

(1) Превосходную характеристику Мозера и другихъ германскихъ публицистовъ можно найти во II томѣ сочиненія Моля, стр. 401—414

публицистовъ, даже почти не коснулся политики въ своихъ сочиненіяхъ (1); несмотря на то, его философія разрушила много предрасудковъ, пробудила сознание поколѣній, прояснила взглядъ на жизнь и, вообще, произвела умственный переворотъ. Хотя государственныя науки при Лудовикѣ XIV мало подвинулись впередъ, но внутреннія преобразованія и внѣшнія войны этого государя слишкомъ ощутительно затрогивали интересы Французовъ, и они не могли оставаться равнодушными къ дѣлу законодательства и управленія. Одаренная живымъ умомъ и воспримчивымъ характеромъ, нація внимательно слѣдила за внутренними мѣрами и внѣшними сношеніями правительства, и скоро поняла ошибки честолюбиваго монарха. Тяжкія испытанія, которыя постигли страну въ послѣдніе годы его правленія, еще болѣе усилили броженіе умовъ; наконецъ при безславномъ Лудовикѣ XV оппозиція противъ господствовавшихъ злоупотребленій поднялась со всѣхъ сторонъ. Общество видѣло безнравственность двора, понимало пороки администраціи и произволь чиновниковъ; народная гордость была оскорблена политическими промахами и неудачами. Глаза Французовъ невольно обращались къ сосѣдственной Англіи, которая не только вышла съ торжествомъ изъ борьбы за наслѣдство испанскаго престола, но кромѣ того укрѣпила свою древнюю конституцію, и съ успѣхомъ отстояла гражданскую свободу. Британскія учрежденія сдѣлались предметомъ общаго любопытства; могущество и богатство страны возбуждало зависть; наконецъ самое соперничество двухъ народовъ невольно приковывало ихъ другъ къ другу. Размѣнъ идей между ними начался еще при Лудовикѣ XIV, можно сказать даже, подъ не-

(1) Ближайшій послѣдователь Декарта, Спиноза, хотя начерталъ замѣчательную и оригинальную систему политики, но она не имѣла вліянія ни въ наукѣ, ни въ практикѣ, потому что тѣсно связана съ пантеистическимъ возрѣніемъ автора на жизнь. См. *Mohl Geschichte der Staatswissenschaften I*, 235, 236. Идеи Спинозы изложены темно, облечены въ недоступную форму и раскрыты только въ наше время. Мы не будемъ разбирать этого ученія. Для насъ достаточно замѣтить, что знаменитый философъ основываетъ государство на договорѣ, и въ понятіяхъ о верховной власти нѣсколько сходится съ Макиавелли и Гоббесомъ. Подробно ученіе Спинозы изложено Горномъ въ небольшой брошюрѣ, изданной въ 1851 году, подъ заглавіемъ: *Spinozas Staatslehre* (Dessau).

посредственнымъ его вліяніемъ. Онъ далъ у себя убѣжище Стюартамъ, поддерживалъ джакобитовъ и вмѣшивался то открыто, то посредствомъ интриги во внутреннія дѣла Англіи. Всѣ распоряженія сентъ-джемсакаго кабинета обсуживались въ Парижѣ, множество памфлетовъ противъ новой династіи издавалось приверженцами изгнаннаго дома. Благодаря этой жаркой полемикѣ, Французы познакомились съ государственною жизнію своихъ сосѣдей, принялись читать англійскихъ писателей и усвоили себѣ политическія идеи Бэконовой школы. Главными защитниками этихъ идей были энциклопедисты: они нашли у Локка, Комберленда, Гутчесона, Юма и другихъ готовый матеріалъ для науки, и заботились только о томъ, чтобъ изложить ее въ легкой, изящной, доступной формѣ. Самостоятельности въ ихъ изслѣдованіяхъ мало. Кажется, они сначала думали не столько о построеніи теорій, сколько о томъ, чтобъ опровергнуть теократическій взглядъ на государство, и вообще судили о политикѣ уклончиво, иронически, съ точки зрѣнія скептиковъ. Къ сожалѣнію, имъ не удалось дѣйствовать на практику, быть проводниками мирныхъ реформъ, исправить пороки администраціи, измѣнить духъ учреждений путемъ указанія и совѣта. Они не могли подобно англійскимъ публицистамъ сдѣлаться наставниками правительства, руководящими органами политической жизни. Управление во Франціи шло тогда совершенно въ разрѣзъ съ требованіями вѣка, упорно держалось преданія и рутины; общество, построенное на феодалныхъ основаніяхъ, закоснѣло въ неподвижныхъ, безобразныхъ формахъ. Не видя для націи исхода изъ этого хаотическаго состоянія, не находя никакой возможности и не чувствуя въ себѣ достаточно силъ для систематическихъ преобразованій, — энциклопедисты объявили войну всему прошедшему и, удалившись въ міръ отвлеченныхъ умозрѣній, начали всею силою разума разрушать господствовавшій порядокъ. Одинъ изъ знаменитыхъ французскихъ публицистовъ превосходно объясняетъ намъ причины и послѣдствія такого направленія (1). «Политическія убѣжденія философовъ XVIII столѣтія, говоритъ онъ, чрезвычайно разнообразны и даже непримиримы; составить изъ нихъ одну теорію нѣтъ никакой возможности. Но если мы отбросимъ частности и будемъ искать

(1) *Tocqueville* l'Ancien Régime et la Révolution. Ch. XIII, p. 211—226.

коренныхъ идей (*idées mères*), то замѣтимъ, несмотря на отдѣльныя противорѣчія, одинъ исходный пунктъ у всѣхъ энциклопедистовъ; они думаютъ, что *сложные обычаи и преданія, на которые опиралось тогдашнее общество, должны быть замѣнены простыми, первоначальными правилами, почерпнутыми изъ разума и естественнаго закона.* Въ этомъ состоитъ главное, если не единственное требованіе философіи XVIII вѣка!..

«Не случайно пришли философы XVIII вѣка къ убѣжденіямъ, противоположнымъ общественному порядку своего времени; само общество внушило имъ эти убѣжденія. Безчисленное множество вредныхъ или смѣшныхъ привилегій, которыхъ тяжесть съ каждымъ днемъ становилась болѣе и болѣе чувствительною, а причина — менѣе и менѣе понятною, стремительно увлекло ихъ къ мысли о естественномъ равенствѣ состояній. Видя столько нестройныхъ, причудливыхъ учреждений стараго времени, которыхъ никто не думалъ согласить между собою и приноровить къ новымъ нуждамъ, которыя, потерявъ достоинство, казалось, увѣковѣчили свое существованіе, — они почувствовали отвращеніе къ древности, къ преданію, и естественно желали перестроить общество по новому плану, начертанному при свѣтѣ чистаго разума.

«Самое положеніе этихъ писателей заставило ихъ слѣпо прирастаться къ общимъ и отвлеченнымъ теоріямъ правленія. Они жили въ совершенномъ удаленіи отъ практики; ихъ внутренній жаръ не охлаждался спытомъ, они не знали, что *существующими фактами* могутъ быть нерѣдко задерживаемы самыя спасительныя реформы, не имѣли понятія объ опасностяхъ, сопровождающихъ самыя необходимыя перевороты, даже не предчувствовали этого; ибо совершенное отсутствіе политическаго упражненія закрывало отъ нихъ дѣловой міръ. Они не принимали въ немъ участія, не видѣли, что въ немъ происходитъ. У нихъ не было даже тѣхъ поверхностныхъ познаній, которыя такъ легко пріобрѣтаются въ свободномъ обществѣ, среди говора и шума, лицами, наименѣе прикосновенными къ управленію. Они сдѣлались отъ того дерзновеннѣе къ нововведеніямъ, пристрастнѣе къ идеямъ и системамъ, презрительнѣе къ древней мудрости и довѣрчивѣе къ своему разуму, нежели обыкновенные политическіе мыслители.

«То же самое невѣжество склонило на ихъ сторону слухъ и сердце толпы. Еслибы Французы еще принимали участие въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ и въ провинціальныхъ совѣтахъ, какъ было прежде, они бы навѣрное не увлеклись до такой степени идеями этихъ писателей, они сохранили бы дѣловой духъ, всегда нѣсколько осторожный и подозрительный къ теоріи. Еслибы, подобно Англичанамъ, они могли, не разрушая древнихъ учреждений, измѣнить мало-по-малу ихъ духъ на практикѣ,—они не изобрѣтали бы новыхъ. Но къ несчастію, во Франціи каждый чувствовалъ, что его личность, благосостояніе или гордость оскорбляется какимъ-нибудь закономъ, обычаемъ, или обломкомъ стараго учрежденія, и не видѣлъ въ своихъ рукахъ надежнаго средства противъ зла; ему казалось, что въ устройствѣ страны надобно или все переносить, или все уничтожить.»

«Всѣ политическія страсти высказывались въ философіи; вся жизнь политическая была насильственно загнана въ литературу, и писатели, взявъ въ свои руки исключительную власть надъ общественнымъ мнѣніемъ, заняли мѣсто, принадлежащее въ другихъ странахъ предводителямъ партій. Оспаривать у нихъ эту роль никто не могъ.»

Доказывая далѣе, что аристократія потеряла вліяніе на государственное управленіе, что низшіе классы были совершенно подавлены, и что вообще Французская нація была лишена всякаго политическаго опыта и участія въ собственныхъ дѣлахъ, Токвиль выводитъ отсюда слѣдующія заключенія, которыми еще болѣе объясняется направленіе и характеръ энциклопедистовъ.

«Между тѣмъ какъ въ Англіи публицисты и государственные люди были смѣшаны въ одну массу, именно одни вводили новыя идеи въ практику, другіе исправляли теоріи съ помощію фактовъ—во Франціи политическій міръ какъ бы раздѣлился на двѣ независимыя и замкнутыя области. Въ одной управляли, въ другой строили отвлеченныя теоріи, на которыхъ должно основываться управленіе; въ одной слѣдовали рутинѣ, въ другой провозглашали общіе законы, не думая о средствахъ къ ихъ исполненію; въ одной сосредоточивались дѣла, въ другой руководили умами, вырабатывали идеи. Такимъ образомъ надъ существующимъ обществомъ, устроеннымъ по преданію, хаотическимъ и неправильнымъ, съ разнообразными, несогласными

между собою законами, съ рѣзкими отличіями ранга и неравномѣрными повинностями, возвышалось другое, воображаемое общество, гдѣ все было просто, однообразно, справедливо, приведено въ порядокъ и согласно съ разумомъ...

«Это-то исключительное, безпримѣрное въ исторіи вліяніе теоретиковъ на политическое воспитаніе народа, сообщило французской революціи особенный геній. Чуждая практикъ, лишенная руководителей, нація заимствовала у философовъ не только идеи, но инстинкты, вкусъ, характеръ, и когда ей пришлось дѣйствовать, перенесла въ политику всѣ обычаи и привычки литературы. Революція была ведена въ томъ же самомъ духѣ, въ какомъ были писаны отвлеченныя книги о правленіи. Въ ней высказалась въ такой же степени привязанность къ теоріямъ и системамъ, страсть къ симметріи въ законахъ, къ оригинальности, къ новизнѣ, къ передѣлкѣ устройства по правиламъ логики и по одному плану.»

Итакъ, энциклопедисты имѣютъ въ исторіи политическихъ наукъ отрицательное значеніе. Они разрушали прошедшее, представивъ дѣло созданія будущему. Совершенно другой характеръ носить на себѣ знаменитый трактатъ о «Духѣ законовъ»; онъ не направленъ противъ отжившихъ учреждений, не написанъ съ цѣлію подкопать предрасудки, разоблачить общественное зло, доказать безобразіе и несостоятельность существующаго порядка; задушевная мысль автора состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ основательнаго, всесторонняго изученія государственной жизни привести читателя къ твердымъ, положительнымъ, такъ сказать, органическимъ убѣжденіямъ. Содержаніе этой книги очень разнообразно; бѣольшая часть ея относится къ юриспруденціи, но въ ней разсыпано также множество драгоценныхъ указаній относительно управленія и политики. Монтескье имѣетъ въ виду не столько исторію или догму законодательства, сколько теоретическіе выводы. Основная его мысль состоитъ въ томъ, что физическая природа страны и нравственныя качества жителей имѣютъ большое вліяніе на устройство государства. Она высказана и проведена у него съ такимъ мастерствомъ, какого мы не находимъ ни у одного изъ писателей тогдашняго времени. Авторъ «Духа законовъ» далеко превосходитъ талантами послѣдователей обѣихъ школъ, философской и положительной; его взглядъ возвышается какъ надъ

чистою абстракціею, такъ и надъ рутиною; наука у него взята изъ жизни; въ немъ виденъ практической смыслъ, замѣтно ясное пониманіе дѣйствительности. Къ сожалѣнію, Монтескье часто только набрасываетъ идеи, не выводитъ изъ нихъ заключеній, не раскрываетъ своей системы въ цѣлости, и впадаетъ иногда въ историческія ошибки. Впрочемъ, мы не намѣрены подробно разбирать здѣсь достоинства и недостатки сочиненія о «Духъ законовъ»: они болѣе или менѣе извѣстны образованнымъ читателямъ (1). Для насъ въ особенности важно ученіе Монтескье о власти верховной, потому что оно приобрѣло большой авторитетъ въ Европѣ. На немъ основана, какъ извѣстно, теорія конституціоннаго государства.

Политическій идеалъ Монтескье есть такъ-называемая смѣшанная форма правленія, построенная на органическомъ сочетаніи монархіи съ аристократіею и демократіею. Государство, опирающееся на эти начала, по его мнѣнію, можетъ дать самую надежную юридическую защиту противъ произвола и насилія. Для достиженія этой цѣли онъ считаетъ необходимымъ уравновѣсить и поставить въ совершенную независимость, одну отъ другой, власти: законодательную, судебную и исполнительную, вручивъ каждую изъ нихъ отдѣльнымъ лицамъ, то-есть первую—представителямъ дворянства и другихъ сословій, вторую—судьямъ, а послѣднюю — королю. Отсюда, какъ думаетъ Монтескье, произойдутъ самыя благія послѣдствія, именно мудрое законодательство, потому что на него будутъ имѣть вліяніе всѣ классы народа, честное исполненіе и справедливые приговоры, потому что всѣмъ уполномоченнымъ лицамъ назначена извѣстная сфера, за которую никто не можетъ переступить безъ сопротивленія со стороны другихъ. Въ доказательство возможности своего идеала Монтескье ссылается на Англію: по его мнѣнію, она служитъ живымъ примѣромъ гармонически - устроенной смѣшанной монархіи.

(1) Между политическими критиками Монтескье пользуются извѣстностью: Дестюттъ-де-Траси (*Commentaire sur l'Esprit des lois* P. 1817), Ансильонъ, Шарль, Контъ (*Traité de législation*) и Венедей (*Machiavel, Montesquieu, Rousseau. Berl. 1851*). Но особеннаго вниманія заслуживаетъ рецензія Моля, которою отчасти и мы воспользовались для этого очерка. См. *Geschichte der Staatswissenschaften* I, 236, 7, 271—80.

При первомъ взглядѣ на это ученіе, не трудно замѣтить въ немъ невѣрныя и сомнительныя стороны. Вопервыхъ раздробленіе государственной власти на чуждыя одна другой вѣтви должно разрушить единство государства и привести къ анархіи. Какъ вооруженная исполнительная власть будетъ подчиняться безоружному, бессильному законодательству? Далѣе, это раздробленіе нисколько не ограждаетъ отъ злоупотребленій со стороны каждаго органа или всѣхъ вмѣстѣ; въ немъ упущена изъ виду главная идея конституціоннаго устройства—обезпеченіе правъ подданныхъ; наконецъ ссылка на англійское устройство, будто бы основанное на тройственномъ дѣленіи, не согласна съ фактами. Передача отдѣльныхъ функций верховной власти столь различнымъ элементамъ, какъ монархія, аристократія и демократія, произвела бы только вражду между ними. По крайней мѣрѣ гармоніи нельзя ожидать отъ сопоставленія физическихъ и юридическихъ лицъ, которыя стремятся исключить другъ друга и пріобрѣсти для себя самодержавіе во всей полнотѣ.

Но, несмотря на указанные ошибки, теорія Монтескье имѣетъ неоспоримое значеніе. «Сила генія велика даже и тогда, когда онъ заблуждается,» говоритъ Моль. Эти слова какъ нельзя болѣе справедливы въ отношеніи къ знаменитому автору «Духа законовъ»: его погрѣшности содѣйствовали открытію истины. Онъ проложилъ совершенно новую дорогу для науки; въ первый разъ схватилъ основную идею конституціоннаго права, и если самъ не успѣлъ многого изслѣдовать, то во всякомъ случаѣ значительно облегчилъ работу для другихъ. До того времени англійскія учрежденія казались хаосомъ; онъ первый старался понять ихъ смыслъ и коренныя начала. Монтескье принесть и практическую пользу народамъ; подъ его вліяніемъ начертаны были основные законы для разныхъ государствъ. Если при этомъ были сдѣланы разные промахи, то отвѣтственность за нихъ падаетъ не столько на него, сколько на послѣдователей начертанной имъ теоріи. Они не повѣрили ея критически и даже исказили въ ней нѣкоторыя части. Кромѣ того, неудачи здѣсь объясняются внѣшними обстоятельствами. Вообще нельзя ставить въ вину Монтескье, что представленная имъ система совершеннаго раздѣленія властей была философскимъ камнемъ въ глазахъ политиковъ конца прошлаго и начала XIX столѣтія.

Впрочемъ авторитетъ «Духа законовъ» былъ скоро подорванъ во Франціи сочиненіемъ Руссо о договорѣ общественномъ (*du Contrat social*, 1752). Идеи женевского философа казались поклѣнью, воспитанному подъ вліяніемъ энциклопедистовъ и недовольному существовавшему порядкомъ, болѣе ясными и отчетливыми нежели сложная теорія Монтескье. Руссо доводитъ мысль о первобытномъ равенствѣ и независимости отдѣльных лицъ до послѣднихъ крайностей; права народа, по его мнѣнію, неограниченны; нація создаетъ и разрушаетъ государства по договору, или, лучше сказать, по произволу, потому что договоръ всегда можетъ быть измѣненъ, а свобода не отчуждаема. Съ этою теоріею логически не совмѣстима никакая форма правленія кромѣ демократической. Цѣль государства—благо каждаго гражданина и всѣхъ вмѣстѣ. На дѣйствительность, на исторію, на разнообразіе жизни, на высшія требованія человѣческой природы, на внутреннюю безусловную необходимость государства, Руссо не обращаетъ вниманія; всѣ общественные вопросы у него разрѣшаются актомъ воли, согласіемъ гражданъ. Онъ не заботится о продолжительности устройства, потому что основываетъ его не на объективныхъ отношеніяхъ, не на твердыхъ началахъ, а на временномъ, легко измѣняемомъ контрактѣ. Односторонность и опасность его ученія происходитъ преимущественно отъ неорганическаго, нестройнаго взгляда на жизнь, отъ того, что онъ ставитъ субъективный произволъ на мѣсто закона (1). Этимъ объясняется сочувствіе, которое высказали къ нему горячія головы и нетерпѣливые преобразователи. Руссо сдѣлался кумиромъ радикальной школы; его духомъ были проникнуты всѣ главные дѣятели революціи во Франціи.

Кромѣ Монтескье и Руссо, большимъ вліяніемъ на общество второй половины XVIII вѣка пользовались экономисты или физиократы. Основателемъ этой школы былъ остроумный Кене; она возникла во Франціи и скоро потомъ распространилась въ другихъ странахъ. Вниманіе экономистовъ устремлено было преимущественно на матеріальные интересы народа; но они высказали также много мыслей объ устройствѣ и управленіи государствомъ вообще. Мы не будемъ излагать здѣсь всего физиократическаго

(1) *Mohl*, *Geschichte der Staatswissenschaften* II, 237, 238.

ученія: оно относится собственно къ общественной экономіи; но намъ необходимо познакомиться съ политическимъ направленіемъ этихъ писателей; тѣмъ болѣе, что они играли важную роль въ свое время. Токвиль, въ послѣднемъ сочиненіи о революціи, мастерски характеризуетъ ихъ (1).

«Энциклопедисты, говоритъ онъ, вращаются въ сферѣ чисто отвлеченныхъ и общихъ идей касательно правленія; напротивъ фізіократы, при всей привязанности къ теоріямъ, нисходятъ въ область фактовъ, съ жаромъ нападаютъ на всѣ учрежденія, которыя революція должна была уничтожить, и провозглашаютъ тѣ, которыя она должна была создать... Въ ихъ сочиненіяхъ вообще преобладаетъ разрушительный и демократическій характеръ; они ненавидятъ не только привилегіи, но враждуютъ противъ всякаго различія между гражданами и обожаютъ равенство даже въ рабствѣ... Для нихъ почти не существуютъ частныя права; они все приносятъ въ жертву общественной пользѣ. Будучи на самомъ дѣлѣ людьми тихаго нрава, честными чиновниками, способными правителями, они увлекаются въ наукѣ какимъ-то особеннымъ духомъ. Прошедшее для нихъ предметъ глубокаго презрѣнія. Нація управляется въ теченіи вѣковъ ложными началами, говоритъ Летроннь; во Франціи, по его мнѣнію, все дѣлается наугадъ. Выходя съ этой точки зрѣнія, онъ возстаетъ противъ самыхъ основныхъ историческихъ учреждений королевства.

«Фізіократы обдумали всѣ общественныя и административныя реформы, приведенныя въ исполненіе революціею, прежде нежели идея либеральныхъ учреждений прояснилась въ ихъ головахъ. Требуя безпрепятственнаго размѣна товаровъ и свободы промышленности (*laissez faire, laissez passer*), они вовсе не заботятся о свободѣ политической, а напротивъ высказываютъ вражду къ законодательнымъ собраніямъ и ко всѣмъ учрежденіямъ, создаваемымъ народами для того, чтобы сдерживать преобладающее вліяніе центральной власти. «Система противодѣйствующихъ силъ (*contreforces, contrepoids*) или равновѣсія въ управленіи есть гибельная идея и химера,» говоритъ Кене. Въ публичномъ воспитаніи они находятъ единственную ограду противъ насилія

(1) *Toqueville, l'Ancien Régime et la Révolution* p. 246—251.

и произвола, ибо, по словамъ ихъ учителя, деспотизмъ невозможенъ, если нація просвѣщена... Другія, собственно политическія, гарантіи имъ неизвѣстны. Они не только не стѣсняють, но расширяють авторитетъ правительства; по ихъ понятіямъ, государство, «устроенное оогласно требованіямъ естественнаго порядка (*ordre naturel*)», должно быть всемогущимъ. Оно не только управляетъ націей, но руководить ею, образуетъ душу гражданъ по заготовленной напередъ модели, наполняетъ ее извѣстными идеями и воспитываетъ сердце въ извѣстныхъ чувствахъ. Собственно говоря, ему нѣтъ границъ; оно можетъ все сдѣлать, не только измѣнить, но пересоздать подданныхъ для своихъ цѣлей. «Государство творить изъ людей все, что ему угодно», говоритъ Бодо. Въ этомъ словѣ заключаются всѣ политическія теоріи физиократовъ... Имъ хорошо извѣстна особенная форма тиранніи, о которой въ средніе вѣка не имѣли понятія, и которая называется демократическимъ деспотизмомъ. Эта система правленія не допускаетъ въ обществѣ іерархіи, опредѣленныхъ классовъ, принятаго ранга; народъ состоитъ здѣсь изъ сходныхъ и совершенно равныхъ лицъ; ему одному принадлежать всѣ верховныя атрибуты самодержавія, но онъ лишенъ всякой возможности управлять и наблюдать надъ своею властью. Представителемъ этой массы обыкновенно является одинъ человекъ, уполномоченный на все ея именемъ, но безъ совѣщанія; контролемъ ему служить общественное мнѣніе безъ органовъ; преградой не законы, а революціи; по праву онъ—повѣренный, на дѣлѣ—полный господинъ.

«Не находя ничего подобнаго этому идеалу вокругъ себя, физиократы ищутъ его въ глубинѣ Азіи, именно въ Китаѣ... Это варварское правительство, которымъ играетъ по произволу горсть Европейцевъ, кажется имъ образцомъ, достойнымъ подражанія, и становится для нихъ тѣмъ же, чѣмъ сдѣлались въ послѣдствіи Англія и Америка для всѣхъ Французовъ. Они умиляются и приходятъ въ восторгъ при видѣ страны, повелитель которой разъ въ годъ пашетъ землю собственными руками для поощренія полезныхъ искусствъ, гдѣ всѣ мѣста получаютъ по литературному конкурсу, гдѣ религія замѣняется философіею и аристократія учеными.

«Обыкновенно думаютъ, что разрушительныя теоріи, извѣ-

ствыя въ наше время подъ именемъ соціализма, произошли недавно; это ошибка:— онѣ современны первымъ экономистамъ... Въ «Кодексъ природы» Морли, наряду съ фізіократическимъ ученіемъ о всемогуществѣ государства, встрѣчаются утопіи, которыя тревожили Францію въ послѣднее время, именно общность имущества, право на работу, безусловное равенство и единообразіе, механическая правильность въ движеніяхъ отдѣльныхъ лицъ, тираннія уставовъ и совершенное поглощеніе личности гражданъ въ общественномъ организмѣ.»

При такомъ направленіи умовъ американская революція должна была сильно взволновать образованный міръ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило европейское общество за ходомъ великой борьбы между колоніями и сильною метрополіей, даже правительства приняли въ ней участіе и по увлеченію, или же изъ политическихъ разсчетовъ, поддержали слабѣйшую сторону. Самое тлубокое сочувствіе къ этой войнѣ высказали, разумѣется, Французы. Когда наконецъ цѣль ея была достигнута, и юное заатлантическое государство вышло съ торжествомъ изъ тяжелыхъ испытаній, всѣ предались радости и надеждамъ. Теоріи публицистовъ, казалось, оправдались на практикѣ: политическія учрежденія Соединенныхъ Штатовъ были основаны на идеяхъ, выработанныхъ философій XVIII вѣка; желанное равенство осуществилось въ Новомъ Свѣтѣ, къ удивленію и зависти Старога; личная независимость и политическая свобода гражданъ была обезпечена вполне; простота управленія доведена до послѣднихъ границъ. Короче сказать, успѣшный переворотъ въ Америкѣ окончательно убѣдилъ въ возможности новаго порядка для Франціи и, какъ думали нѣкоторые, для всей Европы. Забывая, что молодое американское общество не имѣло подъ собою феодализма и тѣхъ іерархическихъ учреждений, которыя легли съ среднихъ вѣковъ на почву европейскую, большинство вѣрило, что рациональное право должно вездѣ одержать побѣду надъ историческимъ. Эта вѣра окрѣпла тѣмъ скорѣе, что при самомъ основаніи сѣверо-американскаго устройства, появилось множество сочиненій, въ которыхъ коренныя его начала были изложены съ замѣчательнымъ талантомъ. Сюда относятся памфлеты Томаса Пена (*the Common Sense*, 1776), жаркаго приверженца Руссо, Франклина, Прайса, серіозные трактаты Адамса и Ливингстона

и наконецъ знаменитый журналъ Гамильтона, Мэдисона и Джея «Федералистъ». Всѣ эти даровитые публицисты были встрѣчены громкимъ одобреніемъ по сю сторону океана. Въ европейской литературѣ подъ ихъ вліяніемъ обнаружилось рѣшительное движеніе въ пользу демократіи; кромѣ того они подняли прежде почти нетронутый наукою вопросъ о федеративномъ устройствѣ (1).

Послѣ всего сказаннаго легко понять, что неодолима сила влекла европейскіе народы къ великому, радикальному перевороту. Онъ былъ тѣмъ неабѣжнѣе, что никто не думалъ отвратить его, никто не ожидалъ, даже не предчувствовалъ наступающаго кризиса. Прежнее устройство, выработанное подъ вліяніемъ феодальныхъ учрежденій, оставалось нетронутымъ; промышленность и торговля были стѣснены до крайности монополіями и внутренними таможами; земледѣліе обременено повинностями и поборами; налоги падали всею своею тяжестью на народъ, мимо привилегированныхъ сословій; судопроизводство было запутано; въ администраціи господствовалъ произволъ; законъ не имѣлъ силы, или подавалъ поводъ къ угнетенію. Между всѣми континентальными государствами, Франція наиболѣе страдала отъ такой системы управленія и сильнѣе чувствовала ея недостатки. Къ несчастію, реформа была здѣсь наименѣе возможна, потому что зло пустило слишкомъ глубокіе корни; правительство не имѣло энергіи и твердости, чтобы дѣйствовать систематически; въ характерѣ народа не было терпѣнія, чтобы выжидать постепенныхъ улучшеній. Разъ ступивши на дорогу революціи, живая и пылкая нація не могла остановиться, пока не разрушила стараго порядка до основанія. Съ необыкновенною быстротою пали, одна за другою, тѣсно связанныя части политическаго зданія; все, что завѣщала исторія, было разбито насильственною рукой; не только освященные вѣками привилегіи, но почти всѣ законы и обычаи были принесены въ жертву; страшная буря не пощадила даже религіи и королевской власти, и на каждомъ шагу оставила слѣды крови и слезъ. Когда наконецъ истребительная война окончилась за истощеніемъ силъ и матеріала, общество было потрясено въ цѣломъ составѣ и въ

(1) См. *Mohl*, Geschichte der Staatswissenschaften I, 249—251.

отдѣльных частяхъ; гражданскія отношенія поколебались; право какъ бы лишилось высшей опоры и защиты; государство сдѣлалось живымъ образомъ ужаса и руководствовалось одними неопредѣленными требованіями публичной безопасности и блага (*le salut public, le bien public*). Во имя этихъ идей совершались конвентомъ насилія, преслѣдованія, казни. Еще болѣе разгорѣлись и ожесточились страсти народа отъ столкновенія съ иностранными державами. Едва только зашла рѣчь объ опасности, и первое нападеніе было отражено, Франція выступила изъ своихъ предѣловъ и понесла на знаменахъ республиканской арміи новыя начала. Вѣтхая политическая система, какъ и слѣдовало ожидать, не могла вынести стремительнаго натиска этихъ началъ и рухнула прежде всего на западъ и на югъ Европы; спустя нѣсколько времени, самые сильные ея представители принуждены были, одинъ за другимъ, уступить и отказаться отъ сопротивленія. Къ концу столѣтія, Франція уже успѣла исторгнуть у монарховъ признаніе своего политическаго бытія, приобрѣсти перевѣсъ на материкѣ и уничтожить многія постановленія Вестфальскаго и Утрехтскаго конгрессовъ.

Многознаменательный переворотъ долженъ былъ произвести глубокое впечатлѣніе на умы и обратить общее вниманіе на политическія событія. Дѣйствительно, въ европейской литературѣ обнаружилось, въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка, неслыханное, небывалое движеніе: разнообразныя памфлеты и брошюры посылались со всѣхъ сторонъ во множествѣ; публицисты и государственные люди раздѣлились на партіи; одна съ жаромъ защищала революцію, другая сочувствовала старому порядку. Обѣ партіи, разумѣется, вдалились въ крайности, увлекались пристрастіемъ и слѣдовательно принесли мало пользы своему дѣлу и наукѣ. Не пришло еще время для спокойнаго обсужденія животрепещущихъ вопросовъ: результаты переворота не выяснились для общества, связь съ прошедшимъ была, повидимому, окончательно разорвана. Итакъ, напрасно было бы искать въ сочиненіяхъ тогдашняго времени, особенно во французскихъ, новыхъ идей или серьезныхъ, основательныхъ выводовъ: школа революціонная только повторяла энциклопедистовъ и Руссо: школа реакціонная доходила до обскурантизма въ поклоненіи отжившимъ учрежденіямъ; въ рядахъ первой стояли мечтатели или яростные демагоги; ко

второй принадлежали большею частью люди, которыхъ интересы были непосредственно затронуты революціей. Не удивительно, что объ школы потеряли въ настоящее время всякое значеніе: когда-то громкія, имена ихъ представителей большею частью забыты; даже любопытная книга Борка о французской революціи извѣстна теперь немногимъ. Впрочемъ, несмотря на общее волненіе и безпокойство, политическія науки продолжали и во время революціи развиваться, если не во Франціи, то въ другихъ странахъ. Такъ въ Англіи съ выходомъ сочиненія Адама Смита: «О богатствѣ народовъ» (1776), началась разработка общественной и государственной экономіи; въ Германіи Ахенвалль, Бюшингъ и Шлецеръ занимались сціентифическимъ построеніемъ статистики, Мартенсъ и Гюнтеръ отдѣлили науку права международнаго отъ естественнаго. Повидимому, книга Монтескье имѣла самое благодѣтельное вліяніе на германскихъ публицистовъ; они оставили прежній односторонній взглядъ на законодательство и управленіе; философская школа болѣе сблизилась съ дѣйствительностію; школа положительная также начала возвышаться надъ рутиную и, не довольствуясь простымъ перечнемъ фактовъ, старалась связать ихъ одною общою идеей. Слѣды такого направленія замѣтны у многихъ писателей, жившихъ въ эпоху революціи. Они сильно заботятся о примиреніи обѣихъ школъ, заимствуя у одной изъ нихъ способъ изложенія и систематику, а у другой—содержаніе. Хотя первыя попытки этой соединительной методы нельзя назвать удачными, однакоже онѣ заслуживаютъ вниманія по тѣмъ результатамъ, къ которымъ привели въ послѣдствіи. Нельзя не упомянуть также о стремленіи многихъ писателей второй половины XVIII вѣка построить философію исторіи. Извѣстно, что самъ Монтескье находился подъ вліяніемъ Вико и многое заимствовалъ изъ «началъ новой науки»; но къ сожалѣнію, она мало подвинулась впередъ по смерти знаменитаго Итальянца. Во всякомъ случаѣ, труды Изелина, Гердера, Лессинга, Ковдорсе и др. были не безплодны; они много способствовали просвѣщенію политическихъ идей, и поставили публицистовъ на новую точку зрѣнія. Природа государства не могла быть понята до тѣхъ поръ, пока всемірно-историческое его развитіе оставалось неизслѣдованнымъ.

Около того же времени, то-есть въ эпоху революціи, философія

XVIII столѣтія сказала свое послѣднее слово наступающему вѣку. Главнымъ двигателемъ мысли въ Германіи явился Кантъ, котораго обыкновенно считаютъ основателемъ идеализма. Разбирая его ученіе о государствѣ, мы находимъ въ немъ такія достоинства, которыхъ напрасно было бы искать у послѣдователей Томазія и Вольфа. Кантъ освѣтилъ раціональными началами цѣлую область законодательства, созналъ во всей глубинѣ единство рода человѣческаго и во всей обширности идею права. Хотя субъективная воля остается у него единственнымъ органомъ политической дѣятельности, но, несмотря на это, онъ во многихъ пунктахъ рѣшительно отступаетъ отъ взгляда своихъ предшественниковъ и даетъ новое направленіе. Такъ внутреннюю причину образованія государствъ онъ находитъ не въ отдѣльныхъ побужденіяхъ и наклонностяхъ, но во всей разумной природѣ челоука. Далѣе, онъ въ первый разъ высказываетъ въ Германіи мнѣніе, что государство, созданное въ идеѣ, должно быть мѣриломъ для оцѣнки дѣйствительныхъ обществъ, что оно существуетъ не только какъ представленіе ума, но какъ требованіе вѣчнаго права, имѣющаго внутреннюю силу. Вообще, изслѣдованія этого философа направлены не къ тому, чтобы выработать идею крѣпкаго политическаго организма и могущественное, на все уполномоченное правительство, но болѣе къ тому, чтобы основать и обезпечить свободу отдѣльныхъ лицъ, живущихъ въ союзѣ между собою, подъ владычествомъ извѣстнаго порядка. Впрочемъ понятіе свободы у Канта имѣетъ чисто-отрицательный характеръ; онъ не исчерпываетъ ея положительнаго содержанія, но даетъ ей только формальное опредѣленіе; начертанный имъ законъ юридической жизни не совсѣмъ удовлетворителенъ (1). Идея общества, самобытнаго, отдѣльнаго, независимаго отъ государства, не высказывается у Канта, хотя, повидимому, онъ къ ней близокъ, потому что предоставляетъ всѣмъ членамъ политическаго союза законодательную власть. Эта система, изложенная Кантомъ лишь въ общемъ очеркѣ, къ концу столѣтія была разработана его учениками, возбудила общее сочувствіе просвѣщенныхъ людей и сохраняла авторитетъ очень долго, для цѣлаго поколѣнія. Подъ

(1) Поступай такъ, чтобы свободное употребленіе твоей воли могло быть совмѣщено съ свободою другаго лица.

ея вліяніемъ не только подвинулись впередъ политическія науки, но были совершены многія преобразованія въ законахъ и учрежденіяхъ. Причина такого успѣха объясняется отчасти внутреннимъ достоинствомъ ученія, согласнаго съ прогрессивными стремленіями большинства, отчасти же тѣмъ, что Фихте, ближайшій преемникъ Канта, при всей оригинальности своей философской методы, въ сущности не сказалъ о государствѣ ничего новаго; онъ только возвелъ на тронъ идею я, чтобы придать еще болѣе авторитета волѣ отдѣльныхъ лицъ, отъ которыхъ, по его словамъ, исключительно зависитъ основаніе политическаго союза и всѣхъ правомѣрныхъ отношеній. Эта односторонняя теорія, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, была подорвана критикою XIX вѣка, вмѣстѣ съ другими увлеченіями субъективнаго идеализма.

Но прежде нежели мы будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ движеніемъ политическихъ идей, намъ нужно остановиться и еще разъ бросить взглядъ на пройденный періодъ. Это тѣмъ необходимо, что французская революція произвела рѣшительное потрясеніе какъ въ области мысли, такъ и въ практической жизни народовъ. XIX столѣтіе есть эпоха новыхъ теорій и новыхъ учреждений, которыхъ развитіе еще не окончилось, которыя, строго говоря, еще не принадлежатъ исторіи; напротивъ, философія XVII и XVIII вѣка сдѣлалась достояніемъ прошедшаго. Мы можемъ теперь привести въ одно цѣлое добытые ею результаты и спокойно взвѣсить ея достоинства и недостатки.

Несмотря на безконечное разнообразіе философскихъ системъ, построенныхъ отъ Бэкона и Декарта до Канта, всѣ онѣ направлены къ одной цѣли, вырабатываютъ одну идею личности и стремятся, сколько возможно, расширить кругъ человѣческой дѣятельности. Даже тѣ публицисты, которые признаютъ всемогущество государства, отводятъ для отдѣльныхъ его членовъ извѣстную область свободы. Она ограничивается не иначе, какъ въ видахъ крайней необходимости, по договору, слѣдовательно по волѣ вступающаго въ политическій союзъ чловѣка. Во всякомъ случаѣ, отъ него самого зависитъ образованіе и устройство этого союза; государство создается не по внѣшнему приказанію, а въ силу внутренней автономіи, которой никто не можетъ отнять у разумнаго существа.

Каждый человекъ, говорятъ публицисты этого періода, раждается свободнымъ, личность его неприкосновенна и безответственна; онъ становится подчиненнымъ, зависимымъ только тогда, когда слѣдя внушеніямъ собственной безопасности и блага, прибѣгаетъ подъ защиту власти, когда онъ выходитъ изъ *естественнаго состоянія*. Это состояніе философы представляютъ себѣ не одинаково; одни считаютъ его золотымъ вѣкомъ; другіе всеобщую войной. Какъ бы то ни было, и первые и вторые ищутъ въ немъ указаній, чтобы опредѣлить взаимныя отношенія гражданъ въ государствѣ и такъ-называемыя *прирожденные права*, подъ которыми разумѣютъ неизмѣнныя требованія человеческой личности, основанныя на разумѣ и естественномъ законѣ. Кромѣ того, общество должно признать и обезпечить въ пользу своихъ членовъ *права приобретенныя*, актомъ отдѣльной воли, или по договору, или наконецъ въ силу семейнаго союза. Такимъ образомъ, каждому предоставлена извѣстная юридическая сфера, въ которой онъ дѣйствуетъ по самоопредѣленію, въ которую государство не можетъ вторгаться безъ особеннаго повода. Это направленіе не принадлежитъ одной какой-нибудь школѣ, не можетъ быть названо случайнымъ, но высказывается въ большей или меньшей степени и послѣдовательно всѣми писателями Англій, Франціи и Германіи, отъ половины XVII до конца XVIII вѣка. Ученики Бэкона и Декарта въ этомъ отношеніи мало различаются между собою; вездѣ политическая философія проникнута однимъ началомъ, преслѣдуетъ одну, задушевную мысль и стремится къ однимъ неизбѣжнымъ выводамъ. Такая замѣчательная стройность, такое удивительное согласіе имѣетъ свои внутреннія причины; онѣ кроются въ самомъ духѣ и характерѣ европейскихъ народовъ.

Чувство личности, какъ мы видѣли, было врождено Германцамъ; они принесли его съ собою на римскую почву и сохранили это качество на всѣхъ ступеняхъ гражданскаго быта. Новыя государства были основаны на началахъ автономіи; даже феодальныя учрежденія не могли подавить самостоятельности и произвели только политическое раздробленіе, партикуляризмъ. Всѣ завоеванія, всѣ формы, враждебныя независимости народовъ и отдѣльныхъ лицъ, сокрушились; при первомъ удобномъ случаѣ она предъявляла свои притязанія. То, что обнаружилось въ рели-

гіи, въ законахъ, въ обычаяхъ, во всей общественной жизни, должно было высказаться въ мысли. Между тѣмъ какъ въ древней философіи господствовало *объективное* направленіе, новая приняла за исходный пунктъ *субъективный разумъ*, начала свои изслѣдованія съ отдѣльнаго человѣка, поставила первую задачу опредѣлить его способности, волю и отношенія къ внѣшнему міру. Такимъ образомъ и въ политическихъ наукахъ личность прежде всего выступила впередъ съ своими требованіями, возвысилась надъ государствомъ, даже отрѣшилась отъ положительнаго закона и, опираясь на естественное право, защищала свою свободу до тѣхъ поръ, пока не измѣнила стараго, основаннаго на силѣ и преданіи порядка. Въ этомъ собственно состоитъ призваніе политической философіи XVII и XVIII вѣка, ея сила и слабость. Она вырабатывала идею личности, отчасти при помощи опыта, но болѣе путемъ отвлеченныхъ выводовъ, и отстаивала ее съ жаромъ, съ увлеченіемъ, до послѣдней крайности. Рационализмъ сначала высказался робко, сомнѣніемъ, долго имѣлъ отрицательный характеръ, то-есть признавалъ только то, что соответствовало опредѣленіямъ разума, отвергая все, ему противорѣчащее, но потомъ дошелъ до положительнаго воззрѣнія, до «категорическихъ повелѣній» Канта, призналъ разумную связь предметовъ видимаго міра, выводилъ одинъ законъ изъ другаго, какъ логическую необходимость, и наконецъ стремился разрѣшить всякое бытіе въ мысли.

Движеніе рационализма составляетъ неоспоримый прогрессъ въ развитіи человѣческаго духа. Этимъ путемъ добыты блистательные результаты въ жизни и наукѣ, именно высокое уваженіе къ личности во всѣхъ ея видахъ, освобожденіе человѣка отъ внѣшнихъ узъ, скованныхъ насиліемъ и произволомъ, независимость труда и собственности, господство разума въ общественныхъ отношеніяхъ, гражданское равенство передъ закономъ и передъ судомъ. Но, какъ всякое исключительное направленіе, рационализмъ не остановился на спасительной срединѣ, переступилъ границы умѣренности, оторвалъ человѣка отъ всего положительнаго, отвергъ все сверхчувственное, неосязательное, подрылъ въ основаніи то, чего не могъ понять въ самомъ существѣ, и привелъ своихъ поклонниковъ къ эмпиризму или къ резонерству. Первое направленіе господствовало, начиная отъ

Локка, въ Англіи и Франціи; второе—въ Германіи, гдѣ, со времени Лейбница, заботились болѣе всего о томъ, что бы согласить бытіе съ мыслию, и гдѣ наконецъ Фихте построилъ цѣлый міръ изъ человѣческаго я.

Таковъ общій характеръ раціональной философіи! Мы можемъ опредѣлить теперь ея достоинство и недостатки въ частности. Что касается формы и способа изложенія, писатели разсма- триваемаго періода стоятъ далеко выше своихъ предшественниковъ, отличаются ясностію, читаются легко, говорятъ общедоступнымъ языкомъ, привлекательно, даже щеголевато. Метода ихъ имѣетъ несомнѣнное, рѣшительное преимущество надъ прежнею; Боденъ, Маріана, де-Гротъ, кажутся безобразными и неодолимыми сравнительно съ публицистами XVIII вѣка. Въ систематикѣ науки они также сдѣлали большіе успѣхи; предметы у нихъ расположены стройно и послѣдовательно. Правда, у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ философовъ сильно проглядываетъ педантизмъ; они сухи, растянуты, безъ нужды впадаютъ въ дробность и мелочность; но этотъ упрекъ болѣе относится къ Вольфу и его послѣдователямъ. Наконецъ, одна изъ важныхъ заслугъ раціоналистовъ состоитъ въ раздѣленіи науки на части и въ само- стоятельной разработкѣ каждой изъ нихъ. Они разрушили прежнее единство морали, права и политики, и дали каждой отрасли знанія свое мѣсто. Такое отдѣленіе конечно имѣло свои невыгоды, привело къ нѣкоторымъ несообразностямъ и противорѣчіямъ, но оно было необходимо. Чѣмъ болѣе публицисты вдавались въ спеціальность, чѣмъ глубже исчерпывали содержаніе предмета, тѣмъ скорѣе добывали основательные результаты. Правда, они не заботились о примиреніи и гармоническомъ сочетаніи идей, но этого можно было достигнуть въ послѣдствіи. Признавая, однакоже, всѣ упомянутыя достоинства, должно согласиться, что немногіе писатели этого времени отличаются истинно серьезнымъ направленіемъ и научнымъ способомъ изложенія. Такъ- называемые философы, особенно энциклопедисты, поверхностны, любятъ громкую фразу, гоняются за эффектомъ до такой степени, что приносятъ ему въ жертву мысль, довольствуются вмѣсто доказательствъ частными, незначительными примѣрами, болѣе увлекаютъ своимъ остроуміемъ, чѣмъ питаютъ любознательность, трогаютъ самые капитальные вопросы слегка, отдѣ-

лываются шутками или насмѣшками вмѣсто изслѣдованія. У нѣмецкихъ публицистовъ другая крайность: ихъ сочиненія носятъ преимущественно компендіарный характеръ; они заняты болѣе методою и внѣшнею округленностью формъ, чѣмъ внутреннею отдѣлкою. Наконецъ, и тѣ и другіе часто вдаются въ бесплодное резонерство.

Относительно *содержанія*, мы уже замѣтили въ чемъ состоятъ главныя достоинства и недостатки политической философіи этого періода. Она сильна своимъ воззрѣніемъ на человѣческую личность, на ея права и требованія. Никто изъ прежнихъ писателей не ратовалъ съ такою смѣлостью и съ такимъ успѣхомъ за гражданскую самостоятельность и независимость. Англійскіе публицисты XVII вѣка были первыми ея защитниками. Въ XVIII столѣтіи эта цѣль преслѣдуется еще сознательнѣе, систематически, съ энергіею и энтузіазмомъ. Всѣ лучшіе умы переходятъ на сторону человѣка, вступаютъ за него въ борьбу съ государствомъ, принимаютъ начало свободы за коренной законъ общественной жизни, расширяютъ индивидуальныя права до послѣднихъ границъ и смотрятъ полозрительно на всякое стѣсненіе личной дѣятельности. Къ несчастію, на континентѣ эта борьба велась съ такимъ ожесточеніемъ и упорствомъ, что объ умѣренности и уступкахъ не могло быть рѣчи. Публицисты, видя невозможность преобразованій и коснѣніе общества въ старыхъ формахъ, предъявили исключительныя, одностороннія притязанія толковали только о правахъ, не упоминая объ обязанностяхъ человѣка. Идея свободы приняла у нихъ отрицательный смыслъ: они искали ее не въ государствѣ, а въ естественномъ состояніи, дѣйствительность котораго подлежала сомнѣнію, и потому ловили призраки, обманывали себя и другихъ. Публицисты вообразили, что защищая равенство, они защищаютъ свободу, а потому преслѣдовали всякое, даже естественное различіе состояній, принимали сословіе за касту и смѣшивали поземельную аристократію съ придворнымъ дворянствомъ. Отсюда произошли очень вредныя послѣдствія въ самой практикѣ, чего, разумѣется, не ожидали философы. Съ паденіемъ общинъ и корпорацій, рушились преграды, противопоставленныя централизаціи, государство сдѣлалось всемогущимъ и не встрѣчало такого сопротивленія въ разрозненныхъ массахъ, какъ прежде въ

тѣсныхъ соединеніяхъ, проникнутыхъ однимъ духомъ, одними интересами и чувствомъ политическаго достоинства. Короче сказать, человѣческая личность была оторвана отъ связей, которыя создаются закономъ подъ вліяніемъ историческихъ условій въ общественной жизни, и оставлена безъ внѣшней, видимой опоры. Это обнаружилось въ эпоху французской революціи: гражданское равенство осуществилось, но не могло остановить деспотизма; самыя рѣзкія мѣры противъ имущества и свободы частныхъ лицъ были приняты безъ оппозиціи со стороны народа. Сословія были разбиты и не защищали своихъ членовъ.

Если такимъ образомъ, при опредѣленіи правъ человѣка, философія XVIII столѣтія высказала нѣсколько односторонній, болѣе отрицательный взглядъ, тѣмъ менѣе она кажется удовлетворительною въ понятіяхъ о государствѣ. Теорія договора не выдерживаетъ критики: политическій союзъ обыкновенно вырабатывается самъ собою, въ силу внутренней своей необходимости; онъ основанъ не на контрактѣ, но на правѣ, укрѣпленъ не частною сдѣлкою, отъ которой можно отступить, но самою природою, которая дала отдѣльнымъ племенамъ и лицамъ общественный разумъ и невольный инстинктъ соединенія; въ государствѣ конечно признаются извѣстныя личныя гарантіи (*garanties personnelles*), обезпечиваются частныя и политическія права подданнымъ, но это не касается его основы, а относится къ его формѣ, къ его развитію, къ устройству. Цѣлью государства публицисты тогдашняго времени считали безопасность и благо; но въ первомъ случаѣ для людей достаточно было бы заключить простой оборонительный союзъ; понятіе же о благѣ и счастіи такъ неопредѣленно, что на практикѣ оказывается совершенно загадочнымъ, а иногда опаснымъ. Еслибы философы изучили основательно исторію, они бы пришли къ другимъ результатамъ. Но, къ удивленію, имъ даже не приходило въ голову, что характеръ государства измѣняется, смотря по положенію общества, что есть разница между обществомъ и государствомъ. Они судили съ отвлеченной точки зрѣнія.

Но въ особенности слаба философія XVIII столѣтія въ ученіи объ управленіи государственнымъ. Здѣсь неопытность и отсутствіе практическаго смысла слишкомъ замѣтны даже у лучшихъ писателей. Только въ Англіи была признана живительная сила мѣстнаго самоуправленія (*local selfgovernment*); напротивъ на

континентѣ это начало почти не имѣло защитниковъ; ббольшая часть публицистовъ склонялась въ пользу централизаціи и бюрократіи, или по крайней мѣрѣ не видѣла ясно возможности другаго порядка. Всѣ жаловались на злоупотребленія администраціи, но не находили средства устранить ихъ. Здѣсь лучшимъ учителемъ всегда былъ опытъ, котораго, къ несчастію, не доставало философамъ; они не знали вовсе практической жизни.

Но если рационализмъ не выработалъ органической системы управленія, за то поднялъ капитальные вопросы государственной экономіи. Въ этомъ отношеніи заслуги его неоспоримы. Матеріальная сторона общественной жизни была почти не тронута наукою до половины XVII вѣка, и казалась темною, загаочною. Между тѣмъ развитіе промышленности и торговли открыло верховной власти новые источники доходовъ; съ другой стороны, безпрестанныя войны требовали денежныхъ средствъ, предусмотрительности и порядка въ распоряженіи вещественными силами націи. Поэтому финансы начали играть важную роль въ политикѣ, и привлекли къ себѣ общее вниманіе. Къ сожалѣнію, первые публицисты, разрабатывая этотъ предметъ, слѣдовали рутинѣ, раздѣляли всѣ предрасудки меркантилизма, и хотѣли начертать систему государственнаго хозяйства, прежде чѣмъ поняли причины народнаго богатства. Такая ошибочная, превратная метода оказалась, какъ и должно было ожидать, несостоятельною. Не ранѣе, какъ съ половины XVIII столѣтія, то-есть съ физіократовъ, началось болѣе правильное построеніе науки. Впрочемъ и они не успѣли для нея многого сдѣлать. Собственно говоря, честь основанія общественной экономіи принадлежитъ шотландской философіи: одинъ изъ лучшихъ ея представителей, Адамъ Смитъ, въ первый разъ изложилъ стройную и цѣлостную теорію труда, и вывелъ законы, которыми могли руководствоваться правительства въ дѣлахъ народной промышленности и финансовъ. Происхожденіе этой новой отрасли знанія само по себѣ есть великое событіе; ей преимущественно Европа обязана разрушеніемъ патримоніальнаго и феодальнаго государства: экономисты вполне доказали, что оно противодѣйствуетъ общественному благосостоянію. Дальнѣйшая разработка этой науки привела къ новымъ результатамъ относительно внутренней и вѣдшней политики, о которыхъ мы скажемъ въ послѣдствіи.

Изъ этого разбора видно, что философія XVII и XVIII столѣтій, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не свободна отъ увлеченій и ошибокъ. Мы старались, сколько возможно, быть безпристрастными, и не скрывали отъ читателя, что многіе публицисты преслѣдовали ложныя идеи, и вдалились въ крайности, что нѣкоторые, забывъ свое призваніе, становились даже орудіями политическихъ страстей. Послѣдніе, конечно, вполнѣ достойны строгаго суда, произнесеннаго надъ ними исторіею. Но, къ удивленію, многіе критики настоящаго времени не отличаются большою справедливостію и разборчивостію при оцѣнкѣ отжившихъ двигателей цивилизаціи. До сихъ поръ еще часто приходится читать и слышать безпощадные поголовные приговоры надъ всѣми писателями пройденнаго періода. На нихъ преимущественно взводятъ отвѣтственность за несчастныя событія, которыми сопровождалась французская революція, за преслѣдованія и казни конвента, за всѣ смуты и войны, происшедшія въ Европѣ послѣ 1793 года. Такое универсальное обвиненіе требуетъ отвѣта; оно обыкновенно дѣлается съ цѣлью заподозрить государственныя науки въ глазахъ правительствъ и народовъ, заклеить публицистовъ именемъ демагоговъ; печальные результаты философіи XVII и XVIII вѣковъ, по словамъ защитниковъ невѣжества, доказываютъ опасность и вредъ гражданскаго просвѣщенія.

Мы сказали уже, что зародыши новой политической философіи заключаются въ самомъ духѣ европейскихъ народовъ. Она вышла непосредственно изъ требованій жизни, была подготовлена предшествующими событіями, и явилась естественнымъ, необходимымъ орудіемъ гражданскаго прогресса. Раціонализмъ поставилъ своею задачей поднять личность, возратить ей то значеніе, которое она должна имѣть въ христіанскомъ обществѣ, и которое утратила въ бурную эпоху среднихъ вѣковъ, подъ гнетомъ феодальныхъ учрежденій, среди насилія и безначалія; этимъ объясняется необыкновенный успѣхъ, огромное вліяніе писателей XVII и XVIII вѣковъ на публику. Они были органами народныхъ стремленій, проводниками идей, коренившихся въ сознаніи общества, но не изобрѣтали теорій по произволу, а требовали реформъ, согласныхъ съ нуждами вѣка, вслѣдствіе измѣнившихся условій жизни. Они дѣйствовали единодушно въ пользу постепенныхъ улучшеній, но не составляли между собою

заговора съ цѣлью ниспровергнуть существовавшій порядокъ; они вырабатывали разумныя начала гражданскаго строя мало-помалу, старались связать и примирить новое съ старымъ, и даже не предчувствовали такого быстрого, рѣшительнаго, повсемѣстнаго кризиса. Поэтому странно обвинять философію въ томъ, что будто она одна, своимъ гибельнымъ дѣйствіемъ, произвела всесокрушительный переворотъ. Демагогическія стремленія были ей чужды. Конечно, она дала свободное направленіе умамъ, новый взглядъ на жизнь, но не одобряла крутыхъ, насильственныхъ мѣръ, не проповѣдывала анархіи. Главныхъ причинъ французской революціи надобно искать глубже, именно въ самомъ обществѣ и въ исторіи. Еслибы феодальное государство отвѣчало политическимъ требованіямъ XVIII столѣтія, и имѣло опору въ сознаніи народовъ, то никакая умственная сила не могла бы подкопать его. Но оно давно отжило свой вѣкъ, и закоснѣло въ неподвижныхъ формахъ; учрежденія потеряли смыслъ, стали стѣснять дѣятельность частныхъ лицъ, и были полезны только привилегированному меньшинству. Такой порядокъ вещей не могъ продолжаться безъ опасности для цивилизаціи; разрушеніе его сдѣлалось необходимымъ для Европы. Замѣчательно однакоже, что пока надежда на постепенное преобразованіе не была потеряна, философія не объявляла беспощадной, истребительной войны прошедшему. Только тогда, когда не осталось никакихъ средствъ для мирной, законной пропаганды идей, явились энциклопедисты и фізіократы, и притомъ именно тамъ, гдѣ общество наиболѣе страдало отъ пагубной системы управленія, то-есть во Франціи. Напротивъ, въ тѣхъ государствахъ, развитіе которыхъ шло правильно, наука не только не разстраивала порядка насильственно, но содѣйствовала организаціи. Примѣромъ служитъ Англія. Здѣсь политическая философія явилась уже вслѣдствіе революціи, и въ лицѣ Локка много облегчила трудный исходъ кризиса 1688 года. Даже такъ-называемая разрушительная французская школа, при всѣхъ ея увлеченіяхъ, въ строгомъ смыслѣ не можетъ быть названа анархическою; ея представители боролись съ исторіею, вели войну съ феодализмомъ, но не ратовали въ пользу безначалія, не одобряли междоусобія и гражданскихъ смуть. Это было дѣломъ не публицистовъ, а демагоговъ, между которыми мы не находимъ ни одного имени, извѣстнаго въ наукѣ. Философія отвѣчаетъ только за

идеи своихъ учениковъ, но не за преступленія безумной толпы и ея предводителей. Энциклопедисты и физиократы не были защитниками кровопролитія, но единогласно возставали противъ смертной казни, противъ пытки, противъ изувѣчивающихъ и позорныхъ наказаній. Имъ обязана Европа уничтоженіемъ многихъ варварскихъ обычаевъ, оскорбительныхъ для христіанскаго міра, напримѣръ торга неграми; подъ ихъ вліяніемъ предприняты были великіе подвиги Говарда и Вильберфорса. Что же касается до главныхъ двигателей науки въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, они совершенно свободны отъ упрека въ прямомъ или косвенномъ посягательствѣ на спокойствіе общества: они могли, конечно, заблуждаться въ своихъ филантропическихъ порывахъ, но этого нельзя ставить въ вину друзьямъ челоуѣчества и просвѣщенія, врагамъ произвола и насилія. Критика должна отличать ошибки писателей отъ злаго умысла демагоговъ.

Итакъ, изучая безпристрастно политическую философію отъ Бэкона и Декарта до Канта, не трудно понять, что взводимыя на нее обвиненія преувеличены и несправедливы. Мы бы могли еще болѣе распространиться объ этомъ предметѣ, но чтобы не утомить читателей повтореніями, ограничимся самыми общими замѣчаніями относительно обскурантизма. Они достаточно говорятъ противъ тѣхъ людей, которые находятъ государственныя науки опасными и вредными для общества.

Цѣль политическаго писателя есть народное благо, миръ и гармонія. Онъ не можетъ не сочувствовать порядку; его призваніе состоитъ въ томъ, чтобы развивать гражданскій духъ и способствовать по мѣрѣ силъ спокойному, разумному обсужденію общественныхъ вопросовъ; онъ дѣйствуетъ путемъ довода и соглашенія, а не путемъ насилія. Междоусобія и раздоры, какъ доказываетъ исторія, начались задолго до появленія науки, и свирѣпствовали особенно тамъ, гдѣ грубые порывы страстей не обуздывались никакими политическими убѣжденіями, гдѣ толпа была слѣпымъ орудіемъ фанатизма и корысти. Азія представляетъ на каждомъ шагѣ поразительные примѣры подобныхъ явленій: ея исторія наполнена кровавыми переворотами, хотя здѣсь никто не занимался философскимъ изслѣдованіемъ государства. Римская имперія разрушена не наукою; анархія среднихъ вѣковъ поднята не схоластиками. «Вообще политическія бури, какъ справедливо

замѣчаетъ Шмиттенеръ, столько же зависать отъ публицистовъ, сколько землетрясенія и грозы отъ естествоиспытателей» (1). Еслибы посредствомъ ученыхъ сочиненій можно было по произволу создавать и разрушать государства, то конечно мы увидѣли бы много чудесныхъ явленій на землѣ: стоило бы только написать умный памфлетъ или дѣльный трактатъ о феодализмѣ, чтобъ упрочить его существованіе. Но власть публициста, даже самаго талантливаго, не простирается такъ далеко: правда, онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ много средствъ къ распространенію полезныхъ или вредныхъ идей, но какъ бы ни поддавались ему умы и сердца большинства, онъ не можетъ измѣнить естественный ходъ событий и передѣлать окружающее общество, а напротивъ, самъ подвергается его влиянію, сочувствуетъ его нуждамъ, страдаетъ его недугами, и болѣе или менѣе дѣлитъ съ нимъ одинаковую судьбу. Онъ — естественный проводникъ національныхъ стремленій, необходимый органъ общественныхъ желаній, но не болѣе. Гдѣ существующій порядокъ достигаетъ своей цѣли и согласуется съ потребностями народа, тамъ, можно сказать навѣрное, не опасны никакіе политическіе писатели. Если люди довольны и счастливы, трудно доказать имъ противное. Но предположимъ даже, что управленіе извѣстнаго государства идетъ неудовлетворительно, что нація отъ него страдаетъ, и въ такомъ случаѣ изслѣдованіе недостатковъ принятой системы не повредитъ гражданскому строю: чтобъ исправить зло, надобно понять сначала, въ чемъ оно заключается, какія имѣетъ причины. Мракъ не исцѣлитъ общественныхъ ранъ, не скроетъ страданій политическаго организма, не притупитъ его чувствительности. Если человѣкъ не знаетъ, откуда происходитъ боль, онъ тѣмъ сильнѣе беспокоится, тѣмъ меньше даетъ себѣ отчета въ своей досадѣ, тѣмъ скорѣе обращаетъ злобу и месть на невинныя лица. То же бываетъ съ обществомъ: невѣжество не облегчитъ, а только усилитъ его страданія, сдѣлаетъ ихъ невыносимыми. Просвѣщеніе, напротивъ, объяснитъ свойства недуга и найдетъ, если возможно, способы врачеванія!..

«Но въ наше время, говорить лордъ Брумъ, едва ли нужно до-

(1) *Schmitthener*, Zwölf Bücher vom Staate, oder Encyclopädie der Staatswissenschaften (Giessen, 1839), I, 113.

казывать серьезно пользу и важность политическаго просвѣщенія. Все христіанскія государства сознають, что оно необходимо. Разумѣется, злоупотребленія возможны въ наукѣ въ такой же степени, какъ и въ религіи; но обскурантизмъ не предотвратитъ ихъ. Способность наблюдать и объяснять общественныя событія и жажда знанія врождена людямъ; уничтожить ее запрещеніемъ науки нельзя» (1). Тамъ, гдѣ нѣтъ гласности, гдѣ идеи не имѣютъ исхода, гдѣ граждане лишены всякихъ средствъ къ правильному политическому образованію, гдѣ нѣтъ естественныхъ проводниковъ національныхъ стремленій, — народъ дѣлается добычею обманщиковъ и шарлатановъ, которые несравненно опаснѣе публицистовъ и легко ускользаютъ отъ всякой отвѣтственности передъ закономъ. Эти невѣжественные, доморощенные политики обыкновенно ведутъ подземную, разрушительную работу, и при всякомъ кризисѣ становятся руководителями толпы; они дѣйствуютъ не перомъ, но оружіемъ, не на общественное мнѣніе, а на низкія страсти. Подъ ихъ начальствомъ обыкновенно совершаются походы на торговцевъ хлѣбомъ во время дороговизны, на медиковъ во время повальной болѣзни, на машины, фабрики и т. д. Каждый согласится, что такіе подвиги не внушаются наукою, до какого бы односторонняго направленія она ни доходила. Гражданскій энтузіазмъ публициста не имѣетъ ничего общаго съ яростію фанатика и звѣрствомъ демагога.

Д. Каченовскій.

(1) *Lord Brougham, Discourse of the objects, pleasures and advantages of political science*, edited by the Society for diffusion of useful knowledge (Knight's shilling series, pp. 167, 168). Эта замѣчательная рѣчь «О предметѣ и пользѣ политическихъ наукъ» помѣщена также въ «Политической философіи» лорда Брума, изданной Обществомъ распространенія полезныхъ знаній въ трехъ томахъ (London, 1853. Third edition).

ЧЁРТЫ РУССКИХЪ ПРАВОВЪ

XVIII СТОЛѢТІЯ ¹

II.

МОДНЫЙ СВѢТЪ

Въ частной и общественной жизни высшихъ слоевъ общества у насъ въ XVIII столѣтіи, въ свѣтскихъ нравахъ и обычаяхъ, замѣчается сильное чужеземное вліяніе. Въ этомъ отношеніи особенно важно было знакомство наше съ Французами. Современники Екатерининской эпохи признавались, что Нѣмцы, Голландцы и Англичане никогда бы не смягчили такъ нашихъ нравовъ, какъ смягчило ихъ частое обхожденіе съ Французами и путешествія въ Парижъ.

Но какъ при первомъ знакомствѣ нашемъ съ Европою общество русское стояло на весьма невысокой ступени умственного и нравственного образованія, то понятны крайности и односторонность его увлеченій внѣшностію европейской жизни, свѣтскими условными приличіями и обыкновеніями. Что въ разсудникъ истиннаго просвѣщенія, насажденный Петромъ Великимъ и его сподвижниками, вторглись разные плеведы, въ томъ виновата не западная цивилизація, виноваты мы сами, наша молодость

(1) См. «Русскій Вѣстникъ», № 16-й 1857.

и неразвитость. Медленно и съ трудомъ усвоивая себѣ богатые свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ наукъ и высоко-гуманныя идеи, вызванныя къ жизни европейскимъ образованіемъ, мы какъ дѣти бросились на то, что кидалось намъ въ глаза и нравилось своею яркостью и блескомъ: на моды, роскошь и свѣтскія удовольствія. Подъ французскими кафтанами еще долгое время таились грубые старинныя нравы; наружная утонченность вѣжливости очень часто прикрывала внутреннюю пустоту и мрачныя убѣжденія. Такія противорѣчія заставили Сумарокова и другихъ литераторовъ выступить съ обличительнымъ протестомъ. Сатирическіе журналы, со всею энергіей патріотическаго негодованія, наравнѣ съ темными явленіями старины, осмѣивали и крайности односторонняго увлеченія чужеземнымъ, и въ ихъ насмѣшкахъ замѣчается подчасъ желчное остроуміе.

На листкахъ *Кошеляка* напечатано слѣдующее письмо защитника французскихъ нравовъ:

«Чортъ меня возьми! по чести моей, я объ васъ сожалею. Вы (г. издатель *Кошеляка*) родились въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ великія ваши добродѣтели блистательны быть не могутъ: ваша любовь къ отечеству и къ древнимъ русскимъ добродѣтелямъ не что иное, какъ, если позволено будетъ сказать, сумазбродство. Пріятель мой! вы поздно родились или не въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы вы мнѣніями своими могли прославиться. Время отъ времени нравы перемѣняются, а съ ними и нравоучительныя правила... Перестаньте понапрасну марать бумагу; нынѣ молодые ребята всѣ живы, остры, вѣтренны, насмѣшливы, вить они васъ засмѣютъ со всею вашею древнею къ отечеству любовью. Вамъ было должно родиться давно, давно, то-есть когда древнія русскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно: когда русскіе цари въ первый день свадьбы своей волосы клеили медомъ, а на другой день парились въ банѣ вмѣстѣ съ царицами и тамъ же обѣдали; когда всѣ науки заключались въ однихъ святцахъ; когда разные меды и вино пивали ковшами; когда женились, не выдавъ невѣсты своей въ глаза; когда всѣ добродѣтели замыкались въ густотѣ бороды; когда за различное знаменованіе... сожигали въ срубахъ или изъ особливаго благочестія живыхъ закапывали въ землю, словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ

тѣхъ добродѣтелей, кои отъ просвѣщенныхъ людей именуются нынѣ варварствомъ. Тутъ-то бы вы прославились! Я думаю, что вы бѣднымъ Французамъ не дали бы и Нѣмецкой слободы въ Москвѣ; но всѣхъ бы ихъ выгнали изъ государства, или еще изъ особенной ревности приказали бы всѣхъ ихъ сечь: то-то бы славное было дѣло! Но шутки въ сторону; вы, государь мой, весьма смѣшной проповѣдникъ! Проповѣдуете пороки подъ именемъ добродѣтелей и хотите, чтобы вамъ вѣрили... Вы стараетесь привлекать людей къ тому, отъ чего съ превеликою трудностію ихъ отторгали: вы конечно худо поняли намѣреніе Ж. Ж. Руссо, съ которымъ онъ утверждалъ свою систему. Скажите мнѣ, не хочется ли вамъ, чтобы путешествіе въ Парижъ, молодыми нашими дворянами предприемлемое для познанія свѣта и для просвѣщенія своихъ единосемцевъ, запретили? Не желаете ли, чтобы науки, въ Россію, помощію обращенія съ Французами, съ великимъ трудомъ введенныя, опять изъ Россіи изгнаны были вмѣстѣ съ Французами? Не того ли ищете, чтобы бросили французское платье, претворившее насъ изъ варваровъ въ Европейцевъ? И если это такъ, такъ вы великую имѣете причину сожалѣть о старомъ платьѣ, ибо оно и красиво и покойно: въ которомъ платьѣ спишь, въ томъ можно и въ гости къ женщинамъ ходить... Ха, ха! какой вы чудакъ! Прославляя древнія русскія добродѣтели, вы, кажется мнѣ, не потрудились поискать о томъ извѣстія въ иностранныхъ о Россіи писателяхъ, но довольствовались утвердиться на словесныхъ объявленіяхъ старожиловъ, которые говорятъ: въ старину—то было хорошо жить; въ старину—то были люди богаты; въ старину—то хлѣбъ родился; въ старину—то были люди умны!»

Въ заключеніи письма высказано, что Россія только тогда можетъ назваться просвѣщенною страной, когда всѣ крестьяне наши будутъ разумѣть по-французски (1).

Рядомъ съ этимъ письмомъ любопытно будетъ прочитать другое, подписанное *Люборуссовымъ*, на котораго уже избранный псевдонимъ указываетъ, какъ на защитника народности.

(1) Стр. 52—80.

«Люблю я, говорить онъ, Русскихъ, потому что происхожу отъ русскихъ людей; люблю русскіе столы, ибо кажется мнѣ, что у Нѣмцевъ для русскихъ желудковъ оныя голодноваты; люблю по-русски ужинать, ибо не вѣрю, чтобъ испортился отъ того желудокъ, а полагаю, что тѣ, которые не ужинаютъ, стараются больше сберечь деньги, нежели ихъ здоровье. Щи, потрохъ, селянка, рубцы, говядина, дворовыя птицы и прочія русскія кушанья чрезвычайно мнѣ пріятны, а суповъ, фрикасеевъ, рагу, дичи, биресовъ, клюквы со сметаной, сыру съ червями и прочихъ иностранныхъ поваренныхъ выдумокъ хотя бы для меня и на свѣтѣ не было! ибо кажется мнѣ, что многія изъ нихъ выдуманы не для вкуса, а только для того, чтобы чѣмъ-нибудь (хотя и худымъ) набить свой желудокъ и сберечь хорошіе принасы для продажи и скопленія денегъ. Почитаю русскую одежду для того, что она проста и покойна, не такъ какъ иностранная, которая изобильна не нужными многочисленными прорѣхами (1). Говорю я по-русски, а другихъ языковъ хотя нѣсколько разумѣю, но говорить на оныхъ не могу, да и не хочу; ибо кажется мнѣ, будто они противъ нашего недостаточны, да и расположеніе ихъ чудно...»

Въ приведенныхъ нами письмахъ высказались тѣ два противоположныя убѣжденія, которыя и послѣ долгое время слышались въ нашемъ обществѣ, заправляли литературными отзывами и служили неисчерпаемымъ источникомъ журнальной полемики. Обѣ стороны желали высказать истину, но, подъ угломъ болѣе или менѣе крайнихъ воззрѣній, не всегда достигали своей цѣли. «Какъ истребить, спрашивалъ фонъ-Визинъ, два сопотивныя и

(1) «Трудолюбивый Муравей», въ которомъ напечатано письмо Любоусова (стр. 169—171), помѣстилъ на своихъ страницахъ статью: О старинномъ русскомъ платьѣ бояръ, дворянъ, приказныхъ, купцовъ и боярынь (стр. 97). «Всякая Всячина», насмѣхаясь надъ тѣми, которые даже на своихъ крестьянахъ желали видѣть нѣмецкіе кафтаны, напечатала письмо, гдѣ въ защиту народной русской одежды выставались ея пластичность, удобство и соотвѣтственность съ климатическими условіями. Къ этому письму редакторъ присоединилъ свое замѣчаніе, что русское платье сходнѣе съ холоднымъ климатомъ, но что всякая долгая

оба вредные предрасудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо? *Временемъ и знаменемъ*, отвѣчала Екатерина Великая. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что трудная задача объ отношеніяхъ народности къ общечеловѣческому образованію никогда не была разрѣшаема такъ *практично*, какъ въ сатирическихъ изданіяхъ 1769—1774 годовъ. Они не щадили темныхъ сторонъ русскаго быта, ни тѣхъ, какія наследованы отъ до-петровской старины, ни тѣхъ, какія возникли вслѣдствіе слѣпаго пристрастія къ чужеземнымъ обычаямъ; нападая на ложь условныхъ приличій и неразборчивость нашу при выборѣ иностранныхъ гувернеровъ, они съ чувствомъ полнаго уваженія относились къ европейской наукѣ и ея представителямъ. Не мѣшаетъ указать на эту достойную подражанія черту тѣмъ изъ новѣйшихъ защитниковъ народности, которые далеко не воспитали въ себѣ подобной трезвости взгляда: теперь, когда серьезно стали мы смотрѣть на задачу просвѣщенія, когда несравненно полнѣй и отчетливѣй, нежели наши предки, познали блага, доставляемые цивилизаціей, когда въ самомъ обществѣ почти исчезло крайнее увлеченіе иноземнымъ,—теперь, казалось бы, съ большимъ правомъ можно ожидать и терпимости и безпристрастія!

Въ высшихъ кружкахъ русскаго общества, въ прошломъ столѣтіи, воспитаніе дѣтей и юношей поручалось иностраннымъ дядькамъ, мадамамъ и учителямъ, наиболѣе охотно Французамъ и Француженкамъ. Если богатые и знатныя фамиліи, располагая огромными матеріальными средствами и усвоивъ себѣ европейскую образованность, безъ особенныхъ трудностей могли вызывать изъ-за границы учителей и гувернеровъ, дѣйствительно свѣдущихъ и достойныхъ; то для другихъ выгода эта была рѣшительно недоступна: при недостаточномъ образованіи самихъ родителей не легко было имъ выбрать добраго воспитателя, не

одежда отнимаетъ проворство и поворотливость: еслибы къ французскому кафтану прибавить, что у него не достаетъ, или у русскаго платья убавить все лишнее, то можно бы составить одежду, приличную климату и согласную съ здравымъ разсудкомъ.

говоря уже о препятствіяхъ, полагаемыхъ состояніемъ. Но духъ подражанія, владычество моды и примѣры большаго свѣта были слишкомъ сильны. Большинство стало принимать къ себѣ иностранныхъ учителей и гувернеровъ, не разбирая ни нравственныхъ ихъ достоинствъ, ни познаній; думали только о наружномъ лоскѣ и заботились, чтобы воспитаніе удовлетворяло принятымъ обыкновеніямъ и стало подешевле. Въ статьѣ о воспитателяхъ, напечатанной въ *Вечерахъ*, по этому поводу сказано: «Можно признаться, что мы черезъ французскій языкъ, а не черезъ французскихъ учителей, новыя приобрѣли знанія, возстановили хорошій вкусъ въ литературѣ. . . Но чѣмъ мы сей націи вподлинну обязаны, за то благодарить ее и почитать должно, не ослѣпяясь однако именемъ человѣка, который на Сенѣ родился. По какому-то непонятному пристрастію къ уроженцу парижскому или другаго городка древнихъ Галловъ, мы надѣемся въ каждомъ изъ сихъ гостей, которые въ наше отечество втираются, находить сію великость духа, остроту разума и справедливость сердца, какимъ въ ученыхъ и преславныхъ Французахъ дивимся. . . Желать открыть дорогу своимъ дѣтямъ къ новымъ познаніямъ черезъ французскій языкъ—похвально; но не имѣть попеченія о ихъ нравахъ, любви къ отечеству, любви къ ближнимъ—безбожно!» (1) Толпы иноземцевъ, нисколько не приготовленныхъ къ важному дѣлу воспитанія, явились на Руси съ предложеніемъ своихъ корыстныхъ услугъ, и имъ-то многіе родители стали неосторожно вѣрять будущую надежду отечества. Насмѣшливый *Трутень*, въ своихъ сатирическихъ вѣдомостяхъ, публиковалъ:

«*Кронштадтъ*. На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бордо корабль; на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 Француза, сказывающіе о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы, и что они, будучи несчастливы въ своемъ отечествѣ, до такой приведены крайности, что для приобретенія золота принуждены были ѣхать въ Россію. Они въ своихъ разказахъ солгали очень мало, ибо, по

(1) Ч. I, стр. 10—12 (изд. 2-е).

достовернымъ доказательствомъ, всё они природные Французы, упражнявшіеся въ разныхъ ремеслахъ и въ должностяхъ третьяго рода; многіе изъ нихъ въ превеликой ссорѣ съ парижскою полиціей,» которая и попросила ихъ выбраться изъ столицы. «Ради того прѣехали они сюда и намѣрены вступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей» (1).

Что дѣйствительно бывали подобные воспитатели, этотъ грустный фактъ засвидѣтельствовало самое законодательство. Въ именномъ указѣ 12-го января 1755 года, которымъ утверждено основаніе Московскаго университета, сказано, что «у большей части помѣщиковъ жили на дорогомъ содержаніи учителя, изъ которыхъ многіе не только не могли преподавать науки, но и сами ничего не знали; оттого лучшее время для воспитанія пропадало даромъ. Иные же родители, не имѣя знанія въ наукахъ или по необходимости не сыскавъ лучшихъ учителей, принимали такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали.» Въ замѣнъ такихъ невѣжественныхъ воспитателей необходимы, по словамъ указа, національные надежные люди для заведенія, при посредствѣ ихъ, училищъ по большимъ городамъ.

И современные записки, и комедіи оставили намъ довольно характеристическихъ указаній, подтверждающихъ отзывы журналовъ (2). Не останавливаясь однако на этихъ источникахъ, воспользуемся обильными матеріалами, записанными въ сатирическихъ изданіяхъ. Прежде всего приведемъ письмо Фомы Стародурова къ пріятелю, съ просьбою прискивать для его внуковъ учителя, письмо, написанное съ такимъ же талантомъ, какъ и всѣмъ извѣстное письмо его превосходительства Дурыкина, принадлежащее перу фонъ-Визина.

«Ты знаешь (пишетъ Стародуровъ), что я уже человекъ пожилой, слишкомъ лѣтъ въ шестьдесятъ, итакъ нынѣшнія поведенціи кажутся мнѣ очень чудны, такъ что имъ не могу надивоваться, и онѣ же денежки очень таскаютъ. Дѣды наши были

(1) 1769 г., стр. 125—6.

(2) Записки Болотова (Отеч. Зап. 1850, № 5 стр. 31), комедіи фонъ-Визина и Екатерины II.

хотя и не такъ смышлены, какъ нынѣшніе молодчики, однако, сказать правду-матку, были они насъ гораздо покрѣпче да и побогатѣе; иноземскія прихоти были имъ незнакомы. Я про себя скажу, чтобы конечно не прежде, какъ лѣтъ въ двадцать пять зачалъ я учиться російской азбукѣ, еслибы не было у насъ государя императора Петра I, который дворянъ велѣлъ выгонять въ службу. Тогда и я попался на Сухареву башню и зѣло поучень былъ въ арихметикѣ... Нынѣ же шестилѣтній ребенокъ болтаеть по-французскому или по-нѣмецкому — хоть куда поди! Этотъ манеръ завелся и у деревенскихъ дворянъ, такъ что за инымъ не болѣе 300 душъ, а у него живетъ иноземецъ и дереть съ него очень, очень порядочныя денежки. Мнѣ, правда, хочется, чтобы и мои внучаты нынѣшнимъ-то наукамъ поучены были, однако не могу найти учителя по своему достатку, а бросать деньги даромъ я право не привыкъ: мнѣ всякая полушка побтомъ приходитъ. Третьяго года хотѣлъ было я ихъ записать въ кадетскій корпусъ и поубавилъ имъ года по четыре съ небольшимъ, однако ихъ по лицу узнали, что они старѣе шести лѣтъ. Итакъ я принужденъ былъ учить ихъ дома русской грамотѣ, и они у пономаря моего выучились читать и писать. Послалъ бы ихъ въ Питеръ въ школу, да право нѣтъ силы, а притомъ боюсь, чтобы они отъ иноземцевъ не научились ихъ отступничеству и не привыкли бы по постамятѣ есть мясо. Однако, что дѣлать? надобно ихъ учить, а то нынѣ, сказываютъ, безъ наукъ-то немного получишь. Пожалуй, другъ мой, выпиши мнѣ изъ Питера какого добренькаго человѣчка, который бы взялся двухъ моихъ внучатъ учить по-французскому, по-нѣмецкому, егографіи, исторіямъ, иноземской пляскѣ, арихметикѣ и другимъ нынѣшнимъ наукамъ; только, пожалуй, поторгуйся съ нимъ хорошенько; а я уже, какъ быть! дамъ ему въ годъ рублей сорокъ, а особливо когда станетъ онъ у меня смотрѣть въ бѣдномъ моемъ домишкѣ за холопишками, за животиной, за хлѣбомъ и за сѣномъ. А то я уже становлюсь старъ, и за всѣмъ не усмотришь. Если за эти деньги найти не можно, то, что дѣлать! хоть рубли по полтора и прибавить, а болѣе платить я право не въ состояніи. Вить при старости съ голоду умереть не хочется, да мнѣ же и стѣны всѣ станутъ смѣяться, если въ одинъ годъ употреблю на

иноземца столько, сколько самому мнѣ не издержать и три года. Отъ двухъ тысячъ душъ не встаети тянуться за большими боярами и учить дѣтей нынѣшнимъ наукамъ... Пожалуй, другъ мой, постарайся поискать подешевле, а великая бы милость Божія, когда бы можно было сыскать рубликовъ за двадцать за пять или ровно за двадцать» (1).

При общемъ недостаткѣ въ учителяхъ, *дешевые* воспитатели были конечно и самые негодныя, отъ которыхъ нечего было ожидать добра. *Всичина* разказываетъ, что въ одномъ домѣ такъ дорого платили порядочному учителю, что мать за нужное сочла отпустить его, чтобъ имѣть возможность прибавить повару лишнихъ сто рублей; а для сына былъ выбранъ другой наставникъ *подешевле*, изгнанный изъ своего отечества «съ напечатаніемъ герба распустившейся лилеи на спинѣ» и не знавшій даже грамотъ. Не посчастливилось ему и въ Россіи, ибо между имъ и полиціей возникло нѣкоторое недоразумѣніе: полиція доказывала, что онъ воровалъ, а наставникъ утверждалъ, что слово: «воровалъ», крайнимъ невѣжествомъ выдуманно. Когда этотъ дешевый учитель попалъ въ тюрьму, матушка очень сожалѣла: «Гдѣ мнѣ найти другаго столько дешеваго?» говорила она. Однако она утѣшилась тѣмъ, что вскорѣ прибыли въ Москву кучеръ, поваренокъ, парикмахеръ и егеръ французскаго посла, которые не захотѣли съ нимъ обратно ѣхать, а рѣшились заняться воспитаніемъ русскаго благороднаго юношества (2). Можно ли, спрашивалъ сотрудникъ одного сатирическаго журнала, рассчитывать на нравственное развитіе ребенка, отданнаго на руки такого человѣка, достоинства котораго заключаются только въ томъ, что онъ родился во Франціи и дешево беретъ за ученіе? «Смѣхъ и жалость я чувствую, когда вспомню о томъ контрактѣ, какой видѣлъ я въ Москвѣ, между однимъ господиномъ и оборваннымъ Французомъ, изъ лотерейнаго разнощика учителемъ сдѣлавшимся. Учитель показался не дорогъ, и контрактъ заключенъ съ нимъ такого содержанія: 1) «Я Пьеръ де-Фадэ обязуюсь получать отъ господина NN каждую недѣлю штофъ водки и каждый день

(1) «Полезное съ Приятнымъ», полумѣс., 2 стр. 23—7.

(2) Стр. 114—6.

по одной бутылкѣ французскаго вина; 2) потому что я, де-Фадѣ, истинный норманскій дворянинъ, то мнѣ должно имѣть три раза въ недѣлю для выѣзда экипажъ съ кучеромъ и лакеемъ, которымъ много дѣла не будетъ, какъ возить меня, де-Фадѣ, по всему городу къ моимъ товарищамъ; 3) когда я своихъ пріятелей посѣщаю, то естественно, что и они посѣщаютъ меня будутъ, а для того имѣть мнѣ другіе три дни особый столъ... Жалованья мнѣ получать 500 рублей, а я, Пьеръ де-Фадѣ, обязуюсь обучать дѣтей помянутаго NN своему природному языку, благодравію и всему, что я знаю.» Отецъ и мать плакали отъ радости, найдя такого ученаго мужа; стали *дѣтки* учиться, черезъ полгода позабыли русскую грамоту и плохо узнали французскую, черезъ годъ выучились въ банкъ и квинтичъ, скоро потомъ узнали бильярдные дома и наконецъ промотали отцовское имѣніе (1). И что другое могли дать подобные воспитатели? Сами чуждые основательнаго образованія, они много-много могли выучить своему родному языку. Науки оставались на второмъ планѣ, а то и вовсе до нихъ не было дѣла. Умѣніе одѣваться со вкусомъ, любезность, грація виѣшнихъ пріемовъ, ловкость въ танцахъ, вотъ главное, на что обращалось особенное вниманіе гувернеровъ. О твердомъ нравственномъ воспитаніи, безъ сомнѣнія, не могли думать ни фонъ-визиневскій Вральманъ, ни мусье де-Фадѣ. Такая сторона современнаго воспитанія особенно мѣтко осмѣяна сатирическими статьями *Кошелька*. Въ этомъ журналѣ между прочимъ напечатано было письмо одного марсельскаго, ремесленника къ сыну:

«Ты находишься въ Петербургѣ, ты Французъ, ты мой сынъ... Послѣ всего этого я не умру съ голода. Безъ сомнѣнія ты уже нашелъ въ Петербургѣ прибыточное мѣсто и имѣешь деньги; раздѣли же ихъ съ отцомъ твоимъ. Ты требовалъ, чтобъ я прислалъ тебѣ отсюда дворянскій паспортъ, но я не могъ достать онаго, и съ превеликою трудностію получилъ мѣщанскій: непорядочная твоя въ молодости жизнь тому причиною... Я сторговалъ было паспортъ послѣ одного бѣднаго капитана, умершаго скоропостижно, но, не могши достать денегъ, упустилъ оный,

(1) «Вечера» ч. 1, стр. 12—15 (изд. 2).

а купилъ его сынъ нашего сосѣда, бочара, и съ онымъ отправился въ Петербургъ, чтобы вступить въ военную службу.» По справкамъ, прибавляетъ издатель журнала, оказалось, что этотъ Марселецъ на границахъ Россійской имперіи произвелъ себя въ шевалье де-Мансонжъ и поступилъ въ С. Петербургъ къ одному знатному дворянину учителемъ его дѣтей за 500 рублей въ годъ, да сверхъ того получаетъ еще столъ, слугу и карету. Чтобы ближе познакомить публику съ этимъ мнимымъ шевалье, *Кошелекъ* напечаталъ два разговора его съ Нѣмцемъ и съ Русскимъ.

«— Скажите мнѣ, спрашиваетъ его Нѣмецъ, — чему будете обучать поручаемыхъ вамъ воспитанниковъ? ибо между нами сказать, вы и сами, кромѣ французскаго языка, ничего не разумѣете, а въ этой наукѣ всякой французскій сапожникъ не менѣе вашего учень!

«— Что за нужда! отвѣчаетъ Французъ. — За чтѣмъ бы ни давали мнѣ деньги, лишь бы я получалъ ихъ! Глупо дѣлаютъ родители, что поручаютъ воспитаніе дѣтей своихъ мнѣ, а я напротивъ того дѣлаю очень умно, желая получить деньги даромъ. Въ должность учителя я вступаю не для того, чтобы учить моихъ воспитанниковъ, но чтобы запастись деньгами. А накопя нѣсколько денегъ и сойдясь съ молодыми людьми, сдѣлаюсь и учителемъ и купцомъ. Начну выписывать французскіе товары и постараюсь получать ихъ безошлинно. Примѣчайте теперь, какъ они достанутся мнѣ дешево: пошлина не плачена, лавки для нихъ не нанимаю, купеческихъ поборовъ не плачу и никакихъ тягостей не несу. Товары мои стану распродавать знакомымъ молодымъ людямъ за наличныя деньги, а если въ долгъ, то стану приписывать въ счетахъ и брать векселя. Въ пять лѣтъ буду я имѣть нѣсколько тысячъ рублей, и ворочусь въ свое отечество. Межь тѣмъ, какъ и самая справедливость того требуетъ, буду ругаться орудіями, служившими къ моему обогащенію, какъ варварами и невѣждами!»

Съ такими надеждами приступалъ шевалье де-Мансонжъ къ труднымъ занятіямъ воспитателя. Вѣрный своей методъ, въ свободное время занимался онъ передѣлкою простаго рулянаго, тертаго табаку въ *розовый*, и продавалъ его по 5 и по 10 рублей за

фунтъ (1). О торговыхъ спекуляціяхъ французскихъ губернаторовъ упоминаетъ и *Адская Почта* (2).

Согласно съ принятою системою воспитанія, богатые родители считали необходимымъ отпускать своихъ взрослыхъ сыновей за границу, чтобы, путешествуя по западной Европѣ, закончили они тамъ свое блестящее образованіе: мысль прекрасная! Польза такихъ путешествій, предпринимаемыхъ послѣ достаточнаго приготовительнаго воспитанія, велика и несомнѣнна. Еще *Всякая Всячина* настаивала, чтобы, отпуская молодыхъ людей въ чужіе края, опредѣляли предметъ, для изученія котораго они посылаются. По порученію императрицы, И. И. Бецкій въ 1782 году составилъ прекрасный планъ для путешествія молодыхъ людей за границей съ цѣлью образованія. Но юные недоросли, избалованные дома и привычкою къ роскоши, и окружавшею ихъ лѣнью, выросшіе подъ руководствомъ невѣжественныхъ губернаторовъ и отцовъ, мечтали не о трудахъ, а о наслажденіяхъ парижской жизни. Что могли они вывезти прочнаго изъ-за границы, куда вырывались на полную свободу, и гдѣ на каждомъ шагу искали однихъ соблазновъ, гдѣ женщины были такъ увлекательны, а общественныя развлеченія такъ легко доступны, гдѣ роскошь въ то время являлась во всемъ изящномъ блескѣ? По отзывамъ современниковъ, они со страстію предавались празднои и шумной жизни, проматывали въ большихъ европейскихъ городахъ цѣлыя состоянія, и никогда не заглядывали въ тѣ мѣста, гдѣ обитали науки (3). *Трутенъ* жаловался, что молодые люди вывозили изъ чужихъ земель только свѣдѣнія о томъ, какъ тамъ одѣваются, какія бываютъ зрѣлища и увеселенія, а никто не разкажетъ о нравахъ, учрежденіяхъ и узаконеніяхъ просвѣщенныхъ народовъ (4). Много смѣшнаго можно было подмѣтить въ этихъ

(1) Стр. 138—144, 17—44.

(2) Стр. 25.

(3) «Адская Почта» стр. 193. «И то и се», недѣля 2, 4.

(4) 1770 г. стр. 63 — 64. Сличи съ первою сатирой Кантемира. На подобныхъ путешественниковъ «Трутенъ» (1769 г. стр. 45—46) въ своихъ сатирическихъ вѣдомостяхъ напечаталъ слѣдующую злоую замѣтку: «Молодаго російскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ

путешественникахъ, и комедія не замедлила воспользоваться такимъ богатымъ источникомъ. Комедія у насъ постоянно шла объ руку съ сатирою, взаимно восполняя другъ друга и помогая одна другой. Подобно сатирѣ, комедія обратила самое тревожное вниманіе на воспитаніе, какъ на главный жизненный вопросъ. Фонъ-Визинъ посвятилъ этому вопросу три комедіи. Въ яркихъ, типическихъ образахъ и строго-комическихъ положеніяхъ, осмѣялъ онъ и недостатки того воспитанія, которое основывалось на букварѣ, и пустоту легкаго свѣтскаго воспитанія, подъ руководствомъ невѣжественныхъ гувернеровъ. Въ *Бригадиръ* Фонъ-Визинъ коснулся тѣхъ безплодныхъ, совершаемыхъ глупыми недорослями путешествій, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ *уму своему*, онъ говорить:

Ты хочешь здѣшніе обычаи исправить,
 Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,
 И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,
 Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они,
 Когда безъ твоего полезнаго совѣта
 Возами ихъ везутъ со всѣхъ предѣловъ свѣта.
 Когда бы съ дураковъ здѣсь пошлина сходила,
 Одна бы Франція казну обогатила...
 Но, видно, мы за то съ нихъ пошлину не собираемъ,
 Что сами сей товаръ къ Французамъ отправляемъ, и пр. (1)

Въ подобныхъ нападкахъ сатирическихъ писателей XVIII вѣка на французскихъ гувернеровъ и русскихъ баричей, странствовавшихъ въ Парижъ, нельзя не замѣтить нѣкоторой доли преувеличенія; сатира такъ легко переходитъ въ карикатуру, а писатель, тревожно занятый интересами своей эпохи и возмущенный ея недостатками, съ большимъ насиліемъ для себя можетъ выдерживать хладнокровное безпристрастіе; обыкновенно овладѣваетъ имъ жажда беспощаднаго осмѣянія тѣхъ крайностей, въ

для просвѣщенія своего разума, и который воротился уже совершенною свиньею, желающіе могутъ видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города.»

(1) Въ 1774 году была напечатана при Московскомъ университетѣ комедія: «Воспитаніе» (въ пяти дѣйствіяхъ), касающаяся того же вопроса.

которыхъ видится ему источникъ нравственнаго зла. Зло конечно существовало; это засвидѣтельствовано передовыми людьми прошлаго столѣтія, вовсе не старовѣрами, а людьми, горячо преданными европейскому образованію, каковы: Фонъ-Визинъ, Новиковъ и сама императрица. Но нападаая на него, писатели не всегда выдерживали должную мѣру. Не все же были Вральманы; были изъ иноземцевъ и такіе, которые дѣйствительно научили нашихъ предковъ многому добру. Особенно рѣзкая односторонность замѣчается въ журнальныхъ обвиненіяхъ французскихъ гувернеровъ и учителей въ томъ, что они внушали своимъ воспитанникамъ презрѣніе къ отечественнымъ нравамъ и безконечное уваженіе къ французскимъ. Понятно, что люди, рожденные въ странѣ высшей цивилизаціи и привыкшіе къ инымъ, болѣе мягкимъ и человѣчнымъ нравамъ и обычаямъ, съ гордымъ сознаниемъ своего народнаго достоинства говорили о своемъ отечествѣ, и непривѣтливо смотрѣли на наши суровыя обыкновенія и откровенную грубость въ обхожденіи. Если Фонъ-Визинъ, одинъ изъ замѣчательно-свѣтлыхъ умовъ своего времени, съ непріязненнымъ чувствомъ замѣтилъ, что во Франціи лакеи, сидя въ передней, не вскакиваютъ съ мѣстъ передъ господами, проходящими мимо этихъ *скотовъ*; если Фонъ-Визинъ былъ непріятно пораженъ тѣмъ, что французскіе офицеры гуляли по улицамъ безъ слуги, то какъ должны были поражаться европейскими нравами люди, стоявшіе далеко ниже Фонъ-Визина по уму, по образованію, и съ дѣтства воспитанные въ грубыхъ и не совѣмъ чловѣчныхъ убѣжденіяхъ? Съ другой стороны, какъ должны были поражать иноземцевъ, выросшихъ среди иныхъ обычаевъ, наше безцеремонное обращеніе съ подчиненными и слугами, наша барская спѣсь и семейная автократія! Передавая своимъ ученикамъ презрѣніе къ такимъ суровымъ нравамъ, они конечно дѣйствовали не совѣмъ недобросовѣстно.

Въ воспитаніи дѣвицъ мадами и гувернантками также главное вниманіе было обращено на внѣшній лоскъ и нзружныя формы. Почти съ того дня, какъ разставались дѣвочки съ своими кормилицами, начинали ихъ наряжать, потомъ учили танцовать, выпрямливали станъ, заставляли голову носить предписаннымъ образомъ и поворачиваться по циркулю, подъ опасеніемъ не выйдти

никогда замужъ, если не будутъ ходить, глядѣть и двигаться прямо; о томъ же, чтобы приготовить изъ нихъ добрыхъ хозяекъ, образовать ихъ умъ и сердце, почти совсѣмъ не заботились (1). Приведемъ откровенное признаніе модницы, записанное *Трум-мель*:

«Батюшка покойникъ, скончавшись третьяго года, избавилъ меня отъ ужасныхъ хлопотъ и безпокойства. Ты удивишься, какъ я тебѣ скажу; у васъ въ Петербургѣ и въ голову никому это не входило. Послушай, да не засмѣйся: уморишь, радость! Я принуждена была смотрѣть за курами, за гусями и деревенскими бабами — ха, ха, ха! Разсуди, радость, сносно ли благородной дворянкѣ смотрѣть за эдакою подлостью... Я знала только, какъ и когда хлѣбъ сѣютъ, когда садятъ капусту, огурцы, свеклу, горохъ, бобы и все то, чтó нужно знать дураку прикащику. Ужасное знаніе! А того, чтó дѣлаетъ нашу сестру совершенною, я не знала. По смерти батюшкиной, пріѣхала въ Москву, и увидѣла, что я была совершенная дура. Я не умѣла ни танцевать, ни одѣваться, и совсѣмъ не знала, чтó такое мода. Повѣришь ли, мнѣ стыдно признаться, я такъ была глупа, что по пріѣздѣ только моею въ Москву узнала, что я хороша! Разсуди теперь, какъ меня приняли московскія щеголихи. Онѣ съ головы до ногъ меня засмѣяли, и я три мѣсяца принуждена была сидѣть дома, чтобы только выучиться по модѣ одѣваться. Ни день, ни ночь не давала я себѣ покоя, но, сидя передъ туалетомъ, надѣвала карнеты (чепчики), скидывала, опять надѣвала, разнообразно ломала глаза, кидала взгляды, румянилась, притиралась, нагъпливала мушки, училась различному употребленію опахала, смѣялась, ходила, одѣвалась, и словомъ въ три мѣсяца все то научилась дѣлать по модѣ. Мнѣ кажется, ты удивляешься, какъ могла я въ такое короткое время всему, да еще и сама, научиться. Я тебѣ это таинство открою: по счастью попалась мнѣ одна французская мадамъ, которыхъ у насъ въ Москвѣ довольно. Она предложила мнѣ свои услуги, разказала мнѣ, въ какомъ я нахожусь невѣжествѣ, и что она въ состояніи изъ меня сдѣлать самую модную щеголиху. Вотъ какое изъ насъ Французы дѣлаютъ превраще-

(1) «Всячина», стр. 124, 325—6.

ніе! Изъ деревенской дуры въ три мѣсяца сдѣлать модную щеголиху — для челоѵѵка невозможно, а Французы дѣлають...» (1)

Понятно, что при такомъ направленіи воспитанія, учителя танцованія почитались наиболѣе необходимыми, и потому передъ всѣми другими учителями пользовались особеннымъ предпочтеніемъ (2).

Въ жизни высшихъ общественныхъ кружковъ на первомъ планѣ стояла мода, а она требовала ловкости, свободныхъ пріемовъ и веселой, непринужденной болтовни. Нынѣ, жаловались сатирики, на все мода: одѣваются по модѣ, ходять по модѣ, говорятъ и думаютъ по модѣ, даже и бранятся по модѣ. Эти моды измѣнчивы и убыточны: не успѣла утвердиться одна, какъ ее вытѣсняетъ другая, готовая вскорѣ уступить третьей, и т. д. Въ такихъ превращеніяхъ уходитъ время, и что сегодня было любимымъ, завтра будетъ называться стариннымъ. Петербургъ внимательно слѣдитъ за измѣненіями парижскаго вкуса, Петербургу подражаетъ Москва, а столицамъ — провинціи (3).

По требованію моды, роскошь въ костюмахъ доходила до крайностей: бархатъ, кружева и блонды, серебряныя и золотыя украшенія считались необходимыми принадлежностями туалета. Кафтаны носились съ золотымъ шитьемъ или съ золотымъ галуномъ, и не имѣть такого кафтана для свѣтскаго челоѵѵка значило быть осмѣяннымъ. Щеголь долженъ былъ имѣть такихъ богатыхъ кафтановъ и камзоловъ по нѣскольку, и какъ можно чаще перемѣнять ихъ, сообразуясь съ временемъ года и съ принятымъ модою цвѣтомъ. Шубы бывали бархатныя, съ золотыми кистями; на кафтанахъ тоже подлѣ петель привѣшивались иногда кисти, а на шпагѣ — ленточка; манжеты носились тонкія, кружевыя (4). Щеголи заказывали себѣ платье у французскихъ портныхъ, которые продавали свое искусство весьма дорого и, возвращаясь на родину

(1) 1770 г. стр. 43—44.

(2) «И то и се», недѣля XIV.

(3) «И то и се», недѣля XXIX. «Смѣсь», стр. 148. «Полезное съ Приятнымъ», IV полумѣсяцъ, стр. 22, 29.

(4) «Всячина», стр. 81. «Смѣсь», стр. 314. «Вечера», ч. 2, стр. 172. «Подешшина», стр. 24, 32—36. «Адская Почта», стр. 33, 61, 169. «И то и се», недѣля 34.

съ нажитымъ въ Россіи состояніемъ, сказывали, что нѣтъ лучшей дороги къ счастію, какъ быть французскимъ портнымъ въ Россіи, потому что тамъ за всякое платье даютъ вдвое и втрое, исключая то, что догадливый портной сумѣетъ самъ украсть (1). Франты прошлаго вѣка носили чулки со стрѣлками, башмаки съ красными или розовыми каблуками и большими пряжками; имѣли при себѣ лорнетъ, карманные часы, по нѣскольку золотыхъ, иногда осыпанныхъ брилліантами табѣтерокъ съ миниатюрными портретами красавиць или съ изображеніемъ сердца, прозеннаго стрѣлой, и другія драгоценныя бездѣлки; на пальцахъ дорогіе перстни, а въ рукахъ трость (2).

Но особенное вниманіе щеголей было обращено на головную уборку: завиваніе волосъ, пудру и парики. Убрать голову согласно съ требованіями свѣтскихъ приличій — и для мужчинъ и для женщинъ было хлопотливое и нелегкое искусство. Волосы были завиваемы буколь въ двадцать и болѣе, и (по свидѣтельству *Трутня*) щеголи просиживали за такимъ занятіемъ часа по три и по четыре (3). Французскимъ парикмахерамъ платились большія деньги за прическу головы со вкусомъ, по всѣмъ правиламъ искусства. *Поденьшина* упоминаетъ о Французѣ-парикмахерѣ, который жилъ у богатаго помѣщика и получалъ по 200 рублей, платье, столъ и экипажъ (4). *Пустомеля* насмѣхается надъ тѣми, которые, гоняясь за богачами, три четверти своего дохода издерживали будто бы на одно завиваніе кудрей и пудру (5). Пудра употреблялась разная, смотря по цвѣту волосъ: *poudre grise, poudre blonde* (6). «До сихъ поръ, объявляя сатирикъ, завивали волосы и ставили кудри на подобіе заливныхъ трубъ и

(1) «И то и се», недѣля 24. Въ «Вечерахъ» (ч. 2, стр. 242) напечатана похвальная эпистола *новому кафтану*; въ «Старинѣ и Новизнѣ» — стихи *на смерть закройщика Брокера* (ч. 2, стр. 208), а въ «Щепетильникѣ» (стр. 147) — стихи *на смерть шляпорты Г. К.*

(2) «Адская Почта», стр. 161. «Модное ежемѣсячное изданіе» 1779 г. ч. I, стр. 240. «Трудолюбивая Пчела» 1759 г., стр. 276 — 7. Комедія Лукина.

(3) 1769 г. стр. 54. «Адская Почта», стр. 169.

(4) Стр. 8—14.

(5) Стр. 55.

(6) «Смѣсь», стр. 26—7.

винныхъ боченковъ; я нынѣ упражняюся въ изобрѣтеніи новаго манеру. Выдумка моя состоитъ въ томъ, чтобы ставить кудри на подобіе цвѣтка розы и пропудривать волосы красною съ нѣкоторою бѣлизною пудрой» (1). Журналы записали насмѣшливыя указанія на употребленіе париковъ и кошелековъ (2).

Въ 1769 году между свѣтскими дамами вошло въ моду носить на башмакахъ высокіе каблуки и какъ можно выше подымать свои прически, что послужило обильнымъ матеріаломъ для журнальныхъ нападокъ. По словамъ *Всячины*, женщины всѣ выросли на пядень съ тѣхъ поръ, «какъ бока ихъ потеряли стремленіе выпячиваться, какъ прежде бывало», и появились высокія прически. Еслибъ это случилось съ мужчинами, тогда пожалуй можно бъ было догадаться, зачѣмъ стараются они прикрывать свои головы высокими прическами; но дамы!.. Какъ не дивиться высокому зданію, поднятому на женской головѣ! «Устоять ли это обыкновеніе или нѣтъ, не извѣстно; но то правда, что кареты будутъ дороже. Каретники уже принялись дѣлать оныя выше, чтобы дамамъ можно было сидѣть прямо.» Я, прибавляетъ сатирикъ, заказалъ въ своемъ домѣ всѣ двери сдѣлать выше, дабы дочь моя какъ-нибудь головою не увязла. «Лѣтъ съ двадцать назадъ бывало: расширяй дома, двери, кареты и прочая для фишбейновъ; а нынѣ возвышай дома. Въ Петербургѣ уже всѣ строенія, сооруженныя нынѣшнимъ лѣтомъ, не въ примѣръ выше тѣхъ, кои строили, когда носили большіе фишбейны; тогда и дома имъ повиновались, и росли въ ширину поземисто, не подымая стропиль до облаковъ... Прочитавъ это, быть-можетъ, дамы позадумаются, а вышедши въ другую горницу, сядутъ убираться и скажутъ: дѣвка! повыше, пожалуй повыше!» (3) Моду носить высокія прически осмѣяла сама императрица въ комедіи: *Имянины и-жи Ворчалкиной*, представленной въ 1772 году на придворномъ театрѣ (4). Въ *Модномъ ежемѣсячномъ изданіи, или Библиотекѣ для дамскаго туалета*, на 1779 годъ, при-

(1) «И то и се», недѣл. 1, 2, 4.

(2) «Всячина», стр. 284. «Кошелекъ», стр. 47. «Сочин. Сумарокова» ч. V, стр. 19.

(3) Стр. 390—2.

(4) «Сочин. Екатерины II», ч. 2, стр. 170, 160.

ложены любопытныя гравированныя изображенія дамскихъ головныхъ уборовъ, поражающихъ своею изысканностію и размѣрами, таковы: *шшахъ Минервинъ или по-драгуниски, роиъ изобилія, чепецъ победы, уборъ а ла белль пуль*, и др. Мода эта прекращается въ восьмидесятихъ годахъ: *Вечерняя Заря* (1782 г.) уже напечатала *эпитафію широкимъ накладкамъ и высокимъ прическамъ* (1).

Румяна, бѣлила и мушки были необходимою принадлежностію щегольского туалета; къ нимъ прибѣгали не только женщины, но даже мужчины. Въ праздничные дни, щеголи, по словамъ Чулкова, ни о чемъ не думали, кромѣ нарядовъ и убранныхъ:

Но только ото сна взглянувъ на свѣтъ очами,
 Впервыхъ мажутъ пахучими водами,
 Гнутъ волосы въ крючки.
 Потомъ касаются сурмилами бровямъ,
 Румянъ и горсть бѣлилъ бросаютъ по щекамъ,
 Сердечки изъ тафты желѣзомъ выбиваютъ
 И наклеивъ на персть для моды прилѣпляютъ,
 Который въ старину именовался *врачь* (2).

Но преимущественно украшенія эти, разумѣется, оставались за дамами, которыя бѣлились, румянились, налѣпливали на лица мушки разной величины и формы и часто перемѣщали ихъ съ одного мѣста на другое. Въ назиданіе щеголихъ *Пріятное съ Полезнымъ* публиковало статью о женскомъ уборѣ, въ которой между прочимъ сказано: «Хотя и все на свѣтѣ подвластно непостоянству времени, однако женскій головной уборъ всего скорѣе перемѣняется, и уже на нашемъ вѣку весьма много возвышался и понижался. Правда, нынѣ и мужчины своими возвышенными вержетами прибавляютъ себѣ росту; но что мы бѣдные можемъ учинить исключиваніемъ своихъ волосъ противъ непостижимаго могущества женскихъ чепчиковъ, которые по пропорціи возвы-

(1) Ч. 3, стр. 250, 243—6.

(2) При этомъ стихѣ находимъ слѣдующее примѣчаніе: «О именахъ ручныхъ перстовъ справиться можно въ *Безстрашномъ гражданинѣ* (сатирической романъ), который въ скоромъ времени печататься будетъ.» («И то и се», недѣл. 17-ая). «Всячина» стр. 145 — 6; «Живописецъ» (изд. 3), ч. 2, стр. 49.

шавтся на желаемые градусы?» Опутывая свою голову бахромками, блондами, кружевами и проволокою, испещряя лицо черными пятнами и закрашивая его румянами, дамы своевольно затмѣваютъ свою природную красоту: такова-то польза отъ ихъ уборовъ (1)!

Смѣсь напечатала на своихъ листкахъ насмѣшливую статью подъ заглавіемъ: «Происхожденіе, польза и употребленіе опахала». Опахало, говоритъ авторъ, прекрасно и полезно. Оно исправляетъ должность зефира, отвращаетъ солнечные лучи, прикрываетъ нехорошіе зубы и непристойныя усмѣшки. Принимѣ одна пожилая вдова учила свою внучку: «когда начнешь сердиться, покраснѣешь, стануť напрягаться жиły и морщиться лицо; то ни мало не теряя времени, надлежитъ развернуть опахало и изо всей силы махаться, такъ чтобы слышны были: *кми, кми!*... Знающія свѣтъ женщины умѣютъ опахаломъ изображать разныя страсти: ревность, держа у рта свернутое опахало, не говорить ни слова; непристойное любопытство, сохраняя стыдливость, закрываетъ лицо развернутымъ опахаломъ и смотритъ на то сквозь кости опахала, на что стыдно смотрѣть простыми глазами; а любовь играетъ опахаломъ, какъ младенцы игрушками. Не безъ причины опахало падаетъ изъ рукъ красавицы: это часто дѣлается для испытанія обожателей. Они всѣ за нимъ бросаются съ великою скоростію, и первый, кто поднимѣ подастъ красавицѣ и поцѣлууетъ ея руку, получить побѣду надъ своими совѣстниками; его благодарятъ за учтивость, и въ такомъ случаѣ предѣстныи полъ болѣе говорить глазами, нежели языкомъ. Опахало имѣетъ свои выраженія, которыя любовники легко познаютъ; какъ напримѣръ, будучи въ гостяхъ, красавица нарочно позабудетъ свое опахало, то ея любовникъ, конечно, отвезетъ его къ ней и симъ посредствомъ заведетъ знакомство, или по крайней мѣрѣ отошлетъ при любовномъ письмѣ или стихахъ, на что всегда есть причина отвѣчать... Теперь скажу о тѣхъ веселыхъ часахъ, въ кои волокиты говорятъ красавицамъ страстныя и пустыя рѣчи, то если вырвется словцо двойакого смысла, тогда свернутымъ опахаломъ, на подобіе палочки, должно съ вели-

(1) IV-я полумѣсяцъ, стр. 30—32. «Всячина» стр. 285. «Смѣсь» стр. 28—29.

кою скоростію и умѣренною силою ударить по пальцамъ или по рукѣ такого смѣльчака, а послѣ сего усмѣхнуться и вымолвить: *перестань, пожалуй!* Такое пріятное словцо тронетъ самое нечувствительное сердце» (1).

Въ 1772 году стали было, по свидѣтельству *Живописца*, подражать Англичанамъ (2); но французская мода одержала верхъ, и ей долгое время суждено было властвовать надъ нашими петиметрами и свѣтскими дамами.

Свѣтское модное воспитаніе не обошлось безъ сильнаго вліянія на отечественный языкъ. Периодическія изданія, проникнутыя строгимъ сатирическимъ направленіемъ, горячо вступились за родное слово, которое въ большомъ свѣтѣ искажалось и передѣлывалось на французскую и нѣмецкую стать (3): здѣсь созданъ свой особенный разговорный языкъ, съ странною примѣсью множества иностранныхъ словъ и оборотовъ (4). По замѣчанію *Смьси*, въ большомъ свѣтѣ безъ французскаго языка и умнымъ прослыть было невозможно; хорошій тонъ требовалъ по крайней мѣрѣ примѣшивать къ рѣчи отборныя французскія слова. Разсуждая о такомъ пристрастіи къ французскому языку, *Кошелекъ* прибавляетъ: «Неоспоримая есть истина, что доколѣ будутъ презирать свой отечественный языкъ въ обыкновенномъ разговорѣ, дотогѣ и въ письменахъ не можетъ оный до совершенства дойти;» почему издатель и его знакомые согласились постановить между собой такое правило, по силѣ котораго каждый за всякое иностранное слово, произнесенное имъ въ разговорѣ безъ крайней нужды, повиненъ заплатить пять копѣекъ въ пользу воспитательнаго дома, а вновь отысканныя или сочиненныя, по примѣру Нѣмцевъ, коренныя русскія слова сообщать для напечатанія къ пользѣ любителей русскаго слова (5). Въмѣстѣ съ иностранными реченіями, цѣликомъ взятыми, въ разговорномъ языкѣ мод-

(1) Стр. 3—8.

(2) Ч. I. (изд. 2) стр. 95.

(3) «Всячина» стр. 290.

(4) «И то се» напечатало цѣлый списокъ общепринятыхъ иностранныхъ словъ (авантажъ, амбиція, галантъ, консиль, реваншъ и пр.), съ объясненіями (недѣля 26-я).

(5) Стр. 11—16.

наго свѣта замѣчалось и неумѣренное употребленіе буквально-переведенныхъ французскихъ словъ и выраженій, противныхъ гению нашего языка, и постройка цѣлыхъ предложеній по правиламъ французскаго синтаксиса. Народный строй рѣчи былъ постоянно нарушаемъ; кореннымъ русскимъ словамъ нерѣдко придавался новый и странный смыслъ; самыя грамматическія формы подвергались нѣкоторымъ искаженіямъ, напримѣръ говорили: *увидая, услыхая, какъ ли ни* и пр. Словомъ, говоря по-русски, модный свѣтъ думалъ по-французски (1).

Живописецъ сообщаетъ интересные образцы подобныхъ искаженій въ статьѣ: «Опытъ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія»:

Болванчикъ—ласкательное названіе, которое придавали другъ другу любовники, то же что *idole de ton ame*: «Ахъ, мущина, какъ ты забавень! Ужестъ, ужестъ! Твои *милые* взгляды и томные вздохи и мертваго разсмѣшить могутъ. Ахъ, какъ ты славень, неподобный *болванчикъ*! Ну, еслибы сказала я тебѣ: люблю, такъ вить бы я пропала съ тобою. По чести, ты бы до смерти меня залюбилъ, не правда ли? Перестань, радость, шутить, это ни чуть не славно.»

Маханье—волочитство; *махаться*—волочиться: «Ха, ха, ха! ахъ, мондёръ, ты уморилъ меня! Онъ живетъ три года съ женою, и по сю пору ее любить! Перестань, мущина, это никакъ не можетъ быть; три года имѣть въ головѣ своей вздоръ!... съ чужою женою и *помахаться* не смѣетъ, еще и за грѣхъ ставить! прекрасно! Перестань шутить; по чести, у меня отъ этого сдѣлается тѣснота въ головѣ. Ахъ, какъ это славно! Они до смерти другъ друга залюбятъ. Ахъ, мущина, ты уморилъ меня!»

Безподобно и *безпримѣрно* въ особенномъ новомъ смыслѣ, напримѣръ: «*Безподобные* люди! она дурачится по-дѣдовски и тѣмъ безподобно его терзаетъ, а онъ такъ темень въ свѣтѣ, что по сю пору не примѣтитъ, что это ни чуть не славно и совсѣмъ неловко; онъ такъ развязанъ въ умѣ, что никакъ не можетъ ретироваться въ свѣтъ» (2). «*Безпримѣрное маханье!* Онъ

(1) «Смѣсь» стр. 150. «Трудолюб. Пчела» стр. 58—61, 225. «Пустомеля» стр. 25. Сочиненія Сумарокова, ч. VII стр. 368—370.

(2) Переводъ: «Рѣдкіе люди! Она любитъ его постоянно, а онъ совсѣмъ не знающъ въ щегольскомъ обхожденіи, и не разумѣетъ того, что

посадила себѣ въ голову вздоръ, а у нея вѣчной въ головѣ безпорядокъ.»

Частое употребленіе слова: *ахъ!* «Мущина, притащи себя ко мнѣ, я до тебя охотница. *Ахъ*, какъ ты славенъ! Ужестъ, ужестъ: я отъ тебя падаю... *ахъ!*...» (1)

Вотъ еще образчикъ моднаго нарѣчія: «Моп соеиг, Живописецъ! пишеть щеголиха. Ты, радость; безпримѣрный авторъ. По чести говорю, ужестъ какъ ты славенъ! Читая твои листы, я неподобно утѣшаюсь; какъ все у тебя славно: слогъ разстеганъ, мысли прыгающіе. Твои листы вѣчно меня прельщаютъ; клянусь, что я всегда фелитирую ихъ безъ всякой дистракціи... А притомъ ты всегда стараешься оказывать намъ учтивости, не такъ, какъ нѣкоторый грубіанъ, сочиня комедію, одну изъ подругъ моихъ вытащилъ на театръ (намекъ на комедію императрицы Екатерины: «Имянины г-жи Ворчалкиной»): куда онъ много выигралъ! Я чаю, онъ надѣялся, что всѣ расхочутся до смерти, анъ право никто изъ нашихъ сестръ и учтивыхъ мущинъ и не улыбнулся. Еслибъ узнала я этого автора, то отбѣнила бы сама его неподобно. Я никакъ на него не сердита; онъ меня никакъ не тронулъ; однакожь я и сама не знаю, за что я его никакъ не могу терпѣть. Въ первой его комедіи («О время!») я и сама до смерти захохоталась; ужестъ какъ славно шпетилъ онъ нашихъ бабушекъ, а эта комедія такую сдѣлала дистракцію и такую грусть, что я поклялась на *имянины* не ѣздить. Правда, ты и самъ зацѣпился, но это шуткою... точь-вточь высказалъ ты дражайшаго моего папахина. Какой это несносный человекъ! Ужестъ, радость, какъ онъ не ловокъ выдѣланъ. По счастью, скоро выдали меня замужъ; я пріѣхала въ Петербургъ, подвинулась въ свѣтъ, разняла глаза и выкинула весь тотъ изъ головы вздоръ, который посадили мнѣ мои родители, поправила опрокинутое мое понятіе. Но я никакъ не ушла отъ бѣды: мужъ мой влюбленъ въ меня до дурачества, а къ тому жъ еще и ревнивъ. Фуй! какъ это не ловко: мужъ растре-

постоянная любовь въ щегольскомъ свѣтѣ почитается тяжкими оковами; онъ такъ глупъ, что и самъ любить ее равномерно.»

(1) Ч. I. (изд. 2.) стр. 69, 71, 74—6, 115—7. «Всячина» стр. 56. Сочинен. Екатерины II. Ч. 2, стр. 172, 225.

пань отъ жены; это, радость, гадко!.. Сказать ли, чѣмъ я отвязываюсь отъ этого несноснаго человѣка? Одними обмороками. Какъ привяжется онъ ко мнѣ со своими декларасіонами и клятвами, то я сперва говорю ему: отцѣпись! но онъ никакъ не отстаетъ; послѣ этого резонирую, что стыдно и глупо быть мужу влюблену въ свою жену, но онъ никакъ не вѣритъ. Итакъ остается мнѣ одно средство—взять обморокъ (1).»

Молодое нарѣчіе столичныхъ петиметровъ и щеголихъ отозвалось и въ провинціяхъ. Изъ Полтавы было прислано въ *Живописецъ* извѣстіе, что тамошніе молодые люди и дамы, произнося *новоманерныя петербургскія слова*, старались пришепетывать и картавить: такъ-де нѣжнѣе (2). Современная комедія не разъ осмѣивала этотъ «новоманерный» языкъ. Императрица Екатерина, Сумароковъ, Лукинъ и фонъ-Визинъ оставили намъ живые памятники такого языка въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ своихъ комедій.

Воспитанные и одѣтые по модѣ, щеголи въ обращеніи старались подражать парижскимъ свѣтскимъ баловнямъ. Пустота легкаго, поверхностнаго образованія, праздная жизнь, полная различныхъ удовольствій, увеселеній, и увлеченіе вѣшными формами, искусственными, но блестящими и роскошными, отразились на ихъ характерѣ рѣзкими и яркими чертами. Вотъ какъ, по свидѣтельству сатирическихъ листковъ, проводилъ время модный человѣкъ, которому придавали тогда названія: *петиметра*, *щеголя* и *вертопраха*.

Проснувшись въ полдень или немного позже, онъ мажетъ лицо свое парижскою мазью, которая дѣлаетъ кожу мягкой и нѣжною, натирается разными соками и кропитъ себя пахучими водами; потомъ набрасываетъ *пудреманъ* и понѣскольку часовъ проводитъ за туалетомъ, причесываясь, чистя зубы, румяня губы, подсурмливая брови и налѣпливая мушки, смотря «по погодѣ петиметрскаго горизонта». Какъ бы хорошо ни причесывалъ волосъ его собственный слуга, хотя бы ставилъ пугли на подобіе горлицыныхъ крылышекъ, а вержетъ бекасовымъ носомъ, но петиметръ ни за что не поручитъ ему собственной прически; его

(1) «Живописецъ» Ч. I (изд. 2.) стр. 60—65.

(2) Ч. II (изд. 1) стр. 304—2 и Ч. I (изд. 2.) стр. 147.

чешеть, помадить, украшаетъ кудрями и осыпаетъ пудрою новомодный французскій парикмахеръ, за что беретъ рублей 30 въ мѣсяцъ. Каждый день петиметръ переодѣвается въ различные кафтаны различныхъ цвѣтовъ, строго слѣдуя модѣ. По окончаніи своего туалета онъ садится въ маленькую манерную карету, на которой часто изображаются купидоны со стрѣлами, и ѣдетъ вскачь, давя прохожихъ, изъ дома въ домъ; вездѣ онъ собираетъ и разглашаетъ новости, насмѣхается въ одномъ домѣ тому, что видѣлъ въ другомъ, и прилыгаетъ то, чего не видалъ. Петиметръ непремѣнно долженъ усвоить себѣ счастливое дарованіе говорить обо всемъ и важно, и шуточно: ротъ его всегда долженъ быть открытъ для веселой болтовни и передачи безконечнаго числа глупостей и житейскихъ мелочей; онъ на все ищетъ противорѣчій, и на всякой случай запасается готовыми эпиграммами; онъ самолюбивъ, тщеславенъ, смѣлъ и даже дерзокъ, но веселъ, говорливъ, насмѣшливъ, и потому нравится женщинамъ. «Когда вы увидите молодого человѣка, который говоритъ громко, съ безразсудною рѣзвостью, и поминутно хохочетъ, знайте навѣрное, что онъ — женскій временщикъ!» Съ своей стороны петиметръ все свое благополучіе полагаетъ въ томъ, чтобы услужить и угодить дамамъ, и для того старается быть какъ можно чаще въ ихъ обществѣ и не пропускаетъ ни одного публичнаго увеселенія. На Каменномъ Островѣ, въ Екатерингофѣ, въ Лѣтнемъ Саду, на Дворцовой Набережной и на балахъ—вездѣ онъ дамскій собесѣдникъ. Театръ онъ посѣщаетъ не для того, чтобы слѣдить за ходомъ пьесы и игрой актеровъ, но чтобы бѣгать по ложамъ, услуживать красавицамъ, или помощію зрительной трубки разсматривать женскіе уборы. Всѣ усилія петиметра направлены на то, чтобы прослыть *волокитею*. Онъ почитаетъ «за нѣкоторый родъ честолюбія посѣщать женщинъ и говорить съ ними о любви.» Только увидитъ незнакомую даму, какъ спѣшитъ съ ней познакомиться, сочинитъ ей мадригалъ и признаться въ любви: такое поведеніе обратилось въ необходимое условіе свѣтской жизни. Петиметръ такъ привыкъ говорить женщинамъ о своихъ чувствахъ, рассыпать передъ ними щедрія похвалы и повторять французскіе стихи, въ которыхъ воспѣвается любовь, притворно восхищаться ихъ прелестями, и казаться страстно-задумчивымъ, что все это почитаетъ необходимою жертвою прекрасному полу. Въ раз-

говорахъ его съ свѣтскими красавицами безпрестанно слышатся эти обычные слова: *любовь, склонность, горячность, страсть*, и тому подобный бредъ, который, однакожъ, нравится женщинамъ (1).

«Моя наука, разсуждаетъ петиметръ, состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ, говорить всякія трогаящія бездѣлки, вздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть совсѣмъ развязану, словомъ дойти до того, чтобы называли *шалуномъ* тѣ люди, которыхъ мы дураками называемъ. Въ бесѣдѣ со щеголихами бываю я воленъ до наглости, смѣлъ до безстыдства, живъ до дерзости: меня за это называютъ *рѣзвымъ ребенкомъ*, и хотя ударять меня по рукѣ и скажутъ: «перестань! ты очень дерзокъ», однакожъ я никогда отъ того не краснѣю. Слова: «я не могу владѣть собою!» меня въ такомъ случаѣ извиняютъ. Впрочемъ, всегда я долженъ быть вѣтренъ и злоязыченъ. Съ которою *машусь*, ту одну хвалю; въ ней одной всѣ нахожу совершенства, а въ прочихъ вижу только недостатки и пороки... Открытіе любви долженъ я дѣлать по новому обыкновенію и никогда не допускать, чтобы въ такіе разговоры вмѣшивалось сердце: это было бы дурачиться по-дѣдовски. По нашему надобно любить такъ, чтобы всегда отстать можно было. Открытіе дѣлаю я всегда какъ будто это ненарочно случилось; напимѣръ, разказывая красавицѣ о какомъ ни-на-есть любовномъ приключеніи, вдругъ прерываю разговоръ: «Э! кстати, сударыня, сказать ли вамъ новость? вить я влюбленъ въ васъ до дурачества; вы своими прелестями такъ вскружили мнѣ голову, что я не въ своей сижу тарелкѣ!» —Шутишь, она мнѣ отвѣтствуетъ; ужестъ какъ славно ты себя раскрываешь! «Безпримѣрно славно, сударыня! что мнѣ нужды какъ вы это почитаете, рѣзвостью или дурачествомъ, только я вамъ говорю, въ настоящую, что я дурачусь. Пусть я не доживу до *мьднаго таза*, ежели говорю неправду!» Послѣ такой клятвы

(1) «Полезное съ Пріятнымъ», полумѣс. VI, стр. 17. «И то и се», недѣл. 23-я. «Смѣсь» стр. 38, 77, 178, 249, 253, 262, 294. «Пустомеля», стр. 30, 35. «Трутень» 1769 г. стр. 77, 257, 261. «Кошелекъ» стр. 75—77. «Всячина», стр. 10, 347. «Вечера», ч. II, стр. 172, ч. I, стр. 184. «Трудолюбив. Муравей», стр. 138. Сочин. Сумарокова, ч. V, стр. 272, ч. VII, стр. 35. Сочин. Екатерины II, ч. II, стр. 384, 604. «Вечерняя Заря», ч. 3, стр. 70—73.

бросаю на нее *имлой* взглядъ, а между тѣмъ начинаю хвалить ее, и тутъ даю полную свободу языку моему. Она часто потупляется, будто стыдясь слушать себѣ похвалу; иногда усмѣхается, иногда удивляется и почасту говорить: «перестань шутить! вить не утѣшно слушать вздоръ». Послѣ этого я даю свободу рукамъ, мнѣ говорятъ: «это ужъ и въ истинную глупость!» а я далѣе, далѣе, а наконецъ она и сама повѣритъ, что это была не шутка. Потомъ бываемъ мы нѣсколько дней смертельно другъ въ друга влюблены, и это называется дурачиться до безумія. Мы располагаемъ дни такъ, чтобы всегда быть вмѣстѣ: въ *спринькой* ѣдимъ въ англійскую комедію, въ *пестринькой* бываемъ во французской, въ *колетца*—въ маскарадѣ, въ *мѣдный тазъ*—въ концертѣ, въ *сайку* смотримъ русскій спектакль, въ *умойся*—дома, а въ *красное* ѣдимъ прогуливаться за городъ (1). Такимъ образомъ держу ее *болванчикомъ* до того времени, какъ встрѣтится другая» (2).

Много времени уходило еще на карты и на заботы добыть займы денегъ. Приѣзжая занимать, петиметръ входитъ съ надменнымъ видомъ, говорить о своемъ богатствѣ и просить денегъ, увѣряя честью, что въ назначенный срокъ непременно заплатитъ. Если ему отказываютъ, то, оставляя надменность, онъ доходитъ до самой унижительной подлости, а когда получить деньги и выйдетъ за двери, тотчасъ возвращается къ нему и прежняя гордость (3). Такимъ образомъ вся жизнь петиметровъ тратилась среди пировъ и увеселеній, на волокитство, занятія туалетомъ и пустую болтовню; трудъ считали они *подлымъ* (4) и легко проматывали большія состоянія. Но и въ тотъ печальный періодъ, когда деревни были разорены или прожиты, и когда ни одинъ ростовщикъ не хотѣлъ давать займы денегъ, а купцы переставали вѣрить въ долгъ, петиметръ остается вѣренъ своему призванію. Онъ послѣдній свой кафтанъ перешиваетъ разовъ пять и увѣряетъ всѣхъ, что золотомъ обложенные кафтаны носить

(1) Модныя названія дней недѣли.

(2) «Живописецъ» ч. I, (изд. 2) стр. 26—29.

(3) «Вечера», ч. I, стр. 186.

(4) «Всячина, стр. 252. «Смѣсь», стр. 14, 253, 318.

тяжело, и за границею—де они не въ модѣ (1). Вотъ еще любопытная черта истиннаго петиметра: онъ раскланивается учтиво изъ своихъ знакомыхъ только съ тѣми, которые одѣты по модѣ; прочимъ кланяется съ гордостью и съ нѣкоторымъ видомъ покровительства или и вовсе ихъ не узнаетъ (2). Модные старички не отвѣтали отъ молодежи, также волочили, нашептывали любезности, рыскали по баламъ, комедіямъ и гульбищамъ и дѣлали шалости (3). «Мы прежде, говорить *Смѣсь*, походили на статуи, а теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головой и махаютъ руками» (4).

Таковы петиметры прошлаго столѣтія. Въ ихъ характерѣ много общихъ сторонъ съ характеромъ львицъ того же времени, которыя въ сатирическихъ изданіяхъ называются «кокетками». Вліяніе этихъ послѣднихъ въ общественной жизни было весьма значительно. Черезъ нихъ выходили въ люди; онѣ внушали молодымъ людямъ понятія о модахъ и свѣтскомъ обращеніи и заправляли общимъ вкусомъ (5). Свѣтская женщина высшею цѣлью поставляла нравиться мужчинамъ; она одѣвалась щегольски, старалась умножить свою природную красоту искусствомъ и заслужить отзывъ «ужестъ какъ мила!» постоянно посѣщала собранія, театральныя зрѣлища и маскарады (6). День свой она проводила такъ:

Утро посвящалось туалету, при чемъ на долю служанокъ выпадала самая жалкая роль. Если тѣни на лицѣ свѣтской дамы были не такъ привлекательны, какъ наканунѣ, за это отвѣчали служанки; если ленточка, которую сама же она приколетъ, нейдетъ ей къ лицу—опять виноваты бѣдныя дѣвки и должны заплатить за такую вину терпѣніемъ, а иногда и щечками. Однимъ словомъ, говорить сатирикъ, все время, посвящаемое щеголихою уборамъ, что продолжается часовъ пять, кажется имъ ужасомъ;

(1) «И то и се», недѣля 23—я.

(2) «Адская Почта», стр. 125—6.

(3) «Вечера», ч. I, стр. 39, ч. II, стр. 194—5.

(4) Стр. 150—2.

(5) «Живописецъ», ч. II, (изд. 3) стр. 42—43. «Адская Почта», стр. 290.

(6) «Смѣсь» стр. 101, 201. «Трутень» 1770 г., стр. 20, 41—42. 1769 г., стр. 129.

«да ежели и мужъ попадется въ это время, то и ему эти часы раемъ не покажутся;» но, Боже сохрани! если осмѣлится онъ упомянуть о домашней экономіи, о которой модная женщина считаетъ за подлость имѣть понятіе, — тутъ онъ пропасть! Жена, вскрикнувъ: *ахъ!* упадетъ въ обморокъ, потомъ прійдя въ память, прольетъ изъ своихъ прекрасныхъ глазъ токи слезъ, начнетъ умирать, и бѣдный мужъ волей-неволей принужденъ будетъ просить прощенія. А жена и послѣ того продолжаетъ свою прежнюю жизнь съ тою прибавкой, что жалуется всѣмъ на нестерпимый нравъ своего мужа. Когда она одѣнется, тотчасъ же ѣдетъ въ гости, гдѣ злословитъ всѣхъ женщинъ, которыя имѣютъ несчастіе быть красивыми или живутъ не такъ, какъ предписываютъ уставы моднаго свѣта. Тамъ дожидается ее толпа молодыхъ людей, прельщенныхъ ея нарядами, и забавляетъ ее пріятною болтовней на языкѣ, вполонину русскомъ, вполонину французскомъ. Послѣ обѣда она отправляется на какое-нибудь публичное увеселеніе, ведетъ за собою цѣлую толпу обожателей, и «ни одного изъ нихъ не любя, ни у одного не отнимаетъ надежды;» того даритъ нѣжною улыбкой, другому скажетъ пріятное слово, и всякаго старается привязать къ себѣ, ни къ кому сама не привязываясь. Въ обществѣ свѣтская женщина всѣми силами старается обратить вниманіе мужчинъ на свою красоту; ни одного движенія не сдѣлаетъ даромъ: она поднимаетъ глаза свои вверхъ, чтобы примѣтили, какъ прекрасны они въ этомъ положеніи; протягиваетъ руку, чтобы дивились ея бѣлизнѣ; вотъ она какъ бы нечаянно уронила опахало и, наклонясь за нимъ, открыла свою грудь болѣе чѣмъ принято; а подымая опахало, какъ будто не нарочно приподняла свою юпку, чтобы показать маленькую ножку. Нѣкоторыя дамы думаютъ даже притворными ужимками возвысить свои прелести, онѣ жеманятся, громко хохочутъ, бросаютъ на щеголей страстные взгляды и часто повторяютъ нескромный вопросъ: *хороша ли я?* — Далеко за полночь возвращается домой модная дама, и долго еще думаетъ о тѣхъ уборахъ, какіе видѣла у знакомыхъ львицъ, а кстати и о средствахъ, какъ бы выпросить у мужа денегъ на подобные же наряды (1).

(1) «Вечера», ч. I, стр. 187 — 9; ч. II, стр. 106—9. «Всячина», стр. 374. «Трутень» 1769 г., стр. 244. «Смѣсь», стр. 191, 242.

Свѣтское обращеніе прошлаго столѣтія допускало много вольности. Разговоры между дамами и мужчинами преимущественно касались любовныхъ похощеній, страстныхъ признаній и сплетень двусмысленнаго содержанія о разныхъ знакомыхъ лицахъ; волокитство было и общимъ развлеченіемъ и цѣлью. При такой снисходительности всякая шалость, прикрытая модою, почиталась простительною. Нѣжная, предупредительная любовь между мужемъ и женою на языкѣ моднаго свѣта называлась смѣшнымъ старовѣрствомъ: сатирическія изданія жалуются на свѣтскихъ дамъ, которыя нарядами занимались болѣе, нежели хозяйствомъ, и чужіе дома любили больше своего (1). Но торжество моды было, если мужъ и жена жили на двѣ раздѣльныя половины, и имѣли свой особенный кругъ знакомства, если жена была окружена роемъ обожателей, а мужъ содержалъ «метрессу», что конечно стоило большихъ суммъ (2).

Эти характеристическія черты нравовъ и образа жизни моднаго свѣта уже достаточно поясняютъ источникъ общаго стремленія къ роскоши и великолѣцію, блеску которыхъ не можемъ не удивляться, читая дошедшія до насъ достовѣрныя описанія. И въ Парижѣ, и въ Петербургѣ, въ половинѣ XVIII столѣтія, роскошь являлась въ небывалыхъ размѣрахъ. Знать проживала огромныя богатства. Чего стоили одни торжественные обѣды? Вспомнимъ пиръ Потемкина, прославленный стихами Державина. Столъ П. А. Зубова, графини Браницкой и графа Н. И. Панина стоилъ по 400 рублей въ день каждому, кромѣ напитковъ, которые вмѣстѣ съ чаемъ, кофе, шоколадомъ стоили не менѣе 200 рублей. Безбородко издерживалъ громадныя суммы: въ квартирѣ своей онъ собралъ горы серебра и золота и осыпалъ себя брилліантами. Много надѣлали шуму праздники, данные имъ въ 1793 году по случаю заключенія мира съ Портою и въ 1796 году во время пріѣзда шведскаго короля въ С. Петербургъ. Въ торжественные праздники пріѣзжалъ онъ ко двору въ раззолочен-

(1) «Всячина», стр. 143, 158. «Трутень» 1769 г., стр. 47; 1770 г. стр. 106. «Смѣсь», стр. 191. «Адская Почта», стр. 238.

(2) «Смѣсь», стр. 43. «Трутень», 1769, стр. 67. «Живописецъ», ч. I (изд. 2), стр. 123—4, 133; ч. 2, (изд. 3) стр. 62. «Адск. Почта», стр. 60, 140.

ной восьмистекольной каретѣ; андреевская звѣзда на немъ, погонъ для ленты, пуговицы на кафтанѣ, эфесъ на шпагѣ и пряжки на башмакахъ—были всѣ изъ брилліантовъ. Одной итальянской пѣвицѣ давалъ онъ въ мѣсяцъ по 2000 рублей золотомъ, а при отпускѣ ея въ Италію подарилъ ей деньгами и брилліантами на 500,000 рублей. Когда извѣстная Сандунова отъ него отстала и вышла замужъ, онъ взялъ на ея мѣсто танцовщицу Ленушку; имѣлъ отъ нея дочь, которую выдалъ потомъ замужъ и далъ за нею въ приданое домъ въ 300,000 рублей да имѣніе, приносящее 80,000 руб. доходу. Графъ Остерманъ, въ торжественные дни ко двору и на святой недѣли подъ качели, выѣзжалъ въ богато-вызолоченной каретѣ, съ большими по сторонамъ и спереди стеклами, на шести бѣлыхъ лошадяхъ; сзади стояли два гайдука въ казакинахъ съ серебряными шнурами, голубыхъ епанчахъ, высокихъ картузахъ съ перьями и серебряными бляхами. Передъ каретою шли два скорохода съ булавами и въ башмакахъ, несмотря ни на какую грязь (1). А. А. Нарышкинъ славился роскошнымъ гостепріимствомъ; современные вѣдомости сохранили для насъ интересное описаніе великолѣпнаго бала и маскарада, данныхъ имъ на собственной дачѣ, съ различными аллегорическими представленіями и чудесными фейерверками (2).

Знати старалось подражать и все высшее, сколько-нибудь знакомое съ европейскими обычаями, общество. Журналы упоминаютъ въ своихъ сатирическихъ нападкахъ о золоченыхъ каретахъ, запряженныхъ шестерней дорогихъ коней молочнаго цвѣта. По словамъ *Трутня*, были такіе щеголи, которые держали по шести каретъ и по шести цуговъ лошадей, кромѣ верховыхъ и санныхъ (3); а *Смльсь* разказываетъ о такихъ, которые на одинъ столъ издерживали въ годъ по 14,000 рублей (4). Красный кабачокъ, билліардные и игорные дома и клубы много отнимали времени и денегъ. Въ отвѣтахъ своихъ Фонъ-Визину

(1) Записки о Екатеринѣ Великой, статсъ-секретаря Грибовскаго. стр. 60, 65, 72.

(2) «Сѣверный Архивъ» 1827 г. ч. 27. № 11. стр. 261.

(3) Стр. 219 (1769). «Смльсь» стр. 77.

(4) Стр. 185, 210.

императрица замѣтила, что общества въ столицахъ перевелись между благородными «отъ размножившихся клубовъ». Впрочемъ журналы часто упоминають о балахъ, маскарадахъ и визитахъ. Сверхъ того большой свѣтъ любилъ прогулки по петербургской набережной, по моднымъ лавкамъ и гостиному двору, гдѣ, разбирая новопривезенные товары и разные уборы, петиметры и щеголихи не забывали болтать, сплетничать и волочиться. Отъ такихъ прогулокъ по гостиному двору купцы, по свидѣтельству *Живописца*, получали большія прибыли, ибо у модныхъ дамъ въ такое время рождалось «превеликое желаніе покупать или лучше сказать—брать всякіе нужные и ненужные товары» (1). Всѣ эти чрезвычайные расходы должны были вести къ разстройству состояній и долгамъ. «Отчего всѣ въ долгахъ?» спрашивалъ Фонъ-Визинъ императрицу. — Оттого, что проживають богѣе, нежели дохода имѣють, отвѣчала она. За богачами тянулись и люди съ посредственными состояніями; за столицами — провинціи. По отзыву *Полезнаго съ Приятнымъ*, и простые люди при деньгахъ старались изъ тщеславія устраивать свои дома, экипажъ, столъ и гардеробъ также великолѣпно, какъ дѣлалось то у значныхъ, и такимъ образомъ весь достатокъ, накопленный трудами ихъ отцовъ, безразсудно расточали неумѣренными рас-

(1) «Живописецъ» ч. 1. (изд. 2.) стр. 37, 144—6. «Всячина» стр. 173. «Вечера» ч. 2. стр. 109—110. Въ «Живописцѣ» отъ имени купцовъ напечатано: «Когда пріѣзжаютъ къ намъ любовники и любовница, мы наперехватъ стараемся звать ихъ къ себѣ въ лавки; не щадя трудовъ своихъ, стараемся показывать всякіе товары и перебиваемъ всѣ куски. Въ такомъ случаѣ господа любовники весьма мало съ нами торгуются, а госпожи любовницы хотя и говорятъ почасту: *ахъ, какъ это дорого! ужасно! нѣтъ, я этого не возьму; я бы хотѣла это купить, но это чересчуръ дорого.* Но мы не пугаемся такихъ отговорокъ; на любовномъ языкѣ это значитъ: *если ты не купишь, такъ заплати деньги.* И мы такъ примѣнились къ такимъ двусмысленнымъ словамъ, что изъ требуемой цѣны ни копейки никогда не уступаемъ, говоря при томъ: *это, сударыня, очень дешево; дружку бы я за такую цѣну не уступилъ, а его чести уступаю для того, что онъ всегда соизволитъ покупать товары на готовяя деньги... поверьте, его милость копейки даромъ не броситъ!* Тутъ мы все трое усмѣхнемся, а господинъ тотчасъ станетъ увѣрять госпожу, что это не дорого, и заплатя деньги, скажетъ: *онъ дитина совѣстный, обманывать не станетъ.*»

ходами (1). Въ *Смѣси* было напечатано такое письмо: «Хотя я живу не въ столичномъ городѣ, но въ отдаленной отъ васъ губерніи; однако не думайте, чтобы здѣсь не имѣли понятія о пышныхъ вашихъ веселостяхъ... Наши балы и собранія подобны малымъ картинамъ, изображающимъ ваши маскарады и прочія веселости. Разстояніе тысячи верстъ не препятствуетъ новымъ модамъ доходить къ намъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Знаете ли, что петербургскій или московскій чепчикъ столько же здѣсь примѣчается, какъ Венерино прохожденіе мимо солнца наблюдается астрономами? Онъ долгое время составляетъ матерію всѣхъ женскихъ разговоровъ, переходитъ изъ рукъ въ руки, привлекаетъ общее вниманіе, производитъ удивленіе и стараніе сдѣлать ему подобный. Конечно, вамъ надлежитъ думать, что и здѣсь по модѣ одѣваются, когда высота нарядовъ на головахъ больше, нежели долгота лица (2).»

Проживать доходы и проматывать имѣнія много помогала усиленная картежная игра. Въ 1763 году императрица писала къ московскому главнокомандующему графу Салтыкову: «До меня доходятъ непріятные изъ Москвы слухи о начавшейся по отъѣздѣ моемъ разорительной карточной игрѣ. Вы сами знаете, что такія неумѣренные игры ни къ чему болѣе не служатъ, какъ только къ дѣйствительному разоренію старыхъ дворянскихъ фамилій и къ обогащенію деревнями фабрикантовъ.» Сатирическіе журналы разказываютъ о такихъ страстныхъ игрокахъ, которые дни и ночи просиживали за картами и спускали всѣ деньги вмѣстѣ съ экипажемъ и лошадьми, на которыхъ пріѣхали (3). Грибовскій въ своихъ интересныхъ запискахъ упоминаетъ о статсъ-секретарѣ В. С. Поповѣ, что онъ много проживался на игру: часто выносилъ онъ изъ своего кабинета полную шляпу червонцевъ, которые однакожъ никогда назадъ не возвращались (4). Луканъ въ предисловіи къ своей комедіи: «Мотъ любовью исправленный» высказалъ откровенное признаніе, которое любопытно какъ хара-

(1) Полумѣсяцъ V. стр. 3—7.

(2) Стр. 305—6. «Живописецъ» ч. 2. (изд. 1-го) стр. 298—9.

(3) «Смѣсь» стр. 77. «Адская Почта» стр. 32.

(4) Стр. 82.

ктеристическая черта своего времени. «Мнѣ опытами извѣстно, говорить онъ, сколь много молодыхъ людей, завидными дарованіями отъ природы надѣленныхъ, губятъ время въ позорномъ мотовствѣ, и сколь многіе отъ того приходятъ въ бѣдность, отъ бѣдности въ крайность, отъ крайности въ дѣла предосудительныя. Многіе, коротко меня знающіе, свѣдомы, почему я толь подробно сужу о слѣдствіяхъ, могущихъ отъ мотовства случиться; а тѣмъ, кто меня не знаетъ, скажу не стыдась, что я самъ въ ономъ вредномъ ремеслѣ долго упражнялся: я игралъ... Игравши, видѣлъ я болѣе ста человѣкъ, не только совершенно промотавшихся, но и въ самую погибель пришедшихъ. Большею частію случалось сіе съ молодыми дворянами, присылаемыми отъ отцовъ своихъ съ глупыми дядьками или къ несмысленнымъ и беспечнымъ родственникамъ. Разорялися они обыкновенно ремесленными картежными игроками... Тогда было такое время и обычай, чтобы всѣмъ, то-есть богатымъ и убогимъ, въ золото и щегольскія одежды наряжаться, но какъ не всѣ имѣли къ тому способы, то и старалися избирать къ обогащенію своему различныя дороги. Тѣ, кои ко взяткамъ не имѣли способности, а къ трудамъ и дѣламъ полезнымъ разума и знанія, пускалися въ игру и оною обогащалися. Вообрази, читатель, толпу людей, нерѣдко больше ста человѣкъ составляющую; обыкновенно собираются оныя *художники* въ большую палату... хитрѣйшіе изъ нихъ скопомъ условливаются ограбить простачковъ, вновь появившихся... Всѣ они съ однѣми приходятъ мыслями, дабы каждому у прочихъ отнять все до послѣдней полушки и лишить не только пропитанія, но и самыя чести... Изъ сотни обыкновенно одинъ или двое, подобно Крезу и Мидасу, имѣютъ передъ собою золотыя горы, возвышенныя отъ иждивенія несчастныхъ противоборниковъ. Выигрывающіе богачи сидятъ кичливо, о столѣ облокотыся, и, имѣя видъ веселый, изъявляютъ неописанное удовольствие, грабя звѣрски свою братію. А злосчастные игроки, истощающіе послѣднія силы, разные имѣютъ виды. Иные подобны бѣдностію лицъ мертвецамъ, изъ гробовъ встающимъ; иные кровавыми очами ужаснымъ фуріямъ; иные уныlostію духа преступникамъ, на казнь ведущимся... Большая часть оныхъ мотовъ, пришедъ въ изступленіе, кланутъ день своего рожденія

и родителей, бьютъ по столу, терзаютъ волосы, дерутъ карты!» (1)
 На подобныя сцены намекаетъ и еженедѣльникъ *И то и се* (2).
 Роскошь, мотовство и высокая игра заставляли щеголей прибѣ-
 гать къ частымъ займамъ. Появились ростовщики, которые за
 свои услуги брали слишкомъ огромные проценты и втайнѣ скоп-
 ляли большія богатства. Журналы не оставили безъ обличитель-
 ной сатиры ни ростовщиковъ, ни тѣхъ господъ, которые, поль-
 зуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, не платили долговъ и
 при всякой просьбѣ объ уплатѣ отвѣчали своимъ кредиторамъ
 вѣчное *завтра* (3).

А. АѢЛНАСЬЕВЪ.

(1) Сочиненія и переводы В. Лукина. С.-Петербургъ 1765. ч. 1. стр. V—XI.

(2) Недѣля 29 и 50.

(3) «Трутень» 1769. стр. 48, 72. 1770 г. стр. 5. «И то и се» недѣля 34-я «Парнасск. Щепетильникъ» стр. 8—9. «Вечера» ч. 2. стр. 93—97. «Живописецъ» ч. 2. (изд. 3.) стр. 49—50.

ШЕСТЬ ПИСЕМЪ ИЗЪ ДЕРЕВНИ

I.

Августа 7-го дня.

Объясалъ я писать тебѣ тотчасъ по прїѣздѣ въ свое заголустье, а вотъ прошло полгода, и я пишу тебѣ первый разъ. Не писалъ я тебѣ, потому что, право, писать не о чемъ. Скучно братъ, ужасно скучно; и хоть бы чѣмъ-нибудь развлечься! Иногда по цѣлымъ недѣлямъ не видишь человѣческаго лица: нельзя же небритую рожу моего Артемья назвать лицомъ.

Разкажу тебѣ свое житье-бытье. Деревенька у меня маленькая, всего восемь дворовъ; земли мало, гѣсу нѣтъ, поэтому стройка у мужиковъ плоха: подъѣзжая къ ней въ первый разъ, подумаешь, что тутъ живутъ не люди, а бобры, такъ это все аккуратно слажено. Но что же дѣлать? и радъ бы помочь, да нечѣмъ. Сначала, какъ я прїѣхалъ, мужики перепугались ужасно: думали, что я хочу заводить запашку. Прїѣхавши, я поселился у старосты; изба у него попросторнѣе, чѣмъ у другихъ, и ребятишекъ нѣтъ. Чтобъ успокоить мужиковъ, я объявилъ имъ немедленно, что запашки заводить не думаю, а что выстрою себѣ маленькій домикъ, возьму съ десятину земли подъ огородъ и дворъ, и оброкъ они будутъ платить какой платили прежде. Услышавъ такое рѣшеніе, они повеселѣли. Да и къ чему я буду заводить запашку, и на чемъ? Мнѣ нуженъ только уголь: имѣя кое-какія постороннія средства, кромѣ этого имѣньишка, какъ-нибудь

проживу. Крестьяне теперь ко мнѣ попривыкли; а то сначала не разъ случалось мнѣ слышать самому, какъ бабы пугали мною ребятъ, когда тѣ больно раскричатся: «Нишни, говорить, пострѣль, вонъ баринъ идетъ.» Ну, а теперь и мальчишки посмѣлье стали: видятъ, что не кусаюсь.

Лѣто прошло, наступаетъ осень: еще будетъ скучнѣе. Какъ проглянетъ красный денекъ, все какъ-будто повеселѣе; выйдешь хоть на крыльцо посидѣть. Мѣстность-то только не представляетъ ничего привлекательнаго: съ одной стороны оврагъ съ глинистыми промоинами и совершенно обнаженными боками, а съ другой поле и больше ничего. Стоить въ боку рощица, да и та такъ мала, что кажется какимъ-то клочкомъ, и больше ни прутика.

Не могу еще привыкнуть ко всѣмъ здѣшнимъ деревенскимъ порядкамъ. На дняхъ староста мой Вавила пришелъ и говоритъ: «Я къ вашей милости, батюшка Александръ Павлычъ.» — Ну, что, братецъ, скажешь?—Кстати, замѣтилъ ли ты особенность, принадлежащую нашему простому, невымощенному русскому языку? Говоря съ человѣкомъ, поставленнымъ ниже тебя на общественной лѣстницѣ, съ человѣкомъ, который тебя совершенно подчиненъ и вполнѣ отъ тебя зависитъ, ты всегда скажешь: *братъ*. Конечно, называя его братомъ, ты можешь-быть и не думаешь, что онъ дѣйствительно твой братъ, это просто принятая формула выраженія. Но почему же она принята, откуда она взялась? предоставляю филологамъ доискиваться...—Ну, что, братъ, скажешь? спросилъ я у Вавилы. «Да вотъ у Семена надо бы сына женить: парень уже на возрастѣ, восемнадцать лѣтъ около вешняго Николая минуло.

— Такъ что же? съ Богомъ! пусть ищетъ невѣсту.

— Есть у насъ дѣвка послѣ солдатки Федоры, Ивановъ Петровичемъ въ домъ принята, ей ужъ давно годы вышли: такъ вотъ кабы вы приказали, батюшка.

— Какъ, братецъ, въ этомъ дѣлѣ могу я приказывать? сойдутся сами, такъ съ Богомъ.

— Гдѣ, батюшка, самимъ сойдтись! безъ неволи не сойдутся. Вотъ кабы ваша милость...

Я рѣшительно разсердился.

— Убирайся, старый хрѣнъ! какое имѣю я право приказывать въ такомъ дѣлѣ?

Вавила нѣсколько оробѣлъ отъ моей вспышки, и смотрѣлъ на меня съ крайнимъ недоумѣніемъ.

— Не во гнѣвъ вашей милости, началъ онъ,—вѣдь это всегда

такъ дѣлается. Кабы васъ не было, такъ я и самъ бы распорядился; а теперь какъ вашей милости угодно. Этакъ и тягла всѣ повываляются.

— Да отчего же не сойдутся они сами? Развѣ дѣвка плоха, или онъ ей не кажется?

— Какое, батюшка! дѣвка здоровенная, чай сами изволите знать, и онъ то-есть со всѣмъ бы удовольствіемъ, ну и она тоже не прочь, да Ивану-то Петровичу отдать не захочется.

— Да ему-то что?

— Какъ, батюшка, что? въ зиму-то нарядеть рублей на двадцать пять, да и лѣтомъ тоже работница. Безъ приказа, пожалуй ни одной дѣвки замужъ не выдадутъ.

Все это для меня какъ-то дико. Я поневолѣ долженъ играть тутъ деспотическую роль судьбы, въ видахъ поддержанія принятыхъ порядковъ.

Съ недѣлю назадъ, возвращаясь съ поля, куда пошелъ я погулять, вижу у крайней избы стоитъ телега парой. «Съ кѣмъ прѣхалъ?» спросилъ я у стоявшаго около лошадей мужика.

— Приказнаго какого-то, отъ становаго что ли, привезъ, отвѣчалъ мужикъ, поднося медленно руку къ шапкѣ, какъ бы не рѣшаясь снять ее.

— Зачѣмъ онъ?

— А кто его знаетъ!

Я пошелъ къ себѣ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ ко мнѣ въ избу человекъ съ угреватой улыбающеюся физиономіей, прищуренными глазами, пунцовымъ носомъ и небритою бородой. Раскланявшись, онъ началъ развязывать бумажный клѣтчатый платокъ, очевидно заключавшій въ себѣ бумаги.

— Что тебѣ, любезный, надо?

— Да вотъ-съ къ вамъ бумажка есть-съ.

— Откуда? У меня, кажется, никакихъ дѣлъ нѣтъ.

— Вы изволили-съ отпустить въ мартѣ мѣсяцѣ крестьянина вашего Федота Иванова по билету; онъ Божіею волею померъ-съ въ А* градской больницѣ, повтому случаю съ васъ и требуютъ-съ отсюда 2 р. 21 к.

— Дѣйствительно, я отпустилъ въ мартѣ старика Федота на богомолье; да за что же требуютъ съ меня деньги?

— За находеніе въ больницѣ-съ.

— Покажи, что за бумага.

Выбравъ изъ кучи бумагъ одну, приказный протянулъ мнѣ руку съ нею, чуть ли не изъ другаго угла избы, какъ будто

боясь подойти ко мнѣ. Смѣшанный запахъ сивухи и луку объяснилъ мнѣ это боязливое движеніе...

Поданная мнѣ бумага была отношеніе изъ А* больницы въ Б* земскій судъ, о взысканіи съ меня за гѣченіе умершаго крестьянина.

— Хорошо, сказалъ я, — приготовь расписку, я сейчасъ отдамъ тебѣ деньги.

— Какъ-съ, неужели вы хотите заплатить? возразилъ приказный: — можно отписаться.

— Что же писать? Крестьянинъ мой. Заплатилъ, и дѣло кончено.

— Помилуйте-съ, какъ это можно! Заплатить небольшая хитрость, всегда успѣете. Позвольте-съ мнѣ написать вамъ объясненіе, будьте увѣрены-съ...

Мнѣ любопытно было увидѣть, что такое напишетъ онъ.

— Пиши, пожалуй.

Черезъ полчаса приказный пришелъ и подалъ мнѣ поллиста бумаги, сложенный вдвое.

— Вотъ не угодно ли подписать.

Посмотримъ что такое.

«Отъ отставнаго штабсъ-ротмистра N, помѣщика Б* уѣзда господину приставу 1-го стана онаго же уѣзда.

«Объясненіе.

«На предъявленное мнѣ сего числа А* градской больницы въ Б* земскій судъ отношеніе, имѣю честь объяснить, что хотя умершій въ оной больницѣ крестьянинъ мой Фодотъ Ивановъ и былъ отпущенъ мною въ 3-й дець марта, текущаго года, на богомолье; но выдавая ему билетъ, я имѣлъ въ виду статью такую-то Свода Законовъ тома XIV, о пресѣченіи и предупрежденіи преступленій, коею воспрещается прокармливать себя мірскимъ подааніемъ, почему тогда же озаботился, дабы крестьянинъ Ивановъ былъ снабженъ достаточнымъ количествомъ денегъ на его потребности, какъ для прохода до монастыря, такъ равно и обратно оттуда, а потому полагаю, что при вышесказанномъ крестьянинъ Ивановъ, при поступленіи его въ больницу, должны были находиться деньги. Почему, объяснивъ все выше изложенное, прошу земскій судъ учинить о томъ сообщеніе въ А* градскую больницу, дабы удержавъ изъ вышесказанныхъ, должствующихъ находиться при крестьянинѣ Фодотѣ, денегъ 2 руб.

24 копѣйку, остальные благоволила препроводить ко мнѣ, какъ его законному наслѣднику. Юля ... дня.»

— Но какія же деньги? сказалъ я:—врядъ ли были какія деньги у старика.

— Должны были быть-съ; статья...

— Ужь какую хочешь приводи ты тамъ статью, а какъ не было денегъ, такъ все-таки ихъ нѣтъ.

— Да, какъ же это можно заплатить безъ всякой переписки. Гдѣ же тутъ дѣло-съ? Этакъ пожалуй заплатишь, чего и платить не слѣдуетъ. Оттого-съ, что вы подадите объясненіе, съ васъ не взыщутъ больше того, чтѣ должно. Притомъ вы можете быть въ отвѣтственности передъ закономъ-съ, что отпустили своего крестьянина по билету-съ, кормиться мірскимъ подаваніемъ.

Послѣдній аргументъ на меня, незнакомаго со всѣми тонкостями отечественной Фемиды, подѣйствовалъ. Я подписалъ объясненіе.

— Однако, какъ намъ съ тобой можетъ-быть не послѣдній разъ приходится встрѣтиться, то какъ, братецъ, тебя звать?

— Писецъ-съ втораго разряда, Яковъ Яковлевичъ Икосовъ.

— Теперь, любезнѣйшій Яковъ Яковлевичъ, не хочешь ли ты чего перекусить?

— Не мѣшало бы пропустить малую толику-съ.

Я велѣлъ его накормить и, разумѣется, напоить какъ слѣдуетъ. Вотъ завязалось у меня глупое дѣло. Любопытно, чтѣ изъ этого выйдетъ.

Прощай, братъ, покуда. Буду опять писать, когда одолѣетъ скука.

II.

Октября 14 дня.

— Спасибо, братецъ, за нѣсколько строкъ, которыя получилъ я отъ тебя на прошлой недѣлѣ. Вижу, что все у васъ идетъ по-прежнему: тѣ же дѣла, тѣ же заботы, и та же суета. Рѣка жизни катитъ свои волны по тому же ложу, и такъ же шумно и стремительно, какъ прежде. Я представляю себя одною каплей, похищенной изъ этого потока,—но чтѣ такое капля!

Живу по-прежнему тихо и мирно и скучаю, — все скучаю.

Получаю одну газету и журналъ, къ которому привыкъ уже изстари. Надо пожить въ глуши, въ деревнѣ, чтобы цѣнить вполне достоинство какой-нибудь книги или журнала: здѣсь поневоля прочитываешь все отъ первой до послѣдней страницы, прочитываешь не торопясь, не пропуская ни одной строки, ни одного слова.

Знаешь что? меня немножко пугаетъ нынѣшнее направленіе повѣствовательной литературы, направленіе, съ легкой руки Гоголя, исправительное. Я не прочь отъ исправленія: исправляйте меня, сдѣлайте одолженіе! Я скажу всякому искреннее спасибо, кто меня сдѣлаетъ хоть на одну каплю лучше, нежели я былъ прежде; но для этого нужно осмѣивать не однѣ пошлости, не выставлять исключительно однѣ нравственно-карикатурныя личности и нападать на то, на что нападать не стоить. Если уже, дѣйствительно, чувствуется потребность въ указаніяхъ на всякія несообразности, встрѣчающіяся въ современномъ обществѣ, то надо указывать на тѣ, къ которымъ мы такъ приглядѣлись, такъ привыкли, что они рѣшительно насъ не шокируютъ, и которыя лучшій изъ насъ дѣлаетъ безсознательно на каждомъ шагѣ.

Обращаюсь къ себѣ. Я очень доволенъ, что переселился на новоселье: построилъ маленькій домишко. Всего три комнаты, но тепло, свѣтло и чисто, и чтобы вполне оцѣнить эти не слишкомъ причудливыя достоинства своего обиталища, надо пожить въ грязной избѣ съ закоптѣлыми стѣнами и крошечными волоковыми окошечками. Вотъ и осень почти уже прошла; день дѣлается все короче, и короче; на дворѣ темно, грязно и холодно.

Въ первый разъ въ жизни жалѣю, что не родился охотникомъ, что нѣтъ во мнѣ этой страсти къ немнуродическимъ подвигамъ, которая самую скверную погоду превращаетъ для человѣка въ какой-то рай, въ давно-желанную и нетерпѣливо-жданную гостю. Мой Артемій въ этомъ отношеніи развитъ, или, лучше сказать, награжденъ природою, гораздо больше меня. Каждый день пристааетъ онъ ко мнѣ съ предложеніемъ идти на охоту.

— Посмотрите, сударь, день-то какой: пасмурно, дожличекъ чуть-чуть моросить, зайца просто руками бери; да ужъ онъ порядочно и затерся: въ порткахъ. Третьяго дня я убилъ одного, почти совсѣмъ чалый! Разумѣется всѣ эти соблазнительные разказы клонятся къ тому, чтобы я отпустилъ его самого, потому что Артемій знаетъ очень хорошо, по опыту, что я не пойду, еслибы заяцъ былъ не только въ порткахъ, но и со всѣмъ безъ портокъ. — Я вижу, обыкновенно отвѣчаю я, — что тебѣ хочется

пойди самому; ну ступай пожалуй, только долго не ходи. Артемій, получивъ позволеніе, немедленно исчезаетъ и приходитъ домой обыкновенно поздно вечеромъ, принося двухъ, трехъ зайцевъ. «Вѣдь говорилъ я тебѣ, встрѣчаю я его, — чтобъ ты не ходилъ долго.» — Виновать-сь, зашелъ въ Богородскія рощи, онѣ версть пятнадцать отсюда будутъ; какъ стало смеркаться, такъ пошелъ домой напрямикъ, да вотъ не успѣлъ раньше придти.

Что же это такое, что заставляетъ человѣка ходить версть по тридцати и болѣе, въ дождь и слякоть, для того чтобъ убить несчастныхъ двухъ зайцевъ? Рѣшительно не постигаю этого удовольствія!

На двѣхъ пріѣзжалъ опять ко мнѣ господинъ Икосовъ, но такой чистенькій, выбритый, вымытый и даже съ очень слабымъ запахомъ.

— Что, любезнѣйшій Яковъ Яковлевичъ, скажешь? Ты какъ будто помолодѣлъ?

— Вчерашній день, его превосходительство-сь у насъ въ Б* присутственные мѣста ревизовали-сь; такъ я имѣлъ честь представляться-сь.

— Ну что, ревизія благополучно сошла?

— Ничего, слава Богу-сь. Больше на наружность устремляли вниманіе-сь, а въ самую сущность входятъ не изволили.

— То-есть, какъ же это на наружность?

— Да въ земскомъ судѣ изволили замѣтить-сь, что мебель не хороша, и стѣны при входѣ какъ будто разрисованы; а въ уѣздномъ-сь обратили особенное вниманіе на шнурки: говорили, что прошнуровывать книги надо шнурками потолще. Замѣтили еще-сь, что писцы въ канцеляріи въ пальтахъ ходятъ. Надо, говорятъ-сь, чтобъ они вицмундирные фраки носили. Уѣздный судья осмѣлился было замѣтить его превосходительству, что жалованье они получаютъ по три и по четыре рубля, а иные и менѣе въ мѣсяцъ, такъ его превосходительство разсердились: мнѣ, говорятъ-сь, дѣла нѣтъ до этого!

— Что наше дѣло какъ?

— Я съ нимъ и пріѣхалъ-сь. Получили отвѣтъ на объясненіе.

— Что такое пишутъ? покажи-ка.

А* больница сообщаетъ отношеніемъ въ Б* земскій судъ, что при поступленіи крестьянина Федота Иванова въ больницу платѣ съ него свое было все снято, а на него, Иванова, надѣто

плате больничное, при чемъ денегъ никакихъ не оказалось, — что платѣ и вещи, принадлежащія крестьянину, сложены въ цейхгаузъ, и что вмѣстѣ съ симъ дѣло о взысканіи слѣдующихъ съ меня денегъ передано больницею въ А* земскій судъ, почему и просить, чтобы деньги были, по взысканіи оныхъ съ меня, препровождены въ сказанный земскій судъ.

— Послать имъ деньги, сказалъ я, прочитавъ отношеніе, — стобитъ ли хлопотать изъ какихъ-нибудь двухъ рублей.

— А вещи-то какъ же-съ? возразилъ Икосовъ: — задо просить, чтобъ ихъ продали - съ; можетъ-быть денегъ, вырученныхъ за нихъ, и достаточно будетъ для уплаты въ больницу.

— Какія же вещи? дрянъ какая-нибудь, не стоящая выдѣннаго яйца. Переписка затянется, а дѣло у васъ не исполнено.

— Какъ не исполнено-съ? Мы дѣлаемъ съ своей стороны все что должно... Вы напишете объясненіе, а у насъ лишній исходящій номеръ-съ. Начальство всегда судить о дѣятельности служащихъ по тому, сколько они выпускаютъ въ годъ бумагъ; оно и выходитъ - съ, что и для насъ такая переписка не только не бесполезна, а даже нѣкоторымъ образомъ прибавляетъ цифру къ видимости нашихъ занятій передъ начальствомъ. И то нынче, съ этимъ сокращеніемъ переписки, и 5000 номеровъ въ годъ не выпустишь! Сокращенія-то конечно желаютъ-съ, продолжалъ онъ, — а число исходящихъ все-таки при отчетахъ показывать велятъ-съ.

— Ого! да я вижу, что ты, Яковъ Яковлевичъ, дока. Ну, если тебѣ такъ хочется писать, такъ пиши, а я буду подписывать. Только смотри, не втяни меня во что-нибудь такое.

— Да вы ужь будьте благонадежны-съ. Во всякомъ случаѣ вы не заплатите больше чѣмъ слѣдуетъ-съ.

Господинъ Икосовъ воспользовался немедленно моимъ согласіемъ *вести дѣло*, и тотчасъ написалъ объясненіе. Не сообщая тебѣ объясненія этого вполнѣ; форма его та же, что и перваго. Сущность объясненія заключалась въ томъ, что я прошу оставшія послѣ крестьянина Федота платѣ и вещи, сложенные, какъ видно изъ отношенія градской больницы отъ такого-то числа, за такимъ-то номеромъ, въ цейхгаузъ, продать; для чего назначить аукціонные торги на точномъ основаніи такихъ-то статей такого-то тома Свода Законовъ, и удержавъ изъ вырученныхъ за вещи денегъ сколько слѣдуетъ, остальные препроводить ко мнѣ.

— Что не заѣдетъ никогда ко мнѣ Алексѣй Ивановичъ (имя

станового пристава, служившаго прежде гдѣ-то капитаномъ)? спросилъ я, подписавъ объясненіе.

— Заняты теперъ очень-съ: три мертвыя тѣла въ стану, да вѣдомость о посѣвѣ и урожаѣ составляютъ-съ.

— Какъ же объ урожаѣ? Хлѣбъ еще не весь перемолоченъ.

— Губернаторъ требуетъ доставленія вѣдомостей къ 1-му октябрю-съ. Нынче немножко опоздали-съ, такъ ужъ эстафетъ присылали съ подтвержденіемъ. Да вѣдь и свѣдѣнія-то эти составляютъ со стѣнки-съ.

— Какъ со стѣнки?

— То-есть такъ-съ, по соображенію-съ. Гдѣ же собирать эти свѣдѣнія? не успѣешь. Дѣла и безъ того не передѣлаешь; Алексѣй Ивановъ отъ себя нанимаетъ трехъ человѣкъ для разсылки по разнымъ дѣламъ.

— Развѣ дѣлъ такъ много?

— Важныхъ-то-съ дѣлъ не очень много, да разныхъ пустыхъ бумагъ пропасть, особенно относительно собиранія всякихъ свѣдѣній. Конечно - съ, свѣдѣнія эти составляются на дому, чтобы только покруглѣе было, да показывало, такъ сказать, процвѣтаніе края; но письма очень много-съ.

За такого рода разказы, развлекающаго свойства, я велѣлъ угостить Якова Яковлевича, что называется, доотвалу, и просилъ его забѣзжать ко мнѣ почаще, только не закусывать передъ посѣщеніемъ лукомъ.

Прощай, дружище, ты не можешь жаловаться, что письма мои коротки; занимательны ли они для тебя, это другое дѣло.

III.

Февраля 21, слѣдующаго года.

Занесло меня совсѣмъ: сугробы какъ будто валомъ окружили мой домишко. На открытыхъ мѣстностяхъ ко всякому кусту и ягѣгу придуваетъ цѣлая горы, а къ строеніямъ еще того болѣе. Отъ воротъ къ крыльцу нырнешь, какъ въ яму. Морозовъ однако мнѣ большихъ не было: градусовъ 15—20 не болѣе; я воображалъ, что въ деревнѣ бываетъ холоднѣе. За то вѣтеръ заываетъ на всѣ тоны, и какъ поднимется мятель, то стѣну точно по чиститъ снаружи вѣникомъ. Сосѣдей (изъ помѣщиковъ) около меня никого нѣтъ верстъ на двадцать; уѣздный городъ трид-

цать пять верстъ, и ничего не представляетъ привлекательнаго. Какъ праздника ждешь привоза газетъ и журналовъ; посылаю я два раза въ мѣсяцъ на почту, и двѣ недѣли читаю и перечитываю одно и то же по нѣскольку разъ.

Вчера прїѣзжалъ ко мнѣ бурмистръ большой вотчины графа Д* съ довольно страннымъ предложеніемъ. Послѣ доклада Артемія, когда я велѣлъ позвать его къ себѣ, вошелъ мужикъ высокаго роста, въ синемъ долгополомъ кафтанѣ, съ большою сѣдой бородой и умнымъ выраженіемъ лица.

— Я къ вашему высокоблагородію за дѣломъ, началъ онъ кланяясь:—осмѣлюсь вамъ доложить: не продадите ли вы его сїтельству мужичка безъ земли на вывозъ?

На такое неожиданное предложеніе я не нашелся вдругъ что сказать, и глядѣлъ на него во всѣ глаза.

— Тысячи полторы, по курсу, мы бы дали, продолжалъ онъ,— за Ивана Иванова, и купчую бы совершили на свой счетъ.

— Но зачѣмъ же нуженъ вамъ крестьянинъ, сказалъ я наконецъ,—у васъ кажется народу довольно.

— Вотчина большая—съ, да это примѣрно для рекрутства.

— Какъ для рекрутства? Въ рекруты, продавать людей не позволено.

— Да мы, осмѣлюсь вамъ доложить, не прямо, примѣрно, въ рекруты, а покупаемъ въ вотчину.

— А! понимаю, а потомъ поставите его за вотчину.

— Такъ точно—съ. Сначала, примѣрно, припишемъ его, потомъ водворимъ, а черезъ годъ и можно забрить за вотчину.

— Все это хорошо, почтеннѣйшій, но я людьми не торгую. Можешь обратиться къ кому—нибудь другому.

Меня взволновало подобное предложеніе. Замѣтивъ суровость моего голоса, бурмистръ съ низкими поклонами и извиненіями удалился.

Долго не выходило у меня изъ головы это посѣщеніе и мнѣ сдѣлалось такъ грустно, что я готовъ былъ плакать. Впрочемъ это предложеніе пробудило во мнѣ тысячи идей, золотыхъ идей юности, и прогнало скуку. Я излилъ гнѣвъ свой на старосту Вавилу, подозрѣвая не безъ основанія, что въ этомъ предложеніи онъ игралъ какую—нибудь роль. Я велѣлъ позвать его къ себѣ.

— Съ какой стати бурмистръ графа Д* вздумалъ покупать у меня мужика? вѣрно ты, старый хрѣнъ, говорилъ ему что—нибудь?

— Намеднишь на базарѣ я столкнулся съ нимъ, отвѣчалъ Вавила,—онъ и говоритъ мнѣ: нѣтъ ли у васъ мужичка, годнаго

въ рекруты, больно бы намъ нужно, говорить; Макаръ деньги за сына вносить. Есть, я говорю, у насъ Ванюшка, въ это дѣло какъ разъ годится; побывай, говорю къ барину, можетъ онъ и поступить.

Все это Вавила разказалъ мнѣ безъ всякаго замѣшательства, и, безъ сомнѣнія, не подозрѣвая нисколько, что тутъ есть что-нибудь, могущее мнѣ не понравиться.

Опять прїѣзжалъ ко мнѣ Икосовъ. Дѣло о взысканіи съ меня идетъ, и начинаетъ меня занимать.

— Получень отвѣтъ—съ, провозгласилъ Икосовъ, входя ко мнѣ съ видомъ совершеннаго удовольствія.

— Ну что такое?

— Вотъ извольте прочитайте, дѣло идетъ на ладъ—съ.

А* земскій судъ объясняетъ, что судъ не обязанъ продавать оставшіяся вещи, послѣ умершаго крестьянина, съ аукціона, чему въ подкрѣпленіе и приводитъ съ десятокъ статей изъ разныхъ томовъ Свода Законовъ и проситъ Б* земскій судъ, чтобы безъ всякаго замедленія, не принимая отъ меня никакихъ объясненій, взыскать деньги и препроводить оныя прямо въ больницу.

— Точно, что дѣло наконецъ идетъ на ладъ, сказалъ я, прочитавши отношеніе,—потому что уже писать больше нечего, и надо заплатить.

— Какъ это можно—съ, воскликнулъ Яковъ Яковлевичъ,—развѣ вы не изволили замѣтить, что А* земскій судъ проситъ взыскать 2 руб. 27 копѣекъ.

— Такъ что же?

— А въ отношеніи А* градской больницы требуютъ только 2 руб. 21 копѣйку.

Я подозрительно посмотрѣлъ на г. Икосова.

— Полно, Яковъ Яковлевичъ, не самъ ли ты придѣлалъ къ единицѣ крючекъ сверху?

— Помилуйте—съ, можно ли это сдѣлать?..

— Ну, хорошо, если не ты, такъ это явно ошибка писца: долго ли, вмѣсто единицы, написать семь.

— А намъ какое дѣло—съ. Теперь возникаетъ недоумѣніе какую сумму слѣдуетъ вамъ заплатить—съ. Если вы заплатите 2 руб. 27 копѣекъ, а слѣдуетъ 2 руб. 21 копѣйку; то, во первыхъ, все-таки будетъ переписка—съ, а вовторыхъ и вамъ изъяснѣнъ.

Вслѣдствіе этихъ разсужденій и доводовъ было написано немедленно новое объясненіе, которымъ просилось разъяснить какую сумму слѣдуетъ заплатить: два ли рубля двадцать одну ко-

пѣйку, какъ требовала прежде больница, или два рубля двадцать семь копѣекъ, какъ сообщаетъ А* земскій судъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣплялось желаніе, чтобы реэстръ оставшимся послѣ умершаго крестьянина вещамъ былъ высланъ ко мнѣ *для соображенія*.

Якову Яковлевичу очевидно понравилась моя водка. На этотъ разъ я чувствовалъ себя не совѣтъ здоровымъ и былъ не въ духѣ, почему и не воспользовался его назидательною бесѣдою.

Прощай, братъ, ты, можетъ-быть, осудишь меня, что я дѣлалъ пустяки, но отъ нечего дѣлать надо же что-нибудь дѣлать, какъ сказалъ кто-то.

IV.

Апрѣля 25.

Весна! При словѣ весна мы привыкли представлять себѣ какой-то пиръ природы, когда кипитъ все жизнью и дѣятельностію, и когда все живущее находится въ экстазѣ и самозабвеніи. Солнце каждый день долѣе и долѣе не сходитъ съ небеснаго купола, подливая постепенно теплоту свою въ кровь и соки, покуда все не закипитъ ключомъ. Точно, бывають дни весною, дышащія какою-то нѣгой, есть что-то разрѣшающее въ воздухѣ; но приближеніе весны для меня было какъ-то непріятно. Я привыкъ въ продолженіе шести долгихъ мѣсяцевъ къ этому бѣлому чистому покрывалу, наброшенному на все. Зима самое опрятное время года. Мнѣ жаль было разстаться съ этою старушкой: ко всему привыкаешь. Съ половины марта снѣгъ началъ мало-по-малу садиться; вдругъ дохнуло тепломъ, и черезъ нѣсколько дней по всему полю, на бѣлой его поверхности, появились темныя пятна, какъ на трупѣ при его разложеніи. Но это день, два; вотъ показалась мѣстами земля черными полосами; на полѣ, какъ щетина, выставился остатокъ соломы отъ сжатаго въ прошломъ году хлѣба; оврагъ, въ которомъ лѣтомъ не бываетъ капли воды, реветъ какъ горная рѣчка послѣ ливня, и жаворонокъ гдѣ-то высоко поетъ свои переливы, гармоническія для отвыкшаго уха. Теперь снѣгу уже нѣтъ нигдѣ, и трава, на скатахъ, обращенныхъ къ солнцу, зелеными иглами выльзаетъ изъ земли.

Крестьяне начали уже поднимать землю подъ яровой посѣвъ. Нѣсколько дней стоитъ довольно холодно и по утрамъ морозы: мужички говорятъ, будто это оттого, что *жельзо въ землю пошло*.

Получилъ я отъ посредника повѣстку, заключающую въ себѣ

приглашеніе выѣхать для написанія любовной сказки по пустошъ Долгой.

— Что это за пустошь? спросилъ я у Вавилы. — Гдѣ она?

— Это, батюшка, верстъ пять отсюда; намъ изъ нея выдѣляютъ пять коловъ безъ седьмой доли, да земля-то не стѣбитъ никакого вниманія.

— Что же тамъ? лѣсъ, покось, пашня?

— Пустырь; такъ небольшіе по ней мужачки. Былъ прежде лѣсокъ, да ужъ давно повывели. Кабы понаблести, такъ можетъ и опять бы выросъ, а то дѣло заглазное: всякой рубить.

— Посредникъ нищетъ, что выдѣдетъ для составленія любовной сказки между участниками. Есть ли у насъ какіе документы на эту пустошь?

— Какіе батюшка, документы? Никакихъ нѣтъ ни у кого, а знаемъ промежъ собой сколько кому идетъ. Только не стѣбитъ дѣлать эту землю. За планы возьмутъ больше, чѣмъ земля-то стѣбитъ. Землемѣра тоже надо подымать; людей повывбуютъ на межу въ самую рабочую пору, когда мужику-то день рубля стѣбитъ.

— Такъ какъ же быть?

— Да вы ужъ, батюшка, напишите посредственнику-то, что дѣлаться мы не хотимъ, а хотимъ остаться какъ есть. Да чтобъ ужъ и не пріѣзжалъ. Богъ съ нимъ: такой благой!

— Что же, развѣ онъ больно сердитъ?

— И не приведи Богъ! Какъ соберетъ гдѣ мужичковъ любовную дѣлать, да долго ихъ согласъ не беретъ,—извѣстно, у всякаго свой царь въ головѣ,—такъ сейчасъ и за бороду, али норовитъ въ зубы. Ужъ какъ гдѣ встрѣтишь мужичка, да рыло у него въ крови, такъ нечего и спрашивать, вѣрно съ любовнаго межеванія идетъ!

— Ты всегда жалуешься, что земли у васъ мало; почему же вы не распашете эту землю въ пустоши?

— Куда, батюшка, экую даль! Навозу вѣдь на нее не повезешь, а на безнавозицѣ сѣять одна только работа.

— Что жъ? можно бы и навозу положить.

— Ахъ, батюшка Александръ Павлычъ, да навозу-то только на ободворицу хватаетъ. Много ли настоятъ одна лошаденка, да двѣ, три коровенки. Вы сами извоили видѣть и на ободворицѣ-то каковъ хлѣбъ родится: поѣешь на тягло два мѣшка, а намолотишь шесть, и то славу Богу!

Дѣйствительно, здѣсь земля только-что прокармливаетъ кре-

стьянина съ семействомъ, и то при урожаѣ. Все же остальное: оброки, подати, разные косвенные налоги, расходъ на домашнія потребности падаетъ на заработокъ. Хорошо, если въ семействѣ есть мастеровой, могущій отлучиться на лѣто отъ дому, и добыть сотню или полторы рублей, разумѣется ассигнаціями; но если мастерового нѣтъ, или отлучиться ему нельзя по какому-нибудь случаю, хоть потому, что некому безъ него дома убраться съ полевыми работами, произведеніе которыхъ все-таки обеспечиваетъ болѣе или менѣе существованіе крестьянина? Домашніе заработки на своемъ хлѣбѣ мало выгодны. Поэтому состоящіе на господской заправкѣ крестьяне, отъ которыхъ требуютъ непременно законныхъ трехъ рабочихъ дней въ недѣлю, бѣдны. Если отъ нихъ требуютъ этихъ трехъ дней круглый годъ, что нѣкоторые дѣлаютъ (слава Богу что только нѣкоторые), то крестьянину нѣтъ возможности отлучиться отъ дому, и онъ бѣдствуетъ, особливо въ неурожайный годъ.

Скуку, которую навелъ я на тебя своими разсужденіями надѣюсь разогнать разказомъ совершенно правдивымъ о продолженіи моего дѣла по взыску денегъ въ больницу.

Возвратясь, нѣсколько дней тому назадъ, домой изъ поля, куда я хожу по обыкновенію для моціона ежедневно утромъ, я засталъ г. Икосова, сидящаго у стола въ моей прихожей комнатѣ и усердно пишущаго.

— А! любезнѣйшій Яковъ Яковлевичъ, давно ли пожаловалъ?

— Съ полчаса-съ, отвѣчалъ онъ, раскланиваясь.

— Что такое ты тутъ пишешь?

— Объясненіе по вашему дѣлу-съ о взысканіи денегъ въ больницу. Съ мѣсяцъ уже получено отношеніе изъ А* земскаго суда, да дѣла по набору захватили, такъ не успѣлъ до сихъ поръ къ вамъ побывать. Не угодно ли прочитатъ отношеніе? и реэстръ оставшимся вещамъ приложенъ-съ.

А* земскій судъ сообщаетъ, что слѣдуетъ взыскать 2 рубля 21 копѣйку, и что 27 копѣекъ написано по ошибкѣ писца. Взысканіе просить учинить немедленно, такъ какъ получено въ ономъ судѣ уже нѣсколько подтвержденій отъ такихъ-то чиселъ и за такими-то нумерами о скорѣйшемъ доставленіи въ больницу денегъ.

«Реэстръ вещамъ, оставшимся послѣ умершаго въ А* градской больницѣ крестьянина Федота Иванова:

«Полушубокъ нагольный худой—1. Полукафтанъ изъ коровьяго смураго сукна худой—1. Лапти одни новые, другіе худые—2.

Порты изъ полосухи поношенные—1. Рубаха изъ пестряди поношенная—1. Шапка овчинная худая—1. Котомка кожаная потерянная—1. Въ ней три просфоры съ надписями—3. Три изображенія святыхъ: преподобныхъ Зосима и Савватія и мученика Фодота и видъ монастыря печатныя на бумагахъ—4.

— Въ чемъ же заключается объясненіе? спросилъ я, не рѣшаясь высказать обыкновенную мою мысль, что писать нечего, тѣмъ болѣе, что объясненіе, какъ я уже замѣтилъ, было написано.

— Вы изволите просить-съ о высылкѣ къ вамъ вещей, оставшихся послѣ крестьянина, и по полученіи ихъ обязуетесь заплатить деньги. Есть до васъ еще дѣльце-съ, продолжалъ онъ скороговоркой, какъ бы боясь съ моей стороны возраженій: — недоимочка небольшая числится на крестьянахъ.

— Знаю, знаю. Я уже приказывалъ объ уплатѣ ея не одинъ разъ; но что же дѣлать? теперь взять крестьянамъ рѣшительно негдѣ. Оброкъ не заплатили мнѣ почти за годъ, да я ужъ и не спрашиваю; обстоятельства тяжелыя: фабрики уменьшили работы, ткачи сидятъ безъ дѣла, подвозки и перевозки всякія, а также потребность разныхъ матеріаловъ и продуктовъ, все это уменьшилось пропорціонально уменьшенію фабричныхъ работъ и оборотовъ.

Всѣ эти доводы мало подѣйствовали на Якова Яковлевича, да кажется онъ нисколько и не желалъ вникать въ ихъ справедливость, но смыслъ ихъ онъ понять.

— Отъ губернатора получено уже другой разъ строжайшее предписаніе о сборѣ недоимокъ, съ угрозою предать суду всѣхъ, начиная отъ исправника до послѣдняго писца, если недоимки въ продолженіе мѣсяца не будутъ собраны-съ. Они не принимаютъ никакихъ резоновъ. Сначала писали этакъ мягко-съ: прошу дескать озаботиться о сборѣ недоимокъ, что мною дескать будетъ принято въ особенное одолженіе. И предводителю тоже писали. А какъ увидѣли-съ, что толку этакъ мало, такъ уже и пишутъ-съ: строжайше и съ угрозою! Для васъ ужъ пожалуй маленько поспоримъ-съ; въ другомъ мѣстѣ выбивать будемъ.

О, почтеннѣйшій Яковъ Яковлевичъ! за такого рода съ вашей стороны споры я готовъ подписать сколько угодно объясненій, еще гораздо глупѣе тѣхъ, какія вы заставляли меня подписывать.

Прощай покуда и не сѣтуй на длину моихъ писемъ; можетъ-быть ты и найдешь въ нихъ что-нибудь по твоему вкусу, ну хоть для осужденія.

V.

Юля 24.

Я сравниваю жизнь свою съ жизнью Адама въ земномъ раю. Въ самомъ дѣлѣ, чего не достаешь мнѣ? Нельзя сказать, что я въ потѣ лица достаю хлѣбъ свой. Домишко мой, хотя и не представляетъ великолѣпныхъ райскихъ видовъ, и не вмѣщаетъ въ себѣ тропическихъ деревъ и растеній, какія были въ раю, но содержитъ температуру всегда ровную, устраняя отъ меня неприятности внезапныхъ перемѣнъ атмосферныхъ, и я, сидя въ мягкихъ креслахъ, предаюсь плѣнительному *far niente*. Я даже иду далѣе и полагаю, что Адамъ никогда не имѣлъ тѣхъ удобствъ, какими пользуемся мы, сословіе привилегированное и праздное.

Я всегда думалъ и утверждаю, что нѣтъ на свѣтѣ людей свободнѣе русскихъ дворянъ: хочу я что-нибудь дѣлать — дѣлаю, не хочу — ровно ничего не дѣлаю, сплю и ѣмъ. Какія у насъ общественныя обязанности? Никакихъ! Подъ самыми пустыми предлогами я могу уклониться отъ всякаго участія въ дѣлахъ общественныхъ. Я могу изолировать себя рѣшительно отъ всего. Я могу дѣлать только то, что мнѣ нравится, и если я рожденъ безъ шишки разбойничества и буйства на черепѣ, земной рай для меня совершенно осуществляется. Желаю я подчиниться общественнымъ условіямъ — въ извѣстныхъ случаяхъ надѣваю фракъ; не желаю и этимъ стѣснять себя — сижу цѣлый вѣкъ въ халатѣ, или даже, пожалуй, совѣмъ безъ халата! Но чтобы пользоваться этимъ блаженствомъ, надо быть холостымъ. Съ женою пришли къ Адаму всѣ нужды и лишенія; она разстроила миръ его жизни, принесла съ собою соблазнъ и грѣхъ. Грѣхопаденіе Адама и потеря рая черезъ жену не есть ли самый понятный символъ семейныхъ заботъ, обязанностей и трудовъ, которые являются человѣку вмѣстѣ съ женою?

Мало ли чего, дружище, не передумаешь, сидя одинъ-на-одинъ самъ съ собою! Мысли вытекаютъ иногда страннымъ, повидимому, образомъ одна за другою, а между тѣмъ все это выходитъ послѣдовательно, логично.

Сидѣлъ я передъ тѣмъ, какъ началъ писать къ тебѣ, у окна и безсознательно, механически глядѣлъ въ поле; мысли мои были

далеко, чуть ли не гдѣ-нибудь въ Парижѣ. Но вотъ я сталъ вглядываться попристальнѣе: вмѣсто картинъ великолѣпныхъ палатъ и раззолоченнаго лакейства, гордо всюду поднимающаго носъ, рисовавшихся мрачно въ моемъ воображеніи, я увидалъ бѣдную женщину, покрытую вмѣсто одежды какими-то тряпками, склонившуюся надъ полосой ржи, которую она жала. Вотъ, нагнувшись къ самой землѣ, забираетъ она твоею рукой солому, срѣзываетъ ее серпомъ, и поднимается, болязненно распрямляя спину. Кладетъ сжатую горсть на приготовленный поясъ и опять наклоняется къ землѣ. Потъ струями льется по загорѣлому и покрывшемуся преждевременными морщинами лицу. Съ полчаса смотрѣлъ я на эту картину тяжкаго труда, и чего, чего не передумалъ въ это время! Я отошелъ отъ окна: въ этой работѣ съ утренней до вечерней зари я чувствовалъ упрекъ...

Но все это, какъ ты видишь въ началѣ письма, разрѣшилось саркастическимъ сравненіемъ. Внутри насъ есть голосъ себялюбія, который въ подобныхъ случаяхъ кричитъ такъ громко, что не заглушишь его какимъ бы то ни было широкимъ человѣческимъ чувствомъ. «Развѣ я самъ создалъ, говорить этотъ голосъ, свое положеніе? Довольно и того, что я сознаю исключительность своего положенія.» Конечно; но этого мало, что ты только сознаешь; честный человѣкъ долженъ отдавать *sum cuique*.

Болѣе года живу я въ деревнѣ, и въ настоящей русской деревнѣ, а не въ какой-нибудь швейцарской *châlet*, окруженной рощами, сгруппированными по всѣмъ правиламъ искусства, цвѣтниками, газонами и прудами. Я видѣлъ вблизи полную годовую орбиту жизни крестьянина во всѣхъ ея точкахъ, и удивлялся духу воздержности, трезвости, покорности, которыми она проникнута, удивлялся ежедневному безотвѣтному, безропотному труду.

Но довольно объ этомъ, я убѣжденъ, что никакую мысль, для того чтобъ она была плодотворна, не должно развивать до крайнихъ ея предѣловъ; нужно только выставить мысль на показъ, чтобы всякой ее видѣлъ, и довольно. Голова всякаго мыслящаго человѣка будетъ сама развивать ее, а свои собственные выводы всегда убѣдительнѣе чужихъ. Если мысль не ложная и имѣть живое, для всякаго видимое основаніе, выводы могутъ различаться между собою развѣ только слабыми оттѣнками.

Недавно былъ у меня довольно непріятный случай: дѣвочка

лѣтъ трехъ утонула въ прудѣ, гдѣ не было и аршина глубины. Какимъ образомъ она утонула, никто не видалъ. Отецъ съ матерью были въ полѣ; въ деревнѣ оставались одни ребятишки, которые ходятъ гурьбой всюду: и въ рощу, и въ оврагъ, и на прудъ. Когда мать пришла домой и хватилась дочки, ея нигдѣ не могли найти. Спрошенные ребятишки отвѣчали, что не видали ея во все утро. Первая мысль: не попала ли она какъ въ прудъ? Дѣвочку дѣйствительно нашли въ прудѣ, безъ всякаго признака жизни, совсѣмъ уже охолодѣлоу. Откачиваніе и растираніе не повели ни къ чему.

— Какъ же вы это не смотрите за ребятами?

— Усмотришь ли за нами, кормилецъ, отвѣчала мать, плача.

— Уйдешь въ полѣ, не привязать же ихъ. Не бывало этакого грѣха!

Я приказалъ Вавилѣ послать тотчасъ за сотскимъ, этимъ первымъ звеномъ общественной власти, чтобъ объявить ему о происшествіи. Дней пять никто не пріѣзжалъ изъ членовъ земской полиціи, и тѣло ребенка лежало на берегу, наводя уныніе на всю деревню; одни только ребятишки такъ же шумно и весело бродили и по рощу, и по оврагу, боясь только подходить къ пруду. Наконецъ пріѣхалъ какой-то сельскій засѣдатель, писалъ что-то часа три, сидя въ избѣ, и ребенка похоронили. Я даже не видалъ этого засѣдателя. Послѣ его отъѣзда, пришелъ ко мнѣ Вавила.

— Слава Богу кончилъ, началъ онъ, — хорошо, батюшка, что вы были здѣсь, а то бы даромъ не отдѣлались. И то говорилъ отцу: «счастливъ ты, что здѣсь Александръ Павлычъ; ужь я только для нихъ это дѣло такъ кончаю, а то бы ты у меня даромъ не отдѣлался.»

— Да я этого засѣдателя въ глаза не видалъ; за что же ко мнѣ такая милость?

— Э! батюшка, тоже васъ немного побаиваются.

Очень радъ, что я хоть чѣмъ-нибудь здѣсь полезна; хоть служу пугаломъ для земской полиціи.

Черезъ два дня послѣ этого пріѣхалъ Икосовъ.

— Что это вы пять дней не присылаете никого сдѣлать слѣдствія? Время теперь жаркое, тѣло лежитъ на солнцѣ; этакъ сразу сдѣлаешь.

— Меня не было-съ въ стану. Алексѣй Ивановичъ тоже съ исправникомъ уѣхали: на границѣ уѣзда появилась шайка раз-

бойниковъ-съ, такъ ловятъ-съ. Ужь земскій судъ засѣдателя командировалъ.

— Да гдѣ же ты былъ?

— У предводителя дни четыре пробылъ-съ.

— Что ты у него дѣлалъ?

— Да ничего-съ. Они Алексѣя Иваныча просили прислать къ нимъ кого-нибудь подѣльнѣе, для собранія какихъ-то свѣдѣній. На счетъ чего-то, циркулярнымъ отношеніемъ изъ министерства, мнѣнія требуютъ-съ. Они и хотѣли было сначала составить это поаккуратнѣе, и написать, чтобы настоящее дѣло было-съ, да потомъ раздумали.

— Что же такъ?

— Напиши, говорятъ-съ, дѣло, али такъ что-нибудь такое, чтобы только отвѣтить; все, говорятъ-съ, равно будетъ. Останется въ канцеляріи; пожалуй, никто и не прочтаетъ. Въздъ насъ-съ, говорятъ, спрашиваютъ только для порядка, а тамъ они сами напишутъ свое, что-нибудь покруглѣе, чтобы не разногосило съ годовыми отчетами. Скажешь какую-нибудь правду, такъ еще обидятся. Нѣтъ, говорятъ-съ, ты ужь, братецъ, поѣзжай домой, кланяйся Алексѣю Иванычу, и скажи, что дескать ужь не нужно: отдумалъ.

— Спасибо, Яковъ Яковлевичъ, спасибо, что пріѣхалъ. Но, я знаю, ты безъ дѣла не ѣдишь: вѣрно получено что-нибудь на счетъ взыскапія?

— Какже-съ, вещи выслали, только не всѣ. Картины нѣтъ-съ. Я ужь заготовилъ вамъ и объясненіе, требующее высылки картинъ.

— Какія же это картины? Онѣ всего какой-нибудь грошъ стоять.

— Однакоже-съ. А главное, ужь надо дѣло сдѣлать съ концомъ.

Для того собственно, чтобы дѣло сдѣлать совершенно съ концомъ, я подписалъ для удовольствія Якова Яковлевича объясненіе, о высылкѣ картинъ, прибавляя, что деньги я заплатитъ не могу, не получивъ всѣхъ вещей сполна.

Воображаю, какъ ты ворчишь, читая это, осуждая меня, и совершенно справедливо, что я издѣваюсь надъ слабостью нашихъ исполнительныхъ властей, и профанирую умышленно этою глупою и бесполезною перепискою существующій порядокъ. Не пытаюсь, да и не хочу оправдываться. Это просто любопытство

удостовериться собственнымъ опытомъ, долго ли можно уклоняться отъ исполненія самой законной вещи, безъ всякой за то отвѣтственности.

Прощай, желаю тебѣ всего лучшаго и прошу самаго полнаго снисхожденія къ преданному тебѣ.

VI.

Сентября 24.

Вотъ болѣе года какъ писалъ я тебѣ первое письмо мое отсюда. Опять осень, но теперь самый пріятный моментъ осени. Погода стоитъ чудная; небо блещетъ самою яркою синевою; прозрачность воздуха изумительная: ни малѣйшихъ паровъ на горизонтѣ, и съ какого-нибудь пригорка, версть за двадцать глазъ различаетъ предметы съ совершенно яркими очерками, какъ на акварельной миниатюрѣ, и высоко въ воздухѣ видишь бѣлыя нити летящей паутины: признакъ продолжительнаго вѣдра. Листъ на деревьяхъ сдѣлался точно золотой; гумна, обставленные скирдами хлѣба, выражаютъ довольство и пріятно удостоверяютъ, что мужичокъ теперь сытъ. Рано утромъ, только заря начинается заниматься, отовсюду слышится стукъ молотилъ, какъ топотъ конскаго табуна, и далеко гдѣ-то бормочетъ тетеревъ и потомъ *чуфыкаетъ* точно надъ самымъ ухомъ.

Ты знаешь, вѣроятно, что для предупрежденія голода, могущаго постигнуть сельское населеніе въ случаѣ неурожая, учреждены вездѣ запасныя хлѣбныя магазины. Осенью, во время самой молотьбы, собираютъ положенное ежегодное количество хлѣба.

— Какъ прикажете, говорить мнѣ Вавила, — нынче насчетъ сбора въ магазю?

— Да такъ, какъ обыкновенно собиралось въ прежніе годы.

— Есть на насъ прежняя недоимочка; такъ собирать ее тоже, что ли, али такъ оставить?

— Какая недоимочка? Почему же вы не всыпали каждый годъ? Развѣ хлѣба не было?

— Не то, чтобы хлѣба не было, а мужички все-таки обижаются, то-есть всыпать-то не охота; такъ вотъ прошлый годъ я ужъ и не докладывалъ вашей милости; мужички и порѣшили, что

лучше молъ поклониться смотрителю, а хлѣбъ не всыпать. Такъ и сдѣлали. Какъ нынче прикажете? Мужикамъ тоже всыпать не охота.

— Какъ же это поклониться смотрителю? Я хорошенько не понимаю.

— Да въ прошлую осень всего цѣлковенный отнесли...

— Не глупъ ли ты? Борода выросла, а ума не вынесла, какъ говорится по-русски. Вамъ всего надо собрать какую-нибудь четверть, а вы даете цѣлковый, чтобы не всыпать, когда четверть-то теперь стоить всего цѣлковыхъ два. Самъ же ты говоришь и понимаешь, что на васъ недоимка; она все же будетъ числиться, и рано или поздно придется ее пополнить. Нѣтъ, ужъ ты изволь распорядиться, чтобы было все сполна всыпано.

— Оно точно, батюшка, я и самъ думалъ, что всыпать лучше, да мужички-то просятъ. Такъ ужъ видно молъ доложить барину: приказъ будетъ, такъ и толковать нечего. Цѣлковый-то отдашь, продолжалъ Вавила,—а тутъ прїѣдетъ левизоръ, всякой годъ наѣзжаетъ, тому тоже цѣлковый надо: такъ почитай на одно то же и выйдеть.

— Всыпать, непременно все всыпать!

— Также вотъ насчетъ Алексѣя Ивановича я хочу доложить; не прикажете ли что отвезти и ему? Прежде всегда собирали ему, то овсеца, то ржицы: человекъ нужный, всякое дѣло можетъ случиться.

— Ну, это какъ вы хотите; это ваше дѣло.

— Какое бы ужъ дѣло ни было, а его не минуешь. Вотъ и прошлый годъ, какъ Ванюшка-то надурилъ, я возилъ его въ станъ поучить, такъ ужъ очень доволенъ остался Алексѣемъ Ивановичемъ: отлично его высѣкъ; съ мѣсяцъ изъ спины-то все прутики выковыривалъ.

— Какъ сами знаете!

— Да вотъ и попы скоро поѣдутъ новъ собирать, такъ ужъ тоже надо дать; да...

— Еще кому?

— Приказные изъ суда тоже за новью по первопутку взять: не равно какое дѣло, народъ нужный...

— Довольно, довольно! Ступай братецъ, да чтобы только въ магазинъ всыпано было что слѣдуетъ...

Вѣкъ живи, вѣкъ учись! Я писалъ тебѣ, что земля здѣсь только прокармливаетъ крестьянина съ семействомъ; выходитъ, она

кормить не одного крестьянина, ну да и на выпивку что-нибудь надо!

Дѣло о взысканіи денегъ въ больницу кончено; картины высланы и поступили въ вѣдѣніе Артемья, который съ совершеннымъ удовольствіемъ приколотилъ ихъ надъ своею кроватью, подъ самымъ потолокомъ, одностенными гвоздями.

Яковъ Яковлевичъ правъ: я заплатилъ 2 рубля 21 копейку, ни полушки больше.

Прощай, братъ; замѣчаю, что дѣлаюсь старъ: всякая малость меня раздражаетъ; расчеты Вавилы просто навели на меня хандру.

N.

ЗАПИСКА

0

ВОСТОЧНЫХЪ КНИГАХЪ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ¹

I.

Ученый міръ давно уже привѣтствовалъ появленіе знаменитаго каталога восточныхъ рукописей, хранящихся въ нашей Публичной библіотекѣ; но между тѣмъ далеко еще неисчерпанъ богатый запасъ матеріаловъ, хранящихся въ нашей столицѣ. Не говоря уже о мусульманскихъ рукописяхъ, которыя могутъ отыскаться въ другихъ казенныхъ заведеніяхъ и въ рукахъ частныхъ лицъ, мы не должны забывать, что въ знаменитомъ каталогѣ исключена литература, которая гораздо важнѣе и по объему и

(1) Предлагаемая статья напечатана была еще прошлаго года въ переводѣ на французскій языкъ въ запискахъ нашей академіи наукъ (*Mélanges asiatiques* t. II. 25. Janvier 1856). Въ нынѣшнемъ году она цѣликомъ перепечатана въ Парижѣ въ *Institut* (№№ 253, 254 и 255), съ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

« *Histoire de l'Asie orientale, Ouvrages chinois, tibétains, mongols et mandchous des dépôts littéraires de Saint-Petersbourg.*

« Dans le courant de l'année 1856 Mr. Wassiliéw a communiqué à la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie, une notice détaillée sur les ouvrages en langues de l'Asie orientale, qui se trouvent dans plusieurs établissemens littéraires et particulièrement dans la bibliothèque de l'Université de St.-Petersbourg. Malgré son étendu nous avons jugé cette notice assez importante pour être reproduite intégralement dans nos colonnes; outre des renseignemens bibliographiques précieux à

по занимательности, чѣмъ произведенія магометанскаго міра, а богатымъ собраніемъ книгъ по части литературы китайской, тибетской, монгольской и маньчжурской, именно и можетъ гордиться въ настоящее время нашъ Петербургъ. Публичная бібліотека бѣдна этого рода книгами. Настоящее богатство по этой части принадлежитъ бібліотекѣ Азіятскаго департамента, Академіи Наукъ и С.-Петербургскаго университета. Первый уже за десять лѣтъ передъ этимъ издалъ прекрасный перечень своихъ книгъ; но намъ извѣстно, что съ того времени онъ уже увеличился можетъ-быть вдвое, и если принять въ расчетъ, что бібліотека нашей миссіи въ Пекинѣ составляетъ только отдѣленіе бібліотеки с.-петербургской, такъ что во всякое время книги, тамъ хранящіяся, могутъ быть доставлены сюда, то преимущество несомнѣнно остается на сторонѣ бібліотеки Азіятскаго департамента, не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Не говоря уже о книгахъ на языкъ китайскомъ, стѣбитъ только припомнить, что миссіа наша получила въ подарокъ отъ китайскаго правительства превосходный экземпляръ придворнаго пекинскаго изданія *Ганьчжура* и *Даньчжура*, на тибетскомъ языкѣ (1).

connaitre, elle contient des détails intéressants sur les moeurs, les idées religieuses, les habitudes sociales des populations asiatiques que l'auteur a eu l'occasion d'observer d'une manière approfondie pendant le séjour de plusieurs années, qu'il a fait dans ces contrées peu fréquentées par les Européens.»

Намъ пріятно привести этотъ блистательный отзывъ о нашемъ почетномъ синологѣ, котораго имя уже давно извѣстно читателямъ «Русскаго Вѣстника», и который недавно обогатилъ нашу ученую литературу своимъ трудомъ о *буддизмѣ*, имѣющимъ европейское значеніе. Мы увѣрены, что читатели наши оцѣнятъ статью, предлагаемую имъ теперь въ оригиналѣ, и уже дважды напечатанную во французскомъ переводѣ. *Ред.*

(1) Занимаясь тибетскимъ языкомъ, я тотчасъ по прибытіи въ Пекинъ старался отыскать *Ганьчжуръ* и *Даньчжуръ*; экземпляры этихъ книгъ привозятся нерѣдко въ столицу тибетскими купцами для продажи Монголамъ, но печать и бумага такъ дурны, что съ трудомъ можно разбирать; между тѣмъ я узналъ, что можно приобрести эти книги въ изданіи придворной типографіи, которое несравненно лучше; я видѣлъ даже и доски, помѣщенные въ огромномъ зданіи въ сѣверномъ саду Краснаго города. Нужно было обратиться съ просьбой въ лифань-юань, и начальникъ нашей миссіи не отказалъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи; между тѣмъ оказалось, что *Ганьчжуръ* и *Даньчжуръ* давно уже не печатались, доски попорчены и многія утратились; однакожъ китайское правительство было такъ благосклонно къ намъ, что взяло для насъ экземпляръ изъ бібліотеки одного пекинскаго хутукты.

Остальная Европа никогда не имѣла и одного тома изъ этого изданія. *Ганьчжурь* уже доставленъ въ департаментъ, тогда какъ *Даньчжурь* остался въ Пекинѣ только по затрудненію въ средствахъ перевозки. Это богатое изданіе состоитъ изъ 350 слишкомъ томовъ, изъ которыхъ каждый вѣсомъ около 20 фунтовъ; напечатано на бѣлыхъ склеенныхъ листахъ киноварью; каждый томъ вложенъ въ богатоубранныя доски и обернуть въ ткань желтаго цвѣта. Пекинская библіотека миссіи обладаетъ также семьюстами слишкомъ томовъ буддійскихъ книгъ на китайскомъ языкѣ, и каждый томъ состоитъ изъ десяти тетрадей (чжецзы). Все это такія рѣдкости, которыя можно было достать только Азіатскому департаменту, поставленному въ положеніе, недоступное частнымъ лицамъ. Сверхъ того онъ не щадитъ издержекъ на приобрѣтеніе книгъ: вотъ уже болѣе тридцати пяти лѣтъ какъ онъ ежегодно ассигнуетъ на эту статью по 500 р. сер. въ годъ. Такимъ образомъ, не считая уже прежде сдѣланныхъ приобрѣтеній и помянутаго подарка отъ китайскаго правительства, библіотека Азіатскаго департамента стоитъ ему до 17,000 р. сер. Эта сумма очень значительна для Китая, гдѣ книги такъ дешевы, и гдѣ печатаніе всѣхъ дѣльныхъ произведеній не дѣлаетъ ихъ рѣдкостями. Сверхъ того библіотека азіатскаго департамента имѣетъ ту выгоду, что она имѣетъ постоянно своихъ корреспондентовъ въ Пекинѣ въ лицѣ миссіонеровъ, тогда какъ всѣ другія заведенія могли дѣлать свои приобрѣтенія или по случаю, или временно. Иныя изданія не появляются въ продажѣ и въ продолженіе десяти лѣтъ, или такъ дороги, что недоступны средствамъ. Сверхъ того китайскіе писатели навѣрно не прекратили дѣятельности и въ настоящее время; но мы не имѣемъ уже способа приобрѣсть позднѣйшія произведенія. Итакъ будемъ надѣяться, что современемъ библіотека Азіатскаго департамента будетъ обладать и этимъ рѣдкимъ сочиненіемъ *Ту-шу-цзи-чань*, напечатаннымъ при Канси подвижными литерами, гдѣ на каждомъ почти листѣ встрѣчаются рисунки. Оно состоитъ изъ пятисотъ томовъ (по десяти тетрадей въ каждомъ). Только Азіатскому департаменту возможно также приобрѣтенія изданія *Ганьчжура* и *Даньчжура* на монгольскомъ языкѣ, а равно перваго въ переводѣ на маньчжурскій (1).

(1) Въ мое время *Ту-шу-цзи-чань* продавали за 7000 р. сер.; столько же просили съ меня за *Ганьчжурь* и *Даньчжурь* на тибетскомъ языкѣ,

Мнѣ неизвѣстно въ подробности, какимъ образомъ составлялись библиографическія богатства Академіи Наукъ, и какія она употребила на это суммы. Разсматривая ея книги, ясно видимъ однакожь, что первое начало положено еще едва ли не въ прошломъ столѣтіи; за то въ послѣднія двадцать лѣтъ она, кажется, не сдѣлала никакого важнаго пріобрѣтенія, исключая небольшого количества книгъ на тибетскомъ языкѣ, вывезенныхъ въ 1850 г. Каталогъ ихъ уже обнародованъ г. Шифнеромъ, и мы думаемъ, что, несмотря на свой небольшой объемъ, это собраніе интереснѣе всего, что представляетъ каталогъ, изданный гг. Шмидтомъ и Бетлингомъ.

Библиотека Санктъ-Петербургскаго университета можетъ считать свое существованіе еще только мѣсяцами. Она привезена вся въ цѣлости недавно изъ Казани, по случаю закрытія въ тамошнемъ университетѣ восточнаго отдѣленія и открытія въ Санктъ-Петербургскомъ расширеннаго преподаванія восточныхъ языковъ, между которыми нашли мѣсто китайскій, маньчжурскій и монгольскій. Слѣдовательно исторія здѣшней библиотеки, за исключеніемъ шкафовъ, вся принадлежитъ Казани. Тамъ прежде всего открыто было преподаваніе монгольскаго языка, и потому монгольскія книги занимаютъ первое мѣсто по старшинству. Еще въ 1829 году два воспитанника университета, гг. Ковалевскій и Поповъ, пріобрѣтшіе послѣ европейскую знаменитость своими трудами, были отправлены въ Забайкальскій край, гдѣ наши Буряты составляютъ одно изъ многочисленныхъ племенъ монгольскихъ, и сходны съ своими сосѣдями и по языку и по вѣрѣ. Разъединеніе ихъ съ Тибетомъ и Монголіей можетъ-быть еще болѣе поддерживаетъ въ нихъ и стремленіе къ народности и привязанность къ вѣрѣ, чѣмъ даже внутри самой Монголіи, которая, находясь подъ вліяніемъ китайскаго образованія и китайской промышленности, не такъ страстно обращаетъ свои взоры къ восточному Риму: я говорю о Хласѣ. Поэтому, въ степяхъ забайкальскихъ, наши путешественники могли, казалось, найти по крайней мѣрѣ тѣ же источники, которые хранятся и во всей Монголіи; развѣ только пріобрѣтеніе книгъ обошлось бы имъ очень дорого. Впрочемъ, ожиданіе это не совсѣмъ оправдалось. Разсматривая каталогъ, составленный послѣ г. Ковалевскимъ,

придворнаго изданія. Монгольскаго экземпляра этихъ книгъ никто не продавалъ, но я видѣлъ его, равно какъ и маньчжурскій *Ганьчосуръ*, въ кумирнѣ Юнь-хо-гунь.

не можемъ не убѣдиться, что самая большая и главная часть книгъ вывезена изъ Пекина, или могла быть тамъ приобретена безъ значительнаго труда и издержекъ, потому что всѣ эти книги тамъ готовы во всякое время для продажи, въ тамошнихъ лавкахъ, исключительно печатающихъ тибетскія и монгольскія книги. Онѣ находятся при ламскихъ кумирняхъ Сунь-чжусы и Хуань-сы; сюда свезены даже доски многихъ книгъ, вырванныхъ въ другомъ мѣстѣ. Нѣтъ сомнѣнiя, что г. Ковалевскiй исчерпалъ весь, по крайней мѣрѣ, печатный запасъ монгольскихъ книгъ, такъ что мы, при тщательномъ разсматриванiи, что бы можно было прибавить къ нему покупкой въ книжныхъ лавкахъ Пекина, не отыскали болѣе трехъ или четырехъ сочиненiй. Но мы не думаемъ, чтобы за всѣмъ тѣмъ вывезенныя изъ Пекина нами самими сокровища на монгольскомъ языкѣ уступали предыдущимъ приобретениямъ; въ этомъ случаѣ намъ благопрiятствовало, разумѣется, только счастье, которое не всегда выпадаетъ на долю путешественника, остающагося на мѣстѣ не болѣе девяти мѣсяцевъ, тогда какъ въ девятилѣтнее пребыванiе на мѣстѣ можно чего-нибудь да дожидаться. Впрочемъ, еслибы тѣ самыя рукописи, которыя мы приобрѣли въ Пекинѣ, находились въ нашемъ Забайкальскомъ краѣ, то онѣ были бы недоступны г. Ковалевскому; наши Буряты не согласились бы выпустить ихъ изъ своихъ рукъ, тѣмъ болѣе, что между ними много завѣтныхъ, которыхъ набожный лама и не покажетъ профану; таковы книги, которыя толкуютъ о заклинанiяхъ и чарахъ. Мы не приписываемъ никакой важности ихъ содержанию, или этой таинственности; однако какъ библиографическая рѣдкость, онѣ единственны не только въ Европѣ, но и во всемъ свѣтѣ. Печать семнадцатаго императорскаго сына, находящаяся на каждомъ заглавномъ листѣ, ясно показываетъ, кому онѣ первоначально принадлежали; встрѣчаемыя поправки свидѣтельствуютъ также, что это были нарочные переводы, сдѣланные для такого важнаго лица и, вѣроятно, никѣмъ неписанныя. Кажется, что даже и всѣ другiя рукописи, на которыхъ не встрѣчается сказанной печати, принесены были ко мнѣ изъ того же княжескаго дворца. Между ними встрѣчается очень много важныхъ сочиненiй, или лучше, переводовъ съ тибетскаго, потому что нечего и ожидать, чтобы мы встрѣтили хоть одно оригинальное монгольское сочиненiе, исключая развѣ большую биографiю Цзонхавы, прекрасный экземпляръ которой былъ отправленъ мной еще въ 1841 году въ казанскую библиотеку и отъ которой, къ несчастiю, осталось лишь нѣсколько листовъ. Надобно припомнить, что было время,

когда ученый міръ могъ полагать большія надежды на знакомство съ монгольской литературой. Это было тогда, когда знаменитый академикъ Шмидтъ издалъ текстъ и переводъ исторіи Санангъ Сэцэна. Каково бы ни было достоинство этой книги, усердному воображенію людей, ищущихъ постоянно новыхъ фактовъ, могло представиться, что за этимъ первымъ неизвѣстнымъ сочиненіемъ послѣдуетъ рядъ новыхъ и еще болѣе интересныхъ открытій; но болѣе близкое знакомство съ монгольскимъ образованіемъ скоро должно было разочаровать всякаго въ этихъ надеждахъ. Мнѣ удалось отыскать только еще одну историческую рукопись; это *Алтанъ-тобчи*. Она составлена въ томъ же духѣ какъ и исторія Санангъ-Сэцэна; хотя, конечно, при недостаткѣ туземныхъ оригиналовъ это открытіе рѣдкое, но, какъ первое значительное приобрѣтеніе, я поспѣшилъ доставить ее моему почтеннѣйшему наставнику О. М. Ковалевскому, и онъ можетъ похвалиться, что въ его библиотекѣ находится единственная во всей Европѣ рукопись. Дождаться отъ Монголовъ историческихъ матеріаловъ значить вовсе не знать исторіи и духа страны. Вглядитесь пристальнѣе въ исторію Санангъ-Сэцэна, и вы убѣдитесь, что у него нѣтъ ничего своего кромѣ сказанія о послѣднихъ близкихъ къ автору временахъ; все прочее онъ извлекъ изъ тибетскихъ и китайскихъ источниковъ, съ прибавленіемъ къ нимъ нѣсколькихъ сказокъ. Въ настоящее время буддизмъ до такой степени овладѣлъ Монголами, что они за грѣхъ даже почитаютъ вспоминать времена браней Чингисхановыхъ. Мимоходомъ замѣтимъ однакожь, что сочиненіе Санангъ-Сэцэна переведено было на китайскій языкъ и напечатано. Другъ мой Ив. И. Захаровъ обладаетъ рѣдкимъ печатнымъ экземпляромъ этого перевода, который однакожь въ рукописи принадлежитъ и библиотекѣ Азіатскаго департамента. Нѣкоторые распустили слухъ, что есть еще ордоская исторія, или лѣтопись болѣе подробная, доставленная будто и въ Пекинъ, для котораго-то наслѣдника престола; мнѣ никто не могъ подтвердить этого слуха въ бытность мою въ Пекинъ. Чтобы наслѣдникъ престола сталъ учиться монгольской исторіи, это сущая выдумка; все дѣло въ томъ, что подъ ордоскою лѣтописью и разумѣется исторія Санангъ-Сэцэна. Вѣрить наслово всѣмъ сказкамъ Азіатца значить запутывать себя и другихъ: если онъ подмѣтитъ въ васъ какое желаніе, то тотчасъ сочинитъ въ угоду вашу какую-нибудь исторію.

Слишкомъ двухсотлѣтнее пребываніе Монголовъ подъ владычествомъ настоящей династіи могло бы, кажется, отразиться на

монгольской литературѣ; мы вправѣ ожидать отъ нея по крайней мѣрѣ переводовъ съ китайскаго языка, и между тѣмъ здѣсь еще разъ обманываются наши ожиданія, несмотря на то, что въ самомъ Пекинѣ открыты экзамены на докторскую степень по монгольской словесности. Извѣстно, что въ столицѣ, въ числѣ знаменныхъ (ци-жень), находятся и Монголы, но они, равно какъ и Маньчжуры, давно уже забыли свой языкъ; послѣдніе еще подстрекаются правительствомъ къ изученію роднаго языка, тѣмъ болѣе что на немъ во многихъ случаяхъ идетъ переписка и издаются или составляются извѣстныя книги; Монголы же совершенно оставлены безъ поощренія. Столичные Монголы скорѣе будутъ экзаменоваться по-китайски, чѣмъ по-монгольски. Впрочемъ, существуютъ переводы на монгольскомъ языкѣ нѣкоторыхъ классическихъ книгъ, хотя и въ рукописи. У меня у самого есть переводъ Четверокнижія. Внутри Монголіи должностныя лица почти всѣ обязаны знать маньчжурскій языкъ, такъ какъ переписка съ правительствомъ идетъ на этомъ языкѣ; ученые ламы, желающіе получить свѣтское образованіе, то-есть китайское, также учатся этому языку, и оттого они довольствуются маньчжурскими книгами, не думая объ ихъ переводѣ. Такъ точно и у насъ, распространившееся изученіе иностранныхъ языковъ вредитъ собственной нашей литературѣ, которая никогда не можетъ достигнуть полного развитія безъ обогащенія себя переводами; а кто будетъ читать ихъ, когда всѣ способны понимать оригиналь и многіе даже охотнѣе читаютъ наши собственные сочиненія въ переводахъ на иностранные языки? Такимъ образомъ, на монгольскомъ языкѣ находится въ печати почти только одно свѣтское сочиненіе: это уложеніе палаты виѣшнихъ сношеній, переведенное уже давно на русскій языкъ съ маньчжурскаго г. Липовцевымъ. Справедливость требуетъ сказать однакожь, что мы слышали будто въ юговосточной Монголіи переведены съ маньчжурскаго нѣкоторые романы, какъ на примѣръ «Исторія троецарствія», которые въ свою очередь переведены съ китайскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ краю переведено много книгъ съ маньчжурскаго у частныхъ лицъ, но только для себя, какъ и рукописи семнадцатаго императорскаго сына. Можетъ-быть, въ числѣ ихъ находится даже извѣстная исторія Тунь-цзянь-гань-му, которая существуетъ и въ тибетскомъ переводѣ.

Итакъ за монгольскою литературой осталось одно поприще—это буддизмъ. Вся слава академика Шмидта, кромѣ труда его по изданію исторіи Санангъ-Сэцэна, основана на его знаніи этой

религіи. Честь эту удержали за собой, въ нашемъ отечествѣ, и гг. Ковалевскій и Поповъ, руководившіеся только монгольскими источниками. Но я уже намекнулъ въ другомъ мѣстѣ, какъ мало могутъ похвалиться этимъ даже западные ориенталисты, почерпающіе свои свѣдѣнія въ санскритскомъ, тибетскомъ и китайскомъ языкахъ. Судить о буддизмѣ по двумъ или тремъ прочитаннымъ или изданнымъ въ свѣтъ книгамъ—сухая негѣпость. Пока мы не познакоимся со всѣмъ объемомъ его литературы, пока не изучимъ всѣхъ многообразныхъ его системъ, которыя часто находятся въ явной противоположности между собою, то можно ли смѣть думать, чтобы мы изучили хоть одинъ его догматъ? Какія же средства или источники представляются для этого на монгольскомъ языкѣ? Мы опять повторимъ, что во всей Европѣ наше собраніе монгольскихъ книгъ и рукописей самое богатое и рѣдкое. Но мы упомянули уже выше, что ни *Ганьчжурь* ни *Даньчжурь* не находятся въ этомъ собраніи, и слѣдовательно главные кодексы буддизма, получившіе начало на его родинѣ, въ Индіи, еще недоступны монголологамъ. Г. Ковалевскій вывезъ изъ Пекина только одну часть *Ганьджура*—это отдѣлъ *Парамитъ*; мною пріобрѣтено нѣсколько томовъ *Даньчжура*—вотъ и все, что мы имѣемъ отъ этихъ двухъ сборниковъ. Буддійская литература на монгольскомъ языкѣ не представляетъ собой, за исключеніемъ біографіи Цзонлепа, ни одного оригинальнаго сочиненія, а одни только переводы съ тибетскаго, хотя многіе ламы, принадлежащіе Монголіи, обогатили отъ себя тибетскую литературу. Мы не можемъ не замѣтить такого же страдательнаго положенія монгольскаго языка въ отношеніи къ тибетской религіи, какъ въ дѣлѣ гражданскаго образованія къ маньчжурскому языку. Не говоря о ламахъ, даже самые набожные свѣтскіе люди считаютъ своею обязанностью читать религіозныя книги на тибетскомъ языкѣ, хотя для тѣхъ и для другихъ часто достаточно умѣть читать, потому что усердное дѣло сердца, предполагается, дойдетъ до своего назначенія и безъ пониманія его со стороны читающаго, какъ возвращеніе въ знаменитыхъ Курдахъ столь знаменитой молитвы «Омъ, мани-падмэ хумъ», что, замѣтимъ здѣсь, значить не болѣе какъ: о, Манипадама! (одинъ изъ эпитетовъ Авалокитеневары). Намъ извѣстно, что только въ двухъ мѣстахъ богослуженіе совершается на монгольскомъ языкѣ, и въ одномъ изъ нихъ преподается на немъ и самый буддизмъ; всѣ прочія многочисленныя кумирни, разбѣяныя внутри Монголіи и даже Китая, прибѣгаютъ къ тибетскому языку, какъ у

католиковъ къ латинскому. Часто можно встрѣтить ламъ и свѣтскихъ людей, знающихъ хорошо свою религію и не умѣющихъ писать по-монгольски. Вотъ почему переводы съ тибетскаго не такъ обширны, какъ бы должно было предполагать, судя по дикой привязанности Монголовъ къ своей религіи. Необразованный классъ не нуждается даже въ знаніи молитвъ; съ него довольно, если онъ кормить ламъ, платитъ имъ деньги, заказывая за себя читать *Ганьчжуръ* и *Даньчжуръ* (1), возжигаетъ масло предъ кумирами, обходить кругомъ, часто ползкомъ, вокругъ кумирни или сурбурги.

Но такъ какъ тибетскій языкъ еще очень мало извѣстенъ въ Европѣ и даже у насъ, то и тѣ памятники, которые имѣются на монгольскомъ языкѣ, на первыхъ порахъ достаточны для ознакомленія насъ съ ламскимъ буддизмомъ. Надобно замѣтить, что эта религія неминуемо должна была принять во всякой странѣ, гдѣ только она распространилась изъ Индіи, мѣстный колоритъ, иногда до такой степени мѣстный, что часто двѣ отрасли этой религіи не представляютъ по видимому никакого сходства между собою, и даже какъ бы состоятъ во взаимной враждѣ. Кто бы самъ собою, напри- мѣръ, могъ догадаться, что хошанъ или Сонъ китайскій и лама принадлежатъ къ одной и той же религіи? Самыя формы кумировъ и жертвенныя вещи не представляютъ между собой сходства, тѣмъ болѣе костюмъ духовныхъ, ихъ образъ выражений, ихъ знанія.

(1) Можетъ-быть не всякому извѣстно какъ происходитъ это чтеніе. Заказывающій обращается для этого въ монастырь, въ которомъ находится *Ганьчжуръ* или *Даньчжуръ*, потому что, разумѣется, гдѣ нѣтъ этихъ книгъ, тамъ не можетъ быть и заказа. Вотъ почему кумирни стараются запастись этими книгами, какъ приносящими вѣрный доходъ. Въ другое время ламы и не дотронутся до этихъ книгъ. Разумѣется также, что монастыри должны быть многочисленны, то-есть имѣть не мѣнѣе нѣсколькихъ сотъ ламъ. Заказывающій вноситъ положенную плату (въ Юнь-хогунѣ за *Ганьчжуръ* платятъ не болѣе 100 р. сер.), которую, разумѣется, можетъ возвысить. Кромѣ того онъ варитъ чай, который читающіе пьютъ въ храмѣ, куда они собрались для чтенія. По данному знаку, то-есть звуку колокола, трубы или раковины, всѣ духовные спѣшаютъ въ собраніе, каждый занимаетъ свое мѣсто (по старшинству), передъ которымъ положено большее или меньшее количество листовъ изъ одного тома *Ганьчжура*, такъ что весь сборникъ разобранъ по рукавъ.—и такимъ образомъ онъ можетъ быть прочитанъ въ нѣсколько часовъ. По выходѣ каждый изъ чтецовъ получаетъ слѣдующую ему часть изъ заплаченной суммы; разумѣется, что на долю высшаго духовенства приходится болѣе.

Но напрасно считали бы мы себя достаточными знатоками буддизма, еслибъ, перечитавъ *Ганьчжурь*, слово Будды на санскритскомъ или китайскомъ языкѣ, вступили въ разсужденіе о немъ съ ламой, — какъ далеко разошлись бы мы въ своихъ мнѣніяхъ! Дѣло въ томъ, что тибетскіе ламы, переводя свои священныя книги съ санскритскаго, не преминули присоединить къ нимъ свои толкованія, которыя, развиваясь все болѣе и болѣе, не преминули составить рядъ школъ, или системъ, нынѣ поглощенныхъ въ одной переселившейся въ другія и основанной Цзонхавой. Преемники его развили еще болѣе эту систему, составившую, можно сказать, отдѣльное ученіе, которому чужды какъ Китай, такъ и Индія. Напрасно бы мы искали отгадки этого ученія въ однихъ *Ганьчжурь* и *Даньчжурь*: должно прочесть рядъ сочиненій послѣдующихъ писателей, принадлежащихъ Тибету исключительно. Конечно, монгольскій языкъ не заключаетъ въ себѣ вполнѣ всѣхъ переводовъ, относящихся къ тибетскому буддизму, который лучше назвать *ламизмомъ*; онъ нуждается особенно въ тѣхъ обзореніяхъ, которыя преподаются въ теологическихъ факультетахъ, и въ которыхъ выражается вся схоластическая діалектика ламъ, самыхъ задорныхъ нынѣ спорщиковъ въ мірѣ, хотя ихъ религія вовсе не встрѣчаетъ антагонизма. Однакоже мы имѣемъ подъ руками всѣ главныя сочиненія, относящіяся къ изученію этой школы; почти всѣ сочиненія Цзонхавы имѣются у насъ то въ рукописяхъ, то въ печати; но еслибъ ихъ и не было, то достаточно бы было только трехъ главныхъ его сочиненій, каковы: *Боди муръ*, *Гарнийнъ муръ* и *Алтанъ зрикэ*, гдѣ ясно видны всѣ идеи новаго ученія. Мы имѣемъ также на монгольскомъ языкѣ рукописную исторію буддизма въ Тибетѣ и переводы жизнеописаній знаменитыхъ ламъ. Чего болѣе для ознакомленія съ чуждою намъ религіей? развѣ мы болѣе знаемъ о браманизмѣ или магометанствѣ? заслуживаютъ ли всѣ другія мелочи особеннаго вниманія и стобить ли передавать ихъ ученому міру? Мы думаемъ, что наши монгологи сдѣлали бы гораздо болѣе, еслибъ, оставивъ притязанія писать обо всемъ буддизмѣ, изучали только частное явленіе его въ одной странѣ; предъ вами достаточное количество источниковъ, а между тѣмъ кто изъ нихъ разобралъ *Боди муръ* или *Гарнийнъ муръ*? Но достоинство изученія монгольскаго языка заключается не въ матеріалахъ, доставленныхъ имъ къ ознакомленію съ буддизмомъ или образованіемъ Китая. Смотри на обширную полосу земли, занимаемой Монголами и ихъ единоплеменниками Бурятами и Калмыками, мы не можемъ ставить ихъ наравнѣ съ ничтожными

народностями, которыя часто навязываются намъ съ своимъ языкомъ и литературой; сколько еще остается предметовъ для изученія всѣхъ этихъ невѣдомыхъ странъ! Не все же тамъ однѣ степи; не все же тамъ однообразно; у каждаго улуса могутъ быть свои преданія, обычаи, повѣрья, пѣсни. Все это еще будущій матеріалъ науки. Притомъ, наше отечество, владѣя уже многочисленными родами этого племени, не можетъ упускать изъ виду, что съ каждымъ мгновеніемъ оно можетъ войти въ болѣе тѣсную связь со всѣмъ обширнымъ семействомъ, живущимъ на самыхъ пространныхъ степяхъ міра!

Въ связи съ монгольской литературой должна быть поставлена тибетская. Хотя каеэдра этого языка еще не открыта при нашемъ университетѣ, но мы обладаемъ для будущности всѣми нужными матеріалами. Собраніе тибетскихъ книгъ въ С.-Петербургѣ гораздо обширнѣе, чѣмъ на монгольскомъ языкѣ. Но это произошло отчасти и вслѣдствіе обширности, самостоятельности и распространенности этой литературы, о чемъ мы коснулись уже выше. Конечно, и здѣсь весь главный запасъ относится къ буддизму, потому что Тибетъ есть царство религіи, то-есть въ немъ подавлены, сколько то можно, всѣ свѣтскія привычки; тѣмъ болѣе въ Забайкальскомъ краѣ, или Монголіи, или Пекинѣ нечего и думать объ отысканіи другихъ источниковъ. Авторъ этой статьи имѣлъ случай войти въ сношенія съ лицами, ѣздившими въ Тибетъ; однакожь они, исполняя его порученія къ отысканію заказанныхъ религіозныхъ книгъ, не могли доставить ему другихъ сочиненій, потому что для этого нужно особенное стараніе, такъ какъ свѣтскія книги не распространены въ Пекинѣ. Мы знаемъ, что Тибетцы имѣютъ, кромѣ *Гэсеръ лама*, другія поэмы, что у нихъ есть свои драмы, что они имѣютъ переводы даже Рамазаны и *Галена*, однакожь достать все это Европейцу можно только когда онъ самъ, зная языкъ, побываетъ въ Тибетѣ. На этотъ разъ мы имѣемъ только собраніе различныхъ грамматикъ и шитикъ, исторію Тибета и географію, дополненіемъ къ которой могутъ служить описанія различныхъ монастырей, его уложенія и собраніе официальныхъ бумагъ отъ пекинскаго двора, указовъ императора и докладокъ далай-ламы и его донесеній, и нѣкоторыя частныя письма: вотъ и все главное содержаніе свѣтской литературы. Что же касается до буддизма, то въ нашей столицѣ собрано уже все, что только писано по этой части въ Тибетъ заслуживающаго вниманія; и главныя богатства, конечно, принадлежатъ пока нашему университету. Авторъ этой статьи, посвящая особенное

вниманіе на изученіе тибетскаго языка, употреблялъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ усилія къ приобрѣтенію тибетскихъ книгъ: онъ былъ въ сношеніяхъ съ самыми значительными лицами ламской іерархіи въ Пекинѣ; не пропускалъ случая знакомиться со всеми привѣзавшими въ Пекинъ изъ Тибета купцами; дѣлалъ имъ заказы, и наконецъ имѣлъ удовольствіе получить значительное количество книгъ, печатанныхъ въ Хласѣ и въ ея окрестностяхъ. Мы имѣемъ *Дамъчжуръ*, огромный сборникъ, въ 225 томахъ, въ которомъ заключается все, что ни было переведено на тибетскій языкъ съ санскритскаго изъ сочиненій индійскихъ духовныхъ. Недостатокъ *Ганьчжура* въ университетской библіотекѣ пополняется двумя экземплярами его, хранящимися въ Азіатскомъ департаментѣ и Академіи Наукъ. Послѣдній напечатанъ въ Аледо, восточной части Тибета и, конечно, много уступаетъ по наружности первому, но за то онъ долженъ выигрывать въ правильности текста. О пекинскихъ изданіяхъ надобно замѣтить, что такъ какъ доски вырѣзывались Китайцами, не только не знающими языка, но даже и названія буквъ, то въ нихъ случаются нерѣдко ошибки, сколько это возможно въ стереотипномъ изданіи, въ которомъ главное дѣло зависитъ отъ писца. Странная способность Китайцевъ! Въ мое время одинъ монгольскій князь заказалъ себѣ въ книжной лавкѣ написать великолѣпный экземпляръ *Ганьчжура*, цѣнность котораго простиралась до 15 т. руб. сер. Онъ долженъ былъ быть написанъ золотомъ на черной, вылощенной и толстой подклеенной бумагѣ. Подрядчикъ набралъ десятка два мальчиковъ, пригласилъ ламу поучить ихъ писать, и чрезъ мѣсяць они уже копировали довольно красиво *Ганьчжуръ*, который я видѣлъ своими глазами. Конечно, эти мальчики писали только изъ-за насущнаго хлѣба, а весь барышъ обратился въ пользу хозяина. Надобно замѣтить, что религія очень дорогонько обходится Монголамъ; кромѣ того, что они питаютъ безчисленное множество ламъ, такъ что въ иныхъ монастыряхъ насчитываютъ ихъ по 3 и по 4 т.; кромѣ того, что они отправляютъ ежегодно огромныя приношенія въ Тибетъ: за самыя книги они платятъ очень дорого, потому что считаютъ за грѣхъ торговаться. Этимъ пользуются даже и ихъ соотечественники, которые, заѣзжая въ Пекинъ, вывозятъ ихъ большое количество и продаютъ втрое дороже. Нечего и говорить что цѣна еще болѣе возвышается у нашихъ Бурятъ. За *Дамъчжуръ*, заплаченный мной около 700 р., они предлагали съ радостью 4500 р.; и я знаю, что за пятнадцать лѣтъ предъ этимъ одинъ спекулянтъ, провожавшій насъ въ Пекинъ, продалъ имъ вывезенныя оттуда

Ганьчжурь и *Даньчжурь* за 12 т. р. сер. Наши астраханскіе Калмыки болѣе безопасны отъ этихъ тратъ. Они не имѣютъ почти никакого сообщенія ни съ Монголіей, ни даже съ нашими Бурятами, и потому должны довольствоваться только тѣми книгами, которыя были ими вывезены съ давняго времени. Разумѣется ущербъ пополняется перепиской. Но я слышалъ, что лѣтъ десять тому назадъ одна калмыцкая княгиня рѣшилась посѣтить Забайкальскій край, прожила тамъ долгое время, и по ея заказу списано множество книгъ, которыя такимъ образомъ обновили погасавшій калмыцкій жаръ!

Не столько по трудности отыскать экземпляръ *Ганьчжура* тибетской печати (потому что о пекинскомъ изданіи нечего было и думать по недостатку денежныхъ средствъ) или по дороговизнѣ (въ послѣднее время не уступали и не тибетскаго изданія дешевле 1000 р. сер.), сколько по затрудненіямъ, которыя встрѣчались въ перевозкѣ имущества миссіи (1), долженъ я былъ отказать отъ приобрѣтенія *Ганьчжура*. Сверхъ того привозимые изъ Тибета оттиски годъ отъ году дотога становятся неразборчивыми и грубыми по дурному качеству бумаги, подобной нашей оберточной, что пользованіе книгой дѣлается почти невозможнымъ. Для Монголовъ это почти не составляетъ важности; имъ только былъ бы *Ганьчжурь* или *Даньчжурь*. Мы не можемъ также похвалиться и изыщствомъ послѣдняго; но все-таки это единственный экземпляръ, тогда какъ *Ганьчжурь* уже есть въ нашемъ отечествѣ, въ которомъ пока не болѣе двухъ человекъ, которые могутъ читать его. Впрочемъ въ нашей библиотекѣ есть отдѣльныя части *Ганьчжура*. Еще г. Ковалевскій приобрѣлъ нѣсколько отдѣльныхъ книгъ; въ послѣдствіи одинъ бурятскій тайша прислалъ въ подарокъ прекрасный экземпляръ *Праджия-Парамиты*; я приобрѣлъ *Буддаватансака* экземпляръ пекинскаго изданія.

Говоря о *Ганьчжурь* и *Даньчжурь*, мы должны повторить уже сказанное нами замѣчаніе насчетъ ламскаго буддизма. Эта религія въ Индіи имѣла множество школъ, которыя пользовались своими особенными книгами, но буддизмъ распространялся въ Тибетъ болѣе послѣдователями одной только школы, и потому

(1) Отъ меня одного г-мъ приставомъ принято было болѣе 300 пудовъ, тогда какъ весь багажъ могъ простираться не свыше 1000 пудовъ. Это самое воспрепятствовало также вывозу многихъ книгъ для библиотeki Азіятскаго департамента, который такимъ образомъ принесъ большую жертву въ пользу нашего университета.

переводы на тибетскій языкъ принадлежать только ей одной, такъ что еще въ самыхъ переводахъ съ индійскаго заключается зародышъ особенности ламизма. Что же касается до сочиненій, написанныхъ въ самомъ Тибетѣ, то, какъ мы уже выразились, всѣ главныя, какъ древнія, такъ и новыя, сочиненія у насъ находятся въ возможной полнотѣ, такъ что мы имѣемъ достаточное количество источниковъ, чтобы судить о буддизмѣ Тибета. Разумѣется, мы не могли рѣшиться пріобрѣтать и отыскивать безъ разбору все, чтò только было написано. Буддизмъ въ конечномъ своемъ развитіи принялъ еще въ самой Индіи направленія діалектическое и мистическое; они перенесены были и въ Тибетъ, гдѣ до Цзонхавы составляли отдѣльныя школы, соединеніе и примиреніе которыхъ въ одну и составляетъ главную характеристику его системы. Почти всѣ его послѣдователи писали всегда въ обоихъ родахъ и еще болѣе въ послѣднемъ. Кромѣ древнихъ сочиненій, помѣщенныхъ уже и въ *Даньчжурѣ*, мы имѣемъ *Мангямбу* и *Бэубумъ*, принадлежащія древнимъ школамъ; потомъ полное собраніе сочиненій Цзонхавы, Далай-Ламы Баньчэнь Эрдяни и множества хутуктъ, какъ напримѣръ: Чжаньчжа, Тогуань, Ширэту, Аджа и проч. Дальнѣйшимъ предметомъ нашего собранія были отдѣльныя сочиненія, объясняющія теорію или діалектику буддизма, потому что здѣсь содержится объясненіе догматовъ; чтò же касается до мистической стороны или системы волхвованія, то это ученіе, еще болѣе занимающее умы и дѣятельность ламъ, такъ уродливо и смѣшно, что дальнѣйшее собраніе я могъ бы поставить себѣ даже въ вину; любопытство наше объ этомъ вздорѣ и безъ того можетъ вдоволь насытиться половиной *Даньчжура* и большею частью занимаемой этимъ вздоромъ въ вышеупомянутыхъ сборникахъ. Послѣ догматовъ религіи слѣдуетъ исторія ея, болѣе для насъ интересная. Въ нашемъ собраніи, кажется, не упущено ни одного замѣчательнаго или извѣстнаго сочиненія. Мы имѣемъ на тибетскомъ языкѣ не только исторію буддизма, въ самой странѣ разказанную различными лицами по частямъ и въ цѣлости, дополненную отдѣльными біографіями знаменитыхъ ламъ, но и исторію его въ Индіи, Китаѣ и Монголіи. Не меньшаго интереса заслуживаютъ также *сидуанты* или изложенія буддійскихъ системъ въ Индіи и Тибетѣ, также въ цѣлости и по частямъ. По всѣмъ этимъ предметамъ, діалектикѣ, исторіи и системамъ, мы напрасно будемъ искать источниковъ въ другихъ языкахъ, на которыхъ писано о буддизмѣ.

Отъ ламайскаго или религіознаго міра Востока, который выра-

жается въ литературахъ монгольской и тибетской, пора перейти въ болѣе разнообразное и отрадное поле гражданскаго образованія и ученаго развитія, которое представляетъ намъ китайская литература. Для этого мы пройдемъ даже помимо маньчжурскихъ книгъ, которыя не представляютъ намъ ничего новаго внѣ этой же китайской литературы. Нечего и говорить, что все что только было издано и писано на этомъ языкѣ, нашло себѣ мѣсто въ нашихъ библіотекахъ въ совокупности. Нѣкоторыя книги старой печати теперь составляютъ рѣдкость даже въ самомъ Пекинѣ, потому что въ предпоследнее время изученіе маньчжурскаго языка до такой степени ослабло въ столицѣ маньчжурской династіи, что китайскіе книгопродавцы, не находя сбыта маньчжурскимъ книгамъ, стали было употреблять ихъ на подклею китайскихъ. Благодаря усвоенію воинственными завоевателями физическихъ и нравственныхъ качествъ побѣжденной ими націи, благодаря этому превращенію ихъ, оказывающемуся не только въ Пекинѣ, но и въ самой ихъ родинѣ, маньчжурская литература, принявшаяся было дѣятельно за переводы съ китайскаго, изъ которыхъ она вся состояла и состоитъ, давно уже прекратила свое дальнѣйшее развитіе, и потому полное собраніе ея книгъ легко доступно по своему небольшому объему. На Западѣ и у насъ многіе видятъ въ маньчжурскомъ языкѣ, по его легкости, пособіе для первоначальнаго изученія китайскаго языка; и нечего грѣха таить—списокъ именъ европейскихъ синологовъ былъ бы очень не великъ, еслибъ они не имѣли, при своихъ изданіяхъ съ китайскаго, маньчжурскихъ текстовъ вмѣстѣ съ переводами, присланными въ *Bibliothèque de Roi* миссионерами, которые одни были дѣльные знатоки китайскаго. Напротивъ, Маньчжуры не стыдятся сознаваться, что, читая иногда маньчжурскую книгу, они любятъ заглядывать, для избѣжанія недоразумѣній, въ оригиналь, когда онъ напечатанъ между строкъ. Да, здѣсь наоборотъ, китайскій языкъ служитъ пособіемъ для маньчжурскаго; и для чего бы, въ самомъ дѣлѣ, издавать текстъ съ переводомъ, еслибъ не имѣли въ виду облегчить изученіе переводовъ? Главнѣйшія изданія на маньчжурскомъ языкѣ суть переводы классическихъ книгъ; но Китайцы написали на нихъ очень много комментарій, которые здѣсь упущены; дажѣ слѣдуетъ исторія Тунь-цзянь гань-му; но эта книга не главная исторія, которая также осталась безъ перевода, не говоря уже о множествѣ добавочныхъ сочиненій. Мы не припомнимъ на маньчжурскомъ языкѣ ни одного географическаго

сочиненія; даже самое описаніе Маньчжуріи издано на китайскомъ. Нѣтъ ни одного сочиненія по части медицины, сельскаго хозяйства и т. п. Только законодательная часть можетъ похвалиться самою обширною и полною. Это дѣло чести династіи, которая, издавая уложенія и законы для государства, въ то же время обязываетъ особый комитетъ переводить ихъ на маньчжурскій. Мы имѣемъ рядъ указовъ всѣхъ маньчжурскихъ государей до царствованія покойнаго императора Дао-гуана. (Такъ какъ они издаются по смерти, то изданіе повелѣній послѣдняго, скончавшагося только въ 1850 году, конечно еще и теперь не осуществилось.) Мы имѣемъ огромное собраніе законовъ Дайцинской династіи (Ухэры коолибитхэ), изданное при Цянь-лунѣ (но болѣе новое изданіе Цзяцина не было напечатано); отдѣльныя уложенія министерствъ также нашли свое мѣсто. Нашъ университетъ можетъ похвалиться истинною библиографическою рѣдкостью: онъ имѣетъ у себя рукописный журналъ всѣхъ дѣлъ, производившихся въ Сахамянь-уласкомъ или Амурскомъ воеводствѣ съ самаго основанія его до 1810-хъ годовъ. Въ немъ содержатся любопытныя свѣдѣнія о краѣ и о сношеніяхъ съ Россіей. Я уже имѣлъ честь представить въ Географическое Общество выписку изъ этого журнала о существованіи огнедышащей горы въ окрестностяхъ Маргэнь-хото, въ Дауріи. Какъ кажется, журналъ этотъ списанъ былъ изъ любопытства однимъ изъ правителей края, и по смерти его родственники, какъ часто это случается, выслали его на продажу.

Нѣсколько романовъ и одна драма, знаменитая поэма Мукгдэньфу—вотъ все, что можетъ выставить маньчжурская литература по части беллетристики; но этотъ краткій очеркъ можетъ однакожь свидѣтельствовать, что маньчжурскій языкъ представляетъ болѣе дѣльныхъ сочиненій, чѣмъ монгольскій. Мы говорили уже, что на немъ есть и *Гальчжурь*; нѣсколько другихъ мелкихъ статей буддійскихъ также существуетъ въ нашей библиотекѣ; мы имѣемъ въ своей библиотекѣ печатный монгольскій экземпляръ книги *Риньчэнь бунба* или *Эрдэни цокчалаксань*. Какой-то досуужій вписалъ между монгольскими строками маньчжурскій переводъ этой книги,—слѣдовательно это тоже большая рѣдкость.

Рѣдкости существуютъ у насъ и на санскритскомъ языкѣ; особенно обращаетъ на себя вниманіе одна книга, содержащая до 30 мелкихъ буддійскихъ сутръ, напечатанныхъ почеркомъ Ланьчжа, киноварью; отъѣлка ея очень великолѣпна; не только бумага

на корешкѣ содержитъ въ себѣ санскритскія письма, но они вытканы даже на самомъ футлярѣ изъ шелковой ткани.

Но мы не кончили начатаго нами разказа о составленіи библіотеки Казанскаго университета, принадлежащей нынѣ Санктъ-Петербургскому. Мы упомянули только, что первое основаніе ей положилъ г. Ковалевскій, по возвращеніи котораго изъ путешествія открыта была первая каеэдра монгольскаго языка въ 1833 году. Онъ успѣшилъ обнародовать каталогъ доставленныхъ имъ библіотекъ книгъ, между которыми, кромѣ нѣсколькихъ тибетскихъ, уже являются двѣ или три книги на маньчжурскомъ и китайскомъ языкахъ. Въ слѣдующіе за тѣмъ четыре года, библіотека не увеличилась въ своемъ составѣ; но въ 1837 покойный лама Никитуевъ, бывшій при Казанской гимназій, въ качествѣ надзирателя и практическаго учителя, вывезъ изъ калмыцкихъ степей нѣсколько книгъ на калмыцкомъ и тибетскомъ языкахъ. На послѣднемъ между прочимъ является уже важная исторія буддизма въ Индіи, сочиненіе Даранаты. Мы извѣстно, что у г. Кавалевскаго есть монгольскій переводъ этой исторіи, сдѣланный для него Никитуевымъ. Въ томъ же году открыта при нашемъ университетѣ каеэдра китайскаго языка, и тогдашній преподаватель о. архимандритъ Даніилъ уступилъ Казанскому университету всѣ свои книги (за 4000 р. асс.); съ этого времени должно положить настоящее начало собранія китайскихъ книгъ. Библіотека о. Даніила состояла большею частію изъ классическихкихъ и философскихъ книгъ, а болѣе всего изъ книгъ христіанскаго содержанія и изданныхъ или переведенныхъ какъ нашими духовными лицами миссіи, такъ и католическими проповѣдниками. Конечно, христіанству мы не будемъ учиться по китайскимъ источникамъ, а равно и китайскому языку по переводамъ миссіонеровъ, хотя нѣкоторые, кажется, и совѣтуютъ это. Самые переводы также не всегда удачны, но, какъ библиографическая рѣдкость, это собраніе очень интересно; потому что въ наше время такое собраніе было бы очень трудно, такъ какъ католическіе храмы были закрыты и продажа и печатаніе христіанскихъ книгъ запрещены; обращенные въ христіанство Корейцы покупали въ наше время нѣкоторыя изъ христіанскихъ книгъ по очень дорогой цѣнѣ. Но въ бытность о. Даніила въ Пекинѣ, послѣдніе католическіе миссіонеры, уѣзжая навсегда изъ Пекина, передали все духовное имущество свое въ руки миссіи и подарили миссіонерамъ превосходное собраніе какъ европейскихъ, такъ и китайскихъ книгъ, даже съ шкафами. Вѣроятно,

изъ нихъ—то и составилъ о. Даниль свою коллекцію. Послѣ этого бібліотека сдѣлала небольшое пріобрѣтеніе книгъ отъ покойнаго надзирателя Сосницкаго, который былъ товарищемъ о. Данилю по пекинской десяти-лѣтней жизни. Наступилъ 1840-й годъ, и я отправленъ былъ на столько же лѣтъ въ Китай. Заботливый университетъ не забылъ щедро снабдить меня средствами. Мнѣ давалось на издержки по 700 р. сер. въ годъ, изъ которыхъ половину позволялось мнѣ употреблять на плату учителямъ, а половину на пріобрѣтеніе книгъ; но сберегая порученныя мнѣ суммы, обезпеченный вполнѣ въ своемъ содержаніи отъ Азіатскаго департамента, я могъ сдѣлать значительную экономію для университета, такъ что мною пріобрѣтено было книгъ почти на 5000 р. сер., на сумму, какъ видимъ, очень немаловажную. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я смѣю думать, что посылно сдѣлалъ изъ нея самое лучшее употребленіе, и бібліотека наша, богатая и отчетливая, стоить гораздо дешевле чѣмъ книги, обошедшіяся Академіи Наукъ и Азіатскому департаменту. Я уже упомянулъ о пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ мною по части монгольской литературы; все собраніе книгъ на тибетскомъ языкѣ принадлежитъ почти вполнѣ мнѣ, равно какъ и бѣльшая часть маньчжурскихъ книгъ. Но у насъ остается еще огромное собраніе китайскихъ книгъ, превосходящее своимъ объемомъ, значеніемъ и разнообразіемъ всѣ другія литературы и даже имѣющіяся у насъ собранія произведеній многихъ европейскихъ литературъ. За одинъ разъ, съ вывозомъ всѣхъ купленныхъ мною книгъ, въ 1851 году, бібліотека нашего университета не только сравнилась со всѣми своими соперницами, но и можетъ быть превзошла ихъ полностью. Кто знаетъ, какъ дѣлается пріобрѣтеніе книгъ по частямъ, тотъ пойметъ какъ много наша бібліотека выиграла отъ того, что имѣла дѣло съ однимъ лицомъ. Обыкновенно наши бібліотеки, и не по одному отдѣлу восточныхъ книгъ, составляются изъ различныхъ коллекцій, собранныхъ частными лицами, которыя или обращаютъ вниманіе только на одну часть литературы, или, не имѣя средствъ, не могутъ дѣлать важныхъ пріобрѣтеній, или не зная вполнѣ объема всей литературы, не умѣя оцѣнить достоинство книгъ, покупаютъ все безъ разбора. Съ покупкой такихъ коллекцій бібліотека терпитъ не только отъ дороговизны, но и отъ множества дублетовъ, и между тѣмъ не въ силахъ пополнить многихъ пробѣловъ. Для Востока Россія имѣла великаго бібліомана въ лицѣ покойнаго барона Шиллинга, и Академія Наукъ обязана всѣми своими главными богатствами, конечно, его уси-

ліямъ. Онъ не щадилъ ни средствъ, ни трудовъ къ пріобрѣтенію не только книгъ, но и другихъ предметовъ, характеризующихъ жизнь Востока. Къ сожалѣнію, его поѣздка не простиралась далѣе Забайкальскаго края, и онъ долженъ былъ поручать постороннимъ лицамъ закупку вещей и книгъ въ Пекинѣ; сверхъ того баронъ, какъ онъ ни былъ любознателенъ и начитанъ, не зналъ порядочно восточныхъ языковъ, слѣдовательно долженъ былъ смотрѣть на все глазами другихъ. Цѣль, которую я имѣлъ въ виду при пріобрѣтеніи книгъ, была та, чтобы сдѣлать нашу библіотеку какъ можно полнѣе и снабдить ее матеріалами во всѣхъ родахъ литературы. Университету нашему можетъ-быть не скоро представится случай отправить кого-нибудь въ Китай, а между тѣмъ любознательность можетъ обратиться къ такимъ предметамъ, которыхъ мы нынѣ касаемся слегка, и потому нужно чтобы для всего были готовые матеріалы. Такъ напримѣръ, въ другихъ библіотекахъ очень мало произведеній китайскихъ поэтовъ; нѣтъ собранія мелкихъ статей изящной прозы; всего находится только по нѣскольку романовъ и драмъ; даже отдѣлъ классической литературы не вполне снабженъ произведеніями китайскихъ ученыхъ; даосизмъ также почти совсѣмъ исключенъ изъ другихъ собраній: и все это потому, что на это еще мало обращаютъ вниманія. Я не могъ почестъ себя въ правѣ исключить все это изъ своей библіотеки, потому что какъ то, такъ и другое, рано или поздно расширить наши понятія о странѣ и необходимо для ознакомленія съ полнымъ развитіемъ восточнаго гениа. Я избѣгалъ слишкомъ изящныхъ, но дорогихъ изданій, или богатыхъ переплетовъ, соображаясь съ своими средствами и будучи убѣжденъ, что всякая лишняя книга дороже красивой, богатой наружности. Такъ напримѣръ, я удовольствовался собраніемъ буддійскихъ книгъ на китайскомъ языкѣ, изданныхъ на югѣ. Оно заключается всего въ 215 томахъ, тогда какъ столичное простирается до 700, благодаря тому, что тутъ не жалѣли бумаги. Правда, какъ бы великолѣпно красовались теперь эти 700 томовъ въ нашей изумительной библіотекѣ! но за то, чего бы они стоили? чего бы стоилъ одинъ провозъ, тогда какъ содержаніе какъ въ томъ, такъ и въ другомъ изданіи одно и то же, а пользованіе еще удобнѣе въ первомъ?

Нечего и говорить здѣсь, что всякое пріобрѣтеніе восточныхъ книгъ на мѣстѣ и въ Европѣ представляетъ значительную разницу въ цѣнѣ. Это даже не та разница, какая оказывается у насъ въ цѣнѣ между чернымъ и желтымъ чаемъ, продаваемыми въ Пекинѣ по

одинаковой цѣнѣ. Стоить только посмотреть на цѣны, объявленныя парижскими книгопродавцами. Давно ли еще мы читали, что романъ *Цзинь-пинь-мей* на китайскомъ и маньчжурскомъ языкѣ продается за 600 франковъ, тогда какъ мы заплатили за него не больше 7 р. сер.? Мы упоминали также о цѣнности книгъ у забайкальскихъ Бурятъ; слѣдовательно наша библиотека выиграла не мало и въ издержкахъ; она еще можетъ похвалиться тѣмъ, что мы значительно сбавили даже прежнія цѣны, по которымъ покупались книги въ Пекинѣ. Стоить только взглянуть въ документальный каталогъ, чтобы убѣдиться въ этой разности. Но это зависѣло отъ усиленныхъ нашихъ стараній освободиться изъ — подъ гнета китайскихъ обманщиковъ, которые окружали постоянно нашихъ миссіонеровъ, и которые сначала достались намъ по наслѣдству. Наши предшественники любили выказывать русскую щедрость, даже стыдились торговаться; такъ напримѣръ, они платили переписчикамъ по чоху за каждый іероглифъ, мы низвели эту плату до ста чоховъ за тысячу; они покупали книги въ одной аккредитованной лавкѣ, мы были знакомы со всѣми. Но конечно мы не скоро могли добиться до счастливаго результата, и на первыхъ порахъ не разъ попадались впросакъ, иногда даже не могли избѣгнуть обмана, хотя и явно видѣли его. Стоить только взглянуть на вывезенную мною за десять лѣтъ пекинскую газету; мы платили за нее втрое дороже чѣмъ сами Китайцы; ее приносили каждое утро въ слѣдующемъ видѣ: тетрадка изъ докладовъ чиновниковъ, дурной печати, безъ надписи числа, съ приложеніемъ отдѣльнаго листка, содержащаго императорскіе указы; эти указы оставались у насъ, а тетрадку брали на другой день, чтобы передать для чтенія другимъ, и возвращали въ небрежномъ видѣ, иногда даже и не ту, какую слѣдовало; мы вооружились было наконецъ противъ этого зла: отказали разнощику, позвали другаго, но тотъ не смѣлъ перебивать доходъ своего товарища; нечего было дѣлать, помирились на томъ, чтобы за ту же цѣну приносили къ намъ тетрадку лучшей печати, въ которую вшиты указы, и въ которой еще есть прибавленія о томъ, кто представлялся императору. Книгопродавецъ, бывшій постояннымъ поставщикомъ книгъ для прежнихъ миссіонеровъ, обманулъ меня съ перваго же разу, продавъ не полный экземпляръ; къ счастью я сумѣлъ раздѣлаться съ нимъ, задержавъ другія его книги. Въ послѣднее время, когда намъ стали извѣстны всѣ лавки, книгопродавцы, убѣдясь въ исправности нашего платежа и доброкачественности нашего серебра, наперерывъ старались заслужить нашу довѣренность, —

и мы платили имъ ни сколько не дороже Китайцевъ. Впрочемъ, да не подумаютъ, что пріобрѣтать книги въ самомъ Пекинѣ было легко; что намъ стоило только составить каталогъ тѣмъ, которыя мы желали имѣть, — и онѣ сейчасъ были готовы. Нѣтъ, въ книжныхъ лавкахъ продаются только такія книги, которыя составляютъ постоянный обиходъ китайскаго ученаго; это классическія книги, лексиконы, хриіи и т. п., привозимыя въ огромномъ количествѣ съ юга; онѣ и самыя дешевыя, потому что цѣна вполне зависитъ отъ объема; но чтобъ пріобрѣсть большую часть лучшихъ сочиненій, непременно нужно выждать случая ихъ появленія; нѣкоторыя изъ нихъ были печатаемы за двѣсти лѣтъ предъ симъ; большая часть принадлежитъ прошлому столѣтію, такъ что доски или совсѣмъ уничтожились или такъ испортились, что не возможно болѣе печатать; слѣдовательно надобно было выждать случая, когда какой-нибудь обѣднявшій ученый продастъ то или другое сочиненіе въ лавки, гдѣ тотчасъ же могли перехватить ихъ другіе покушники, а инныя книги не появлялись и одного разу вовсе десять лѣтъ. Вотъ почему прогулка по такъ-называемому Лю-ли-чану, гдѣ сгруппирована главнымъ образомъ книжная торговля, была постояннымъ и, правду сказать, любимымъ нашимъ занятіемъ. При этомъ не могу не вспомнить съ особенною любовью о добромъ моемъ товарищѣ и другѣ, Ив. Ил. Захаровѣ, который пріобрѣтая книги для бібліотеки Азіятскаго департамента, былъ моимъ постояннымъ спутникомъ.

Мы должны упомянуть, что въ десятилѣтнее мое отсутствіе изъ Казанскаго университета бібліотека сдѣлала еще нѣсколько важныхъ пріобрѣтеній, о которыхъ я былъ извѣщенъ вовремя, чтобы не покупать дублетовъ. Въ 1844 году о. Даніилъ оставилъ кафедру, и мѣсто его заступилъ покойный О. П. Войцеховскій, который сталъ преподавать и маньчжурскій языкъ. Онъ также уступилъ свои книги бібліотекѣ. Такъ какъ онъ былъ при пекинской миссіи въ качествѣ медика, то и собраніе его отличается именно по этой части. Но всего важнѣе подарки, сдѣланные Академіей Наукъ, которая при разборѣ своихъ книгъ отдала дублеты въ собственность нашей бібліотекѣ, и мы пріобрѣли такимъ образомъ *Дайцинъ* и *Тунъ-чжи* и *Дайцинъ-хой-день* — географію и уложенія нынѣшней династіи, — сочиненія очень рѣдкія и дорогія въ настоящее время.

II.

Собраніе китайскихъ книгъ въ нашей библіотекѣ не можетъ быть понятно разказано въ короткихъ словахъ, и потому мы позволяемъ себѣ вдаться въ нѣкоторыя подробности, изъ которыхъ читатель могъ бы извлечь нужныя свѣдѣнія объ обширности литературы и оцѣнить значеніе книгъ. Мы необходимо должны начать свой разборъ съ классическихъ книгъ, которыя составляютъ собой обширное основаніе всего китайскаго образованія, которыя вошли такъ сказать въ кости и кровь Китайцевъ. Это начало даже справедливо и въ отношеніи ко времени, потому что, несмотря на увѣренія Китайцевъ объ отдаленной древности какъ ихъ историческаго существованія, такъ и начала письменности, мы не находили никакихъ положительныхъ памятниковъ въ пользу того или другаго увѣренія. Хотя начало іероглифовъ и теряется въ отдаленныхъ эпохахъ, но самое свойство ихъ показываетъ, что много должно было пройти времени для того, чтобъ писать ими книги, и потому Конфуцій легко можетъ похвастаться однимъ изъ первыхъ писателей Китая. По всему видно, что знаніе и употребленіе письменности принадлежало правительствамъ; они сами должны были имѣть списки для отчетовъ финансовыхъ, отмѣчали происшествія, трактаты, вели родословныя и проч. Конфуцій первый ввелъ письменность въ народъ, образуя своихъ учениковъ для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ достойныхъ гражданъ и въ той же мѣрѣ способныхъ слугъ. Въ качествѣ ученаго, онъ есть не болѣе какъ историкъ, потому что собственный его трудъ заключается въ изданіи или составленіи лѣтописи царства Лу. Затѣмъ *Шу-цзинъ* есть опытъ полной древней исторіи Китая, *Ши-цзинъ*, или книга стихотвореній, есть дополненіе къ исторіи народа, какъ свидѣтельство нравовъ и церемоній. Это тоже собраніе статей, которыя сначала были извѣстны только правительствамъ. Лишь одна гадательная книга *И-цзинъ* можетъ поспорить съ конфуціанскими книгами о древности. Отрывистый и темный слогъ ея свидѣствуетъ уже о томъ, что она была составлена въ то время, когда посредствомъ іероглифовъ не могли быть выражаемы отчетливо не только полныя разсужденія, но даже и отрывочныя фразы. Напрасно конфуціанцы причисляютъ эту книгу къ своимъ; она не была имъ извѣстна сначала, потому что не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ и видами основателя ихъ школы, и даже первые ученики, столь щедро ссылавшіеся въ своихъ твореніяхъ на *Ши-цзинъ* и

Шу-цзинь, никогда не упоминають объ этой книгѣ. По всему видно, что они приноровили эту книгу, какъ единственный остатокъ древности, къ своему ученію, не раньше начала Ханьской династіи, или приняли ее въ свой составъ для того, чтобы вступить въ тѣснѣйшую связь съ общими народными повѣрьями. Кромѣ сказанныхъ трехъ сочиненій, Конфуцій не оставилъ ничего кромѣ развѣ *Юцзинга*, сочиненія о музыкѣ, если оно существовало, потому что оно считается потеряннымъ, и никто не знаетъ въ чемъ оно заключалось. Но путь, имъ проложенный, не остался безъ послѣдователей; ученики его записали или его изреченія (*Лунь-юй*), или составили толкованія на его *Чунь-цю* (*Цзо-чжуань*) *Гунь-я-яни-гулянъ*, или выразили въ отдѣльныхъ трактатахъ его мысли и замѣчанія о древности, что составило цѣлую книгу *Ли-цзи*, дополненіемъ къ которой служатъ еще двѣ книги, толкующія о церемоніяхъ: *И-ли* и *Чжоу-ли*. Наконецъ философъ Мэнь-цзы, или лучше его ученики составили, по образцу *Лунь-юй*'я, отдѣльные его изреченія. Вотъ то богатство, съ которымъ конфуціянство выступаетъ на государственное поприще со временъ Ханьской династіи. Къ этимъ книгамъ они еще присовокупяютъ *Сяо-цзинь* (книга о почтительности къ родителямъ) и древній лексиконъ *Эр-я*, который, конечно не принадлежитъ одному конфуціянству. Такимъ образомъ составилось полное число *тринадцати цзиновъ* (*Ши-сань-цзинь*), въ которыхъ заключается все ученіе конфуціянства; но не въ столь обширномъ объемѣ; въ видахъ изученія его принято слѣдующее раздѣленіе тѣхъ же книгъ: 1) Четверокнижіе: *Сы-шу*, куда относятся: *Да-се*, *Чжунь-юнь* или двѣ главы изъ *Ли-цзи*, *Лунь-юй*, *Мэнь-цзы* и 2) 5 канонныхъ или классическихъ книгъ (*У-цзинь*): *И-цзинь*, *Шу-цзинь*, *Ши-цзинь*, *Чунь-цю* и *Ли-цзи*. Впрочемъ названіе Четверокнижія является только со временъ Сунской династіи (съ XI вѣка по Р. Х.), при которой конфуціянство получило новое направленіе; до этого времени Китай представляетъ въ себѣ еще рядъ знаменитыхъ ученыхъ, которые прославились толкованіями на вышеупомянутыя классическія книги; но ихъ комментаріи составлены были въ области самаго текста, который они объясняли, тогда какъ, съ удачно-названною у насъ *новою философіей*, самый текстъ подчинился метафизическимъ идеямъ, которыя хотя и опираются на тексты классическихъ книгъ и кажутся какъ бы выведенными изъ ихъ общности, а все-таки представляютъ собою совершенно новую систему, которая на первыхъ порахъ должна была выдерживать борьбу съ учеными прежняго порядка, называвшими ее ересью; эта новая система, начатая *Чжо-у-цзы* и вполнѣ раз-

витая Чжу-си, выставила снова рядъ комментарий, которые продолжались и продолжаютъ до нашего времени. Такимъ образомъ классическая литература не осталась мертвою буквою, въ продолженіе двухъ тысячелѣтій, со времени принятія ея въ руководство въ умственной, гражданской и домашней жизни. Легко понять, какъ долженъ быть обширенъ объемъ ея, благодаря однимъ комментаріямъ, и дѣйствительно, полное ея собраніе, несмотря на то, что нѣкоторые древніе авторы потеряны, а другіе дошли до насъ только въ отрывкахъ, превосходить и количествомъ трактатовъ и числомъ томовъ литературу буддійскую, передъ которою имѣеть то преимущество, что ближе подходитъ къ голосу и потребностямъ человѣческаго ума и сердца, не заносится въ область пустыхъ умствованій или не добивается небывалаго и невозможнаго въ физическихъ законахъ.

Нынѣ ни одна изъ классическихъ книгъ не издается отдѣльно отъ комментарий, и въ обыкновенномъ ходу только комментарий такъ-сказать *признанные*, или которые приняты въ преподаваніи; изъ другихъ, многіе изданы и отдѣльно, но находятся только въ императорской библіотекѣ. Далѣе издаются классическія книги также съ принятыми комментаріями, или по частямъ, какъ Сы-шу, У-цзинъ, и наконецъ всѣ 13 классическихъ книгъ (Ши-сань-цзинъ). Редакція послѣднихъ обыкновенно издается нынѣ съ различными *толкованіями*, вариантами текстовъ (Цзяо-кань-цзи). Итакъ собраніе этихъ изданій уже достаточно для полнаго ознакомленія съ цѣлостью конфуціянства, какъ въ древнемъ его состояніи, такъ и со стороны воззрѣнія на него въ настоящее время. Они всѣ находятся въ обиліи во всѣхъ трехъ библіотекахъ (а мы имѣемъ еще особое изданіе 13 цзиновъ, съ толкованіями, безъ поясненій). Но для изученія всѣхъ мнѣній въ дошедшихъ до насъ толкованіяхъ, имѣются болѣе обширныя изданія, составленныя при настоящей династіи (между 1721 и 1748 г.) по порученію правительства. Въ продажѣ они извѣстны подъ общимъ именемъ *Цинь-динъ-ци-цзинъ* или семь высочайше утвержденныхъ цзиновъ, хотя и носятъ каждый отдѣльное названіе. Здѣсь подъ каждымъ текстомъ видимъ сводъ всѣхъ дошедшихъ до насъ толкованій съ выводомъ или заключеніемъ изъ нихъ. Важнымъ пособіемъ къ подробному познанію и изученію всей классической литературы должно отнести изслѣдованіе цзиновъ (*цзинъ* и *као*) *Чжу* и *цзуня*, въ которомъ не пропущено ни одно сочиненіе, ни одна отдѣльная статья, вызванная ими, съ самаго древняго времени до настоящей династіи. Такъ какъ при этой династіи также

трудилась надъ изученіемъ классическихъ книгъ, различные писатели обрабатывали различные отдѣлы, то въ 1829 году бывший министръ Жуань-юань собралъ болѣе 180 такихъ сочиненій въ одномъ сборникѣ, подъ именемъ *Хуань-цзинь-цзинь-цзе* (50 т. 350 волюмовъ). Всѣ эти сочиненія находятся въ университетской библіотекѣ, и потому можно судить, достаточно ли она снабжена источниками для изученія этого отдѣла. Мы не говоримъ уже о множествѣ другихъ мелкихъ изданій той или другой классической книги; пропускаемъ даже такъ-называемыя *ежедневныя толкованія* (Жи-цзянъ) императора Канси, которыя представляютъ огромный трудъ, цзины, изданныя съ переводомъ на маньчжурскомъ языкѣ, и т. п. Развѣ остается пожелать пріобрѣтенія сборника, въ родѣ предыдущаго *Хуань-цзинь-цзинь-цзе*, извѣстнаго подъ именемъ *Тунь-чжи-тань*, гдѣ собраны толкованія юаньскихъ и миньскихъ писателей.

Мы упомянули уже, что новѣйшая философія имѣла рядъ писателей, которые не только комментировали книги, но и писали свои отдѣльныя сочиненія. Хотя сочиненія Чжу-цзы находятся у насъ вполне, но пріобрѣтеніе другихъ почтено было за излишнее, потому что при Миньской династіи составленъ былъ сводъ всѣхъ этихъ сочиненій, изданный подъ именемъ *Синь-ли-да-цюань* (8 т.), и оно уже показалось самимъ Китаичамъ такъ огромно, что при нынѣшней династіи сдѣлано было извлеченіе изъ него, подъ именемъ *Синь-ли-цзинь-и*, переведенное и на маньчжурскій. Оно въ большомъ ходу. Еще и прежде того конфуціянскіе ученые писали отдѣльныя сочиненія помимо комментариевъ. Они нашли также мѣсто въ нашемъ собраніи, въ сборникѣ *Бо-цзы-лэй-хань*.

Конфуціянство прославлено своими толками о церемоніяхъ. Они находятъ себѣ мѣсто какъ въ классическихъ книгахъ, такъ и въ новой философіи. Кромѣ того, исторія и описаніе всѣхъ обрядовъ и церемоній заключается въ двухъ огромныхъ сочиненіяхъ *У-ли* и *Лу-ли-тунь-као* (12 т.).

Странно было бы думать, что китайскій геній произвелъ одно только конфуціянство. Правда, оно возобладало уже давно надъ всѣми другими теоріями; но мы находимъ, что еще до временъ Конфуція, наравнѣ съ возрастаніемъ его ученія, даже послѣ его преобладанія, умъ китайскій обращался къ другимъ направленіямъ, которыя также стремились къ пріобрѣтенію авторитета въ своей націи. Сочиненія всѣхъ этихъ философовъ, не исключая и военныхъ, нашли мѣсто въ сей часъ упомянутомъ сборникѣ *Бо-*

цзы-лэй-хань; кроме того, самыя главныя изъ нихъ (числомъ 12) находятся въ отдѣльномъ изданіи, съ толкованіями и примѣчаніями. И эта сторона, слѣдовательно, представляетъ для насъ достаточное количество нужныхъ матеріаловъ, тѣмъ болѣе что философы не оставили по себѣ послѣдователей. Только одинъ Лао-цзы, жившій еще до Конфуція, вполне пользуется въ Китаѣ честию основателя религіи и притомъ въ нашемъ смыслѣ; она известна подъ именемъ даосизма, — названіе, полученное отъ перваго іероглифа въ книгѣ, которую будто составилъ Лао-цзы, то есть *Дао-дэ-цзинь*. Это сочиненіе вовсе не имѣетъ однакожъ ничего религіознаго, и едва ли можно отнести его сочиненіе къ такому древнему времени. Но даосизмъ сдѣлался приближеннымъ и сводомъ всѣхъ умствованій, несогласныхъ съ конфуціанствомъ; онъ примкнулъ къ себѣ рядъ философовъ, каковы Чжуанъ-цзы и проч.; осыпалъ всѣ бредни фантазіи, которая допускала возможность достигнуть безсмертія или долготѣія, вознестись на небо и т. п.; онъ также заимствовалъ очень многое отъ буддизма и сочинялъ сутры по его образцу, что и ввело въ заблужденіе нѣкоторыхъ европейскихъ ученыхъ, которые доказываютъ, что даосизмъ заимствованъ изъ Индіи. Но главнѣйшій интересъ этой религіи заключается для насъ въ томъ, что онъ вмѣстилъ и развилъ въ себѣ всѣ народныя повѣрья, осыпалъ суевѣрія, метаморфозировалъ людей въ боговъ, населилъ небо и землю духами. Такъ какъ приверженцы даосизма считаютъ книгу *И-цзинь* принадлежностію своей вѣры, наравнѣ съ конфуціанцами, которые присвоиваютъ ее себѣ, и такъ какъ она дѣйствительно подходитъ ближе къ ихъ теоріямъ, будучи собственно гадательною книгой, то начало даосизма можетъ быть отнесено въ самыя отдаленныя времена, хотя литература ея, представляющая странную смѣсь, не имѣющую никакой связи, и началась въ послѣдствіи. Все это показываетъ, до какой степени можетъ быть интересно изученіе даосизма, не нашедшаго въ Европѣ еще замѣчательныхъ изслѣдователей. Судя по имѣющемуся у насъ каталогу даосскихъ книгъ, литература своею обширностію нисколько не уступаетъ буддійской; но мы не могли найти нигдѣ въ продажѣ полнаго собранія, известнаго подъ именемъ *Дао-цзань*, которое было однакоже напечатано въ Пекинѣ во времена Канси; дѣло въ томъ, что эта религія болѣе наша себѣ приверженцевъ на югѣ. Мы имѣемъ у себя только сокращеніе или выборъ всѣхъ главнѣйшихъ сочиненій даосизма (*Дао-цзань-цзи-ю*), собраніе, изданное въ двадцати восьми большихъ томахъ довольно мелкой печати. Къ сожалѣнію, изъ этого собра-

нія нѣтъ у насъ семи томовъ, хотя не очень важныхъ, потому что главнѣйшія сочиненія, и между прочимъ самое знаменитое Юнь-цзи-ци-цзянь (2 т.), сводъ всѣхъ даоскихъ вѣрованій, имѣются у насъ.

Наконецъ послѣдній элементъ, внесенный въ философское и религиозное развитіе Китайцевъ, представляетъ собою обширная и многозначительная литература буддизма, которая несомнѣнно имѣла большое вліяніе не только на мышленіе, но и на бытъ народа, его языкъ и даже отчасти на самое явленіе новаго конфуціанства. Литература буддійская состоитъ какъ изъ переводныхъ сочиненій съ санскритскаго, такъ и изъ множества оригинальныхъ твореній; о значеніи первыхъ мы уже имѣли случай выразиться въ другомъ мѣстѣ. Буддизмъ развивался въ Индіи, можно сказать, во все продолженіе своего долговременнаго существованія тамъ, то-есть сочинялъ книги отъ имени Будды, и потому представляетъ собой одно изъ вѣрнѣйшихъ мѣрилъ для развитія образованія самой Индіи, которое, какъ все удостовѣряетъ насъ въ немъ, нисколько не древнее. Можетъ-быть мы нигдѣ, кромѣ буддизма, не найдемъ столько матеріаловъ для опредѣленія древнихъ обычаевъ и нравовъ Индіи, для ея археологіи и даже исторіи и учреждений. Во всякомъ случаѣ, все насъ удостовѣряетъ, что буддизмъ переходилъ постепенно отъ правилъ общихъ къ частностямъ, отъ идей тривиальныхъ и субъективныхъ къ самымъ отвлеченнымъ и туманнымъ, и наконецъ весь превратился въ мистицизмъ. Несомнѣнно также, что въ этомъ развитіи, какъ и слѣдовало ожидать, въ немъ являются разнообразныя системы, превращающіяся въ школы, другъ друга давящія; каждая изъ нихъ имѣетъ свои сочиненія, не признаваемые другими, или имъ не извѣстныя; чтобы не впасть въ заблужденіе, не должно руководиться ученіемъ лишь одной школы, а между тѣмъ мы замѣтили уже, что тибетскіе источники и имѣютъ въ себѣ именно этотъ недостатокъ, происшедшій уже очень естественно оттого, что буддизмъ сталъ распространяться въ Тибетъ въ то время, когда Китай почти окончилъ поиски свои въ Индіи, и оттого въ немъ менѣе распространился мистицизмъ, преобладающій въ Тибетѣ. За то навѣрно нигдѣ, кромѣ китайскихъ переводовъ, не сохранились важнѣйшія сочиненія древняго буддизма, каковы *сутры Хинаяны*, *виная* или аскетическія уложенія различныхъ сектъ, и наконецъ знаменитыя *абидармы*. Вотъ интересъ, представляемый намъ буддійскими книгами въ китайскомъ переводѣ, собранными въ одно цѣлое подъ именемъ трехъ *питахъ*

(коробовъ) или Сань-цзанъ; тутъ считается болѣе 1600 названій неодинаковаго объема. Къ сожалѣнію, такъ какъ изданіе, приобретенное нами, появлялось въ продажу не въ одно время, то въ немъ не достаесть одного тома, впрочемъ не очень важнаго. Что касается до оригинальныхъ сочиненій буддійскихъ, то мы выбрали только главнѣйшія изъ нихъ, и даже дали имъ особенное, болѣе систематическое расположеніе, включивъ и такія, которыя не вошли въ офиціальное изданіе китайскихъ оригинальныхъ сочиненій, извѣстное подъ именемъ *Сюй-цзанъ* (дополненія къ Цзану). Мы имѣемъ, кромѣ толкованій, объясняющихъ нѣкоторыя изъ книгъ Сань-цзана, всѣ лексиконы, какъ филологическіе, такъ и терминологическіе; каталоги книгъ, съ литературнымъ обзорніемъ; наконецъ важнѣе всего — книги историческія и географическія.

III.

Мы уже говорили о собраніи христіанскихъ книгъ на китайскомъ языкѣ; кромѣ Евангелія, оно ограничивается однакожъ катихизисомъ и мелкими трактатами, иногда даже оригинальными сочиненіями католическихъ миссіонеровъ, какъ напримѣръ *Опроверженіе буддійскихъ заблужденій и истинное начало всѣхъ вещей*, переведенныя и на маньчжурскій языкъ. Мы не встрѣчаемъ ни Библии, ни сочиненій отцовъ церкви, исключая Фомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу». Значеніе христіанства въ Китаѣ принадлежитъ еще будущности, въ которой святая истина будутъ несомнѣнно имѣть болѣе блистательную судьбу.

Мы просимъ какъ нашихъ пекинскихъ соотечественниковъ, такъ и ученыхъ западной Европы, обратить вниманіе на магометанскую литературу въ Китаѣ; навѣрно имъ откроется болѣе благоприятный случай къ отысканію мусульманскихъ сочиненій на китайскомъ языкѣ; я досталъ только всего двѣ книжки, собственно мнѣ принадлежація; но меня увѣрили, что есть немалое количество книгъ; это очень натурально, судя по долговременному существованію въ Китаѣ мусульманства и по его обширному распространенію, хотя офиціальныя источники какъ будто совсѣмъ не знаютъ этой религіи. Въ одномъ Пекинѣ считается до 20,000 мусульманскихъ семействъ, имѣющихъ тринадцать и-

бай-сы (мечетей); кроме того, по дорогѣ отъ Пекина къ Монголіи, не разъ встрѣчаются цѣлыя селенія; но главное духовное управленіе мусульманъ въ этой части Китая сосредоточено въ Линь-цинь-чжоу, въ провинціи Шань-дунъ, гдѣ, говорятъ, находятся и доски книгъ мусульманскихъ на китайскомъ языкѣ. Но этимъ еще не ограничивается число мусульманъ; знаменитыя мечети въ Хань-чжоу и Янь-чжоу свидѣтельствуютъ, что они существуютъ и на югозападѣ, между тѣмъ какъ настоящее ядро мусульманъ несомнѣнно находится въ сѣверозападныхъ провинціяхъ, Шань-си и Гань-су, гдѣ они живутъ цѣлыми группами селеній, откуда на югъ встрѣчаются въ провинціи Сычуань, и наконецъ даже въ самой югозападной провинціи Юнь-нань, гдѣ они размножились до такой степени, что даже въ недавнее время долго бунтовали противъ правительства. Разумѣется, что всѣ китайскіе мусульмане говорятъ отъ рожденія китайскимъ языкомъ, хотя и производятъ себя изъ Арабіи, носятъ китайскій костюмъ и даже не бреютъ головы.

Можетъ-быть откроемъ въ мусульманскихъ оригинальныхъ сочиненіяхъ очень много данныхъ; по крайней мѣрѣ одно отысканіе существующей, какъ извѣстно мнѣ, на китайскомъ языкѣ исторіи магометанства, *Хой-хой-цзю-юань-лю*, достаточно можетъ вознаграждать того, кто задастъ себѣ этотъ трудъ.

Въ бытность мою въ Пекинѣ, я имѣлъ случай познакомиться съ однимъ туркестанскимъ уроженцемъ изъ Аксу, записавъ отъ него слова и фразы, свойственныя тамошнему краю, добылъ нѣсколько татарскихъ рукописей, писанныхъ на китайской бумагѣ; все это передалъ я моему другу, Ил. Ник. Березину, которому сподручнѣе оцѣнить мои пріобрѣтенія.

Ученые Европы всего болѣе отыскиваютъ историческія книги у всѣхъ народовъ; они почти увѣрены, что ничто другое не заслуживаетъ ихъ вниманія, потому что не прибавить ничего въ ихъ умствованіяхъ, ни присовокупить новаго къ наукѣ. Всѣ наши синологи точно также отдають преимущество исторической части. Мы не думаемъ также, чтобы наше собраніе могло уступить въ этомъ отношеніи которой-нибудь изъ библиотекъ, потому что все, чтѣ только можно было отыскать, вполне нами пріобрѣтено. Академія Наукъ гораздо бѣднѣе по этому отдѣлу, потому что не имѣетъ ни полной офіціальной исторіи, ни знаменитыхъ энциклопедій (Сань-тунь), которыя однѣ составляютъ у насъ 222 тома, не считая другихъ.

Китай имѣетъ обширную исторію, какою не можетъ похва-

литься ни одна страна, на такомъ огромномъ пространствѣ мѣста и времени. Если оставить въ сторонѣ отдаленныя времена до династіи Чжоу, о которыхъ однакожь говорить классическая книга *Шу-цзинь*, все-таки мы имѣемъ непрерывный рядъ положительныхъ свѣдѣній отъ начала этой династіи, или Солѣе чѣмъ за 1000 лѣтъ до Р. Х., и до новѣйшаго времени. Уже Чунь-цю (весна и осень) Конфуція, съ замѣчаніями Цзю-цю-мина, предлагаетъ намъ рѣдкія подробности; но съ тѣхъ поръ, какъ Сы-ма-цянъ составилъ *Ши-цзи* или историческія записки, передъ нами открытъ Китай въ продолженіе 2000 лѣтъ во всѣхъ малѣйшихъ его видоизмѣненіяхъ, не только по части событій въ политическомъ и гражданскомъ быту, но съ свѣдѣніями о всѣхъ перемѣнахъ въ мелочныхъ учрежденіяхъ по части законовѣднія, уголовныхъ законовъ, церемоній, обрядовъ и проч. Не только каждый шагъ императора замѣченъ, но и незначительные чиновники, даже люди не служившіе, по чѣмъ-нибудь сдѣлавшіеся въ свое время извѣстными съ хорошей или дурной стороны, нашли свое мѣсто въ исторіи.

Можно сказать, что записи историческія были первымъ предметомъ письменности. Не только государи или удѣльные князья держали при своемъ дворѣ историковъ, но и знатныя фамиліи могли стараться сохранить себя для потомства. Поэтому, хотя начало китайской исторіи и философскій элементъ ея и очерпаются въ двухъ классическихкихъ книгахъ, каковы *Шу-цзинь* Чунь-цю, и даже въ *Ши-цзинь* лъ, книгѣ пѣснопѣній, всегда по толкованію тѣсно соединенныхъ съ исторіей (1), но за всѣмъ тѣмъ настоящій отецъ китайской исторіи, Геродотъ Востока — Сы-ма-цянъ, неминуемо увлекся стариннымъ духомъ генеалогій, и его исторія есть не что иное, какъ собраніе отдѣльныхъ частныхъ исторій, біографіи ли то императоровъ, князей, знаменитыхъ мужей, или обзорѣнія (чжи) музыки, церемоній, мѣръ, жертвоприношеній, обращенія годоваго времени, водяныхъ работъ и финансовъ. Хотя Бань-гу, жившій при послѣдней Ханьской династіи, и уклонился нѣсколько отъ плана, и главное — отъ образа сужденій Сы-ма-цянъ, ставившаго конфуціанство на второмъ планѣ, за что нѣкоторые и ставятъ его ниже Бань-гу, —

(1) Слѣдовательно, изъ пяти классическихкихъ книгъ три принадлежать исторіи. Таково превосходство историческаго элемента въ духовной жизни Китая; а что болѣе способно утвердить національность?

но все-таки первое основаніе принадлежитъ ему. Этотъ родъ исторіи, называемый Китайцами *Цзи-чжуань*, мы называемъ *официальнымъ* или *династическимъ*, потому что, по паденіи каждой династіи, другая, смѣнявшая ее, говоря вообще, поручала или одному лицу, или цѣлому комитету, составить ея исторію изъ официальныхъ документовъ, для которыхъ основаніемъ служило главнымъ образомъ *Ши-лу*, или записи о царствованіи каждаго императора, составляемыя придворными историками, которыхъ званіе не прекращалось съ древнихъ временъ. Когда Китай послѣ Цзиньской династіи до временъ Суйской раздѣленъ былъ на южный и сѣверный, и въ каждой половинѣ одна династія смѣняла другую, то и эти частныя династіи необходимо должны были имѣть свою исторію. Онѣ вошли въ составъ официальныхъ, несмотря на то, что изъ нихъ въ послѣдствіи сдѣланъ общій сводъ, подъ именемъ *Исторіи Сьвера* и *Исторіи Юа* (Бэй-или, Нань-или). Періодъ троецарствія Сань-го имѣетъ одну общую исторію, въ которой главною династіей принять домъ *Вэй*, потому что династія *Цзинь*, при которой составлялась эта исторія, была прямымъ продолженіемъ этого дома. Періодъ пяти династій имѣетъ одну общую исторію подъ именемъ *У-дай-ши*; въ другихъ случаяхъ, когда Китай былъ раздробленъ на части, частныя династіи нашли свою исторію въ приложеніяхъ къ исторіи главной династіи, за исключеніемъ Ляоской и Цзиньской, составленныхъ отдѣльно отъ Сунской исторіи. Сверхъ того, исторія пяти династій и Танская были передѣлываемы вновь, и потому-то есть Новая Танская исторія и Старая (Синь-танъ-шу и Цзю-танъ-шу), есть Новая исторія пяти династій и Старая (Синь-удай и Цзю-удай). Такимъ образомъ въ настоящее время въ полномъ комплектѣ династическихъ или официальныхъ исторій считается всегда 24 исторіи, начинающіяся *Ши-цзи-сы-ма-цзи*'евой и оканчивающіяся *Минь-ши*, исторіей Минской династіи, составленной нынѣшнимъ правительствомъ. Достоинства и недостатки этого рода исторій заключаются въ ихъ *официальности*, которая не допускала составителей обращать вниманіе на сочиненія частныхъ лицъ, или приводить ихъ мнѣнія. Потому должно смотрѣть, какъ на отдѣлку ихъ въ лучшемъ видѣ, на пользующіяся въ Китаѣ знаменитостію *Три энциклопедіи* или обзорѣнія *Сань-тунъ*, въ которыхъ притомъ авторъ проводитъ отдѣльныя обзорѣнія официальныхъ исторій до избраннаго имъ періода сквозь всю исторію. Такимъ образомъ Чжэн-цао сочинилъ *Тунъ-чжи*, историческую энциклопедію, въ кото-

рой исправляетъ вкравшіяся въ исторіи династій ошибки; хотя онъ тутъ говоритъ и о другихъ предметахъ, какъ-то: объ астрономіи, географіи, обрядахъ, чинахъ, фамиліяхъ и проч., но эти статьи еще лучше и подробнѣе обработаны въ двухъ другихъ энциклопедіяхъ: *Тунъ-данъ*'ѣ, сочиненіи Ду-ю, и *Вэнь-сянь-тунъ-као*, сочиненіи Ма-дуанъ-линя, пріобрѣтшаго уже заслуженную европейскую извѣстность. Нынѣшнее правительство составило продолженіе (Сюй) всѣхъ этихъ трехъ энциклопедій, и отдѣльно издало въ томъ же духѣ три сочиненія для своей династіи. Сверхъ того, древняя исторія Китая до Ханьской династіи превосходно обработана въ такъ-называемой *И-ши*, сводной исторіи, соч. Ма-су.

Независимо отъ этого рода исторій Китайцы обратились къ древнему характеру лѣтописей (бянь-нянь), сохранившемуся въ Чунъ-цю. Здѣсь происшествія разказываются между собой въ порядкѣ времени, безъ всякой связи; но характеръ классицизма далъ этимъ утомительнымъ запискамъ большое употребленіе. Сы-ма-гуанъ, знаменитый мужъ Сунской династіи, написалъ какъ бы продолженіе Чунъ-цю до начала своей династіи или до 959 г. Оно извѣстно подъ именемъ *Тунъ-цзянь* (*историческаго зеркала*). Философъ Чжу-цзы, обрабатывавшій классическія книги, придѣлалъ къ нему *Ганъ-му*, вѣчто въ родѣ конспекта; другіе ученые составили въ томъ же родѣ и надставку, для древнѣйшихъ временъ, и продолженія для послѣдующихъ. Такимъ образомъ составилось знаменитое *Тунъ-цзянь-ганъ-му*. Главное для Китайцевъ значеніе этой книги заключается въ оцѣнкѣ лицъ и событій извѣстными выраженіями, которымъ сдѣлана тонкая градація, и Тунъ-цзянь-ганъ-му замѣняетъ для Китайцевъ то, что преданіе сохранило намъ о посмертномъ судѣ у Египтянъ. При нынѣшнемъ правительствѣ издано въ этомъ родѣ особое сочиненіе *Тунъ-цзянь-ци-лань*.

Болѣе всего удовлетворяетъ нашимъ понятіямъ и требованіямъ отъ историческаго изложенія сочиненіе, извѣстное подъ именемъ *Цзи-ши-бэнь-мо*. Это наша прагматическая исторія. Первое начало ей положилъ сунскій ученый Юанъ-шу. Онъ взялъ ту же эпоху, которую избралъ и Сы-ма-гуанъ для своего *Тунъ-цзянь*'я. Чэнь-шао-янъ описалъ въ томъ же родѣ древнія времена; продолжателями были Фынъ-ци, Чэнь-банъ-чжанъ и Гу-ин-тай.

Сверхъ этихъ главныхъ сочиненій, мы имѣемъ еще множество частныхъ сочиненій, служащихъ поясненіемъ или дополненіемъ

для известной эпохи. Между прочими укажемъ только на историческій словарь (Синь-ши-пу, 16 томовъ) и историческую энциклопедію Сунской династіи (Це-фу-юань-гуй, 40 томовъ).

Изъ краткаго обзорѣнія, представленнаго выше, мы видимъ, что не нуждаемся ни въ исторіи литературы, ни въ памятникахъ законодательства древнихъ временъ; чтó же касается до новыхъ, то мы обладаемъ между прочимъ знаменитымъ каталогомъ (Сы-ку-цюань-шу-цзюи-му) и уложеніями настоящей династіи, не упоминая о множествѣ частныхъ въ обоихъ родахъ.

Говоря объ энциклопедіяхъ, не забудемъ также, что сверхъ историческихъ, которыя, какъ видимъ, получили начало уже въ отдаленныя времена, Китайцы имѣютъ столь же древнія общія энциклопедіи, расположенныя по предметамъ, начиная отъ неба, или астрономіи и оканчивая животными. Стоить только упомянуть имена *Сань-чай-ту-гуй* (японская энциклопедія), *Тай-пинь-юй-лань*, *Юй-хай* и *Юань-цзянь-лэй-хань*, не говоря о множествѣ другихъ, чтобъ удовлетворить возможнымъ желаніямъ нашихъ синологовъ, которые развѣ пожалѣютъ только о недостаткѣ *Тушу-цзи-чэна*.

Китайская географія получила свое начало въ той же исторической книгѣ *Шу-цзинь*. Шестая глава этой книги, известная подъ именемъ *Юй-гунь*, содержитъ въ себѣ краткое раздѣленіе древняго Китая по провинціямъ, съ указаніемъ ихъ границъ, качества почвы, хлѣбородія и доставляемыхъ ими податей. На нее доннынѣ пишутъ множество комментариевъ и ссылаются при всякомъ случаѣ. Въ исторіяхъ династій мы находимъ подробные отчеты о географическомъ раздѣленіи, съ перечнемъ всѣхъ городовъ и измѣненій въ ихъ названіяхъ. Первою же отдѣльною полною географіею Китая является *Тай-пинь-хоань-юй-цзи* (6 т.), географія Сунской династіи. Затѣмъ Юаньская, Минская и настоящая династіи издавали географическія описанія всѣхъ своихъ владѣній, известныя подъ именемъ *И-тунь-чжи*, съ прибавленіемъ впереди названія династіи (Минь-И-тунь-чжи, Дай-цинъ-И-тунь-чжи). Между тѣмъ давно уже не только каждая отдѣльная провинція, но даже департаменты и уѣзды издають свои описанія (чжи), въ которыхъ кромѣ указанія всѣхъ знаменитыхъ мѣстностей разказывается исторія описываемаго пространства, перечисляются всѣ знаменитыя лица, отсюда вышедшія, всѣ народы, здѣсь живущіе или жившіе.

Другихъ мелкихъ географій также весьма много. Кромѣ *Юй-гуня* два сочиненія также считаются дошедшими отъ глубокой

древности. Это *Шань-хай-цзинь*, книга горъ и морей, и *Шуй-цзинь*, книга водъ. Последняя съ богатыми примѣчаніями Ли-дао-юан'я, который некогда былъ посланъ отъ танскаго двора въ Тибетъ. Мы имѣемъ новѣйшее превосходное описаніе теченія китайскихъ водъ въ Шуй-дао-ти-ганъ. Здѣсь описаны всѣ малѣйшіе изгибы теченія рѣкъ не только въ Китаѣ, но и въ Маньчжуріи, Монголіи и Тибетѣ. Болѣе спеціальное описаніе собственно водъ Китая, это *Синь-шуй-цзинь-цзянь* (4 т.) съ дополненіемъ (8 т.). Распространенію владычества нынѣшней династіи, кромѣ Маньчжуріи и Китая, надъ Монголіей, Цзюнгаріей, Туркестаномъ и Тибетомъ, мы обязаны въ первый разъ правильному и подробному описанію всѣхъ этихъ мѣстъ. Такъ мы имѣемъ описаніе Тибета, извѣстное уже по переводу о. Іакина; далѣе, изданное правительствомъ описаніе западныхъ странъ (*Си-юй-ту-чжи*), обогащенное послѣ трудами министра Сун'а; сочиненіе Синь-цзянь-ши-ле и Суй-сун'а: *Си-юй-шуй-дао-цзи*. Мы упомянемъ еще о двухъ замѣчательныхъ сочиненіяхъ: *Дай-цинъ и Тунь-чжи-бло*—таблицы изъ географіи Дайцинской имперіи, съ приложеніемъ всѣхъ древнихъ названій, и *Ли-дай-ди-ли-чжи-юнь-бянь*—географическій словарь, принадлежащій Ли-чжао-ло, который въ послѣднее время оказалъ множество услугъ китайской географіи.

Здѣсь мы перечислили только главнѣйшія изъ географическихъ сочиненій, не считая множества мелкихъ. Мы опустили даже чрезвычайно замѣчательное сочиненіе послѣднихъ временъ Минской династіи: *Цзюнь-го-ли-бинь*, въ которомъ всѣ мѣстности Китая разсматриваются въ стратегическомъ отношеніи. Изъ числа болѣе 300 томовъ, заключающихся въ этомъ отдѣлѣ (нами приобрѣтено 274 тома), главное мѣсто несомнѣнно принадлежитъ отдѣльнымъ описаніямъ каждой провинціи, которыхъ, какъ извѣстно, восемнадцать. Они издаются на мѣстѣ, и оттого трудно добыть всѣ; намъ не достаетъ только описанія двухъ провинцій Хэ-нанъ и Шань-си; въ замѣнъ этого мы имѣемъ превосходное новѣйшее описаніе Монголіи (*Чэнь-дэ-фу-чжи*). Нѣкоторыя изъ описаній такъ подробны, что простираются до 18 томовъ; здѣсь найдется еще очень много нѣкъ не тронутыхъ матеріаловъ.

Не такъ обширно наше собраніе по части наукъ, если не брать въ расчетъ содержащагося уже въ энциклопедіяхъ. Правда, мы не считали нужнымъ приобрѣтать математическія сочиненія, изданныя европейскими миссіонерами, потому что отыскивали

въ Китаѣ только оригинальныхъ сочиненій; но если по другимъ предметамъ не приобрѣтено болѣе, то или по чистой невозможности приобрѣсти болѣе, или потому, что у Китайцевъ болѣе ничего не имѣется. Азіятскій департаментъ счастливъ приобрѣтеніемъ одного отдѣла изъ *Тушущичень*, содержащаго естественную исторію. Число другихъ книгъ по этой части ограничивается всего только двумя или тремя названіями, которыя всѣ основаны на одномъ классическомъ въ Китаѣ сочиненіи *Бэнь-цао-гань-му*. Конечно, мы не опустили бы возможности приобрѣсти все, что относится къ сельскому хозяйству, но и въ этотъ разъ должны были ограничиться двумя главными сочиненіями *Нунь-чжэнь-цюань шу*—полный курсъ сельскаго хозяйства, и *Шоу-ши тунь-као*. Мы не опустили даже и сочиненій по живописи, между которыми первое мѣсто занимаетъ *Шу-хуа-пу*—руководство къ изученію письма и живописи (6 т.). Болѣе обширно у насъ собраніе медицинскихъ сочиненій, которыми главнымъ образомъ, какъ уже говорили, обязаны покойному О. И. Войцеховскому.

Вотъ матеріалы къ изученію умственнаго, духовнаго, историческаго и ученаго состоянія Китая. Но это еще не то, что у насъ разумѣютъ обыкновенно подъ словомъ литература; намъ нужны изящныя произведенія, отъ насъ требуютъ поэмъ, одъ, драмъ, романовъ и повѣстей; и, конечно, многіе желали бы, чтобъ я началъ тѣмъ, чѣмъ кончаю. Къ несчастію, мы можетъ-быть уже черезчуръ пропитаны китайскими воззрѣніями на литературу, и не можемъ себѣ представить, какимъ образомъ нація, существующая въ продолженіе тысячелѣтій, занимающая такое почетное мѣсто въ исторіи Востока, который всегда находился подъ ея вліяніемъ, можетъ быть изучаема въ однихъ только поэмахъ и романахъ. Китайцамъ очень хорошо известна изящная литература; но, увы! они находятъ изящную прозу не въ повѣстяхъ или другихъ разказахъ, но именно тамъ, гдѣ у насъ всего менѣе обращено вниманія на слогъ, именно въ дѣловыхъ бумагахъ. Письмо у Китайцевъ явилось въ первый разъ въ канцеляріяхъ; въ нихъ и остался доннынъ лучшій слогъ. Прочтите любое изъ донесеній или представленій императору: здѣсь каждое слово взвѣшено и употреблено отчетливо. Письмо было съ самаго начала орудіемъ правительства, и все исходящее отъ него, не только указы, объявленія или наставленія къ народу, дышатъ отборными и краснорѣчивыми выраженіями; самыя предисловія къ изданнымъ книгамъ, молитвы въ храмахъ, надписи на памятникахъ или надгробныхъ монументахъ, соотвѣт-

ствують достоинству пишущаго. Къ изящной прозѣ принадлежатъ также и разсужденія, писанныя на экзаменахъ на заданную тему (ти-му). *Вэнь-чжань*, или хрїя, какою обыкновенно являются эти разсужденія, есть великое дѣло писателя; оно принадлежитъ, по понятіямъ Китайцевъ, только внушенію генія, и знаменитый писатель не принадлежитъ даже къ числу обыкновенныхъ смертныхъ. Вотъ почему въ Китаѣ *Вэнь-чжану*, или богу-покровителю хрїя, посвящены храмы, въ которыхъ благодарныя его дѣти стараются послѣ всякаго удачнаго экзамена поставить *доску* въ память его услуги, равно какъ помолиться ему передъ началомъ. Равнымъ образомъ и въ стихахъ, если придерживаться стариннаго понятія, что романъ не есть поэма, Китайцы странно поражаютъ насъ отсутствіемъ этого рода сочиненій, которыя такъ свойственны Западу и даже вознеслись на высшую степень въ самой Индіи. Однакожь, если мы не захотимъ въ поэмахъ слышать одинъ звукъ оружія, то въ этомъ случаѣ и Китай богатъ довольно длинными поэтическими произведеніями. Мы не хотимъ здѣсь рекомендовать имѣющіеся у насъ въ стихахъ романы, потому что они слишкомъ заподозрѣны нами въ тривіальности; но многіе, навѣрно, уже знакомы съ поэмой Цянь-луна: описаніе Мугдена или Маньчжуріи. Дидактическія сочиненія въ этомъ родѣ представляются въ Китаѣ во множествѣ. Не только путешествія, исторіи, но и самыя энциклопедіи составлены также въ стихахъ. Впрочемъ имя *поэма* (фу) дается и гораздо меньшимъ по объему сочиненіямъ, если тому соотвѣтствуетъ характеръ ихъ стихосложенія.

Что касается до другихъ родовъ стихотвореній (ши), то въ Европѣ показались бы они слишкомъ ничтожными, тогда какъ въ Китаѣ имена *Лу-фу*, *Ли-тай-бо*, *Судунь-по* стоятъ въ разрядѣ геніевъ. Какъ бы то ни было, скажемъ только, что китайскіе стихи должны удовлетворить двумъ главнымъ требованіямъ; въ нихъ должна быть новая мысль, поражающая насъ своею неожиданностію, и они должны удовлетворять извѣстнымъ требованіямъ стихосложенія. Кто слышалъ о китайскихъ интонаціяхъ, тотъ пойметъ, что здѣсь сочинитель долженъ выказать все свое знаніе языка, потому что стихъ не можетъ даваться въ Китаѣ, какъ у насъ принято думать, *только родившемуся быть поэтомъ или геніемъ!*

Я уже упомянулъ выше, что наши синологи, не придавая большой важности этимъ двумъ видамъ изящной литературы, упускали ихъ изъ виду. Я старался по возможности собрать въ цѣлости и этотъ родъ литературы, и, по принятому мною плану, не

гоняясь за мелкими изданіями, прибрѣталъ тамъ, гдѣ можно было, полные сборники. Мы имѣемъ собраніе древнихъ сочиненій, въ мелкой прозѣ и стихахъ, составленное однимъ янскимъ принцемъ (Ли-шан'емъ, 2 т.); это родъ хрестоматіи, равно какъ и *Гу ванъ юанъ цзянь* (4 т.), или зеркало древняго слога, болѣе обширное собраніе однихъ прозаическихъ отрывковъ; сверхъ того, полное собраніе всѣхъ мелкихъ прозаическихъ статей, писанныхъ при династіяхъ Ханьской (восточной), Танской (50 т.) и нынѣшней (16 т., въ послѣднихъ нѣтъ перваго изданія). Такимъ же точно образомъ, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сочиненій извѣстныхъ стихотворцевъ, мы предпочли, для ознакомленія съ прочими, изданія, въ которыхъ они собраны вполнѣ, хотя такія изданія встрѣчаются уже безъ комментарій, всегда необходимыхъ при чтеніи стихотворныхъ произведеній; такъ въ одномъ изданіи собраны всѣ поэты, начиная отъ Ханьской династіи до Танской (Ибо-сань-цзя-цзи—103 поэта, 10 томовъ; Танъ-ши-цзи-ши—собраніе отборныхъ стихотвореній танскихъ, 4 т., сунскихъ 4, юаньскихъ 8 и миньскихъ 6 томовъ). Что касается до стихотвореній, извѣстныхъ подъ именемъ поэмы (фу), то всѣ они, начиная съ самыхъ древнихъ временъ до нынѣшней династіи, собраны въ одномъ изданіи, которое составлено правительствомъ въ 1706 году (8 томовъ).

Легенды, повѣсти, романы, драмы и пѣсни не считаются въ Китаѣ предметомъ, достойнымъ занятія образованнаго человѣка. Какъ произведенія празднаго ума, они не нашли себѣ даже мѣста въ литературныхъ каталогахъ, и потому очень трудно слѣдить за ихъ содержаніемъ, составленіемъ и цѣлостью; однакожь, несмотря на офиціальное къ нимъ нерасположеніе, и самый суровый конфуціанецъ нерѣдко соблазняется ихъ чтеніемъ и даже не отказывается приложить свою кисть къ ихъ составленію. Литература эта, обширнѣйшая предъ всѣми другими родами на Западѣ, тоже довольно богата и въ Китаѣ, гдѣ впрочемъ авторъ не получаетъ никакого дохода, и молва о его произведеніяхъ не такъ скоро разносится. Наши романы, драмы и повѣсти всегда основаны на любви, у Китайцевъ во многихъ случаяхъ она вовсе неизвѣстна. Четыре главные вида предостоятъ писателю, и каждый имѣетъ во главѣ своей такіе авторитеты, которымъ можно только подражать, но которыхъ почти нельзя превзойти: 1) *Чудесный*; представителемъ этого вида служитъ *Шуй-ху-чжуанъ*, и сюда можно отнести многочисленный рядъ тѣхъ легендъ, въ которыхъ заключаются даже мѣстные

повѣрья, состоящія въ мелкихъ отрывкахъ. 2 й родъ *историческій*, который можетъ вполне почестъся китайскою поэмою, когда мы имѣемъ предъ глазами такой разказъ какъ *исторія троецарствія*. Здѣсь, посреди борьбы героевъ и кровопролитныхъ браней, мы встрѣчаемъ еще другую борьбу, умственную, — рядъ хитростей, которыми пользуются китайскіе стратеги, и которыми восхищаются Китайцы еще болѣе чѣмъ проявленіемъ матеріальнаго мужества. *Санъ-ю-чжи* написана сверхъ того превосходнымъ слогомъ, который мѣрени и звученъ какъ поэзія. Въ этомъ родѣ разказана почти вся китайская исторія, въ другихъ сочиненіяхъ, которыя писаны въ подражаніе этому, и почти всѣ передѣланы давно уже въ драму. 3) Но собственно никакая драма такъ не поставлена высоко, какъ *исторія западнаго флишеля* (*Сисянь чзи*). Это скорѣе опера, потому что здѣсь постоянно встрѣчаются арии, которыя вырываютъ восторженные аплодисменты зрителей. Репертуаръ китайскій сдѣлался уже довольно извѣстнымъ въ Европѣ, благодаря разбору ста піесъ, въ *Journal Asiatique*, но, конечно, онъ гораздо обширнѣе и прибавляется неизвѣстно для насъ даже съ каждымъ годомъ. Наконецъ четвертый и послѣдній видъ—это настоящій романъ, въ которомъ представляется внутренняя жизнь Китайца, гдѣ клеймятся злоупотребленія и пороки, но гдѣ часто, подъ рукою еще въ болѣе заманчивыхъ краскахъ, описывается развратъ. Представителемъ романа считается обыкновенно *Цзинь-пинъ-мей*, но давно уже выше его несомнѣнно сталъ *Хунъ-лоу-мэнъ* (сонъ въ красномъ теремѣ), представляющій, при очаровательномъ разказѣ въ прозѣ вполне интересный сюжетъ, — и правду сказать, мы съ трудомъ можемъ отыскать что-нибудь подобное въ этомъ родѣ въ самой Европѣ. Говорятъ, что этотъ романъ написанъ въ одномъ изъ княжескихъ дворцовъ, и когда онъ появился еще въ рукописи, то экземпляры его продавались по неизмовѣрной цѣнѣ.

Наша бібліотека представляетъ и въ этихъ четырехъ родахъ возможно полное собраніе, до котораго не достигаютъ двѣ другія бібліотеки. Мы имѣемъ 125 названій по части разказовъ, историческихъ повѣстей, романовъ въ прозѣ и стихахъ, пьесъ и наконецъ драмъ, не считая главнаго сборника послѣднихъ, заключающаго 60 драмъ (12 томовъ).

Вотъ краткій обзоръ какъ имѣющихся у насъ матеріаловъ, такъ и тѣхъ разнообразныхъ сторонъ, которыя представляетъ китайская литература. Матеріалы въ обилии; найдутся ли только охотники познакомиться съ ними.

Мы перечисляли только главныя сочиненія во всѣхъ родахъ, не упомянувъ ни слова ни о множествѣ имѣющихся у насъ лексиконовъ, необходимыхъ какъ пособія къ изученію языка, ни о сборникахъ, въ которыхъ часто вмѣщается по нѣскольку сотъ сочиненій, относящихся ко всѣмъ родамъ литературы; иногда сочиненія, вошедшія въ сборникъ, занимаютъ даже нѣсколько томовъ. Съ перваго разу собраніе, нами вывезенное, не представится огромнымъ, судя по тому, что количество названій книгъ не доходитъ даже до 500; Академія Наукъ имѣетъ вдвое больше этого заголовковъ; но дѣло въ томъ, что мы пріобрѣтали изданія многотомныя, какъ главныя, тогда какъ составители другихъ библиотекъ довольствовались мелочами, не пользующимися извѣстностью и часто не занимающими никакого мѣста. Сверхъ того, именно въ сборникахъ мы и видѣли себя не только вполне обезпеченными въ собраніи мелкихъ сочиненій, но и даже богато вознагражденными. У насъ имѣется всего болѣе двадцати сборниковъ (125 томовъ), и только въ десяти главныхъ изъ нихъ мы насчитали болѣе 1000 отдѣльныхъ сочиненій, не говоря уже о томъ, что такія сочиненія какъ вышеупомянутыя *Хуань-цинъ-цзинъ-цзе*, или всѣ собранія по части стиховъ и поэмъ тоже своего рода сборники; слѣдовательно нашъ каталогъ легко могъ бы возвысить количество нумеровъ, особливо если мы не забудемъ буддійскихъ и даосскихъ книгъ.

В. Васильевъ.

НА ПОХОДЪ

СОВРЕМЕННАЯ ПОВѢСТЬ (1)

III.

Вестернъ сидѣлъ подлѣ Китти; она была печальна и слушала его съ раздражительнымъ любопытствомъ.

— Да, онъ не понятенъ, говорилъ Вестернъ, — я знаю навѣрно, что онъ въ полку, и мчусь туда, чтобы увѣдомить его и узнать истину. Странно! какъ не спѣшить онъ сюда? зачѣмъ медлить! вѣдь отпускъ у него всего на двадцать восемь дней.

— Онъ не любитъ меня, сказала грустно Китти.

— Васъ, васъ? женщину съ такою душой, съ такою любящею, сильною и прекрасною душой, съ такимъ чарующимъ умомъ? воскликнулъ Вестернъ. — Послушайте, продолжалъ онъ, — полюбивъ васъ, въ самомъ дѣлѣ нельзя разлюбить такъ скоро. Видѣть васъ часто (и онъ понизилъ голосъ, потупилъ голову съ смущеніемъ) слишкомъ опасно! я не говорю вамъ пошлыхъ комплиментовъ; я говорю съ убѣжденіемъ: положеніе мое право было невыносимо! Я повѣренный вашей любви къ другому, и къ кому же? къ моему другу... я выношу пытку ежедневно, еже-

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1857 г. № 17.

часно! Когда Штраленгеймъ пересталъ писать ко мнѣ, когда вы мучились этимъ, я былъ готовъ тысячу разъ сказать вамъ: Китти, не любите его! (Онъ схватилъ ее за руку.) Я бы высказался этимъ, не правда ли? Тогда, я потерялъ бы право остерегать васъ, вы бы думали, что у меня свой интересъ, что я не могу... да, вы были бы правы, Китти, я не могу видѣть вашей любви къ другому...

И онъ жарко припалъ къ рукѣ ея. Китти въ испугѣ отодвинулась.

— Баронъ, сказала она, — прошу васъ!.. Неужели вы меня любите? Нѣтъ, это было бы слишкомъ грустно: я въ васъ теряю друга именно въ ту минуту, когда вы мнѣ такъ нужны.

Вестернъ ходилъ по комнатѣ; при этихъ словахъ онъ остановился противъ нея.

— Вамъ жаль меня, сказалъ онъ съ грустною нѣжностью, — не жалѣйте меня, не стѣсняйтесь моимъ чувствомъ, не щадите его, употребляйте меня для вашей пользы какъ средство, пусть другой будетъ цѣлью вашей жизни, тогда какъ этотъ другой...

— Говорите!

— Нѣтъ, ни за что!

— И Вестернъ отвернулся. Китти встала порывисто.

— Вы хотите сказать мнѣ, что онъ измѣнилъ мнѣ?

— Не знаю... (Вестернъ подумалъ съ минуту.) Онъ, если хотите, никогда не понималъ васъ, а еще менѣе онъ понималъ вашу любовь. Штраленгеймъ странно воспитанъ, онъ не уважаетъ женщинъ, онъ считаетъ ихъ вещью, игрушкой... Съ мужчинами онъ хорошъ, благороденъ, но съ женщинами онъ безсовѣстенъ, Китти!

— Не можетъ быть, прошептала она, блѣднѣя.

— А я какъ любилъ васъ, и какъ люблю! Я полюбилъ васъ за любовь вашу, я за нее васъ чту, тогда какъ въ глазахъ Штраленгейма, повѣрьте, именно любовь ваша ничто: онъ любить ваши глаза, улыбку, талию, но до вашего чувства ему дѣла нѣтъ. Ему нравится ваше смущеніе, ваши ласки, онъ любить васъ, пока вы подлѣ него, но думать о васъ, но заботиться, понимать... онъ васъ не цѣнитъ, Китти, и онъ это доказалъ! Вы сами знаете, какъ убѣдительно я писалъ къ нему, но вы не знаете,

чѣмъ онъ отвѣчалъ мнѣ, я не смѣлъ вамъ показать его отвѣта, онъ отвѣчалъ шутками и насмѣшками!

— Неправда, Вестернъ, неправда!

— Вы меня оскорбляете, вы вѣрили, пока я васъ обманывалъ, таковы все вы! сказалъ Вестернъ печально. — Мнѣ слѣдовало бы предупредить васъ прежде. Я знаю Штраленгейма, я знаю, что таковъ онъ былъ съ другими женщинами; но я думалъ, что вы приобретете власть надъ нимъ, я думалъ, что съ вами онъ не посмѣетъ такъ поступить, я ставлю васъ такъ высоко, все кажется мнѣ передъ вами мелки, ничтожны...

Тутъ онъ замѣтилъ, что Китти его не слушаетъ; она сидѣла закрывъ лицо платкомъ.

— Вы плачете? спросилъ онъ трепетнымъ голосомъ.

— Я не плачу безъ разбора, отвѣчала она гордо, — мнѣ жаль своихъ глазъ, я ихъ очень цѣню. Прощайте, баронъ, мнѣ въ эту минуту слишкомъ тяжело, приходите вечеромъ.

Баронъ вышелъ, повторяя: — Если вы хотите, я поѣду къ нему, я отыщу его.

— Я подумаю и скажу вамъ сама, произнесла ему вслѣдъ Китти.

Прошло нѣсколько дней, Вестернъ былъ нѣжнѣе прежняго, и въ мѣру своей нѣжности онъ былъ глубоко печаленъ; потому онъ уѣхалъ отыскивать Штраленгейма, который дѣйствительно изъ Крыма явился къ стоянкѣ своего полка, но не явился въ Одессу. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда Вестерна, Китти принесли письмо отъ Штраленгейма, адресованное на этотъ разъ прямо къ ней, а не на имя барона; это было при мнѣ; мы распечатали его вмѣстѣ: послѣ церемоннаго *Mademoiselle*, мы вотъ что прочли по-французски:

«Не знаю какъ вы опредѣляете свой поступокъ, не знаю чѣмъ вы считаете меня. Я васъ любилъ свято и вѣрилъ вамъ болѣе нежели своему сердцу, но вы безсовѣстно меня обманули. Не желая компрометировать васъ и себя, я не ѣду въ Одессу, и вы должны понять почему: я бы не выдержалъ, мы бы стрѣлялись съ Вестерномъ. Дружба и любовь обманули меня въ одно и то же время! Ваши клятвы, ваши увѣренія разсѣялись, какъ призракъ, какъ дымъ. Вы любите Вестерна, онъ влюбленъ въ васъ, и оба вы не ждете меня. Скажите, что за роль игралъ бы я теперь при

васъ? Являться мстителемъ моего обманутаго чувства, мнѣ не по характеру и не къ лицу; пословица учить, что насильно милъ не будешь. Можетъ-быть вы дали доказательство, что вашъ вкусъ усовершенствовался именно тѣмъ, что мнѣ вы предпочли Вестерна; онъ дѣйствительно красивѣ меня, но право мнѣ отъ этого не чуть ни легче. Я знаю васъ, вы способны оправдываться и спорить противъ очевидности, но именно очевидность противъ васъ. Вестернъ неотлучно слѣдуетъ за вами повсюду, и молва называетъ его вашимъ женихомъ. Если дѣйствительно рука ваша отдана ему вмѣстѣ съ сердцемъ, говоря слогомъ старинныхъ романовъ, то въ этомъ вы совершенно правы; цѣль жизни каждой дѣвушки все та же, простая и давно всѣмъ извѣстная цѣль—выйти замужъ! Предполагая, что меня убьютъ въ Крыму, вы поступили очень благоразумно; но если вы не предполагали этого, то немножко поспѣшили вы: вы бы могли называться графиней Штраленгеймъ, а не баронессой Вестернъ. Если вы дѣйствительно любили меня такъ, какъ вы объ этомъ говорили мнѣ столько разъ, то вы не можете не сознаться, что въ первомъ случаѣ вы были бы счастливѣе; Вестерна вы не можете такъ любить, вы выходите за него съ досады, влюбивъ его въ себя сначала отъ скуки. Онъ въ васъ влюбленъ, это не подлежитъ сомнѣнію, онъ мнѣ самъ въ этомъ торжественно признавался.

«Я такъ любилъ васъ, что былъ въ состояніи забыть свои предубѣжденія и думать серьезно о женитьбѣ; вы сдѣлали рѣшительно чудо, вы обратили меня; я ждалъ только окончанія войны. Но теперь вамъ остается выйти замужъ за Вестерна; обращеніе ваше съ нимъ, его постоянное присутствіе у васъ въ домѣ, ваша короткость, все это даетъ право говорить о васъ и о немъ и никогда не произносить его имени безъ вашего; городскіе слухи помолвили васъ; вы понимаете, что я не могу (еслибы даже и простило васъ мое сердце), да, я не могу назвать своею женой дѣвушку, которая цѣлые полгода слыла невѣстой другаго.

«Я жду заключенія мира, и тогда мы будемъ стрѣляться съ Вестерномъ; теперь долгъ каждаго офицера ничего не предпринимать для себя собственно, потому что никто изъ насъ не принадлежитъ себѣ. Васъ я никогда не увижу...

«Вы разрушили мое счастье, вы уничтожили, разбили мечты

мои. Я васъ любилъ, но... для насъ ужь нѣтъ возврата къ прежнему!..

«Гр. Э. Ш.»

Какъ громомъ пораженная, стояла Китти, вперивъ въ меня вопросительно свои хорошенькіе глазки.

— Мнѣ страшно сказать, произнесла я наконецъ, приходя въ себя поцемногу, — но признаюсь все это мнѣ кажется безсовѣстною комедіей.

Она покачала головой отрицательно и грустно улыбнулась.

— Его встревожили слухи, его обманули, сказала она, — и онъ осудилъ меня. Можетъ-быть, дѣйствительно, я была неосторожна, и своимъ обращеніемъ подтверждаю эти слухи, все можетъ быть... но Вестернъ увидитъ его, онъ разкажетъ ему... Однако, прибавила она, и вдругъ крупныя слезы полились по ея щекамъ: — мнѣ кажется, что дѣйствительно ужь все кончено, что нѣтъ возврата!..

Я опять стала говорить противъ Штраленгейма, и анализируя каждую фразу его письма, искала возбудить гордость Китти противъ оскорбительнаго тона, которымъ оно все было написано; она плакала и защищала Штраленгейма, обвиняя себя, Вестерна, всѣхъ, кромѣ его.

А между тѣмъ за триста почти верстъ отъ Одессы, Штраленгеймъ и Вестернъ, въ крестьянской избѣ, на желѣзной кровати, покрытой персидскимъ ковромъ, сидѣли очень дружно, съ папиросками въ рукахъ.

— Такъ письмо пришло послѣ твоего отъѣзда? говорилъ Штраленгеймъ: — жаль, ты бы мнѣ поразказалъ объ эффектѣ!

— Спасибо! отвѣчалъ Вестернъ: — я очень радъ, что не видѣлъ этой сцены. Воображаю, чтѣ съ ней тамъ было!..

— Ты вѣришь въ любовь? И Штраленгеймъ презрительно пожалъ плечами.

— Не знаю, но я понимаю, что можно крѣпко влюбиться, сказалъ Вестернъ. — Я не скажу, чтобы Китти не было пріятнѣе имѣть меня своимъ повѣреннымъ и другомъ, нежели какого-нибудь почтеннаго отца семейства, съ бородавкой на носу и толстою тростью въ рукахъ; я даже не стану увѣрять тебя, что ужь дѣйствительно она такъ оставалась вѣрна твоему воспоминанью,

что даже вовсе со мной не кокетничала. Китти не прочь отъ кокетства, она, какъ почти всѣ женщины, сдѣлала эту привычку... побуждать такъ пріятно, пробовать свое могущество весело... Дѣйствительно, Китти очень мило смотрѣла на меня, очень ласково улыбалась мнѣ, говорила передо мной съ увлеченіемъ и задумывалась плѣнительно, иногда забывая свою тепленькую ручку въ моихъ рукахъ, но всего этого мало, не то вѣдь, совсѣмъ не то...

— Такъ она къ сожалѣнію осталась мнѣ вѣрна? спросилъ насмѣшливо Штраленгеймъ.

— То есть, какъ бы тебѣ сказать? она кокетничала и предо мной своимъ чувствомъ къ тебѣ, но моего чувства она видно не хотѣла, и признаніе мое перепугало ее не на шутку. Это совѣстливость рѣдкая, mon cher!

— Или расчесть, замѣтилъ Штраленгеймъ.

— Какой же? Я не вижу, Штраленгеймъ...

— Постой. Однако признаніе ты сдѣлалъ?

— Да.

— Этого только мнѣ и было нужно. Я тебѣ писалъ, что я долженъ пріѣхать въ Одессу, генералъ мой назначенъ туда, а тебя шлютъ въ Варшаву, ты можешь вовсе не показываться Китти. Я никогда не забуду твоей услуги. Теперь я опять свободенъ!.. (Штраленгеймъ пожалъ ему руку.)

— Ты однако будешь имѣть съ ней объясненіе? спросилъ Вестернъ.

— Можетъ-быть... Только не думаю, она слишкомъ горда. Впрочемъ, и на этотъ случай у меня есть въ запасѣ средство...

— Мы однако сыграли гадкую шутку, произнесъ Вестернъ помолчавъ.

— Но мы ее славно сыграли! воскликнулъ Штраленгеймъ, потирая руки.— Китти умна, она не обличитъ меня, если даже и догадается. Я щажу ея самолюбіе! Пойми, она меня оставляетъ; не я, а она обманываетъ мое довѣріе, пренебрегаетъ моимъ чувствомъ и мною, она предаетъ меня забвенію: я узнаю все это вовремя, я виѣ себя, и не принимаю никакихъ оправданій! Доказательства всѣ противъ нея, кокетство ея съ тобой было очевидно, также какъ и твоя неотступность; ее будутъ называть кокеткой, но никто не будетъ говорить, что я оставилъ ее, бро-

силъ; я, какъ ты видишь, отдаю ей лучшую роль. Роль погнутой, забытой, интересна только для замужней женщины, для дѣвушки она не выгодна. Я думаю объ интересахъ Китти, и зная ея мысли, соображаюсь съ ними; я дѣйствую какъ ея истинный другъ, и когда-нибудь объясню ей это, въ особенности если встрѣчу ее замужемъ.

— Можетъ быть, Штраленгеймъ, можетъ быть! но ты именно помнишь о такихъ интересахъ Китти, которые соображаются съ твоими. Я знаю тебя, ты боишься Марьи Николаевны, которая не пощадитъ никого, и никого не побоятся; ты хочешь не допустить ее отказать тебѣ отъ дому, ты стараешься быть на хорошемъ счету въ обществѣ, съ которыми тебѣ придется прожить еще цѣлую зиму; ты рассчитываешь на гордость Китти, и конечно въ ней-то и найдешь самаго вѣрнаго союзника; она тебя будетъ презирать, но не выдастъ, изъ уваженія къ самой себѣ, — она слишкомъ любила тебя.

— Ужь и презирать! Напротивъ того, она пойметъ, что иначе я не могъ поступить именно потому, что она слишкомъ любила меня. Жениться на ней мнѣ, что ли? Я бѣденъ, мнѣ надо жену богатую, Китти не довольно богата для меня; у насъ обоихъ есть привычка къ роскоши; къ тому же мы люди со вкусомъ. Деревня, лѣтніе дни, пѣнье птицъ и шелестъ листьевъ, все это настроило душу Китти къ любви; подвернулся я, но вѣдь могъ подвернуться другой; не знаю къ лучшему ли бы это было? Ей, право на меня не за что быть въ претензіи. Конечно, благоразумный человѣкъ вовсе бы не начиналъ, не узнавъ, довольно ли она богата для него, но прошу тутъ узнать! Вѣдь онѣ живутъ какъ владѣтельныя герцогини! Я хотѣлъ être bien vu de la mère, потому что, какъ ты хочешь, mon cher, мы почти жили у нихъ въ домѣ; мы стояли въ деревнѣ, это правда, но гуляли въ салу, обѣдали, пили чай и ужинали въ домѣ. Къ тому же, для комфорта кой — что изъ мебели и хозяйскіе ковры перешли въ наши квартиры; намъ жилось не дурно, въ особенности мнѣ, потому что меня, въ послѣднее время, стала очень жаловать Марья Николаевна, и неужели ты думаешь, что въ этомъ не было вліянія Китти?... Я не слишкомъ углублялся въ послѣдствія, мы были на походѣ, я могъ не возвратиться, я могъ быть убитъ; при этой

мысли человѣкъ становится немножко безрасчетливъ. Вольно же было Французамъ или Англичанамъ не убить меня, *ce n'est pas ma faute!* (Онъ покрутилъ усы.)

— Напротивъ, я думаю, что имъ мудрено было тебя убить, и потому тутъ твоя вина, а не ихъ, сказалъ Вестернъ смѣясь.

— Конечно, я не подвергалъ себя опасности безъ особенной надобности, пробормоталъ Штраленгеймъ, немножко смутившись, — но все же я былъ въ Крыму. Дѣло въ томъ однако, что я уцѣлѣлъ и долженъ провести зиму въ Одессѣ, гдѣ грозитъ мнѣ встрѣча неминуемая, но благодаря тебѣ, я надѣюсь все разыграть какъ нельзя приличнѣй.

— И у тебя достанетъ духу бывать у нихъ въ домѣ?

— Непремѣнно, это даже необходимо. Я оскорбленъ, я обманутъ, я буду великодушень!

— А я-то? . . .

— Ты? уѣдешь въ Варшаву. Ты не будешь видѣться съ женщиной, которую любишь, ты долженъ былъ принести эту очистительную жертву другу, котораго довѣріе ты обманулъ невольно! произнесъ Штраленгеймъ театрально. — Вѣдь ты ей говорилъ о любви, и она не имѣетъ никакой причины не вѣрить тебѣ. *Finis!*..

Оба расхохотались.

— Ты въ своемъ родѣ гениальный человѣкъ, воскликнулъ Вестернъ, въ припадкѣ восторга хлопнувъ по плечу своего друга.

— Опытъ, дитя мое, опытъ! отвѣчалъ съ комическою важностію Штраленгеймъ. — Знаешь ли, положеніе мое на эту зиму будетъ презанимательное, *cela aura du piquant*, право! Однако ты не думай, что тебѣ ничего не остается дѣлать; нѣтъ, ты долженъ написать къ Китти..... Позволишь продиктовать?

— Сдѣлай милость!

— Бери перо.

Вестернъ усѣлся за столъ и обмакнулъ перо.

Нѣсколько минутъ Штраленгеймъ молчалъ и потиралъ лобъ. Неопредѣленная улыбка змѣилась по его губамъ.

— Начинай. «Когда вы получите это письмо, я буду на пути въ Варшаву.» Нѣтъ не хорошо! слишкомъ обыкновенно и избито. Постой. Вотъ теперь начинай.

Вестернъ нагнулся надъ листомъ бумаги и ждалъ. «Мы не

увидимся, началъ диктовать Штраленгеймъ. Я долженъ загла-
дить вину свою жестокиѣ для меня лишеніемъ, я долженъ ис-
полнить справедливое требованіе человѣка, чувство котораго
такъ невольнo я оскорбилъ. Я сказалъ Штраленгейму, что вы
меня не любите и никогда не любили, что вы любите только
его; но онъ не повѣрилъ мнѣ, онъ имѣетъ право вѣрить общему
голосу, а не моему. Les apparences nous accusent. Я виноватъ
Китти, я люблю васъ слишкомъ сильно, я не могъ быть благо-
разумнымъ, я весь отдался блаженству видѣть васъ часто, го-
ворить съ вами непрестанно, быть подлѣ васъ неотлучно; я не
думалъ, что это обратитъ вниманіе правдныхъ людей. Штрален-
геймъ узналъ все, онъ обвинилъ васъ въ кокетствѣ, меня въ
вѣроломствѣ, слова мои и клятвы напрасны. Но вы не виноваты,
виноватъ я, мое безуміе, моя любовь, моя страсть! Вы любите
Штраленгейма, и чтобъ оправдать васъ въ его глазахъ, я рѣша-
юсь на жертву, которая конечно убьетъ меня,— я рѣшаюсь ни-
когда не видѣть васъ, я ѣду... Прощайте, простите меня, по-
жалѣйте меня вашимъ любящимъ сердцемъ. Еслибы вы меня
любили, я бы имѣлъ право поступить иначе, оспаривать у
Штраленгейма права надъ вами своею жизнью, кровью; но те-
перь мнѣ остается только желать, чтобы любовь Штраленгейма
возвратилась вамъ, чтобы вы были счастливы; вотъ мольба мо-
его сердца. Примите поступокъ этотъ за новое доказательство,
какъ безкорыстна и чиста любовь моя къ вамъ... »—Довольно! за-
ключилъ Штраленгеймъ: — теперь подпишись, и ты оправданъ,
высокъ и великъ въ глазахъ этой женщины, ты сыгралъ те-
перь всю свою роль въ этой на скорую руку написанной ко-
медіи и можешь быть совершенно покоенъ; остальное принадле-
жить мнѣ.

— И честь всей этой исторіи принадлежитъ тебѣ; изобрѣта-
тельности много, но благородство тутъ сомнительное, проговорилъ
невольнo Вестернъ.

— Allons donc! Съ женщинами нечего слишкомъ церемо-
ниться, а то какъ разъ потеряешь все и карьеру, и fortuna. Мнѣ надо или по службѣ уйти далеко, или выгодно же-
ниться; жениться весьма юнымъ только тогда простительно ум-
ному человѣку, если эта женитьба можетъ быть ступенью къ
лучшему въ будущемъ, но иначе, право, это не прилично. Чтѣ

бы мнѣ могла доставить женитьба на Китти? рѣшительно ничего, даже хуже нежели ничего! пришлось бы остаться въ провинціи на всю жизнь. Я не созданъ помѣщикомъ и понимаю жизнь только въ Петербургѣ. Съ окончаніемъ войны я, разумвется, опять туда вернусь: такого ли рода жену, какъ Китти, слѣдуетъ мнѣ привезти туда? Я не говорю, она могла бы тамъ играть свою роль, но только ей для этого не за меня слѣдовало бы выйти, а вотъ на-примѣръ за моего генерала. Жаль, что онъ женатъ!..

И Штраленгеймъ очень серіозно призадумался надъ идеей.

— Я перенишу письмо свое къ Китти и отправлю въ самый день своего отъѣзда, сказалъ Вестернъ, вставая. — Она однако прекрасная, умная дѣвушка! прибавилъ онъ.

— Да, произнесъ задумчиво Штраленгеймъ. — Она впрочемъ утѣшится, продолжалъ онъ, немного помолчавъ: — она презанимательная; современемъ изъ нея можетъ выйти замѣчательная женщина, она даже довольно нравилась мнѣ; на походѣ въ Крымъ я имѣлъ право менѣе соображать, и даже вовсе не глядѣть въ даль. Быть на походѣ во время войны, это значить выйти совершенно изъ рамъ своей обычной жизни; поневогѣ тутъ станешь дорожить настоящимъ и на лету ловить все то, что оно намъ посылаетъ, когда будущаго можетъ и не быть у насъ, *et voilà toute l'histoire!*

Тутъ онъ сдѣлалъ выразительный жестъ, потомъ сталъ напѣвать что-то въ полголоса. Вестернъ въ свою очередь опустилъ голову и думалъ. Съ минуту онъ не слышалъ пѣнія Штраленгейма, потомъ сталъ вслушиваться, узналъ мотивъ и улыбнулся.

*Tout n'est dans ce bas-monde
Qu'un jeu, qu'un jeu...*

пропѣли они вмѣстѣ, и расхохотались оба.

— Я пѣлъ это часто въ твое отсутствіе по просьбѣ Китти, сказалъ Вестернъ, когда смѣхъ Штраленгейма затихъ.

— Да, она это очень любила, замѣтилъ Штраленгеймъ. — Странно, *mon cher*; какъ она въ тебя не влюбилась! Я тебя нарочно для этого при ней и оставилъ; я придумалъ это для того, чтобы запутать дѣло.

— Я знаю! Но все разыгралось однако лучше, нежели ты думалъ, и потому надо сознаться, что обстоятельства иногда умнѣе

устраиваютъ все, нежели мы сами; ты свободенъ и я тоже, а что касается до Китти, то въ ней можетъ страдать теперь только сердце, но самолюбіе никогда.

— Что она и выбрала бы конечно сама, договорилъ Штраленгеймъ.—Пойдемъ къ Поскочину, тамъ вѣрно играютъ, прибавилъ онъ, вставая.

Въ непродолжительномъ времени Китти получила письмо Вестерна, продиктованное ему Штраленгеймомъ. Она показала мнѣ его молча и безъ слезъ.

Не знаю, ждала ли она пріѣзда Штраленгейма, что думала о немъ и о Вестернѣ, ожидала ли чего-нибудь отъ этой встрѣчи: у ней былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые боятся объясненій. Она была грустна, почти не выѣзжала, читала много, улыбалась рѣдко, играла съ большимъ чувствомъ, говорила неохотно и даже у себя въ пріемные дни была нелюбезна. Марья Николаевна не смѣла спросить, что съ ней, догадывалась, что любовь здѣсь замѣшалась, и подозрѣвала то Штраленгейма, то Вестерна, но болѣе послѣдняго, потому что всѣ эти перемены произошли послѣ его отъѣзда. Какъ благоразумная мать, она не вынуждала признанія и надѣялась, что грусть Китти скоро сама собой пройдетъ.

Въ первый свой визитъ, Штраленгеймъ засталъ Китти одну въ гостиной. Она встала холодно, не протянула ему руки и проговорила только: «я скажу папан, что вы здѣсь!» Говоря это, она бросила на графа взглядъ глубокаго презрѣнія и прошла мимо. Марья Николаевна обошлась съ нимъ очень пріятливо. Китти возвратилась съ ней въ гостиную, но сѣла въ сторонѣ и во все время не проронила ни слова.

Штраленгейму было не ловко, онъ скоро вышелъ. Марья Николаевна ушла въ одно время съ нимъ. Китти сжала мнѣ руку, и произнесла:

— Скажите, за что двое безсовѣстныхъ повѣсь вздумали забавляться моимъ сердцемъ и терзать его? Что я имъ сдѣлала? Сколько здѣсь гнуснаго!...

Я хотѣла отвѣчать ей.

— Не будемте лучше говорить! прервала она меня: — не стоить!... И улыбка такого гордаго пренебреженія пробѣжала по

ея губамъ, и я дѣйствительно почувствовала, что говорить съ ней объ этомъ не слѣдуетъ.

Штраленгеймъ бывалъ у нихъ часто. Онъ окружалъ Марью Николаевну услужливостью, почтительностію, но ни на одномъ вечерѣ, и во время его визитовъ, у Китти не было ни одного слова на его долю. Случалось ли имъ оставаться наединѣ, Китти вставала и уходила къ себѣ въ комнату, бросивъ ему надменный взглядъ, презрительную улыбку. Этого не ожидалъ Штраленгеймъ. Онъ понялъ, что рано или поздно обращеніе Китти будетъ замѣчено, и рѣшился не ждать минуты, когда Марья Николаевна потребуеъ отъ него объясненія; онъ самъ сталъ говорить.

Неизвѣстно какъ и чѣмъ онъ началъ свое объясненіе, но Китти позвали къ матери, и когда она вошла, Штраленгеймъ говорилъ эти слова:

— Я любилъ вашу дочь, я свято любилъ ее, и не говорилъ вамъ потому только, что долгъ мой призывалъ меня въ Крымъ, на театръ войны. Я не принадлежалъ себѣ, такъ точно какъ и теперь не принадлежу, такъ какъ и долго еще не буду принадлежать себѣ, то-есть пока не кончится у насъ война. (Китти съѣла, по знаку матери, подлѣ нея и, небрежно подпершись, слушала терпѣливо Штраленгейма.) Однако дочь ваша знала о моемъ чувствѣ, продолжалъ онъ, не смущаясь ни мало ея холоднымъ, испытующимъ взглядомъ. — Я былъ не въ силахъ скрывать его передъ нею. Она знала также, что я нетерпѣливо жду окончанія войны (онъ выразительно взглянулъ на нее), что тогда я буду говорить съ вами; мнѣ казалось, что это согласно съ ея желаніемъ и чувствомъ (Китти чуть-чуть улыбнулась). Марья Николаевна, я васъ уважалъ, любилъ какъ мать! (Онъ поцѣловалъ у ней руку, Малаева вздохнула.) — Разлука на нѣсколько мѣсяцевъ принесла мнѣ горькій плодъ тяжелаго опыта. Я не могъ отказать себѣ въ утѣшеніи узнавать о Китти, и потому представилъ вамъ лучшаго своего друга, Вестерна. Жажда нравиться и побуждать увлекла вашу дочь, я былъ обманутъ въ святѣйшемъ своемъ чувствѣ...

— Послушайте, графъ! прервала его Марья Николаевна. — Китти! что же ты ничего не говоришь въ свое оправданіе?

Но Китти молчала.

— Вестернъ заступилъ мое мѣсто, продолжалъ Штраленгеймъ,

поднявъ глаза къ потолку, съ самымъ грустнымъ выраженіемъ. — Онъ не безъ достоинствъ, и можетъ нравиться: вы увлеклись! обратился графъ къ Китти небрежно.

— Я васъ прошу не относиться ко мнѣ прямо, отвѣчала Китти гордо. — Я здѣсь потому только, что такова воля моей матери, но вы не заставляйте меня говорить съ вами.

— Ma chère amie, воскликнула Марья Николаевна въ испугъ, — ты выражаешься слишкомъ рѣзко, это неприлично дѣвицѣ!

— Успокойтесь Марья Николаевна, прервалъ ее Штраленгеймъ почтительно, — я такъ уважаю васъ и вашу дочь, что сумѣю перенести съ покорностью ея негодованіе, въ какихъ бы формахъ ни выразалось оно. Меня насильно выгнали отъ любви, но предметъ моего чувства всегда останется для меня предметомъ уваженія. Душа моя разбита! произнесъ онъ съ чувствомъ, положивъ руку на сердце.

— Графъ! сказала торжественно Марья Николаевна, бросивъ строгій взглядъ на дочь: — я не могу быть пристрастною, и если для васъ можетъ служить утѣшеніемъ увѣренность въ моемъ расположеніи, то я скажу вамъ, что всегда считала васъ чело-вѣкомъ достойнымъ; не думайте, чтобъ я была близорука; когда вы взаимно нравились другъ другу, я это видѣла, подмѣтила, и желала искренно назвать васъ сыномъ. Кокетство...

— Maman! воскликнула неволью Китти съ упрекомъ.

— Да, кокетство, повторила она, обращаясь къ дочери: — *ваше кокетство* лишило меня этого утѣшенія. Она не любитъ Вестерна, я въ этомъ убѣждена, прибавила Марья Николаевна съ горячностью: — но праздность ума, но кокетство... Простите меня, графъ, я осуждала васъ, я бы должна была вамъ удивляться и уважать васъ!..

Съ этими словами Марья Николаевна поднялась и величественно вышла изъ комнаты, остановившись однако на порогъ, чтобы сказать Штраленгейму: — *Vous serez chez moi toujours le bien-venu, comte!*..

Какъ тонкій политикъ, Марья Николаевна ушла не безъ цѣли: она вѣрила, что Штраленгеймъ правъ, и что онъ любилъ Китти очень сильно; она надѣялась на примиреніе, и хотѣла только не смущать своимъ присутствіемъ Китти, и дать ей возможность сдѣлать первый шагъ, что было совершенно невозможно по гор-

дому праву Китти при свидѣтеляхъ. Штраленгеймъ никакъ не ожидалъ этой выходки; онъ совершенно смутился, оставшись наединѣ съ молодою дѣвушкой, и опустилъ голову.

Въ свою очередь, Китти поднялась со стула, и съ минуту стояла напротивъ Штраленгейма, рассматривая его внимательно.

— Графъ! произнесла она вдругъ, взглядомъ указывая дверь.

Онъ опомнился, вскочилъ, схватился за фуражку.

— Пойдите, остановила она его: — вы понимаете, отчего я не защищалась противъ вашихъ обвиненій? Я знаю все. Не надо быть колдуномъ, чтобъ отгадать истину; я не хочу бороться съ вами и мстить вамъ, я васъ слишкомъ презираю. Мнѣ жаль только, что вы не поняли этого безъ словъ, и заставили меня высказаться.

Штраленгеймъ не слушалъ болѣе; онъ былъ за дверью при послѣднихъ словахъ и торопливо спускался по мраморной лѣстницѣ.

Нѣсколько времени длилась нѣкоторая холодность между Марьей Николаевной и дочерью. Штраленгейма велѣно было всегда принимать, его осыпали съ одной стороны ласками и вниманіемъ, съ другой — молчаливымъ презрѣніемъ; онъ имѣлъ смѣлость бывать у нихъ какъ прежде; печальный и почтительный наединѣ съ Марьей Николаевной, увлекательный и милый до нельзя въ кругу многочисленнаго общества, онъ приковывалъ общее вниманіе, и нравился почти всѣмъ женщинамъ. Короче, онъ имѣлъ успѣхъ! Къ концу сезона, онъ сталъ ухаживать очень замѣтно за однимъ изъ паркетныхъ свѣтилъ, и наконецъ, когда исчезъ изъ Одессы, то его проводило глубокое сожалѣніе дамъ и искреннее удовольствіе молодежи.

Его отъѣздъ произвелъ странное дѣйствіе на Китти. Ей показалось, что будто на сердцѣ стало легче, но между тѣмъ вокругъ себя она чувствовала пустоту, скуку, тоску. Интересы ея всѣ замолкли. Съ ея характеромъ невозможно было утѣшиться, развлечься, забыться, полюбить тотчасъ другаго, хотя шутя. Китти не могла этого, но она усиливалась казаться спокойною, равнодушною, чтобы не дать Штраленгейму наслажденія думать, что еще таится въ ея душѣ искра прежняго чувства. «Нѣтъ, все кончено и совершенно кончено, безвозвратно кончено!» говорила она

мнѣ, когда я подмѣчала какой-нибудь внимательный взглядъ, брошенный ею на Штраленгейма. Однако она чувствовала себя праздною; умъ ея скучалъ, дѣятельность сердца была усилена; но напрасно вокругъ нея вился рой молодежи: она не могла для шутки заставить ихъ полюбить себя, а сама любить ихъ не хотѣла, не успѣвъ еще отдохнуть отъ перваго обмана чувства.

Она стала окружать себя людьми умными и злыми; лѣниво прислушивалась она къ потоку злости, лившемуся съ ихъ гибкаго языка, и находила странное наслажденіе въ томъ, что при ней безжалостно терзались многія имена. Въ ней было столько такту, такое знаніе приличій и вкусъ, что она никогда не прибавляла ни одного слова, не сливала голоса своего съ голосами, звучавшими непріязненно о всякомъ и о всякой; но она слушала, и если имя Штраленгейма было произносимо, она пріятно улыбалась всякой удачной колкости, которая выпадала на его долю.

Мало-по-малу Марья Николаевна примирилась съ дочерью; опять Китти стала вступать въ права балованнаго ребенка.

Въ свѣтѣ находили, что Китти похудѣла; женщины даже говорили, что она подурнѣла; но всѣ сознавали, что она стала прекрасно говорить, что сужденія ея всегда прочувствованы, что умъ ея сталъ зрѣлѣе и серіознѣе, вкусъ строже; во всемъ существѣ ея проявилось то, что можно опредѣлять словомъ выработанность. Можно было предчувствовать, что въ слѣдующую зиму Китти будетъ имѣть огромный успѣхъ, предвидѣть, что она пожелаетъ опять романа, но на этотъ разъ ужъ просто великосвѣтскаго романа, эпохи котораго опредѣляются мазурками, а сценической бывають балы; что она захочетъ, чтобъ ее обожали и доказывали ей это всѣми возможными мѣрами, что она сама доказывать своей любви не станетъ, ограничится только нѣкоторымъ вниманіемъ, улыбкой, взглядомъ; что будетъ смѣяться надъ отчаяніемъ, удивляться довѣрью, позволить вамъ догадываться сколько хотите, но ничего сама не скажетъ; словомъ, можно было разсчитывать въ ней на женщину, приготовленную вполнѣ для свѣтской жизни, облеченную во всеоружіе великой науки смотрѣть на все, какъ на раму, на себя, какъ на картину, — все это можно было предвидѣть на слѣдующую зиму. Ошибочны ли эти предположенія?..

Зима идетъ. Она чувствуется въ нарядахъ, въ двойныхъ

окнахъ, въ дороговизнѣ припасовъ, въ кашляхъ и флюсахъ, въ переселеніи помѣщиковъ, имѣющихъ свои дома въ Одессѣ, изъ деревни въ городъ, и наконецъ въ визитахъ, которые начинаютъ уже дѣлать другъ другу непремѣнно черезъ каждыя двѣ недѣли по крайней мѣрѣ всѣ городскіе жители по очереди. Что будетъ съ Китти? чѣмъ будетъ Китти?..

Покажѣсь за нее сватался одинъ гусарскій полковникъ, и получилъ отказъ. Марья Николаевна опять была недовольна и нѣкоторое время косилась на дочь: полковникъ былъ очень хорошая партія...

Бутѣвъ продолжалъ писать къ Машенькѣ, которая возвратилась въ Одессу. Лавринецкій продолжалъ хранить молчаніе; знакомый офицеръ ѣхалъ, по вызову, въ охотники въ Крымъ. Вѣра не вытерпѣла, она дала ему записочку къ Лавринецкому. «Вашъ полкъ оставляетъ Крымъ: неужели вы и теперь еще не пріѣдете въ Одессу? Вы, конечно, въ перепискѣ съ вашими родными, и знаете, что они всѣ въ Одессѣ въ настоящую пору. Неужели вы не пріѣдете повидаться съ нами?..»

Офицеръ поклялся, что доставитъ вѣрно и непремѣнно это посланіе. Дѣйствительно, онъ исполнилъ данное имъ обѣщаніе. Лавринецкій обѣдалъ съ княземъ Т. и княземъ Р.; вино лилось рѣкой, и шумны были рѣчи пирующихъ, когда ворвался Татаринъ съ запиской, и съ крикомъ: «тебе, тебе», несмотря на усилія прислуги, подалъ ее Лавринецкому.

Лавринецкій долженъ былъ сплестъ цѣлую исторію князю Р. и князю Т. Онъ небрежно смялъ записку, спряталъ ее въ карманъ, потомъ продолжалъ кушать съ удвоеннымъ аппетитомъ.

IV.

Былъ балъ у Панчехрайскихъ. Вѣра не бывала уже на балахъ; она не выѣзжала цѣлую зиму; но этотъ балъ давался въ новый годъ; Машенька убѣждала, что новый годъ надо начать чѣмъ-нибудь новымъ. Она такъ убѣдительно просила Вѣру поѣхать съ нею къ Панчехрайскимъ! У Вѣры не было ни одного бального

наряда; однако, вовсе не имѣя желанія нравиться и блистать, она рѣшилась одѣться въ черное платье, отдѣлавъ лифъ его прекрасными кружевами, и надѣтъ *coche-reigne* изъ различныхъ яркихъ цвѣтовъ на голову. Нарядъ ея вышелъ преоригинальный, и былъ тѣмъ хорошѣе, что присталъ ей какъ нельзя лучше. Не столько желаніе угодить Машенькѣ заставило Вѣру отправиться на этотъ балъ, сколько надежда встрѣтить тамъ опекуна Лавринецкаго, о пріѣздѣ котораго она случайно узнала; отъ него она надѣялась услышать что-нибудь о самомъ Лавринецкомъ. Рѣшившись не танцевать, она готовилась сама къ балу безъ волненія; но утромъ, сидя въ комнатѣ Машеньки, она внимательно осматривала бальный нарядъ своей балованной кузины, и накалывала цвѣты на рукава и корсажъ ея голубаго креповаго платья. Машеньки не было; она выѣхала съ матерью въ магазины за перчатками.

Углубленная въ свое занятіе, Вѣра не разслышала, какъ подъѣхалъ экипажъ, и какъ Машенька бѣжала изъ всѣхъ силъ по лѣстницѣ.

Дверь отворилась; задыхаясь, она бросилась обнимать Вѣру.

— *Je vous assure, je vous assure*, твердила она.

— Да что такое? спросила Вѣра.

— Онъ здѣсь! я его видѣла, ей Богу видѣла! Онъ ѣхалъ вѣрно являться, потому что въ парадной формѣ, но я узнала его. Онъ меня не видѣлъ, смотрѣлъ въ другую сторону; вотъ видишь, что тебѣ весело будетъ на балѣ! Вѣдь онъ съ Панчехрайскимъ очень друженъ.

— Тебѣ показалось, Маня! говорила Вѣра дрожащимъ голосомъ.

— Вотъ, показалось! ничуть не показалось, я отлично видѣла его и тотчасъ узнала; я даже знаю, гдѣ онъ остановился — въ Европейской. Онъ оттуда выѣхалъ. Пошлемъ Ивана узнать, чтобы убѣдиться.

Вѣра бросилась на шею къ Машенькѣ, и крѣпко поцѣловала ее. «Мое милое, мое доброе дитя!» прошептала она.

Иванъ былъ посланъ въ Европейскую гостиницу и, возвратясь, подтвердилъ, что видѣлъ дѣйствительно Лавринецкаго, который пріѣхалъ отъ коменданта, и собирался опять куда-то ѣхать, кажется, къ Панчехрайскимъ.

Вѣръ стало страшно, она боялась, что силы оставлять ее, что она сама себя иявѣнить, и наконецъ ей такъ живо представилось мучительное состояніе не смѣть высказаться, не смѣть радоваться, не подходить, удерживать слова, взглядъ, улыбку, удерживать, тогда какъ она достигла наконецъ цѣли всѣхъ своихъ желаній, свиданія съ человѣкомъ, которому она вѣрила такъ безгранично, и о которомъ потомъ сама не знала что думать.

— Я бы шумнѣе твоего радовалась, сказала ей Машенька, прерывая ея задумчивость.

— Я не радуюсь, отвѣчала Вѣра, — я тихо наслаждаюсь сознаніемъ, что болѣе уже не буду чувствовать того, что перечувствовала въ эти шестнадцать мѣсяцевъ. Я для себя не вѣрю въ возможность радости, нѣтъ не вѣрю; вѣрю только, что мое нестерпимое положеніе измѣнится, потому что все необъяснимое для меня теперь разъяснится; я именно мучилась необъяснимостію поступковъ Лавринецкаго. Еслибъ онъ измѣнился въ своихъ чувствахъ, какъ всѣ измѣняются во время разлуки, постепенно охладѣвая, я бы не спрашивала на это объясненій. Общій законъ—время, вотъ отвѣтъ. Скука, праздность воображенія, случай, дѣлаютъ всякаго непостояннымъ.

— Только не Жоржа! прервала Машенька.

— Мало-по-малу разлюбить каждый, продолжала также спокойно и печально Вѣра: — продолжительная разлука, это смерть для ихъ любви; ни одинъ изъ нихъ не устоитъ...

— Только не Жоржъ! опять прервала Машенька.

На этотъ разъ Вѣра услышала ее и улыбнулась.

— Дай Богъ! сказала она со вздохомъ: — но я не то хотѣла сказать. Я такъ мучилась, я такъ любила, что мнѣ надо взглянуть непременно на того, кто былъ причиною этой любви и предметомъ этихъ мученій. Мнѣ кажется, только въ присутствіи этого человѣка я почувствую вполнѣ, что, какъ Франклинъ, я слишкомъ дорого купила свистокъ...

— Странно! воскликнула Машенька:—такъ ты хочешь увидѣть Лавринецкаго для того только, чтобы разлюбить его?

— Совсѣмъ не для того только, чтобы разлюбить; преднамѣренно я ничего не дѣлаю; но мнѣ кажется, что когда увижу его, то невольно разлюблю. Не можетъ быть, чтобы при видѣ его не проснулась во мнѣ память всѣхъ безотрадныхъ дней, на кото-

рые онъ изъ прихоти и по произволу своему осудилъ меня! Человѣкъ отъ природы злопамятенъ. Быть — можетъ память вынесенныхъ мною страданій осилить наконецъ мое отвергнутое чувство. Впрочемъ, прибавила она, — я жду только одного, средства выйти изъ того тяжелаго состоянія, въ которомъ нахожусь ужъ такъ давно; я ищу свободы, хочу душевнаго спокойствія. И однако, я боюсь за себя, я выдамъ себя, если нечаянно увижу его.

— Надо бы предупредить это! Еслибы вамъ повидаться передъ баломъ, чтобы тамъ спокойнѣе встрѣтиться...

— Конечно, слѣдовало бы... проговорила Вѣра.

— Знаешь чтѣ? напиши, попроси его придти передъ баломъ. Иванъ опять пойдетъ и отдастъ ему записку въ руки; вы здѣсь переговорите. Маша осталась обѣдать у Броницыныхъ, и только передъ самымъ баломъ пріѣдетъ одѣваться. Пошлемъ!...

Сильно застучало у Вѣры сердце, когда она принялась опять за перо, рука дрожала.

«Вы здѣсь, и мы неминуемо должны встрѣтиться на сегодняшнемъ балѣ. Надѣюсь, вы поймете, что намъ необходимо увидѣться до бала. Принудьте себя, по крайней мѣрѣ изъ благоразумія.»

«Вѣра.»

Лавринецкій, по словамъ Ивана, вручившаго ему лично эту записку, выказалъ нѣкоторую радость, засуетился, какъ будто хотѣлъ отвѣчать; потомъ велѣлъ только сказать, что постарается быть передъ вечеромъ.

Машенька захопала, запрыгала, запѣла отъ восторга, когда выслушала разказъ Ивана и бросилась обнимать Вѣру, пророча ей блистательный конецъ вссму, возмездіе за долгое терпѣніе, и истощала всѣ доводы, чтобы доказать Вѣрѣ, что она любима самымъ благороднымъ, преданнымъ, постояннымъ, удивительнымъ сердцемъ. Не было похвалы, которой бы не нашла она достойнымъ Лавринецкаго.

День этотъ тянулся безконечно, Вѣра съ трепетомъ ожидала сумерекъ. И вотъ они наступили, Машенька уходитъ въ свою комнату, она убѣждена, что Лавринецкій пріѣдетъ, и безпре- станно спрашиваетъ черезъ дверь, «а чтѣ, не пріѣхалъ?»...

Сначала Вѣра отвѣчаетъ ей, потомъ перестаетъ отвѣчать. Ей безпрестанно чудится, что кто-то остановился у подъезда, но дверь не открывается, не слышно шаговъ по лѣстницѣ, и снова на мигъ приподнятая голова опускается на грудь, которую тѣснят и давятъ вздохи. Какъ сжато ея сердце, какъ тоскливо напрягается слухъ все болѣе и болѣе! чудятся звуки, шорохъ и шелестъ, но нѣтъ ни звуковъ, ни шелеста, ни шороха, чудятся шаги, но нѣтъ этихъ шаговъ, въ ухахъ отдается знакомый голосъ, тогда какъ для посторонняго лица ничто не нарушаетъ глубокаго безмолвія этой комнаты. Мучительное состояніе слуха, раздраженнаго напраснымъ ожиданіемъ! Далеко, еще за поворотомъ изъ другой улицы, слышится топотъ лошади, шелестъ летящихъ саней; вотъ ближе, ближе, вотъ у крыльца, стукнетъ сердце, вспыхнутъ щеки, замретъ дыханіе, и все напрасно, мимо пронеслось!.. Черезъ минуту та же исторія, изощренный слухъ мучить васъ, доводитъ до истомы, заставляетъ умирать и воскресать ежеминутно, пока не погаснутъ всѣ ваши надежды. Бьются виски, свинцовымъ вѣнцомъ стянуло вамъ голову; это физическое страданіе кажется вамъ выше силъ человѣческихъ; но вы переносите его, вы не прерываете его, вы, какъ очарованные, прикованы слухомъ къ окну.

Было почти восемь часовъ, когда Машенька позвала Вѣру одѣваться; она только теперь поднялась и чуть было не упала снова на ступль. Колеблющимися шагами вошла она къ Машенькѣ, судорожный кашель сдавилъ грудь, нѣсколько капель крови показалось на платкѣ, лицо ея было холодно и блѣдно какъ мраморъ. Безсознательно она дала надѣть на себя нарядъ, приготовленный къ балу, и едва двигаясь отъ усталости, поѣхала съ Машенькой. Зала была полна гостей, пары неслись въ полькѣ съ такою быстротой, что Дагоровскимъ и Вѣрѣ пришлось остановиться тутъ же у дверей и ждать возможности пройти къ стѣнѣ и стульямъ.

Вѣра боялась взглянуть, глаза ея искали самаго посторонняго предмета, и боялись остановиться. Она стала подлѣ камина, надъ которымъ было огромное зеркало, и осталась тамъ, прикованная къ нему взглядомъ. Лавринецкій стоялъ вдали; его фигура отра-

жалась въ стеклѣ ясно. Онъ видѣлъ Вѣру и думалъ, что она не видитъ его, какая-то грустная тѣнь пробѣжала по его лицу, высоко поднялась грудь; потомъ онъ опустился на стулъ, и нѣсколько минутъ оставался неподвиженъ и задумчивъ.

Вѣра нѣсколько пришла въ себя и продолжала разсматривать его. Въ бивачной жизни огрубѣло его лицо; онъ черезчуръ возмужалъ, чтобы не сказать распоялѣлъ; платье сидѣло на немъ слишкомъ свободно; но развѣ наружность его она любила въ немъ!.. Красивый молодой человѣкъ, Кузьминъ, влюбленный всегда въ Вѣру, хотя и женившійся по расчету на богатой вдовѣ, замѣтилъ Дагоровскихъ: онъ бросился къ Вѣрѣ.

— Какими судьбами? воскликнулъ онъ: — вѣдь вы рѣшили не ѣздить на балы въ эту зиму?

— Она измѣнила на этотъ разъ свое рѣшеніе, отвѣчала Машенька.

— И прекрасно! продолжалъ Кузьминъ:—вѣдь согласитесь, все это только изъ одной оригинальности. За то вы не раскаетесь, Вѣра Алексѣевна, вы увидите здѣсь столько знакомыхъ и давно уже не встрѣчаемыхъ лицъ. Вотъ напримѣръ братъ мой, да графъ Бутрюмовъ, да вотъ еще поклонникъ вашъ, Лавринецкій!

— Неужели! они всѣ здѣсь? спросила Вѣра, нарочно не останавливаясь на словѣ поклонникъ.

— Здѣсь, здѣсь! вотъ, посмотрите, Лавринецкій сидитъ. Пойду, приведу его къ вамъ.

— Пожалуста, произнесла непринужденно Вѣра.

Въ эту минуту ее позвали на кадрили, она стала въ рядъ танцующихъ. Съ первымъ па она рѣшилась поднять глаза и увидѣла прямо передъ собой Лавринецкаго, стоявшаго за ея визави и слушавшаго Кузьмина, который ему говорилъ что-то съ живостью. Онъ какъ будто только-что замѣтилъ Вѣру и шибкими шагами бросился къ ней черезъ всю залу, придерживая саблю рукой и быстро обходя танцующихъ: онъ явно хотѣлъ выказать любезность и радушіе, но лицо его было сильно взволновано, густая краска залила щеки. Это невольное смятеніе придаю Вѣрѣ нѣкоторую бодрость, и она повидимому спокойно протянула ему руку.

— Вы ли это? сказала она:—давно ли?

— Со вчерашняго дня я въ Одессѣ.

— И скоро ѣдете?

— Завтра, чуть свѣтъ.

Лицо ея выразило недоумѣніе и вопросъ; ей казалось, что она не разслышала.

— Чуть свѣтъ, повторилъ Лавринецкій выразительно.

Вѣра растерялась. Она хотѣла что-то сказать, силилась улыбнуться и не могла.

— Вамъ дѣлать фигуру, напомнилъ ея кавалеръ.

Лавринецкій отодвинулся, Вѣра машинально начала вторую фигуру. Окончивъ ее, она оглянулась нечаянно и вдругъ нѣсколько маменекъ и тетусекъ вскочили съ своихъ мѣстъ и подбѣжали къ Вѣрѣ.

— Bonjour, chère!

— Comment se fait-il...

— Васъ нигдѣ не видно!..

— У меня *середы*, теперь вы ужь не смѣете отказываться, а иначе посоримся.

— Видѣли ли вы мою Наденьку? вотъ она тамъ танцуетъ съ графомъ Ч*.

— Quelle jolie toilette que vous avez! c'est charmant.

— Что за цвѣты! c'est une magnificence...

Вѣра едва отвѣчала, она разсѣянно смотрѣла по сторонамъ и ничего не видѣла; томительная грусть была во взглядѣ ея темныхъ глазъ; она даже не видѣла Лавринецкаго, который стоялъ подлѣ нея. Наконецъ она повернулась къ нему.

— Владиміръ Александровичъ, сказала она, — неужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ рано завтра ѣдете?

— Да!

— Жаль! Мы такъ давно не видались, что нашли бы о чемъ поговорить, продолжала она съ принужденнымъ весельемъ, — но мы на балѣ!

— Хотите танцовать со мной? Я прошу у васъ какую-нибудь кадрили, сказалъ онъ.

— Мазурку вы танцуете? спросила Вѣра, устремивъ на него выразительный взглядъ.

— Да, я танцую мазурку, отвѣчалъ Лавринецкій, ни мало не смущаясь.

— Я была убѣждена, воскликнула невольно Вѣра.

Онъ покраснѣлъ, но то была краска досады, а не смущенія.

— Я танцую мазурку съ сестрой, замѣтилъ онъ сухо.

— Намъ начинать фигуру, сказалъ опять кавалеръ Вѣры и взялъ ея за руку для четвертой фигуры. Лавринецкій поклонился ей слегка и перешелъ на другой конецъ залы; оттуда она однако чувствовала его взглядъ и могла слѣдить за выраженіемъ его лица. Онъ былъ спокоенъ и смотрѣлъ равнодушно. Она спрашивала себя, это ли та встрѣча, о которой она думала цѣлые шестнадцать мѣсяцевъ, умноженные на всѣ дни и ночи этихъ мѣсяцевъ и на всѣ часы этихъ дней и ночей! Ей казалось, что она во снѣ танцуетъ, и во снѣ видитъ передъ собой Лавринецкаго. Она поклонилась своему кавалеру и сѣла на самый уединенный стулъ, такъ чтобы не попасть снова подъ картечный огонь обязательныхъ рѣчей.

Къ ея стулу скоро придвинулся другой стулъ; Кузьминъ усѣлся подлѣ.

— Вы очень разсѣянны и задумчивы, сказалъ онъ:—быть-можетъ это дѣйствіе неожиданности?

— Неожиданности! повторила она:—нѣтъ, я довольна баломъ, прибавила она тотчасъ разсѣянню; — дѣйствительно я никакъ не ожидала столько пріятныхъ встрѣчъ: вы напримѣръ, и Лавринецкій!..

— Какъ вы нашли его? спросилъ Кузьминъ торопливо.

— Бивачная жизнь ему не впрокъ, онъ подурнѣлъ! сказала она равнодушно.

— Нѣтъ, онъ развился, пополнѣлъ... когда вы знали его, онъ былъ слишкомъ молодъ.

— Я не нахожу; онъ можетъ-быть моложе теперь нежели былъ; вѣдь говорятъ, что и старики молодѣютъ въ бояхъ. Я знала его прекраснымъ человѣкомъ, только слишкомъ серьезнымъ и слишкомъ строгихъ идей; онъ тогда безпощадно клеймилъ мелочность, корыстолюбіе и прочія свойства мелкихъ натуръ. Признаюсь вамъ, что я о немъ самаго высокаго мнѣнія и за честь всегда считала его дружбу.

— Правда ли, что онъ былъ въ васъ влюбленъ? И Кузьминъ пристально посмотрѣлъ въ глаза Вѣры.

— Неправда, отвѣчала она спокойно, — я думаю, что онъ

просто платилъ мнѣ нѣкоторою дружбой за ту сильную дружбу, которую я къ нему чувствовала.

Кузьминъ помолчалъ нѣсколько минутъ.

— Послушайте, сказалъ онъ наконецъ голосомъ полнымъ участія, — вы знаете, что я всегда уважалъ васъ и любилъ: вы сегодня грустны, хотя и прекрасно владѣете собой; я не могу видѣть васъ равнодушно... Эта статья собственно о васъ. Что касается Лавринецкаго, то я вамъ скажу, онъ дѣйствительно прекрасный человекъ, но онъ молодъ. Молодость иногда можетъ быть причиной такого поступка, который осудить умъ, сердце и совѣсть, — а все отчего? молодость не останавливается. Въ молодости мы чувствуемъ такъ, а дѣйствуемъ совершенно иначе. Лавринецкій не исключеніе — вотъ и все!

— Я не знаю ни одного поступка, за который бы онъ долженъ былъ краснѣть, замѣтила Вѣра холодно.

— Да неужели вы думаете, что онъ остановился, что онъ кончилъ все? Думать и дѣйствовать — это двѣ совершенно разныя вещи въ каждомъ изъ насъ, пока мы молоды. Вы прекрасно дѣлаете, что судите Лавринецкаго по мыслямъ, которыя онъ высказалъ передъ вами; со временемъ онъ дѣйствительно будетъ поступать сообразно съ ними, то-есть, онъ возвратится къ мыслямъ своимъ. Тогда, тогда ему можно будетъ вѣрить, на него можно будетъ надѣяться, и казнить его, если надежды ваши обманутся, а покамѣстъ онъ самъ себя обманываетъ! Это участь всѣхъ энергическихъ натуръ; они съ перваго дня самосознанія назначаютъ себѣ такія правила, которымъ слѣдовать еще не въ силахъ; но довольно и того, что они имѣютъ намѣреніе имъ слѣдовать: это не малая заслуга въ моихъ глазахъ, и потому я тоже люблю такихъ людей и всегда сближаюсь съ ними. Они могутъ самымъ наивнымъ образомъ принимать стремленіе свое за достиженіе, но мы должны не смѣшивать этихъ двухъ словъ и помнить значеніе каждаго отдѣльно.

— Благодарю васъ за наставленіе, сказала Вѣра, и встала съ своего мѣста.

— Не сердитесь! Во всей этой толпѣ нѣтъ человека, которому было бы такъ грустно видѣть вашу грусть, произнесъ онъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ. — Но вы меня не слушаете, ваши глаза отыскиваютъ кого-то... Богъ съ вами!

На этотъ разъ Вѣра молча протянула ему руку и вздохнула. — Мнѣ тяжело! сказала она:—мы поговоримъ когда-нибудь...

Раздалась ритуфель кадрили.

Лавринецкій пришелъ за своею дамой, Кузьминъ бросилъ на нее значительный взглядъ и сталъ въ сторонѣ.

Лавринецкій ведетъ свою даму чрезъ всю залу, лицо его выражаетъ крайнюю степень беззаботности, онъ отыскиваетъ глазами мѣсто; мѣста много, но онъ именно выбираетъ самую средину залы и становится именно тамъ, гдѣ цѣлый рядъ стульевъ, увязанныхъ маменьками и тетушками, приходится сейчасъ за танцующими, и гдѣ глаза и уши всѣхъ этихъ праздныхъ и скучающихъ до крайности дамъ ловятъ слова и подмѣчаютъ жесты.

— Зачѣмъ мы здѣсь стали? замѣтила тихо Вѣра.

— Вамъ не нравится? я думалъ угодить; танцовать въ длину ловче, отвѣчалъ громко и иронически Лавринецкій.

— Нѣтъ, я не хочу, я васъ прошу! произнесла умоляющимъ голосомъ Вѣра.

Онъ притворился, что не слышитъ.

— Я хочу говорить съ вами серьезно, сказала она.

— Слушаю-съ.

— Получили ль вы мое письмо? Голосъ ея дрожалъ.

— Я получалъ *ваши письма* и благодарю васъ за нихъ, отвѣчалъ онъ, вдругъ принявъ почтительный и грустный тонъ.

— Я васъ спрашиваю о томъ письмѣ, которое я писала къ вамъ, когда непріятельскій флотъ стоялъ подъ Одессою.

— Этого письма я не получалъ.

— Точно нѣтъ? Она пристально посмотрѣла на него.

— Я никогда не лгу.

— Я тоже получила отъ васъ письмо... сказала она послѣ минуты молчанія,—годъ тому назадъ.

— А!... дѣйствительно, я къ вамъ какъ-то написалъ, проговорилъ небрежно Лавринецкій.

Она опустила голову, но тотчасъ же, призвавъ всѣ свои силы, продолжала:

— Думаете ли вы, что хорошо дѣлали, не писавъ ко мнѣ?

— Разумѣется.

— Напрасно! Вы дурно рассчитали. Чтобъ узнать хоть что-

нибудь о васъ, я дѣлала тысячу гаупостей, я спрашивала каждаго...

— Зачѣмъ это? воскликнулъ Лавринецкій съ живостью: — я васъ просилъ...

— Да, прервала Вѣра, — я помню, вы меня просили! Впрочемъ я дѣлала многое по вашей просьбѣ, напримѣръ, берегла свое здоровье... Скажите, къ чему все это?...

— Я и теперь прошу васъ беречь ваше здоровье, сказалъ онъ серьезно.

— Нѣтъ, теперь я васъ слушать не буду... (Тутъ только Вѣра замѣтила, что кадрили кончилась.) — Вы танцуете слѣдующую? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лавринецкій, раскланиваясь.

— Такъ и я не буду танцевать. Сядьте здѣсь. Въ голосѣ ея было нѣчто, не допускавшее возраженія.

Онъ молча повиновался, то-есть подавъ руку Вѣрѣ и отошелъ съ нею къ двумъ стульямъ, уединенно стоявшимъ у двери.

Кузьминъ не сводилъ съ нихъ глазъ. Были еще и другіе глаза, которые слѣдили за ними.

— Посмотрите, вы видите взгляды? сказалъ Лавринецкій.

— Мнѣ все равно!

— Вѣра Алексѣевна, я тысячу разъ имѣлъ честь говорить вамъ, что вамъ не должно быть все равно!

Онъ проговорилъ это серьезно и выразительнымъ тономъ, потомъ улыбнулся, Вѣра тоже невольно улыбнулась.

— Я вамъ говорю, что мнѣ все равно, повторила она. — Скажите пожалуйста, вы кажется перешли въ *** полкъ.

— Да, вы видите, что я ничего не получилъ, но я поклоняюсь, что останусь въ Крыму, пока тамъ война, и добьюсь Георгіевскаго или простаго деревяннаго креста.

— Пустое геройство!

— Нѣтъ, это мой долгъ.

— Слѣдовательно, вы отсюда въ Крымъ?

— Прямо отсюда, подтвердилъ онъ, упирая на словъ *прямо*.

— Понимаю. Это значить, что я васъ не увижу нигдѣ болѣе, кромѣ этой залы?

— Очень можетъ быть.

— Оставайтесь хоть назавтра!

— Не могу.

Сердце Вѣры забилось сильнѣе.

— Оставайтесь, умоляю васъ. Мнѣ надо съ вами поговорить.

— Никакъ нельзя.

— Остањся, Владиміръ!

Она готова была заплакать. Вокругъ нея носились веселыя пары въ полькѣ, она ничего не видала.

— Позвольте вамъ замѣтить, произнесъ онъ съ забавною важностію, — что вы говорите со мной *такимъ образомъ*, какимъ вамъ не слѣдуетъ говорить.

Какъ ни было горько Вѣрѣ, она расхохоталась.

На звукъ этого смѣха онъ вдругъ вздрогнулъ и повернулся къ ней; надо замѣтить, что онъ все время старался не глядѣть на нее, но тутъ онъ сталъ разсматривать ея блѣдное лицо съ невольною нѣжностію.

— Какъ давно я не слышалъ этого серебристаго смѣха! воскликнулъ онъ. — Пожалуста, разсмѣйтесь еще разокъ!

Онъ весь преобразился, лицо его было печально и нѣжно.

— Мнѣ слишкомъ грустно, сказала Вѣра.

Онъ продолжалъ разсматривать ее.

— Хорошенькіе цвѣточки, прическа та же! сказалъ онъ. — Все такъ мило, какъ всегда!

— Не смѣйте смотрѣть на меня, произнесла Вѣра, опять невольно разсмѣявшись.

— Ну, вотъ такъ лучше! Пожалуста, смѣйтесь еще, а то вы слишкомъ серіозны, глаза ваши глядятъ такъ грустно, что право больно.

— Я смотрю на васъ и думаю, за что я васъ такъ сильно, такъ мучительно любила? Въ эту минуту я чувствую, что вы не стоите, говорила Вѣра полусушута, полупечально.

— Вы правы, я не стою, отвѣчалъ Лавринецкій.

— А такъ какъ одна любовь изгоняетъ другую, продолжала Вѣра, — то мнѣ хочется попробовать счастья влюбить въ себя Кузьмина...

Непріятная тѣнь пробѣжала по лицу Лавринецкаго.

— Вы будете недовольны имъ, сказалъ онъ.

— Вы думаете? я не успѣю? онъ не полюбитъ меня?..

— Напротивъ, онъ кажется не прочь вспомнить прошлое.

— Такъ отчего же я буду имъ недовольна?

— Позвольте, прежде отвѣчайте на мой вопросъ, что было между вами и Кузьминымъ?

— Онъ, какъ вы, выказалъ, что я ему нравлюсь и нравился мнѣ; онъ, какъ вы, ухаживалъ за мной, и потомъ охладѣлъ...

— Я за вами никогда не ухаживалъ, прервалъ ее Лавринецкій, — я дѣйствительно чувствовалъ, а не игралъ въ чувство, какъ въ преферансъ; впрочемъ, меня удивляетъ, если кто-нибудь проходитъ мимо васъ, не испытывая вашего вліянія. Надо быть просто... извините, я чуть было не выразился рѣзко, я отвыкъ отъ общества!.. надо быть не знаю чѣмъ, чтобъ остаться совершенно равнодушнымъ къ вамъ, я въ этомъ убѣжденъ! Вся разница только въ томъ, на сколько кто чувствуетъ! Я за вами никогда не ухаживалъ, прошу не терять этого изъ виду...

— Не все ли равно? прервала она печально. — Вы говорите, что я буду недовольна Кузьминымъ? Отчего же?.. Вами я недовольна, но это потому, что вы обманули мое чувство, я въ васъ ошиблась... Оставимте однако этотъ предметъ; скажите мнѣ теперь просто, что между нами все кончено.

Лавринецкій молчалъ.

— Скажите! приставала Вѣра.

— Не скажу.

— Отчего?

И она съ удивленіемъ глядѣла на него.

— Я не умѣю лгать!

Они оба замолчали. Вѣру поразилъ тонъ запальчивой искренности, которымъ онъ выговорилъ эти слова; лучъ надежды блеснулъ въ ея душѣ.

— Владиміръ Александровичъ, еще одинъ вопросъ: объясните, отчего вы стали вдругъ бѣгать меня? Чего вы боялись? сценъ?.. Отчего не писали ко мнѣ?

— И вы меня еще спрашиваете! Я избѣгалъ встрѣчъ съ вами, я не писалъ, все это такъ, и вы хотите знать, отчего? Я хочу быть возможно-благороднымъ человѣкомъ, особенно относительно васъ. Мы увидимся, я говорю вамъ, мы увидимся!

— Когда?

— Я не знаю. Пока война въ Крыму, я тоже въ Крыму. Я ѣду теперь въ имѣніе, вмѣстѣ съ моимъ опекуномъ, который меня выписалъ; окончивъ съ нимъ дѣла, я возвращусь въ Крымъ, и тамъ... Война кончится, я выйду въ отставку. Да, мы встретимся, я отыщу васъ, говорилъ онъ съ горячностью.

— Я знаю по опыту, какъ вы меня отыскиваете, замѣтила Вѣра.

— Я не свободенъ! Дайте время. Пусть буду я свободенъ, и тогда встрѣчу васъ. Болѣе я не прибавлю ни слова, не позволю себѣ никакихъ объясненій.

— Ахъ, полно! Не отыскивайте меня, прошу васъ, въ особенности не общайте мнѣ этого; скажите просто, что вы меня не любите, больше я ничего не хочу! Вы понимаете, что мнѣ нужно оружіе противъ моей любви, и это оружіе — дѣйствительность. Много надо, чтобы не оставалось мѣста сомнѣнію, чтобы сердце мое не могло ухватиться за безумныя слова: «а можетъ-быть я ошибаюсь, я слишкомъ требовательна?» и такъ далѣе... Получивъ убѣжденіе, я успѣю побѣдить себя; для этого употреблю всѣ средства, брошусь въ свѣтъ, или уѣду куда-нибудь далеко... постараюсь влюбиться наконецъ... Я хочу путешествовать!

Въ голосъ ея слышалась сердечная мука.

— Я тоже! Возьмите меня въ спутники; я тоже имѣю намѣреніе путешествовать по окончаніи войны. Онъ улыбнулся.

Но Вѣра была далека всякой шутки.

— Съ этой минуты я буду избѣгать васъ, и повѣрьте, уѣзду никогда болѣе не буду надѣлать вамъ моими письмами.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Онъ нахмурился.

— Я тоже не лгу, отвѣчала она твердо.

— Ну, такъ позвольте вамъ сказать, что вы сильно огорчите меня, если не будете писать.

— Очень жаль, но не буду, и даже прошу васъ сжечь мои письма!

— Нѣтъ, не сожгу! Ваши письма — это единственная радость и гордость моей жизни! (Лавринецкій произнесъ эти слова со всею торжественностію глубокой печали.)

— Не вѣрю, сказала Вѣра. — Къ чему вамъ этотъ трофей ненужной побѣды надъ глухимъ сердцемъ, которое еще не перестало любить васъ?

— Скажите, что такое любовь по вашему? спросилъ Лавринецкій.

— Для иныхъ она смерть, можетъ-быть и для меня будетъ смертью! отвѣчала съ горячностью Вѣра. — Въ Кіевѣ я ночи не спала надъ бумагами, которыя остались послѣ бабушки: я такъ спѣшила кончить всѣ дѣла, что отъ усталости была на краю гроба. Я хотѣла исполнить долгъ свой скорѣе, чтобы скорѣе получить право отыскать васъ. У меня была только одна цѣль съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались — свиданіе съ вами! Всѣ мои связи и привязанности молчатъ передъ чувствомъ моимъ къ вамъ, вы для меня все, теперь чувство мое къ вамъ для меня все...

Онъ старался не глядѣть на нее, какъ будто боялся покориться могуществу ея чувства.

— А вы думаете, что вы для меня можете быть хоть когда-нибудь постороннимъ лицомъ! произнесъ онъ печально. — Но для кого я пріѣхалъ въ Одессу, какъ вы думаете? По дороге ли это было! Не для того ли, по вашему, я здѣсь, чтобы увидѣться съ сестрой. Я, дѣйствительно, уважаю родственныя отношенія, но все же не въ такой степени. Забудемте все въ эту минуту, посмотрите на себя и на меня, вспомните балъ Полубояриновыхъ, развѣ не такъ точно сидѣли мы другъ подлѣ друга? Смотрите, похоже?...

Въ эту минуту подошелъ Кузьминъ.

— Вы не танцуете? спросилъ онъ Вѣру. Вѣра взглянула на Лавринецкаго.

— Мы танцуемъ слѣдующую кадрили, отвѣчалъ онъ громко на ея мысленный вопросъ. Тутъ онъ всталъ и отошелъ; Вѣра указала Кузьмину на опустѣвшее мѣсто.

Надо было много твердости, присутствія ума и привычки владѣть собой, чтобы объяснить свой измученный видъ и разсѣянный взглядъ, свою страдальческую улыбку самымъ обыкновеннымъ, естественнымъ, не оставляющимъ мѣста для подозрѣній, образомъ. Она шутила съ Кузьминымъ, была любезна, старалась отвлечь его вниманіе отъ главнаго предмета и об-

ратить на частности, старалась занять его всевозможными пу-
стыками, истощила всю свою изобрѣтательность, прибѣгала къ
самымъ замысловатымъ уловкамъ, лишь бы заставить Кузьмина
заняться всѣмъ въ мірѣ, кромѣ ея и ея отношеній къ Лаврине-
цкому. Право, только женщина способна вынести подобную пытку,
тѣмъ болѣе, что ея страданія должны выражаться улыбкой, а
отнюдь не крикомъ, слезами или стономъ...

Однако Вѣра съ трудомъ могла сохранять въ лицѣ спокой-
ствіе. Сознавая, что она опять не скоро увидитъ Лаврине-
цкаго, она слѣдила за нимъ глазами, и хотя взоръ его повре-
менамъ напоминалъ ей, что она компрометируетъ себя, она
невольно отдавалась вся печальному сравненію настоящаго своей
любви съ прошедшимъ.

Лавринецкій пришелъ за Вѣрой.

— Знаете ли вы, что я въ Крыму чуть-было не женился?
Хотѣлъ купить себѣ жену Татарку! говорилъ онъ, подавая ей
стулъ. — Нашлись добрые люди, остановили! Теперь я имъ
благодаренъ.

Вѣра молчала.

— А за кого вышла хорошенькая Лѣля? спросилъ онъ.

— За богатаго старика.

— Прекрасно сдѣлала!

— Похвала ей можетъ послужить совѣтомъ для меня, я тоже
выйду за старика.

Лавринецкій вспыхнулъ.

— Неужели? воскликнулъ онъ. — Тогда... тогда я васъ видѣть
не захочу!..

— Отчего же? спросила Вѣра, посмотрѣвъ на него во всѣ
глаза.

Онъ не отвѣчалъ, но яркая краска еще не сошла съ его лица.
Вѣра продолжала глядѣть на него, и по мѣрѣ того какъ она гла-
дѣла, живѣе и живѣе представлялись ей всѣ тѣ испытанія, кото-
рыя онъ заставилъ ее вынести.

— Знаете ли что, сказала она вдругъ,—я бы хотѣла толь-
ко, чтобы вы испытали все то, что принудили меня испытать:
горе, безотвѣтность, безучастіе, оскорбленіе чувства, все!
мнѣ кажется, я поцѣловала бы съ глубочайшею признательно-

стію руку той женщины, которая бы заставила васъ все это почувствовать!

Она говорила съ сильнымъ волненіемъ, кровь бросилась ей въ лицо, глаза горѣли.

— Кто вамъ сказалъ, что я не испытывалъ почти всего этого въ одно время съ вами! вдругъ воскликнулъ Лавринецкій, и какъ будто испугался, немного ли ужъ сказалъ. — Я тоже могъ быть влюбленъ, и несчастливо, хоть въ кого-нибудь въ Симферополѣ, прибавилъ онъ торопливо.

— Не въ кого, сказала Вѣра, лукаво улыбнувшись.

— Вы почему знаете?

— Я знаю даже, что вы въ Симферополѣ почти не бывали... я знаю все, что только до васъ относится.

Кадриль кончилась.

Затѣмъ наступила очередь мазурки; они ея не танцовали вмѣстѣ. Мало того, они даже не выбирали другъ друга для фигуръ. Вѣра не хотѣла начать первая, не хотѣла вызвать его насильно на вѣжливость и вниманіе и заставить себя выбирать.

Менѣе двухъ лѣтъ тому назадъ Лавринецкій и Вѣра танцовали почти постоянно вмѣстѣ на всѣхъ балахъ, это было такъ естественно! Вѣра чувствовала, что всякую кадрили, всякую мазурку она имѣетъ полное право дать Лавринецкому, какъ знакъ вниманія, какъ высокоцѣнную милость; тогда этого вниманія искалъ онъ, теперь оно для него было утѣснительно, тогда любовь ея была для него торжествомъ, теперь укоромъ. Что же сдѣлала эта женщина въ промежуткѣ между первою и теперешнею встрѣчей, въ чемъ была ея вина?.. Она его любила и дѣною вынесенныхъ ею тяжкихъ испытаній имѣла право его любить, онъ это чувствовалъ, онъ это сознавалъ, и возмущался противъ ея права.

Наконецъ наступило время разъѣзда. Дагоровская сдѣлала знакъ Машенькѣ, Машенька раскланялась съ своимъ кавалеромъ и пошла отыскивать Вѣру.

— Вѣрочка, татап хочетъ ѣхать!

Вѣра подала руку Машенькѣ, не говоря ни слова и почти забывъ поклониться своему кавалеру; но подходя къ Дагоровской, она неволью обернула голову и искала встрѣтиться хотя взглядомъ

съ Лавринецкимъ и проститься съ нимъ взглядомъ. Лавринецкій не замѣтилъ, что она уходила, слѣдовательно онъ ничего не чувствовалъ. Глаза его были опущены—о чемъ онъ думалъ?...

Но вотъ встаетъ его сестра, она замѣтила, что пары въ мазуркѣ начали рѣдѣть, она устала, .. Лавринецкій отодвигаетъ ее стулъ въ сторону и идетъ пристегивать свою саблю. Потомъ онъ бродитъ по залѣ, за кругомъ мазурки. Машенька читаетъ страданіе на лицѣ Вѣры, она догадывается.

— Маман, мнѣ слишкомъ жарко, я простужусь! говоритъ она, — подождемъ немного.

— Изволь, душа моя, подождемъ, отдохните обѣ!

Вѣра и Машенька уходятъ подъ руку; онъ искусно маневрируетъ, чтобы встрѣтиться съ Лавринецкимъ, и дѣйствительно онъ не можетъ избѣжать ихъ; Машенька подзываетъ его, чтобы сообщить ему, что онъ тотчасъ ѣдутъ, потомъ садится и предоставляетъ Вѣрѣ говорить съ Лавринецкимъ.

Вѣра говоритъ самыя незначительныя вещи, но такимъ дрожащимъ голосомъ, что Лавринецкій смотритъ на нее съ участіемъ.

Опять Дагоровская дѣлаетъ имъ знаки на другомъ концѣ залы, надо идти.

— Владиміръ Александровичъ!

Лавринецкій наклоняется и слушаетъ.

— Владиміръ Александровичъ, повторите мнѣ, что я васъ увижу передъ возвратомъ вашимъ въ Крымъ, произнесла съ усиліемъ Вѣра.

— Даю вамъ слово!

— Благодарю васъ. Теперь я спокойна, мы поговоримъ; по крайней мѣрѣ я хоть въ воспоминаніи вашемъ найду мѣсто, если не въ сердцѣ. Я должна сказать вамъ слишкомъ многое.

— Напрасно вы здѣсь не говорили.

— Здѣсь не мѣсто, отвѣчала она гордо.

— Васъ ждуть, прощайте и будьте спокойнѣй, проговорилъ онъ, пожимая ей руку.

— Владиміръ Александровичъ!

Онъ опять нагнулся и ждалъ. Она не выпускала его руки, но не говорила ни слова.

— Говорите! сказалъ онъ.

— Мнѣ нечего сказать, я только хотѣла заставить васъ нагнуться, чтобы въ послѣдній разъ поближе поглядѣть на васъ, отвѣчала Вѣра простодушно и нѣжно.

На эти слова онъ окинулъ внимательнымъ взоромъ всю небольшую и граціозную ея фигуру и остановился на ея глазахъ. И Лавринецкій не выдержалъ. Противъ воли своей онъ нѣжно сжалъ ея руки, и трепетнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Мы увидимся!.. А теперь, прибавилъ онъ, — отпустите меня, не компрометируйте себя болѣе. Я васъ прошу, я почти требую...

Какъ покорный ребенокъ, она выпустила его руку, отвернулась и пошла, боясь оглянуться назадъ.

— Что ты блѣдная такая? спросила Дагоровская у племянницы, когда онѣ сажались въ экипажъ.

— У ней голова болитъ съ утра, поспѣшила отвѣчать Машенька.

Вѣра не могла говорить; за то нѣсколько крупныхъ слезъ скатились по ея холоднымъ щекамъ.

На другой день Вѣра напрасно усиливалась припомнить себѣ мельчайшія подробности всѣхъ разговоровъ. Память сердца говорила только ей, что приснился сонъ, тяжелый и необъяснимый сонъ, что ее разбудили, и сонъ остался неконченнымъ. Она спрашивала себя, отчего Лавринецкій такъ странно велъ себя, почему не достало въ немъ прямоты и честности, чтобы сказать ей: «я васъ не люблю»; отчего онъ постоянно такъ упорно передъ нею рисуется, хочетъ казаться чѣмъ-то высшимъ, создавать какую-то внутреннюю борьбу? отчего и для чего все это?...

Но... она не вѣрила ужъ болѣе его чувству, а слову все еще вѣрила, она его увидитъ! Тогда она будетъ имѣть утѣшеніе сказать ему, что она прощаетъ его, что она не жалѣетъ всѣхъ истраченныхъ на любовь къ нему, силъ своей души, что она была счастлива своею любовью и благословляетъ свои страданья. Она хотѣла ему сказать, что въ душѣ ея никогда не было другой любви до ея любви къ нему, и не можетъ ужъ быть другой любви послѣ этого чувства; что во всю свою томительную, исполненную вѣчной борьбы жизнь, она его одного только изъ многихъ, встрѣченныхъ ею, избрала какъ существо, которому бы

могла *служить*, то-есть посвятить всѣ силы свои, жить его интересами, его стремленіями, за него предвидѣть, для него мечтать, съ нимъ вмѣстѣ желать и не желать, не судить его тревогъ и мукъ, а только чувствовать ихъ, словомъ самоуничтожиться въ своемъ чувствѣ. Она хотѣла ему сказать, что онъ свободенъ, что она не хочетъ ни молодости его, ни карьеры, ни состоянія, ни счастья, что единственною ея долей изъ жизни его была любовь, и что получивъ свою долю, она болѣе ни на что не имѣетъ притязанія, что именно по этому онъ свободенъ, и что въ глубинѣ его самосознанія, любовь ея должна быть для него гордостью, а не укоромъ.

V.

Миръ былъ подписанъ. Войска оставляли Крымъ.

Машенька ждала Бутѣва. Она достала маршрутъ полка, въ которомъ онъ служилъ, и каждый день читала его.

— Сегодня у нихъ дневка, говорила она Вѣрѣ.

Вѣрѣ было грустно глядѣть на ея довѣрчивую радость, потому что отъ Бутѣва давно уже не было писемъ.

— Сегодня они перешли за Перекопъ, сказала въ одно утро Машенька. — Я знаю, отчего Жоржъ не пишетъ: онъ самъ придетъ. До Перекопа нельзя было отлучаться изъ полка, а теперь вѣрно всѣмъ позволятъ.

— Дай Богъ! сказала Вѣра.

Въ эту минуту кто-то позвонилъ.

— Почтальйонъ! воскликнула Машенька, и бѣгомъ бросилась внизъ по лѣстницѣ.

Почти вырвать письмо изъ рукъ почтальйона, бросить ему серебряную монету, дрожащею рукой вынутую торопливо изъ porte-monnaie, и летѣть опять къ Вѣрѣ, все это было дѣломъ одной минуты.

Она срываетъ печать.

Но по мѣрѣ того какъ глаза ея пробѣгаютъ письмо, легкая блѣдность выступаетъ на полненькія щечки, губы дрожатъ, на рѣсницахъ блестятъ крупныя слезы.

— Чтò съ тобой? спросила Вѣра, встревоженная этими странными признаками.

Машенька не отвѣчаетъ; она дочитала это коротенькое письмо и начинаетъ его читать снова. Потомъ она закрываетъ лицо руками, грудь колеблется отъ удерживаемыхъ рыданій, наконецъ она съ негодованіемъ бросаетъ письмо на столъ и сама бросается въ объятія Вѣры.

— Голубушка, дружочекъ мой, Маня моя, дитя мое! говорила Вѣра, лаская расплакавагося ребенка. — Успокойся, прочтемъ вмѣстѣ; можетъ-быть, не такъ дурно, какъ тебѣ кажется. Чтò случилось, бѣдная моя Маня?

Вѣра беретъ письмо и читаетъ вполголоса: «Мое молчаніе, конечно, удивляло васъ, adorable Marie. Но я съ трудомъ пишу, я сильно боленъ, и только дня три, какъ докторъ объявилъ меня внѣ опасности. Вглядитесь въ почеркъ, вы увидите, что я не лгу. Насъ ведутъ на прежнія квартиры; мой долгъ, конечно, захватить проститься съ вами, но пріѣхать въ Одессу рѣшительно мнѣ невозможно, я слишкомъ слабъ. Мы не увидимся, adorable Marie, судьба заставляетъ насъ разстаться. Отецъ мой требуетъ моего пріѣзда; долгъ сына приказываетъ мнѣ повиноваться, и Одесса дѣлается для меня недоступна; меня, конечно, не отпустить изъ дому. Ваши письма останутся навѣкъ залогомъ нашей дружбы. Вспоминайте иногда обо мнѣ, какъ о другѣ, который всею душой вамъ преданъ. Прощайте, прощайте, прелестная Манечка; простите, что я васъ еще такъ называю, но это въ послѣдній разъ.

«Другъ вашъ Е. Бутѣвъ.»

— Какъ ты понимаешь это письмо? спросила Машенька сквозь слезы.

— Онъ сознаетъ слабость своего характера, недостатокъ воли, онъ не надѣется выйти побѣдителемъ изъ борьбы, которая ему

готовится за тебя; но онъ тебя любитъ, сказала Вѣра нерѣшительнымъ голосомъ.

— Онъ меня не любитъ! воскликнула Машенька. — Кто любить, тотъ надѣется и не пугается борьбы прежде самаго начала ея. Онъ говоритъ о долгѣ сына, онъ говоритъ мнѣ о дружбѣ... онъ мнѣ никогда не говорилъ о ней до сихъ поръ... Я не хочу его дружбы! Дружба дается только вслѣдствіе высокаго довѣрія къ кому-нибудь, а онъ именно въ ту минуту, когда разрушилъ мое довѣріе, предлагаетъ мнѣ дружбу. Это ужасно!..

Вѣра находила, что Машенька совершенно правильно разсуждаетъ. Ея опытъ подтверждалъ все то, что молодому сердцу нашептывало предчувствіе.

Вдругъ взоръ Машеньки упалъ нечаянно на небольшое эмальное кольцо, которое она всегда носила въ память первой встрѣчи своей съ Бутѣевымъ; она залилась опять слезами, и тихо, медленно сняла кольцо. Этимъ движеніемъ она какъ будто выразила свое отреченіе отъ всякой надежды на любовь Бутѣева.

Отеревъ хорошенькіе глазки, Машенька продолжала печально:

— Вотъ что значитъ любить человѣка безъ характера, безъ воли! говорила она. — Ты будешь счастливѣй меня, Вѣра: Лавринецкій вѣрно пріѣдетъ. Война кончилась, миръ подписанъ; первая его мысль будетъ, что онъ свободенъ, что онъ можетъ ѣхать къ тебѣ. Да, онъ сумѣетъ заставить простить ему всю непреклонность свою, всю жестокость своихъ выходокъ. Лавринецкій человѣкъ, а Бутѣевъ ребенокъ!

И она опять принималась плакать.

— Бутѣевъ не одаренъ волей, я соглаена съ тобой, отвѣчала ей Вѣра: — но онъ тебя любитъ, а Лавринецкій не любитъ меня; мало того, онъ мною тяготится, а отъ чувства утѣшенія до настоящей ненависти одинъ шагъ. Еще не все потеряно. Старикъ Бутѣевъ можетъ дѣйствительно разнѣжиться, увидѣвъ сына; Жоржъ можетъ написать письмо, которое совершенно уничтожитъ собой его настоящее посланіе, и счастье, грозившее ускользнуть, будетъ тебѣ вдвое дороже...

Послышались шаги Дагоровской.

— Что съ вами? спросила она обѣихъ дѣвушекъ, замѣтивъ ихъ волненіе.

Вѣра молча подала письмо Бутѣва. Дагоровская тяжело вздохнула.

— Стоить огорчаться! произнесла она, помолчавъ предварительно. — Ты молода, найдутся и получше Бутѣва. Жаль мнѣ только, что я ошиблась въ этомъ молодомъ человѣкѣ! Казался скромнымъ и рассудительнымъ; я любила его, можно сказать, какъ сына... Онъ знаетъ, что у насъ состоянія нѣтъ, побѣдетъ къ отцу и тамъ женится на богатой, если еще не прошла охота жениться. Все въ нашемъ вѣкѣ разсчитать! Были они здѣсь на походъ, приглянулась ты ему, не зналъ самъ, долга ли будетъ его жизнь, убить могли, вотъ онъ и забылъ тогда разсчеты. Тутъ ему не страшно было и отца разсердить, умѣлъ онъ говорить тогда другимъ языкомъ, умѣлъ надѣяться, и обѣщавъ быть твердымъ. (Дагоровская вздохнула, она искренно и глубоко была огорчена.) Теперь, испытавъ бивачныя неудобства, онъ больше оцѣнилъ удобства жизни, ему хочется пожить беззаботно, въ теплѣ и привольи, а для этого надо не поссориться съ отцомъ... Все разсчитать! Ты дѣвушка бѣдная, ты ему принесешь однѣ заботы... И Дагоровская заплакала горько.

— Матап, Бога ради! воскликнула Машенька и бросилась цѣловать ея руку:—вѣдь вы же сами говорите, стоить ли огорчаться! Я искренно любила его, Богъ съ нимъ, не осуждайте его! Я постараюсь забыть, превозмочь себя... Я буду весела попрежнему. Матап, вамъ именно не слѣдуетъ плакать, во мнѣ отъ этого гордость возмущается! Пожалуста, забудемъ все, пусть этотъ разговоръ будетъ послѣднимъ.

Дагоровская успокоилась.

— Онъ тебя не стоилъ, сказала она. — А вотъ и всѣ такъ поступили, правду сказать! Вы думаете, что я ничего не знаю? Весело ли смотрѣть на Катеньку Малаеву? И что нашли онъ въ этомъ графѣ? развѣ только то, что онъ графъ! потомъ съ барономъ возились! Да разкажите вы мнѣ хоть теперь, въ котораго же изъ двухъ Китти была влюблена, по которомъ грустить? У васъ вѣчно тайны отъ меня!.. Марья Николаевна, несмотря на всю свою гордость, тоже нѣкоторое время была не въ своей тарелкѣ. По моему, такъ Китти дурно сдѣлала, что отказала этому полковнику. Гораздо лучше выйти замужъ по разсудку, а то

любовь, да любовь, а у нихъ у всѣхъ разсчитать. И графъ, и баронъ разузнали, что у Малаевыхъ много наружнаго блеска, а за Китти приданое небольшое, вотъ вамъ и великолѣпныя фразы являются, послѣ которыхъ необходимо разстаться, — обыкновенная, очень обыкновенная исторія!.. Терпѣть не могу великолѣпныхъ фразъ! (При этомъ она указала на письмо Бутѣева.) Посмотрите, «долгъ сына» или вотъ это: «Судьба заставляетъ насъ разстаться!» Къ чему все это? написалъ бы просто: «я разсчиталъ, что, женившись на васъ, навяжу себѣ на шею заботы, которыхъ не въ состояніи буду нести; вы бѣдны, я не довольно богатъ; жизнь не представляетъ намъ ничего особенно блистательнаго и радостнаго? прощайте!» Да что и говорить! вотъ бы хоть вашъ герой добродѣтели и безкорыстія, Лавринцевъ!

При этомъ имени Вѣра, ходившая все время по комнатѣ, вздрогнула и остановилась; потомъ, потупивъ голову, продолжала ходить изъ угла въ уголъ.

— Увидите, что онъ также теперь послѣ войны станетъ искать невѣсту богатую.

— Онъ самъ очень богатъ, возразила Машенька.

— И кромѣ того онъ гнушается всякимъ денежнымъ разсчетомъ, прибавила вполголоса Вѣра.

— Не погнушается теперь, не погнушается, повѣрьте! Это все великолѣпныя фразы, больше ничего. А вы имъ вѣрите? совѣтую какъ можно больше вѣрить. Я думаю, онъ теперь дрожить отъ радости, вступая во владѣніе имѣньемъ-то. Легко сказать, вѣдь могли бы убить такъ въ Крыму, и не удалось бы ему испытать удовольствіе быть богатымъ человѣкомъ. Вѣрно сейчасъ выйдетъ въ отставку!

— Да, онъ именно хотѣлъ выйти въ отставку, сказала Вѣра.

— Конечно, въ Парижъ поѣдетъ транжирить денежки, или у себя въ деревнѣ заведетъ собакъ, филяровъ, льстецовъ, и... словомъ друзья найдутся, лишь бы денежки были! И повѣрьте мнѣ, какъ бы *свято*—вѣдь кажется такъ теперь выражаются всѣ эти господа?—какъ бы *свято* ни любилъ онъ бѣдную дѣвушку, ему теперь не до нея. Вотъ еслибы вдвое противъ него побогаче, тогда дѣло другое.

— Однако я бы хотѣла знать, гдѣ теперь Лавринецкій? спросила Машенька.

— Вѣрно въ Крыму, проговорила Вѣра.

— Ничуть! возразила Дагоровская:—изъ имѣнія не выѣзжалъ. Сейчасъ у меня былъ одинъ изъ его пріятелей, пріѣхалъ только что изъ тѣхъ мѣстъ; на балѣ тамъ въ собраніи танцовали вмѣстѣ.

Вѣра невольно взглянула на Машеньку, Машенька на Вѣру.

Прошло три мѣсяца. Лѣто было во всемъ своемъ великолѣпіи, Дагоровскіе и Вѣра проводили его въ деревнѣ Малаевыхъ; опять гостепріимный домъ былъ полонъ молодежи, тѣмъ болѣе что братъ Китти тоже вышелъ въ отставку и поселился у себя въ имѣніи. Но главное его имѣніе находилось въской губерніи, и туда-то онъ собирался отправиться на выборы, назначенные въ сентябрѣ. Онъ былъ очень молодъ, все еще чрезвычайно занимало его, въ особенности роль помѣщика, домохозяина. Его очень забавляла мысль, что онъ на выборахъ будетъ заставлятъ себя кланяться и заискивать своего знакомства для голоса; онъ былъ въ восторгѣ отъ разныхъ сценъ, которыя ему заранѣе рисовало игривое воображеніе. Ему очень хотѣлось, чтобы мать, Китти, и всѣ лица, гостившія въ деревнѣ, отправились вмѣстѣ съ нимъ на выборы въскую губернію.

Каждый вечеръ онъ принимался уговаривать на эту поѣздку весь свой домашній кружокъ, представляя сестрѣ и ея пріятельницамъ заманчивую перспективу баловъ, по поводу выборовъ, матери нашептывая, что тамъ скорѣе найдется выгодная партія, партія для Китти, Китти объщая побѣды, Вѣрѣ—огромную пищу для наблюдательности, пропасть типовъ и карриатуръ, а Машенькѣ нашептывая, что онъ не позволитъ никому за ней ухаживать.

Наконецъ рѣшено было ѣхать на выборы. Услышавъ это рѣшеніе, Викторъ вскочилъ отъ восторга и крикнулъ: польку, пожалуста польку! Марья Николаевна сама сѣла за фортепіано.

Викторъ сѣдлалъ три тура съ сестрой, столько же съ Вѣрой и четыре съ Машенькой, въ которую былъ немножко влюбленъ.

Я не скажу, чтобы Машенька тоже была совершенно равно-

душна! Конечно, еслибы Жоржъ явился, она даже не посмотрѣла бы на Виктора, но Жоржъ не писалъ ни разу, послѣ своего прощальнаго письма, Жоржъ забывалъ ее и можетъ-быть забвѣлъ... При этой мысли такъ быстро, съ такимъ живымъ негодованіемъ начинало биться ея сердце, что на зло Жоржу, которому бы это было очень неприятно, еслибы только онъ могъ видѣть, на зло Жоржу, который не позволялъ ей быть сколько-нибудь любезною съ другими, она очень заманчиво улыбалась Виктору, очень привѣтливо глядѣла на него и шутя говорила ему милыя фразы.

Первая любовь сдѣлала Машеньку немножко кокеткой. Но странно! она улыбалась Виктору и думала о Жоржѣ, она именно ему такъ мило и улыбалась, потому что думала въ это время, вотъ еслибы Жоржъ видѣлъ, взбѣсился бы!.. Она глядѣла ему въ глаза, свѣтло и ярко, Богъ знаетъ чего бы не дала она, чтобы въ эту минуту Жоржъ видѣлъ, что ей весело, что возлѣ нея премилый и влюбленный юноша, который ужъ конечно не отказался бы отъ ея любви такъ легко. Она бы дорого дала за то, чтобы на зло Жоржу влюбиться самой въ Виктора, но... тутъ въ ея свѣтлыхъ взорахъ являлись облака грусти. Ей было досадно на себя!..

Ея молодая любовь была истинною любовью, воспоминаніе этой любви не легко выживалось изъ сердца.

Я не скажу, чтобы Китти тоже не чувствовала жажды побѣждать, страсти къ завоеваніямъ, чтобы она тоже не хотѣла торжествовать и выместить на комъ-нибудь обманъ своего чувства; но это выражалось въ ней иначе. Она не смѣялась, не была игрива и весела, какъ Маня, не занималась однимъ исключительно и не для этого одного берегла свои улыбки, рѣчь и взгляды. Важная и холодная, она возбуждала общее вниманіе, вызывала на изъявленія, но сама не допускала себя до нихъ. Она была то привѣтлива, то холодна, равнодушна, безучастна; глядѣла разсѣянно и въ ту самую минуту держала самую обязательную рѣчь, дѣлала самый дружескій выговоръ кому-нибудь изъ поклонниковъ своихъ за то, что давно не былъ, а послѣ вовсе не занималась имъ. Въ ней находили много ума, подразумевали глубокую душу, иные называли кокеткой; она

была занимательна, умѣла привязать къ себѣ, потому что умѣла поддерживать и питать любопытство. Она надѣла сама на себя цѣпи строжайшаго *comme il faut*, и носила ихъ очень хорошо. Успѣхъ ея былъ огромный. Внутренно Китти повторяла себѣ: «я буду холодна, буду холодна!..» потому что сердце ея тоже хранило воспоминаніе ея угасшей любви; она помнила, что Штраленгеймъ всегда былъ холодно разсчетливъ, все измѣрлялъ, все взвѣшивалъ, и оттого не терялся никогда: ей приходило тайное желаніе испытать на дѣлѣ пользу урока, который она получила. Китти платила дань вынесенному ею впечатлѣнію.

Появленіе семейства Малаевыхъ и Дагоровскихъ на выборахъ произвело чрезвычайный эффектъ. Викторъ перезнакомился со всѣми помѣщиками; военныхъ тоже было не мало; они съѣхались повеселиться. Сначала всѣ думали, что Викторъ пріѣхалъ тоже съ цѣлью, и даже что онъ готовъ *интриговать*; но когда убѣдились всѣ, что онъ ни за что не допуститъ и помѣститъ себя въ число избираемыхъ, а только предоставляетъ себѣ право избирать другихъ, тогда онъ всѣмъ ужасно понравился. Въ короткое время у него развелось столько неожиданныхъ друзей, что онъ съ трудомъ избобрѣталъ средства избавляться отъ нихъ хоть на минуту, чтобъ явиться къ Машенькѣ и наговорить ей тму того милаго вздора, который такъ охотно говорится между молодыми людьми не при свидѣтеляхъ.

Молодые дворяне и военные, всѣ просили его непременно представить ихъ матери и сестрѣ, что немедленно дѣлалось Викторомъ очень охотно; онъ любилъ когда гостей бывалъ полонъ домъ. Но были нѣкоторые дворяне неизвѣстныхъ лѣтъ, по большей части съ просѣдью или лысиной, которые являлись къ нему по утрамъ съ другаго крыльца, въ мундирахъ съ краснымъ воротникомъ, и всѣ безъ исключенія «считали за пріятный долгъ пріобрѣсти столь пріятное знакомство, какъ Викторъ Львовичъ.» Эти господа смотрѣли на него очень умильно, развертывали и свертывали передъ его глазами пестрые фуляры или бумажные клѣтчатые платки; иные прибѣгали къ табатеркамъ, кашляли, говорили о погодѣ, пускались въ политику, потомъ расшаркивались и уходили. На порогъ однако они еще останавливались, просили Виктора Львовича быть знакомымъ и скороговоркой прибавляли: «вотъ меня хотятъ выбрать исправникомъ, ста-

новымъ, депутатомъ; надѣюсь, вы не будете противнаго мнѣнія. Ужь позвольте надѣяться, помогите!»

Викторъ протягивалъ руку и каждому общалъ шаръ. И дѣйствительно, онъ безъ разбора общалъ не рѣдко двумъ претендентамъ на одну и ту же должность свой шаръ, и потомъ считалъ необходимою исполнять свое обѣщаніе. Помирая со смѣху, разказывалъ онъ матери, въ своемъ домашнемъ кружкѣ, какъ важно и покровительственно онъ общается всѣмъ свое содѣйствіе. Выборы занимали его какъ новость; въ сущность же самаго дѣла онъ не вникалъ.

Лавринецкій сдѣлалъ ему визитъ, но одинъ онъ не просилъ Виктора познакомить его съ матерью. Онъ не бывалъ у Малаевыхъ прежде, но Китти встрѣчалъ въ обществѣ и зналъ, что она очень хороша съ Вѣрою и съ Машенькой. У Дагоровскихъ онъ не былъ и всячески старался избѣгать встрѣчи съ ними.

Онъ ни какъ не ожидалъ появленія ихъ на выборахъ, и еслибъ онъ не имѣлъ особенной цѣли, то тотчасъ бы уѣхалъ въ деревню къ себѣ, гдѣ поселился два мѣсяца тому назадъ, получивъ отставку.

Его одѣлъ губернской портной; губернской парикмахеръ завилъ въ мелкія кудри высоко взбитый хохолъ; желтыя перчатки замѣнили военную замшевую перчатку, блестящая цѣпь и брелокъ болтались на его жилетѣ. Въ такомъ видѣ онъ бросился въ открытый фаэтонъ и подѣхалъ къ крыльцу Виктора. Мальчишка, одѣтый неудавшимся грумомъ, побѣждалъ справляться, дома ли.

Лавринецкій просидѣлъ у Виктора долго и очень понравился ему. Цѣлый день однако Викторъ говорилъ о томъ, что онъ очень хорошо распорядился, одѣвшись въ статское платье еще въ Петербургѣ. «Ну посмотрите, говорилъ онъ, что губернія дѣлаетъ изъ человѣка; вѣдь меня бы здѣсь точно такъ же нарядили. Лавринецкій чудо что за малый, препорядочный право, и вдругъ на человѣка не похожъ. И никто ему не скажетъ! Онъ богатъ, другіе болваны съ него же еще примѣръ берутъ.» Викторъ говорилъ это у матери, потомъ точно то же у Дагоровскихъ. Вѣра покраснѣла. Ей было совѣстно и больно.

Она не смѣла болѣе разспрашивать Виктора о Лавринецкомъ, Викторъ ничего не зналъ объ ихъ отношеніяхъ, и она боялась выдать себя опять передъ новымъ лицомъ.

— Покажите же однако намъ вашего Лавринецкаго, сказала ему Машенька.

— Не знаю право какъ! Онъ меня не просилъ представить его маман, а между тѣмъ зоветъ меня на охоту къ себѣ въ имѣнье; это десять верстъ отсюда. Онъ, говорятъ, страстный охотникъ, имѣеть лучшихъ собакъ и говоритъ дѣйствительно объ охотѣ съ увлеченіемъ.

— И вы пойдете? спросила Машенька.

— Нѣтъ, я плохой охотникъ. Къ тому же, пришлось бы не видать васъ цѣлые три дня, а это не въ моихъ привычкахъ.

Машенька улыбнулась и покачала лукаво головкой. Она была прелесть какъ мила въ эту минуту.

— А между тѣмъ, прибавилъ онъ, — послѣзавтра я объѣдаю у Лавринецкаго. Говорятъ, онъ надѣется, что его выберутъ въ предводители, и собираетъ партію. Прекрасно, если это его занимаетъ, а по мнѣ такъ лучше всего не пускаться на такія важныя штуки. Есть еще два претендента; это Булевичъ и Калайдаченко. Калайдаченко отецъ семейства; ему болѣе всего къ лицу быть предводителемъ; и ростомъ, и дородствомъ взять, и наконецъ ужь человекъ серіозный. Булевичъ все по-французски о политикѣ толкуетъ и ужасно гордится тѣмъ, что выписываетъ для себя *Indépendance Belge*, *Revue des Deux Mondes* и нѣмецкую газету, до *Times* только не дошелъ! Это препотѣшный господинъ; онъ увлекъ многихъ, такъ что Лавринецкому не легко съ нимъ сладить; партія Булевича сильна, того и гляди его выберутъ, а Лавринецкій останется съ носомъ. Жаль, славный малый! Желаю отъ души ему успѣха, потому что онъ спитъ и видитъ только свое предводительство!

— Когда же рѣшительный день? спросила Вѣра.

— Дѣло ратное, побоище смертное? подхватилъ Викторъ:—не знаю право, меня не интересуетъ; вотъ на объѣдѣ у Лавринецкаго узнаю. Только если они вздумаютъ меня подчивать все время разговорами своими о Булевичѣ да о Калайдаченкѣ, такъ я слуга покорный, *ça sera gai à dormir debout*. Неужели и я современемъ сдѣлаюсь тщеславнымъ человекомъ?

Вѣрѣ очевидно былъ непріятенъ этотъ разговоръ; она слегка нахмурилась.

— Не опрометчиво ли вы судите о Лавринецкомъ? сказала

она:—я знала его прежде, онъ никакъ не обѣщалъ сдѣлаться пустымъ и тщеславнымъ; если онъ добивается, чтобъ его избрали предводителемъ, то, повѣрьте, это съ лучшею цѣлью, нежели вы предполагаете. Онъ дѣятеленъ отъ природы и дремать не будетъ; а что касается до обязанностей предводителя дворянства, то увѣряю васъ, онъ ихъ прекрасно понимаетъ.

— Вы ручаетесь? спросилъ Викторъ, смѣясь надъ пылкостью, съ которою она защищала Лавринецкаго.

— Ты знала его другимъ человекомъ, замѣтила Машенька.— Въ его вкусахъ и сужденіяхъ дѣйствительно было много строгости.

— Не знаю какъ въ сужденіяхъ, воскликнулъ Викторъ, — но во вкусахъ не замѣтилъ я что-то строгости. Вы не можете себѣ представить какъ онъ одѣтъ! Я именно хочу съ нимъ сойтись, чтобы предложить ему взять на фасонъ что-нибудь изъ моего гардероба; надо спасти его. Вы сердитесь, Вѣра Алексѣевна? Но ради Бога, посмотрите на него! Впрочемъ это съ каждымъ можетъ случиться, съ непривычки соображать костюмъ. Меня одѣли въ Петербургѣ, но до сихъ поръ я все еще смѣшно держу руки; какъ вы находите?

— Ничего! сказала Машенька, разсмѣявшись.

— *Mademoiselle Marie*, вашу ручку! воскликнулъ восхищенный Викторъ, и тотчасъ послѣ поцѣлуя прибавилъ, не выпуская ея руки:—вотъ въ эту минуту я только и знаю что дѣлать съ своими руками.

Обѣдъ у Лавринецкаго былъ великолѣпный; обѣдающихъ было много. Отъ тузовъ до господъ въ красныхъ воротникахъ и съ клѣтчатыми платками, всѣ были тамъ, кромѣ двухъ его противниковъ, европейца Булевича и увѣсистаго Калайдаченка.

Лавринецкій не даромъ былъ друженъ въ Крыму съ княземъ Р... и съ княземъ Т..., онъ присмотрѣлся ко многому и выучился жить. Обѣдъ былъ сервированъ превосходно; не обошлось безъ трюфелей и грѣтаго лафиту; послѣ жаркаго было подано блюдо зелени; словомъ, все соблюдалось сообразно съ мельчайшими правилами новѣйшей гастрономіи, и даже шампанское было достаточно заморожено. Тетушкино серебро играло прекрасную роль во время этого знаменитаго обѣда.

Лавринецкій былъ чрезвычайно веселъ и любезенъ: господъ

неизвѣстныхъ лѣтъ, подобострастно взиравшихъ на него съ конца стола, онъ рѣшительно закармливалъ и запивалъ; съ ближайшими своими сосѣдами говорилъ очень много и къ концу объѣда коснулся очень удачно правъ дворянства, прекрасной цѣли установленныхъ у насъ дворянскихъ выборовъ, вообще заговорилъ объ обязанности каждаго дворянина и въ особенности о высокомъ назначеніи предводителя. По окончаніи этой рѣчи онъ не забылъ похвалить Булевича и выразить догадку, что вѣроятно господа дворяне выберутъ именно Булевича. Но въ отвѣтъ на эту рѣчь посыпались такія восклицанія, столько возраженій: Булевичъ ни куда не годился по общему мнѣнію, Булевичъ былъ рѣшительно уничтоженъ, даже его начитанность подняли на смѣхъ.

Нѣсколько голосовъ смѣло отовзались, что дворянству совсѣмъ не такого предводителя нужно, и выразили надежду, что найдется человѣкъ и безъ Булевича. Тогда Лавринецкій поставилъ на видъ рѣшительно всѣ достоинства Булевича и началъ сравнивать его съ Калайдаченкомъ. Онъ, впрочемъ, хвалилъ Калайдаченка, но не надвѣлся на его характеръ, находилъ его слабымъ и черезчуръ обгнѣвившимся; къ тому же, по образованію своему, Булевичъ конечно стоялъ гораздо выше Калайдаченка, а чѣмъ просвѣщеннѣе умъ, тѣмъ болѣе раскрытъ онъ для пониманія всѣхъ настоящихъ и могущихъ еще возникнуть положеній, тѣмъ болѣе также онъ способенъ придумать средства поправить ихъ. Рѣшительно Лавринецкій стоялъ горой за Булевича, а между тѣмъ сосѣдъ Виктора съ лѣвой стороны шепталъ ему потихоньку на ухо: «Каковъ молодецъ! Какъ дѣйствуетъ! вотъ какъ дѣйствуетъ! Вы ему не вѣрьте, онъ Булевича терпѣть не можетъ и страхъ боится, чтобъ его не выбрали.»

— Неужели? сказалъ удивленный Викторъ, и запилъ свое восклицаніе отличнымъ лафитомъ.

Лавринецкій, казалось, чрезвычайно полюбилъ Виктора и не иначе относился къ нему, какъ по-французски. Викторъ очень хорошо былъ знакомъ съ княземъ Т... Лавринецкій безпрестанно заводилъ съ нимъ рѣчь объ этомъ общемъ пріятелѣ, и вообще съ лихорадочнымъ, нетерпѣливымъ вниманіемъ слѣдилъ за впечатлѣніями Виктора: не удивительно, онъ дѣлалъ первый опытъ тѣхъ великолѣпныхъ пріемовъ, къ которымъ готовился

въ ожиданіи предводительства ; онъ зналъ , что большинство со-
званныхъ имъ гостей не въ состояніи понять всѣхъ тонкостей
этого обѣда; онъ чувствовалъ, что угощаетъ профановъ, и потому
ему надо было кого-нибудь, кто бы могъ оцѣнить его умѣние
жить какъ слѣдуетъ барину. Онъ повременамъ взглядывалъ украд-
кой на Виктора, какъ будто хотѣлъ сказать: а что, умѣю жить,
не правда ли? Мнѣ учиться ужъ нечему, я родился баринномъ.

Въ этой мысли Лавринецкій находилъ нѣчто особенно слад-
стное и улыбался ей со всею полнотою самодовольствія.

Викторъ между тѣмъ не удивлялся ничему ; онъ привыкъ
видѣть какъ живутъ люди, умѣющіе жить , и потому нашелъ, что
у Лавринецкаго все *порядочно*, все какъ слѣдуетъ, но не ставилъ
ему этого въ особенное достоинство и не находилъ причинъ об-
ращать на это особенное вниманіе; однако онъ похвалилъ лапоть,
замѣтилъ серебро и хрусталь, сказалъ, что трюфли превосходно
приготовлены, — и Лавринецкій просіялъ отъ восторга, Лаври-
нецкій даже придрался къ случаю, чтобы пожать ему руку. Во-
обще Лавринецкій находилъ, что изъ всѣхъ молодыхъ людей,
наполнившихъ губернской городъ, по случаю выборовъ, одинъ
Викторъ равенъ ему, что онъ тоже родился баринномъ, а другіе
всѣ и понятія не имѣютъ, что такое настоящее барство. Буду-
щій предводитель находилъ только, что Викторъ еще слишкомъ
молодо смотритъ на жизнь, что онъ безпечень и вѣтренъ, и
потому вовсе не занимается своими правами, что онъ дитя; тогда
какъ онъ, Лавринецкій, *человѣкъ* вполне серьезный, понимающій
науку жизни. Въ этой мысли было темное сознаніе своего нравст-
веннаго превосходства, и потому въ умѣ Лавринецкаго состави-
лась мысль, что между имъ и Викторомъ нѣтъ мѣста для сопер-
ничества, какого бы роду оно ни было. За это Лавринецкій еще
болѣе полюбилъ Виктора.

Черезъ нѣсколько дней Лавринецкій былъ избранъ предводи-
телемъ дворянства.

Ему показалось, что онъ вдругъ переродился, сдѣлался со-
всѣмъ другимъ челоѣкомъ; онъ посмотрѣлся въ зеркало, и зер-
кало говорило ему, что онъ какъ-то иначе смотреть, что онъ
именно предводитель! Предводитель въ двадцать пять лѣтъ!—и
онъ улыбнулся отъ восторга; ему не могло казаться, что онъ
выросъ, — ростомъ своимъ онъ всегда былъ очень доволенъ, —
но онъ ясно видѣлъ, что похорошѣлъ.

Въ немъ было на столько такта, что, принимая поздравленія, онъ однако не выказывалъ ни волненія, ни радости; онъ серьезно разсуждалъ о предстоящихъ заботахъ и придавалъ высокое значеніе грядущимъ своимъ занятіямъ, общая предусмотрительность и неусыпность: отъ него приходили въ восторгъ избравшіе его дворяне.

Онъ одѣлся еще пестрѣе, завился еще мельче, перчатки его были чистѣйшій лимонъ, а когда онъ снималъ перчатку съ правой руки, то глаза всѣхъ ослѣплялись блескомъ великолѣпнаго брилліантоваго перстня, и этотъ перстень сверкалъ удивительно на рукѣ, небрежно игравшей гигантскимъ пучкомъ самыхъ затѣйливыхъ брелоковъ.

Вѣра все еще ни разу не видѣла Лавринецкаго, равно какъ и обѣ ея подруги; онѣ не могли себѣ составить ни малѣйшаго понятія о тѣхъ великолѣпныхъ превращеніяхъ, которымъ подвергся Лавринецкій, этотъ серьезный, строгій, мыслительный человѣкъ, идущій по долгу сердца на борьбу за отечество, внимательный ко всему достойному, хотя бы даже встрѣчаемому вчужь, эта душа, еще не вполне распустившаяся, но уже высокая. Вѣра отвергала возможность мелочности въ его характерѣ, возможность каррикатурности въ наружномъ видѣ. Она ему прощала измѣну и забвеніе, отыскивая для нихъ причину во всемъ, кромѣ ихъ истиннаго источника. Ей хотѣлось услышать, что онъ влюбленъ, поглощенъ новымъ увлеченіемъ, новою страстію, потому что ей хотѣлось хоть воспоминаніе о своей любви сохранить чистымъ, неприкосновеннымъ.

Вотъ отчего не могла она допустить такой поразительной пережвы, считала всѣ разказы о немъ преувеличенными, хотѣла сама увидѣть его, убѣдиться собственными глазами, потому что сердце отказывалось вѣрить.

— Я желаю только, чтобы ты увидѣла его, сказала ей однажды Китти: — это тебя вылѣчить. Какъ ни больно видѣть идеалъ свой въ карриатурѣ, какъ ни ужасно думать, что эта карриатура имъ же самимъ на себя написана, но это самое дѣйствительное лѣкарство, горькое, даже очень горькое лѣкарство, но дѣйствительное! Вотъ почему я употреблю всѣ усилія, чтобы Лавринецкій былъ у насъ въ субботу; вѣдь Викторъ уговорилъ татапа дать вечеръ, и какъ онъ знакомъ со всѣми, то и позоветъ всѣхъ.

Словомъ, встрѣча неизбежна...

— Тѣмъ лучше! сказала Вѣра: — я буду имѣть возможность убѣдиться и силу уничтожить въ себѣ самое воспоминаніе...

— Но неужели въ немъ не осталось ничего порядочнаго? воскликнула Машенька.— А если онъ успѣетъ объясниться, и найдеть себѣ оправданіе? Мнѣ кажется, Вѣра, ты расположена простить его!

— Онъ не заботится не только о моемъ прощеніи, даже о моемъ хорошемъ мнѣніи, сказала Вѣра печально.

— Какъ можешь ты любить его до сихъ поръ? замѣтила Китти. — Ты еще любишь его! Это непростительно; слова твои доказываютъ, что ты все еще любишь его. И что за тонъ, печальный, ласковый, кроткій! Богъ съ тобой, Вѣра, это непростительно! Лавринецкій никогда не стоялъ тебя...

— Я хочу видѣть его, чтобы сказать это себѣ безошибочно, отвѣчала Вѣра съ твердостью и грустью.

— Она неисправима! сказала Китти, пожавъ слегка плечами и обращаясь къ Машенькѣ.— Ты будешь въ голубомъ? спросила она Машеньку.

— Непремѣнно въ голубомъ! воскликнулъ вошедшій Викторъ: — голубое такъ ей идетъ, что не слѣдуетъ ничего носить, кромѣ голубаго. Ахъ, помогите мнѣ составить списокъ приглашаемыхъ...

Три пріятельницы окружили Виктора; веселость его сообщила имъ, и всѣ очень серьезно занялись предстоящимъ вечеромъ. Викторъ далъ слово, что Лавринецкій будетъ неперемѣнно. Въ самомъ дѣлѣ, Лавринецкій на радостяхъ забылъ даже о существованіи Вѣры; отказываться долѣе отъ приглашеній Виктора казалось ему неприличнымъ; къ тому же онъ такъ прекрасно вошелъ въ роль представительнаго лица, убѣдивъ себя въ необходимости спокойствія, важности и непроницаемости, столько нужныхъ для каждаго представительнаго лица, что не могъ бояться никакихъ встрѣчъ. Его прошлое было въ эту минуту такъ далеко отъ него, что онъ мало или почти ничего не различалъ въ этой дали; онъ смѣло прогналъ отъ себя свое прошлое, какъ докучливый призракъ, и новый человѣкъ заслонилъ въ немъ совершенно прежняго человѣка; этимъ двумъ людямъ не суждено было

болѣе вступать въ борьбу между собою: чего же могъ бояться Лавринецкій?

Ему даже было нѣсколько пріятно думать, что онъ увидитъ женщину, которая еще никогда не оставалась равнодушною и спокойною въ его присутствіи; онъ надѣялся, что и теперь, при его появленіи, она испытаетъ немедленно все его могущество.

Съ этою мыслию Лавринецкій переступилъ порогъ ярко освѣщенной залы. Гостей было много; нѣкоторые посторонились и дали ему дорогу; онъ улыбнулся и пожалъ имъ руку покровительственно. Викторъ вышелъ на встрѣчу, взявъ за руку своего гостя и повелъ его къ матери, которая сидѣла за однимъ изъ карточныхъ столовъ въ маленькой гостиной.

Лавринецкій расшаркался; Марья Николаевна наговорила ему тысячу любезностей. Онъ отвѣчалъ ей тѣмъ же, поправивъ рукой манишку съ богатѣйшими запонками и принявшись потомъ за брелоки.

Викторъ повелъ его въ слѣдующую гостиную представлять Китти.

Китти, по обыкновенію, была окружена; передъ нею наперерывъ спѣшили выказать умъ, ловкость и любезность, покорные искатели ея вниманія. Вѣра сидѣла уединенно, погруженная въ свои мысли.

— Вѣра! сказала вдругъ Китти: — скажи, что дѣлается въ залѣ? Танцуютъ ли? Я отсюда не вижу, а ты противъ двери.

— Я музыки не слышу, сказала Вѣра. — Вѣрно не танцуютъ.

— Я боюсь, чтобы не скучали у насъ сегодня, замѣтила Китти. — Маня, спой намъ что-нибудь, обратилась она къ Машенькѣ.

Машенька не заставила себя долго просить.

Въ эту самую минуту, Викторъ вмѣстѣ съ Лавринецкимъ показались на порогѣ гостиной.

Машенька увидѣла и узнала Лавринецкаго; серебристый голосъ ея зазвучалъ какою-то несвойственною ему полнотою, и на полненькихъ щекахъ зардѣлся яркій румянецъ. Присутствіе Лавринецкаго вызывало передъ взоромъ ея образъ Бутѣва.

Викторъ, покаяясь обаянію одушевленнаго взгляда Машеньки, бросилъ Лавринецкаго на порогъ, а самъ усялся за ея стуломъ, улыбаясь съ наслажденіемъ.

Лавринецкій, оставшись одинъ, нѣсколько потерялся; онъ тоже

сдѣлалъ шагъ, два, и прислонился къ фортепіано. Не покидая его взглядомъ ни на минуту, Машенька видѣла въ то же время и Вѣру, которая изъ глубины своего кресла пристально разсматривала Лавринецкаго.

— Прелесть! воскликнулъ Викторъ, съ увлеченіемъ, когда Машенька окончила романсъ.

Лавринецкій хотѣлъ сказать какую-то похвалу, но губы его не шевелились, и только рука разсѣянно подкидывала бредоки.

Машенька искала взоромъ Вѣру; Вѣра стояла подлѣ нея у самага фортепіано, совершенно противъ Лавринецкаго. Взглядомъ она поблагодарила Машеньку, улыбнулась ей, и съ тою же тихою улыбкой обратилась къ Лавринецкому:

— Мосье Лавринецкій, сказала она привѣтливо, — я очень рада нашей встрѣчѣ! По старому знакомству я помогу вамъ, и представлю васъ нашей молодой хозяйкѣ; братъ ея забылъ это сдѣлать.

Голосъ ея не дрожалъ, улыбка и взглядъ были свѣтлы и спокойны. Машенька и Китти посмотрѣли на нее внимательно и переглянулись: онѣ поняли, что она тоже наконецъ побѣдила себя. И въ самомъ дѣлѣ она совершенно излѣчилась въ эту минуту; она почувствовала свое нравственное превосходство надъ человѣкомъ, въ которомъ такъ горько ошиблось ея сердце.

(Т. Ч.) А. Марченко.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЛЕРМОНТОВѢ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ.

...У Сашеньки В... встрѣчала я въ это время (1830 г.) ея двоюроднаго брата, неуклюжаго, косолапаго мальчика лѣтъ шестнадцати или семнадцати, съ красными, но умными, выразительными глазами, съ вздернутымъ носомъ и язвительно-насмѣшливою улыбкой. Онъ учился въ университетскомъ пансіонѣ, но учебныя его занятія не мѣшали ему быть почти каждый вечеръ нашимъ кавалеромъ на гулянья и на вечерахъ; всѣ называли его просто Мишель, и я, также какъ и всѣ, не заботилась нимало о его фамиліи; я прозвала его своимъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, и отдавала ему на сбереженіе шляпку, зонтикъ, перчатки, но онъ часто затеривалъ перчатки, и я грозила отрѣшить его отъ ввѣренной ему должности.

Разъ мы сидѣли вдвоемъ съ Сашенькой въ комнатѣ, какъ вдругъ она сказала мнѣ: «Какъ Лермонтовъ влюбленъ въ тебя!» — Лермонтовъ? да я не знаю его, и въ первый разъ слышу его фамилію. «Перестань притворяться! ты не знаешь Лермонтова? ты не догадалась, что онъ любитъ тебя?» — Право, Сашенька, ничего не знаю, и въ глаза никогда не видала его. «Мишель, закричала она: поди сюда, покажись; Катенька говоритъ, что она тебя еще не разсмотрѣла, иди скорѣй къ намъ!» — Васъ

я знаю, Мишель, сказала я вспыхнувшему отъ досады Лермонтову, — но мнѣ ни разу не случалось слышать вашу фамилію, въ этомъ моя вина, и я считала васъ по бабушкѣ Арсеньевымъ. «А его вина, подхватила Сашенька, это красть перчатки петербургскихъ модницъ, вздыхать по нихъ, а онѣ даже не позаботятся освѣдомиться о его имени.»

Мишель разсердился и на нее и на меня, и опрометью побѣжалъ домой (онѣ жилъ почти противъ); какъ мы его ни звали, какъ ни кричали ему въ окно:

Revenez donc tantôt,
Vous aurez du bonbon!..

но онѣ не вернулся. Прошло нѣсколько дней, а о Мишелѣ ни слуху, ни духу; я о немъ не спрашивала, мнѣ о немъ Сашенька не говорила.

Москва день ото дня пустѣла, и мы собирались въ подмосковную съ нетерпѣніемъ: такъ прискучили мнѣ однообразныя веселости Бѣлокаменной. Сашенька уѣхала уже въ деревню, въ полтора верстахъ отъ нашего Большикова, а у ея тетки Е. А. С*, въ прекрасномъ ея Средниковѣ, въ трехъ верстахъ отъ насъ, гостила Елисавета Алексѣевна Арсеньева съ Лермонтовымъ. Такое пріятное сосѣдство сулило мнѣ много удовольствія, и на этотъ разъ я не ошиблась...

По воскресеньямъ мы ѣзжали къ обѣднѣ въ Средниково и оставались тамъ на цѣлый день. Вчужѣ отрадно было видѣть какъ старушка Арсеньева боготворила своего Лермонтова; бѣдная пережила всѣхъ своихъ, и одинъ Мишель остался ей утѣшеніемъ и опорой на старость; она жила имъ однимъ и для исполненія его прихотей; не нахвалится бывало имъ, не налюбуется на него. Бабушка (мы всѣ ее такъ звали) очень любила меня: я предсказывала ей великаго человѣка въ косолапомъ мальчикѣ.

Сашенька и я, мы обращались съ Лермонтовымъ какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму; такое обращеніе бѣсило его до крайности; онѣ домогался попасть въ юности въ нашихъ глазахъ, декламировалъ намъ Пушкина, Ламартина, и былъ не разлученъ съ огромнымъ Байрономъ. Бродить бывало по тѣнистымъ аллеямъ, и притворяется углубленнымъ въ размышленія, хотя ни малѣйшее движеніе наше не ускользало отъ его зоркаго взгляда. Какъ онѣ любилъ подъ вечерокъ пускаться съ нами въ самыя сентиментальныя сужденія! А мы, чтобы подразнить его, въ отвѣтъ подадимъ ему волакъ или веревочку, увѣряя, что,

по его дѣтамъ, ему свойственнѣе прыгать и скакать, чѣмъ прыкидываться поэтомъ. Еще очень подсмѣивались мы надъ нимъ въ томъ, что онъ не только былъ не разборчивъ въ пищѣ, но никогда не зналъ, что ѣсть: телятину или свинину, дичь или барашка; мы говорили, что онъ пожалуй, современемъ, какъ Сатурнъ, будетъ глотать булыжникъ. Наши насмѣшки выводили его изъ терпѣнія, онъ спорилъ съ нами почти до слезъ, стараясь убѣдить насъ въ утонченности своего гастрономическаго вкуса: Мы побились объ закладъ, что уличимъ его на дѣлѣ въ противномъ, и въ тотъ же день велѣли напечь къ чаю булочекъ съ *опилками!* и что же?.. Послѣ долгой прогулки верхомъ, мы вернулись утомленные, разгоряченные, голодные, принялись съ жадностью за чай, а нашъ-то гастрономъ Мишель не поморщась проглотилъ одну булочку, потомъ другую, и придвинулъ уже третью, но Сашенька и я остановили его, показавъ на неудобосваримую начинку. Тутъ не на шутку онъ взбѣсился, убѣжалъ отъ насъ, и не только не говорилъ съ нами ни слова, но даже не показывался нѣсколько дней, притворившись больнымъ.

Между тѣмъ его каникулы приходили къ концу, и бабушка его собиралась уѣхать въ Москву, не рѣшаясь съ нимъ разстаться. Вся молодежь, и я въ томъ же числѣ, отпросились провожать бабушку, съ тѣмъ чтобъ изъ Москвы отправиться пѣшкомъ въ Сергіевскую лавру.

Наканунѣ отъѣзда, я сидѣла съ Сашенькой въ саду; къ намъ подошелъ Мишель, хотя онъ все еще продолжалъ дуться на насъ; предстоящая разлука смягчила его гнѣвъ; обмѣнявшись нѣсколькими словами, онъ вдругъ опроретью убѣжалъ отъ насъ; Саша пустилась за нимъ, я тоже встала, и тутъ увидѣла у ногъ своихъ не очень щегольскую бумажку; подняла, развернула ее: это были *первыя* стихи Лермонтова, поднесенные мнѣ такимъ оригинальнымъ образомъ.

Черноокой. (1)

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.

Вблизи тебя, до этихъ поръ
Я не слыхалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ ли твой волшебный взоръ,
Не билось сердце у меня;

(1) Эти стихи, и нѣкоторые другіе изъ слѣдующихъ ниже, были напечатаны въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1844, т. 64.

И пламень звѣздочныхъ очей, (1)
 Который вѣчно можетъ-быть
 Останется въ груди моей,
 Не могъ меня воспламенить.

Къ чему жь разлуки первый звукъ
 Меня заставилъ трепетать?
 Онъ не предвѣстникъ долгихъ мукъ,
 Я не люблю! зачѣмъ страдать?

Однакоже хотъ день, хотъ часть,
 Желалъ бы дольше здѣсь пребыть,
 Чтобъ блескомъ вашихъ чудныхъ глазъ
 Тревогу мыслей усмирить.

Средниково.

12-го августа 1830.

Я показала возвратившейся Сашенькѣ стихи, и умоляла ее не трунить надъ отрокомъ-поэтомъ.

На другой день мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Москву. Лермонтовъ ни разу не взглянулъ на меня, не говорилъ со мною, какъ будто меня не было между ними; но не успѣла я войти въ Сашенькину комнату, какъ мнѣ подали другое стихотвореніе отъ него. Насмѣшкамъ Сашеньки не было конца за то, что мнѣ дано свыше вдохновлять и образовывать поэтовъ.

Благодарность.

Благодарю!.. Вчера мое признанье
 И стихъ мой ты безъ смѣха приняла:
 Хотъ ты страстей моихъ не поняла,
 Но за твое притворное вниманье
 Благодарю!

Въ другомъ краю, ты нѣкогда плѣняла;
 Твой чудный взоръ и острота рѣчей
 Останутся навѣкъ въ душѣ моей,
 Но не хочу, чтобы ты мнѣ сказала:
 Благодарю!

Я бъ не желалъ умножить въ цвѣтѣ жизни (2)
 Печальную толпу твоихъ рабовъ
 И отъ тебя услышать, вмѣсто словъ
 Язвительной жестокой укоризны:—
 Благодарю!

(1) Въ «Библіотекѣ» было напечатано «черныхъ сихъ очей».

(2) Въ «Библіотекѣ» не вѣрно сказано «въ цвѣтѣ лѣтъ», какъ видно изъ самой риемы, и далѣе были также нѣкоторыя измѣненія, сдѣланныя не Лермонтовымъ.

О пусть холодность мнѣ твой взоръ укажетъ;
 Пусть (1) онъ убьетъ надежды и мечты
 И все, что въ сердцѣ возродила ты,
 Душа моя тебѣ тогда лишь скажетъ:
 Благодарю!

Средниково
 12-го августа 1830.

На другой день, до восхожденія солнца, мы отправились на богомолье; путевыхъ приключеній не было, всё мы были веселы, много болтали, еще болѣе смѣялись — а чему? Богъ знаетъ. Бабушка ѣхала впереди шагомъ; версть за пять до ночлега или обѣденной станціи, отправляли передоваго готовить заранѣе обѣдъ, чай, или постели, смотря по времени. Чудная эта прогулка останется навсегда золотымъ для меня воспоминаніемъ.

На четвертый день мы пришли къ Троицѣ, и перемѣнивъ запыленные платья и умывшись, поспѣшили въ монастырь отслужить молебенъ. На пацерти встрѣтили мы слѣпаго нищаго; онъ подавалъ намъ дряхлую, дрожащею рукой деревянную чашечку; всё мы подавали ему мелкихъ денегъ, онъ крестился, благословляя насъ, приговаривая: «Пошли вамъ Богъ счастья, добрые господа! вотъ намеренни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмѣялись надо мною: наложили полную чашечку камушковъ. Богъ съ ними!...»

Помолясь святымъ угодникамъ, мы вернулись домой, чтобы пообѣдать и отдохнуть. Всё мы суетились около стола, въ ожиданіи обѣда; одинъ Лермонтовъ не принималъ участія въ нашихъ хлопотахъ: онъ стоялъ на колѣняхъ передъ стуломъ; карандашъ его быстро бѣгалъ по клочку сѣрой бумаги, и онъ какъ будто не замѣчалъ насъ, не слышалъ, какъ мы шумѣли, усаживаясь за обѣдъ и принимаясь за ботвинью. Окончивъ писать, онъ вскочилъ, сѣлъ на оставшійся стулъ, противъ меня, и передалъ мнѣ нововышедшіе изъ-подъ его карандаша стихи (2).

У вратъ обители святой
 Стоялъ—просящій подаенья,
 Безсильный, блѣдный и худой
 Отъ глада, жажды и страданья,

(1) Въ «Библіотекѣ» «пускай».

(2) Также помѣщены въ «Библіотекѣ для Чтенія», въ томъ же томѣ.

Куска лишь хлѣба онъ просилъ
И взоръ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!

Такъ я молилъ твоей любви,
Съ слезами горькими, съ тоскою,
Такъ чувства лучшія мои
На вѣкъ обмануты тобою.

— Благодарю васъ, М. Michel, за ваше посвященіе и поздравляю васъ, съ какою скоростію вы изъ всего извлекаете милые экспромпты, но не разсердитесь за совѣтъ: обдумывайте и обрабатывайте ваши стихи, и современемъ тѣ, кого вы воспоете, будутъ гордиться вами.

— Особенно *первыя*, которыя внушили тебѣ такія поэтическія сравненія, подхватила Сашенька:—браво Мишель!

Лермонтовъ какъ будто не слышалъ ея и обратился ко мнѣ:

— А вы будете ли гордиться тѣмъ, что вамъ *первой* я посвятилъ свои вдохновенія?

— Можеть-быть болѣе другихъ, но только современемъ, когда изъ васъ выйдетъ настоящій поэтъ; тогда я буду съ наслажденіемъ вспоминать, что ваши первыя вдохновенія были посвящены мнѣ, а теперь М. Michel пишете, но пока для себя одного; я знаю какъ вы самолюбивы, и потому даю вамъ этотъ совѣтъ: за него современемъ вы будете меня благодарить.

— А теперь вы еще не гордитесь моими стихами?

— Конечно нѣтъ, отвѣчала я смѣясь,—а то бы я была похожа на тѣхъ матерей, которыя въ первомъ лепетѣ своихъ птенцовъ находятъ и умъ и смѣтливость, а согласитесь, что и вы и стихи ваши еще въ младенчествѣ. «Какое странное удовольствіе вы находите такъ часто напоминать мнѣ, что я для васъ болѣе ничего какъ ребенокъ.» — Да вѣдь это правда, мнѣ уже восемнадцатъ лѣтъ, я уже двѣ зимы выѣзжаю въ свѣтъ, а вы еще стоите на порогѣ этого свѣта и не такъ-то скоро его перешагнете. «Но когда перешагну, подадите ли вы мнѣ руку помощи?» — Помощь моя вамъ будетъ лишняя; мнѣ сдается, что вашъ умъ и талантъ проложатъ вамъ широкую дорогу, и тогда вы можеть-быть отречетесь, не только отъ теперешнихъ словъ вашихъ, но даже отъ мысли, чтобъ я могла протянуть вамъ руку помощи. «Отрекусь? Какъ это можеть быть! вѣдь я знаю, я чувствую, я горжусь тѣмъ, что вы внушили мнѣ, любовью

вашей къ поэзіи, желаніе писать стихи, желаніе посвящать ихъ вамъ, и этимъ обратитъ на себя ваше вниманіе; позвольте мнѣ довѣрять вамъ все, что выльется изъ-подъ пера!» — Пожалуй, но и вы разрѣшите мнѣ говорить вамъ неприятное для васъ слово: *благодарю*. «Вотъ вы и опять надо мной смѣетесь; по вашему тону я вижу, что стихи мои глупы, нелѣпы. Ихъ надо передѣлать, особливо въ послѣднемъ куплетѣ; я долженъ бы былъ молить васъ совѣтъ о другомъ.» — Передѣлайте его не на словахъ, а на дѣлѣ, и тогда я пойму всю прелесть благодарности. Онъ такъ на меня посмотрѣлъ, что я вспыхнула и не находя, что отвѣчать ему, обратилась къ бабушкѣ съ вопросомъ: какую карьеру изберетъ она для Михаила Юрьевича? — А какую онъ хочетъ, матушка, лишь бы не былъ военнымъ.

Послѣ этого разговора, я перемѣнила тонъ съ Лермонтовымъ, часто называла его Михаиломъ Юрьевичемъ, чему онъ очень радовался, слушала его разказы, просила его читать мнѣ вслухъ, и лишь тогда только подсмѣивалась надъ нимъ, когда онъ, бывало, завлекшись разговоромъ, съ жаромъ говорилъ какъ сладостно любить въ *первый* разъ, и что ничто въ мірѣ не можетъ изгнать изъ сердца образъ *первой* страсти, *первыхъ* вдохновеній; тогда я очень серіозно спрашивала у него: есть ли этому предмету лѣтъ десять, и умѣетъ ли предметъ его вздоховъ читать, хотя по складамъ, его стихи?

Послѣ возвращенія нашего въ деревню изъ Москвы, гулянье, катанье и прочее, все пошло по старому; но нельзя было не сознаться, что Michel оживлялъ, всѣ эти удовольствія и что безъ него не жилось такъ весело, какъ при немъ. Онъ писалъ Сашенькѣ длинныя письма, обращая часто ко мнѣ съ вопросами и сужденіями, и забавлялъ насъ анекдотами о двухъ братьяхъ *Фе*, и для отличія называлъ одного: *Fée-nez-long*, а другаго *Fée-nez-court*. Бѣдный Фенелонъ былъ чѣмъ-то въ университетскомъ пансіонѣ и служилъ цѣлью эпиграммъ, сарказмовъ и каррикатуръ Мишеля.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ переслалъ мнѣ слѣдующіе стихи, достойные даже и теперь его имени.

Ангелъ.

По небу полуночи, ангелъ летѣлъ, и т. д.

Послѣдняя строфа начинается иначе нежели въ печатномъ, а именно:

Съ тѣхъ поръ неизвѣстнымъ желаньемъ полна
Страдала, томилась она,

И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Какъ я обрадовалась этимъ стихамъ! Въ нихъ уже просвѣчивають гений. Сашенька и я, мы первыя преклонились передъ его талантомъ и пророчили ему знаменитую будущность. Съ этихъ поръ я стала много думать о немъ и о его грядущей славѣ.

Въ Москвѣ тогда въ первый разъ появилась холера. Всѣ перепугались, принимая ее за что-то въ родѣ чумы. Страхъ заразителенъ: и мы, и сосѣди наши побоялись оставаться долге въ деревнѣ и всѣмъ караваномъ перебрались въ городъ, слѣдуя вѣроятно пословицѣ: «на людяхъ и смерть красна». Бабушку Арсеньеву нашли мы въ горѣ; ей только что объявили о смерти брата ея Столыпина, который служилъ въ персидскомъ нашемъ посольствѣ, и былъ убитъ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ. Я всегда готова была навѣщать съ моею теткой бабушку, поговорить съ Лермонтовымъ, и повидаться съ Сашенькой и М. С. только-что вышедшею замужъ.

Каждый вечеръ послѣ чтенія, затѣвались игры, но не шумныя, чтобы не обезпокоить Лизавету Алексѣвну. Тутъ-то отличался Лермонтовъ. Одинъ разъ онъ вызвался сказать каждому изъ присутствующихъ, въ стихахъ или прозѣ, что-нибудь такое, что приходилось бы кстати. У Лермонтова былъ всегда злой умъ и рѣзкій языкъ, и мы хотя со страхомъ, но согласились выслушать его приговоры.

Въ нашемъ обществѣ была тогда одна барышня, сосѣдка по чембарской деревнѣ; она упрашивала Лермонтова не терять словъ для нея и написать ей на память хоть строчку правды для ея альбома. Онъ ненавидѣлъ попрошаекъ и, не имѣя возможности отдѣлаться отъ ея настойчивости, сказалъ: «ну, хорошо, дайте листокъ бумаги, я вамъ выскажу правду». Сосѣдка принесла поскорѣе бумаги и перо; онъ началъ:

Три граціи...

Барышня смотрѣла черезъ плечо на раждавшіяся слова, и сказала: «Михаилъ Юрьевичъ, безъ комплиментовъ! Я правды хочу.» — Не тревожьтесь, будетъ правда, отвѣчалъ онъ и продолжалъ:

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ,
Родились вы... все три, а не четыре!

За такую сцену можно бы было платить деньги; злое торжество

Мишеля, душившій насъ смѣхъ, и слезы воспѣтой, все представляло комическую картину.

Я щеголяла волосами, и носила ихъ тогда заплетенными въ одну косу, которая обвивала два раза голову. Лермонтовъ обратился ко мнѣ съ стихами Пушкина («Вокругъ лилейнаго чела» и т. д.). Я упрекнула его, что для такого случая онъ не потрудился выдумать ничего для меня и заимствовался у Пушкина. «И вы спрашиваетесь на правду?» спросилъ онъ.—И я, потому что люблю правду. «Подождите до завтрашняго дня.»

Рано утромъ, мнѣ подали обыкновенную сѣренькую бумажку, сложенную запиской, запечатанную и съ надписью: *Ей, правда*

Весна (1).

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей мѣстами
Чернѣетъ голая земля,
И мгла ложится облаками
На полу-юныя поля.
Мечтанье злое грусть летѣть
Въ душѣ неопытной моей.
Гляжу: природа молодѣетъ,
Не молодѣтъ лишь только *ей!* (2)
Ланить спокойныхъ пламень алый
Съ годами время унесетъ (3),
И *тотъ*, кто такъ страдалъ бывало
Люби къ *ней* въ сердцѣ не найдетъ.

Внизу очень мелко было написано карандашомъ, какъ будто противоядіе этой ѣдкой, по его мнѣнію, правдѣ:

Зови надежду сновидѣньемъ (4),
Неправду — истиной зови,
Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Лишь вѣрь одной моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
Мой взоръ не скроетъ ничего;
Съ тобою грѣхъ мнѣ лицемѣрить:
Ты слишкомъ ангелъ для того.

(1) Напечатано въ «Библ.»

(2) Въ «Библ.» душѣ моей.

(3) Въ «Библ.» уведеть.

(4) Напеч. въ «Библ.»

Онъ непремѣнно добивался моего сознанія, что *правда* его была мнѣ непріятна. — Отчего же? сказала я: — это неоспоримая правда; въ ней нѣтъ ничего ни непріятнаго, ни обиднаго, ни непредвидѣннаго; и вы и я, всѣ мы состаримся, сморщимся, если доживемъ; да, право, я и не буду жалѣть о прекрасныхъ ланитахъ, но вѣрно пожалѣю о вальсѣ, о мазуркѣ, да еще какъ пожалѣю! «А о стихахъ?» — У меня старые останутся какъ воспоминаніе о *лучшихъ дняхъ*. Но мазурка! какъ жаль, что ее не танцуютъ старушки! «Кстати о мазуркѣ, будете ли вы ее со мною танцовать у тетюшки Настасьи Николаовны?» — Съ вами? Боже меня сохрани! я слишкомъ стара для васъ, да къ тому же на всѣ длинныя танцы у меня есть петербургскій кавалеръ. «Онъ долженъ быть уменъ и милъ?» — Ну, точно смертный грѣхъ. «Разговорчивъ?» — Да, имѣеть большой навыкъ извиняться: въ каждомъ турѣ непремѣнно оборветъ мнѣ платье или наступитъ на ноги. «Не умѣеть ни говорить, ни танцовать! Стало-быть онъ тронулъ васъ своими вздохами, страстными взглядами?» — Онъ такъ кося, что не знаешь, куда онъ глядитъ. «За чтò же ваше предпочтеніе? Онъ богатъ?» — Я объ этомъ не справлялась, хоть и давно его знаю; но въ Петербургѣ съ нимъ ни разу не танцовала; здѣсь другое дѣло: онъ конногвардеецъ, а не студентъ и не архивецъ.

И въ самомъ дѣлѣ, я имѣла неимовѣрную глупость проскучать съ *** десять мазурокъ сряду, для того только, чтобы мнѣ позавидовали московскія барышни.

Когда Лермонтову Сашенька разказала о моихъ триумфахъ на балѣ, о шуткахъ В. К., о П., я вынуждена была разказать для поясненія, чтò и какъ произошло въ прошломъ году на балѣ у Д... Мишель то блѣднѣлъ, то багровѣлъ отъ ревности, и вотъ какъ онъ высказался (1):

Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ!
Хотя звѣзда судьбы моей
Померкнула съ давнишнихъ поръ,
А съ ней и думы лучшихъ дней.
Слеза, которая не разъ
Рвалась блеснуть передъ тобой,
Уж не придетъ, какъ прошлый часъ,
На смѣхъ подосланный судьбой.

(1) Въ «Библ. для Чт.» напечатано въ томъ же томѣ, и Богъ знаетъ почему названо «Стансомъ», опять таки не Лермонтовымъ.

Надъ мною посмѣялась ты,
 И я презрѣньемъ отвѣчалъ;
 Съ тѣхъ поръ сердечной пустоты
 Я ужъ ничѣмъ не замѣнял!
 Ничто не сблизить больше насъ,
 Ничто мнѣ не отдастъ покой,
 И сердце шепчетъ мнѣ подчасъ:
 «Я не могу любить другой!»
 Я жертвовалъ другимъ страстямъ;
 Но если первыя мечты
 Служить не могутъ снова намъ,
 То чѣмъ же ихъ замѣнишь ты?
 Чѣмъ ты украсишь жизнь мою,
 Когда ужъ обратила въ прахъ
 Мою надежду въ семь краю,
 А можетъ-быть и въ небесахъ?

Я не видала Лермонтова съ недѣлю; онъ накопилъ множество причинъ дуться на меня; а за происшествіе за ужиномъ на балѣ у тетки Настасьи Николавны я на другой день получила слѣдующіе стихи:

Когда къ тебѣ молвы разказъ
 Мое названье принесеть
 И моего рожденья часъ
 Передъ полміромъ проклянеть,
 Когда мнѣ пищей станетъ кровь
 И буду жить среди людей,
 Ничью не радуя любовь
 И злобы не боясь ничьей,
 Тогда раскаянья кинжалъ
 Пронзитъ тебя; и вспомнишь ты,
 Что при прощаньи я сказалъ:
 Увы! то были не мечты,
 И если только наконецъ
 Моя лишь грудь поражена,
 То вѣрно прежде зналъ Творецъ,
 Что ты страдать не рождена.

Вечеромъ получила я отъ Сашеньки записку: она приглашала меня къ себѣ и умоляла меня простить раскаявающагося грѣшника и въ доказательство истиннаго раскаянія присылала новые стихи:

У ногъ другихъ не забывалъ
 Я взоръ твоихъ очей.
 Любя другихъ, я лишь страдалъ
 Любовью прежнихъ дней.
 Такъ грусть, мой мрачный властелинъ,
 Все будить старину

И я твержу вездѣ одинъ:
Люблю тебя, люблю!

И не узнаеть шумный свѣтъ
Кто нѣжно такъ любимъ,
Какъ я страдалъ и сколько лѣтъ
Минувшимъ я гонимъ.

И гдѣ-бъ ни вздумалъ я искать
Подъ небомъ тишину,
Все сердце будетъ мнѣ шептать:
«Люблю ее одну!»

Я отвѣчала Сашенькѣ, что записка ея для меня загадочна, что передо мной никто не провинился и слѣдовательно мнѣ никого прощать.

На другой день я сидѣла у окошка, какъ вдругъ къ ногамъ моимъ упалъ букетъ изъ желтаго шиповника и въ серединѣ торчала знакомая сѣрая бумажка:

Передо мной лежитъ листокъ,
Совсѣмъ ничтожный для другихъ,
Но въ немъ сковалъ случайно рокъ
Толпу надеждъ и думъ моихъ.
Исписанъ онъ твоей рукой
И я вчера его укралъ,
И для добычи дорогой
Готовъ страдать, какъ ужъ страдалъ.

Изъ всѣхъ поступковъ Лермонтова видно, какъ голова его была набита романическими идеями, и какъ было развито въ немъ желаніе попасть въ герои и губители сердецъ...

Въ это время былъ публичный экзаменъ въ университетскомъ пансіонѣ, и Мишель за успѣхи въ исторіи и за сочиненіе получилъ первый призъ. Весело было смотрѣть, какъ онъ былъ счастливъ, какъ онъ торжествовалъ; зная его чрезвычайное самолюбіе, я радовалась за него. Его постоянно грызла мысль, что онъ дурень, дурно сложенъ, не знатнаго происхожденія, и въ минуты увлеченія онъ признавался мнѣ не разъ, какъ бы хотѣлось ему попасть въ люди, а главное никому въ этомъ не быть обязаннымъ, кромѣ самого себя.

Холера появилась въ Москвѣ съ ужасною свирѣпостью; страхъ, какъ я уже выше сказала, овладѣлъ всѣми, веселости прекратились, лица вытянулись, Лермонтовъ отъ этой тревоги вовсе не похорошѣлъ. Отецъ пріѣхалъ за мной, чтобъ увезти меня въ Петербургъ. Грустно мнѣ было разставаться съ Сашенькой, съ бабушкой, Мишелемъ. Не успѣла я зайти къ Елизаветѣ Александровнѣ какъ подала поводъ къ слѣдующимъ стихамъ:

Свершилось! полно ожидать
 Последней встрѣчи и прощанья!
 Разлуки часъ и часъ страданья
 Придутъ,—за чѣмъ ихъ отклонять!
 Ахъ! я не зналъ, когда глядѣлъ
 На чудные глаза прекрасной,
 Что часъ прощанья, часъ ужасной,
 Ко мнѣ внезапно подлетѣлъ.
 Свершилось! голосомъ безцѣннымъ
 Мнѣ больше сердца не питать;
 Запрусь въ углу уединенномъ
 И буду плакать... вспоминать!

2-а октября 1830 г.

Когда я сѣла въ карету, и дверцы уже захлопнули, Сашенька бросила мнѣ въ окно, съ цвѣтами и конфетами, исписанный ключокъ бумаги; я не помню стиховъ въполнѣ:

И такъ прощай! впервые этотъ звукъ
 Тревожить такъ жестоко грудь мою.
Прощай! шесть буквъ приносятъ столько мукъ,
 Уносятъ все, что я теперь люблю!
 Я встрѣчу взоръ ея прекрасныхъ глазъ
 И можетъ быть... какъ знать... въ послѣдній разъ.

Въ 1831, около апрѣля, Сашенька прислала мнѣ въ подарокъ альбомъ, въ который всѣ мои московскія пріятельницы написали увѣренія въ дружбѣ, любви, etc; конечно дѣло не обошлось безъ Лермонтова; вотъ его три стихотворенія:

Въ верху одна
 Горитъ звѣзда,
 Мой взоръ она
 Манитъ всегда;
 Мои мечты
 Она влечетъ,
 И съ высоты
 Меня зоветъ.
 Таковъ же былъ
 Тотъ свѣтлый взоръ,
 Что я любилъ
 Судьбѣ въ укоръ.
 Мукъ никогда
 Онъ зрѣть не могъ,
 Какъ та звѣзда
 Онъ былъ высокъ.
 Усталыхъ вѣждъ
 Я не смыкалъ
 И безъ надеждъ
 Къ нему зывалъ.

Для поясненія этой піески надо прибавить, что я имѣла тогда привычку смотрѣть всегда вверхъ, и Лермонтовъ говаривалъ: la meilleure manière de ne pas être remarqué de vous, c'est d'être à vos pieds.

Я не люблю тебя! страстей
И мукъ умчался прежній сонъ,
Но образъ твой въ душѣ моей
Живеть, хотя безсиленъ онъ.
Другимъ предавшись мечтамъ
Я все забыть тебя не могъ:
Такъ храмъ оставленный все храмъ,
Кумиръ поверженный—все богъ!

На самомъ послѣднемъ листѣ альбома было маленькое подражаніе Байрону:

Нѣтъ, я не требую вниманья
На грустный бредъ души моей;
Таить отъ всѣхъ мои желанья
Привыкъ ужъ я съ давнишнихъ дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтобъ здѣсь чрезъ много скучныхъ лѣтъ,
Отъ жизни краткой, но мятежной,
Какой-нибудь остался слѣдъ.

Быть-можетъ, нѣкогда случится,
Что всѣ страницы пробѣжавъ,
На эту, взоръ вашъ устремится
И вы промовите: *онъ правъ!*
Быть-можетъ, долго стихъ унылый
Вашъ взглядъ удержитъ надъ собой,
Какъ близъ дороги столбовой
Пришельца памятникъ могильный.

1831 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ

МАТЬ И ДОЧЬ

Опрятный домикъ... садъ съ цвѣтами...
Бесѣдки, грядки, парнички...
И все воздѣлываютъ сами
Мои сосѣди старички!

Они умѣютъ достохвально
Соединить въ своемъ быту
И романтизмъ sentimentalный,
И старыхъ нравовъ простоту.

Полна высокихъ чувствъ святыней,
И не растративъ ихъ въ глуши,
Старушка вѣруетъ и нынѣ
Въ любовь за гробомъ, въ жизнь души;

Чужда событій чрезвычайныхъ,
Вся жизнь ея полна была
Самопожертвованій тайныхъ
И угожденій безъ числа...

Пучки цвѣтовъ, вѣнки сухіе
Хранятся въ комнатѣ у ней:
Она святитъ въ нихъ дорогія
Воспомяванья прошлыхъ дней

Порою въ спальню къ дочкѣ входитъ;
Рукою свѣчку заслоня,
Глядитъ и плачетъ... и приводитъ
Себѣ на память, день отъ дня,

Все прожитое: тамъ все ясно!
 О чемъ же сѣтуетъ она?
 Иль въ сердцѣ дочери прекрасной
 Она читаетъ и сквозь сна?

Старушка мучится сомнѣньемъ,
 Что чуждѣ для дочки отчій кровь;
 Что дочь съ упрямымъ озлобленьемъ
 Глядитъ на ласки стариковъ;

Что въ ней есть странная забота;
 Отсталый лебедь, точно ждетъ
 Свободной стаи перелета,
 И кликъ слышитъ — и вспорхнетъ...

Но не вспорхнетъ она на небо!
 Ужь демонъ вѣка ей шепталъ,
 Что жизнь — не мука ради хлѣба,
 Что красота есть капиталъ!...

Ей снится огненная зала;
 Ей снятся — тысячи очей,
 За ней слѣдящихъ въ вихрѣ бала,
 Какъ за царицей балныхъ фей...

Полночный пиръ... шальные рѣчи...
 Бокалы въ дребѣзги летятъ!...
 Покровы прочь! открыты плечи!
 Язвить и жжетъ прекрасной взглядъ...

И передъ нею на колѣняхъ
 Толпа вельможъ и богачей
 Въ мольбахъ неистовыхъ и пеняхъ, —
 И сыплютъ золото предъ ней...

Уйди, старушка!.. Богъ во гнѣвѣ
 Шлетъ бичъ намъ въ дѣтищѣ твоемъ
 За попеченье лишь о чревѣ,
 И зло караетъ тѣмъ же зломъ!

Великолѣпные чертоги
 Твою возлюбленную ждуть;
 Къ ней вѣка денежные боги
 На поклоненіе придутъ.

И осмѣявшіе стремленья
Любви мечтательной твоей,
Узнають жгучія мученья
Въ крови родившихся страстей;

И будутъ, мѣя въ жаждѣ страстной,
Искать божественной любви
Подъ этой маской вѣчно ясной,
Подъ этой граціей змѣи.

Напрасно! нѣтъ!... Одинъ ужъ лопнетъ,
Тотъ посягнетъ открыто красть,
Острогъ за третьимъ дверь захлопнетъ,
Кто пулю въ лобъ... благая часть!..

Одна—владычицею міра
Она лишь блескомъ залита—
Спокойный профиль... взглядъ вампира,
И неподвижныя уста...

А. Майковъ.

ИСПОВѢДЬ КОРОЛЕВЫ ЭЛЕОНЫ

Старинная англійская баллада.

Семь дней Леонора больная лежитъ,
И въ тяжкомъ, предсмертномъ страданьи,
Изъ Франціи только двухъ иноковъ ждетъ —
Принести имъ души покаянье.

Король призываетъ троихъ изъ вельможъ:
«Я тайну свою вамъ открою:
Я самъ исповѣдовать стану жену;
Графъ-маршалъ! ты будешь со мною.»

— Монархъ! пощадите! графъ-маршалъ въ отвѣтъ:
Не дайте мнѣ вашего гнѣва
Всю силу узнать, если что мнѣ во вредъ
Повѣдаетъ вамъ королева!»

« Не бойся, графъ—маршалъ! я честью клянусь,
Тебя не постигнетъ опала,
Что бѣ ни было тутъ между мной и женой,
И что бы онъ ни сказала.

« Мы черныя рясы надѣнемъ съ тобой,
Закроемъ лицо капишономъ,
И въ этомъ нарядѣ предстанемъ больной
При ложѣ ея золоченомъ. »

Король и графъ—маршалъ одѣлись, идутъ
Безмолвно, въ притворномъ смиренѣ;
Предъ ними три отрока свѣчи несутъ,
За ними весь клиръ въ облаченѣ.

Пришли, и съ молитвой предстали больной,
Съ почтеньемъ предъ нею склонились.
« Къ тебѣ, королева, изъ Франціи мы
На зовъ твой усердный явились. »

— Когда вы тѣ старцы, которыхъ я жду,
Принять васъ готова и рада;
Но если вы здѣшніе, наши, попы,
То мнѣ васъ и даромъ не надо.

« Мы тѣ, королева, которыхъ узрѣть
Сама ты явила желанье;
Черезъ море къ тебѣ мы нарочно пришли
Принять отъ тебя покаянье. »

— Ахъ! первый мой грѣхъ — онъ мнѣ душу давилъ
Сильнѣе, больнѣе недуга:
Графъ—маршалъ мнѣ тайнымъ любовникомъ былъ,
Дороже, милѣе супруга.

« Великій то грѣхъ! восклицаетъ король:
Пошли тебѣ Богъ отпущенье! »

« Аминь! » повторяетъ графъ—маршалъ за нимъ
Чуть слышно, въ сердечномъ смущенѣ.

— Не скрою отъ васъ и втораго грѣха;
Его я свершить не успѣла:
Былъ ядъ у меня приготовленъ, — его
Поднести королю я хотѣла.

«Великій то грѣхъ! восклицалъ король:

Пошли тебѣ Богъ отпущенье!»

«Аминь! повторяетъ графъ-маршалъ за нимъ:

О даруй ей, Боже, прощенье!»

— И третій есть грѣхъ на душѣ у меня,

Отъ васъ ничего я не скрою:

Ахъ! ядъ Ровамундѣ въ питье я влила

Въ Вудстокъ своею рукою.

«Великій то грѣхъ! восклицаетъ король:

Пошли тебѣ Богъ отпущенье!»

«Аминь! повторяетъ графъ-маршалъ за нимъ:

О даруй ей, Боже, прощенье!»

— Смотрите: два отрока тамъ на дворѣ;

Одинъ, что красивѣй собою,

Вотъ кинулъ онъ мячикъ — то маршала сынъ,

Его я люблю всей душою.

Другой, онъ поменьше и хуже собой,

Въ немъ члены такъ вялы и слабы:

То сынъ мой отъ мужа, то Генриха кровь,

Но мнѣ онъ противнѣе жабы.

Его голова, какъ котелъ, велика,

А уши ослиныхъ длиннѣе...

«Что нужды? прервалъ ее съ сердцемъ король:

Онъ тѣмъ для меня и милѣ!»

И сбросилъ онъ рясу, долой капишонъ,

И въ красномъ предсталъ одѣяньѣ,

И съ воплемъ больная упала на одръ,

И тутъ же пресѣклось дыханье.

На маршала мрачно король посмотрѣлъ,

И молвилъ съ грозою во взглядѣ:

«Графъ-маршалъ! когда бы не слово мое,

Висѣть бы тебѣ на оградѣ!»

Ө. Миллеръ.

Б Е Р Т А

(Изъ Гейне.)

Была она дивно кротка,
Цвѣтокъ не умѣла обидѣть,
Какъ нѣжно писала ко мнѣ!
Привыкъ я въ ней ангела видѣть.

Мы думали свадьбу сыграть,
Но кротокъ и вмѣстѣ коротокъ
Былъ умъ у овечки моей:
Не смѣла послушаться тетокъ.

Обѣты и клятвы въ любви
Ей сердце мое разрѣшило:
Она бы въ супружествѣ мнѣ
И жизнь и любовь отравила.

При мысли о бабахъ пустыхъ
Я Бертѣ сейчасъ вспоминаю,
И только теперъ одного —
Счастливыхъ родовъ ей желаю.

И. ЛЕБЕДЕВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ЧТО ДУМАЕТЪ И ГАДАЕТЪ ИТАЛІЯ О СВОЕМЪ БУДУЩЕМЪ.

Delle eventualità italiane. Considerazioni politiche. Bastia, 1856.

L'Italia possibile. Considerazioni storico-politiche. Opera postuma di Livio Mariani. Torino, 1857.

Orazione in ricordanza de' morti toscani a Curtatone e Montanara, di F. D. Guerrazzi. Torino, 1857.

E pur si muove!

Тому уже около десяти лѣтъ, какъ началось большое итальянское движеніе, имѣвшее своею цѣлю восстановленіе національной независимости Италіи и внутреннее устройство страны на болѣе широкихъ основаніяхъ. Менѣе чѣмъ въ два года потомъ все дѣйствіе было кончено, и Италія, вынужденная силою обстоятельствъ, возвратилась къ прежнему наружному спокойствію. Стало — быть, для этого замѣчательнаго эпизода въ безконечной борьбѣ Италіи съ ея явными противниками и тайными недоброжелателями скоро наступитъ десятилѣтняя давность. Довольно времени, чтобы взволнованная движеніемъ страсти могли нѣсколько утихнуть и явилась возможность довольно спокойнаго историческаго суда надъ совершившимися событіями. И въ самомъ дѣлѣ, тѣ ожесточенныя обвиненія, которыми сначала осыпали другъ друга бывшіе представители движенія, слагая одинъ на другаго вину общей неудачи, почти прекратились въ настоящее время, и итальянскіе патриоты разныхъ партій, вмѣсто того чтобъ обмѣниваться горькими и бесполезными упреками за прошедшее, начинаютъ спокойно сознавать свои прежнія ошибки, и не дѣлая изъ нихъ личныхъ обвиненій, стараются обратить ихъ въ полезный урокъ для своего будущаго. Наконецъ всѣ поняли, что, кромѣ неизбѣжныхъ ошибокъ со стороны разныхъ дѣятелей, національная задача заключается въ себѣ самой множествомъ неодолимыхъ трудностей, и въ предвидѣніи неминуемаго возобновленія борьбы, многіе прибѣгаютъ къ помощи анализа или своего собственнаго опыта, чтобы заранѣе опредѣлить по разумному расчету тотъ путь, которымъ должно слѣдовать будущее движеніе, и пытаются напередъ теоретически разрѣшить тѣ пункты проблемы, которые наиболѣе могли бы затруднить самое дѣйствіе. Итальянцамъ какъ будто впервые открылись глаза на запутанность вопроса, на невѣроятныя трудности положенія. Они не говорятъ, какъ прежде, что довольно доб-

рой воли и согласія всѣхъ участвующихъ для успѣха предпріятія: имъ стало ясно до очевидности, что прежде чѣмъ приниматься вновь за его исполненіе, надобно еще отыскать настоящее его мѣсто въ порядкѣ идей и отдать себѣ отчетъ въ подробностяхъ его стремлений, и что готовясь пробовать новый смѣлый путь въ область будущаго, необходимо свести всѣ счеты съ исторіею и найти нѣкоторые вѣрные признаки для распознанія возможнаго отъ невозможнаго.

Тяжелые уроки видно никогда не проходятъ даромъ: они что называется заставляютъ братья за умъ даже тѣхъ, которые прежде дѣйствовали по внушенію одной страсти. Изъ многихъ опытовъ въ новѣйшей итальянской публицистикѣ согласить идеальныя стремленія страны съ ея историческими условіями и матеріальными средствами, мы избрали три, которыхъ заглавія привели въ началѣ нашей статьи. Два послѣдніе изъ нихъ написаны лицами, принимавшими дѣятельнѣйшее участіе въ событіяхъ 1848—49 годовъ. Маріани былъ членомъ временнаго правленія въ Римѣ, Гверрацци — въ Тосканѣ. По своимъ мнѣніямъ оба они принадлежали къ самымъ передовымъ людямъ національнаго движенія, хотя и расходились между собою въ разныхъ подробностяхъ; оба они потомъ понесли на себѣ тяжелыя послѣдствія неблагопріятнаго для нихъ оборота событій, то-есть вынужденное удаленіе изъ отечества и скитальческую жизнь на чужой землѣ. Впрочемъ, при сходствѣ общаго положенія, въ судьбѣ этихъ двухъ дѣятелей есть и важное различіе. Маріани успѣлъ вовремя удалиться изъ Италіи и до конца сохранилъ свою личную свободу; но живя въ Греціи, онъ долженъ былъ отказаться отъ всякаго участія въ политическихъ событіяхъ своего отечества не только дѣломъ, но даже и словомъ. Онъ умеръ потомъ въ Афинахъ (въ 1855 году), гдѣ жилъ со времени своего изгнанія, и сочиненіе его объ Италіи, изданное уже по смерти автора, можно считать за политическое его завѣщаніе. Роль Гверрацци была не только гораздо виднѣе во время самаго переворота, но и не совершенно окончилась вмѣстѣ съ его изгнаніемъ. Реакція застала знаменитаго тосканскаго трибуна на самомъ мѣстѣ дѣйствія, и изгнаніе было уже для него въ нѣкоторомъ смыслѣ благодѣяніемъ, потому что состоявшійся надъ нимъ приговоръ обрекалъ его на вѣчное заключеніе. Но даже и это испытаніе не заставило страстную природу Гверрацци отказаться отъ дѣятельности. Принужденный удалиться изъ Тосканы, онъ однако не хотѣлъ покинуть вовсе итальянской почвы, и нашелъ себѣ безопасное убѣжище въ сардинскихъ владѣніяхъ, гдѣ до сихъ поръ продолжаетъ дѣйствовать какъ публицистъ и литераторъ. Небольшая брошюра, посвященная имъ памяти тосканскихъ героевъ, павшихъ при Куртатоне и Монтанарѣ, заключаетъ въ себѣ послѣднюю по времени метаморфозу политической его мысли.

Третья изъ приведенныхъ нами брошюръ носить на себѣ самый

скромный видъ. Авторъ совершенно скрылъ свое имя, и изъ содержанія его книги никакъ не видно, чтобъ онъ самъ игралъ дѣятельную роль въ большомъ національномъ движеніи своей родины. Трудно даже сказать, какой части Италіи принадлежитъ онъ по своему происхожденію. Въ одномъ мѣстѣ онъ оговаривается, чтобы не приняли его за Тосканца, въ другомъ, чтобы не считали его за Пиемонтца. Преобладающія симпатіи у него пиемонтскія, однако въ нихъ нѣтъ ничего исключительнаго. Но книга его о возможныхъ перемѣнахъ въ Италіи вовсе не лишена оригинальности. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы даже предпочитаемъ ее двумъ другимъ; поставленнымъ нами рядомъ съ нею. Если авторъ этой брошюры и не принималъ лично дѣятельнаго участія въ событіяхъ, то навѣрное много размышлялъ о нихъ, и благодаря своему довольно отчетливому уму, многое въ нихъ успѣлъ привести для себя въ ясность. Это избавило его книгу отъ груза личныхъ, но не всегда интересныхъ и потому нерѣдко излишнихъ воспоминаній, и заставило его держаться въ тѣсныхъ предѣлахъ своей задачи. Не разглагольствуя много, онъ умѣлъ однако коснуться всѣхъ существенныхъ сторонъ вопроса и сказать о нихъ свое мнѣніе. Пріятно имѣть дѣло съ авторомъ еще и потому, что умъ его, отъ природы точный и отчетливый, не зараженъ національными предрасудками и не отуманенъ страстію. Какъ самъ онъ чуждъ увлеченію, такъ не хочетъ увлекать и другихъ. Безъ притязаній на особенную глубину мысли, онъ нигдѣ не выдаетъ своихъ соображеній за непреложную истину: онъ хочетъ только дѣйствовать прямо на мысль своего читателя, не оставляя въ немъ никакихъ сомнѣній, и по нашему мнѣнію вполне достигаетъ своей цѣли посредствомъ весьма умѣреннаго и яснаго изложенія. Поэтому, чтобы не потеряться въ частностяхъ, мы предпочитаемъ держаться того порядка идей, который находимъ у автора первой брошюры, пополняя его, гдѣ окажется нужнымъ; замѣчаніями другихъ публицистовъ, которыхъ мнѣнія также отличаются независимостію.

Надобно однако оговориться напередъ, чтобы предотвратить всякое недоразумѣніе. Упомянувъ о томъ, что событія привели Италію къ необходимости теоретическаго рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые она надѣялась прежде рѣшить лишь посредствомъ меча, мы вовсе не хотѣли сказать, чтобы это разрѣшеніе было уже найдено, или чтобы соображенія, заключающіяся въ приведенныхъ нами брошюрахъ, давали лишь вѣрные выводы. Сохрани насъ Богъ ввести русскаго читателя въ такое заблужденіе. Въ теоретическомъ способѣ рѣшенія великихъ народныхъ задачъ, ошибки столько же могутъ быть неизбѣжны, какъ и въ практическомъ; но въ первомъ случаѣ онъ по крайней мѣрѣ мѣнѣ вредны и легче исправимы. Для теоретической ошибки остается еще умственная повѣрка въ самомъ сознаніи читателя, тогда какъ практическая непосредственно за собою

влечетъ свои вредныя послѣдствія; умственные предположенія, хотя бы они и далеки были отъ истины, возбуждаютъ мысль къ новой дѣятельности, а практическіе промахи тотчасъ же парализуютъ и самое дѣйствіе. И въ томъ и другомъ случаѣ есть мѣсто полезному уроку; но первыя имѣютъ ту неоспоримую выгоду, что, давая пищу уму, оставляютъ ему полную свободу въ заключеніяхъ. Такъ поступимъ и мы, передавая нашимъ читателямъ идеи итальянскихъ публицистовъ, ищущихъ возможно-лучшаго теоретическаго рѣшенія своей національной задачи. Пусть, желая поправить промахи своихъ предшественниковъ, они сами впадаютъ въ неизбѣжныя ошибки; пусть, подъ видомъ логическихъ выводовъ, они дадутъ намъ лишь свои собственныя мечты о будущемъ Италіи: мы однако не откажемъ въ нашемъ вниманіи этимъ первымъ опытамъ Италіи найти сначала умственное разрѣшеніе тѣхъ противорѣчій, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ помѣшали исполненію ея обширной задачи на практикѣ.

«*Italiam quaeo patriam*»—ставитъ безыменный авторъ эпиграфомъ къ своему сочиненію. Италія, какъ общее отечество всѣхъ Итальянцевъ, есть для него только искомое. До сихъ поръ значеніе цѣлаго принадлежитъ ей только въ географическомъ отношеніи; но кто захотѣлъ бы простираться далѣе и подъ географическимъ терминомъ сталъ бы искать живаго организма, проникнутаго идеей одной народности, тотъ нашелъ бы Неаполь, Римъ, Тоскану, Пьемонтъ, Ломбардію, но не какъ части одного органическаго цѣлаго, а какъ отдѣльныя политическія тѣла, заключенныя каждое въ своемъ тѣсномъ кругу, безъ общихъ интересовъ и почти безъ всякаго взаимодѣйствія. Изъ такихъ частей не слагается понятіе цѣлаго: оно еще только отыскивается въ будущемъ какъ возможное. Потому предметъ разсужденій Маріани составляетъ «возможная» Италія. Хуже всего то, что эти отдѣльныя части не только не прилаживаются одна къ другой, но еще, взяты въ своей отдѣльности, составляютъ почти столько же враждебныхъ силъ, противодѣйствующихъ всякому стремленію привести ихъ въ согласіе между собою. Всякій разъ, какъ только Италія хотѣла собраться сама съ собою, ей приходилось вступать въ борьбу съ тѣми частями, изъ которыхъ она составлена.

Итакъ нашъ авторъ правъ, когда, отыскивая идеальную Италію, прежде всего проходитъ одинъ за другимъ тѣ политическіе организмы, на которые разлагается понятіе о ней въ дѣйствительности: ибо дѣлать выводы, не имѣя никакихъ прочныхъ основаній въ существующемъ порядкѣ вещей, значило бы строить воздушные замки, гонаться за химерою. Онъ беретъ точкою своего отправления дѣйствительную Италію, и потому слѣдуетъ аналитическому методу. Такія положенія, какъ «необходимость возстановленія итальянской національности вообще», или «необходимость возстановленія ея въ

интересъ католицизма и въ интересъ общеевропейскомъ», которые занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ изложеніи другаго публициста, для него ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить послыжками: они могутъ представиться ему развѣ только въ концѣ анализа, какъ логическіе его выводы. Съ этой точки зрѣнія ему собственно все равно, начать ли свой анализъ съ сѣверной Италіи, или съ южной, потому что въ настоящемъ своемъ состояніи и та и другая заключаютъ въ себѣ не одно противорѣчіе основной идеѣ. Однако онъ предпочитаетъ начать съ южной, какъ съ той, которая наиболѣе удалена отъ прогресса.

Послѣдуемъ и мы за нимъ въ этомъ обзорѣ. Неаполь съ Сициліею въ такомъ случаѣ будетъ первою нашею станціей. Неаполь — по видимому довольно назвать это имя, чтобы заранѣе отказаться отъ всякой надежды отыскать здѣсь хотя одно выгодное условіе для развитія идеи въ будущемъ. Кажется, только подхожда къ границѣ его, читаешь уже страшныя слова: *Lasciate ogni speranza, voi che entrate...* Не то чтобы страна была бѣдна средствами: напротивъ, ихъ здѣсь больше, чѣмъ во всякой другой итальянской странѣ, и нигдѣ можетъ быть не дано имъ болѣе крѣпкой организаціи: но всѣ эти средства собраны и направлены прямо въ разрѣзъ съ стремленіями цѣлой Италіи. Неаполь на томъ стоитъ, чтобы понятіе объ Италіи не имѣло другаго смысла, кромѣ географическаго, и чтобы тянуть ее назадъ, когда она изъ всѣхъ силъ рвется впередъ. Италію съ Неаполемъ можно представлять себѣ въ видѣ крылатаго животнаго съ желѣзными гириами на ногахъ. Чего тутъ могутъ ожидать тѣ, которые мечтаютъ о возрожденіи итальянской національности?

Нашъ анонимъ также не имѣетъ для Неаполя другихъ красокъ, кромѣ очень мрачныхъ и приводящихъ въ уныніе. «Королевство Обѣихъ Сицилій, говоритъ онъ, есть самая населенная и обширная страна во всей Италіи. Оно имѣетъ свои собственные законы, которые собраны въ опредѣленные кодексы и, если угодно, расположены въ хорошемъ порядкѣ, но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ существенныхъ частяхъ очень недостаточны, а главное — не находятъ себѣ должнаго приложенія. Отсюда происходитъ, что государство управляется не столько законами, сколько полицейскими распоряженіями. Народъ, отъ природы добрый, сообщительный, смысленный и вообще очень счастливо одаренный, испорченъ невѣжествомъ, суевѣріемъ, административными злоупотребленіями и рабскими привычками. Государственные финансы находятся въ довольно исправномъ состояніи. Военный флотъ въ Неаполѣ есть конечно самый сильный на всемъ полуостровѣ, но кромѣ того здѣсь считается еще 80,000 моряковъ, занятыхъ частными морскими промыслами. Сухопутная армія состоитъ изъ 22 пѣхотныхъ полковъ съ соответствующимъ числомъ артиллеріи и кавалеріи. Четыре изъ этихъ полковъ набраны исклю-

чительно изъ Швейцарцевъ; всѣ они безспорно хорошіе солдаты, хотя, какъ наемники, въ нѣкоторыхъ политическихъ обстоятельствахъ едва ли могутъ служить надежною опорой, будучи лишены всякаго чувства привязанности къ странѣ и не пользуясь никакими симпатіями со стороны туземцевъ. Вообще о неаполитанскомъ солдатѣ существуетъ довольно хорошее понятіе: онъ много исправился сравнительно съ тѣмъ, что былъ прежде, то-есть лучше знаетъ свое дѣло и гораздо болѣе приученъ къ дисциплинѣ: 10-й линейный полкъ, сражавшійся въ 1848 году въ Ломбардіи, далъ тому несомнѣнныя доказательства. Но понятіе о чести и чувство національной гордости остаются почти чуждыми этому войску, не потому конечно, чтобы оно отъ природы было не способно ни къ какимъ благороднымъ чувствованіямъ, но потому что господствующая система неумолимо старается подавить въ немъ всѣ лучшія сѣмена, такъ что, будучи столько послушнымъ орудіемъ для внутреннихъ притѣсненій, оно между тѣмъ вовсе лишено истиннаго воинскаго духа и даже не можетъ похвалиться исправными и опытными генералами, какъ это доказали ихъ дѣйствія въ 1849 году въ предѣлахъ Римской области.» (Стр. 23—24.)

Какъ мы сказали, много силъ и средствъ, но всѣ онѣ такъ направлены и умышленно такъ содержатся, что скорѣе должны служить ко вреду общаго дѣла Италіи, чѣмъ на пользу его. Однако нашъ авторъ не приходитъ оттого въ отчаяніе. Противорѣчіе настоящаго порядка вещей въ Неаполѣ съ идеальными стремленіями Италіи вовсе не кажется ему неразрѣшимымъ. Напротивъ, лучъ надежды свѣтитъ ему изъ этого повидимому столь темнаго угла. «Несмотря на всѣ означенные недостатки — такъ заключаетъ онъ свою безотрадную картину Неаполя—это неаполитанское войско, состоящее изъ 80,000 человекъ, есть одна изъ лучшихъ надеждъ Италіи. Неусыпныя старанія короля ввести въ него лучшее устройство, благодаря содѣйствію генераловъ Филанджери и Искителлы, не остались безуспѣшны. Стоить только самому правительству проникнуться болѣе италіянскимъ духомъ, онъ тотчасъ сообщится и арміи: ибо въ природѣ этого народа всегда были добрыя задатки; умственные силы его не истощились, и какъ ни разбросаны въ немъ добрыя сѣмена, они однако пали не на бесплодную землю, какъ это доказали неустрашимые защитники Венеціи и между ними генералъ Уллоа въ особенности (ibid.).»

Слова очень выразительныя, но нѣсколько загадочныя по своей краткости. Авторъ хотѣлъ больше намекнуть на свою мысль, нежели развить ее какъ слѣдуетъ. Впрочемъ мы находимся очень недалеко отъ настоящаго смысла его словъ: стоитъ только вникнуть въ нихъ нѣсколько пристальнѣе. Противорѣчіе, замѣчаемое въ настоящемъ положеніи Неаполя съ національными требованіями въ Италіи, въ

самомъ дѣлѣ не есть непобѣдимое. Оно не коренится въ самомъ духѣ мѣстныхъ учреждений, или въ инстинктахъ живущаго подъ ними общества: оно болѣе случайно нежели думаютъ, ибо заключается единственно въ волю и образъ мыслей одного лица. Не тотъ ли самый законъ управлялъ до 1848 года и Пиемонтомъ, и не находился ли послѣдній долгое время почти въ такомъ же противорѣчьи къ общимъ стремленіямъ страны? Представимъ себѣ, что воля, управляющая Неаполемъ, измѣнила свое направленіе, или что пере-мѣна лица повлекла за собою и пере-мѣну системы. Что такое явленіе не принадлежитъ къ числу невозможностей, доказательствомъ можетъ служить тотъ же Пиемонтъ. Пере-мѣна же, идущая сверху, возможна въ Неаполѣ только въ одну сторону: это поворотъ въ пользу политическихъ и административныхъ реформъ, какой уже совершился въ свое время въ Сардиніи. Неаполь также можетъ имѣть свой *statuto*, давно уже составляющій предметъ горячихъ желаній народонаселенія. Допустивъ возможность этого перваго предположенія, нельзя уклониться и отъ другаго, которое составляетъ логическое его слѣдствіе. Государство, имѣющее одинаковое устройство съ Сардинскимъ, конечно не захочетъ болѣе искать себѣ опоры въ Австріи; оно необходимо должно будетъ примкнуть къ однородному, то-есть вступить въ тѣсный союзъ съ Пиемонтомъ. Спрашивается теперь: когда Пиемонтъ, вмѣсто того чтобъ опасаться извѣта и можетъ-быть даже прямо враждебныхъ дѣйствій съ юга, получить въ Неаполѣ надежную опору себѣ, какая борьба на италіанской почвѣ и за національное дѣло будетъ ему не по силамъ? Что остановитъ тогда воинственный порывъ его, который сдерживается только совершеннымъ одиночествомъ его между италіанскими правительствами? И куда наконецъ уйдетъ отъ необходимости реформъ упорный Римъ, поставленный между двумя туземными силами, дѣйствующими въ одномъ направленіи?

Мы не навязываемъ автору нашихъ собственныхъ мыслей: лишь намекнувъ на это предположеніе въ первой части своей книги, онъ самъ же потомъ, но гораздо ниже, раскрываетъ его во всей подробности (стр. 165 — 167). Въ томъ же смыслѣ говоритъ и авторъ «Возможной Италіи»... Пылкія головы, которыя смѣшиваютъ въ своей ненависти Пиемонтъ съ Неаполемъ и готовы принести обоимъ въ жертву воображаемому единству, не подумали конечно, что это два наши главные спорные пункта въ случаѣ борьбы за италіанскую независимость... Гдѣ же и живетъ въ Италіи воинскій духъ и военное искусство, какъ не въ арміяхъ пиемонтской и неаполитанской? и конечно только съ ними можно помышлять объ изгнаніи Австрійцевъ изъ предѣловъ полуострова. Тѣ, которые на существованіе этихъ двухъ армій смотрятъ какъ на первое препятствіе для успѣха національнаго дѣла, по моему мнѣнію, сами не знаютъ что говорятъ

(стр. 180—181). Мы передали мысль автора не точными его словами, но кажется вѣрно сохранили ихъ смыслъ, который состоитъ въ томъ, что въ борьбѣ за національную независимость неаполитанская армія можетъ имѣть такое же значеніе, какъ и піемонтская.

Но не будемъ гонаться за возможными слѣдствіями явленія, которое само принадлежитъ еще къ области мечты, хотя бы и сбыточной. Возвратимся къ италянскому дѣйствительности.

Авторъ, которому мы слѣдуемъ въ особенности, ведетъ насъ изъ Неаполя въ Римъ. Наконецъ Европа гласно уже сказала свое мнѣніе о современномъ намъ Римѣ съ особенностями его политическаго устройства и администраціи: это одна изъ тѣхъ несчастныхъ аномалій, которыхъ больше не вмѣщаетъ въ себя просвѣщенная мысль современнаго человѣка. Явленіе, ведущее свое начало изъ самой темной эпохи среднихъ вѣковъ, дотога отстало отъ всякаго развитія и разошлось съ новою мыслию, что они болѣе не узнаютъ другъ друга. Чѣмъ лучше становятся извѣстны подробности механизма, которымъ управляется Римская область съ принадлежащими къ ней легациями, тѣмъ менѣе дикимъ кажется тибетское внутреннее устройство. Римъ наконецъ не въ состояніи удовлетворить самымъ первымъ потребностямъ управляемаго имъ общества, то-есть обезпечить внутреннюю его безопасность и спокойствіе. Одинъ классъ, одна господствующая каста живетъ на счетъ цѣлой страны, которой народонаселеніе, несмотря на свою дѣятельность, осуждено бѣдствовать. Не говоря уже о внутренней производительности и торговлѣ, которая убиты, задавлены монополіями, довольно указать на несообразное ни съ чѣмъ распределеніе поземельной собственности въ Римской области, представляющее такое разительное извращеніе всѣхъ понятій о народномъ хозяйствѣ, выработанныхъ наукою. Ко множеству извѣстныхъ фактовъ въ этомъ родѣ авторъ «Возможной Италіи» прибавляетъ отъ себя еще одинъ, хорошо знакомый ему по собственному опыту. Въ духовномъ или церковномъ отношеніи вся Римская область дѣлится на семьдесятъ слишкомъ діоцезовъ. Нашъ авторъ родился и провелъ большую часть своей жизни въ діоцезѣ Субіакскомъ, извѣстномъ собственно подъ именемъ «Субіакскаго аббатства» (*abbazia di Subiaco*). Къ этому аббатству, кромѣ самаго города, принадлежатъ еще 60 селеній, въ которыхъ считается до 30,000 жителей. Чтò же? эти десятки тысячъ людей едва владѣютъ четвертою частію всей поверхности земли въ діоцезѣ: остальные же три части принадлежатъ разнымъ духовнымъ учрежденіямъ, считающимъ всего не болѣе 135 членовъ! Авторъ, обстоятельно знающій дѣло, перечисляетъ всѣ эти учрежденія по именамъ: коллегія двадцати канониковъ, столовое управленіе одного кардинала (*una mensa cardinalizia*), два монастыря съ двадцатью бенедиктинскими монахами, и т. д. (р. 202).

Что удивительнаго, поэтому, если при одномъ словѣ Пія IX о реформахъ въ 1847 году все народонаселеніе Римской области пришло въ сильное движеніе? Для Римлянъ дѣло шло не о роскоши современной цивилизаціи, но о томъ, что можно сравнить въ ней съ насущнымъ хлѣбомъ, иначе сказать, объ удовлетвореніи самыхъ первыхъ и необходимыхъ потребностей человѣка, живущаго въ правильномъ обществѣ. Но именно отъ того, что долговременный застой и совершенная неподвижность всего быта накопили въ народѣ слишкомъ много требованій, движеніе скоро превратилось въ бурное и опасное волненіе массъ, угрожавшее ниспроверженіемъ всѣхъ дотолѣ существовавшихъ учрежденій въ предѣлахъ Римской области. Этотъ неожиданный оборотъ, ускоренный бѣгствомъ самого виновника движенія изъ Рима, какъ извѣстно, послужилъ поводомъ къ европейскому вмѣшательству, которое кончилось взятіемъ Рима и низложеніемъ римской республики. Но давая свое согласіе на подавленіе римскаго возстанія, Европа не ограничивала тѣмъ своей политической задачи. Преслѣдуя революцію въ Римѣ, она вовсе не имѣла цѣли очистить мѣсто прежнему порядку вещей и еще болѣе утвердить его своимъ содѣйствіемъ. Знаменитое письмо къ полковнику Нею, писанное тотчасъ послѣ занятія Рима французскими войсками, показываетъ очень ясно, что стороннее вмѣшательство во внутреннія римскія дѣла не находило для себя лучшаго оправданія, какъ сознаніе необходимости правильныхъ реформъ въ области Св. Петра и желаніе возвратитъ право начатія ихъ тому, кто назадъ тому нѣскольکو времени первый открылъ имъ дорогу въ Римскія владѣнія. Послѣ того прошло уже много лѣтъ, но убѣжденіе Европы въ настоятельной потребности реформъ въ Римѣ нисколько не поколебалось. Напротивъ того, воспользовавшись большимъ парижскимъ конгрессомъ, она сочла своимъ долгомъ, передъ лицомъ всего образованнаго міра, торжественно подать свой голосъ въ пользу необходимыхъ улучшеній въ римскомъ управленіи и выразитъ свое неизмѣнное желаніе, чтобъ они какъ можно скорѣе были приведены въ исполненіе.

Итакъ необходимость реформы остается пока послѣднимъ словомъ Европы въ отношеніяхъ ея къ Риму, согласной въ томъ съ волюющими требованіями Римскаго народа. Нечего говорить, что римскія улучшенія составляютъ предметъ горячихъ желаній и всей остальной Италии. Между тѣмъ дѣло римской реформы, несмотря на всѣ увѣренія г. Реневаля, нисколько не подвигается впередъ. Отъ того ли, что оно не находитъ себѣ благонамѣренныхъ исполнителей? Частію отъ того, безъ сомнѣнія, но частію и отъ другихъ, менѣе случайныхъ причинъ. Настоящіе правители Рима не только далеки отъ всякой мысли о внутренней реформѣ, но готовы были бы изгладить навсегда самыя воспоминанія о недавнихъ добровольныхъ

попыткахъ, которыми открылось большое итальянское движеніе. Во-первыхъ, эти попытки вовсе не были такъ добровольны, какъ кажутся, а ввторыхъ, въ мысли самого зачинателя онѣ далеко не имѣли ни того объема, ни даже того смысла, который имъ хотѣли приписывать. Многія уступки дѣлались именно отъ непониманія ихъ настоящаго значенія. Начиная реформу, Пій IX серьезно думалъ, что вводимый имъ конституціонный порядокъ есть только дальнѣйшее развитіе старыхъ римскихъ учрежденій... При такомъ наивномъ возрѣтніи нельзя было ему не впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою и не запнуться на первыхъ же порахъ новой дѣятельности. Онъ ставилъ конституціонныхъ министровъ, и въ то же время держалъ около себя другое правительство, которое слѣдовало совсѣмъ инымъ началамъ. Когда, разказываетъ Маріани, какъ очевидецъ, къ папѣ явилась депутація отъ камеры, прося его положить конецъ этому странному положенію дѣлъ, въ которомъ одно правительство (тайное) служило подрывомъ для дѣйствій другаго, Пій IX отвѣчалъ слѣдующее: «Колебанія неизбежны во всѣхъ конституціонныхъ правленіяхъ, какъ это можно видѣть на Франціи и Англии, а у насъ тѣмъ болѣе, потому что мы новички въ этомъ дѣлѣ; да и нельзя не имѣть нѣкотораго снисхожденія къ людямъ, лишившимся власти. Съ своей стороны я нисколько не теряю надежды, что мало-по-малу и они привыкнутъ къ новому порядку вещей и приложатъ къ нему свои старанія.»—Все это очень хорошо, святой отецъ, возразилъ одинъ изъ членовъ депутаціи (это былъ Маріани), но мы бы желали только, чтобъ они не злоумышляли противъ насъ. «Э, отвѣчалъ папа, возвысивъ голосъ,—чего вы хотите отъ нихъ! Вѣдь не такіе же они праведники, какъ вашъ Св. Бенедиктъ (покровитель Субіако).» (Italia poss. p. 72). Какова бы ни была настоящая мысль реформатора, ясно впрочемъ, что начинанія его никогда не могли достигнуть зрѣлости даже при самомъ благоприятномъ ходѣ внѣшнихъ обстоятельствъ. Вводить новыя учрежденія и не хотѣть устранить противодѣйствующее имъ начало, значило обречь ихъ на совершенное безсиліе. Такую игру только и можно было затѣять, не понимая настоящаго смысла учрежденій. Когда же потомъ онъ разъяснился съ помощью обстоятельствъ, его нашли столько несомвѣстнымъ съ обыкновеннымъ ходомъ вещей въ Римѣ, что не хотѣли болѣе допускать реформаторскихъ стремленій даже для вида. Въ такомъ состояніи остается вопросъ и до сего времени.

Съ перваго взгляда можно подумать, что это второе мѣстное противорѣчіе требованіямъ вѣка и интересамъ страны, одинаковаго свойства съ тѣмъ, которое мы уже видѣли въ Неаполѣ. И Италія, нетерпѣливо сносящая римскій застой, долго была того мнѣнія, что онъ зависитъ единственно отъ личнаго упорства, и что будь на римскомъ престолѣ побольше доброй воли и твердой рѣшимости, дѣло реформы

пошло бы впередъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Но въ последнее время мнѣнія, существовавшія въ Италіи о римскомъ вопросѣ, замѣтно поколебались. Люди весьма свободныхъ убѣжденій не находятъ болѣе, чтобы противорѣчіе было только случайное. Всмотрѣваясь ближе въ характеръ учрежденія, то-есть папскаго авторитета, они замѣчаютъ, что оно по самой натурѣ своей несовмѣстно съ нововведеніями извѣстнаго рода. Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ авторъ «Delle eventualità italiane»:

«То правда, что Пій IX согласился дать своему народу конституцію; но люди проникательные тогда уже выражали свои сомнѣнія относительно возможности примиренія римской теократіи съ представительнымъ порядкомъ вещей, и не предвѣщали долгой жизни новому римскому уложенію. Принимая конституціонныя начала, необходимо допустить и естественныя ихъ слѣдствія, какъ-то свободную трибуну, книгопечатаніе, національную политику и т. п.; но церковь католическая, по свойственному ей характеру, должна стараться удержать за собою право строгаго осужденія извѣстныхъ теоретическихъ положеній, несообразныхъ съ сущностію католицизма, и потому она не можетъ допустить, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ располагаетъ властію, чтобы распространеніе человѣческой мысли, посредствомъ книгопечатанія или публичныхъ собраній, было свободно отъ всякаго принужденія и не подлежало ея контролю... Сверхъ того, католицизмъ долженъ стараться сохранить за собою возможность отвергать реформы смѣшаннаго характера, или какъ прямо несовмѣстныя съ его правами и несогласныя съ принятою имъ доктриною, или просто какъ неблаговременныя, хотя бы съ обыкновенной правительственной точки зрѣнія и нельзя было не признать ихъ совершенной благовременности и даже необходимости для гражданскихъ и нравственныхъ успѣховъ народа. Въ вопросахъ подобнаго рода существенная часть задачи состояла бы въ томъ, чтобы найти средство сопоставить двѣ власти безъ ущерба преимуществъ и независимости каждой изъ нихъ: но именно потому-то онѣ и не могли бы существовать вмѣстѣ въ одномъ и томъ же государствѣ. Съ другой стороны нельзя требовать отъ верховнаго учрежденія, носящаго на себѣ церковный характеръ, чтобы оно всегда шло въ уровень съ благородными порывами національнаго чувства, и слѣдя имъ, замыкалось въ войну съ какою-нибудь христіанскою, особенно же католическою державой, не роняя тѣмъ своего авторитета передъ цѣлыми народами и не унижая въ ихъ глазахъ величайшей прерогативы своего главы, который считается общимъ отцомъ всѣхъ вѣрующихъ (католиковъ). Въ томъ не можетъ быть спора, что правительству папы болѣе чѣмъ всякому другому прилично быть кроткимъ и умѣреннымъ, но не вслѣдствіе условленныхъ правъ, а въ силу добровольнаго акта его воли. Требовать отъ него можно

только одного, то—есть, чтобъ оно неусыпно смотрѣло за сохраненіемъ общественнаго порядка, то дѣйствуя для того евангельскою кротостію, то вооружаясь всею строгостію существующихъ законовъ.» (Стр. 26—27.)

Надобно отдать справедливость безпристрастію безыменнаго публициста: не останавливаясь на поверхности и не увлекаясь страстію, онъ умѣлъ заглянуть въ самую природу явленія и указать тѣ предѣлы, далѣе которыхъ не можетъ идти его развитіе. Конечно, добытый имъ результатъ не заключаетъ въ себѣ ничего отраднаго для Италіи: остановившись на немъ, она должна бы отказаться отъ всякихъ надеждъ видѣть когда-нибудь конецъ столь вопіющимъ римскимъ злоупотребленіямъ, какъ неисправимымъ по самой природѣ учрежденія. Но лучше ей узнать наконецъ истину, чѣмъ вѣкъ обманывать себя призраками. Надобно замѣтить притомъ, что другой публицистъ, имѣвшій случай еще ближе всмотрѣться въ подробности римскаго правительственнаго механизма и довольно обстоятельно разказывающій исторію его образованія, въ сущности держится однихъ мыслей съ первымъ, хотя и не высказываетъ своего мнѣнія съ тою же опредѣленностію. Этимъ согласіемъ еще больше подтверждается вѣрность положенія о несомѣстимости папскаго авторитета съ политическими нововведеніями.

Но какая же есть возможность для Италіи выйти изъ этого противорѣчія, которое не случайно; и потому нисколько не зависитъ отъ переменъ вѣдшихъ обстоятельствъ? Враждебно столкнувшись съ нимъ въ 1848 году, республиканская партія думала отбѣлаться отъ него голословнымъ его отрицаніемъ. Но тѣмъ она можетъ—быть еще болѣе повредила себѣ, нисколько не рѣшивъ спорнаго пункта. Вообще безусловное отрицаніе есть плохой способъ рѣшенія великихъ историческихъ задачъ. Это очень понимаютъ новые итальянскіе публицисты, и поставляя на видъ всѣ трудности римской задачи, ищутъ изъ нихъ другаго исхода. Любопытно послушать ихъ мнѣнія, или, если угодно, мечты о томъ, какъ всего удобнѣе и выгоднѣе для Италіи можетъ быть разрѣшена столько запутанная римская проблема.

Начнемъ съ автора «Возможной Италіи». Совершенно отмѣнить институтъ, потому что онъ стоитъ на дорогѣ къ реформамъ, не входитъ въ его планы ни съ какой стороны. Напротивъ, Маріани твердо стоитъ за его сохраненіе. Къ тому побуждаетъ его не только несчастный опытъ послѣдней римской республики, но и его личное воззрѣніе на національное значеніе института. По своимъ понятіямъ онъ отчасти принадлежитъ къ школѣ Джоберти и не иначе можетъ представить себѣ возрожденіе Италіи, какъ въ тѣсной связи съ величіемъ католицизма, а безъ папскаго авторитета католицизмъ былъ бы лишень своей вершины и своего главнаго органа. Съ другой сто-

роны впрочемъ, какъ горячій патриотъ, онъ не можетъ согласить своихъ надеждъ на будущее Італіа съ сохраненіемъ прежняго порядка вещей въ Римѣ. Чтобы выйти изъ этого противорѣчія, онъ не находитъ другаго средства, какъ, оставивъ духовный авторитетъ папы въ настоящемъ его видѣ, принскать для него другую резиденцію. По его мнѣнію, власть папы, какъ духовнаго главы всего католическаго міра, можетъ только выиграть отъ такой перемѣны, потому что не будетъ болѣе связана никакими свѣтскими политическими отношеніями. Такъ какъ весь предполагаемый переворотъ происходитъ пока только въ мысли, или въ чистой теоріи, то мы думаемъ, что не нарушимъ никакихъ приличій, если сообщимъ нѣкоторыя подробности его русскимъ читателямъ.

Предлагая новую резиденцію для главы католической церкви, Маріани прежде всего старается оградить себя отъ упрека въ желаніи неслыханной новизны, которая будто бы не имѣетъ за себя никакихъ основаній въ исторіи папства. Для того онъ ссылается на авторитетъ Петрарки, который въ свое время предлагалъ Урбану V перенести свое мѣстопребываніе въ Константинополь; для того же приводитъ онъ въ примѣръ Бенедикта XI, который думалъ перемѣститься сначала въ Ломбардію, а потомъ въ Ассизи; наконецъ онъ указываетъ на Авиньонъ, бывший столько времени резиденціею римскихъ епископовъ. Надобно признаться, что выбранные примѣры, подтверждая фактъ, не говорятъ впрочемъ много въ его пользу. Посмотримъ теперь, куда, по мнѣнію нашего публициста, лучше всего было бы перемѣстить папу въ наше время. Три пункта предлагаетъ онъ на выборъ, руководясь столько же интересами католицизма, сколько и желаніемъ ему независимости: Краковъ, Мальту и Іерусалимъ. Пребываніе папы въ Краковѣ, думаетъ онъ, послужило бы противодѣйствіемъ нѣмецкому рационализму; живя на островѣ Мальтѣ и состоя подъ покровительствомъ англійскихъ законовъ, глава католицизма гораздо удобнѣе и дѣятельнѣе могъ бы поддерживать свои сношенія съ Востокомъ; но всего лучше было бы ему помѣститься въ Іерусалимѣ, по высокой идеѣ, которая соединяется съ именемъ этого города, и по тѣмъ великимъ религіознымъ интересамъ, которые сходятся въ стѣнахъ его.

Мечты, мечты, скажетъ нетерпѣливо читатель, и мы готовы повторить вслѣдъ за нимъ то же самое. Всѣ эти три предложенія дотого непрактичны, что едва ли стоить труда возражать противъ нихъ. О Краковѣ, какъ папской резиденціи, никто не захочетъ терять словъ понапрасну. Почти не менѣе странна мысль помѣстить главу католической церкви подъ покровительствомъ протестантской державы. Объ Іерусалимѣ тоже не можетъ быть рѣчи, пока онъ находится подъ властью мусульманъ. Къ чести автора надобно впрочемъ замѣтить, что онъ и самъ плохо вѣритъ въ исполнимость своего тройнаго пре-

екта, но съ другой точки зрѣнія. «Сказать правду, говорить онъ въ заключеніе, исполненіе этого проекта представило бы много трудностей. Ни папы, ни кардиналы, ни прелаты никогда не согласятся покинуть Римъ, зная, что имъ не найти другой земли, которая бы лучше приходилась къ ихъ роскошнымъ привычкамъ и избалованнымъ вкусамъ. Да и сами Римляне едвали бы съ удовольствіемъ видѣли нарушение освященнаго вѣками обычая, съ которымъ соединено столько славныхъ воспоминаній, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ развитію искусства. Если справедливо, что въ политическомъ отношеніи Италія много выиграла бы съ удаленіемъ папы изъ Рима, то съ другой стороны не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что эта перемѣна не обошлась бы и безъ нѣкоторыхъ невыгодныхъ послѣдствій, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока для Рима не выросли бы новые матеріальные интересы въ замѣну-утраченныхъ.» Подконецъ разсужденія, мысль автора принимаетъ даже вовсе неожиданный оборотъ. «Во избѣжаніе всѣхъ этихъ трудностей, продолжаетъ онъ далѣе, я полагаю, что было бы гораздо желательнѣе, чтобъ Италія и впредь сохранила свое право быть мѣстомъ постояннаго пребыванія папы, лишь бы только папство не вредило странѣ своею антинаціональною политикою, которая есть прямое слѣдствіе незаконно присвоенной имъ свѣтской власти. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, никто бы не сталъ отрицать права у преемниковъ Св. Петра жить въ Ватиканѣ, по другую сторону Тибра (città Leonina), среди свободной и независимой націи.» (Italia poss. p. 55—56.)

Трудности перенесенія папской резиденціи изъ Рима во всякое другое мѣсто еще сильнѣе укоренены въ мысли другаго публициста. При всемъ своемъ убѣжденіи въ несовмѣстности папскаго управленія съ прогрессомъ Италіи, онъ принужденъ однако уступить силѣ историческаго учрежденія и сознаться, что, если не хотѣтъ уничтожить его вовсе, то нечего и думать о перенесеніи его съ одного мѣста на другое. Чтобы сохранить жизнь, оно должно остаться тамъ, гдѣ выросло и глубоко пустило свои корни въ землѣ. Иначе авторъ не можетъ понять его существованія. Послушаемъ впрочемъ его самого. «Для того, чтобы найти правильное рѣшеніе нашей трудной задачи, говоритъ онъ, намъ прежде всего слѣдуетъ выговорить Римъ, даже и не помышляя ставить извѣстный вопросъ, можетъ ли папа гдѣ въ другомъ мѣстѣ найти новую, достойную себя резиденцію, потому что это значило бы возвращаться къ химерическому наполеоновскому проекту перемѣщенія папы въ Парижъ. Гдѣ же можетъ находиться папа, если не тамъ, гдѣ собраны самыя великія воспоминанія католицизма и самыя важныя его учрежденія, — тамъ, гдѣ между множествомъ другихъ сооруженныхъ имъ монументовъ, возвышается величественная базилика Св. Петра, постоянно привлекающая къ себѣ толпы благочестивыхъ пилигримовъ, — тамъ на-

конецъ, гдѣ рядъ первосвященниковъ не прекращался въ продолженіе длинной цѣпи вѣковъ (стр. 30)?»

Нельзя рѣшительнѣе высказать убѣжденія въ томъ, что для духовнаго главы католическаго міра нѣтъ и не можетъ быть другой резиденціи кромѣ Рима: замѣчательный примѣръ того глубокаго дѣйствія, которое оказываютъ историческія учрежденія даже на умы, нисколько имъ не симпатизирующіе! И мы не взяли бы противорѣчить безыменному автору въ этомъ его убѣжденіи. Безпристрастная мысль не можетъ не сознаться, что если нельзя совмѣстить существующихъ римскихъ учреждений съ необходимыми улучшениями, то еще менѣе можно думать о томъ, чтобы пересадить ихъ на другое мѣсто. Исторически образовавшіяся учрежденія такъ же крѣпко сидятъ на своемъ мѣстѣ, какъ первозданныя скалы: ихъ можно, хотя съ большими усиліями, взорвать и разрушить, но нельзя думать перенести по желанію съ одного мѣста на другое. Или они процвѣтаютъ, или гибнутъ тамъ же, гдѣ и родились, потрясая весь окрестный воздухъ своимъ паденіемъ. Сколько разъ постигало разореніе священныя Дельфы древнихъ Грековъ, но никто же не думалъ переносить ветхое святилище на новое мѣсто. Константинъ могъ построить для себя новый Римъ, но Капитолій остался на прежнемъ мѣстѣ ожидать своего послѣдняго запускенія.

Вотъ почему, между прочимъ, мы охотнѣе слѣдимъ за безыменнымъ публицистомъ: онъ кажется намъ логичнѣе своего товарища. Но какъ же разрѣшить онъ намъ противорѣчіе, которое отъ его умозаключеній получаетъ еще новую силу? Какое средство найдетъ онъ, чтобы, оставляя папство на прежнемъ его мѣстѣ, не измѣнить однако и идеѣ итальянскаго прогресса, положенной имъ же самимъ во главу угла?

Для этой цѣли онъ предлагаетъ слѣдующую оригинальную комбинацію. Если, какъ онъ выражается, дѣло идетъ о «пожертвованіи», то пусть по крайней мѣрѣ эта неизбежная жертва ограничится возможно-малымъ объемомъ. Въ настоящемъ своемъ составѣ, папскія владѣнія вмѣщаютъ въ себѣ довольно обширное пространство, на которомъ считается болѣе 3,000,000 жителей. Еслибы эти обширныя владѣнія доставляли по крайней мѣрѣ ту пользу учрежденію, что, опираясь на нихъ, оно въ состояніи было бы удовлетворить потребностямъ своего собственнаго независимаго существованія! Но опыты послѣднихъ лѣтъ окончательно убили всякую вѣру въ самостоятельность римскаго правительства. Какъ государство, оно можетъ держаться только съ помощью иностранныхъ штыковъ. Въ этомъ отношеніи Неаполь стоитъ на недосыгаемой высотѣ передъ Римомъ. Итакъ, если ужъ Риму суждено оставаться папскою резиденціей, то пусть эта жертва, приносимая старой Італіи насчетъ ея будущаго, заключится въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ. Этого огра-

ниченія требуютъ, сверхъ того, и самыя выгоды римскаго правительства: ибо ему легче будетъ содержать внутренній порядокъ въ небольшомъ округѣ съ какими-нибудь 300,000 жителей, чѣмъ въ обширныхъ владѣніяхъ съ тремя милліонами народонаселенія.

«Если уже необходимо, говорить нашъ анонимъ, — чтобы одна часть Итальянскаго народа пожертвовала нѣкоторыми политическими льготами для сохраненія за Италіей права вмѣщать въ себѣ центръ католическаго единства, то справедливость требуетъ, чтобы эта часть была самая малая. А въ такомъ случаѣ, что можетъ быть проще и приличнѣе, какъ высвободить изъ-подъ папской власти провинціи, которыя не приносятъ никакой пользы для ея независимости, и оставить папу тамъ, гдѣ онъ есть и гдѣ всегда находился прежде, то-есть въ этомъ величавомъ Римѣ, на который католическій міръ давно привыкъ смотрѣть какъ на свою метрополию? Заключая въ своихъ стѣнахъ папу, коллегію кардиналовъ и величайшія учрежденія католицизма, священный городъ сохранить свое древнее великолѣпіе, а чтобы поднять еще болѣе внѣшній блескъ верховнаго католическаго престола, достаточно было бы малыхъ приношеній со стороны другихъ епископскихъ кафедръ внутри католическаго міра» и т. д. (стр. 34). Значительно урѣзывая свѣтскія владѣнія римскаго престола, авторъ впрочемъ не хотѣлъ бы ограничить ихъ предѣлами одного города. Его мысль состоитъ въ томъ, что какъ необходимое условіе существованія папскаго авторитета есть его независимость, то удѣлъ его во всякомъ случаѣ долженъ сохранить видъ, хотя небольшого, но самостоятельнаго государства, и потому нашъ публицистъ считаетъ за нужное приписать къ нему извѣстное количество земли, *terrain*, и даже предоставить въ его распоряженіе нѣкоторые порты. Выкроенное такимъ образомъ новое церковное владѣніе слагалось бы, кромѣ Рима, изъ всей его окрестной области съ лежащими на ней небольшими городами, и изъ двухъ портовъ при Средиземномъ морѣ, именно Чивитта-Веккіа и Порто д'Анціо, необходимыхъ для свободы внѣшнихъ его сообщеній. Этою сдѣлкой, по мнѣнію автора, достигнуто было бы вдругъ нѣсколько цѣлей: жертва Италіи ограничилась бы гораздо меньшею долею, и папскій авторитетъ сохранилъ бы свою политическую самостоятельность, а между тѣмъ избавился бы отъ многихъ обременительныхъ заботъ и расходовъ по управленію довольно обширными владѣніями, которыя, нисколько не прибавляя къ его величію, только обличаютъ передъ глазами Европы его внутреннюю немощь и вызываютъ необходимость сторонняго вмѣшательства.

Не будемъ спать упрекомъ нашему анониму въ бесплодной мечтательности: проектъ, представленный сардинскимъ правительствомъ парижскому конгрессу и получившій его одобреніе, въ сущности преслѣдуетъ ту же самую цѣль, съ тою разницею, что, совершенно

отдѣляя делегацию отъ Рима въ административномъ отношеніи, оставляетъ неприкосновенною политическую связь между ними. Становясь по возможности на точку зрѣнія автора, мы съ своей стороны затрудняемся другаго рода сомнѣніемъ. Если ужъ такая жертва необходима, спрашиваемъ мы въ свою очередь, то за что же она непременно должна пасть на Римъ! Вѣдь никто болѣе въ Европѣ не считаетъ папскаго управленія (то-есть управленія черезъ прелатовъ) благомъ для подданныхъ: отчего же, когда другіе освобождаются отъ этой чаши, она вся цѣликомъ подносится одному Риму съ окружающею его областію, не менѣе его самого пропитанною историческими воспоминаніями? Положимъ, что такое назначеніе лежитъ въ самой судьбѣ его; фактъ пусть и остается фактомъ, но не обидно ли такое признаніе со стороны теоріи, которая ищетъ разрѣшенія существующихъ противорѣчій, и сама же отличаетъ права Рима на особенное вниманіе и уваженіе предпочтительно передъ всѣми другими городами? «Римъ былъ уже, мы приводимъ слова того же автора, столицею римскаго міра; когда потомъ отпало отъ него это высокое преимущество, онъ сдѣлался метрополіею для всѣхъ католическихъ народовъ: итакъ Римъ имѣетъ въ себѣ нѣчто универсальное, всемірное, что останется при немъ навсегда» (стр. 35). Совершенно справедливо: но какъ съ этою высокою привилегіею соединить несчастную роль очистительной жертвы за всю Италію?

Другой вопросъ состоялъ бы въ томъ: какую же долю назначаете вы тѣмъ провинціямъ, которыя по вашей теоріи должны отдѣлиться отъ римскихъ владѣній? Но здѣсь авторъ предупреждаетъ насъ, и мы имѣемъ отъ него готовый отвѣтъ: владѣнія, отдѣленные отъ Папской Области, должны присоединиться къ Тосканѣ.

Сущность мыслей или, если угодно, политическихъ предположеній безыменнаго публициста о Тосканѣ заключается въ слѣдующемъ мѣстѣ, которое мы потому и приводимъ въ цѣломъ его составѣ. «Тосканцы — народъ отъ природы умѣреннаго темперамента, подготовленный къ принятію новыхъ учрежденій уже прежнимъ своимъ развитіемъ, и вся политическая задача тѣхъ, которые правятъ имъ, сводится собственно лишь къ тому, чтобы посредствомъ нѣсколько болѣе энергическихъ правительственныхъ мѣръ сдерживать безпокойныя движенія Ливорнецвъ, вмѣстѣ съ немногими и болѣе податливыми поборниками демократіи съ одной стороны и деспотизма съ другой, которые разсыяны въ другихъ городахъ государства. Но эта легкая задача становится трудною, когда тѣ, которые держатъ въ рукахъ кормило его, забывши уроки недавняго прошедшаго и завязавши себѣ глаза на неминуемыя перемѣны въ будущемъ, систематически отталкиваютъ отъ себя все, что принадлежитъ къ конституціонной итальянской партіи, и такимъ образомъ сами лишаютъ себя единственной надежной опоры, которая равно могла бы имъ

служить, въ случаѣ политическаго кризиса въ странѣ, противъ крайностей демагоговъ, какъ и противъ жалкихъ усилій ретроградной партіи. Отсюда возникаетъ новое предположеніе, съ каждымъ днемъ распространяющееся все далѣе и далѣе въ предѣлахъ страны, то есть, что Тосканѣ суждено кончить свое существованіе въ видѣ отдѣльнаго государства и войти въ составъ новаго болѣе обширнаго политическаго организма, или занять главное мѣсто въ другомъ болѣе центральномъ учрежденіи государственнаго характера. Въ этой комбинаціи монархическо-конституціонная партія въ Тосканѣ, какъ и въ Церковномъ государствѣ, не находитъ себѣ удовлетворенія, и съ нетерпѣніемъ ждетъ того дня, когда можетъ осуществиться мечта ея, слѣдя пристальнымъ взглядомъ за ходомъ свободнаго Пьемонта и общей европейской политики.» (Стр. 57.)

Тоскана очевидно не представляетъ наблюдателю ни того крайне-натянутого положенія дѣлъ, какимъ поражаетъ Неаполь, ни того глубокаго внутренняго противорѣчія, какое замѣчается въ самой природѣ существующихъ римскихъ учреждений, противорѣчія требованіямъ вѣка, и потому, говоря о Тосканѣ, публицистъ охотнѣе и легче увлекается воображеніемъ. Какъ ни мало напряженности въ нынѣшнемъ ея состояніи, однако въ немъ нѣтъ также и большой прочности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Австрійцы, погостившіе нѣсколько лѣтъ въ странѣ, своимъ присутствіемъ въ ней провели новое глубокое раздѣленіе между династіей и націей. Въ Италіи достаточно одного появленія Австрійцевъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, хотя бы даже и съ опущенными внизъ штывами, чтобы посѣять новыя сѣмена вражды въ самомъ мирномъ народонаселеніи: такъ велика антипатія, раздѣляющая двѣ націи. Но Тоскану спасаютъ въ глазахъ политиковъ ея высоко-національныя литературныя, артистическія и другія преданія и счастливое мѣстное положеніе. Одно имя Флоренці возбуждаетъ въ душѣ итальянскаго патріота множество самыхъ дорогихъ ему воспоминаній. Вотъ почему, несмотря на малую ея роль въ послѣднихъ переворотахъ, онъ старается поднять ея значеніе въ будущемъ и изъ чужихъ обрѣзковъ пробуетъ выкроить ей новую болѣе богатую порфиру, которая была бы для нея не просто украшеніемъ, но и символомъ ея болѣе высокаго національнаго значенія. Довольно сказать, что легации, отдѣляемая отъ римскихъ владѣній, предполагается ввести въ составъ новаго срединнаго итальянскаго государства, въ которомъ Флоренція должна быть политическимъ центромъ.

Черезъ Модену и Парму пойдѣмъ далѣе на сѣверъ страны. Какъ ничтожна ихъ роль въ настоящемъ, такъ не предвидится для нихъ лучшей и въ будущемъ. Реставрируя эти остатки феодальной Италіи, Вѣнскій конгрессъ однако не могъ придать имъ никакой жизненной сил. Ихъ будущее назначеніе—сліяніе съ другими, болѣе самостоятельными политическими организмами. Такимъ образомъ прибли-

жаемся мы въ нашемъ обзорѣ къ сѣверной Италіи. Какъ извѣстно, даже и она, взятая сама по себѣ, не составляетъ еще одного цѣлаго: напротивъ, нигдѣ не чувствуется такъ сильно, какъ здѣсь, тотъ антагонизмъ двухъ враждебныхъ политическихъ стремленій, который проходитъ по всему полуострову. Пиемонтъ и австрійскую Ломбардію можно сравнить съ двумя застрѣльщиками, поставленными другъ противъ друга въ траншеяхъ, которыя не спускаютъ глазъ одинъ съ другаго, чтобы, воспользовавшись первою оплошностію своего противника, направить въ него мѣткій выстрѣлъ. О Ломбардіи говорить нечего: здѣсь противорѣчіе чисто внѣшнее. Снимите этотъ тяжелый камень, который постоянно давитъ ея грудь, и она вздохнетъ свободно. Обратимся къ Пиемонту.

Если на долю Пиемонта выпала благороднѣйшая роль, быть въ главѣ національнаго движенія въ Италіи, то ему же досталась и самая трудная задача, среди тревогъ и волненій разнаго рода управить свой собственный корабль и мало-по-малу провести за нимъ всю страну въ добрую приставъ. Этого рода цѣли не достигаютъ съ одного раза: онѣ требуютъ многихъ опытовъ и тяжелыхъ пожертвованій; прежде чѣмъ идти на всѣхъ парусахъ противъ сильнаго непріятеля, долго еще надобно искусно лавировать между утесами. Задачи подобнаго рода не рѣшаются безъ того, чтобы не оставить позади себя нѣсколько положеній истинно трагическаго свойства. Таково было положеніе Пиемонта послѣ отступленія отъ Минчіо, еще больше послѣ новарскаго разгрома; такова была въ особенности роль Карла Альберта, положившаго всю душу на свое доблестное, но несчастное предпріятіе и вышедшаго изъ него съ отчаяніемъ въ головѣ и сердцѣ. Въ исторіи послѣдняго 35-лѣтія едва ли найдется другая роль, столько же исполненная трагическаго характера. Какъ ни тяжело было испытаніе, Пиемонтъ остался вѣренъ своему благородному назначенію, и хотя сдѣлался осторожнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, однако не измѣнилъ ни цѣли, ни главнаго направленія своей политики. Пиемонтъ наконецъ живетъ тѣмъ сознаниемъ, что возстановленіе національной независимости Италіи есть не только задача, но и условіе его политическаго существованія.

Въ неминувшей борьбѣ, которая предстоитъ Пиемонту впереди, его впрочемъ ожидаютъ не однѣ только внѣшнія трудности. Уже событія 1848 года показали, что задача Пиемонта, ищущаго сліянія съ Ломбардіею, не ограничивается успѣшною борьбою съ превосходящимъ въ силахъ внѣшнимъ врагомъ: противорѣчіе скрывается сверхъ того въ самомъ вопросѣ о сліяніи двухъ областей, изъ которыхъ каждая желала бы удержать свою самостоятельность. Конечно, самые повелительные интересы требуютъ отъ Ломбардіи пристать къ Пиемонту, не обязывая его никакими предварительными условіями. Въ дѣлѣ освобожденія не Пиемонтъ долженъ опереться на Ломбар-

дію, а она на него. Въ случаѣ успѣха, ему принадлежала бы роль освободителя, ей признательной узницы, высвобожденной изъ тяжелаго плѣна благодаря его содѣйствію. Положимъ даже, что вопросъ о внутреннемъ устройствѣ двухъ столько различныхъ областей, послѣ предполагаемаго ихъ сліянія, рѣшился бы по обоюдному согласію и къ полному удовольствію той и другой стороны: все же между ними оставался бы трудный спорный пунктъ относительно выбора резиденціи для постановленнаго вновь правительства, которое должно строго наблюдать за всѣми соединенными интересами, не отдавая однимъ пристрастнаго предпочтенія передъ другими. Ибо, если нельзя думать отнять право быть резиденціею у того города, которому оно принадлежит *de facto* и за которымъ должно еще болѣе утвердиться заслугами общему дѣлу, то съ другой стороны какъ отказать въ томъ самомъ правѣ другому городу, стоящему гораздо выше по своимъ истинно великимъ историческимъ воспоминаніямъ и уже по самому положенію своему занимающему болѣе центральное мѣсто, то-есть болѣе удобное для внутреннего управленія и внѣшней политики? Какое, однимъ словомъ, возможное теоретическое рѣшеніе спора между Туриномъ и Миланомъ, спора, который не перестаетъ сильно занимать умы итальянскихъ патриотовъ со времени послѣдняго большаго движенія на полуостровѣ?

Относительно первой части вопроса не лишено справедливости одно замѣчаніе автора «Возможной Италіи». Онъ думаетъ, что положеніе дѣлъ въ Ломбардіи, въ 1848 году, требовало самыхъ энергическихъ дѣйствій со стороны того, кто взялся вести впередъ національное движеніе, и находить, что сардинскій король поступилъ некстати деликатно съ отдавшеюся ему областію, не захвативъ въ ней всей власти тотчасъ по присоединеніи страны къ Пиемонту. «Карлъ Альбертъ, говоритъ онъ, сдѣлалъ большую ошибку, что не воспользовался сліяніемъ, чтобы тотчасъ же присвоить себѣ всю правительственную власть. Если бы хотѣлъ, онъ могъ бы найти примѣръ тому въ исторіи своей собственной фамиліи, когда, въ половинѣ прошлаго столѣтія, пиемонтскія войска заняли Миланъ и Ломбардію. Если республика не могла бы быть иначе основана какъ посредствомъ диктатуры, то тѣмъ болѣе необходимо было спѣшить соединеніемъ всей правительственной власти въ однихъ рукахъ при распространеніи государства подъ монархическимъ знаменемъ.» (Стр. 69.)

О правахъ Турина на то, чтобъ остаться резиденціею правительства даже въ случаѣ присоединенія Ломбардіи, тотъ же авторъ выражается можетъ-быть слишкомъ уже рѣзко. Онъ не хочетъ о нихъ и слышать, и между другими своими *ria desideria*, которыми обращаетъ къ сардинскому королю, требуетъ также оставленія Турина какъ резиденціи, такъ какъ это самое обстоятельство, то-есть,

что онъ былъ правительственнымъ центромъ, по словамъ Маріани, послужило «источникомъ многихъ несчастій въ послѣдней войнѣ» за независимость (стр. 162). Не допуская послѣднаго обвиненія, какъ нѣсколько недоказаннаго, поищемъ для того же спорнаго пункта болѣе умѣреннаго и разсудительнаго рѣшенія у другаго публициста. Онъ не только не опустилъ вопросъ изъ виду, но даже останавливается на немъ съ особеннымъ вниманіемъ. Къ правамъ Милана на первенство онъ присоединяетъ еще возможные притязанія Венеціи. Впрочемъ Туринъ не могъ бы много польститься и его предположеніями: ибо, не отнимая всей чести у обычной резиденціи сардинскихъ королей, они однако склоняются больше въ пользу столицы Ломбардіи. Не хотѣтъ признать рѣшительныхъ преимуществъ Милана въ этомъ отношеніи значить, по мнѣнію автора, не имѣть довольно доброжелательства къ успѣху общаго итальянскаго дѣла. «Тѣ, говоритъ онъ, — которые не довольно горячо любятъ Италію, или имѣютъ мало вѣры въ ея возрожденіе и во всемъ видятъ тому препятствія, утверждаютъ, что (въ случаѣ присоединенія Ломбардіи и Венеціанской области къ Пиемонту) между Туриномъ, Миланомъ и Венеціею никакъ не обошлось бы безъ жестокой распри относительно того, которому изъ этихъ трехъ городовъ слѣдуетъ быть столицею и королевскою резиденціею: какъ будто въ глазахъ истинныхъ патріотовъ не довольно уже одного географическаго положенія *Милана*, чтобы сдѣлать совершенно излишнимъ этотъ вопросъ, который имѣетъ важность только для небольшого числа людей, зараженныхъ духомъ муниципальной исключительности. Впрочемъ, благодаря удобству новыхъ путей сообщенія, королямъ Верхней Италіи (то-есть Пиемонта въ соединеніи съ Ломбардіею и Венеціею) ничего не стоило бы и мѣнять свое мѣстопробываніе, переѣзжая время отъ времени изъ одного большаго города въ другой, чтобы лучше поравнять ихъ между собою въ значительности... Венеція, сдѣлавшись *главнымъ центромъ морскихъ учрежденій* въ новомъ государствѣ, была бы для него однимъ изъ важѣйшихъ опорныхъ пунктовъ при оборонѣ, а Туринъ, снабженный болѣе солидными укрѣпленіями и объявленный *военною столицею* королевства, могъ бы укрыть въ своихъ стѣнахъ правительство и національный парламентъ, въ случаѣ еслибы Милану угрожало неприятельское нашествіе.» (Стр. 71—73.)

Итакъ въ этомъ муниципальномъ спорѣ даже самые умѣренные голоса между итальянскими патріотами отдають рѣшительное предпочтеніе Милану. Турину же, при самомъ большомъ снисхожденіи къ его правамъ, сулятъ только несовсѣмъ завидную честь быть «военною» столицею государства. Стало быть отъ Турина требуются двойныя жертвы: онъ долженъ принести ихъ вопервыхъ для эманципаціи Ломбардіи, и потомъ въ ея же пользу отказаться отъ

важнѣйшей изъ своихъ привилегій по освобожденіи сѣверной Италіи. Невольно приходитъ въ голову вопросъ: гдѣ же тогда будетъ справедливость въ распредѣленіи повинностей и выгодъ, если вся тяжесть первыхъ падеть на одну сторону, а плоды ихъ достанутся почти въ исключительное обладаніе другой? Какъ лишить Туринъ того, что онъ уже имѣетъ и что составляетъ главный источникъ его довольства, въ пользу другаго города, который, очевидно, можетъ процвѣтать и не будучи королевскою резиденціею? На эти вопросы не даетъ никакого отвѣта теорія, безъ сомнѣнія потому, что ждетъ окончательнаго ихъ рѣшенія отъ хода самыхъ событій.

Но здѣсь еще не оканчивается теорія политическихъ вѣроятностей, вызванная настоящимъ состояніемъ италіянскаго вопроса. Она не отказывается также слѣдить за общими идеями, которыя управляютъ національнымъ движеніемъ въ Италіи, безъ различія мѣстныхъ интересовъ и цѣлей, и по возможности старается опредѣлить, на сколько каждая изъ нихъ соотвѣтствуетъ истиннымъ потребностямъ страны, или другими словами, въ какой степени онѣ приложимы къ италіянскою дѣйствительности, и какая изъ нихъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи предпочтенія передъ другими.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

О ПУБЛИЧНОСТИ И УСТНОСТИ УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО РУССКОМУ ПОЛОЖИТЕЛЬНОМУ ПРАВУ.

Во второй книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за іюль мѣсяцъ сего года, помѣщена статья С. И. Баршева: *объ устности и гласности уголовнаго судопроизводства*, обработанная по извѣстному сочиненію Мптермайера: *Die Mündlichkeit, das Anklageprincip, die Oeffentlichkeit und das Geschwornengericht. Stuttgart, 1845.*

Отсылая желающихъ ближе познакомиться съ этимъ предметомъ къ означенному сочиненію, мы, съ своей стороны, въ дополненіе къ сказанному въ статьѣ профессора Баршева о превосходствѣ гласнаго суда предъ письменнымъ и тайнымъ, и объ успѣхахъ, которые устность и гласность, въ борьбѣ съ слѣдственнымъ процессомъ, сдѣлали въ западной Европѣ, считаемъ только нужнымъ присовокупить, что начало публичнаго отправленія уголовнаго правосудія не совсѣмъ чуждо и нашему *положительному* законодательству.

Вопервыхъ у насъ существуетъ постановленіе, общее для всѣхъ вѣдомствъ (Св. Зак. Уголовн. Т. XV, ст. 1570, Св. Военн. Постан. ч. V примѣч. къ ст. 129 и Св. Морск. Угол. Пост. примѣч. къ ст. 124), что если должностныя лица, преданныя суду за преступленія по должности, съ публичнымъ оглашеніемъ ихъ именъ и той вины, за которую они подвергнуты ответственности, будутъ въ послѣдствіи приговорами судебныхъ мѣстъ совершенно оправданы, то о невинности ихъ публиковать также повсемѣстно.

2) Равномѣрно публикуется указами и отдается въ высочайшихъ приказахъ, когда чиновники гражданскаго вѣдомства присуждены къ исключенію изъ службы или къ отрѣшенію отъ должности съ воспрещеніемъ впредь отправлять подобныя, или вообще къ наказаніямъ, влекущимъ за собою потерю права вступать въ государственную и общественную службу (Св. Зак. Уголовн. Т. XV, ст. 1377, по VI прод.).

3) Судебныя приговоры объ избличенныхъ въ клеветѣ могутъ быть опубликованы въ столичныхъ и въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, по желанію и на счетъ обиженнаго ею (Улож. о Наказ. ст. 2017).

4) Объ осужденныхъ за недозволенное и неправильное врачеваніе во всякомъ случаѣ публикуется въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и мѣстныхъ губернскихъ (Улож. о Наказ. ст. 1078).

5) По военно—сухопутному и морскому вѣдомствамъ принято за правило, чтобы опредѣляемое по суду состоящимъ въ службѣ по снѣгъ вѣдомствамъ наказаніе было объявляемо во всеобщее извѣстіе, какъ и каждая награда (Св. Военн. Пост. ч. V, ст. 231 и 536 и Св. Морск. Угол. Пост. ст. 226).

Уже въ этихъ и другихъ болѣе извѣстныхъ узаконеніяхъ, изданныхъ разновременно, на разные отдѣльные случаи и подъ вліяніемъ разныхъ побудительныхъ обстоятельствъ, нельзя не видѣть примѣненія началъ гласности къ нашему уголовному судопроизводству, въ особенности, если принять въ соображеніе, что нѣтъ закона, который бы прямо воспрещалъ публиковать во всѣхъ означенныхъ случаяхъ *цѣлыя приговоры сполнь*, съ изложеніемъ уваженій и законовъ, на которыхъ оныя основаны, вмѣсто краткихъ *извлеченій* изъ сихъ приговоровъ, какъ это дѣлается въ судебной практикѣ.

Но что менѣе, можетъ—быть, извѣстно, и болѣе заслуживаетъ вниманія—это то, что у насъ, уже безъ малаго полвѣка, существуетъ судъ публичный въ полномъ смыслѣ этого слова, со всѣми существенными элементами гласности, какъ она усвоена западными европейскими государствами, со всѣми условіями, обезпечивающими производство суда праваго, здраваго и скорога; что въ этомъ судѣ допускаются *словесныя пренія* между сторонами и *защитникомъ*, котораго избираетъ себѣ подсудимый; что допросъ обвиняемому и всеотносящееся къ разъясненію слѣдствія производится судьями въ

присутствіи *зримелей*; что судьи, наряжаемые особо на каждый случай, являются здѣсь не только судьями, прилагающими законъ къ дѣлу, но и присяжными, разрѣшающими вопросъ о преступленіи, и что приговоръ суда, о наказаніи признаннаго виновнымъ, *произносится немедленно по окончаніи судоисповѣданія.*

Мы хотимъ говорить объ уставѣ полевого судопроизводства, составляющемъ IV раздѣлъ II кн. V ч. Св. Воен. Постан. (Изд. 1839 и 1855 г.).

Преступленія, за которыя подвергаются виновные суду и наказанію по полевымъ военнымъ законамъ, суть слѣдующія: 1) Измѣна и бунтъ. 2) Побѣгъ къ непріятелю и изъ арміи. 3) Побѣгъ и отлучка съ мѣста сраженія. 4) Неповиновеніе. 5) Побѣгъ внутрь имперіи. 6) Шпіонство. 7) Кража и невѣрное храненіе, либо употребленіе суммъ или предметовъ, къ арміи принадлежащихъ. 8) Разбой, грабежъ и насиліе.

Что касается самаго порядка суда по симъ преступленіямъ, то судъ этотъ открывается приказомъ главнокомандующаго, а въ отдѣльныхъ корпусахъ и дивизіяхъ, приказами корпусныхъ и дивизионныхъ начальниковъ, основанными: 1) на собственномъ ихъ удостовѣреніи въ преступленіи, 2) на представленіи начальства, либо воинской полиціи, 3) на жалобѣ и 4) на доносѣ. По полученіи приказа, дежурный генералъ препровождаетъ къ предсѣдателю наряженнаго полевымъ аудиторіатомъ, на законномъ основаніи (1), суда всѣ къ дѣлу принадлежащія бумаги, въ числѣ коихъ могутъ быть какъ тѣ, которыя послужили поводомъ къ начатию оного, такъ равно допросъ подсудимаго, отобранный военною полиціей, ему прочитанный и имъ подписанный, показаніе свидѣтелей, ими подписанное, и документы, либо вещественныя доказательства, обличающія преступленіе. Бумаги эти передаются отъ предсѣдателя производителю дѣла, для доклада ихъ въ подлинникъ. Къ назначенному часу засѣданія, которое не можетъ быть отложено далѣе однихъ сутокъ, начальство воинской полиціи обязано представить: 1) подсудимаго подъ стражею, 2) свидѣтелей, буде есть, 3) защитника, *котораго каждый подсудимый избрать себѣ можетъ*, 4) почетный караулъ военному суду. Засѣданіе открывается чтеніемъ поступившихъ бумагъ и законовъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ военное время. Затѣмъ вводится подсудимый, безъ стражи и безъ оковъ, если, по роду преступленія, былъ онъ заключенъ въ оныя, а съ нимъ входитъ и защитникъ. Послѣдній имѣетъ стулъ въ присутствіи, если онъ изъ

(1) Обыкновенно военный судъ составляется изъ семи лицъ, считая въ томъ числѣ предсѣдателя или презуса, который необходимо долженъ быть чиномъ старше подсудимаго, или хотя и въ равномъ, но старѣе по производству. Св. Воен. Пост. ч. V кн. II ст. 278, 274 и 279.

такихъ чиновниковъ, кои имѣютъ на сіе право. Къ суду допускаются зрители, когда нѣтъ особеннаго на то воспрещенія. Подсудимый, на предлагаемые ему вопросы, можетъ предоставить своему защитнику отвѣтствовать за себя, за исключеніемъ того случая, когда приказаноему будетъ предсѣдателемъ отвѣчать самому. Сторона, доносившая, жаловавшаяся или представлявшая, о преступленіи, можетъ давать свои объясненія, на кои подсудимый или защитникъ его могутъ возражать и отвѣтствовать. По окончаніи объясненій и по взятіи отъ подсудимаго и его защитника подписки, что они не имѣютъ ничего болѣе представить къ оправданію, подсудимый отводится изъ присутствія, двери онаго затворяются и зрители выходятъ. При сужденіяхъ никто не присутствуетъ, кромѣ производившаго дѣло. Имъ предшествуетъ принатіе судьями, встающими на своихъ мѣстахъ, присяги, читаемой вслухъ предсѣдателемъ: «Клянусь святымъ именемъ Всемогущаго Бога и моею честію, что буду судить по лучшему разумнію моему и по совѣсти, и что нѣтъ никакой причины, ни уваженія, которое бы заставило меня скрывать истину.» Сужденія начинаются съ вопроса, полагаемаго предсѣдателемъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Такой-то, обвиняемый въ такомъ-то преступленіи, виновенъ ли въ ономъ?» По сему вопросу собираются голоса, начиная съ младшаго и оканчивая предсѣдателемъ. Если подсудимый найденъ единогласно невиннымъ, и съ рѣшеніемъ суда согласенъ полевой аудиторіатъ, то дѣло почитается конченнымъ. Въ противномъ случаѣ, а равно въ случаѣ признанія подсудимаго невиннымъ лишь большинствомъ голосовъ, дѣло поступаетъ, черезъ полевой аудиторіатъ, на разсмотрѣніе и утвержденіе главнокомандующаго. Если же, по единогласію или по большинству голосовъ въ судѣ, признанъ подсудимый виновнымъ, то предсѣдатель, опредѣливъ родъ преступленія, читаетъ слова принсканнаго дѣлопроизводителемъ закона, на подобныя преступленія постановленнаго, и полагаетъ вопросъ о приложеніи сего закона къ преступному дѣянію. Единогласіе утверждаетъ мѣру наказанія, а при разногласіи предпочитается легчайшее изъ присужденныхъ наказаній. По окончаніи суда, составляется приговоръ, двери присутствія снова открываются, и предсѣдатель читаетъ приговоръ и законъ, на которомъ онъ основанъ, вслухъ. Сими засѣданіе закрывается, и дѣло поступаетъ на ревизію полевого аудиторіата.

Утвержденный главнокомандующимъ, или кѣмъ слѣдуетъ, приговоръ читается преступнику и приводится установленнымъ порядкомъ въ исполненіе.

Не вдаваясь въ подробный разборъ и оцѣнку каждаго изъ упомянутыхъ правилъ въ отдѣльности, тѣмъ болѣе, что это и не нужно для нашей цѣли, замѣтимъ только, что въ то время, какъ при сужденіи уголовныхъ дѣлъ въ обыкновенномъ порядкѣ, главное правило въ

опредѣленіи вины или невинности подсудимаго и прикосновенныхъ лицъ заключается въ томъ, чтобы судъ руководствовался законами о силѣ доказательствъ и уликъ и на этомъ уже основывалъ свое убѣжденіе (Св. Воен. Пост. ч. V, кн. II, ст. 388 и 389, Св. Морск. Угол. Пост. ст. 299 и 360, и Св. Зак. Угол. т. XV, ст. 1220, по VI прод.),—судьи рѣшающіе вопросъ о преступленіи (*point de fait*) по правиламъ полевого судопроизводства, не подчиняютъ своего мѣнѣнія опредѣленнымъ заранѣе требованіямъ закона, либо условіямъ практики по сему предмету (*common law*), но слѣдуютъ единственно голосу того свободнаго, непосредственнаго убѣжденія, которое во французскомъ правѣ называется *conviction intime*. По крайней мѣрѣ на это указываютъ слова предшествующей рѣшенію сего именно вопроса судейской присяги: *буду судить по лучшему разумѣнію моему и по совѣсти*.

Въ этомъ обстоятельствѣ, равно какъ въ ходѣ судоговоренія, въ порядкѣ собиранія и счета голосовъ судей, въ предпочтеніи, отдаваемомъ болѣе благопріятному для подсудимаго рѣшенію, да и во многихъ другихъ чертахъ изложеннаго нами порядка суда, оказываются очевидные слѣды вліянія преимущественно французскаго законодательства.

Изъясненныя правила закона о полевоомъ военномъ судѣ перешли въ Сводъ Военныхъ Постановленій изъ учрежденія для большой дѣйствующей арміи (1), которое, какъ сказано въ приложенномъ къ сему учрежденію, высочайше утвержденномъ докладѣ бывшаго военнаго министра, «отъ самаго первоначальнаго плана оному до послѣдней отдѣлки каждой его части, составлялось, обрабатывалось и исправлялось подъ непосредственнымъ руководствомъ и по замѣчаніямъ» императора Александра I.

При изданіи упомянутыхъ правилъ, дѣйствию оныхъ подчинены были первоначально: 1) всѣ воинскіе чины, въ дѣйствующей арміи и въ отдѣльныхъ корпусахъ въ военное время находяшіеся, и всѣ чиновники и лица, къ нимъ принадлежащіе (2), безъ всякаго различія званій и мѣстъ, ими занимаемыхъ, за преступленія *во время войны содѣланныя*; и 2) шпионы и всѣ жители, равно чиновники

(1) Полн. Собр. Зак. 1812 г. января 27 (24,975).

(2) Къ арміи принадлежащими почитаются: 1) чиновники гражданскіе и дипломатическіе, въ канцеляріяхъ при арміи и разныхъ частяхъ ея управленія служащіе; 2) чиновники интендантскіе, провіантскіе и комиссаріятскіе; 3) чиновники медицинскіе и аптекарскіе разныхъ званій; 4) казначей, бухгалтеры, контролеры и счетчики; 5) смотрители, пристава и вахтера магациновъ и госпиталей; 6) извозчики и проводники артиллеріи, обозовъ и отрядовъ арміи; 7) мастерские и работники, при арміи употребляемые; 8) подрядчики, поставщики и маркитанты; 9) слуги чиновниковъ и лицъ, къ арміи принадлежащихъ.

воинскіе городскіхъ и земскіхъ полицій въ губерніяхъ и областяхъ, объявленныхъ въ военномъ положеніи.

Но въ послѣдствіи—и на это должно обратить особенное вниманіе,—рядомъ указовъ, вышедшихъ съ 1828—1850 г. (1) дѣйствіе сихъ правилъ распространено на разные преступленія, совершаемыя и въ *мирное время*, преимущественно на побѣги дезертировъ и лицъ гражданскаго вѣдомства съ черноморской береговой линіи и другихъ мѣстъ и укрѣпленій, а равно на важнѣйшіе случаи сопротивленія начальству и нарушенія воинской дисциплины.

Видѣть съ симъ, съ одной стороны, разрѣшены были разные вопросы, возникшіе при примѣненіи устава полевого судопроизводства къ частнымъ случаямъ, а съ другой опредѣлилось вліаніе сего устава, на порядокъ производства всѣхъ вообще военно-судныхъ дѣлъ въ мирное время.

Касательно разрѣшенія возникавшихъ вопросовъ, заслуживаетъ упоминовенія высочайше утвержденное 9-го февраля 1838 года положеніе комитета, учрежденнаго для повѣрки Свода Военныхъ Постановленій, которымъ объяснено: 1) что до преданія военному суду, должно быть предварительно произведено, для открытія слѣдовъ преступленія и преступника, *изслѣдованіе*, которое производится военною полиціей или нарочно командированными отъ начальства чиновниками, на основаніяхъ, для мирнаго времени постановленныхъ, исключая приглашеніе со стороны гражданской депутативъ и требованіе со стороны же гражданской содѣйствія, такъ какъ въ военное время въ занятую арміею краѣ всѣ подчиняются военному начальству; и 2) что въ случаѣ объявленія подсудимымъ подозрѣнія на членовъ суда, военный судъ поступаетъ по общимъ правиламъ объ отводѣ судей отъ присутствія, а военное начальство дѣлаетъ съ своей стороны распоряженіе, по представленію суда, о назначеніи на мѣсто отведенныхъ другихъ судей, если причины, объявленныя подсудимымъ, достаточны къ удаленію ихъ отъ присутствія.

Это положеніе комитета представляется важнымъ въ томъ смыслѣ, что, на основаніи 91 ст. II кн. V ч. Свода Военн. Пост., для производства слѣдствій вообще, должны быть назначаемы чиновники, *заслуживающіе особенное довѣріе*, которые, за силою прик. главнокоманд. 1-ю арміею 17 апрѣля 1816 г. № 64, производить изслѣдованіе совмѣстно съ однимъ изъ старшихъ офицеровъ *той команды, гдѣ обвиняемый служитъ*,—каковыя постановленія не менѣе ограждаютъ обвиняемаго, чѣмъ примѣненіе къ полемому военному суду общихъ правилъ объ отводѣ судей отъ присутствія, на основаніи

(1) Полн. Собр. Закон. 1828 августа 31 (2260); 1837 августа 28 (10,521); 1841 января 25 (14,217); 1844 февраля 14 (17,608); 1845 апрѣля 9 (18,912); 1849 сентября 21 (23,514); 1850 іюля 7-го (24,303).

коняхъ, какъ извѣстно, подсудимый пользуется весьма обширнымъ правомъ отвода.

Что же относится до вліянія устава полевого судопроизводства на прочія части военно-уголовнаго законодательства, то принятое симъ уставомъ начало судебныхъ преній *между сторонами* признано полезнымъ распространить на производство всѣхъ вообще военно-судныхъ дѣлъ въ мирное время, вслѣдствіе чего уже въ первомъ изданіи Св. Военн. Пост. ч. V въ ст. 290 (кн. II) читаемъ: «Частное лицо, доносившее, жаловавшееся или представлявшее о преступленіи, можетъ быть къ суду допущено, либо призвано. Оно можетъ представить свои объясненія, и подсудимый можетъ возражать и отвѣтствовать противу оныхъ.» Статья эта, заимствованная, какъ приведенный подъ оною цитатъ показываетъ, изъ 46 и 47 §§ уст. полев. судопроизв., перешла въ томъ же видѣ въ изданіе 1855 г., гдѣ и составляетъ нынѣ ст. 312.

Дѣйствіе ея, въ 1851 г., распространено на морское вѣдомство въ отношеніи къ производству военно-судныхъ дѣлъ какъ на берегу, такъ и во время морскихъ кампаній (Св. Морск. Угол. Пост., кн. II ст. 278 и 607).

Какая мысль руководила законодателя при введеніи у насъ публичности и устности въ сужденіи дѣлъ по полевымъ уголовнымъ законамъ, не объяснено ни въ вышеприведенномъ докладѣ военнаго министра, ни въ самыхъ сихъ законахъ. Но нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что важность и свойство преступленій, на которыя изданы сіи законы, — преступленій, слишкомъ близко касающихся интересовъ государства, и въ высшей степени компрометирующихъ честь обвиняемаго, строгость наказаній, за оныя опредѣленныхъ, и страшныя права, предоставленныя главнокомандующему въ военное время, не могли не быть приняты при этомъ въ соображеніе, не могли не внушить недовѣрія къ тайному канцелярскому производству дѣлъ подобнаго рода, не требовать преподаванія подсудимому способовъ къ охраненію и защищенію своей личности, и поставленія судей въ такія условія, чтобы, съ одной стороны, преступникъ не могъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія, но съ другой не былъ осужденъ и опозоренъ невинный.

Что же можетъ болѣе способствовать достиженію этой двойной цѣли уголовнаго правосудія, что можетъ лучше доказать всѣмъ и каждому справедливость и законность приговора, удержать слѣдователей и судей въ предѣлахъ долга и совѣсти, возбудить въ нихъ надлежащую степень вниманія къ дѣлу, дать судьямъ полную и совершенную свободу въ оцѣнкѣ судимаго дѣянія, наконецъ пробудить въ нихъ чувство достоинства и ответственности своего званія, — какъ не присутствіе свидѣтелей при судопроизведеніи, свидѣтелей, въ которыхъ и обвиняемый, и его защитники находятъ нравственную

опору, какъ не повѣрка дѣйствій судей и слѣдователей общественнымъ мнѣніемъ, — словомъ, какъ не открытое, гласное судопроизводство?

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ:

1) Что публичность и устность въ отправленіи уголовного правосудія, не составляя исключительной принадлежности той или другой націи, того или другаго образа правленія, суть, напротивъ, какъ замѣтилъ уже профессоръ Баршевъ въ вышеупомянутой статьѣ своей, такія принадлежности уголовного процесса, которыя легко укладываются во всякую форму суда, и безъ особеннаго ухода *укореняются и приносятъ плодъ на всякой почвѣ.*

2) Что начало публичности и гласности не несовмѣстно съ нашими законами и учрежденіями (1); напротивъ, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ уголовныхъ оно введено у насъ *самими законами*, съ извѣстными лишь ограниченіями, распространившимися подъ вліяніемъ судебной практики, а по другимъ дѣламъ *развито въ стройную систему, вполне соответствующую своему назначенію.*

3) Что судъ, созданный на такомъ началѣ, отнюдь не носитъ въ себѣ зародыша къ ослабленію власти и порядка; напротивъ, онъ уже издавна признакъ и до сихъ поръ признается въ нашемъ военномъ вѣдомствѣ *за самый дѣятельный органъ къ укрѣпленію силы закона и повиновенію установленнымъ властямъ;* и

4) Что, въ этомъ смыслѣ, уставъ военнаго полеваго суда представляетъ намъ обильный *готовый* матеріалъ для выработки тѣхъ данныхъ, на которыхъ единственно можетъ быть основано твердое устройство прочихъ органовъ уголовной части въ нашемъ отечествѣ, въ видахъ возвышенія общественнаго довѣрія къ нашимъ судебнымъ инстанціямъ, и утвержденія всеобщаго господства закона и правды.

Дай Богъ только, чтобъ мы не пренебрегли, чтобъ мы сумѣли воспользоваться этимъ матеріаломъ, въ пользу котораго убѣждаютъ насъ и выводы науки, и нашъ собственный слишкомъ сорокалѣтній опытъ.

К. Яневичъ-Яневскій.

МИСТЕРІОСОФІЯ БАРДОВЪ БРЕТАНИ.

Le mystère des bardes de l'île de Bretagne ou la doctrine des bardes Gallois du moyen âge sur Dieu, la vie future et les transmigrations des âmes. Par A. Pictet 1856 г. 82 стр.

При современномъ направленіи исторической науки въ Европѣ, когда каждый городъ, каждое сколько-нибудь замѣчательное, мѣ-

(1) Мы разумѣемъ нынѣ дѣйствующія учрежденія и законы.

стечко находить своего историка-біографа, было бы очень странно, еслибы цѣлое, вѣкогда огромное и могучее племя, не привлекло на себя вниманія историковъ.

Правда, что значеніе Кельтовъ въ европейской цивилизаціи и ихъ дѣятельное участіе въ судьбахъ средневѣковой Европы рано сдѣлались предметомъ серьезнаго изученія западныхъ историковъ; но скудость народныхъ памятниковъ, трудность языка, значительно отошедшаго отъ общаго индо-европейскаго корня, самая шаткость стариннаго историческаго метода, давали глухіе, по большей части не вѣрные отвѣты на пытливые запросы молодой науки.

Въ такомъ колеблющемся положеніи находилось дѣло до начала текущаго столѣтія, когда сравнительно-историческій методъ въ изученіи языка и народности вывелъ изслѣдователей на свѣтлый воздухъ и указалъ имъ прямую дорогу. Съ тѣхъ поръ каждый годъ, ежели не каждый мѣсяцъ, приноситъ что-нибудь новое: новое открытіе, новый взглядъ, новую мысль; старое давно-извѣстное подвергается пересмотру, и является въ обновленной одеждѣ.

При такомъ направленіи, началъ мало-по-малу выясняться и старинный кельтскій міръ съ своею въ высшей степени оригинальною фizioноміей.

Реставрація его, говоря вообще, гораздо моложе реставрація остальныхъ народностей великой индо-европейской семьи; поэтому въ исторіи его до сихъ поръ еще такъ много не яснаго, не полнаго, отрывочнаго; но это только начатки: окончательные же плоды и успѣхи остаются за грядущими поколѣніями.

Кельтское племя еще не окончило своего историческаго поприща, и въ чистотѣ уцѣлѣло на двухъ небольшихъ клочкахъ земли Франціи и Англіи: тотъ же языкъ, тѣ же нравы, обычаи, преданія роднятъ эти остатки великой народности, разобщенные старинными политическими событіями (1).

Чисто сціентифическій вопросъ скоро нашелъ отголоски и въ самой жизни: съ появленіемъ ученыхъ изслѣдованій о языкѣ, литературѣ, исторіи Кельтовъ, съ превосходными собраніями старинныхъ пѣсенъ и повѣстей Арморики, пробудились среди народа и многіе умственные и нравственные интересы, мысль о необходимости просвѣщенія, науки, литературы. Такое единство науки и жизни, свидѣтельствующее о степени зрѣлости народа, сообщаетъ кельтскимъ

(1) На народномъ праздникѣ, данномъ въ 1839 г. въ знакъ любви и племеннаго единства французскими Кельтами своимъ валлійскимъ братьямъ, присутствовалъ *слѣпой бардъ*, импровизировавшій стихи во славу великаго кельтскаго племени. См. Villemargué, Contes populaires des anciens Bretons, t. I préface. Это тотъ же почтенный остатокъ эпической старины, который до сихъ поръ еще сохранился у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи.

занятіямъ тотъ живой современный интересъ, котораго не имѣютъ занятія другими-отжившими историческими народностями.

Оправдываясь этимъ, мы рѣшаемся на первый разъ познакомить читателей «Русскаго Вѣстника» съ небольшимъ, но чрезвычайно важнымъ памятникомъ кельтской старины, изданнымъ въ истекшемъ году, съ французскимъ переводомъ и любопытнымъ комментариемъ А. Пикте, известнаго автора сочиненія о сродствѣ кельтскаго языка съ санскритскимъ.

Этотъ единственный памятникъ средневѣковой литературы имѣетъ своимъ предметомъ понятія бардовъ о существѣ Бога, составѣ вселенной, переселеніи душъ и человѣческомъ назначеніи, словомъ, это—краткое изложеніе ихъ религіозной философіи. Онъ составляетъ часть не изданной рукописи подъ названіемъ: *таинство Бардовъ острова Бретани* (*Syfrinach Beirdd Ynys Prydain*), заключающей въ себѣ собраніе различныхъ наставленій бардовъ о поэзій, музыкѣ (собственно пѣніи), вопросахъ нравственныхъ и религіозныхъ. Рукопись, заключающая въ себѣ мистическія триады бардовъ (1), принадлежитъ къ концу XVII столѣтія; всѣ остальные статьи не восходятъ далѣе половины XVI и писаны новымъ языкомъ, однако древность ея основы признана всѣми знатоками кельтской народности, каковы: Ганри Мартенъ, Яковъ Гриммъ. и др. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ издатель, какъ объяснить существованіе у средневѣковыхъ Кельтовъ такой оригинальной религіозной системы, основаніемъ которой служитъ ученіе о переселеніи душъ по смерти, если не принять родственной связи ея съ друидическимъ ученіемъ, имѣвшимъ то же самое вѣрованіе?.. Откуда явилось у бардовъ такое полное, глубокое, оригинальное ученіе, если не отъ ихъ предшественниковъ друидовъ, вѣрованія которыхъ долгое время, по крайней мѣрѣ въ тайнѣ, противились введенію христіанства? Тайныя общества бардовъ, уцѣлѣвшія въ Галліи вопреки непрерывнымъ вторженіямъ Римлянъ, Англо-Саксовъ и Англичанъ, съ стойкостію, свойственною Кельтамъ, сохранили остатки старинныхъ народныхъ вѣрованій, и триады, о которыхъ идетъ рѣчь, безъ сомнѣнія были послѣднимъ ихъ проявленіемъ.»

Но это однако, какъ мы думаемъ, вовсе не значить, чтобъ онѣ представляли старинную друидическую систему: христіанство необходимо должно было имѣть значительное вліяніе на этотъ родъ тайной религіи, сохраняемой бардами болѣе какъ почтенное національное воспоминаніе, нежели какъ дѣйствительное ученіе. Только этимъ вліяніемъ можно объяснить тотъ характеръ чистоты, возвы-

(1) Памятникъ, о которомъ мы говоримъ, изложенъ въ видѣ триадъ или афоризмовъ, развиваемыхъ въ тройственной формѣ, вѣроятно, для лучшаго удержанія ихъ въ памяти.

шенности и гуманизма, который поражаетъ въ этихъ триадахъ, и который стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчїи съ варварскими сторонами стариннаго друидическаго культа (р. 16—19).

Но вліяніе христіанства не было прямымъ непосредственно-дѣйствующимъ началомъ въ мистическомъ ученїи бардовъ: оно только очистило, возвысило древнія понятія о Богѣ, вселенной, безсмертїи души и др. Здѣсь нѣтъ рѣчи ни о св. Троицѣ, ни о личности Иисуса Христа, ни объ искупленїи, нѣтъ также никакихъ намековъ на средневѣковыя понятія объ адѣ, чистилищѣ, раѣ—понятія, которыя играютъ такую важную роль въ народной поэзїи и сказанїяхъ другихъ племенъ.

Обратимся теперь къ самому памятнику. Его можно раздѣлить на двѣ части: первая, заключающая въ себѣ 11 триадъ, не представляетъ въ себѣ ничего оригинальнаго и болѣе или менѣе подходитъ къ ученїямъ другихъ, уже извѣстныхъ, религіозныхъ и философскихъ системъ; за то, 12 триада и слѣд. поражаютъ насъ яркостью изложенныхъ въ нихъ понятїй и самою оригинальностью терминологїи. Мы приведемъ въ переводѣ важнѣйшія изъ триадъ, придерживаясь какъ можно ближе подлинника, и въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгая къ комментарію ученаго издателя.

Тр. XII. «Три круга существованїя: 1) *кругъ пустоты* *пространства*, гдѣ, кромѣ Бога, нѣтъ никакого существа ни живаго, ни мертваго, и перейти который никто кромѣ Бога не можетъ; 2) *кругъ переселенїя*, гдѣ всякое живое существо находится въ состоянїи смерти, и человѣкъ его перешелъ; и 3) *кругъ блаженства*, гдѣ всякое живое существо находится въ состоянїи жизни, и человѣкъ чрезъ него переходитъ на небо».

Тр. XIII. «Три состоянїя живыхъ существъ: *состоянїе ничтожества въ безднѣ* (Аппwn), *состоянїе свободы въ человечествѣ* и *состоянїе любви или блаженства въ небѣ*».

Тр. XIV. «Три необходимыхъ фазы всякаго существованїя по отношенїю къ жизни: *начало въ безднѣ* (Аппwn), *переселенїе въ кругъ переселенїя* (Аргед) и *полнота въ небѣ или кругъ блаженства* (Gwynfyd), и внѣ этихъ трехъ фазъ ничто не можетъ существовать кромѣ Бога».

Эти три триады составляютъ главную тему мистическаго ученїя бардовъ: слѣдующія занимаютъ дальнѣйшимъ развитїемъ частныхъ и свойствъ каждаго круга отдѣльно; что же касается до *бездны*, то это не иное что, какъ самая низшая точка *круга переселенїя*, это хаосъ, содержащїй въ себѣ сѣмена всякой жизни: каждая вещь тамъ существуетъ предвѣчно, но въ состоянїи мрака и неурядиства, это противоположность *состоянїю свободы въ человечествѣ* и точка отправленїя для переселенїя душъ, отъ которой постепенно восходятъ онѣ къ свѣту и жизни. Такое ученїе встрѣчаемъ мы еще въ

древности у гностиковъ, *Arctos*, которыхъ вполне соответствуетъ идеѣ *бездны* (Αρηνη) кельтическихъ бардовъ.

Тр. XVII «Три причины необходимости круга переселенія: *развитіе вещества всего живаго*; *развитіе познанія всякой вещи и развитіе* нравственной силы, чтобы восторжество вать надъ *всѣмъ* противнымъ и надъ *врагомъ* (Cythraul, дьяволъ) и чтобы освободиться отъ *злаго* (Drwg).

Тр. XVIII. «Три первоначальныя бѣдствія въ кругѣ переселенія: *необходимость, потеря памяти и смерть.*»

На самой низшей точкѣ *круга переселенія*, въ безднѣ, царить мрачная *необходимость*. Приходя къ самосознанію, человекъ становится свободнымъ существомъ; но онъ обреченъ смерти, и ежели не возвысится на столько, чтобы освободиться изъ *круга переселенія*, онъ умираетъ, чтобы возродиться въ другой формѣ, и теряетъ память о своей прошлой жизни. Только тогда человеку возвращается память о ней, когда онъ освободится изъ *круга переселенія*; въ настоящей жизни—это удѣлъ немногихъ исключительныхъ натуръ.

Тр. XIX. «Три необходимыя условія для достиженія полноты знанія: *перейти съ круга переселенія, перейти съ круга блаженства и привести на память все прошедшее* со времени пребыванія въ *безднѣ*.

Тр. XX. «Три вещи неизбѣжно соединены съ состояніемъ пребыванія въ кругѣ переселенія: *преступленіе закона* (грѣхъ) *освобожденіе* отъ смерти передъ *злымъ* (Drwg) и *врагомъ* (Cythraul), *увеличеніе жизни и блага* чрезъ отдаленіе отъ *злаго* въ освобожденіи отъ смерти.»

Тр. XXVI. «Три вещи необходимо низводятъ человека въ кругъ переселенія, еслибы даже въ другомъ отношеніи онъ и привязался къ добруму: *гордость*, чрезъ которую онъ падаетъ въ *бездну*, *неправда*, которая доводитъ его до равносильнаго проступка, и *недостатокъ любви*, чрезъ который онъ дѣлается подобенъ животному. Отсюда онъ начинаетъ новое переселеніе къ кругу человечества.»

Освободившись изъ круга переселенія, бардъ Таліесинъ въ своихъ поэмахъ разказывалъ, какъ онъ, поочередно, принималъ различныя формы вещей и животныхъ, прежде чѣмъ явился въ своей собственной. Онъ былъ мечомъ, щитомъ, топоромъ, сохою, лопатою, лампою, струною изъ лиры, лодкою, мостомъ, гвоздемъ изъ щипцовъ, книгою и даже однимъ написаннымъ словомъ, потомъ: *пнемъ*, губкой, каплей дождевой воды, хлѣбомъ, взросшимъ на горѣ и т. д. Въ этой послѣдней формѣ онъ былъ сжатъ, высушенъ и потомъ съѣденъ курицею съ красными когтями и разорваннымъ гребешкомъ; въ ея желудкѣ онъ провелъ 9 дней и ночей. Что же касается до животныхъ формъ, то онъ попеременно принималъ виды: собаки, оленя, быка, жеребца, вепря, козла, пѣтуха, ящерицы, змѣи и т. д.

Такимъ образомъ понятія бардовъ о переселеніяхъ обнимали всѣ царства природы и всѣ эпохи исторіи, и ежели бы мы знали всѣ подробности ученія древнихъ друидовъ о переселеніяхъ, мы бы, вѣроятно, нашли много любопытныхъ сближеній съ индійскимъ метемпсихозомъ. Перейдемъ теперь къ *кругу блаженства* и посмотримъ на него нѣсколько ближе.

Тр. XXXI. «Три главнѣйшія преимущества *круга блаженства*: *отсутствіе зла, отсутствіе нужды и отсутствіе смерти.*»

Тр. XXXII. «Три вещи будутъ возвращены человѣку въ *кругъ блаженства*: *первобытный духъ, первобытная любовь и первобытная память*—безъ этого для него не можетъ быть блаженства.»

Тр. XLI. «Три вещи постоянно растутъ: *огонь или сѣнь, просвѣщеніе или истина, духъ или жизнь.* Эти вещи подконецъ возьмутъ верхъ надъ всѣми прочими, и тогда *кругъ переселенія* будетъ уничтоженъ.»

Тр. XLII. «Три вещи постоянно уменьшаются: *мракъ, заблужденіе и смерть.*»

Тр. XLIII. «Три вещи усиливаются со дня на день и стремленіе къ нимъ становится все болѣе и болѣе: *любовь, знаніе и правда.*»

Тр. XLIV. «Три вещи слабѣютъ со дня на день, и противорѣчіемъ увеличивается все болѣе и болѣе: *ненависть, неправда и невѣжество.*»

Тр. XLV. «Три полноты блаженства въ *кругъ блаженства*: *имѣть свойство всякаго качества съ отличнымъ совершенствомъ, обладать всякаго рода гениемъ, съ совершеннымъ гениемъ любить всѣхъ любовью первой степени, то-есть любовью Бога.* Эти три вещи составляютъ полноту неба и *круга блаженства.*»

Тр. XLVI. «Три необходимыя свойства Бога: *безконечность въ отношеніи къ самому себѣ, конечность по отношенію къ концу и полное согласіе со всякимъ состояніемъ существованія въ кругъ блаженства.*»

Таковъ любопытный обломокъ мудрости бардовъ! Уже изъ нашихъ небольшихъ извлеченій читатели могутъ видѣть его важное значеніе для исторіи развитія духа человѣческаго въ темный періодъ такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ, когда сложившіяся народности индо-европейскаго племени озарились первыми лучами христіанской религіи.

Э. С***.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Въ настоящее время, два событія занимаютъ общественное мнѣніе Европы, конечно въ различной степени: свиданіе между Государемъ Императоромъ Всероссійскимъ и императоромъ Французовъ, и результатъ новыхъ молдавскихъ выборовъ. Само собою разумѣется, что первое событіе на время оставило въ тѣни всѣ другія. Государь Императоръ прибылъ въ Штутгартъ 24 (12-го) сентября и былъ встрѣченъ на станціи въ Фейербахѣ королемъ виртембергскимъ, съ которымъ отправился въ загородный дворецъ наслѣднаго принца, гдѣ Его Величество имѣлъ постоянное пребываніе. На слѣдующій день прибыли въ Штутгартъ императоръ Французовъ, и вскорѣ по пріѣздѣ имѣлъ свиданіе съ Государемъ императоромъ въ королевскомъ дворцѣ, въ городѣ. Въ тотъ же день, Государь Императоръ изволилъ принимать у себя императора Наполеона вѣстѣ съ королемъ виртембергскимъ. 26-го (14-го) сентября у короля былъ большой обѣдъ, послѣ котораго императоры прогуливались по иллюминированному саду. Государь Императоръ отправился изъ Штутгарта 28-го, а императоръ Французовъ 29-го сентября.

Свиданіе императоровъ въ Штутгартѣ, подало поводъ къ разнымъ болѣе или менѣе произвольнымъ соображеніямъ, на которыхъ мы не будемъ останавливаться. Теперь еще не время судить о положительныхъ послѣдствіяхъ этого сближенія, значеніе котораго стараются умѣрять журналы австрійскіе и англійскіе; но мы, во всякомъ случаѣ, не можемъ не выразить полного сочувствія нынѣшней политикѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Событіе, о которомъ мы говоримъ, произвело сильное впечатлѣніе въ Вѣнѣ, и австрійскій императоръ изъявилъ желаніе увидѣться съ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ. Свиданіе это происходило въ Веймарѣ 1-го октября. Нельзя не указать также на мнѣнія, высказанныя австрійскими журналами по поводу штутгартскаго свиданія. Австрійскіе журналы прямо указываютъ на погрѣшность тройственнаго союза, по ихъ словамъ неположительнаго, непрактическаго. Союзъ этотъ, продолжаютъ они, не могъ, несмотря на

великолѣпную программу свою, воспрепятствовать отпаденію Бельгіи отъ Нидерландовъ, объявить войну июльской или февральской революціи. Нынѣшняя встрѣча Императора Всероссійскаго съ императоромъ Французовъ служить блистательнымъ доказательствомъ, что тройственный союзъ, присвоившій себѣ обязанность направлять событія согласно съ отвлеченными, заранѣе готовыми началами, не имѣлъ практическаго примѣненія. Тройственный союзъ грѣшилъ уже тѣмъ, что думалъ обойти непреложные уставы Провидѣнія. Въ настоящее время, заключаютъ австрійскіе журналы, нужны союзы, заключенные не только на случай опасности, но и для того, чтобы народы и правительства дружно содѣйствовали всеобщему великому дѣлу цивилизаціи.

Въ этомъ отношеніи мы, Русскіе, можемъ только гордиться тою высокою ролью, которая выпадаетъ намъ на долю со времени Парижскаго мира. Внѣшняя политика Россіи въ послѣднее время встрѣтила общее сочувствіе во Франціи, Германіи, Италиіи и Дунайскихъ княжествахъ. Не на словахъ только, но и на дѣлѣ стремится Россія «содѣйствовать тому всеобщему великому дѣлу цивилизаціи», о которомъ упоминаютъ австрійскіе журналы. Еще недавно, жители Бухареста праздновали день 30-го августа, привѣтствуя въ лицѣ г. Базиліи представителя русской политики. Благодаря соединеннымъ усиліямъ Франціи и Россіи, дѣло Княжествъ должно восторжествовать надъ эгоистическими видами нѣкоторыхъ державъ. Молдавскіе выборы окончились 17-го сентября блистательнымъ успѣхомъ партіи приверженцевъ соединенія. Огромное большинство депутатовъ принадлежитъ къ этой партіи. Изъ 90 депутатовъ, составляющихъ молдавскій диванъ, около 70 человекъ составляютъ это большинство; мнѣнія остальныхъ депутатовъ частію враждебны соединенію, частію сомнительны. Въ Валахіи, выборы должны были начаться въ послѣднихъ числахъ сентября. Никто уже не сомнѣвается въ ихъ результатѣ. Борьба на валахскихъ выборахъ собственно будетъ происходить не между приверженцами и противниками соединенія, но между различными отдѣлами партіи уніонистовъ. Полагаютъ, что при столь явномъ расположеніи дивановъ въ пользу соединенія и при нынѣшней политикѣ англійскаго правительства по этому вопросу, которая, по словамъ иностранныхъ журналовъ, снова колеблется между соединеніемъ и раздѣленіемъ княжествъ, Австрія должна будетъ сдѣлать значительную уступку общественному мнѣнію, чтобы не остаться одинокою въ столь важномъ дѣлѣ.

Въ послѣднее время, европейскіе журналы сообщали о разногласіи между кабинетами туринскимъ и неаполитанскимъ по дѣлу о сардинскомъ пароходѣ «Кальери», которымъ, какъ извѣстно, завладѣли приверженцы Мадзини для высадки въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Пароходъ этотъ былъ задержанъ неаполитанскимъ правительствомъ,

и всѣ, находившіяся на немъ лица, безъ различія виновныхъ и невинныхъ, посажены въ тюрьму. Но между заговорщиками были совершенно посторонніе люди, именно пассажиры, въ томъ числѣ сардинскіе подданные. Сардинскій посланникъ въ Неаполѣ вступился за эти лица; но требованія его, какъ говорятъ, были рѣзко отклонены. Письмо, полученное имъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ, г. Караффы, было возвращено послѣднему по приказанію сардинскаго правительства. Впрочемъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, пассажиры, за которыхъ вступился сардинскій посланникъ, освобождены, и самый пароходъ, по всей вѣроятности, возвращенъ Сардиніи.

Что касается до отношеній Неаполя къ западнымъ державамъ, всѣ слухи о возможномъ сближеніи между ними оказываются неосновательными. Англійская министерская газета *Morning-Post* не только опровергаетъ эти слухи, но и указываетъ причины, препятствующія восстановленію дипломатическихъ сношеній съ неаполитанскимъ дворомъ. По словамъ этой газеты, политика его ни въ чемъ не измѣнилась къ лучшему, даже стала хуже. Внутренняя политика короля неаполитанскаго, продолжаетъ *Morning-Post*, не требуетъ объявленія войны, ибо было бы безразсудно наказывать подданныхъ за ошибки короля; но она вполне оправдываетъ дипломатическій разрывъ, представляющій неаполитанскаго короля собственнымъ средствамъ и всѣмъ послѣдствіямъ его правительственной системы. Считаеми почти излишнимъ прибавлять, что это мнѣніе принадлежитъ англійскому правительству.

Высочайше утвержденнымъ 17-го іюня мнѣніемъ государственнаго совѣта опредѣлены точнѣе правила объ удостовѣреніи въ дѣйствительности подписи на документахъ, представленныхъ въ судебныя мѣста. Новымъ закономъ замѣняются статьи 2355—2358 зак. гражд. и ст. 1076 и 1190 зак. уголов. Извѣстно, что прежнія правила на этотъ счетъ отличались краткостію и не обнимали многихъ случаевъ. Мнѣніе государственнаго совѣта пополняетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: Выборъ актовъ и другихъ бумагъ для сличенія, попрежнему, предоставляется взаимному соглашенію тяжущихся. Если однакожь сего соглашенія не послѣдуетъ; то судъ постановляетъ, которая изъ представленныхъ или оказанныхъ сторонами бумагъ должны быть преимущественно принимаемы во вниманіе при сличеніи почерковъ. При этомъ отдается предпочтеніе бумагамъ болѣе или менѣе офиціальнымъ, каковы суть: крѣпостные или явочные акты, подписанные лицомъ, коего почеркъ сличается, или же представленныя имъ просьбы и другія бумаги, его рукою писанныя или подписанныя. Изъ такихъ бумагъ принимаются во вниманіе такія, которыя писаны

въ ближайшее къ сличенію время. Рассмотрѣніе и сличеніе актовъ производится людьми, назначенными судомъ, свѣдущими въ томъ языкѣ, на которомъ написаны акты, и достойными вѣры, не отведенными притомъ некоторымъ изъ тяжущихся. Когда возможно, предписывается поручать это секретарямъ присутственныхъ мѣстъ, учителямъ чистописанія или другимъ преподавателямъ въ ближайшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Число свѣдущихъ людей должно быть не менѣе трехъ и не болѣе девяти. Сличеніе производится въ присутствіи суда или же при отраженномъ отъ него для повѣрки документа членѣ. Объ этомъ составляется особый протоколъ, съ подробнымъ прописаніемъ заключенія экспертовъ. Передъ сличеніемъ почерковъ, эксперты, если они не принадлежатъ, къ числу служащихъ лицъ, приводятся къ присягѣ въ томъ, что дадутъ справедливое показаніе. Служащимъ, вмѣсто присяги, судъ напоминаетъ только объ ихъ обязанности. Для удостовѣренія въ дѣйствительности подписей на актахъ, въ которыхъ участвовали Евреи, призываются раввины. Если въ городѣ не найдется свѣдущихъ людей для сличенія почерковъ, то судъ относится въ ближайшій городъ. Сходство почерка признается доказаннымъ тогда лишь, когда оно признано единогласно или большинствомъ голосовъ экспертовъ, и единогласно утверждено судомъ. Каждый разъ, когда судъ усомнится въ совершенной основательности заключенія экспертовъ, хотя бъ оно было и единогласное, онъ можетъ сообщить сомнительный актъ для вторичнаго сличенія почерка въ такое публичное заведеніе, гдѣ преподается иностранный языкъ, на коемъ писанъ или подписанъ актъ, или же въ такое присутственное мѣсто, гдѣ производится на этомъ языкѣ переписка. Новыя правила распространяются какъ на гражданскія, такъ и на уголовныя дѣла.

Для дѣтей духовенства Черноморскаго казачьяго войска учреждено въ городѣ Екатеринодарѣ уѣздное духовное училище, въ замѣнъ приходскаго, которое существовало прежде.

Въ Кіевѣ 30-го августа открытъ кадетскій корпусъ, подъ названіемъ Владимірскаго-Кіевскаго.

Въ Англии всѣ общественные интересы уступаютъ мѣсто остъиндскимъ происшествіямъ. Возстаніе сипаевъ приняло такой грозный характеръ, что поглащаетъ исключительное вниманіе цѣлой страны. Ужасъ царствуетъ не въ одной Остъ-Индіи, онъ проникъ въ самую Англию, гдѣ къ политическимъ затрудненіямъ теперь нерѣдко присоединяется и частная скорбь. Нѣтъ почти семейства, которое бы или не было огорчено потерей кого-нибудь изъ своихъ членовъ, или не страшилось бы за участь близкихъ людей. Чтобы понять, какою народною бѣдою является остьиндское возмущеніе, какъ естественно то ожесточеніе, которое оно вызываетъ въ обществѣ, надобно вспомнить, что почти каждый номеръ журналовъ приноситъ извѣ-

стія о новыхъ кровавыхъ событіяхъ. Жертвами ихъ часто бываютъ лица, еще недавно переселившіяся въ Остъ-Индію, извѣстныя многимъ въ своемъ отечествѣ. Въ Дублинѣ недавно два журнала спорили о родѣ смерти дамы, составлявшей украшеніе тамошняго общества: одинъ утверждалъ, что несчастная женщина была сожжена живая, другой, что ее распяли...

Извѣстія, которыя мы сообщали нашимъ читателямъ на основаніи телеграфическихъ депешъ, не вполне подтвердились. Осада Дельги не снята, Агра не пала. Но несмотря на это, официальные донесенія и депеши принесли немного утѣшительнаго. Въ послѣднемъ обзорѣннн мы говорили объ успѣхахъ генерала Гевлока и смерти Нана-Сагиба. Къ сожалѣнію, первые вскорѣ приостановились, а гибель мараттскаго вождя оказалась невѣрнымъ слухомъ. Небольшая армія генерала Гевлока дѣлала сначала чудеса. Въ восемь дней она совершила переходъ въ 126 миль до Канпура, выиграла четыре неравные сраженія и овладѣла 24 пушками. Все это было сдѣлано, несмотря на июльскій зной остъ-индскаго климата. 17 іюля генералъ Гевлокъ достигъ Канпура. Здѣсь онъ нашелъ слѣды того разоренія, которому городъ подвергся отъ Нана-Сагиба, принужденнаго его оставить. Все христіанское населеніе было тамъ истреблено. Въ страшной, нечеловѣческой рѣзнѣ погибло 86 офицеровъ, 190 солдатъ, 200 женщинъ и дѣтей, принадлежавшихъ къ войску, и 400 мирныхъ жителей. Зала, въ которой происходили эти убійства, имѣла видъ бойни и была наполнена кровью. Генералъ Нейль (Neill), занявшій потомъ Канпуръ, принудилъ захваченныхъ имъ бунтовщиковъ очистить эту залу передъ смертною казнью, къ которой они были приговорены. Европейскіе солдаты наблюдали за ними и бичами понуждали тѣхъ, кто избѣгалъ работы. Это было сдѣлано для того, что, по вѣрованію браминовъ, прикосновеніе къ крови оскверняетъ и лишаетъ небснаго блаженства. Изъ Канпура генералъ Гевлокъ двинулся къ Биссуру, который занялъ, разбивъ прежде Нана-Сагиба; но послѣдній не умертвилъ себя, какъ были о томъ слухи, а напротивъ удался къ Лакнау (Lacnow) и принялъ команду надъ осадю города. Генералъ Гевлокъ тоже двинулся къ Лакнау, но 31-го іюля принужденъ былъ воротиться, хотя по дорогѣ ему и удалось разбить бунтовщиковъ два раза. Причиною возвращенія былъ ощутительный недостатокъ въ войскѣ. Генералъ Гевлокъ долженъ былъ расположиться лагеремъ противъ Канпура, откуда ему выслали подкрѣпленія.

Слухи о паденіи Агры, какъ сказано, не подтвердились. Напротивъ, небольшой гарнизонъ ея съ успѣхомъ отразилъ нападеніе нимочскихъ инсургентовъ, которые, послѣ этой схватки, отправились въ Дельги. Но за то Англичане потерпѣли сильное поразеніе въ Аррахѣ. Вотъ какъ это случилось. Три индійскіе полка возму-

тились, какъ извѣстно, въ Динапурѣ. Старый генералъ Ллойдъ (Lloyd), который тамъ командовалъ, не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, хотя въ теченіи цѣлыхъ трехъ дней всѣ ожидали возстанія. Вабунтовавшіеся полки отправились по направленію къ Бенаресу, гдѣ произвели ужасъ своимъ появленіемъ. Генералъ Ллойдъ только черезъ три дня рѣшился ихъ преслѣдовать, а инсургенты получали между тѣмъ подкрѣпленіе. Настигнувъ ихъ на дорогѣ, Англичане были разбиты и потеряли 200 человекъ, а инсургенты переправились черезъ одинъ изъ притоковъ Ганга и напали на Аррахъ, котораго названіе подало поводъ къ ложнымъ слухамъ о паденіи Агры. Въ Аррахѣ не было гарнизона, но безпримѣрное мужество Англичанъ ихъ выручило. Двѣнадцать человекъ, принадлежащихъ къ мѣстному управленію, именно: судья, сборщикъ податей, инженеръ и нѣсколько чиновниковъ, состоявшихъ при желѣзныхъ дорогахъ, укрѣпили одинъ домъ и заперлись въ немъ съ 45 Сейками. Противъ этой-то горсти людей инсургенты направили свои усилія. Погибель осажденных казалась несомнѣнною, тѣмъ болѣе, что отрядъ изъ 400 человекъ, отправленный къ нимъ на помощь изъ Динапура, попалъ въ засаду и былъ почти истребленъ. Но, противъ всякаго ожиданія, имъ удалось продержаться цѣлую недѣлю. 3-го августа майоръ Эйръ (Eyre), артиллерійскій офицеръ бенгальской арміи, пришелъ въ Аррахъ съ 200 человекъ, разбилъ сипаевъ и освободилъ городъ. Говорятъ, что генералъ Ллойдъ, первый виновникъ этихъ происшествій, преданъ суду за небрежность.

Осада Дельги и Лакнау продолжается. Первая идетъ успѣшнѣе прежняго. Генералъ Никольсонъ привелъ осаждающему войску значительныя подкрѣпленія, и вскорѣ надѣются сдѣлать приступъ; но положеніе Лакнау внушаетъ сильныя опасенія. Едва ли городъ можетъ продержаться долгое время. Между тѣмъ возстаніе безпрестанно распространяется. Кромѣ Динапура, сипаи возмутились еще въ Колапурѣ и Джанспурѣ (Jansrooge). Здѣсь они были усмирены. Въ Лагорѣ возмущившійся полкъ былъ истребленъ. Въ Нассерабадѣ обезоружены два бомбейскіе полка и одинъ кавалерійскій, мадрасскій. Вообще въ Лагорскомъ королевствѣ сильное броженіе.

Любопытно видѣть, къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ вожди возстанія, чтобы поддержать духъ между своими приверженцами. На стѣнахъ Канпура была выставлена прокламація Нана-Сагиба. Въ этой прокламаціи, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, повторяется обвиненіе Остъ-Индской компании въ составленіи будто бы заговора съ цѣлью обратить въ христіанство всѣхъ туземцевъ. Это обвиненіе подкрѣплено ссылкой на показаніе какого-то путешественника, пріѣхавшаго изъ Калькутты. По словамъ прокламаціи, чтобъ удобнѣе распространять христіанство, остъ-индскій совѣтъ рѣшился истребить 50,000 сипаевъ, а для достиженія этой цѣли потребовалось еще 7 или 8000

европейскихъ солдатъ. Совѣтъ не задумался обратиться съ просьбою о помощи къ англійскому правительству, и королева Викторія съ радостью одобрила его намѣренія. Солдаты начали отправлять въ Остъ-Индію цѣлыми арміями. Но тутъ неожиданно случилось такое обстоятельство, которое немножко разстроило кровожадные планы королевы Викторіи. Въ индійскія дѣла вмѣшался султанъ турецкій (который на этотъ разъ, видно, не послушался лорда Редклифа). До султана дошли слухи, что Англичане идутъ въ Остъ-Индію истреблять исламу, и онъ такъ разсердился, что не велѣлъ пропускать ихъ черезъ Суэскій перешеекъ. Египетскій паша, получивъ султанскій фирманъ, поступилъ еще рѣшительнѣе. Онъ заранѣе приготовилъ свое войско, и когда англійская армія явилась въ Александрію, открылъ по ней сильный огонь, истребилъ всѣхъ солдатъ и потопилъ всѣ корабли. Когда въ Калькуттѣ, заключается прокламація, было получено объ этомъ извѣстіе, то генераль-губернаторъ ударилъ себя въ голову и погрузился въ мрачное отчаяніе.

Войска отправляютъ изъ Англии безпрестанно. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Times* перечисляются всѣ войска, отправленныя съ 1-го іюля по 24-е сентября. Изъ этого перечисленія видно, что всего послано 29,935 человекъ на 77 судахъ, снаряженныхъ лондонскимъ купечествомъ. Сверхъ того, 5000 готовы къ отправленію, и на дняхъ будутъ посланы. Полагая на путешествіе среднимъ числомъ 90 дней, и считая полки, которые должны прибыть изъ Китая, съ мыса Доброй Надежды и острова Св. Маврікія, *Times* думаетъ, что къ концу года европейская армія Остъ-Индіи будетъ простирается до 48,000 человекъ. Подкрѣпленія изъ Китая уже прибыли. Вмѣстѣ съ ними въ Калькутту пріѣхалъ самъ главнокомандующій, лордъ Эльгинъ. Говорятъ, что лордъ Эльгинъ рѣшился пріѣхать безъ предварительныхъ сношеній съ министерствомъ и для личнаго объясненія съ лордомъ Каннингомъ. Дѣло идетъ о замѣненіи вѣрными сипаями англійскихъ войскъ, находящихся въ Китаѣ, и перевозѣ послѣднихъ въ Остъ-Индію. Сипаи не любятъ Китайцевъ, и дерутся съ ними съ крайнимъ ожесточеніемъ, такъ что Китайцы прозвали ихъ черными дьяволами. Лордъ Каннингъ пробудѣтъ въ Калькуттѣ около двухъ недѣль. Генераль сэръ-Коллинъ Кампбелль, назначенный главнокомандующимъ въ Остъ-Индію, прибылъ туда въ концѣ іюля. Какъ большая часть теперешнихъ англійскихъ генераловъ, онъ уже немолодъ. Ему теперь 68 лѣтъ. Журналы хвалятъ его опытность. Мало генераловъ, которые принимали участіе въ столькихъ сраженіяхъ. Съ 1809 по 1814 годъ онъ участвовалъ въ испанской экспедиціи, находясь еще въ низшихъ офицерскихъ чинахъ. Въ 1842 году онъ служилъ въ Китаѣ, и въ томъ же году былъ отправленъ въ Индію, откуда возвратился только въ 1864 году.

Генераль-губернаторъ издалъ новую прокламацію къ жителямъ

Остъ-Индіи, съ убѣжденіемъ сохранять вѣрность англійскому правительству,

Къ войску, посланному изъ Англіи, вскорѣ присоединится ополченіе. Въ нѣкоторыхъ городахъ муниципалитеты вызвались собрать милицію на свой счетъ, и обратились за разрѣшеніемъ къ военному министру. Вообще въ обществѣ видно расположеніе не падать издержекъ для вторичнаго покоренія Индіи. Но несмотря на это, наборъ идетъ довольно плохо. Недавнее распоряженіе герцога Кембриджскаго о приѣмѣ съ чиномъ прапорщика всякаго молодого человѣка, который наберетъ сто рекрутовъ, осталось безъ важныхъ послѣдствій. Въ охотникахъ не было недостатка. Нашлось много молодыхъ людей, которые вызвались набрать отряды и увѣдомили о томъ военное министерство, но до сихъ поръ еще ни одинъ изъ нихъ не могъ исполнить своего обѣщанія. Англія, «расточительная на деньги, но скупая на людей», какъ любятъ ее называть ея публицисты, и въ этомъ случаѣ осталась вѣрна своему характеру. Благотворительныя подписки, частныя пожертвованія въ пользу потерпѣвшихъ отъ бунта идутъ успѣшнѣе, чѣмъ когда-либо, а волонтеры являютса медленно. Правительство думаетъ предложить отставнымъ майорамъ чинъ подполковника, если они снова поступятъ въ службу и наберутъ тысячу человѣкъ. Журналы полагаютъ, что министерство должно будетъ возвысить премію, которую получаютъ новобранцы, и жалованье солдатъ; иначе армія не выдержитъ соперничества съ фабриками и желѣзными дорогами. Морское управленіе давно уже прибѣгло къ этому средству, и привлекаетъ деньгами матросовъ. Замѣчательно, какъ незначительны средства, предоставленныя королю англійскою конституціею. Въ большинствѣ случаевъ, предпріятія правительства, сколько бы они ни имѣли общественнаго характера, поддерживаются точно такъ же, какъ и частныя. Иногда, и даже нерѣдко, отсюда возникаютъ большія затрудненія; но Англія неохотно отказывается отъ старыхъ учреждений, благодарная имъ за свою вѣковую свободу.

Одному изъ такихъ старыхъ, отжившихъ учреждений теперь однако наступаетъ конецъ. Отмѣны Остъ-Индской компаніи настоятельно требуетъ общественное мнѣніе. Въ свое время существованіе Компаніи было источникомъ многихъ пріобрѣтеній. Оно сообщило покоренію Индіи всю энергію, всю настойчивость частнаго предпріятія, и избавило британское правительство отъ всякихъ денежныхъ издержекъ. Но теперь Компанія не приноситъ ни барышей своимъ акціонерамъ, ни государственной пользы. При настоящей воей организаціи, права Компаніи могутъ препятствовать успѣшному дѣйствію правительства, ибо, хотя съ 1853 года оно участвуетъ въ составленіи правленія директоровъ, но это участіе самое незначительное: изъ 18 членовъ только 6 назначаются правительствомъ. Въ своихъ распоряженіяхъ Компанія довольно независима. Такъ напримѣръ хотя главнокомандующій арміей опредѣляется правитель-

ствомъ, но онъ можетъ быть смѣненъ Компаніей. Генералъ-губернаторъ назначается директорами. Последніе не имѣютъ только права избрать въ эту должность лицо, находящееся въ службѣ Компаніи. Право содержать войско ограничено лишь количественно: армія Компаніи не должна превышать 20,000. Во всемъ остальномъ Компанія дѣйствуетъ независимо. Понятно, какъ неудобенъ такой порядокъ вещей при современномъ ходѣ дѣлъ. Въ самой Калькуттѣ многіе желаютъ упраздненія Компаніи. 3-го августа, живущіе тамъ Европейцы составили митингъ для подачи объ этомъ прошенія парламенту. Въ просьбѣ упрекаютъ остъ-индское управление въ пренебреженіи благоразумныхъ совѣтовъ мѣстной журналистики. «Управление, сказано здѣсь, сумѣло только прибѣгнуть къ стѣснительнымъ мѣрамъ относительно журналовъ, но не хотѣло ихъ слушать, когда они говорили ему дѣло.» Вѣроятно, это желаніе будетъ скорѣ исполнено. Правленіе директоровъ само наконецъ убѣдилось въ недостаткахъ остъ-индскаго. Недавно оно имѣло засѣданіе, на которомъ одинъ изъ директоровъ сдѣлалъ предложеніе, чтобъ остъ-индское населеніе имѣло право избирать депутатовъ изъ членовъ университетовъ. Предложеніе было обойдено.

Какъ новый матеріалъ для заключенія о причинахъ остъ-индскаго волстанія, не можемъ не упомянуть о просьбѣ, поданной мѣстному управленію Бомбейскаго президентства нѣсколькими индусами, парсами и магометанами. Извѣстно, что миссіонеры, возвратившіеся изъ Индіи, всячески отклоняютъ подозрѣніе въ содѣйствіи ихъ пропагандѣ со стороны администраціи. Просьба, о которой мы говоримъ, представляетъ вопросъ нѣсколько въ другомъ видѣ. Въ ней сказано, что хотя при учрежденіи въ 1823 г. «Общества Воспитанія» (Native Education Society) былъ обѣщанъ самый строгій религіозный нейтралитетъ, но это обѣщаніе не совсѣмъ было сдержано. Правда, администрація открыто не содѣйствовала обращенію; но во всѣхъ изданныхъ ею учебникахъ христіанскія понятія примѣшаны къ элементарнымъ свѣдѣніямъ. Этими способомъ дѣти не могли ничего узнать, не пачкая отчасти религіи предковъ. Администрація признала основательность жалобы и приказала отмѣнить преподаваніе по такимъ учебникамъ.

Что касается до характера мятежа, то страшныя убійства, которыми онъ сопровождается, заставляютъ многихъ предполагать участіе въ немъ религіознаго элемента. Не надобно думать однако, что здѣсь главную роль играютъ оскорбленныя вѣрованія. Это еще можетъ быть справедливо въ отношеніи къ мусульманамъ; между членами другихъ исповѣданій корень ожесточенія не въ оскорбленіи этого чувства. Но между странными сектами, покрывающими Остъ-Индію, есть такія, которыя, по своему свойству, должны были принять участіе въ кровопролитіяхъ. Индія—сторона самыхъ разнообразныхъ религій. Между

тѣмъ, какъ въ образованныхъ слояхъ населенія господствуетъ тео-филантропизмъ, религія безъ внѣшнихъ обрядовъ, приближающаяся къ чистому пантеизму, — въ другихъ слояхъ его еще приносятъ человѣческія жертвы. Пять или шесть лѣтъ тому назадъ одинъ браминъ былъ приговоренъ къ смертной казни за то, что принесъ въ жертву козла богинѣ Кали, онъ тѣмъ же ножомъ закололъ двухъ свидѣтелей его жертвоприношенія. На сѣверо-западъ отъ Бенгальскаго залива живетъ горное племя Хондовъ (Khond), которое приноситъ человѣческія жертвы богинѣ земли. Эти жертвы называются *меріа*. Ихъ не берутъ между горными жителями, но покупаютъ или берутъ силою изъ числа жителей долинъ. Богиня Кали особенно любитъ, чтобы ей приносили въ жертву дѣтей. Оттого нерѣдко сами матери, несмотря на надзоръ со стороны мужей, умерщвляютъ своихъ младенцевъ. Дѣтоубійство такъ распространено въ Индіи, что Остъ-Индская компанія не могла уничтожить этого обычая, несмотря на всѣ свои усилія. Страшные поклонники богини Кали составляютъ секту убійць, которая сама себя называетъ *тагами* (thugs). Это названіе происходитъ отъ глагола *thugma*, что буквально значитъ обманывать. Убійство замѣняетъ для этихъ сектаторовъ молитву, потому что ихъ богиня есть во одно время и богиня земли, и богиня смерти. Обыкновенно они неожиданно набрасываютъ арканъ на чело-вѣка и душатъ такимъ образомъ свою жертву. Многіе думаютъ, что Нана-Сагибъ принадлежитъ къ этой сектѣ.

Въ маленькихъ французскихъ владѣніяхъ въ Остъ-Индіи замѣтно тоже волненіе. Французское правительство, по новому условію съ англійскимъ, отправило туда 500 солдатъ. Еще до полученія извѣстія объ этомъ 17 торговыхъ домовъ Бордо подали просьбу въ коммерческую палату этого города о томъ, чтобы она обратила вниманіе правительства на необходимость принять мѣры для сохраненія порядка въ Шандернагорѣ и Пондишери.

Во Франціи въ послѣднее время не было ни одного внутренняго событія, на которое бы стоило обратить вниманіе. Журналы были исключительно посвящены дипломатическимъ происшествіямъ и великолѣпнымъ маневрамъ въ шалонскомъ лагерѣ. Тишина внутренней жизни была нарушена только грустными извѣстіями о новыхъ потеряхъ для литературы. Еще недавно облакивали Беранже. Теперь смерть похитила еще двухъ замѣчательныхъ людей: извѣстнаго критика Густава Планша и знаменитаго ориенталиста Катрмера де-Кенси. Въ Парижѣ также окончилъ жизнь Манини, одинъ изъ итальянскихъ двигателей 1848 года. Правительство приняло всѣ мѣры для того, чтобы время и мѣсто погребенія не были извѣстны, однако, несмотря на совершенное молчаніе парижскихъ журналовъ, болѣе тысячи Итальянцевъ сопровождали гробъъ до кладбища. Публичная подписка на сооруженіе памятника запрещена правительствомъ.

Состояніе торговаго рынка, которое возбуждало сильныя опасенія,

нѣсколько улучшилось въ послѣднее время. Это, разумѣется, отразилось и на состояніи биржи, гдѣ обороты оживились въ сравненіи съ прежнимъ.

Въ Испаніи министерскій кризисъ продолжается, и еще нельзя предвидѣть, чѣмъ онъ разрѣшится. Королева, повидимому, не хочетъ ни лишиться теперешняго министерства, ни пожертвовать ему нѣкоторыми изъ лицъ своего двора, которыя внушаютъ ему опасенія. Въ длинномъ разговорѣ съ однимъ изъ министровъ, г. Пидалемъ, королева сказала, что не понимаетъ источника требованій кабинета. Сначала ожидали уступки. Думали, что генералъ Конча будетъ замѣненъ, въ управленіи Кубою, морскимъ министромъ, генераломъ Лерсунди; но слухи эти не подтвердились. Приближающіяся засѣданія кортесовъ будутъ, вѣроятно, поприщемъ ожесточенной борьбы между кабинетомъ и его противниками.

Въ Швейцаріи столкновение между союзнымъ правительствомъ и правительствомъ Ваадтскаго кантона еще продолжается. Чтобы понять всю важность этого вопроса надобно замѣтить, что онъ имѣетъ двѣ стороны. Въ немъ отражается не одно соперничество кантоновъ, но также и то политическое состояніе, въ которомъ теперь находится Швейцарія. Союзное собраніе, имѣющее верховную власть, состоитъ изъ національнаго совѣта (палаты представителей) и союзнаго совѣта, котораго члены суть министры и завѣдываютъ исполнительною властію. До сихъ поръ національный совѣтъ отличался умѣренностію, но послѣднія нештательскія происшествія, подогрѣвъ патріотическое чувство, въ то же время дали поводъ къ успѣхамъ крайнихъ партій. Это заставляетъ думать, что при ближайшихъ выборахъ, которые начнутся въ концѣ нынѣшняго года, составъ союзнаго собранія значительно измѣнится. Признаки броженія уже замѣтны. Хотя по швейцарской конституціи всякій имѣетъ право жаловаться собранію на распоряженія національнаго совѣта, но до сихъ поръ такія жалобы были рѣдки. Теперь они сдѣлались часты. Вотъ причины, почему Ваадтскій кантонъ возлагаетъ надежды на будущее собраніе. Что касается до причинъ столкновения, то поводъ къ нимъ заключался въ различныхъ рѣшеніяхъ центрального правительства и союзнаго собранія. Изъ двухъ линій желѣзной дороги между Лозанною и Берномъ, одну почитаетъ для себя выгодною Фрейбургъ, другую Ваадтъ. Національный совѣтъ утвердилъ послѣднюю линію, но союзное собраніе ее отвергло и приняло первую. Отсюда произошло столкновение, которое угрожало спокойствію Швейцаріи. Кажется однако, что дѣла начинаютъ принимать довольно мирный оборотъ. Предсѣдатель національнаго совѣта г. Фернеродъ издалъ прокламацію къ Ваадтскому кантону, убѣждая его не подавать повода къ раздорамъ. По послѣднимъ извѣстіямъ Ваадт-

скій кантонъ испрашиваетъ отсрочки для подробнаго разсмотрѣнія предполагаемой линіи. Это сдѣлано имъ для того, чтобъ выиграть время и дожидаться выборовъ. Тогда новому собранію будетъ принесена формальная жалоба.

Въ Сардиніи начались выборы представителей и избирательная борьба, которая, однако несмотря на старанія журналовъ, до сихъ поръ не принимаетъ большихъ размѣровъ. Кабинету помогла, разумѣется противъ своего желанія, клерикальная партія, не возбуждающая сочувствія въ Пиемонтѣ. Она имѣла неосторожность сказать въ своей программѣ, что подавать голосъ за духовенство значитъ оставаться католикомъ, а подавать голосъ за правительство значитъ отречься отъ религіи. Вслѣдствіе этой программы министерство съ своей стороны объявило, что всѣ члены либеральной партіи суть его кандидаты, но ни одинъ изъ членовъ клерикальной партіи.

Въ Австріи ходили слухи о смерти черногорскаго князя Данила, но они не подтверждались. Въмѣсто того правительство получало извѣстіе о томъ, что князь Данилъ съ своими Черногорцами поддерживаетъ возмущившихся Альбанцевъ.

Статистическій конгрессъ окончилъ свои зсѣданія 18 септѣбрѣ. Между замѣчательными актами, которые были сообщены на немъ представителямъ европейскихъ государствъ, нельзя не упомянуть о превосходномъ докладѣ барона Чернига о состояніи статистики въ Австрійской имперіи. Административная статистика съ недавняго времени извѣстна въ Австріи, но успѣла уже обогатиться важными средствами и богатыми пособіями. Статистическое бюро существуетъ съ 1828 года, но долгое время оно не имѣло большаго значенія. Оно было только вспомогательнымъ учрежденіемъ для центральной отчетности; личный его составъ временно былъ образованъ изъ чиновниковъ государственнаго контроля. Въ 1840 году это бюро было преобразовано въ управленіе административной статистики, и кругъ его дѣятельности значительно распространенъ. Уже въ слѣдующемъ году обнаружались благотѣльные послѣдствія преобразованія: улучшены были существовавшія дотолѣ синоптическія таблицы и прибавленъ къ нимъ пояснительный текстъ; собраны были документы о виѣшной торговлѣ, мореплаваніи и средствахъ сообщенія, а также историческія данныя объ учрежденіи торговаго судоходства и желѣзныхъ дорогъ. Потребность гласности и ученой обработки статистики была такъ ощутительна, что правительство разрѣшило печатаніе статистическихъ таблицъ; потомъ было разрѣшено вообще печатать ежегодно собираемая статистическія свѣдѣнія. Но всѣ эти мѣры были только первымъ шагомъ къ тому рѣшительному перевороту, который произошелъ въ статистическихъ работахъ въ Австріи послѣ 1848 года. Съ этого времени принята за

основаніе монографическая метода, состоящая въ отдѣльномъ описаніи каждой отрасли государственной и экономической жизни. Усилившаяся гласность повела къ изданію многочисленныхъ матеріаловъ, которые прежде были недоступны публикѣ. Изложивъ подробно по означеннымъ эпохамъ исторію статистики въ своемъ отечествѣ, баронъ Чернигъ переходитъ, въ своемъ докладѣ, къ опредѣленію цѣли международныхъ конгрессовъ. Цѣль ихъ — сдѣлать однообразными кадры, по которымъ излагаются статистическія работы въ разныхъ государствахъ, для того чтобы возможно было сравнить ихъ результаты. Въ числѣ мѣръ, принятыхъ для этой цѣли, важное мѣсто занимаетъ предположеніе о сравнительномъ изученіи дѣйствія различныхъ гражданскихъ и уголовныхъ законодательствъ. Мы говорили уже объ этомъ мимоходомъ въ предыдущемъ обзорѣ, но теперь, пользуясь обширнымъ докладомъ г. Чернига, скажемъ еще нѣсколько словъ въ пополненіе прежде сообщенныхъ свѣдѣній. Чтобы сравненіе было здѣсь возможнымъ, необходимо прежде всего установить однообразную номенклатуру терминовъ. Извѣстно, что одни и тѣ же слова имѣютъ не одинаковый смыслъ въ разговорномъ языкѣ и въ языкѣ закона; сверхъ того, одинаковые термины употребляются съ разнымъ значеніемъ въ разныхъ государствахъ. Поэтому конгрессъ изъявилъ желаніе, чтобы эти номенклатуры въ будущихъ трудахъ конгресса, и въ особенности въ официальныхъ статистическихъ извѣстіяхъ, были дополнены по каждому государству точнымъ опредѣленіемъ, въ какомъ смыслѣ законъ понимаетъ различныя преступленія и проступки. Къ трудамъ подобнаго рода конгрессъ приглашаетъ европейскихъ юристовъ. На основаніи такихъ работъ, будетъ составлена сравнительная таблица преступленій. Конгрессъ въ особенности жаждетъ точнаго обозначенія вторичныхъ преступленій или такъ-называемыхъ рецидивовъ. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ всѣмъ правительствамъ завести, по примѣру Франціи, особые каталоги, извѣстные тамъ подъ названіемъ *cahiers judiciaires*. Они ведутся въ каждомъ французскомъ судѣ первой инстанціи, и въ нихъ записывается кратко приговоръ, произнесенный надъ преступникомъ. Въ министерствѣ юстиціи ведется центральный списокъ преступниковъ изъ иностранцевъ. Эти списки заведены во Франціи въ 1851 году. Къ подобнымъ спискамъ слѣдуетъ присоединить описаніе средствъ открытія преступленій въ каждомъ государствѣ. Другую важную часть уголовной статистики должно составлять исчисленіе важнѣйшихъ преступленій, съ показаніемъ ихъ причинъ. Требуются также показанія о количествѣ лицъ, присужденныхъ къ денежнымъ пенямъ, чтобы была возможность опредѣлить дѣйствіе послѣднихъ. Планъ статистики гражданского судопроизводства предоставлено начертать третьему конгрессу. Теперешній конгрессъ ограничился общимъ указаніемъ предметовъ, которые должны входить сюда. Требуется, по

судопроизводству, показаніе судебныхъ издержекъ, послѣдствій судебныхъ рѣшеній, штрафовъ и тюремнаго заключенія за долги. Затѣмъ необходимо составить статистику обязательствъ и количество какъ тѣхъ договоровъ, которые заключаются при содѣйствіи судебныхъ мѣстъ, такъ и тѣхъ, которые совершаются безъ этого содѣйствія; также статистику продаваемыхъ имуществъ и цѣну ихъ, чтобы можно было видѣть движеніе поземельной собственности. Необходимы свѣдѣнія о брачныхъ контрактахъ, употребленіи гербовой бумаги и т. п.

Какъ видно изъ этого доклада, статистическій конгрессъ понялъ свою задачу самымъ широкимъ образомъ. Несмотря однако на значительность его требованій, съ которыми въ уровень не находится еще ни одно европейское государство, едва ли можно видѣть ошибку въ такой широкой постановкѣ вопроса. Опредѣленіе заранее той цѣли, къ которой совокупно должны стремиться всѣ страны Европы, было необходимо именно вслѣдствіе разнообразнаго состоянія въ нихъ статистическихъ работъ, которыя нужно привести къ единству. Что касается до нравственнаго вліянія конгресса, то оно не замедлило оказаться, возбудивъ энергію въ каждомъ изъ членовъ. Нѣмецкіе члены конгресса, не довольствуясь своимъ участіемъ въ общихъ трудахъ, собрались еще особю для того, чтобы принять мѣры къ лучшему собранію статистическихъ свѣдѣній о Германіи. На одномъ изъ засѣданій разсуждали о томъ, какимъ образомъ должно заводить собранія статистическихъ матеріаловъ, слѣдуетъ ли ихъ предоставить частнымъ лицамъ, или, напротивъ, правительства должны взять на себя подобный трудъ. Многіе были того мнѣнія, что собраніе матеріаловъ слѣдуетъ предоставить частнымъ лицамъ, которыхъ дѣятельность всегда энергичнѣе офиціальной. Германія имѣетъ великолѣпный образецъ подобной дѣятельности— собраніе барона Редена, въ которомъ болѣе 1200 томовъ различныхъ статистическихъ данныхъ. Однако было рѣшено прибѣгнуть также и къ содѣйствію правительствъ, потому что многія средства частнымъ лицамъ недоступны.

Идея конгресса, совокупной работы, есть по преимуществу идея нашего времени. Но сверхъ того можно сказать, что это любимая идея Германіи. Въ Германіи къ ней присоединяется другая, затаенная мысль, мысль о народномъ единствѣ, которая, не имѣя возможности проявиться на политической почвѣ, выражается въ различныхъ обществахъ и союзахъ, съ цѣлю или изученія цѣлой Германіи или практической дѣятельности на всемъ ея пространствѣ. Замѣчательно, что даже въ религиозной сферѣ видно то же стремленіе дѣйствовать совокупными усиліями. Двѣ религіи, которыя борются въ Германіи, ищутъ обѣ опоры въ учрежденіи союзовъ. Мы имѣли уже не одинъ разъ случай говорить о евангелическомъ союзѣ въ

Пруссіи и католическихъ союзахъ, которые предполагали собраться въ Австріи для общаго совѣщанія. Въ концѣ нынѣшняго мѣсяца это совѣщаніе собралось въ Зальцбургѣ, при содѣйствіи князя архіепископа этого города и при огромномъ стеченіи посѣтителей, между которыми были члены императорскаго дома. Въ своихъ разсужденіяхъ католическій соборъ прежде всего высказалъ намѣреніе противо-дѣйствовать евангелическому союзу. Рѣчи, исполненныя выходокъ противъ протестантизма, занимали не малое мѣсто на этомъ соборѣ. Ими начались и окончились совѣщанія, онѣ примѣшались къ обсужденію каждаго отдѣльнаго вопроса. Съ особеннымъ жаромъ предсѣдатель собора, докторъ Либеръ нападалъ на лозунгъ евангелическаго союза: «да не будетъ папизма». Въ этихъ словахъ онъ видѣлъ совершенное непониманіе папизма. «Исторія, говорилъ онъ, всего лучше доказываетъ непоколебимость папства...» Еще страннѣе этой смѣлой ссылки на исторію была заключительная рѣчь доктора Крѣйзера изъ Кельна. Въ ней объяснялось значеніе словъ: «ультрамонтанъ» и «папистъ». Этими названіямъ, которыя даны въ качествѣ укорительныхъ прозвищъ приверженцамъ Рима, ораторъ придавалъ высокое значеніе. «Что такое папистъ?» говорилъ онъ. Нѣтъ выше этого названія. Въ сущности всякій человѣкъ есть папистъ, ибо всякій ребенокъ прежде всего начинаетъ произносить: папа. Иисусъ Христосъ тоже папистъ, потому что призывалъ своего Отца въ великой скорби, на Елеонской горѣ. Мы всѣ дѣти вѣчнаго Отца. То, что для другихъ составляетъ поруганіе, католики могутъ принять съ гордостію.» Среди этихъ странныхъ рѣчей зальцбургскій соборъ принялъ нѣсколько важныхъ рѣшеній. Первое состоитъ въ предположеніи открыть въ Зальцбургѣ католическій университетъ, для приготовленія служителей церкви и болѣе успѣшной борьбы съ протестантизмомъ. Другое касается открытія низшихъ католическихъ школъ и вспомоствованія имъ. Особенное вниманіе было обращено на положеніе литературы. Всѣ члены собранія единогласно признавались, что каждый изъ свѣтскихъ журналовъ имѣетъ одинъ болѣе подписчиковъ, нежели всѣ католическіе журналы вмѣстѣ. Католическіе литераторы должны поддерживать литературу не одними матеріальными, но также и духовными средствами. Затѣмъ выражена была необходимость противо-дѣйствовать дурнымъ романамъ и составить каталогъ запрещенныхъ книгъ.

Между тѣмъ, какъ зальцбургскій соборъ прибѣгаетъ къ стѣснительнымъ мѣрамъ, чтобъ упрочить успѣхъ католицизма въ Германіи, евангелическій союзъ въ Пруссіи заботится о возстановленіи нарушенной связи между религіей и философіей. Мы говорили уже объ этомъ замѣчательномъ собраніи, на которое призваны всѣ духовныя силы протестантизма для борьбы съ такъ-называемою церковною партіей, которой мертвая формальность вызываетъ столько неудоволь-

ства, и съ рационализмомъ. Много важныхъ вопросовъ было поднято на его засѣданіяхъ. Союзъ открылъ ихъ вступительною рѣчью доктора Круммахера, въ которой была провозглашена полная свобода каждаго изъ протестантскихъ исповѣданій. Цель союза, сказано въ этой рѣчи, состоитъ не въ уничтоженіи мѣстныхъ особенностей, но напротивъ въ ихъ сохраненіи и изученіи. Въ нихъ выразилась національный духъ каждаго изъ протестантскихъ народовъ и каждый изъ этихъ народовъ можетъ чему-нибудь научиться у другаго. Мысль евангелическаго союза не замедлила обнаружиться. Уже на одномъ изъ первыхъ его засѣданій были высказаны упреки современному богословію въ Германіи, и слѣдовательно церковной партіи. Богословіе приняло слишкомъ доктринерный характеръ; оно не проникаетъ въ глубину божественнаго слова; его сухость отразилась въ схоластической формѣ проповѣдей, непонятныхъ и недоступныхъ для народа. Это тѣмъ непростительнѣе, что въ новое время наука все болѣе и болѣе стремится къ общедоступности. Сверхъ того богословіе приняло совершенно виѣшній характеръ. Съ 1817 года оно постоянно стремится возвратиться къ XVI вѣку, заключить себя въ строго-очерченномъ кругѣ Аугсбургскаго Исповѣданія. Съ 1830 г. образовалось такое богословское ученіе, которое все свое спасеніе видитъ въ символическихъ церковныхъ формахъ и постоянно заботится о томъ, чтобы сдѣлаться государственною религіей. Этому-то мертвенному ученію, по мнѣнію ораторовъ союза, обязанъ своимъ происхожденіемъ рационализмъ, а никакъ не піэтизмъ. Въ настоящее время материализмъ имѣетъ болѣе власти надъ сердцами народа, нежели это мертвое ученіе. Такимъ образомъ первая мысль, выраженная союзомъ, состояла въ прочномъ соединеніи религіи съ наукой. Другой не менѣе важный вопросъ, поднятый имъ, касается отношенія церкви къ государству. Большинство членовъ союза было того мнѣнія, что государство должно всѣмъ предоставить полную свободу совѣсти и не обязано покровительствовать ни одной церкви. Вмѣшательство государства должно ограничиваться противодѣйствіемъ вреднымъ, противообщественнымъ ученіямъ. Исканіе покровительства со стороны свѣтской власти признано несогласнымъ съ духомъ реформаціи. Противодѣйствіе католицизму также занимало берлинское собраніе, какъ обратный вопросъ занималъ собраніе въ Зальцбургѣ; но надобно отдать справедливость евангелическому союзу: онъ и здѣсь не ушелся духомъ партіи. Успѣхи католицизма въ Германіи несомнѣнны. Члены союза признавались, что никогда еще іезуиты не были такъ сильны. Католики всячески стараются поставить протестантовъ въ невыгодное положеніе. Къ числу средствъ, къ которымъ они прибѣгаютъ, относится, между прочимъ, стремленіе изолировать протестантовъ, затрудняя сношенія между ними и католиками. Такъ напримѣръ они стараются установить строгое различіе между университетами на

основаніи религіи, отдѣлять католическія школы отъ протестантскихъ. Къ такой же политикѣ они прибѣгаютъ относительно германскихъ государствъ. Имъ не нравится безразличная свобода для всѣхъ исповѣданій. Они стремятся къ восстановленію религіознаго государства (confessioneller Staat), съ провозглашеніемъ одной господствующей религіи. Противъ этихъ попытокъ усиленія евангелической союзъ находитъ одно средство обороны: единство внутри протестантизма и успѣхи протестантовъ въ наукѣ, которая даетъ имъ лучшее оружіе для борьбы.

Къ сожалѣнію, засѣданія евангелическаго союза были омрачены двумя происшествіями, которыя противорѣчатъ его духу. Это упреки, сдѣланные кавалеру Бунзену, и замѣчанія о баптистахъ. Странно, что то и другое высказано тѣмъ самымъ пасторомъ Круммахеромъ, котораго либеральную рѣчь мы привели выше. Г. Круммахеръ упрекнулъ одного изъ членовъ союза, г. Мерль д'Обинье (Mérle d'Aubigné) за сближеніе съ г. Бунзеномъ, несмотря на рационализмъ, будто бы господствующій въ его послѣднихъ произведеніяхъ. Этотъ упрекъ въ особенности возмутилъ Англичанъ, которыхъ сочиненія Бунзена заставили принять участіе въ евангелическомъ союзѣ. Остальные члены союза немедленно протестовали противъ этого обвиненія. Тотъ же г. Круммахеръ упрекалъ баптистовъ за излишній прозелитизмъ и враждебный взглядъ на другія протестантскія исповѣданія. Баптисты защищались отъ этого упрека. Эти два случая были единственнымъ исключеніемъ изъ того духа единства и согласія, которыя царствовали на засѣданіяхъ союза. Въ евангелическомъ союзѣ участвовали 1254 члена. Впечатлѣніе, произведенное имъ въ Германіи, было вообще самое благопріятное. Увѣряютъ, что Шталь, одинъ изъ предводителей церковной партіи, намѣренъ оставить консисторію.

Кромѣ этихъ двухъ важнѣйшихъ собраний, Германія занята еще множествомъ другихъ, изъ коихъ нѣкоторыя не лишены большаго значенія. Во Франкфуртѣ на Майнѣ началась 14-го сентября засѣданія международнаго благотворительнаго конгресса. Въ конгрессѣ принимали участіе 140 членовъ, изъ которыхъ 49 приходится на долю одного Франкфурта, 46 на долю другихъ государствъ Германскаго Союза, а остальные представители: Англіи, Бельгіи, Голландіи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Россіи, Франціи, Швейцаріи, Швеціи, Норвегіи и Дани. Конгрессъ продолжался четыре дня. Первое засѣданіе было посвящено чтенію отчетовъ о состояніи въ различныхъ государствахъ благотворительныхъ учрежденій. При этомъ было также обращено вниманіе на отношенія работниковъ къ хозяевамъ и слугъ къ господамъ. Затѣмъ былъ поднятъ вопросъ объ отношеніи общественной благотворительности къ частной. Г. Розенъ (изъ Варшавы) предложилъ наградить медалью, цѣною въ 200 флор., лучшее сочиненіе на слѣдующій предметъ: «нужны ли гарантіи для

частной благотворительности? можетъ ли она быть ограничиваема? Не противорѣчатъ ли ей какія-нибудь законодательства, и нужно ли согласить эти законодательства съ ея требованіями?» Въ третьемъ засѣданіи конгресса было предложено учредить международное общество благотворительности, съ цѣлію содѣйствовать частнымъ обществамъ въ различныхъ государствахъ. Мѣстомъ пребыванія такого общества предполагается назначить Брюссель. Рѣшено также приступить къ образованію обществъ сельскаго хозяйства въ различныхъ городахъ Германіи для распространенія свѣдѣній по этой части. Обращено вниманіе на тюремное заключеніе и состояніе сиротскихъ школъ. Въ слѣдующемъ году не будетъ собранія благотворительнаго конгресса.

Наконецъ въ Германіи же происходятъ теперь годичныя засѣданія различныхъ обществъ: въ Боннѣ собрались натуралисты, въ Аугсбургѣ историки, въ Веймарѣ открылъ засѣданія новый союзъ историковъ общественнаго быта.

Въ Баденѣ къ первому сентября было окончено важное преобразование, — отдѣленіе судебной части отъ административной, которое подавало поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкамъ. Для полной независимости судебной части не достааетъ теперь только, чтобъ судебно-полицейскія дѣла были также изъяты изъ вѣдомства управленія и переданы судамъ. Совершеніемъ этой реформы баденское законодательство будетъ приведено въ полное согласіе съ Code Napoléon, который служитъ ему образцомъ, съ немногими исключеніями.

Въ Лейпцигѣ открыто общество для улучшенія жилищъ бѣдныхъ людей.

Въ Швеціи затрудненія, возникшія вслѣдствіе болѣзни короля Оскара, наконецъ прекратились. Вопросъ о регентствѣ имѣетъ тамъ особенную важность, ибо соединенъ съ измѣненіемъ въ конституціи. По конституціи 1815 года, которую король Карлъ Іоаннъ (Бернадоттъ) подтвердилъ присягою при вступленіи на престолъ, управленіе государствомъ, въ случаѣ болѣзни короля, поручается совѣту, составленному изъ десяти Шведовъ и десяти Норвежцевъ. Понятно, что, при совершеннолѣтіи наслѣднаго принца, это ставитъ его въ ложное положеніе. Поэтому монархическая партія въ Швеціи желала переменъ въ конституціи, между тѣмъ какъ демократическая партія требовала ея полного соблюденія. Вслѣдствіе этого многіе думали, что вопросъ о регентствѣ возбудитъ сильную борьбу въ четырехъ шведскихъ палатахъ и въ норвежскомъ стортингѣ. Противъ ожиданія однако овъ былъ рѣшенъ скоро и безъ большаго противодѣйствія. Личное уваженіе, которымъ пользуется король Оскаръ, заставило согласиться на его желаніе. Самая сильная оппозиція была въ палатѣ крестьянъ, но и тамъ большинство подадо голоса за наслѣднаго принца.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ вопросъ о невольничествѣ опять стоитъ на первомъ планѣ. Въ Штатѣ Миссурѣ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ происходили выборы губернатора. Партія рабовладельцевъ и аболиціонистовъ выставили, каждая, своего кандидата. Первая одержала верхъ, и ея кандидатъ, г. Стюартъ (Stewart), сдѣлался главою мѣстнаго управленія. Къ сожалѣнію, въ Америкѣ вопросъ о невольничествѣ не стоитъ особо. Къ нему присоединились вопросы о независимости штатовъ или преобладаніи союзной власти. По этой же причинѣ конституція Канзаса, которая должна быть вскорѣ составлена его палатою, подаетъ поводъ къ ожесточенной борьбѣ между демократами и аболиціонистами. Президентъ сохраняетъ полный нейтралитетъ въ этомъ вопросѣ, предоставляя новому штату дать себѣ конституцію по собственному усмотрѣнію, но ни одна изъ враждующихъ партій не довольна такимъ способомъ дѣйствій, и упреки со всѣхъ сторонъ сыплются на г. Буканана. Замѣчательно, что, какъ ни сильно возбужденъ вопросъ о невольничествѣ, большинству еще не приходитъ въ голову взглянуть на него съ точки зрѣнія религіи или человѣколюбія. До сихъ поръ онъ всего болѣе разсматривается съ экономической точки зрѣнія: судятъ не о правѣ владѣть неграми, но о преимуществахъ вольнаго или принудительнаго труда. Этимъ, можетъ-быть, объясняется странный способъ вмѣшательства со стороны духовенства въ вопросъ о Канзасѣ. Сорокъ три духовныя лица изъ Штата Коннектикутъ написали письмо къ г. Буканану, убѣждая его измѣнить политику относительно новаго штата. По мнѣнію авторовъ письма, отправленіе войска въ Канзасъ есть нарушеніе той свободы, которою каждый штатъ долженъ пользоваться внутри своей территоріи. Г. Букананъ отвѣчалъ имъ длиннымъ отвѣтомъ, гдѣ мастерски защищаетъ свой образъ дѣйствія. Его политика состоитъ, говоритъ онъ, въ предоставленіи полной свободы каждому штату, каждому гражданину—выражать свое мнѣніе всѣми законными средствами; но всякая попытка прибѣгнуть къ насилію будетъ имъ немедленно подавлена. Въ заключеніе президентъ проситъ духовенство употребить свое вліяніе на умы для прекращенія того волненія, которое вездѣ возбуждаетъ невольничество. Какимъ образомъ будетъ рѣшенъ вопросъ о конституціи Канзаса, нельзя еще пока сказать утвердительно. Шестьдесятъ депутатовъ, на которыхъ возложено составленіе конституціи, всѣ принадлежатъ къ числу приверженцевъ невольничества; но составленная ими конституція поступитъ потомъ на разсмотрѣніе избирателей и затѣмъ на разсмотрѣніе конгресса.

Финансовый кризисъ въ Нью-Йоркѣ не кончился. Нѣкоторое время надѣялись, что дѣла пойдутъ лучше, но банкротство шести торговыхъ домовъ, одинъ за другимъ испытавшихъ эту катастрофу, заставляетъ думать, что затруднительное положеніе еще далеко отъ окончанія.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Утага, мормоны намѣрены сопротивляться союзному войску.

Добываніе золота въ Калифорніи, уменьшившееся въ 1854 году, опять стало возрастать въ 1856. Думали, что если оно и не будетъ уменьшаться, то по крайней мѣрѣ не увеличится. Но на дѣлѣ оказалось не то. Къ добыванію золота были примѣнены механическія средства, и это облегчило работу, которая у отдѣльныхъ золотокоповъ нерѣдко бесполезно поглащала значительное время. Образовались торговыя товарищества, которыя, располагая значительными средствами, производятъ работы не иначе, какъ посредствомъ машинъ. Увеличеніе количества добываемаго золота приняло баснословныя размѣры. Въ теченіе девяти лѣтъ это количество увеличилось слишкомъ въ $3\frac{1}{2}$ раза. Въ 1848 году, когда начались первыя работы, золота было вывезено всего на сумму 75 милл. фр. (около 18,500,000 р. сер.), а въ 1856 г. на сумму 253 милл. фр. (болѣе 68 милл. р. сер.) Къ этой цифрѣ надобно еще присоединить тѣ суммы, которыя высланы торговцами, банкомъ, и вывезены золотокопами безъ объявленія въ таможенѣ. Количество тайно вывезеннаго золота составляетъ по крайней мѣрѣ третью часть объявленнаго. Слѣдовательно можно полагать, что въ 1856 г. всего отпущено изъ Калифорніи почти на 338 милл. фр. Думаютъ, что въ 1857 г. эта сумма возрастеть до 360 милл. Есть причины предполагать, что почти столько же доставляетъ теперь Австралія. Вообще Калифорнія въ теченіи девяти лѣтъ доставила золота на сумму 2,444 милл. фр., то-есть около 610 милл. р. сер. Это приблизительно десятая часть всего золота, обращающагося въ цѣломъ мірѣ.

Въ Персіи провозглашенъ наследникомъ престола старшій сынъ шаха, ребенокъ семи или осьми лѣтъ. Провозглашеніе было замѣнено выборомъ счастливаго дня для церемоніи. Оно происходило съ большимъ торжествомъ.

Въ дополненіе къ новому закону, которымъ установлено равенство правъ между всѣми Персіянами, несмотря на различіе религій, шахъ принялъ еще другую важную мѣру. Онъ возобновилъ старинный обычай, прекратившійся три четверти вѣка тому назадъ. По этому обычаю всѣ персидскіе города имѣли у трона родъ представителей, называвшихся *векиль* и *райя*, прокуроръ населенія. Потомокъ одного изъ этихъ прокуроровъ уже назначенъ въ эту должность. Другіе города то же получаютъ офиціальныхъ защитниковъ.

Новѣйшія Извѣстія.

Прибытіе къ Дельги генерала Никольсона увеличило осаждающее войско до 11,000. Приступъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, назначенъ 20 августа. Генералъ Гевлокъ снова прибылъ къ Лакнау, но прежде этого долженъ былъ снова взять Биссуръ, которымъ овладѣли 4,000 инсургентовъ, пришедшихъ изъ Сангора.

С М Ъ С Ъ

ДВѢ НЕДѢЛИ ВЪ ПАРИЖѢ.

Многое уноситъ время. Съ годами тупѣетъ впечатлительность, нѣтъ мѣста безотчетнымъ восторгамъ; смотришь на людей и на вещи какъ-то въскзательнѣе и холоднѣе, и сколько сладкихъ воспоминаній изглаживается при новыхъ столкновеніяхъ! Говорятъ, что съ лѣтами мѣняется человѣкъ; но не мѣняются ли также и цѣлыя общества? Въ чемъ сокрыта причина измѣненія — вотъ вопросъ.

Я оставилъ Парижъ передъ самою революціей. Столица кипѣла недовольствомъ, молодое поколѣніе волновалось, журналы подкапывали непрочное основаніе трона *мъщанскаго* короля, ораторы громили народъ, на улицахъ показывались блузы... одинъ Гизо оставался покоенъ. Усыпленный король полагалъ, что буря пронесется мимо... Буря пронеслась, какъ извѣстно, увлекши и тронъ и королевство. Снова баррикады, трупы и кровь, снова республика; потомъ баррикады, трупы и кровь, снова имперія. Наконецъ все смыто, вычищено, вымощено — имперія и миръ, имперія и порядокъ. Десять лѣтъ прошло съ *февральскихъ* дней; всѣ, кажется, стали умнѣе, положительнѣе, а главное — практичнѣе. Итакъ: посмотримъ на нынѣшній Парижъ.

Оба раза я пріѣзжалъ въ Парижъ ночью, оба раза я былъ пораженъ блескомъ огней, ослѣпительнымъ блескомъ для глаза, непривыкшаго къ газу. Парижъ нынѣшній свѣтлѣе и чище Парижа прошедшаго. Цѣлые дома, цѣлыя вывѣски горятъ, окаймленные газовыми языками; на улицахъ вѣчное движеніе, вѣчная иллюминація. По бульварамъ до отеля я прошелъ пѣшкомъ; та же толпа, то же движеніе; размножились только разнаго рода магазины, кафе и рестораны.

Утромъ, лишь только опустилъ я кусокъ булки въ чашку попрежнему отвратительнаго чая съ жидкимъ химическимъ молокомъ, явился комиссіонеръ гостинницы, скучный, картавый и глупый. Онъ мнѣ пѣлъ о Русскихъ, жившихъ въ отелѣ, объ услугахъ, которыя оказывалъ моимъ соотечественникамъ, и такъ докучливо и назойливо предлагалъ и мнѣ свои услуги, что я принужденъ былъ его выслать... Или нервы мои слишкомъ разстроены, или обычаи французскихъ отелей измѣнились. Помнится, такія личности были принадлежностію итальянскихъ гостинницъ, и никогда не появлялись въ Па-

рижѣ. Наскоро одѣваюсь и спѣшу взглянуть на новый Парижъ, украшенный и значительно распространенный. Коляска ждет меня у подъѣзда. Кучеръ мрачнаго вида довольно грубо и отрывисто спрашиваетъ меня, куда ѣхать. Вотъ мы несемся по новому для меня городу, по новымъ улицамъ. Вотъ безконечная Риволийская улица, прямая и роскошная; вотъ и старая башня Св. Іакова, обнаженная, съ новою подставкой въ видѣ свода; около нея небольшой скверъ и тощая зелень, которую поливаютъ немилосердно. Направо и налево идетъ страшная ломка, сносятъ цѣлые дома и пробиваютъ новую улицу. Хлопочуть о Севастопольскомъ бульварѣ, безъ котораго, изволите ли видѣть, Парижу и существовать невозможно; трудятся, спѣшать; на все назначены сроки. Горы мусору и пыль страшная. Ѣдемъ далѣе. Вотъ и Карусельская площадь, вотъ и новоотстроенный Лувръ. Оставляю экипажъ и иду пѣшкомъ черезъ дворъ, на которомъ некогда стояла конная статуя благороднаго герцога Орлеанскаго; статуя снята, а площадь украшена травосѣяніемъ.... Соединеніе двухъ большихъ дворцовъ представляетъ грандіозное зрѣлище. Новыя постройки раздавили старый Тюльери. Дворъ и скверы красивы и изящны. Сотни статуй говорятъ обо всемъ, что во Франціи было великаго и знаменитаго. Для строгаго любителя скульптуры, статуи можетъ-быть покажутся не совсѣмъ отчетливой работы, но когда же было отдѣлывать статуи? надо было спѣшить, Лувръ долженъ былъ поспѣть вовремя, и онъ поспѣлъ. Наконецъ мы на площади Согласія. Шумятъ и бьютъ громадные фонтаны. Площадь та же, къ ней не пристроили ни будки; она попрежнему прекрасна. Въѣзжаемъ въ Елисейскія поля, измѣненные и украшенные. Налево подымаетъ свою хрустальную крышу тяжелое зданіе, именуемое Palais d'Industrie, съ граціозными фонтанами у входа. Съ одной стороны зданія, красуется конная статуя императора, мастерски посаженная на хорошо-отлитаго коня. Направо рядъ новыхъ пѣвчихъ и непѣвчихъ кофейныхъ и театрѣ. За Тронною заставою, для путешественника, не видавшаго Парижа нѣсколько лѣтъ, открывается совершенно новый міръ. По прежнимъ пустырямъ проложено широкое и гладкое шоссе. По обѣимъ сторонамъ возникаютъ новые дома, дачи, виллы самой кокетливой, самой причудливой архитектуры. Вездѣ палисадники, чугунины рѣшетки, стройка и ломка. Вотъ и Булонскій лѣсъ; но это не прежняя скромная роща, куда Парижане ѣздили и ходили подышать воздухомъ,—это роскошный и обширный паркъ съ широкими аллеями для экипажей, съ чистыми, опрятными тропинками для пѣшеходовъ. На вновь вырытомъ прудѣ бѣлѣются паруса красивыхъ лодочекъ. Насыпаны горы, надѣланы гроты, каскады, набросаны красивые и разнообразные мостики. Все это выметено, вычищено и поливается безпрестанно подземными трубами, бьющими воду по всѣмъ направленіямъ. Свѣтло и свѣжо. Валая зелень орошается искус-

отвенно, тощая растительность поощряется искусствомъ. Повсюду виды, созданные искусствомъ. Но вотъ ворота. Надо платить 1 фр. за въездъ. Это западное мѣсто. Это Pré catelan, садъ внутри Булонскаго лѣса, съ дорожками, различными куртинами цвѣтовъ, съ кофейнями, бесѣдками, театрами, гдѣ по вечерамъ даются балы и праздники по 5 франковъ за входъ. Все ново, свѣжо, все отдѣлано съ замѣчательнымъ вкусомъ.

Но пора въ городъ; всего не осмотришь здѣсь и въ цѣлый мѣсяць. Шестой часъ; длинная веревка экипажей тянется по направленію къ парку и отъ парка. Скромныя купе, извожичьи кареты, кабриолеты франтовъ, дорогия и массивныя коляски продажныхъ фей, съ ливрейными лакеями, все это перемежалось. Картина разнообразная.

Въ Café Anglais меня ждалъ уже особый номеръ, заказанный моими пріятелями. Здѣсь, какъ и въ отелѣ, меня поразила назойливая привязчивость прислуги. Съ перваго шага, лакей съ преважною и преблагообразною фізіономіей началъ мнѣ навязывать сигары по 1 фр. за штуку и, наклонясь на ухо, предлагалъ еще разныя разности... Окончательно здѣсь нравы переменялись. Скромный обѣдъ изъ четырехъ блюдъ обошелся намъ очень дорого. Цѣны были слѣдующія: жареная утка 15 франковъ, персикъ 2 фр. и проч., да еще въ счетъ нашлись нѣкоторыя ошибки и недосмотры: поставленъ былъ двойной комплектъ кровати, и номеръ комнаты 15-й сочтенъ за 15 франковъ, по разсѣянности. Странно! прежніе Парижане мѣщанскаго королевства были гораздо аккуратнѣе.

Вечеръ моего дня я закончилъ Французскимъ театромъ. Въ душевной залѣ было много зрителей. Прекрасная комедія Скриба «Стаканъ воды» шла очень вяло. Игра актеровъ манерна и искусственна. Я не узнавалъ ни французскаго партера, ни французскихъ актеровъ.

Раздосадованный, я возвратился домой, заплативши за коляску 30 фран. и давши 2 франка на водку. Когда я всходилъ на лѣстницу, до моего слуха долетали упреки кучера, недовольнаго двумя франками. Въ прежнее время коляска стояла 20 франковъ, и за 1 фр. pour boire говорили «спасибо».

Утро другаго дня началось опять появленіемъ комиссіонера и разными предложеніями съ его стороны всевозможныхъ услугъ, честныхъ и безчестныхъ. Одно знакомое мнѣ голландское семейство остановилось въ hôtel de Louvre. Ъду повидаться съ ними, а кстати и осмотрѣть пресловутую гостинницу, о которой я такъ много и читалъ и слышалъ. Справившись въ бюро, я тотчасъ же нахожу моихъ знакомыхъ, и мы вмѣстѣ начинаемъ осматривать знаменитый отель. Крытый стекломъ дворъ гостинницы чистъ и опрятенъ, въ воротахъ на правой сторонѣ помѣщается контора отеля, насупротивъ контора комиссіонерства. На дворѣвнизу, съ одной стороны, устроены ванны; съ другой, широкая и роскошная лѣстница ведетъ въ объденную

залу, въ кабинетъ для чтенія и въ номера, которыхъ считается до 800. Обѣденная зала обширна и отдѣлана съ роскошью, невиданною даже и въ Парижѣ. Гостинница содержится хорошо; но машина ея управленія слишкомъ уже сложна. Вотъ небольшой примѣръ. Мы рѣшились позавтракать и написали блюда завтрака. Лакей гостинницы тщательно списалъ копию съ нашей записки и ушелъ. Проходить полчаса, завтракъ не является... звонимъ! «Что же завтракъ?» — Я отдалъ въ контору копию. Чтобы понять это выраженіе надо знать, что здѣсь все идетъ по инстанціямъ. *Гарсонъ*, сдѣлавши копию съ письменнаго заказа, передаетъ ее въ контору; въ конторѣ записываютъ копию въ книгу и передаютъ ее повару; все это замедляетъ службу: это очень удобно для сведенія счетовъ, но выводитъ изъ терпѣнія самаго терпѣливаго изъ посѣтителей. За двѣ котлеты и зелень мы заплатили 9 франк., что еще не дорого по нынѣшнимъ цѣнамъ. Холостые номера въ гостинницѣ отъ 10 до 15 фр., есть и дешевле; но это уже въ поднебесьѣ. Общій столъ въ 6 часовъ по 6 фр. съ персоны, неудобство общаго стола то, что онъ тянется слишкомъ долго; а для не живущихъ въ отелѣ этотъ общій столъ неудобенъ тѣмъ, что на него надобно записываться за день. Вообще въ *hôtel de Louvre* слишкомъ шумно; вы живете слишкомъ уже на улицѣ; и многія семейства спѣшатъ оставить это созданіе современной спекуляціи.

Изъ всѣхъ новыхъ построекъ меня особенно поразили рынки. Вотъ зданіе роскошное, разумное и полезное. Всѣмъ извѣстна историческая грязь парижскихъ рынковъ и ихъ зловоніе, распространившееся на многіе кварталы. Новое зданіе рынковъ и громадно, и удобно. На высокихъ чугунныхъ колоннахъ лежитъ стеклянная кровля, покрывающая цѣлую площадь. Внутри крестомъ идетъ дорога, пропускающая рынки. Асфальтовая мостовая и чугунная рѣшетки отдѣляютъ сотни лавокъ, назначенныхъ для плодовъ, овощей, рыбы и проч. Все это подъ номерами, все это по отдѣленіямъ; подъ каждою лавочкой погребъ и большія окна, открывающіяся и закрывающіяся помощію блоковъ. Гранитъ, чугунъ и хрусталь, вотъ изъ чего сооружено зданіе, не имѣющее себѣ подобнаго въ цѣлой Европѣ. Здѣсь видимъ разумную трату милліоновъ, — не одинъ наружный блескъ, но и внутреннюю пользу.

Обѣдалъ въ *café Voisin*, который мнѣ рекомендовали какъ не дорогой; цѣны очень высоки и здѣсь: половина жареной курицы стоитъ 6 фр., компотъ изъ грушъ 2 фр., и 3 фр. блюдо зелени. Всего дороже въ Парижѣ — прислуга. Во всѣхъ отелахъ прислуга по франку въ день, да еще франкъ на прислугу вы тратите внѣ дома, что и составляетъ два франка, не считая порученій, изъ которыхъ каждое стоитъ франкъ. Рѣшительно не понимаю, какъ пробавляется теперь небогатое народонаселеніе многолюднаго города. Андра

совѣтовалъ мнѣ питаться плодами; но это питаніе оказалось совершенно невозможнымъ по цѣнамъ на фрукты.

Не могу не разказать здѣсь моего знакомства съ одною знаменитостію въ области медицины. Въ обществѣ Французовъ зашелъ разговоръ о нервныхъ болѣзняхъ, и мнѣ, какъ страдающему нервами, достали рекомендательное письмо къ г. N. Въ три часа отправляюсь въ Латинскій кварталъ. «Дома г. N?» — Пожалуйте въ приемную залу, отвѣчаетъ ловкій лакей, суя мнѣ въ руку номеръ: то былъ 18 номеръ. Вхожу въ приемную залу. Тишина страшная, человекъ пятнадцать разнаго пола и возраста сидятъ, едва смѣя дышать, въ ожиданіи очереди... Проходитъ часъ, другой, третій. Посѣтители рѣдѣютъ; но очередь до меня не доходитъ. Бьетъ шесть часовъ.— Приходите завтра, говоритъ мнѣ знаменитость. Удаляюсь съ сокрушеніемъ сердечнымъ, потерявши утро. За 5 франковъ покупаю себѣ у лакея 4-й номеръ, и на слѣдующій день достигаю до кабинета знаменитаго доктора. Онъ говоритъ со мною не долго, очень не долго, беретъ 20 франковъ и приглашаетъ меня на слѣдующій день. Три утра теряю я въ смиренномъ сидѣніи у дверей кабинета, плачу по 20 франковъ и не узнаю рѣшительно ничего о моей болѣзни. При разставаніи слышу вѣчно: «приходите завтра». Разумѣется я болѣе не возвращаюсь. Какъ быть! а все вѣдь оттого, что дорога говядина. Какъ мѣняютъ людей—цѣны на съѣстные припасы!

Изъ парижскихъ комиковъ, которыхъ мнѣ не случилось прежде видѣть, назову Прадо. Онъ играетъ фарсы, часто препошлые, но преуморительные. Никакое хладнокровіе не устоитъ передъ этою красною круглою фигурой, то одѣтою жрецомъ, то порхающею амуромъ, то плачущею, то смѣющеюся. Въ игрѣ его бездна веселости самой сообщительной и живой. Нѣсколько разъ я предпочиталъ его куплеты классическимъ комедіямъ, разыграннымъ щепетильною посредственностію и только доказывающими слишкомъ очевидную истину, что драматическое искусство во Франціи падаетъ, какъ и вездѣ въ Европѣ. Прежніе знаменитые таланты Франціи сходятъ со сцены, или умираютъ, новые появляются туго... Публика становится равнодушнѣе къ иллюзіямъ сцены. Меркантильные вопросы овладѣли умами и всосались въ кровь. Все занято биржевыми спекуляціями, все толпится на Place de la Bourse; поздніе объѣды измѣнили образъ жизни. Парижанинъ является въ театръ въ девятомъ часу, ко второму, къ третьему акту пьесы, усталый, не способный восхищаться тѣмъ или другимъ талантомъ. Партеръ, изъ постоянного и строгаго судьи, сдѣлался случайною публикой, собранною съ разныхъ концовъ Европы. Въ литературѣ тотъ же застой. Лучшіе таланты Франціи вымираютъ, кто въ изгнаніи, кто дома, окруженные сердобольною полиціей и ея безчисленными агентами. Молодые таланты мельчаютъ. Публика становится равнодушнѣе и равнодушнѣе. При мнѣ если что

и пробуждало какой-либо интересъ, то это будущая книга Гизо, дѣтеля прежней эпохи. Въ обществѣ слышишь иногда разговоры о политикѣ, и очень рѣдко о литературѣ. Мнѣ сказывали, что лекціи въ Сорбонѣ прошлый семестръ посѣщались большею частію лишь иностранцами. Молодое французское поколѣніе охотно идетъ въ военную службу, рано бросается въ торговыя операціи, наживается, банкротится, и принимается вновь за разнаго рода спекуляціи, позволительныя и непозволительныя. Все торгуется, плутуется и живетъ барышомъ, или мечтою о барышѣ. Парижъ — это европейскій рынокъ, гдѣ часто продается и то, что должно было бы оставаться неподкупнымъ и непродажнымъ. На улицахъ, на прогулкахъ, въ театральныя фойе, въ гостиницахъ, вы встрѣчаетесь съ обществомъ, счастливо названнымъ *demi-monde*; честнаго общества почти не видишь; лучшіе экипажи, лучшіе отели, лучшій туалетъ выпалъ на долю продажныхъ женщинъ, прокатывающихъ свое безстыдство съ рѣдкою самоувѣренностію.

Какъ измѣнился Парижъ! «Какъ измѣнился Парижъ», повторила мнѣ часто добрая хозяйка дома, гдѣ я жилъ. Для человѣка, который давно не видалъ Парижа, это совершенно новый городъ и новый міръ.

Въ одно прекрасное утро докладываютъ мнѣ объ одномъ господинѣ, желающемъ видѣть меня. Принимаю. «Купите у меня право на орденъ мальтійскаго кавалера?» — Помилуйте за кого вы меня принимаете? «Красивый орденъ, эффектная ленточка. Вотъ взгляните и патентъ. Возьму не дорого, двѣ тысячи франковъ. Знаете, въ Парижѣ не ловко ходить безъ ленточки; нынче всѣ съ ленточкой, всѣ *порядочные люди*.» Парижъ ли это?

Ночные праздники въ *Pré catelan* очень милы; садъ просторенъ и освѣщенъ съ большимъ вкусомъ; публика, наполняющая его аллеи, все почти иностранная. Иногда сердце ваше вздрогнетъ, услышавши родные звуки, въ родѣ слѣдующихъ: «Палагея Иванна, Палагея Иванна, а вѣдь хорошо, право, хорошо...» Небольшой театръ сада устроенъ премило. Живописная декорация изъ живой зелени; занавѣса изъ цвѣтовъ, балконы, окаймленные зеленью и цвѣтами и освѣщенные газовыми лампами, представляютъ картину очень пріятную для глаза. Комическій балетъ плохъ донельзя. Въ одиннадцать часовъ вечера сожигается фейерверкъ, и садъ освѣщается различными бенгальскими огнями. *Pré catelan* убилъ и Мабиль, и Шато де-Флеръ. Зданіе зимняго сада ломаютъ. Перейръ купилъ его для какихъ-то новыхъ и болѣе выгодныхъ спекуляцій.

Къ числу уличныхъ новостей надо причислить и стеклянныя будочки на бульварахъ для продажи газетъ. По бульварамъ, и по угламъ улицъ, выходящимъ на бульвары, поставлены небольшія будочки, со столикомъ и стуломъ, на которомъ дремлетъ продавецъ газетъ. На

одной сторонѣ матовыхъ стеколъ изображены названія журналовъ, на другой устроено окно, въ которое вы получаете номеръ той или другой газеты. Это удобно и красиво; но увы! предвѣщаетъ недоброе. Блаженной памяти *Эпоха* продавалась тоже ливрейными служителями, съ разноцвѣтными вертящимися фонарями, за два мѣсяца до ея кончины. Когда прибѣгаютъ къ фокусамъ, значить, дѣло плохо.

Выставка изящныхъ искусствъ, помѣщавшаяся въ Palais d'Industrie, удивила меня пустотою своихъ обширныхъ залъ. Впрочемъ, это были послѣдніе дни выставки, и весь Парижъ имѣлъ уже время осмотрѣть ее въ подробности. Миновавши разные корридоры и стойла для выставки скота, я очутился на просторномъ дворѣ, съ фонтанами и статуями. Средина двора занята газономъ, на сохраненіе котораго обращено все вниманіе бдительной полиціи. Поднимаюсь на верхъ; на концѣ лѣстницы устроены буфеты, съ прохладительными напитками и пирожками. Масса картинъ очень велика; но порядка на выставкѣ нѣтъ, все дурно размѣщено и дурно расположено. Замѣчательныхъ произведеній мало. Большія картины принадлежатъ или къ батальной живописи, или изображаютъ императора въ разныхъ видахъ и положеніяхъ, на концѣ, пѣшимъ, при приѣмѣ английской королевы и пр. Группы разнообразныхъ лицъ собираются около взятія «Малахова кургана», лучшей картины по движенію, и около другихъ подобнаго содержанія картинъ. Многіе изъ эпизодовъ крымской кампаніи слабы и плохи донельзя; ну да вѣдь это дѣло спекуляціи! Странно было бы смотрѣть на нихъ какъ на искусство. Картины учениковъ Энгра, духовнаго содержанія, замѣчательно хороши. Только эти однѣ картины удержала моя память. Я былъ на выставкѣ только два раза и осмотрѣлъ всѣ залы наскоро. При внимательномъ осмотрѣ можетъ-быть нашлось бы и еще кое-что, о чемъ можно было бы поговорить. Въ нижнихъ залахъ, при выходѣ, продавались нѣкоторыя произведенія мелкой парижской промышленности: картонажи, портмоне и пр. Всѣ эти произведенія отличались и дешевизною, и изяществомъ. Тутъ же помѣщался кафе-ресторанъ.

За день до моего отъѣзда, вѣзжая на rue de la Paix, я былъ остановленъ полицейскимъ комиссаромъ. «Что это значитъ?» — Стойте, императоръ сейчасъ проѣдетъ. Черезъ нѣсколько минутъ промчалась мимо меня золотая коляска. За коляской слѣдовали еще два экипажа, сопровождавшіе императора до лагеря.

Но не пора ли кончить мое письмо? Я разбитъ и утомленъ отъ этой уличной жизни. Прощай, Парижъ! прощай, Франція. Прощайте надолго!

М. КУБЛИЦКІЙ.

1-го сентября
1857 года.

ПИСЬМО ИЗЪ НИЖНЯГО.

... Не запомнимъ мы такой ярмарки, говорятъ самые исконные посѣтители наши, да и не бывало ея. А что же, хорошо торговали? Это дѣло само по себѣ; торговали хорошо, остались довольны и продавцы и покупатели; на 50 коп. съ рубля лучше прошлогодняго торговали и всякій товаръ ушелъ безъ остатку; это само по себѣ, — да хороша была ярмарка, не въ примѣръ всѣмъ годамъ, тѣмъ, что все чинно шло, смирно и спокойно. Ни обидѣ, ни самоуправства, ни прижимокъ; не говоря о томъ, что никого съ насиженаго мѣста, по проискамъ другаго, не сгоняли; въ торговое дѣло никто безъ надобности не путался, да и на поборы посягали только изрѣдка, украдкою и робко; даже казаки не дрались посяжками, полиція никого не толкала взащей, а на мосту, подъ предлогомъ скорой ѣзды, никого не захватывали и не обирали. А все оттого, что доступъ былъ къ начальнику (1) во всякій день и часъ; объявленія печатныя прибиты были, что просителю дверь открыта и въ праздникъ, и въ будень, и во всякое время дня и ночи; вотъ обидчики наши и присмирѣли. Бывало — да Богъ съ ними! бывалого поминать не станемъ, а поблагодаримъ Бога и Царя за то, что есть. Я говорю правду и мнѣ схватать не дадутъ: гдѣ бываетъ съѣздъ въ сотни тысячъ народу, тамъ огласки не минуетъ; купечество разѣхалось отсюда по пяти стамъ городамъ, спросите каждаго на мѣстѣ, схватать не дадутъ.

За то любовно встрѣчало и провожало купечество, на каждомъ шагу того, кому всѣмъ этимъ обязано. Его и сѣдые старички называютъ дѣдушкой, уважаютъ и слушаются во всемъ, какъ внучата. Но приказаній безразсудныхъ и самолюбивыхъ не было; мы ни разу не слышали: «я такъ хочу, я тебѣ законъ», а слышали только слова кротости, голосъ любви и разсудка, доброжелательства и правды; не судилъ дѣлъ нашихъ ничей кривосудъ, а собиралась, гдѣ было нужно, дума, изъ почетнаго купечества, обсуживала дѣло и подписывала рѣшеніе въ одинъ голосъ.

Видя недостатокъ въ пожарныхъ средствахъ ярмарки, и видя, что при такомъ управленіи не растащатъ денегъ во всѣ стороны, а всякая копѣйка пойдетъ въ свое мѣсто и дѣло, купечество постановило: дать 25 т. р. на устройство пожарной части, да по 12 т. р. ежегодно, для поддержки; собрать 5 т. на постройку башни съ часами, и собрало тотчасъ, вмѣсто пяти, шесть тысячъ; положило выстроить на устьѣ желѣзной дороги, которую обѣщаютъ намъ скоро, ярмарочную гостинницу на 400 жильцовъ, со всѣми удобствами, чтобы

(1) Начальникъ губерніи А. Н. Муравьевъ.

избавиться отъ Кунавинскихъ песьихъ конуръ, грязи и мнѣродерства; словомъ, каждому на умъ пошло одно нужное, доброе и разумное, и готовность ко всякой жертвѣ для общаго блага обуяла всѣхъ.

Когда все это кончилось, и людская волна быстро разлилась съ ярмарки во всѣ концы, нескончаемые обозы потянулись по всѣмъ дорогамъ, лодки и расшивы поплыли, пароходы съ подчалками запыхтали, то почетное купечество собралось до отъѣзда у того, кому оно обязано такою ровною и спокойною ярмаркой, и благодарило его такими словами:

«Примите благодарность отъ русскихъ купцовъ.

«Мы видѣли, съ какою заботою вы печетесь объ насъ, какъ входите въ нужды наши, стараясь устранить всѣ неудобства, встрѣчаемая ярмарочною торговлей, вы бесѣдовали съ нами, не какъ начальникъ, посланный управлять нами, а какъ равный намъ гражданинъ, который совѣтуется о нуждахъ русской торговли и промышленности. Бесѣды ваши принесутъ намъ существенную пользу; да пошлетъ вамъ Богъ многія лѣта и добросовѣстныхъ помощниковъ на столь доблестное управленіе губерніей и ярмаркой.

«Государю Императору вы извѣстны, Его не удивитъ наша благодарность, если она до него дойдетъ; вы же сами лучше всѣхъ знаете, что она приносится вамъ не по заказу, а отъ избытка благодарныхъ чувствъ. Но всѣ распоряженія и дѣйствія нижегородскихъ губернаторовъ, во время ярмарки, быстро разлетаются по всей Россіи; вѣсти о томъ, что и какъ было на ярмаркѣ, разносятся по всѣмъ почтовымъ и торговымъ путямъ; поэтому благодарность наша повторится во всѣхъ концахъ Россіи; Русскій народъ порадуется благодѣтельному направленію нашего правительства и отъ глубины души испроситъ благословенія добросовѣстному и благодарному исполнителю его.»

С. К.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ БАТЪОВА И Б°,

въ Армянскомъ переулкѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ПРОПИЛЕИ. Сборникъ статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевымъ. Книга I, изд. 2-е. Москва, 1857. Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Тоже книга II, изд. 2-е. М. 1857 г. Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Тоже кн. IV. М. 1854. Ц. въ Москвѣ и С.-Петербур. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Тоже кн. V. М. 1856 г. Ц. въ Москвѣ и С.-Петербур. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Прим. Книга 3-я «Пропилеевъ» выйдетъ 2-мъ изданіемъ въ непродолжительномъ времени.

РИМСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разказы по Тациту. П. Кудрявцева. М. 1856 г. Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

СУДЬБЫ ИТАЛИ отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1850. Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

ОСАДА ЛЕЙДЕНА въ 1573 и 1574 г. Эпизодъ изъ исторіи войнъ за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1855. Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к. с.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Руде. М. 1857. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ПАПСТВО и СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ въ XIV и XV столѣтіи (до Базельскаго собора). Соч. Генриха Вызинскаго. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

РАЗБОРЪ КОМЕДИИ ГРАФА СОЛЛОГУБА «ЧИНОВНИКЪ». Н. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

БЮГРАФЪ-ОРИЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 50 к., съ перес. 1 р.

СѢВЕРЪ и ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Гг. книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.

JOURNAUX POUR 1858

CHEZ

CH. URBAIN

Libraire-commissionnaire de l'Université Impériale de Moscou,

au pont des Maréchaux, maison du Prince Galitzine.

	Prix pour	
	Moscou	l'intérieur
	R. C.	R. C.
Annales de chimie et de physique, 12 N ^o N ^o	12 »	13 50
Annales (Nouvelles) de la construction	7 »	10 »
Annales (Nouvelles) des voyages, 12 N ^o N ^o	13 »	14 50
Atlas des machines, appareils anciens et nouveaux employés dans les différents genres de l'industrie, par Petit Colin et Chaumon, pour 10 livraisons.	10 »	13 »
Belgique horticole, 12 N ^o N ^o	6 »	7 50
Bibliographie de la France, 52 N ^o N ^o	8 »	9 50
Brodeuse (la), 12 N ^o N ^o	9 »	10 50
Bulletin du bibliophile, 12 N ^o N ^o	5 »	6 50
Cendrillon, 12 N ^o N ^o	3 »	4 50
Conseiller des dames, 12 N ^o N ^o	5 »	6 50
Cosmos, recueil des progrès des sciences	9 »	11 »
Cours familial de littérature, par Lamartine 12 N ^o N ^o	10 »	12 »
Echo des feuilletons, 12 N ^o N ^o	3 50	5 »
Ecole de dessin, 12 N ^o N ^o	8 »	10 »
Encyclopédie d'architecture, 12 N ^o N ^o	10 »	12 »
Flore des serres et des jardins, 12 N ^o N ^o	15 »	18 »
Foyer domestique, 12 N ^o N ^o	5 »	6 50
Garde-meuble, fig. col.	16 »	18 »
Gazette et revue musicale.	10 »	12 »
Gazette médicale de Paris.	17 »	20 »
Génie industriel, 12 N ^o N ^o	8 »	10 »
Iconographie (Nouvelle) des camélias, 12 N ^o N ^o	12 »	13 50
Illustration, journal universel, 52 N ^o N ^o	13 »	16 »
Illustration horticole, 12 N ^o N ^o	8 »	10 »
Ingénieur (l')	7 »	9 »
Journal d'agriculture pratique, 12 N ^o N ^o	5 »	6 50
Journal des chasseurs, 24 N ^o N ^o	15 »	18 »
Journal (Nouveau) des connaissances utiles, 12 N ^o N ^o	4 »	5 50
Journal des dames, 12 N ^o N ^o	6 »	7 50
Journal des dames et des demoiselles, 1-re édition	5 50	7 »
Le même, 2-e édition	4 »	5 50

	Prix pour	
	Moscou	l'intérieur.
	R. C.	R. C.
Journal des demoiselles, 12 №№	3 50	5 »
Journal des économistes, 12 №№	15 »	18 »
Journal des enfants, 12 №№	4 »	5 50
Journal des jeunes personnes, 12 №№	5 »	6 50
Journal pour tous	5 »	7 »
Lumière (la), revue de la photographie, 5 №№	8 »	10 »
Magasin des demoiselles, 12 №№	5 »	6 50
Magasin pittoresque, 12 №№	3 50	5 »
Modes parisiennes, 36 №№	12 »	14 »
Modes vraies, 12 №№	3 »	4 50
Monde illustré	9 »	12 »
Moniteur de la mode, 36 №№	12 »	14 »
Moniteur des demoiselles, 12 №№	5 »	6 50
Musée des familles, 12 №№	3 50	5 »
Nouveau portefeuille de l'ingénieur des chemins de fer par Perdonnet, pour 6 livr.	42 »	48 »
Psyché (la), 12 №№	7 »	9 »
Portefeuille de John Cockerill, 12 №№	12 »	15 »
Publication industrielle, par Armangaud, 10 №№	12 »	15 »
Revue générale de l'architecture, 12 №№	17 50	20 »
Revue britannique, édit. de Paris, 12 №№	20 »	23 »
Revue britannique, Bruxelles, 12 №№	12 »	15 »
Revue contemporaine, 24 №№	20 »	24 »
Revue des deux mondes, 24 №№	20 »	23 »
Revue étrangère avec modes	23 »	23 »
La même, sans modes	19 »	19 »
Revue horticole, 24 №№	4 »	5 50
Revue mensuelle, 12 №№	10 »	13 »
Revue de Paris	17 »	20 »
Revue de thérapeutique médico-chirurgicale	5 »	6 50
Revue universelle des mines, de métallurgie etc., 6 №№	12 »	14 »
Semaine des enfants	3 »	4 50
Technologiste (le), 12 №№	8 »	9 50
Tribune (la) judiciaire	5 »	7 »
Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ	6 »	8 »

